ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АН РТ
КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН

Т Р У Д Ы

IV (XX)
В С Е Р О С С И Й С К О Г О
А Р Х Е О Л О Г И Ч Е С К О Г О
С Ъ Е З Д А

в К а з а н и

Том III

Ответственные редакторы:
А.Г. Ситдиков, директор ИА АН РТ, зав. кафедрой археологии и этнологии К(П)ФУ, д.и.н.;
Н.А. Макаров, директор Института археологии РАН, академик РАН;
А.П. Деревянко, директор Института археологии и этнографии СО РАН, академик РАН.

Казань, 2014

УДК 902/904
ББК 63.4
Т78

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Академии наук Республики Татарстан

Проведение IV (XX) Всероссийского съезда в Казани
и подготовка к печати материалов съезда осуществлены
при финансовой поддержке Кабинета Министров Республики Татарстан
и проекта РГНФ №14-11-16502 г(р) /2014

Редакционная коллегия

Х.М.Абдуллин (редактор-составитель), С.И.Валиулина, П.Г.Гайдуков, А.Н.Гей, А.П.Деревянко (ответственный редактор), Е.Г.Дэвлет, А.Р.Канторович, И.Р.Каримов, Д.С.Коробов, Г.Г.Король, Н.Н.Крадин, Е.В.Кузьминых, Н.А.Макаров (ответственный редактор), А.В.Мастыкова, М.Б.Медникова, А.А.Сайфуллин, А.Г.Ситдиков (ответственный редактор), Н.М.Чаиркина, М.В.Шуньков, А.В. Энговатова

Т78 **Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани.**
Том II Казань: Отечество, 2014. – 702 с.: илл., вклейка.

ISBN 978-5-9222-0903-8

В III том собрания трудов IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани, который проходил в октябре 2014 г., включены доклады, прозвучавшие на заседаниях секций №№ 9-12, 18, 21, отражающих историю России периода средневековья и нового времени.

Для археологов, историков, специалистов по смежным дисциплинам.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-9222-0903-8

© Обособленное структурное подразделение
ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан»
Институт археологии АН РТ, 2014

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии РАН, 2014

© Авторы докладов, 2014

© «Отечество», 2014

Организаторы IV (XX) Всероссийского археологического съезда
(Казань, 20-25 октября 2014 г.)

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АН РТ
КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

Оргкомитет IV (XX) Всероссийского археологического съезда

Сопредседатели Оргкомитета -
академик А.П. Деревянко, академик РАН Н.А. Макаров, д.и.н. А.Г. Ситдиков.

Секретариат Оргкомитета - к.и.н. Х.М. Абдуллин, В.А. Харитонович

Члены Оргкомитета - академик В.И.Молодин, чл.-корр. РАН Х.А.Амирханов, чл.-корр. РАН П.Г.Гайдуков, чл.-корр. РАН Г.А.Кошеленко, чл.-корр. РАН Н.Н.Крадин, чл.-корр. РАН Р.М.Мунчаев, чл.-корр. РАН Е.Н.Носов, чл.-корр. РАН М.Б.Пиотровский, чл.-корр. РАН В.В.Седов, чл.-корр. РАН Е.Н. Черных, чл.-корр. АН Татарстана Ф.Ш.Хузин, д.и.н. Л.А. Беляев, д.и.н. М.С.Гаджиев, д.и.н. Н.И.Дроздов, д.и.н. Е.Г.Дэвлет, д.и.н. М.А.Дэвлет, д.и.н. Ю.Ф.Кирюшин, д.и.н. С.И.Кочкуркина, д.и.н. Д.Г.Савинов, д.и.н. А.А.Тишкин, д.и.н. М.В.Шуньков, к.и.н. О.И.Богуславский, к.и.н. С.И.Валиулина, к.и.н. А.Р.Канторович, к.и.н. Н.В.Лопатин, к.и.н. И.К.Решетова, к.и.н. Н.М.Чаиркина, к.и.н. А.В.Энговатова.

СТРУКТУРА ИЗДАНИЯ «ТРУДОВ IV(XX) ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА»

Том I

Пленарные доклады

Секционные доклады

1. Развитие культурных процессов в палеолите Северной Евразии
2. Культурные процессы в раннем голоцене - мезолит, неолит, энеолит
3. Энеолит – эпоха средней бронзы
4. Финал эпохи средней бронзы, поздний бронзовый век и переход к раннему железному веку

Том II

Секционные доклады

5. Археология античного мира
6. Культурные общности скифской и сарматской эпох в степях Евразии и на сопредельных территориях
8. Ранний железный век в лесной зоне Евразии и на Дальнем Востоке
7. Этнокультурные процессы в Евразии в I тыс. н.э.

Том III

Секционные доклады

10. Средневековая археология Восточной Европы
11. Археологическое изучение средневекового города
12. Археологическое изучение Золотой Орды
21. Особенности урбанизационных процессов в степных империях Евразии
9. Средневековая археология Сибири и Дальнего Востока
18. Археология Северо-Восточной Евразии в исторический период XVI-XVIII вв.

Том IV

Секционные доклады

13. Первобытное искусство: проблемы и перспективы исследований
14. Мультидисциплинарные подходы в изучении древних и средневековых технологий и производств
20. Антропологические данные как исторический источник по реконструкции жизнедеятельности
17. Компьютерные технологии и современные методы полевых исследований в археологии
19. Естественнонаучные исследования и палеогеографические реконструкции в археологии
16. История археологических исследований: люди, памятники, идеи
15. Археологическое наследие: сохранение, менеджмент, музеефикация, реставрация и проблемы общественного признания

СЕКЦИЯ 10

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ГОЦАТЛИНСКОГО 3-ГО (ОРТОКОЛИНСКОГО) СРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

© 2014 г. А.К. Абиев

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала (abiev-ak@yandex.ru)

Ключевые слова: Дагестан, средневековье, Гоцатлинский 3-й (Ортоколинский) могильник, керамика.

Резюме. В докладе представлены типология и характеристика керамической посуды из Гоцатлинского 3-го средневекового могильника X–XII вв.

Гоцатлинский 3-й (Ортоколинский) могильник находится в урочище Ортоколо, в 3 км к югу от с. Большой Гоцатль Республики Дагестан, на левом берегу р. Аварское Койсу. Памятник расположен на восточном склоне горы, занимает положение между двумя скальными выступами и спускается до высокой горизонтальной террасы, на которой расположено Гоцатлинское 1-е (Ортоколинское) поселение. Погребения были перекрыты мощным слоем делювиальных отложений, толщиной 2-2,5 м.

Гоцатлинский 3-й (Ортоколинский) могильник был открыт в ходе археологических разведок в 1956 г. (Пикуль, 1956. С. 102–109). В 2010 г. в связи с началом строительства Гоцатлинской ГЭС в этой зоне были произведены археологические разведки, в результате которых обнаружены и исследованы два погребения в обрезе осыпающегося склона (Даудов, 2010. С. 1–14).

В 2012-2013 гг. на 3-м Гоцатлинском (Ортоколинском) могильнике были произведены охранно-спасательные работы экспедицией ИА РАН под руководством В.Ю. Малашева. В ходе работ на могильнике было исследовано 61 погребение в каменных гробницах, содержавших многоразовые захоронения (до 12 погребенных в одном погребении) (Малашев, 2013. С. 1–75).

Гробницы были сооружены на дне грунтовых прямоугольных ям. Стены их сложены из частично отесанных камней, сверху гробницы перекрыты крупными каменными плитами. Особенностью погребального обряда является то, что данные сооружения были предназначены для многократного использования: в заполнении ям над гробницами, в основном на перекрытиях, и редко внутри них, находились кости человеческих скелетов, относящиеся к более ранним захоронениям, а также отдельные предметы погребального инвентаря. Костные останки на перекрытиях гробниц лежали аккуратно сложенными кучками, рядом с ними в некоторых случаях находились керамические сосуды. Исключение

составляли детские захоронения, изначально предполагающие однократное использование гробницы (Абиев, Фризен, 2014, С. 302–306).

Погребальный инвентарь Гоцатлинского 3-го (Ортоколинского) могильника разнообразен и включает бытовую утварь, украшения, орудия труда и вооружения, предметы туалета, сердоликовая гемма.

Керамические сосуды находились как на перекрытиях, так и внутри них, где обычно располагались у стенок гробниц, рядом с изголовьем погребенного. В некоторых погребениях находилось до 4 сосудов. Всего в 31 из 61 погребений, обнаружено 58 керамических сосудов, среди которых 36 целых, 22 фрагментированных, а также 1 деревянная кружка.

Все керамические сосуды из погребений Гоцатлинского 3-го могильника сделаны на гончарном круге, кроме одного лепного сероглиняного кувшина, и различаются по цвету и качеству глины, форме и орнаменту. Выделяется группа высококачественных сосудов, различных по форме и технике изготовления.

Преобладает керамика хорошего обжига, тщательно заглаженная по внешней поверхности, со следами лощения. Её можно разделить на оранжевоглиняные сосуды, сосуды светло-коричневого и охристо-бежевого цветов, с хорошо отмученным тестом.

Керамический комплекс могильника составляют, главным образом, небольшие кувшины, кружки, по 1 экз. представлены миска, горшочек и кубышка.

К кувшинам относятся 31 сосуд. Это одноручные коричневоглиняные и оранжевоглиняные кувшинчики, высотой от 10 см до 22,7 см.

По форме и орнаментации среди них выделяется группа из 18 однотипных коричнево- и оранжевоглиняных кувшинчиков (13 и 5 экз. соответственно), высотой от 10 до 21 см (рис. 1, *1-4*). Изготовлены они из хорошо отмученной глины, имеют шаровидное или грушевидное тулово, невысокое широкое горло и прямой невыделенный венчик. Наружная поверхность тщательно заглажена, со следами лощения в нижней части тулова, в нескольких случаях покрыта красным ангобом. Ручки данных кувшинов овальной или прямоугольной в сечении формы, верхним прилепом крепятся к венчику или к середине горла, нижним – к плечикам, иногда ручки несколько возвышаются над венчиком (7 экз.). Орнаментация выдержана в едином стиле: вертикальное полосчатое лощение от верхнего края венчика до середины тулова с проходящими по горловине и тулову сосуда горизонтально прочерченными желобками и волнистой линией между ними.

4 кувшина отличаются по форме и орнаментировке между собой и от остальных сосудов. Один из них это небольшой коричневоглиняный кувшинчик высотой 10 см, без примесей в глине, с отслоившейся внешней поверхностью, с плоским широким дном, цилиндрическим туловом и широкой горловиной (погр. 30). Другой сосуд – коричневоглиняный кувшинчик высотой 10 см с заглаженной поверхностью, с широким донцем и округлым туловом, широкой горловиной и слегка отогнутым наружу краем венчика, с орнаментом в виде горизонтальных желобков по горловине (погр. 41). Еще один коричневоглиняный кувшинчик – во фрагментированном состоянии (венчик и нижняя часть отбиты в древности), с примесью шамота тесте, заглаженной внешней поверхностью, со следами лощения и орнаментацией по горловине врезной волнистой линией и оттисками штампа по тулову (погр. №50).

Среди всех кувшинов выделяется по технике изготовления лепной сероглиняный кувшин (погр. № 22) высотой 22,7 см, плохого обжига с добавками дресвы и мела в тесте, с грубо заглаженной наружной поверхностью грязно-охристого цвета. Он имеет широкое плоское дно, грушевидное тулово, невысокое узкое горло со слабо выраженным сливом. Ручка уплощенной в сечении формы соединяет горловину и тулово сосуда. Орнаментирован кувшин оттисками зубчатого штампа, волнистыми врезными линиями, налепным глазком у края венчика и изображением сделанного зубчатым штампом креста на ручке (рис. 1, *5*).

К группе высококачественных кувшинов, выделяющихся по формам и качеству выделки, относятся 6 экз.

Два из них это тонкостенные кувшинчики, сделанные из тонко отмученной глины без примесей, с тщательно заглаженной и лощеной внешней поверхностью. Один из них

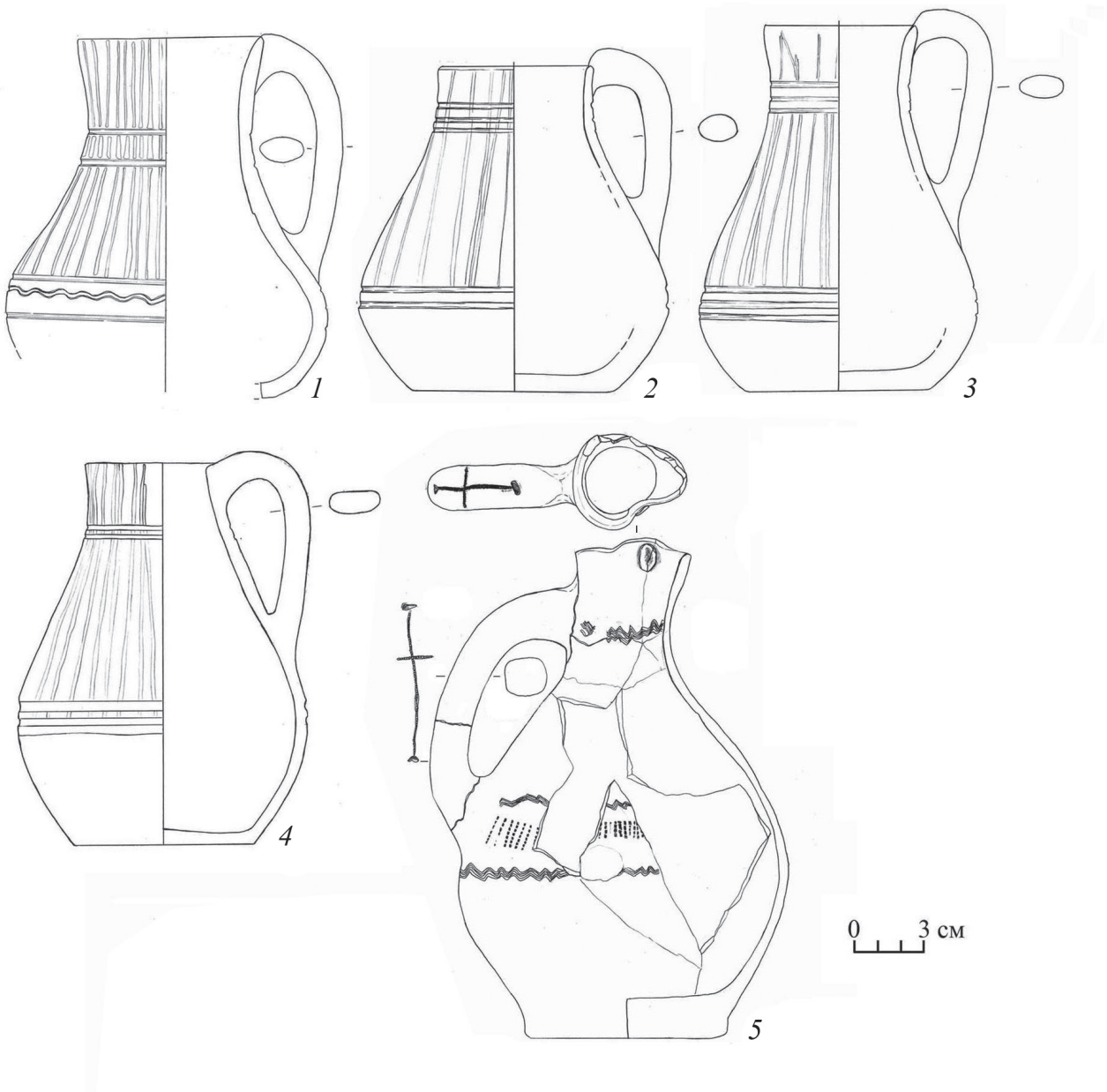


Рис. 1. Гоцатлинский 3-й (Ортоколинский) могильник. Неполивные кувшины.
1-4 – погр. 39; *5* – погр. 22.

(погр. 24) имеет яйцевидной формы тулово, чуть выступающее плоское донце, прямой венчик и тонкую, приподнятую над венчиком, овальную в сечении ручку и вертикальное лощение (рис. 2, *1*). У другого кувшинчика (погр. 10), тулово имеет овально-сферическое форму, широкое горло и высокую вертикальную ручку, возвышающуюся над устьем. Декор нанесен черной краской, образующей на плечиках простой рисунок из кругов и z-образных знаков (рис. 2, *2*),

Два однотипных оранжевоглиняных кувшинчика (рис. 2, *3–4*), схожих по форме, размерам и орнаментации, с тщательно заглаженной и лощеной внешней поверхностью. Кувшины орнаментированы врезными горизонтальными линями у основания горловины, широким желобком по тулову, а в одном случае валиком по тулову. Обращает внимание, что оба эти кувшина, обнаружены на перекрытиях гробниц (погр. 17, 20), имели отбитые в древности горлышки и ручки, сколы которых были тщательно заглажены.

Еще два высококачественных кувшинчика (рис. 2, *5–6*), отличных по форме имеют широкое овальное тулово, широкое дно, оваль-

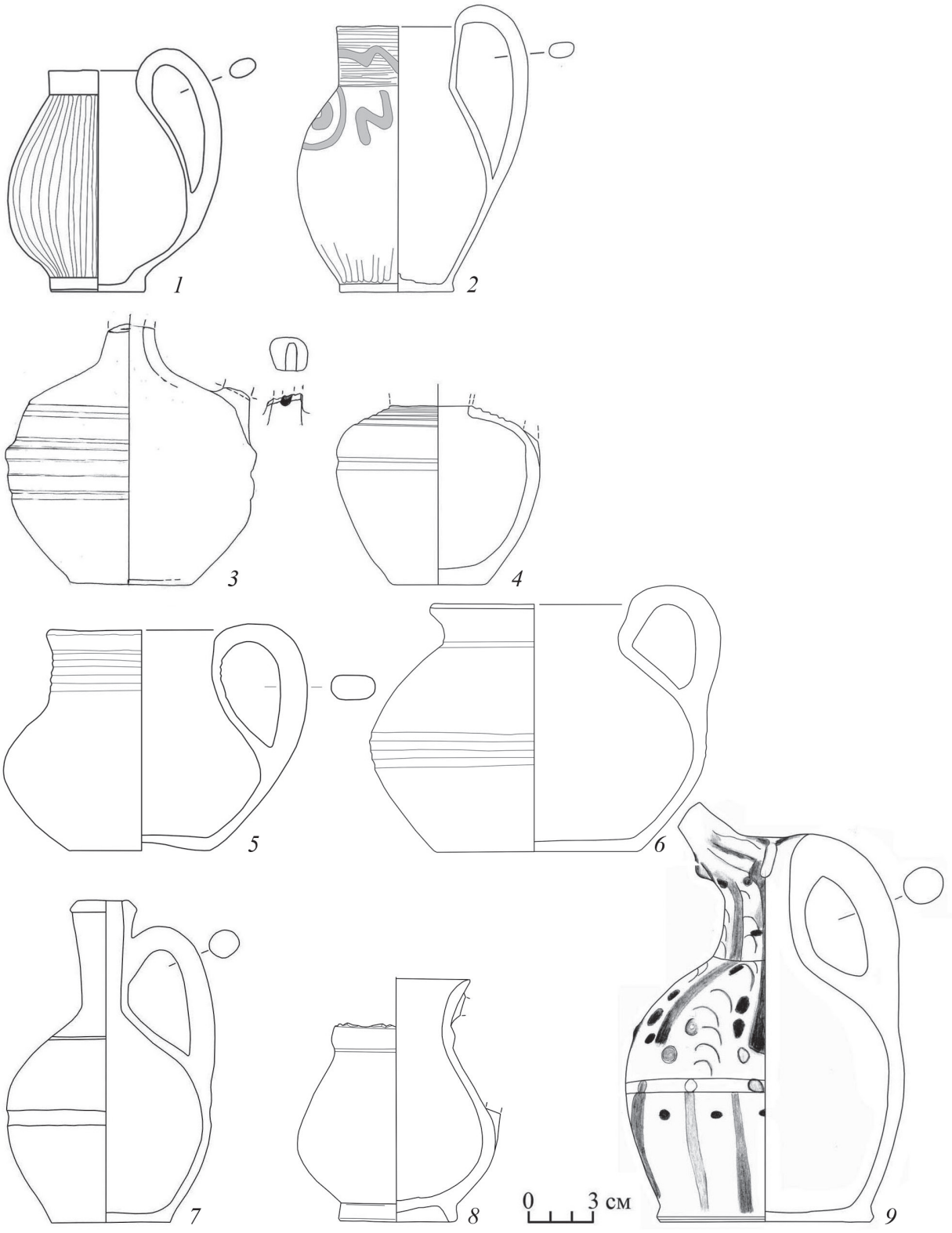


Рис. 2. Гоцатлинский 3-й (Ортоколинский) могильник. Высококачественные и глазурованные кувшины. *1* – погр. 24; *2* – погр. 10; *3* – погр. 17; *4* – погр. 20; *5* – погр. 22; *6* – погр. 41; *7* – погр. 15; *8* – погр. 21; *9* – погр. 17.

ную в сечении, чуть приподнятую над венчиком ручку. В одном случае невысокий резко отогнутый наружу венчик и гравировку врезными горизонтальными желобками по тулову (погр. 22), в другом (погр. 41) – сравнительно высокую горловину врезными горизонтальными желобками и отогнутый наружу край венчика.

Отдельную группу составляют 3 экз. поливных кувшинов (рис. 2, *7–9*).

Один оранжевоглиняный кувшинчик, обнаруженный внутри гробницы (погр. 15), имеет заглаженную лощенную внешнюю поверхность, покрытую остатками зеленой поливы на белом ангобе, вытянутое яйцевидное тулово, высокую узкую горловину, соединенную с туловом овальной в сечении ручкой и скошенный наружу венчик (рис. 2, *7*)

Другой оранжевоглиняный кувшинчик (погр. 21), дошедший до нас с отбитой ручкой и краем венчика, имеет округлое вытянутое тулово на невысоком поддоне и сравнительно высокий и широкий, отогнутый наружу венчик. Наружная поверхность заглажена и покрыта белым ангобом с остатками зеленой поливы на нем. По верхней части тулова проходят два врезных желобка с валиком между ними (рис. 2, *8*).

Выделяется высококачественный оранжевоглиняный кувшинчик из погр. 17 (рис. 2, *9*). Он имеет широкое плоское дно, сферическое тулово, узкое высокое горло со сливом и массивную вертикальную ручку. Наружная поверхность тулова и горла покрыта белым ангобом; декор нанесен темно-зеленой и черной краской. Кувшин декорирован также врезным орнаментом, 5 коническими налепами на тулове, коническим налепом на сливе снизу, двумя налепами-«ушками» по бокам слива.

Кружки из Гоцатлинского 3-го могильника представлены 3 экз. и обнаружены на плитах перекрытий гробниц (погр. 9, 14, 22). Они имеют высоту 9-11 см, различны по форме и орнаментации. У кружек широкие донца, цилиндрическое, овальное или сферическое тулово, отогнутый наружу венчик, в двух случаях прямоугольную, а в одном – овальную в сечении ручку, соединяющую край венчика с туловом. Внешняя поверхность кружек тщательно заглажена, со следами лощения и декором в виде врезных горизонтальных линий по тулову или пояска из наклонно расположенных рядов оттисков зубчатого штампа.

Единичными экземплярами представлены коричневоглиняные миска (погр. 30), горшочек (погр. 55) и оранжевоглиняная кубышка (погр. 33). Все они грубоватой выделки, имеют неровные края венчиков, бугристую заглаженную поверхностью; в тесте – добавки мела и дресвы. Орнаментация выполнена в виде небрежных врезных горизонтальных линий, оттисков штампа или волнистой линией по тулову.

Анализ погребального инвентаря в целом и керамического комплекса в отдельности, позволяет предварительно могильник X–XII вв. Полученные в результате исследования археологические материалы из раскопок 3-го Гоцатлинского (Ортоколинского) могильника на сегодняшний день можно считать опорными в изучении средневековой истории Горного Дагестана, давшими наибольшее количество погребальных комплексов этого времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абиев А.К., Фризен С.Ю. Исследования на Гоцатлинском 3-м (Ортоколинском) могильнике в горном Дагестане в 2012-2013 гг. // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Москва, 21-25 апреля 2014 г. М.: ИА РАН, 2014.

Давудов Ш.О. Отчет об археологических разведках в зоне строительства Гоцатлинской ГЭС на реке Аварское Койсу в Гунибском, Гергебильском и Хунзахском районах Республики Дагестан в 2010 г. // Архив ИА РАН. 2010. Р-1. б/н.

Пикуль М.И. Результаты археологических исследований 2-го горного отряда ДАЭ // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. 1956. Ф.3. Оп.3. Д. 11.

Малашев В.Ю. Отчет об охранно-спасательных исследованиях на Гоцатлинском 3-м (Ортоколинском) могильников Хунзахском районе Республики Дагестан в 2012-2013 гг. // Архив ИА РАН. 2013. Р-1. б.

КЛАД ТОРГОВОГО ИНВЕНТАРЯ ИЗ ГНЕЗДОВА

© 2014 г. С.А. Авдусина

Государственный Исторический музей, Москва
(*avdusina@mail.ru*)

***Ключевые слова**:* средневековая археология, клады, торговый инвентарь, поселение.

Резюме. В докладе идет речь о кладе торгового инвентаря, который был найден летом 2013 года на территории пойменной части Гнездовского поселения. В состав клада входили чашечки весов в футляре, набор весовых гирек, железное кресало и кольцо, а также набор железных амулетов. Клад был найден в яме, относящейся к финальному слою на данном участке. Клад можно датировать второй половиной X–XI века. С уверенностью можно говорить о принадлежности клада выходцу из Скандинавии.

Летом 2013 года в процессе проведения археологических работ на территории пойменной части Гнездовского поселения был обнаружен небольшой клад торгового инвентаря[1]. Клад был найден в слое, относящемся к финальному этапу жизни на данном участке (Мурашева, Фетисов, 2007, С. 47), который датирован Я.В. Френкелем второй половиной X–началом XI в. (Френкель, 2007, С. 106) и лежал в небольшой яме, которая плохо читалась в культурных напластованиях. В самом верху был найден медный, плохо сохранившийся футляр для весов, окруженный железной цепью, состоящей из четырех двойных звеньев (рис. 1, *1-2*). Сбоку от цепи, вплотную к ней располагалось калачевидное кресало и круглое большое железное кольцо. Непосредственно под футляром лежало 5 гирек бочонковидной формы, железных в медной оплетке. Рядом с гирьками располагалась медная шестигранная гайка и железный предмет в виде петли с прикрепленной к ней заклепывающейся частью (см. *рисунок*, *3*), а также фрагмент железного крюка. Непосредственно под этими предметами лежали набор железных амулетов состоящий из одного кресаловидного амулета, двух железных колец и молоточка Тора, нанизанных на кольцо (см. *рисунок, 4*), и еще две небольшие бочонковидные гирьки. Под предметами читался тонкий слой истлевшего дерева, который предположительно является остатками емкости в которой содержался клад.

Футляр для весов представляет собой откованную из тонкого листа полукруглую коробочку с плоской крышкой. Диаметр футляра около 9 см. Крышка футляра весов, украшена по окружности циркульным орнаментом, в центральной части нанесено 5 кружочков, выстроенных в форме креста, сохранились также петля, которой соединялись крышка футляра и нижняя его часть, и застежка. К сожалению, нижняя часть футляра и чашечки весов, лежащие в нем частично рассыпались. Нижняя часть футляра весов, также украшена по окружности циркульным орнаментом. Подобные футляры для весов известны на территории Древней Руси и Скандинавии. Очень похожий по оформлению экземпляр, сохранившийся фрагментарно, встречен в одном из Гнездовских курганов (Пушкина, 1991. С. 230. Рис. 2, 6).

Набор гирек состоял из 8 бочонковидных железных гирек, покрытых медной оплеткой. Вес гирек до реставрации от самой большой к самой маленькой – 145 гр, 56 гр, 32 гр, 40 гр, 13 гр, 13 гр, 8 гр, 6 гр. Самая большая гирька орнаментирована циркульным орнаментом. Кратность ни на одной из гирек не читается (см. *рисунок, 5*).

Как уже было сказано, сверху клада, сбоку от цепи боком было найдено – калачевидное кресало. Вместе с набором железных амулетов оно могло охранять спрятанные сокрови-

1 Автор раскопок В.В. Мурашева.

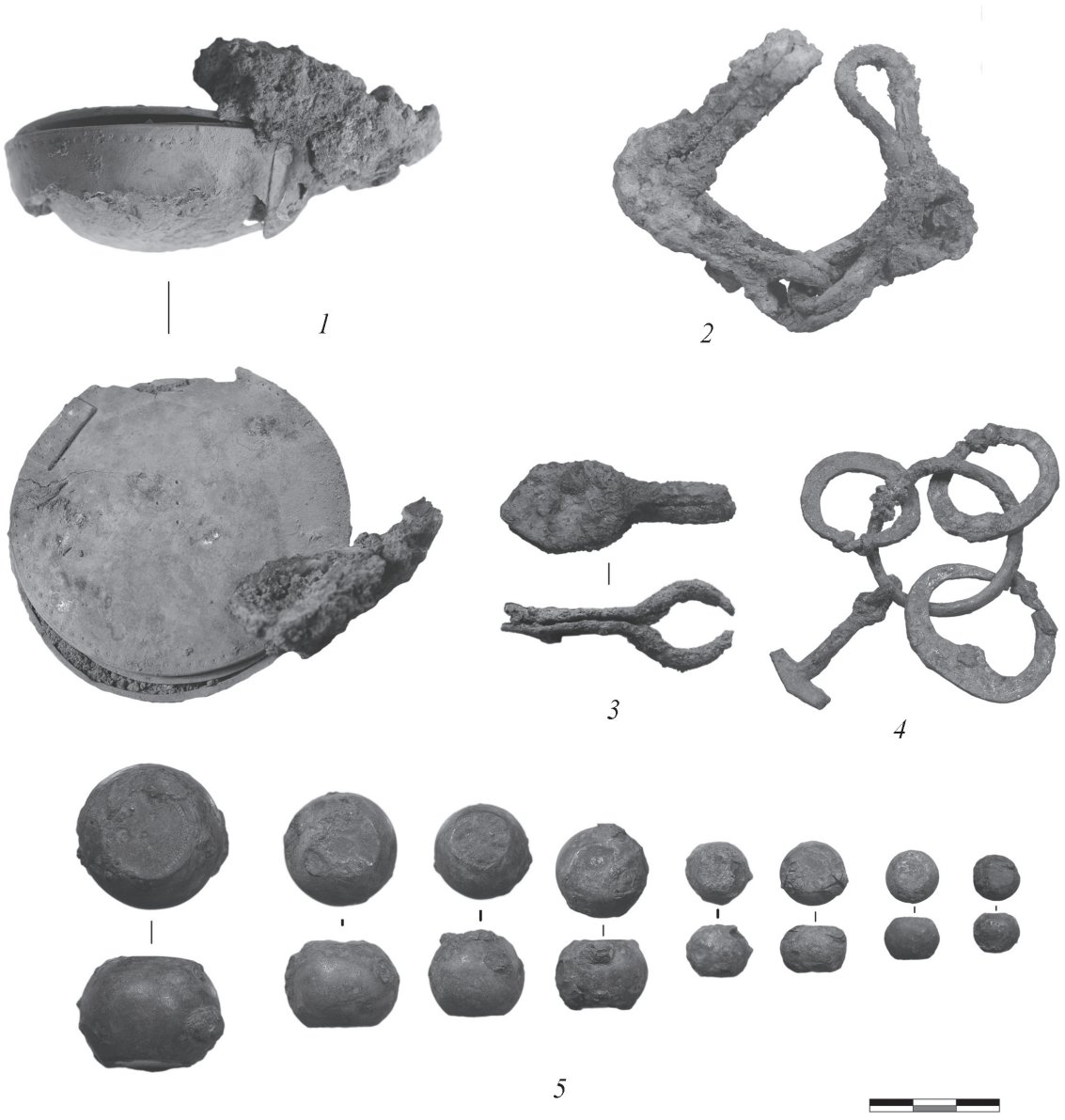


Рис. 1. Клад торгового инвентаря из Гнездова. *1* – футляр от весов; *2* – цепь; *3* – петля; *4* – набор амулетов; *5* – гирьки; *1* – медный сплав; *2–4* – железо; *5* – железо, медный сплав.

ща. (Новикова, 1991. С. 182–183). Железные кольца в наборе амулетов и большое железное кольцо, найденное сверху клада, также, видимо, выполняли охранную функцию и являлись своеобразным заменителем кресал.

Набор предметов, представленный в кладе уникален. Случаи нахождения весов и набора гирек в кладе, а не захоронении, вообще являются единичными на территории Древней Руси. Очевидно, сокровище принадлежало выходцу из Скандинавии, поскольку в составе клада присутствуют молоточек Тора, калачевидное кресало и кресаловидные привески. Датировать клад точнее чем, второй половиной X – началом XI века не представляется возможным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Новикова Г.Л. Скандинавские амулеты из Гнездова // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города) / Рд. Д.А. Авдусина. М., 1991. С. 175–199.

Мурашева В.В., Фетисов А.А., Ениосова Н.В. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника / Отв. ред. В.В. Мурашева. СПб., 2007. С. 31–77.

Пушкина Т.А. Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города) / Ред. Д.А. Авдусина. М., 1991. С. 225–243.

Френкель. Я.В. Опыт датирования пойменной части Гнездовского поселения на основании анализа коллекции стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999-2003 гг.) // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника / Отв. ред. В.В. Мурашева. СПб., 2007. С. 78–117.

ЭЛЕМЕНТЫ ПОЯСНОЙ ГАРНИТУРЫ КАК ПРЕДМЕТ БУЛГАРСКОГО ИМПОРТА В МАТЕРИАЛАХ ПАМЯТНИКОВ ВЯТСКО-ВЕТЛУЖСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В IX–XI ВВ.

© 2014 г. А.В. Акилбаев

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, Йошкар-Ола (akilbaev.alexandr@yandex.ru)

***Ключевые слова*:** древнемарийская культура IX–XI вв., Волжская Булгария, Волжский торговый путь, поясная гарнитура.

Резюме. В данной статье автор ставит цель рассмотреть предметы поясной гарнитуры из древнемарийских могильников IX–XI вв. в контексте торговли булгар на Волге. В рамках цели решаются две задачи: привести аналогии элементам древнемарийских поясов, а также выявить центры производства накладок, хвостовиков и пряжек и проследить пути их проникновения на территорию Вятско-Ветлужского междуречья. Новизна исследования обусловлена привлечением новых, ранее не опубликованных материалов.

Территория расселения древних марийцев исследователями однозначно трактуется, как рынок сбыта товаров булгарских купцов, объясняя это близким расположением и удобным речным путем по Волге (Смирнов, 1952; Халиков, 1962; Казаков, 1992; Никитина, 2002). Древнемарийское население имело широкие контакты с Волжской Булгарией, о чем свидетельствуют многочисленные вещи, связанные с булгарской торговлей, наличие в Марийском Поволжье двух поселений, трактуемых в качестве булгарских (у деревень Отары и Мари-Луговая) (Халиков, 1962. С. 182–183).

Среди категорий предметов булгарского ввоза особое место занимают предметы поясной гарнитуры, представленные разнообразными накладками, пряжками и хвостовиками. Наборные пояса в Вятско-Ветлужском междуречье появляются уже в IX в., а к концу XI в. наблюдается их исчезновение. Эта территория сконцентрировала в себе большое количество разнообразных типов наборных поясов со всей территории Восточной Европы.

Аналогии накладкам и хвостовикам из древнемарийских могильников можно разделить на три группы.

1. В ранних могильниках Волжской Булгарии (Танкеевском и Большетиганском): сердцевидные накладки без орнамента (рис. 1), с выемкой (см. *рисунок, 2, 3, 4, 33*), с тремя лепестками (см. *рисунок, 5*), округлые с острым концом (*см. рисунок, 6*), прямоугольные без орнамента (см. *рисунок, 7*), арочные с отверстием в основании (см. *рисунок, 8, 9*) (Казаков, 1992. Рис. 20, 60), хвостовик, изготов-

ленный из пластины и крепящийся к ремню с помощью заклепок (*см. рисунок, 10*).

Эти предметы поясной гарнитуры свидетельствуют о зарождении торговли булгар с древнемарийским населением в период с IX – нач. X в.

2. В материалах средневековых селищ (I Измерское, I Семеновское) и Болгара: сердцевидные накладки без орнамента (см. *рисунок, 1*), двускатные (см. *рисунок, 31*), с выемкой (см. *рисунок, 3*), с ободком выпуклостей (см. *рисунок, 11*), сердцевидные, прямоугольные и пятиугольные с растительным орнаментом (см. *рисунок, 12, 13, 14*), орнаментированные по краям полушариями (см. *рисунок, 15*), пятиугольные с орнаментом (см. *рисунок, 16, 17*), в виде головы животного (см. *рисунок, 18, 19*), круглые (см. *рисунок, 20*), прямоугольные с кольцом (см. *рисунок, 21*), с прямоугольной основой и двумя выпуклостями в виде цветков лилии (см. *рисунок, 22*), прямоугольные с полукруглым выступом и выемкой на противоположных сторонах (см. *рисунок, 23*), в виде полумесяца с полушарными выступами по краям (см. *рисунок, 24*), хвостовики, основу орнаментальной композиции которых составляет цепочка ромбов, расположенных по центру (см. *рисунок, 25*), хвостовики с выпуклостями по бокам (см. *рисунок, 32*) (Казаков, 1991. Рис. 44; Мурашева, 2000. Рис. 28, 2А).

Данные пояса и их элементы говорят о продолжении булгарской торговли в кон. X – XI в. В данном случае интересно мнение Е.П. Казакова о производстве некоторых накладок в самой Волжской Булгарии, на территории упомянутых селищ (Казаков Е.П., 1991. С. 137). Приведенные аналогии могут подтвердить данную точку зрения.

В ряде комплексов древнемарийских могильников найдены квадратные накладки с отверстием в основании и растительным орнаментом (рис. 30). Аналогии им есть в материалах Тимеревского могильника (Ярославское Поволжье, 1963. С. 67), в Минино II (Археология севернорусской деревни, 2008. Рис. 81). Однако, оформленные таким же образом, но сердцевидные накладки, имеются в I Семеновском селище (Казаков, 1991. Рис. 44, *44*).

3. На территориях, не входящих в Волжскую Болгарию.

В материалах Южного Урала - сердцевидные с ободком выпуклостей (см. *рисунок, 11*), орнаментированные 3-лепестковым цветком (см. *рисунок, 13*), орнаментированные по краям полушариями (см. *рисунок, 15*), круглые (см. *рисунок, 20*) (Мажитов, 1981. Рис. 55, *4;* 55, *10*; 58, *31;* 63, *12*), квадратные накладки с отверстием в основании (см. *рисунок, 7*), накладки арочной формы без орнамента и с прорезью (Степи Евразии, 1981. Рис. 55, *11*) (см. *рисунок, 9*).

В материалах Венгрии - сердцевидные накладки с каплевидными выступами (см. *рисунок, 26*), круглые (см. *рисунок, 20*) (Мурашева, 2000. С. 28, 33), округлые накладки с острым концом (The ancient Hungarians, 1996. PP. 185, 375) (см. *рисунок, 6*).

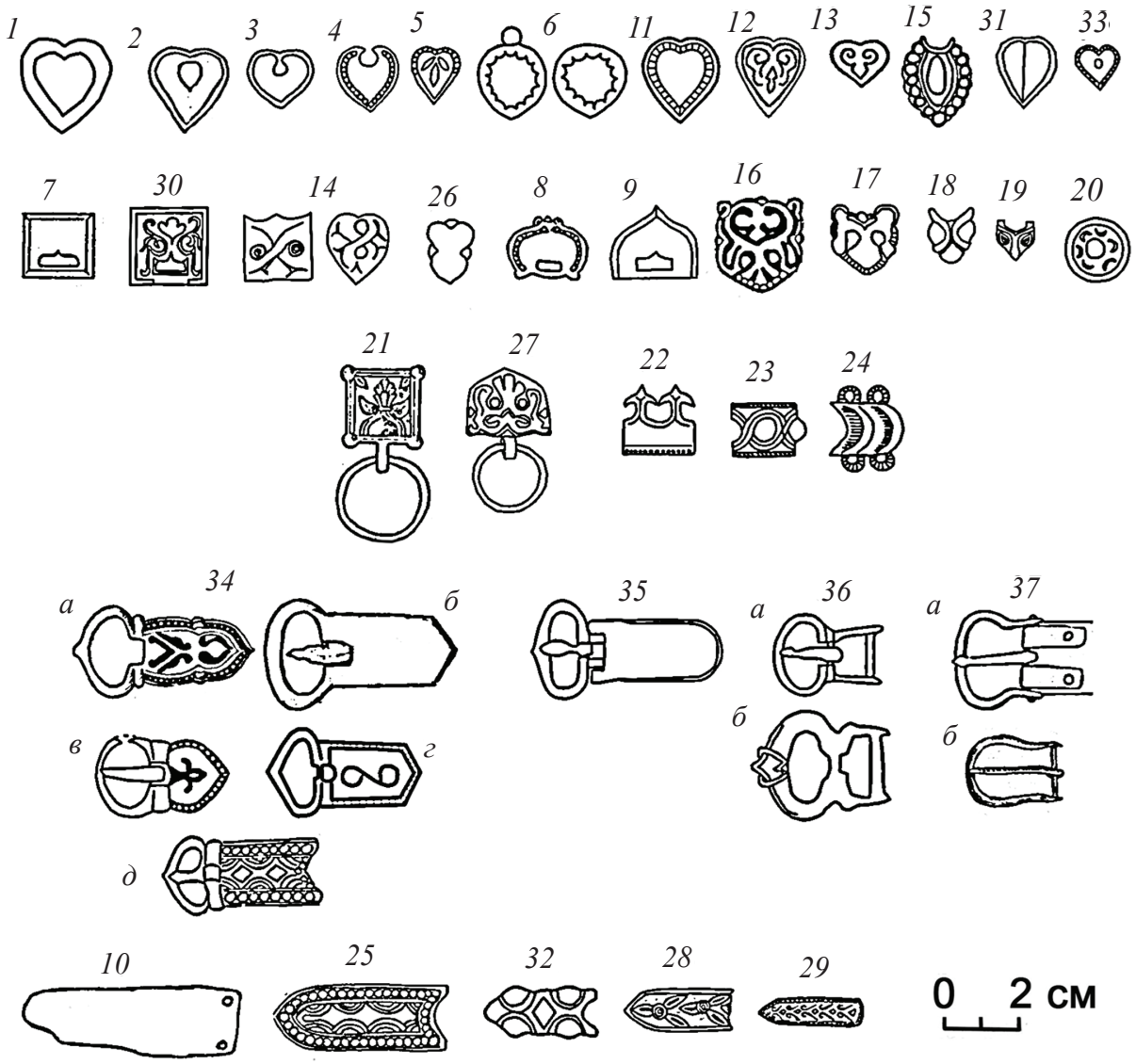
В материалах мордвы (Елизавет-Михайловский могильник) - пятиугольные накладки с петлей для подвешивания кольца (см. *рисунок, 27*), однако, аналогия не прямая, в мордовских древностях кольцо отсутствует (Алихова, 1969. Рис. 28, *11*).

В Новоникольском (огузско-печенежская орда) - хвостовик, имеющий прямо срезанный верхний край, нижний округлый, орнамент - остроовальные фигуры, расположенные в виде трилистников (см. *рисунок, 28*) (Мурашева, 2000. С. 59).

На Барсовом Городке в Сибири - хвостовики (см. *рисунок, 29*) (Мурашева, 2000. С. 60).

Рассмотренные вещи, вероятно, частично связаны с транзитной торговлей булгар, а частично с булгарской торговлей на обозначенных территориях.

Аналогии пряжкам из древнемарийских могильников (см. *рисунок, 34 а-д, 35, 36а*) есть в материалах Волжской Булгарии (Генинг, Халиков, 1964. Рис. 21, *15*; Казаков, 1992. Рис. 36, 59), на Верхней Каме (Белавин, Крыласова, 2008. Рис. 197; Голдина, 1985. Табл. VIII), на Чепце (Иванов, 1998. Рис. 19, *24*), в мордовских древностях (Альбом древностей, 1941. С. 8). Их следует считать либо булгарским импортом, либо местными изделиями по салтовским и булгарским образцам. Исключение составляют проволочные пряжки (см. *рисунок, 37*), которые в силу простоты изготовления могли изготавливаться на месте, а также лировидные пряжки (см. *рисунок, 36б*), широко представленные на



Прорисовки выполнены А.Х. Халиковым, Г.А. Архиповым, Т.Б. Никитиной

Рис. 1. *1* – п. 26 могильника «Нижняя Стрелка»; *2* – п. 11 Веселовского могильника; *3* – п. 16 могильника «Нижняя Стрелка»; *4* – п. 2 Дубовского могильника; *5* – п. 11 могильника «Черемисского кладбища»; *6* – п. 6 могильника «Нижняя Стрелка»; *7* – п. 11 Веселовского могильника; *8* – п. 2 Дубовского могильника; *9* – п. 5 Веселовского могильника; *10* – п. 3 Веселовского могильника; *11* – п. 10 могильника «Нижняя Стрелка»; *12* – п. 2 Юмского могильника; *13* – п. 14 Веселовского могильника; *14* – п. 19 Веселовского могильника; *15* – п. 19 Веселовского могильника; *16* – п. 29 могильника «Нижняя Стрелка»; *17* – п. 8 Дубовского могильника; *18* – п. 6 Дубовского могильника; *19* – п. 16 могильника «Нижняя Стрелка»; *20* – п. 16 могильника «Нижняя Стрелка»; *21* – материалы раскопок 1929 г. Веселовского могильника; *22* – п. 2 Веселовского могильника; *23* – жертвенный комплекс 7 могильника «Нижняя Стрелка»; *24* – жертвенный комплекс 6 могильника «Нижняя Стрелка»; *25* – п. 73 Дубовского могильника; *26* – п. 18 могильника «Нижняя Стрелка»; *27* – п. 58 Дубовского могильника; *28* – подъемный материал могильника; *29* – жертвенный комплекс 12 могильника «Нижняя Стрелка»; *30* – п. 13 Веселовского могильника; *31* – п. 66 Дубовского могильника; *32* – п. 31 могильника «Нижняя Стрелка»; *33* – п. 5 Юмского могильника; *34а* – п. 2 Юмского могильника; *34б* – п. 6 могильника «Нижняя Стрелка»; *34в* – п. 29 могильника «Нижняя Стрелка»; *34г* – п. 45 Дубовского могильника; *34д* – п. 73 Дубовского могильника; *35* – п. 4 Юмского могильника; *36а* – п. 25 Дубовского могильника; *36б* – п. 23 Веселовского могильника; *37а* – п. 3 Веселовского могильника; *37б* – п. 5 могильника «Черемисское кладбище».

территории Руси, однако и они встречаются в Волжской Булгарии (Седова, 1981. С. 144).

Некоторые аналогии, возможно, не отражены. Например, есть пояса, содержащие накладки 2 типов. Один тип имеет аналогии, другой – нет. Но оба типа выполнены в одном стиле, вследствие чего уместно выводить их из одного центра производства.

Поясные накладки представлены большим количеством типов. Многие штампованные накладки сохранились плохо, их тип не различим, вследствие чего они не рассмотрены. Вероятно также, что часть поясов ввозили в уже собранном виде, об этом говорит их конструкция, о которой упоминалось выше. Однако вполне возможно и местное производство некоторых накладок.

В общей сложности элементы поясной гарнитуры, имеющие аналогии в Волжской Булгарии (либо поступившие на территорию расселения древних марийцев посредством булгар) встречены в 66 комплексах из 205, то есть большинство наборных поясов уместно связывать именно с булгарским импортом. Причем они преобладают в могильниках, расположенных вблизи Волги (Дубовский и «Нижняя Стрелка»), что свидетельствует о Волге, как о наиболее вероятном торговом пути.

По-видимому, стоит признать, что пояса стали предметом относительно массового ввоза на территорию расселения древних марийцев. Проблему представляет недостаточно четкая датировка элементов поясной гарнитуры в материалах Волжской Булгарии, не позволяющая проследить цикличность их привоза на территорию Марийского Поволжья. Разделение на пояса из ранних могильников и селищ и городов Волжской Булгарии условно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алихова А.Е. Материальная культура среднецнинской мордвы VIII–XI вв. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1969. 129 с.

Альбом древностей мордовского народа. Саранск: Издание Мордовского научно-исследовательского института, 1941. 137 с.

Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Том 2. М.: Наука, 2008. 365 с.

Белавин А.М., Крыласова, Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Пермский гос. пед. институт, 2008. 603 с.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 221 с.

Голдина, Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. 309 с.

Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татарское кн. изд-во, 1991. 176 с.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 162 с.

Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС, 2000. 136 с.

Никитина, Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.

Седова, М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. МИА. №65. М.: Наука, 1981. 196 с.

Смирнов, А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА. Вып. 28. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. 276 с.

Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР / Отв. ред. Плетнева С.А. М.: Наука, 1981. 304 стр.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края (Труды МарАЭ). Т. II. Йошкар-Ола, 1962. 187 с.

Ярославское Поволжье X–XI вв. / Отв. ред. Смирнов Н.А. М.: ГИМ Ярославский музей-заповедник, 1963. 199 с.

The Ancient Hungarians. Budapest: Hungarian national museum, 1996. P. 477.

ОБ ЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТАХ РУССКИХ И МОРДВЫ В XIV В. (НА ПРИМЕРЕ ПОСЕЛЕНИЯ СЕРПОВОЕ-3)

© 2014 г. С.И. Андреев

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов (ioptambov@mail.ru)

Ключевые слова: этнические контакты, Древняя Русь, Древняя мордва, Тамбовская область, Рязанское княжество.

Резюме. Одним из ключевых направлений в археологических исследованиях древнерусского времени является вопрос об этнических контактах русского и мордовского населения на пограничных рязанских территориях. В частности, таким местом является среднее течение реки Цны. В 2012 г. впервые проведено исследование памятника, на котором установлено совместное проживание русских и мордвы, отмечаем взаимовлияние в некоторых ремесленных традициях.

Археологической экспедицией Тамбовского государственного университета в июне-июле 2012 года были проведены раскопки поселения 3 у с. Серповое Моршанского района Тамбовской области (Андреев, 2012).

Памятник занимает юго-восточный склон выступа первой надпойменной террасы левого берега р. Серп (левый приток р. Цны), на высоте 4-5 м от уровня поймы реки Серп у старицы р. Серп. На поселении было заложено два раскопа общей площадью 352 кв.м., раскоп 1 – 192 кв.м., раскоп 2 – 160 кв.м., максимальная мощность культурного слоя достигает 0,35 м, а в районе постройки 1 до 1,09 м.

На исследованном месте находилось небольшое (из трёх дворов) сельское поселение, время бытования которого приходится на конец XIII – начало XIV в. Выявлены свидетельства совместного проживания древнерусского и древнемордовского населения. Постройки располагались вдоль края террасы в границах выступа, примерно на 200 м. Ширина полосы распространения подъёмного материала около 75 м.

Среди находок отметим выявленную в заполнении хозяйственной ямы двора 1 медную сюльгаму с расширенными лопастями и насечками в виде крестиков. Подобный вид застёжек бытовал в конце XIII – начале XIV в. (Вихляев и др., 2008. С. 58). Кроме того, из заполнения ямы происходит 7 венчиков, 2 фрагментов дна, 59 стенок лепных сосудов без орнамента древнемордовской культуры и 3 венчика, 3 фрагмента дна и 5 стенок гончарных сосудов без орнамента древнерусской культуры. А в заполнении подпольной ямы жилой постройки двора 1 найден серебряный с золочением криноконечный православный нательный крест. Подобный тип крестов получил распространение в XIII – начале XIV в. Там же найдены 20 венчиков, 32 фрагмента днищ, 435 фрагментов стенок лепных сосудов древнемордовской культуры. Глина сосудов хорошо отмучена, обжиг ровный, в качестве отощителя в тесто добавлен мелкий шамот. 5 венчиков, 3 фрагмента дна, 10 фрагментов стенок гончарных древнерусских сосудов. Сосуды украшены волнистым многорядным орнаментом. Фрагменты как от белоглиняных горшков не местного изготовления, так и от сосудов местного происхождения. Об этом говорит состав теста, который очень близок составу теста лепных древнемордовских сосудов.

Самой многочисленной категорией находок в слое поселения являются фрагменты керамики древнемордовской культуры. Всего найдено 248 фрагментов венчиков, 144 фрагментов днищ и 3830 фрагментов стенок лепных сосудов.

Мордовская керамика изготовлена из плотного теста с примесью песка, шамота различного размера. Обжиг часто неровный, серокоричневого цвета. Поверхности неровные, бугристые. Орнамент практически отсутствует. Только 47 венчиков имеет украшение в виде насечек (параллельных, косых, пересекающихся или хаотичных) по срезу.

Сосуды в подавляющем большинстве представлены горшками. Один из типов сложился явно под влиянием древнерусской гончарной традиции. Значительная часть сосудов, судя по отпечаткам на днище, формовалась на досках, обтянутых тканью.

В слое поселения Серповое 3 найдено так же 42 венчика, 29 фрагментов днищ, 178 фрагментов стенок гончарных древнерусских сосудов. Часть посуды имеет не местное происхождение, а привезена из крупных центров. Часть керамики, судя по всему, изготовлена на месте. Об этом, в частности, говорит практически полная идентичность глиняного теста древнерусских и древнемордовских сосудов.

Орнаментация в подавляющем большинстве случаев, представлена одно и многорядной волной. Единичные случаи представлены многорядной прочерченной линией.

В трёх случаях гончарная керамика представлена фрагментами красной керамики от булгарских сосудов, изготовленных в одном из золотоордынских центров. Керамика качественная, звонкая, без примесей, покрыта вертикальными широкими расчёсами.

Из 29 фрагментов днищ, почти все формовались на песчаной подсыпке. Пять фрагментов имеют отпечатки клейм в виде крестов, звёзд и сложных квадратов.

По морфологическим признакам, коллекция гончарной керамики из культурного слоя поселения 3 у с. Давыдово относится ко второй половине XIII – XIV в.

По типам керамики и некоторым датирующим вещам этот этап датируется концом XIII в. – началом XIV в. и связан он с древнемордовской культурой. Однако, самым важным является присутствие в комплексе древнемордовских вещей, предметов древнерусской культуры. Это, прежде всего, керамика и некоторые индивидуальные находки, в частности нательный православный крест. Эта находка является свидетельством присутствия на поселении не только русского, но ещё и православного населения. Из 290 найденных на поселении сосудов – 42 являются гончарными древнерусскими, т.е. это примерно 18%. Таким образом, можно утверждать, что в этом посёлке одновременно проживало древнерусское и древнемордовское население. Как минимум одна семья была смешанной.

Поселение перестало существовать в начале XIV в., когда оно было покинуто своими жителями, унёсшими с собой весь свой скарб. Часть построек была ими сожжена. Причину ухода можно связать с изменениями природно-климатических условий, вызвавших похолодание климата и подъём уровня вод, что сделало невозможным проживание на данном месте. Больше жизнь здесь не возобновлялась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев С.И. Отчет о раскопках поселения 3 у с. Серповое Моршанского района Тамбовской области в 2012 году // Архив ИА РАН.

Вихляев В.И, Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск, 2008. 352 с.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДИЩА НА ЮГЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ: ИТОГИ СТАЦИОНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2014 г. А.Я. Мартынов[1], А.Е. Беличенко[2]

[1]Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, Соловки (martinov@solovky.ru)
[2] Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск (alexbelichenko@yandex.ru)

Ключевые слова: Устья, Кокшеньга, городище, вал, керамика, инвентарь, вооружение, славяне, «смутное время».

Резюме. В статье рассмотрены основные итоги первых стационарных исследований двух средневековых городищ, обнаруженных ранее на реках Устье и Кокшеньге (юг Архангельской области). Раскопки позволили установить время бытования укрепленных поселений Подгорного (XI–XIII вв.) и Усть-Пукомского (XVI–XVII вв.), выявить следы неоднократного использования площадки городища Подгорного в разное время, получить представление о характере укреплений городищ, материальной культуре обитателей поселений, связях раннего городища с процессом славянской колонизации Севера, позднего – с событиями «смутного времени».

В 2011 году, после 30-летнего перерыва, были возобновлены археологические исследования средневековых укреплённых поселений, расположенных в бассейне р. Устьи на юге Архангельской области. К началу полевых работ в научной литературе имелись предположительные, основанные на результатах разведочных работ, сведения о наличии в микрорегионе двух городищ, сооруженных в X–XIII (Подгорное) и XV–XVII (Усть-Пукомское) вв. (Куратов, 1978. С. 13–14; Мартынов, 2007. С. 128–129, 133).

Городище Подгорное (Поташевское) находится на правом берегу р. Устьи напротив места впадения в нее р. Кокшеньги. Площадка памятника представляет собой неправильный пятиугольник. Длина юго-западной стороны – 95 м, западной – 30 м, северо-западной – около 45 м, северо-восточной – 45 м, восточной – 50 м. Высота площадки городища над зеркалом воды составляет 32 м. С северо-восточной стороны сохранился ров длиной около 40 м и глубиной до 4 м. Вал высотой до 1 м прослеживается с восточной и частично с северо-восточной стороны. Размеры сохранившейся части вала: длина – 40 м, ширина основания 4,0-4,5 м.

В 2011 г. на площадке памятника были заложены раскоп площадью 64 м² и два шурфа по 8 м². На стенках трех грабительских ям и склоне речного обрыва выполнены зачистки. В общей сложности вскрыто 90 м². Культурный слой в основном раскопе разобран 3-6 условными горизонтами. Горизонты 1 и 2 представляют собой пахотный слой, насыщенный разновременным материалом (кремневые отщепы, обломки лепных и гончарных сосудов, осколки стекла, фарфора и фаянса, фрагменты металлических предметов). Культурный слой на уровне горизонтов 3-6 сохранился в состоянии in situ.

В процессе раскопок в нижних горизонтах зафиксированы остатки сгоревшей постройки, северную часть которой занимало хозяйственное помещение (предположительно кухня). В помещении располагалось основание печи-каменки (1,0x0,8x0,15 м), примыкавшее к северной стене постройки, здесь же обнаружены развалы четырех сосудов, нож и оселок. Всего в раскопе зафиксировано около 2900

находок XI–XIX вв.: коллекция гончарной и лепной керамики, предметы вооружения, бытовой, промысловый и сельскохозяйственный инвентарь. В шурфе № 2 были обнаружены остатки стены городища в виде сгоревших бревен, рядом с которыми зафиксированы наконечник стрелы, боевой топор, фрагмент ножа и обломки посуды.

Раскоп 2012 г. площадью 144 м² заложен в восточной части городища. Верхние горизонты (пахотный слой) насыщены углем и разновременным археологическим материалом. В слое in situ на уровне горизонтов 3-4 зафиксированы остатки наземной постройки с полами, сохранившимися в виде настила из сгоревших бревен и плах размерами 6х4 м, а также основанием печи - линзой обожженной глины (3,0х1,8х0,2 м). В пределах постройки и около неё обнаружены развалы пяти гончарных сосудов, сотни фрагментов гончарной и лепной керамики, а также предметы из металла, дерева, бересты, кости млекопитающих, куски извести, шлака, обожжённой глины и камней

Среди артефактов, обнаруженных в культурном слое городища, следует отметить изделия из черного металла (рис. 1): предметы вооружения (семь боевых и охотничьих наконечников стрел, в том числе один – пробойный, наконечники копья и пики, боевой топор, шпору «рыцарского обличья», пластинку от доспеха, три кольчужных кольца), промысловый и бытовой инвентарь (рыболовные крючки, ножи и гвозди, фрагменты замков и ключи). Обнаружены также обгоревшие изделия из дерева (выструганные палочки и лопатки) и бересты (фрагменты шитого туеса), зерно (рожь). Коллекция керамики содержит не менее 12 орнаментальных мотивов, в том числе несколько вариантов «славянской волны», параллельные линии, «личинкообразные» оттиски, один и два ряда мелких вдавлений подтреугольной формы и др. В единственном числе обнаружена заготовка свинцовой вислой печати. Общее количество находок превышает 3000 предметов.

В восточной части памятника была заложена траншея размерами 16х2 м. Она «прорезала» сохранившуюся часть вала и ров, а также захватила небольшой участок (2 м²), примыкающий к валу с западной стороны. Раскопки показали, что вал был сооружен с использованием части более древнего культурного слоя после того, как на площадке возвели жилые постройки. Наибольший интерес представляют остатки деревянной конструкции (стены) в виде пяти обгоревших бревен, расчищенных в слое желтого песка засыпки. Бревна ориентированы вдоль линии вала.

Радиоуглеродный анализ шестнадцати проб угля из разных горизонтов культурного слоя дал даты, свидетельствующие об использовании площадки городища в разные периоды, начиная с последних веков эпохи железа (1645+-50 BP; 967±40 BP; 900±30 BP; 870±30 BP; 866±30 BP; 855±25 BP; 835±30 BP; 775±25 BP; 552±25 BP; 430±35 BP; 390±30 BP; 385±30 BP; 373±30 BP; 327±25 BP; 310±25 BP; 200±25 BP).

Аналоги в керамике и предметах вооружения вместе с основной частью радиоуглеродных дат позволяют сделать выводы о времени бытования укрепленного военного поселения (середина XI – первая половина XIII в.), его постоянном (круглогодичном) характере, разнообразных занятиях его обитателей. В период борьбы Великого Новгорода и Ростова за влияние над северными территориями оно имело стратегическое значение: обитатели городища могли контролировать прохождение всех судов по рекам Устье и Кокшеньге. В XV–XVII вв. площадка городища, по-видимому, использовалась как укрепленная усадьба. Судя по материалам верхних горизонтов и этнографическим данным, ее вспашка осуществлялась в XVIII–XIX вв.

Городище Усть-Пукомское (Матвеевское) находится на левом берегу р. Кокшеньги в двух километрах к северу от дер. Матвеевской (куст деревень под названием Усть-Пукома). Площадка поселения имеет трапециевидную форму, с трех сторон ограничена обрывами: с востока – в сторону реки, с севера и запада – к оврагу. Высота поселения над зеркалом воды составляет 16 м. С южной стороны находится ров длиной 40 и глубиной до 2 м, плавно переходящий в глубокий (до 13 м) овраг. Вал длиной около 50 м, высотой до 2 м и шириной в основании 9-10 м располагается напротив рва.

В 2013 г. на свободных от деревьев участках площадки памятника заложены четыре

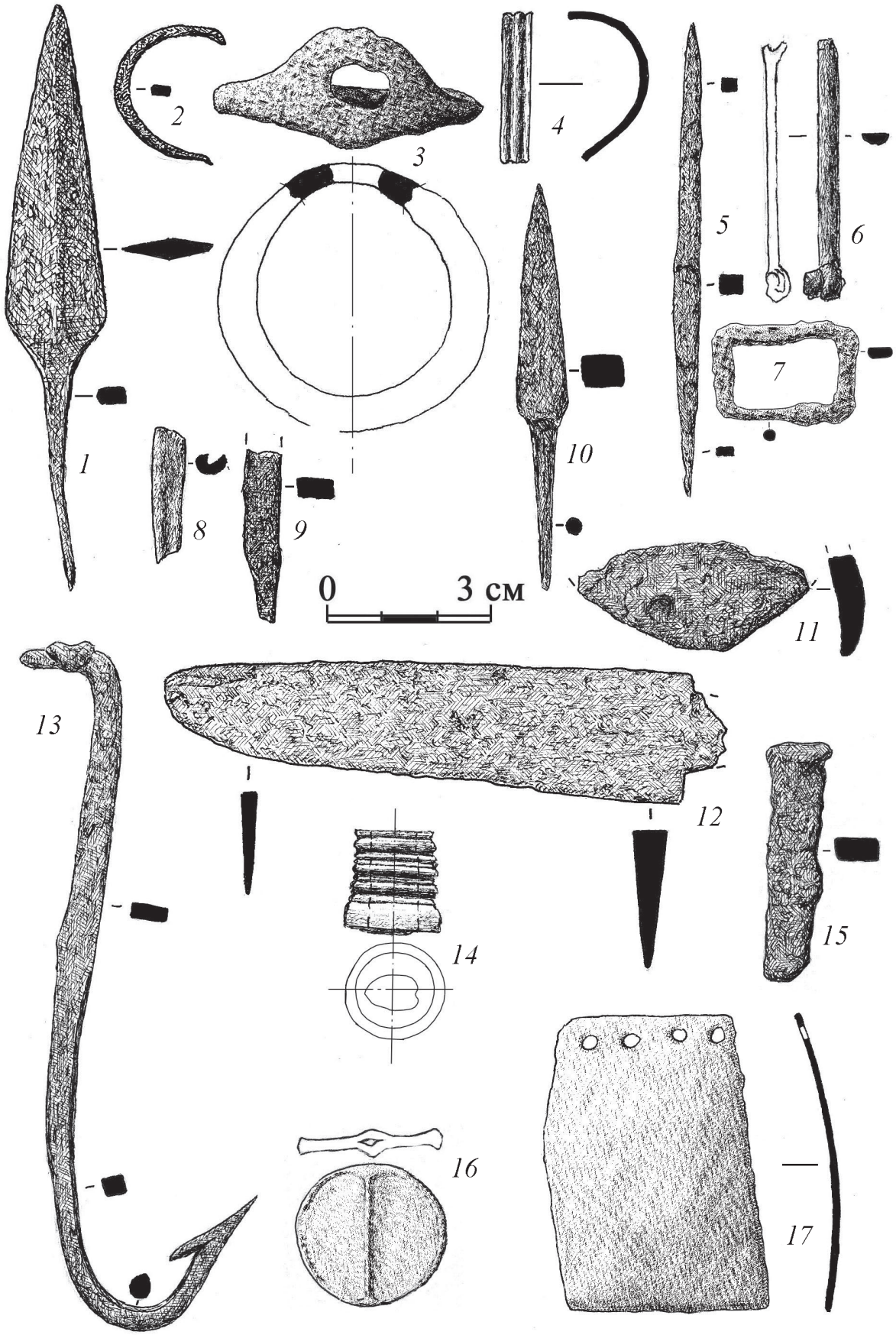


Рис. 1. Городище Подгорное (Поташевское). Раскоп 2011 г. (горизонты III-V). Предметы из черного металла. XI–XIII вв.

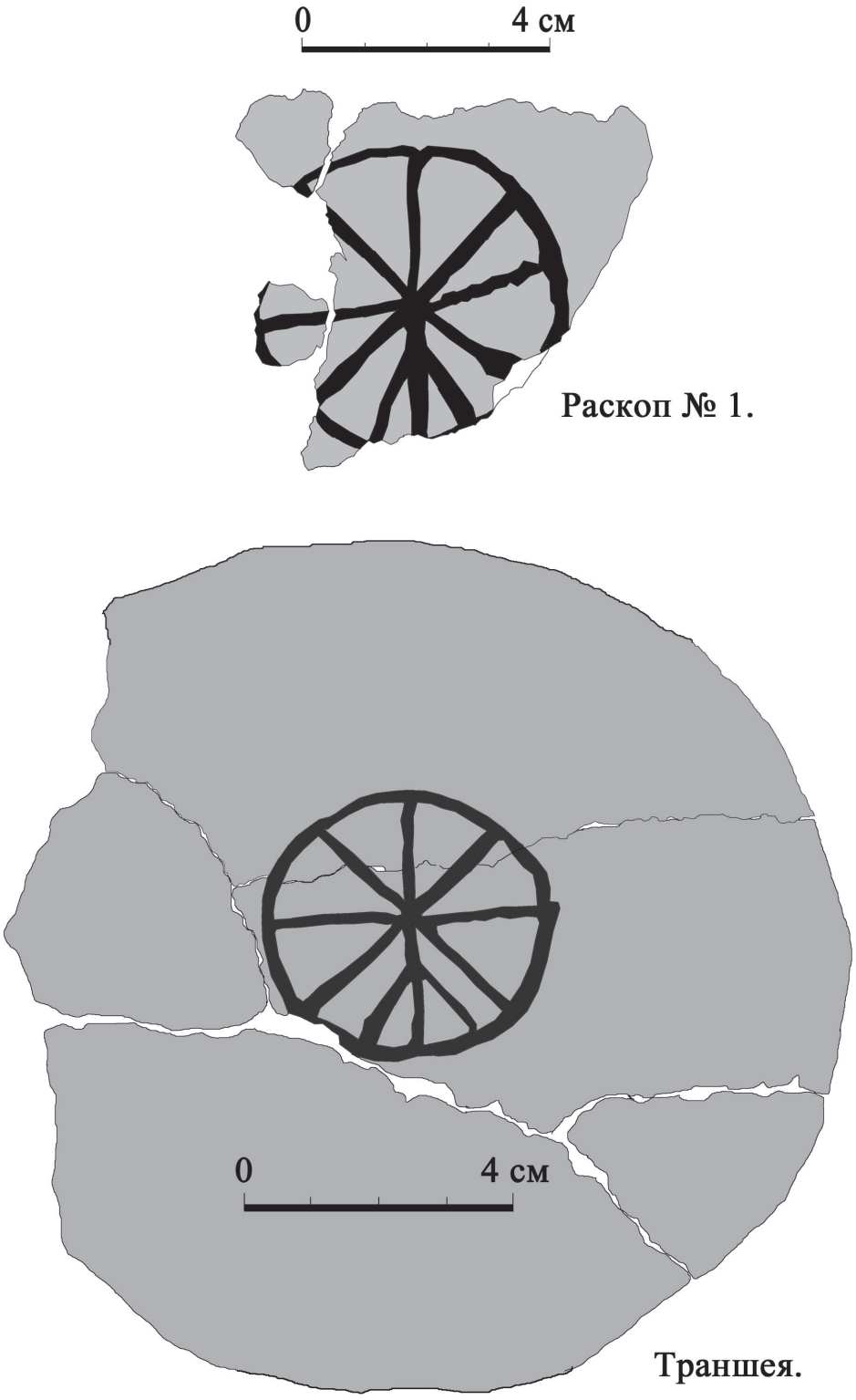


Рис. 2. Городище Усть-Пукомское (Матвеевское). Днища гончарных сосудов с клеймом. Конец XVI в.

раскопа площадью от 24 до 40 м², а также траншея (14х2 м), перерезавшая вал по линии север-юг, с двумя прирезками (8 м²). Общая раскопанная площадь поселения составляет 178 м².

В культурном слое раскопа № 1 обнаружены остатки сгоревшего наземного строения неопределённого назначения, фрагменты венчиков и стенок гончарных сосудов без орнаментации, два железных ножа и кованное кольцо - деталь конской упряжи. Особый интерес представляет донце гончарного сосуда с оттиском клейма в виде колеса с восемью спицами и двумя «полуспицами», отходящими от одной из восьми основных (рис. 2).

В раскопе № 2 расчищены остатки сгоревшей и упавшей стены длиной 7,5 и высотой до 2 м, ориентированной вдоль обрыва по направлению с северо-запада на юго-восток, а также фрагмент сгоревшего переруба конструкции внутриваловых укреплений.

В раскопах № 3 и № 4 зафиксированы находки фрагментов венчиков и стенок неорнаментированных гончарных сосудов, а также отдельные слабые зольно-угольные линзы и куски угля. Единственная находка предмета, изготовленного из черного металла, – наконечник охотничьей стрелы с пером остролистной формы размерами 12,3х2х0,4 см.

В траншее наибольший интерес представляют остатки деревянной конструкции в виде обгоревших бревен, расчищенных в основании вала в слое желтого песка засыпки. Основные бревна ориентированы вдоль линии вала, перпендикулярно им зафиксированы небольшие фрагменты сгоревших плах перерубов. Первоначальный диаметр бревен конструкции варьировал от 20 до 35 см. При зачистке остатков сгоревших конструкций был обнаружен развал горшка с клеймом на днище, идентичным описанному выше.

Предметы из черного металла и керамика, а также радиоуглеродные даты проб угля из траншеи и раскопов № 1 и № 2 (487±25 ВР, 433±30 ВР, 414±30 ВР, 407±25 ВР, 377±25 ВР) Усть-Пукомского городища позволяют сделать предварительные выводы о датировке и назначении укрепленного поселения. Вероятно, оно было сооружено на рубеже XV–XVI вв. с целью защиты обитателей близлежащих селений от набегов «лихих людей». Три даты (414, 407 и 377 л. н.) позволяют связать городище с событиями «смутного времени» – начала XVII в. Вместе с тем, нельзя исключать, что городище около дер. Матвеевской появилось раньше – в заключительный период борьбы Москвы и Новгорода за влияние над северными территориями в XIV–XV вв. (Овсянников, 1971. С. 16–21).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Куратов А.А. Археологические памятники Архангельской области. Каталог. Архангельск, 1978. 104 с.

Мартынов А.Я. Древности Устьянского края. Архангельск, 2007. 224 с.

Овсянников О.В. Люди и города средневекового севера. Архангельск, 1971. 80 с.

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ТАТАРСТАНЕ (НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ)[1]

© 2014 г. А.А. Бурханов[1], И.Р. Нигаматзянов[2]

[1]Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань (albert_burhan@list.ru)
[2]Институт Татарской энциклопедии АН РТ, Казань (ilshat_nigmat@mail.ru)

Ключевые слова: юго-восточный Татарстан, археологический памятник, находки, поселение, местонахождение, намогильная плита, сельское кладбище, татаро-мусульманские эпитафии.

Резюме. Юго-восточные районы РТ занимают значительную часть Бугульминско-Белебеевской возвышенности и часть левобережья реки Ик (Ык). Природно-географические условия в бассейнах рек Ик, Зай, Ютаза и их притоков создавали благоприятные условия для жизнедеятельности людей в древности и средневековье.

В историко-археологическом отношении значительная часть территории региона, состоявшая из 6 административных районов Татарстана, за исключением Альметьевского (в 1990-х – в начале 2000-х гг. исследования по проекту «Альметьевкая энциклопедия»), изучены пока слабо. Рекогносцировочные археологические исследования в регионе проводились А.П. Шокуровым (1955-1960 гг.), М.Ф. Обыденовым и Г.Т. Обыденовой (1981 г.), Е.П. Казаковым, З.С. Рафиковой, А.В. Чижевским и И.Л. Измайловым (1970-1990-е гг.).

Археологически изучена лишь прилегающая к р. Ик часть Азнакаевского, Ютазинского, Бавлинского и Бугульминского районов, где выявлены в основном памятники эпохи бронзы. Средневековые памятники зафиксированы в нескольких местах: Байряки-Тамакский могильник, а также остатки поселений «чияликского типа» в северной части Азнакаевского района и Новозерикское селище в Ютазинском.

Средневековые и позднесредневековые намогильные плиты с тюрко-мусульманскими эпитафиями в сельских кладбищах Альметьевском, Азнакаевском и Ютазинском (село Байряка) изучались в основном М.И. Ахметзяновым и Ф.С. Хакимзяновым, частично Г.В. Юсуповым, Д.Г. Мухаметшиным и Г.К. Хисамиевой.

С учетом вышеизложенного, Восточно-Татарстанский отряд Золотоордынской комплексной историко-археологической экспедиции (ВТО ЗКИАЭ) Академии наук РТ и К(П)ФУ (рук. А.А. Бурханов) приступил к широкомасштабным рекогносцировочным исследованиям в районах ЮВТ с перспективой проведения стационарных раскопок на территории базовых памятников. В 2009-2013 гг. были проведены историко-археологические и эпиграфические работы в Азнакаевском, Бугульминском и Ютазинском районах.

К моменту наших исследований в Азнакаевском районе были отмечены 36 археологических памятника, однако большинство из них уничтожены в ходе хозяйственного освоения территории. Нами были уточнены современное состояние известных и выявлены новые памятники периодов бронзы и средневековья, в частности остатки 50 археологических объектов: 27 стоянок, 3 могильника и 3 кургана, 11 селищ (поселений), 1 клад и 6 местонахождений.

1 Работа выполняется по научному проекту гранта РГНФ 2014 №13-11-16017.

В ходе работ выявлены остатки 14 средневековых памятников, среди которых поселения Татарский Шуган, Сарлы, Суюндук, Нижнее Стярле, Константиновка, Урсай, Старо-Урсаевское, Митряевское и Асеевское.

На правом берегу р. Ик, в 4 км к востоку от с. Урсаево. В 200 м к северо-востоку от старого кладбища (Иске-Зират) с намогильными плитами, неподалеку от берега старого русла (рукава) р. Ик, на платформе занятой торфянником, в ходе работ по тушению пожара в 2010 г., на площади 0,6 га выявлены следы средневекового поселения. В 2013 г. А.А. Бурхановым было проведено детальное рекогносцировочное изучение остатков Старо-Урсайского поселения. В ходе работ было произведено фотографирование, снят план и определены размеры объекта.

Подпрямоугольная площадка остатков поселения (5,4 га) сторонами 280-290х190 кв.м., направленное по линии Ю-В – С-В, плавно вклинивается в старое русло р. Ик. Площадка возвышается над окружающей территорией на высоту до 2,5 м.

Стратиграфическое изучение выявило мощность культурного слоя от 35 до 92 см. Определено 2 этапа существования поселения между которыми был период затопления его территории.

Выявлены следы обгорелого сооружения (печи) построенного из камня и кирпича. Среди находок фрагменты лепных горшков «чияликского» типа и высококачественных керамических сосудов, характерных для золотоордынской гончарной традиции. Найдены остатки железных криц и шлаков, известняка, каменной зернотерки. Среди изделий из железа – серп, подкова, ножи, часть конской узды, 2 крупных фрагмента котлов со следами ремонта. Часть аналогичного котла также выявлено пожарными в 2010 г.

Выявлены также 3 керамические пряслица, 2 бусины (керамическая бирюзового цвета и каменная темного оттенка). Значительную часть находок представляют кости животных (кухонные остатки): лошади, мелкого и рогатого скота, а также диких животных.

Территория Ютазинского района практически не изучалась в историко-культурном отношении, поэтому мы провели работу по уточнению местоположения, типологии и количества имеющихся объектов прошлого – археологических, эпиграфических и архитектурных. Имеющиеся в сельских музеях находки позволяют дополнить данные о памятниках прошлого.

В этом районе нами были зафиксированы остатки 26 археологических объектов: 12 стоянок, 1 могильника, 1 балбал, 4 селищ и 6 местонахождений.

Среди них 4 объекта эпохи камня: Байрякинское и Каракашлынское, Каразерикское и Старо-Уруссинские метоснахождения. Еще в 1999 г. в ходе поезди по ЮВТ А.А. Бурханову местными жителями была передана находка – костяное изделие (палка – копалка) эпохи неолита. Оно изготовлено из трубчатой кости, заостренной с двух концов.

Основная часть известных памятников относится к срубной (11) и абашевской (1) культурам.

Объекты средневековья в Ютазинском районе, за исключением Байряки-Тамакского могильника (XIII–XIV вв.), до наших работ не изучались. Наряду с памятниками эпохи бронзы, средневековые археологические и эпиграфические объекты представляют основную часть сохранившихся памятников в бассейне р. Ик и ее притоков в пределах Западного Башкортостана и Юго-Восточных районов РТ.

Изучение археологических объектов эпохи средневековья – дело первостепенной важности и результаты будущих исследований могут дать новые и до сих пор неизвестные уникальные материалы, которые могут резко изменить представления об историко-культурном развитии региона в рассматриваемый период.

Среди объектов средневековья – Байряки-Тамакский могильник XIII–XIV вв., где в 1972 г. выявлены 3 бронзовых зеркала с изображением людей, драконов и животных, пластинчатая серебряная накладка и др. (Казаков, 1978. С. 93–96; АП ТАССР, 1987. С. 105; Бурханов, Мухаметшин, 2012. С. 15–18).

На территории с. Байряка выявлены остатки поселения XVI–XVII вв., здесь же расположено кладбище с намогильными плитами.

Древность села подтверждается следами освоения и находками керамики и изделий из железа (XVI–XVIII вв.). Кроме Байрякинско-

го поселения к средневековым объектам относятся Новокаразерикское, Абсалямовское, Дым-Тамакское селища, Старокаразерикское и Каракашлинское местонахождения и балбал («Хатын-Таш») у с. Старое Уруссу.

В Бугульминском районе обследованы окрестности пос. Карабаш, на правом берегу р. Зай. Неподалеку от поселка зафиксированы остатки курганной группы (срубная культура). На территории села Карабаш выявлены остатки поселения XV–XVII вв.

Одним из важных источников для воссоздания средневековой и новой истории районов Юго-Восточного Татарстана и Западного Башкортостана являются эпиграфические памятники, оставленные предками в виде намогильных плит с татаро-мусульманскими надписями арабской графикой (на арабском и старотатарском языках), т.н. ташбилге (кабер ташлары).

Нами зафиксированы около 260 намогильных плит в 16 кладбищах (их больше) в восточной части Азнакаевского района. Наиболее интересные и уникальные камни встречены в Старо-Урсаевском (15), Урсаевском I (33) и II (15), Сарлинском I (35) и II (7), Чалпынском (96), Азнакаевском (18) и других кладбищах.

Важным отличительным моментом намогильных плит на «кладбище святых» (Старо-Урсаевское) – они сохранили уникальное явление культуры, характерного тюркским этносам – это тамги (знаки).

Тамги на камнях рядом с арабскими надписями являются важной точкой соприкосновения двух традиций тюрко-мусульманских этносов: древнетюркской и мусульманской. Одну из них привнесли кочевые средневековые тюрки (кыпчаки, ногайцы), а другую – мусульманизированные татары.

В Ютазинском районе детально изучались намогильные плиты в сельских кладбищах: Байряка (23), Ст. Каразерик (19), Кряш-Буляк (6), Старое Уруссу (14), Абсалямово (8), Акбаш I (5) и II (более 30) и Каракашлы (33).

В пос. Карабаш (Бугульминский район) отмечены 8 кладбищ. В частности, в старой части села Карабаш, у горы Караул-тау, на старом кладбище зафиксированы 9 намогильных плит с эпитафиями.

Таким образом, эпитафийный материал является важным историческим источником, достоверность которого подтверждается письменными данными. Сохранность намогильных стел облегчает работу по выявлению возраста села. Дополняя археологические данные и известные рукописные материалы, эпитафии служат ценным источником, позволяющим выяснить основные моменты хода региональной истории.

ВЕЩЕВОЙ И КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС НАХОДОК РОМЕНСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ПОСТРОЕК НА СЕЛИЩЕ КУРОВО-6[1]

© 2014г. В.Н.Гурьянов[1], В.В.Миненко[2]

[1]Брянский государственный университет им. акад. И.Г.Петровского, Брянск (gurian032@yandex.ru)
[2]Институт археологии РАН, Москва (vvminenko@yandex.ru)

Ключевые слова: селище Курово-6, роменская культура, жилые постройки, лепные сосуды, раннекруговые псевдоволынцевские сосуды, индивидуальные находки.

Резюме. В 2006 г. экспедицией Брянского государственного университета под руководством д.и.н. Е.А. Шинакова были проведены охранные раскопки селища Курово-6, расположенного на правом берегу р. Судость в Погарском районе Брянской области. В ходе исследований на площади 1216 кв. м было изучено 287 различных объектов, в том числе 6 жилых построек роменского времени (VIII–IX вв.). Практически все остатки жилищ селища Курово-6 представляют собой котлованы прямоугольной или почти квадратной в плане формы размерами от 2,80 Х 2,90 м до 4,70 Х 5,20 м, заглубленные в материк на 0,4-0,5 м, и за исключением постройки № 3, вероятно имели срубную конструкцию стен. Печи устроены на материковых останцах, располагались в углах построек, в плане имели овальную или прямоугольную формы, были сложены из глиняных яйцевидных и веретенообразных блоков (конусов).

В результате работ была собрана представительная коллекция археологических находок (лепная и раннекруговая керамика, украшения, поясная гарнитура, предметы быта и другие находки), ярко иллюстрирующая материальную культуру жителей поселения Курово-6, основной период бытования которого приходится на ранний этап роменского освоения Среднего Подесенья и Присудостьского ополья.

В 2006 г. экспедицией Брянского государственного университета под руководством д.и.н. Е.А. Шинакова были проведены охранные раскопки селища Курово-6, расположенного на правом берегу р. Судость в Погарском районе Брянской области. На площади 1216 кв. м исследованы 287 различных объектов, в том числе 6 жилых построек (Шинаков, Гурьянов, Карпов и др., 2009. С. 322–324). Все жилые постройки приходятся на основной период существования поселения и совпадают с ранним этапом роменской культуры в Среднем Подесенье (VIII–IX вв.) Жилища представляют собой котлованы прямоугольной или почти квадратной в плане формы размерами от 2,80 Х 2,90 м до 4,70 Х 5,20 м, заглубленные в материк на 0,4-0,5 м. Постройки №№ 1, 4, 7 были ориентированы углами, а постройки №№ 2, 3, 6 – стенками практически по сторонам света. Постройка № 1 носит следы ремонта. Ни одна постройка не имеет полного набора столбовых ям, позволяющих реконструировать ее конструкцию как каркасно-столбовую, за исключением постройки № 3. Конструктивное отличие этой постройки состоит в том, что с ней связаны 9 столбовых ям, опоясывавших котлован постройки по периметру с севера, запада и юга. Это позволяет предположить каркасно-столбовую конструкцию данной постройки (Гурьянов, 2012. С. 116–117).

Печи в пяти постройках из шести устроены на материковых останцах, в постройке № 1 печь устроена частично на материковом останце, а частично на подсыпке, сделанной поверх более ранней зерновой ямы. Четыре печи из шести располагались в юго-восточных углах построек, в постройке № 6 в север-

1 Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-11-32001.

ном, в постройке № 3 – в северо-восточном углу. Печи овальной в плане формы, в одном случае печь прямоугольной формы. Они были сложены из глиняных яйцевидных и веретенообразных блоков (в литературе часто называемых конусами). Интересно отметить, что на расположенном примерно в 8 км выше по течению Судости селище Посудичи печь, исследованная в роменской постройке, была «сложена из плотной сырой глины, старой печины и мелких камней» (Заверняев, 1960. С. 192). На селище Курово-6 печи сложены без применения камней. По мнению О.Н. Енуковой, исследовавшей домостроительство на основной территории северян, жилища роменской культуры были преимущественно срубными с отступом стен от котлована (Енукова, 2007). Жилища поселения Курово-6, за исключением постройки № 3, также вероятно имели срубную конструкцию (Фатьков, 2008; Гурьянов, Фатьков, 2008. С. 214–216).

В заполнении котлованов жилищ традиционно встречено большое количество керамики и вещевые находки, относящиеся к основному, роменскому, этапу существования селища. Так, в заполнении котлована постройки № 1 было обнаружено 455 фрагментов лепной керамики. Несколько меньшее количество керамики найдено в заполнении постройки № 2 – 109 фрагментов лепной керамики и 2 фрагмента раннекруговой посуды. В заполнении котлованов остальных построек количество находок лепной керамики довольно сильно варьировалось: в постройке № 3 было найдено 230 фрагментов лепной керамики, в постройке № 4 – всего 28 фрагментов лепных сосудов, в постройке № 6 – 53 фрагмента лепной керамики и в постройке № 7 – 123 фрагмента лепной керамики (постройка № 5 была хозяйственной и в данной работе не рассматривается). Во всех постройках, где фиксировалась керамика разных хронологических периодов (неолит, эпоха бронзы, р.ж.в.), среди керамического материала количественно преобладала лепная керамика второй половины I тыс. н. э. Такая же картина наблюдается и на раскопе в целом, «подавляющая часть находок принадлежит лепным сосудам роменской культуры VIII–X вв.» (Ивлева, Карпов, Шинаков, 2010. С. 111).

Основная масса фрагментов керамики из жилых построек поселения принадлежит горшкам. Наиболее типичны высокие горшки с усечено-коническим низом, узким дном, выпуклыми плечиками и отогнутым наружу венчиком, на некоторых фрагментах встречаются отверстия для подвешивания или ремонта, реже – с вертикальным цилиндрическим венчиком. Кроме того, встречены фрагменты мисок и сравнительно массивные сковороды с высокими бортиками, часто по краю бортика украшены вдавлениями. Донца сосудов обычно плоские снаружи, внутри в середине слегка выпуклые.

К этому же времени относится и вторая группа массового керамического материала – фрагменты печных блоков.

В единичных экземплярах в заполнении построек встречены фрагменты так называемых псевдоволынцевских сосудов, являвшихся подражанием роменских мастеров образцам круговых сосудов волынцевской культуры. В культурном слое поселения такой керамики немного больше (Ивлева, Карпов, Шинаков, 2010. С. 111).

Индивидуальные находки из заполнения котлованов жилых построек поселения Курово 6 немногочисленны. Изделия из железа представлены ножами и их фрагментами. Все сохранившиеся экземпляры ножей являются хозяйственно-универсальными, типологически относясь либо к черешковым, либо к пластинчатым. В постройке № 1 был найден рыболовный крючок, изготовленный из стержня прямоугольного сечения с заостренными концами. В постройке № 3 найдено железное изделие в форме крутой дуги, с более толстым одним, и более тонким и приостренным другим концом. В сечении изделие плоское, размер 1,8 х 2,4 см. Это изделия наиболее всего напоминает В-видные пряжки киевской, черняховской и тушемлинской культур и датируется в диапазоне от II в. н.э. до VII в. н.э. (Шмидт, 2003. С. 251. Табл. 24). На раскопе встречено еще два подобных изделия. В этой же постройке найдены два куска железной проволоки и фрагмент шила.

В заполнении постройки № 7 найден сильно корродированный железный предмет, его высота – 2,4 см, ширина основания – 1,5 см. Изготовлен из пластины, боковые стороны

которой были загнуты внутрь. С внутренней стороны на средней линии треугольника в 1,1 см от вершины остатки расклепанной заклепки с диаметром шляпки 0,45 см. Возможно, представляет собой ременной наконечник.

Изделия из цветного металла представлены трапециевидной подвеской из постройки № 3. Ее размеры: 2,5 х 1,8-0,3 см. Возле края меньшей поперечной стороны отверстие диаметром 0,1см. Вдоль трех остальных сторон линии мелкого пуансонного орнамента. Трапециевидные привески в раннесредневековое время были широко распространены в прибалтийских и финно-угорских древностях, они часто встречаются в древностях длинных курганов (Седов, 1974. Табл. 23) и на роменских памятниках раннего этапа водораздела Оки и Дона (Григорьев, 2000. С. 100). Ближайшие аналогии этой подвеске отмечены у В.В. Седова среди древностей пражско-пеньковского типа *(Седов, 1982. Табл. IV: 3)*, у И.О. Гавритухина среди подвесок VII-X вв. (Гавритухин, 1997. Рис. 1, *13*), территориально – в Трубчевском кладе (Приходнюк, Падин, Тихонов, 1996. Рис. 8, *9,10*).

Из котлована постройки № 1 происходит бронзовое пластинчатое загнутоконечное височное кольцо (или серьга?). Стержень кольца состоит из прямоугольного в сечении дрота 0,12 х 0,2 см. Один его конец свернут в одновитковую спираль. Противоположный конец заострен для втыкания кольца в ремешок из мягких материалов либо для непосредственного подвешивания к мочке уха. Наиболее близкие аналоги этому изделию встречены в смоленских длинных курганах (Седов, 1974. Табл. 26, *1*), и более многочисленные – в хорватско-тиверских древностях (Седов, 1982. Табл. XXXI, *11, 14*), вместе с западнославянскими S-оконечными.

Изделия из камня представлены найденным в постройке № 1 фрагментом уплощенного округлобокого пряслица, изготовленного из мягкого мела, что делало использование данного предмета по прямому назначению крайне не функциональным.

Изделия из глины – пряслице и зооморфная фигурка. Пряслице из заполнения постройки № 7 имеет сложную конфигурацию, при виде сбоку наиболее напоминающую типичный славянский горшок с расширением в верхней трети сосуда. Соотношение верхней части «горшка» с «нижней» – 0,7-0,8 см х 1,3 см. Диаметр «дна» – 1,3 см, наибольшего расширения – 2,6 см, «горлышка» – 1,8 см, отверстия – 0,8 см.

Зооморфная фигурка из постройки № 3 изготовлена из темно-коричневой глины, сохранилась на высоту 3,5 см, нижняя и задняя часть ее утрачены. Отражает черты и определенную позу какого-то конкретного животного, возможно, медведя. Однако поза его также напоминает вставшего на задние лапки и хвост бобра. Это, возможно, ближе к истине (Трутченкова, 2014. С. 120–121).

Таким образом, полученные в ходе охранных исследований материалы свидетельствуют о том, что основной период существования селища Курово-6 приходится на ранний этап проникновения в Среднее Подесенье носителей роменской археологической культуры (VIII–IX вв.). Об этом говорят находки характерных раннероменских лепных и псевдоволынцевских раннекруговых керамических сосудов, конструктивные особенности жилых построек с печами на материковых останцах, набор украшений и других предметов. Селище Курово-6 расположено на правобережье р. Судость (в ее нижнем течении, в 14 км от ее устья), что позволяет связать его с первой волной продвижения роменского населения вверх по Десне и ее крупнейшему правому притоку Судости и хозяйственного освоения возвышенных плодородных участков ополий на этой территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гавритухин И.О. Хронология Пражской культуры // Труды VI международного конгресса славянской археологии. Т. III. Этногенез и этнокультурные контакты славян. М.: ИА РАН, 1997. С. 39–52.

Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным // Труды Тульской Археологической Экспедиции. Вып. 2. Тула: Гриф и Ко, 2000. 221 с.

Гурьянов В.Н. Раннероменский горизонт поселения Курово-6 // Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения И.И. Ляпушкина. СПб.: СОЛО, 2012. С. 116–120.

Гурьянов В.Н., Фатьков А.М. О времени появления роменской культуры в Брянском Подесенье (по материалам поселения Курово-6 // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.: ИА РАН, 2008. С. 214–216.

Енукова О.Н. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. Курск: Изд-во Курского ун-та, 2007. 219 с.

Ивлева Е.В., Карпов Д.А., Шинаков Е.А. Керамический комплекс поселения Курово-6 // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2010 год. Брянск: РИО БГУ, 2010. С. 108–113.

Заверняев Ф.М. Селища бассейна р. Судости // СА. 1960. № 3. С. 180–194.

Приходнюк О.И., Падин В.А., Тихонов Н.Г. Трубчевский клад антского времени // Материалы I тысячелетия нашей эры по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев: Наукова думка, 1996. С. 75–91.

Седов В.В. Длинные курганы кривичей // САИ. Вып. Е 1-8. М.: Наука, 1974. 70 с.

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / Археология СССР. М.: Наука, 1982. 328 с.

Трутченкова О. Зооморфная пластика с многослойного поселения Курово 6 // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Европи. Матеріали XIII Міжнародної студентської наукової археологічної конференції. Чернігів: ЧНПУ, 2014. С. 120–121.

Фатьков А. Жилые постройки поселения Курово-6 // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Европи. Матеріали VII Міжнародної студентської наукової археологічної конференції. Чернігів: Сіверянська думка, 2008. С. 213–214.

Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н., Карпов Д.А., Миненко В.В., Чубур А.А. Охранные раскопки у села Курово на Судости // Археологические открытия 2006 года. М.: Наука, 2009. С. 322–326.

Шмидт Е.А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н.э. Тушемлинская культура. Смоленск, 2003. 296 с.

СКАНДИНАВСКИЕ КУЛЬТОВЫЕ И МАГИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ IX–XI ВВ. С НОВГОРОДСКОГО ГОРОДИЩА[1]

© 2014 г. Т.С. Дорофеева

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург
(vesti@archeo.ru)

Ключевые слова: городище под Новгородом, Рюриково городище, скандинавские амулеты, культовые и магические предметы.

Резюме. Археологические работы на новгородском (Рюриковом) городище ведутся с 1901 г., но только с 1975 г. экспедицией ИИМК РАН (руководитель Е.Н. Носов) проводится масштабное изучение памятника. За годы работы накоплен богатейший фактический материал, составлена большая коллекция предметов быта, вооружения, орудий труда, украшений и предметов культа. Результаты исследований Городища до 1989 г. были обобщены в двух монографиях (Носов, 1990; Носов, Горюнова, Плохов, 2005), а также рассматривались в многочисленных статьях, посвященных отдельным вопросам. Тем не менее, к настоящему времени в научный оборот введена лишь часть материалов Городища. В работах Т.А. Пушкиной и И. Янссона рассматривались находки, связанные с пребыванием на Городище скандинавов (Пушкина, 1988. С. 96–104; Янссон, 1999. С. 18–38). В данной работе рассматриваются скандинавские культовые и магические предметы, относящиеся к первоначальному периоду существования поселения. К ним относятся три привески с руническими надписями, три железных шейных гривны и их фрагменты с привесками в виде миниатюрных «молоточков Тора» или колечками, 13 фрагментов шейных обручей без привесок, восемь привесок-«молоточков» найденных отдельно; девять кресаловидных привесок; 10 «магических» колец-амулетов или погремушек («amulet-ring or rattle»), на четырех из них сохранились маленькие привески-кольца; три набора амулетов с привесками в виде миниатюрных копий предметов быта и вооружения; амулет в виде маленькой женской фигурки – валькирии; привеска в виде антропоморфной маски; клык моржа с магическими рисунками, а также два маленьких точильных камня без следов использования, изготовленных из слоистого фиолетового или желтоватого ленточного сланца.

Поселение на новгородском (Рюриковом) Городище, предшествовавшее Новгороду, «по своему этническому составу в IX–X вв. являлось славяно-скандинавским поселением» (Носов, 1990. С. 207). Присутствие скандинавов в материальной культуре памятника отражено предметами северного круга древностей, среди которых есть вещи культового или магического характера (Пушкина, 1988. С. 96–103; Носов, 1990; Янссон, 1999 С. 18–38; Носов и др., 2005; Мусин, 2012. № 2. С. 555–602). Их обзор сделан в 1999 г. в работе И. Янссона, отметившего примерно 30 таких находок (Янссон, 1999. С. 32–35). За прошедшие годы количество вещей этой категории значительно увеличилось.

В первую очередь, следует отметить три амулета из бронзы с руническими надписями (Мельникова, Носов, 1987. С. 210–222; Носов, 1990. С. 124. Рис. 47. С. 126, 156. Рис. 47; Дорофеева, Стеблин-Каменская, 2013. С. 159–175). Все они найдены на центральной, возвышенной части памятника: два – в 45 м к югу от церкви Благовещения, а третий – в 40 м к юго-западу от нее, на выходящем к Волхову крае холма. Две привески представляют собой небольшие кованые бронзовые пластинки: одна – трапециевидной формы (размер – 5,8×1,16-,15 см), вторая – прямоугольной (4,8×1,3 см). Надписи, содержащие магическую формулу, размещены вдоль пластинок, но в первом случае на обеих сторонах, во втором – только на одной (Носов, 1990.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке ОИФН РАН.

С. 124. Рис. 47. С. 126). В культурном слое памятника оба предмета оказались предположительно во второй половине X – рубеже X–XI вв. (Носов, 1990. С. 106). Третья привеска-амулет – литая четырехгранная с колечком для крепления, сделанным из рубчатой проволоки. Концы колечка слегка стесаны, заходят друг на друга, но примыкают не совсем плотно. Длина привески – 26 мм, ширина верхней части – 3,3×4,5 мм, основания – 4,4×7,3 мм. Диаметр колечка – 12 мм; толщина проволоки – 1,7 мм. Рунические знаки нанесены на поверхности всех четырех граней привески. Форма четырехгранной металлической привески не исключает вероятности того, что она является миниатюрной копией точильного камня или оселка (Дорофеева, Стеблин-Каменская, 2013. С. 159–175). Находка может быть датирована не позднее третьей четверти X в. (Носов, 2012. С. 18).

Культовыми предметами являются шейные гривны с привесками в виде «молоточков Тора». К настоящему времени на новгородском Городище известны находки 16 экземпляров железных шейных гривен (Дорофеева, 2013. С. 200–207). Три железных обруча имеют привески: на одном – миниатюрной гривне – «молоточек Тора», на втором – «молоточек» и четыре привески-колечка; на третьем – четыре «молоточка». За исключением миниатюрной железной гривны, все обручи фрагментированы. Из 16 экз. шейных гривен восемь небольших обломков отнесены к этой категории предположительно. Семь из них происходят из черного слоя X в. заполнения древнего рва, разделявшего укрепленную и неукрепленные части поселения IX–X вв. на центральной площадке памятника к юго-востоку от ц. Благовещения. Шейные гривны сделаны из тонкой кованой четырехгранной проволоки, перекрученной полностью или в нескольких местах. Сечение проволоки, как правило – 2,5-3 × 3-4 мм, диаметр перекрученной части – 4-5 мм. Форма застежки по сохранившимся на концах крючкам или петлям замка определяется у девяти экземпляров. Кроме того, учтено восемь отдельных железных привесок, копирующих «молот Тора» – шесть миниатюрных, которые могли крепиться к шейным обручам или связкам амулетов, и две больших. Общее количество копий «молотов», найденных вместе с шейными гривнами и отдельно от них, составляет 14 экземпляров. Один «молоточек» крепился с помощью петли, образованной верхней частью его рукояти, два – с помощью отверстия в верхней части привески, а 11 привесок – с помощью загнутого крючком конца рукояти. Две отдельные привески-«молота» были прикреплены к железным кольцам. Все предметы, за исключением двух случайных находок, обнаружены при раскопках. Найденные на Городище железные шейные гривны и отдельные привески в виде «молотов Тора» можно датировать второй половиной IX – третьей четвертью X в.

Скандинавским типом амулетов, несомненно, являются девять привесок в форме калачевидных кресал, которые часто называют ладьевидными или кресаловидными кольцами или подвесками (Дорофеева, 2012. С. 187–193). Четыре привески происходят из не потревоженных отложений или заполнения сооружений IX–X вв., одна – из древнерусского слоя, три были обнаружены при разборке слоев, лишенных стратиграфии, еще одна привеска является случайной находкой. Примечательно, что все рассматриваемые амулеты были найдены на разных участках Городища, но внутри укрепленной в X в. площадки поселения.

Культовый характер имеют плоские железные кольца с маленькими кольцами-привесками. Некоторые скандинавские исследователи, например, Б. Аррениус и И. Янссон, относят эту категорию находок к разряду магических и ритуальных предметов, интерпретируя ее как кольца-амулеты или «погремушки» («amulet-ring or rattle») (Excavations at Helgö, 1961. P. 147–148; Янссон, 1999. С. 35). Все кольца с уплощенными неплотно находящими друг на друга концами сделаны из прямоугольного в сечении железного прута. На новгородском Городище найдено десять таких амулетов (Янссон, 1999. С. 35), но маленькие железные колечки-привески на них сохранились только четырех случаях (Дорофеева, 2011. С. 187–193).

Два набора амулетов состоят из миниатюрных стерженьков-посохов или жезлов (Дорофеева, 2010. С. 28–34). Связка из трех бронзовых стерженьков происходит из запол-

нения рва, представляющего собой «закрытый» археологический комплекс X в. Длина стерженьков – 20 мм; диаметр – 2 мм. Через отверстия в верхней части они нанизаны на круглую в сечении бронзовую проволоку длиной 115 мм. Концы проволоки заострены и согнуты практически под прямым углом. Острые загнутые концы проволоки позволяют предположить, что связка могла крепиться к твердой деревянной основе. Второй набор из четырех серебряных стерженьков, является случайной находкой, предположительно с новгородского Городища. Стерженьки-посохи, длина которых – 12,5, 13, 13,5 и 13 мм, крепились через отверстия в средней части к сделанному из рубчатой проволоки кольцу с завязанными концами и высокой петлей диаметром 18-19 мм.

Еще один набор амулетов в виде миниатюрных предметов вооружения: щита, меча и копья был найден на центральной площадке Городища в черном слое X в. при разборке заполнения древнего рва (Дорофеева, 2014. В печати). Все миниатюры выполнены из железа. Круглый неорнаментированный щит диаметром 2,0 см сделан из тонкой пластины. В центре щита – полусферическая выпуклость диаметром 0,7 см, имитирующая умбон, а с внутренней стороны прикреплена тонкая узкая полоска, копирующая скобу для ношения. Скобка плотно фиксирует миниатюрные меч и копье. Длина копья – 5,0 см, двулезвийного сужающегося к острию меча – 4,5 см. Рассматриваемый набор амулетов не имеет отверстия, кольца или петли для подвешивания. Возможно, что его носили в специальном мешочке или кошельке.

Амулет в виде маленькой женской фигурки – валькирии найден в культурном слое на центральной площадке Городища датируется IX–X вв. (Носов, 1990. С. 122. Рис. 44, 2. С. 126, 159; Янссон, 1999. С. 26). Высота серебряной литой привески 2,7 см, ширина – 1,6 см.

Серебряная привеска в виде антропоморфной маски является случайной находкой (Пушкина, 1998. С. 97. Рис. 1, 6). Амулет выполнен из двух пластин. Лицевая объемная пластина декорирована зернью и сканой проволокой (5,5×1,7 см). Т.А. Пушкина отмечает, что близкие по форме и орнаментации привески встречены в материалах Готланда рубежа X–XI в. (Пушкина, 1998. С. 97).

К числу магических предметов относится клык моржа с процарапанными на нем двумя треугольниками, выполненными в разной манере (Носов и др., 2009. С. 370–384). Один треугольник образован тремя согнутыми в коленях соприкасающимися ногами. По-видимому, на них изображена легкая кожаная обувь с острым носком. На щиколотке и под коленом ноги перечеркнуты двойной линией, которая, скорее всего, выделяет область подвязок (онучей). Внутри треугольника имеются три линии, радиально расходящиеся из обведенного кружком единого центра. В 2,2 см слева от этого знака имеется изображение в виде «тройного» треугольника – нескольких незавершенных треугольников, которые пытались вписать один в другой. Клык с граффити происходит из слоя первой половины X в. (Носов и др., 2009. С. 370).

Амулетами, по мнению И. Янссона, могли быть два маленьких тщательно изготовленных из слоистого фиолетового или желтоватого ленточного сланца точильных камня без следов использования (Янссон, 1999. С. 35).

Найденные на Городище под Новгородом скандинавские культовые и магические предметы «являются самым очевидным указанием на сильные и непосредственные связи между провинциями близ озера Меларен в Центральной Швеции и Русью в эпоху викингов» (Янссон, 1999. С. 34), а моржовый клык с процарапанными изображениями свидетельствует о связях с Норвегией (Носов и др., 2009. С. 370–380).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дорофеева Т.С. Скандинавский амулет с Городища под Новгородом // Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 28–34.

Дорофеева Т.С. Скандинавская погремушка X в. с Городища под Новгородом // Новгород и Новгородская земля. История и археология. (Материалы научной конференции: Новгород, 25-27 января 2011 г.). Вып. 25. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2011. С. 187–193.

Дорофеева Т.С. Новые находки кресаловидных привесок на Городище под Новгородом // Новгород и Новгородская земля. История и археология. (Материалы научной конференции: Новгород, 24-26 января 2012 г.). Вып. 26. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2012. С. 187–193.

Дорофеева Т.С. Шейные гривны и привески-«молоточки Тора» с Городища под Новгородом (по материалам раскопок 1975-2012 гг.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы научной конференции, посвященной 80-летию М. Х. Алешковского (Новгород, 22-24 января 2013 г.). Вып. 27. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2013. С. 200–207.

Дорофеева Т.С., Стеблин-Каменская С.И. Новая находка привески-амулета с руническими знаками на Городище под Новгородом // Археологические вести. № 19. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 159–175.

Дорофеева Т.С. Отдельные находки металлических привесок-амулетов на новгородском (Рюриковом) Городище // Археология и история Пскова и Псковской земли: 59 заседание семинара имени академика В.В. Седова (Псков, 9-11 апреля 2013 г.). Псков, 2014. (в печати).

Мельникова Е.А., Носов Е.Н. Амулеты с рунической надписью с Городища под Новгородом // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1986. М.: Наука, 1988. С. 210–222.

Мусин А.Е. Скандинавское язычество на Востоке по данным археологии: общее и особенное // Российский археологический ежегодник. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, Университетский издательский консорциум, 2012. № 2. С. 555–602.

Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1990. 216 с.

Носов Е.Н. Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции ИИМК РАН в 2011 г. // Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН. 2012. Ф. 35. Оп. 1.

Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья: Новые материалы и исследования. Труды ИИМК РАН. Т. XVIII. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 404 с.

Носов Е.Н., Хвощинская Н.В., Дорофеева Т.С., Гиря Е.Ю. «Маленькая» находка в контексте большой истории // Хорошие дни…: Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород–СПб. –М.: ООО «ЛеонАрт», 2009. С. 370–384.

Пушкина Т.А. Скандинавские находки из Городища под Новгородом // Скандинавский сборник. Вып. XXXI. Таллин: Ээсти Раамат, 1988. С. 96–103.

Янссон И. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В.Л. Янина. М.: Русские словари, 1999. С. 18–38.

Excavations at Helgö. Stockholm: Almqvist&Wiksell, 1961. T. I: Report for 1954–1956. 214 P.

КАБАРДИНСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК КАРРАС (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК Д.Я. САМОКВАСОВА В ПЯТИГОРЬЕ 1881 ГОДА)[1]

© 2014 г. И.А. Дружинина[1], Д.В. Пежемский[2]

[1] Институт археологии РАН, Москва
(inga_druzh@mail.ru)
[2] НИИ и Музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва
(pezhemsky@yandex.ru)

Ключевые слова: Северный Кавказ, кабардинцы, курганы, погребальный обряд.

Резюме. В работе представлены результаты изучения археологических и краниологических материалов, полученных Д.Я. Самоквасовым в 1881 г. в ходе раскопок могильника у колонии шотландских миссионеров Каррас (совр. пос. Иноземцево Ставропольского края).

В начале 80-х гг. XIX в. в рамках подготовки к V археологическому съезду Д.Я. Самоквасов проводил обширные археологические работы в Пятигорском округе Терской обл. Наиболее полно был исследован курганный могильник, расположенный в окрестностях колонии шотландских миссионеров Каррас (совр. пос. Иноземцево Ставропольского края). Могильник состоял примерно из двух сотен насыпей, из которых раскопаны были 105. По аналогии с Белореченскими курганами Закубанья и могильниками XIV–XV вв. Северо-Восточного Причерноморья исследователь отнес карраские курганы «ко времени господства монголов над Русскою землею» (Самоквасов, 1908. С. 254) и связал их образование с кабардинцами – восточной ветвью адыгов. По своим масштабам раскопки Д.Я. Самоквасова на Каррасском могильнике остаются самыми значительными за всю историю археологического изучения кабардинских погребальных памятников Пятигорья. И несмотря на то, что анализ полученных материалов проведен не был, памятник сохраняет значение ключевого для изучения средневековых кабардинских древностей Центрального Предкавказья. Принципиально важно и то, что Д.Я. Самоквасовым были отобраны краниологические образцы из 23 погребений. Ранее эти материалы были изучены В.П. Алексеевым, однако они рассматривались в совокупности с разнородными коллекциями из некрополей, значительное число которых не принадлежало числу погребальных памятников адыгов (Алексеев, 1961). В настоящей работе представлены основные выводы изучения материалов Карраского могильника: археологических – находящихся на хранении в фондах ГИМ, и антропологических – из Музея антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Опубликованные материалы раскопок представляют собой краткое или более развернутое описание 52 погребальных комплексов, а также таблицы с изображением отдельных ярких находок. Относительно 53 безынвентарных погребений Д.Я. Самоквасов отметил лишь их обрядовое сходство с остальной частью комплексов.

Погребальный обряд. Почти все насыпи по основанию были обложены камнем. Высота курганов составляла 0,7–2,85 м, диаметр – 17,8–35,5 м. Все погребения одиночные. Из 44 случаев, в которых указано расположение погребенного относительно уровня дневной поверхности, 28 выявлены на древнем горизонте, 16 – в ямах. Могилы в основном не глубокие (0,3 м), и только в трех курганах глубина ям достигала 0,7–1,1 м. Большинство

1 Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-01-00368а.

погребений совершены в гробах, сбитых из шести досок, сколоченных деревянными или железными крупными гвоздями, крышка гроба плоская или выпуклая. В шести случаях выявлены колоды, выдолбленные из стволов деревьев, расколотых на две неравные части, из которых меньшая часть использовалась в качестве перекрытия. В одном случае колода была перекрыта досками. В трех погребениях Д.Я. Самоквасовым зафиксированы «деревянные помосты или засклепки могил» (Самоквасов, 1882. С. 9).

Выявленные особенности позволяют разделить погребальные комплексы на группы: 1) погребения, совершенные на горизонте, инвентарные; 2) погребения в неглубоких могильных ямах, в гробах, с инвентарем и без; 3) погребения в глубоких могилах с деревянными перекрытиями – «засклепками», в колодах, с инвентарем или без. Две первые группы отражают, на наш взгляд, различные религиозные представления «каррасцев». Погребения первой группы совершены в соответствии с традиционными языческими обрядами средневековых адыгов. Особенности комплексов второй группы свидетельствуют о принятии частью пятигорских кабардинцев христианства.

О распространении христианства среди пятигорских черкесов/кабардинцев нам известно по письменным источникам XVI в. (Матвей Меховский, 1457-1524) (Кавказ…, 2010. С. 31). С одной стороны, восприятие этой религии было весьма поверхностным, в то время как прочную основу верований кабардинцев представляли древние политеистические верования. О пятигорских черкесах уже в XVII в. Н. Витсен писал: «Они язычники или, если так можно сказать, выродившиеся христиане, так как у них можно встретить еще такой остаток христианства, как празднование Пасхи, а в остальном они язычники» (Кавказ…, 2010. С. 70). С другой стороны, комплексы второй группы представляют собой основную массу погребений могильника, что указывает на широкое распространение христианства среди «каррасцев».

Особенности третьей группы погребений, по-видимому, сформировались под влиянием традиций иноэтничного населения Пятигорья. Как было отмечено нами ранее, захоронения в колодах не характерны для погребальных традиций западных адыгов (Дружинина, 2013). Не исключено также, что появление деревянных перекрытий над могилами и увеличение глубины ям связаны с проникновением другой монотеистической религии – ислама. Весьма показательно, что все три комплекса отличаются большими размерами курганных насыпей и обилием и известным богатством предметов погребального инвентаря. В этом случае последнее обстоятельство указывает на то, что первыми носителями новой, мусульманской религии среди кабардинцев могли быть представители знати. Более-менее заметное распространение ислама среди кабардинцев источники позволяют относить к XVII в. Как и христианские верования, ислам «встраивается» в сложную систему традиционных языческих представлений восточных адыгов.

На позднюю *датировку* могильника указывает целый ряд находок. Из них среди предметов вооружения – сабли значительной длины (113, 117,3, 120,3 см) сильноизогнутые (кривизна 7,2; 8,2, 8,1 см), участок максимального изгиба – последняя треть клинка, сечение в нижней трети полосы ромбическое, перекрестия с прямыми концами; фрагменты колчана, орнаментированного аппликацией из тонкого листового серебра, при этом узор имеет многочисленные аналогии на предметах материальной культуры адыгов позднего средневековья и этнографического времени. Аналогичным образом орнаментирован колчан из кургана 6 могильника 2 у сел. Чегем II. Этот кожаный колчан тонкого шитья был декорирован позолоченными бронзовыми бляшками и сложными аппликациями (Нагоев, 2000. С. 56). Заметим, что этот прием не имеет ничего общего с орнаментацией колчанов золотоордынского времени, украшенных костяными накладками.

Из бытовых предметов наиболее показателен типологический состав кресал. Это калачевидные кресала без язычка с разомкнутыми прямыми или отогнутыми в завитки концами; треугольные кресала с длинным язычком, разомкнутыми прямыми концами; фигурные (с двумя кольцами); кресала с завернутыми в петли концами, одно или два из которых смыкаются с основанием (так называемые

В-образные кресала). Кресала последнего типа широко распространены в кабардинских курганах, западнее этой группы подобные выявлены в единичных случаях (в погребениях могильников Северо-Западного Кавказа Центрлаба-3, Лефтерова щель, Черноморка-2). Датируются эти кресала XV–XVIII вв., при этом наибольшее распространение получают в XVI–XVII вв.

Детали одежды и украшения представлены пуговицами, застежками, фрагментами шапочек, несессерами, височными кольцами, бусами, перстнями и кольцами, серьгами. Весьма показательно отсутствие ажурных элипсовидных пуговиц, получивших широкое распространение в золотоордынское время. Выявлены серебряные полые шаровидные пуговицы с ушком, литые и штампованные (из двух половинок). Литые пуговицы украшены 4-5 шариками зерни, расположенными напротив ушка. Аналогичные бронзовые позолоченные пуговицы со вставкой из бирюзы напротив ушка происходят из кургана 3 Бамутского могильника предгорной зоны Ингушетии (Крупнов, Мунчаев, 1963. С. 222–223. Рис. 5, *2*), который датируется не ранее XVI в.

Аналогии плоским кольцами с прорезью, которые В.П. Левашева относила к мужским височным кольцам, известны как в Белореченских курганах (Левашева, 1953. С. 204. Рис. 12, *2*), так и в материалах склеповых погребений первой половины XVIII – начала XIX в. у сел. Пялинг горной Ингушетии (Чахкиев, 1998. С. 63, 82. Рис. 13, *3, 4*).

Выявленные в ряде каррасских погребений серьги в виде расплющенного знака вопроса с длинным стерженьком и тремя насаженными в ряд полыми бусинами, сложенными из двух половинок, находят аналогии в инвентаре из погребения в мавзолее конца XVII–XVIII вв. у поселка Гоуст горной Ингушетии (Даутова, Чахкиев, 1988. С. 52–53, 62. Рис. 10, *11, 12*).

К наиболее поздней группе вещей из Карраса относятся также и медные или серебряные перстни. Среди них выделяются группа перстней-«печаток» – с узким сплошным обручем плоского поперечного сечения и припаянным к обручу массивным щитком. Общая форма щитка – усеченный конус, с гладкой или рельефной боковой поверхностью, фронтальная площадка щитка – круглая и либо плоская, орнаментированная насечкой, либо оформлена в виде рельефной розетки. Ко второй группе относятся перстни с широким разомкнутым обручем плоским в сечении, со вставкой, украшенной по окружности сканным узором, жуковина – стекловидная паста или стекло. Аналогии им обнаружены в материалах склеповых погребений Города мертвых в Северной Осетии (Тменов, 1979. С. 129. Рис. 27, *5*). Исследователь, опираясь на заключение Э.В. Кильчевской, датирует подобные перстни «временем не ранее XVI в. и не позднее конца XVIII – начала XIX в.» (Тменов, 1979. С. 139).

К группе поздних находок отнесем и узкие нагрудники (застежки). По мнению В.М. Батчаева, прототипы нагрудных застежек известны еще в аланских комплексах, в послемонгольскую эпоху эта деталь костюма получает более широкое распространение, а количество застежек на платье возрастает до 5-6 пар, при этом наибольшую популярность в XV–XVIII вв. они получают у балкарок и осетинок (Батчаев, 2006. С. 66–67).

В целом особенности погребального обряда и инвентаря позволяют отказаться от устоявшейся в историографии датировки Каррасского могильника XIV–XV вв. и указывают на появление памятника на рубеже XV–XVI вв., при этом самую позднюю группу погребений можно отнести к XVII в.

Краниологическая серия из Карраса насчитывает 14 мужских и 9 женских черепов, до настоящего времени хранящихся, как уже сказано выше, в Музее антропологии МГУ им М.В. Ломоносова (инв. № 3680–3690, 3692–3705). Данная выборка представляет население, обладавшее мезокранным черепом средних размеров, отличительные черты которого – большая высота свода, широкие и довольно низкие глазницы. Для женской части выборки характерны еще и высокое лицо, высокий нос и средневысокие глазницы. Морфометрические признаки мужских черепов из Карраса были рассмотрены в многомерном статистическом пространстве, построенном на краниометрических данных 42 других выборок. Анализировались продольный, поперечный и высотный диаметры черепа, наименьшая ширина лба, скуловая ширина, верхняя высота лица, высота и ширина носа, ширина и

высота орбиты. Канонический анализ выполнен в программе Multican. Для этого сопоставления были взяты четыре выборки, как и Каррас традиционно относимые к средневековым адыгам и удовлетворяющие критерию достаточной численности: Жанэ, Ново-Кувинский, Горячеводская и Черноморское побережье суммарно (Алексеев, 1961). Кроме них были привлечены данные о 38 выборках черепов представителей большинства современных народов Северного Кавказа, в том числе шапсугов и натухайцев, и некоторых народов Закавказья (Алексеев, 1974). Первый канонический вектор (далее КВ; 38,04% общей изменчивости) разделяет выборки с относительно коротким и широким мозговым отделом черепа от выборок с противоположной комбинацией признаков. Второй КВ (17,01%) отделяет выборки с высоким сводом и низким лицом (при этом с высоким и узким носом, а также широкими орбитами) от тех, что представляют противоположный краниологический комплекс. Третий КВ (15,53%) отделяет выборки с широким лбом, большим скуловым диаметром и высокими глазницами от тех, что также имеют противоположный морфометрический комплекс. В пространстве КВ I и КВ II (55% общей изменчивости) сравниваемые выборки расположились таким образом, что те из них, которые интересуют нас в данной работе больше всего (выборки средневековых и современных адыгов), находятся в самом верху левого верхнего квадранта. Для них характерны отрицательные значения КВ I и максимально положительные значения КВ II (относительно длинный и узкий мозговой отдел, высокий свод черепа, низкое лицо, узкий относительно высокий нос, широкие глазницы). В максимальной степени эти особенности выражены у натухайцев. В этом же морфологическом поле находятся черепа шапсугов и искомый Каррас, который показывает наибольшую близость к шапсугам при любых сочетаниях канонических векторов. Сравнительно близко к ним расположились серии из Горячеводской и Даргавса (последнюю принято считать осетинами-иронцами), однако это сходство не подтверждается в других вариантах анализа. Две другие выборки, относимые в литературе к средневековым адыгам (Жанэ и сборная серия из памятников Черноморского побережья), расположились в поле уже положительных значений КВ I. Тем самым они демонстрируют присутствие здесь иного краниологического варианта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII вв. Вып. III / Сост. В. Аталиков. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. 304 с.

Алексеев В.П. Антропологический тип адыгов в эпоху позднего средневековья // Сб. материалов по археологии Адыгеи. Т. II. Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1961. С. 208–220.

Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа (краниологическое исследование). М.: Наука, 1974. 318 с.

Батчаев В.М. Балкария в XV – начале XIX вв. Историко-культурное наследие народов Центрального Кавказа. Вып. I. М.: ТАС-ИЗДАТ, 2006. 239 с. (Археология).

Даутова Р.А., Чахкиев Д.Ю. Некоторые материалы по мавзолеям горной Ингушетии // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингуш. Ин-т истории, социологии и филологии, 1988. С. 37–66.

Дружинина И.А. Сообщение Джорджио Интериано о погребальном обряде черкесов в свете данных археологии // Шестая междунар. Кубанская археологическая конф. Мат-лы. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 118–121.

Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М. Бамутский курганный могильник XIV–XVI вв. // Древности Чечено-Ингушетии. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 217–242.

Левашева В.П. Белореченские курганы // Археологический сб. М.: ГИМ, 1953. С. 163–213. (Тр. ГИМ; Вып. XXII).

Нагоев А.Х. Средневековая Кабарда. Нальчик: ЭЛЬ-ФА, 2000. 232 с.

Самоквасов Д.Я. Могильные древности Пятигорского округа (Отчет об археологической командировке на Кавказ в 1881 году). СПб., 1882. С. 1–31.

Самоквасов Д.Я. Могилы Русской земли. М.: Синодальная тип., 1908. С. 242–254.

Тменов В.Х. Город мертвых (Позднесредневековые склеповые сооружения Тагаурии). Орджоникидзе: Ир, 1979. 153 с.

Чахкиев Д.Ю. Башнеобразный склеп в селении Пялинг // Новое в археологии и этнографии Ингушетии. Нальчик: ЭЛЬ-ФА, 1998. С. 46–82.

ПОЯВЛЕНИЕ КАРИНСКИХ ТАТАР НА ТЕРРИТОРИИ ВЯТСКОГО КРАЯ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ

© 2014 г. А.В. Егоров

Научно-производственный центр по охране объектов культурного наследия Кировской области, Киров
(general882007@yandex.ru)

***Ключевые слова*:** каринские татары, Вятский край, Волжская Булгария, Золотая Орда, кольцевая система обороны, городища булгаро-татарского типа.

Резюме. Статья посвящена проблеме появления каринских татар на территории Вятского края. Дано описание археологических исследований в районе с. Карино в разные годы. Выдвинуто предположение относительно этнической составляющей первых поселенцев и хронология их появления.

На территории Слободского района Кировской области находится старинное татарское село Карино, где проживает особая этнографическая группа татар – каринские (нухратские) татары. Каринские татары считаются этнотерриториальным кустом чепецкой группы казанских татар. Над проблемой их появления работали многие поколения ученых. Исследования велись на основании имеющихся письменных документов, лингвистических и этнографических данных. В связи с исчерпанностью традиционных источников, представляется актуальным рассмотреть происхождение этого народа в свете археологических данных.

Впервые окрестности с. Карино были описаны А.А. Спицыным. Им в 1890 г. было осмотрено Каринское городище, расположенное к юго-востоку от д. Деветьярово (Верхнее Карино). Ученый подчеркивал, что «оно относиться к числу несодержательных» и отмечал среди находок только «обломки костей да каких-то песчаниковых камней, и то в небольшом количестве» (Спицын, 1893. С. 189). В 1983 г. Каринское городище было обследовано разведгруппой Камско-Вятской археологической экспедиции под руководством Е.А. Обуховой. В ходе обследования в юго-западной части памятника был заложен шурф размером 2х2 м, который выявил культурный слой мощностью до 55 см без находок (Обухова, 1983. С. 6–7). У с. Карино было так же обнаружено позднесредневековое Нижнекаринское селище.

В 2013 г. окрестности с. Карино были обследованы в ходе археологической экспедиции «Научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области» под руководством автора данной статьи. Было установлено, что размеры памятника составляют около 90Ч65 м. По краю площадки и с напольной стороны идет кольцевой вал высотой 1-2 м и шириной 1-1,5 м. С напольной же стороны предположительно проходит вторая линия вала. Площадка памятника отделена от коренной террасы заплывшим рвом глубиной до 4 м. В юго-западной части городища был заложен шурф в котором ниже дерна залегал пахотный слой коричневой супеси мощностью 0,1-0,15 м. Под ним фиксировалась слой угля мощностью до 0,25 м. В шурфе были обнаружены несколько обожженных костей животных и один фрагмент керамики коричневого цвета с примесью песка в тесте. Данный фрагмент керамики предположительно выполнен в булгаро-татарской традиции[1]. В окрестностях Каринского городища было открыто два сели-

1 Автор благодарит д.и.н. Ф.Ш. Хузина за помощь в предварительном определении керамического материала, обнаруженного в окрестностях с. Карино.

ща с позднесредневековым материалом – Деветьяровское I и II.

Местные жители называют городище Кала-Тау (город-гора, городище) и считают местом первоначального проживания татар в районе села, а также местом проживания князей Деветьяровых. Крайне интересна оборонительная система городища. Сплошные кольцевые валы не характерны для средневековых городищ Вятского края. Ближайшие городища с аналогичными укреплениями и названиями «Кала-Тау» известны на территории Среднего Поволжья и определены как булгарские или булгаро-татарские. Р.Г. Фахрутдинов относил подобные городища с кольцевой системой обороны и небольшим культурным слоем к типу феодальных замков (Фахрутдинов, 1990. С. 80). К такому же типу относит хорошо укрепленные городища с небольшой площадью до 6 га и А.М. Губайдуллин (Губайдуллин, 2002. С. 103). Городища определяют мощные оборонительные укрепления при небольших площадях и наличие нескольких окружающих селищ, представляющих собой открытые поселения-деревни в поместье феодала. Хотя в окрестностях с. Карино выявлены лишь поздние селища, таковыми могут быть современные татарские поселения – д. Деветьярово (где на Деветьяровском I селище был обнаружен фрагмент керамики в булгаро-татарской традиции) и само с. Карино. Оба эти поселения имеют древнюю историю и вероятно на заре своего появления были связанны с городищем. Около городища известен ручей (местное название Мрслантешме) и надгробные памятники нач. XVI в. с арабской и тюрко-татарской эпиграфикой почитаемые местным населением на близлежащем кладбище (местное название – Мазар-кладбище). Подобное почитаемое кладбище с надгробиями и «святой» ручей имеется у Чувашско-Бродского городища в Алькеевском районе Татарстана (Фахрутдинов, 1978. С. 220). Похожие на Каринское городище памятники известны в бассейне Б. Черемшана, это Утяшкинское, Ошинское и Елантовское городища. Эти памятники имеют небольшую площадь, незначительный культурный слой (на Утяшкинском слоя вообще не выявлено), вокруг них отсутствуют селища. Р.Г. Фахрутдинов относит их к типу военных фортпостов имеющих стратегическое значение (Фахрутдинов, 1978. С. 222–223). На наш взгляд, Каринское городище может рассматриваться как сочетающее в себе функции городища-замка и городища-форпоста.

По характеру укреплений, городище предположительно можно интерпретировать как памятник булгаро-татарского типа и отнести к золотоордынскому периоду. Появление в окрестностях с. Карино первых тюркоязычных поселенцев, вероятно, следует связывать с появлением данного памятника и отнести к периоду не ранее XV в. Кольцевой характер обороны, как отмечают исследователи, свойственен оборонительной системе Болгара золотоордынского периода (Краснов, 1987. С. 110). Надгробные памятники, известные на территории старого татарского кладбища, хотя и относятся к нач. XVI в. по многим параметрам архаичны и напоминают надгробия XV в. из с. Тат. Ходяшево Республики Татарстан (Мухаметшин, 2008. С. 53). XV в. датируются и первые письменные источники по истории каринских татар. Д.М. Исхаков, на основе их анализа, предполагает, «что создание на севере Арской даруги особого фортпоста в виде укрепленного городка «Кала-тау» было связано с походом московских войск 1459 г. на Вятку» (Исхаков, 2010. С. 129). Возможно наличие среди первых тюркоязычных поселенцев и определенной части волжских булгар. Некоторые исследователи видят таковых в бессермянском населении края. Отмечается, что чепецкие татары состоят из двух этнических компонентов: булгарского, в своей основе бессермянского, компонента и золотоордынско-тюркского, т. е. собственно татарского компонента (Исхаков, 2010. С. 67). Причем, оба этих компонента испытали определенное влияние со стороны проживавших в крае удмуртов.

Начиная с XIV в., по мнению С.Х. Алишева, происходит отток тюркоязычного населения с территорий Волжской Булгарии на обширную территорию Предкамья (Алишев, 2009. С. 92–93). Вероятно с одним из таких переселений, намеренным или вынужденным, стоит связывать и появление каринских татар в бассейне р. Чепцы и образование там целого гнезда татарских деревень, существующих до сих пор. Данные выводы пока носят

предварительный характер, а окончательное решение вопроса о появлении каринских татар видится в дальнейшем археологическом обследовании окрестностей с. Карино.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алишев С.Х. Болгаро-казанские и золотоордынские отношения в XIII–XVI вв. Казань: Татарское книжное издательство, 2009. 159 с.

Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. 232 с.

Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары. Казань: изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. 224 с.

Краснов Ю.А. Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М.: «Наука», 1987. С. 99–124.

Мухаметшин Д.Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Вып. 6. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. 132 с.

Обухова Е.А. Отчет о разведочных работах в Слободском районе Кировской области, проведенных летом 1983 г. // Фонды Института истории и культуры народов Приуралья при УдГУ. 1983. Ф. 2. Д. 218.

Спицын А.А. Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии Восточных губерний России. Вып. 1. М., 1893. 192 с.

Фахрутдинов Р.Г. Новые археологические памятники Волжской Булгарии // Советская археология. № 1. М., 1978. С. 216–228.

Фахрутдинов Р.Г. Классификация и топография булгарских городищ // Советская археология. № 4. М., 1990. С. 68–85.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ПЛИНФА: ТЕХНОЛОГИЯ И ТИПОЛОГИЯ

© 2014 г. Д.Д. Ёлшин

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
(*denis.jolshin@gmail.com*)

Ключевые слова: Древняя Русь, древнерусская архитектура, строительная техника, плинфа, кирпич, средние века, архитектурная археология.

Резюме. В статье рассматривается современная методика типологизации плинфы – древнерусского кирпича X–XIII вв., сложившаяся в результате исследований в этой области, продолжающихся почти два века. В последние годы технологическое изучение плинфы позволило открыть существенное разнообразие применявшихся способов формовки кирпича на сравнительно коротком временном промежутке – домонгольском периоде древнерусской архитектуры. Вместе с летописными датировками храмов, а также редким использованием сполии, эти технологические различия позволяют уверенно атрибутировать и датировать фрагменты плинфы, происходящие из археологического слоя или архитектурно-археологического контекста.

Плинфа (так, следуя греческому термину, именовался кирпич в древнерусских письменных источниках) являлась основным строительным материалом более 200 из известных монументальных сооружений, в основном, церковных построек Древней Руси конца X – начала XIII в. Значительное количество древнерусских памятников, в том числе археологизированных, уверенно связывается с храмами, упомянутыми в летописях, которые часто содержат точные даты строительства и освящения. Традиции плинфяной архитектуры были принесены на Русь византийскими строителями. В отличие от территории Византийской империи и сопредельных государств, в Древней Руси отсутствовали источники сполии –руины построек предшествующего античного или раннесредневекового времени,

строительные материалы которых широко использовались византийцами для возведения новых зданий. На Руси строительные материалы почти всегда изготавливали для каждой новой постройки. Это позволяет точно определить особенности плинфы для отдельных памятников, временных периодов и строительных центров. Разница этих особенностей бывает весьма существенной, и была замечена уже при первых исследованиях древнерусских памятников в начале XIX в. К концу столетия стало обычным упоминать размеры и некоторые другие заметные характеристики плинфы в публикациях реставрационных и археологических отчетов. Исследованиями первой половины XX в. было накоплен значительный массив сведений о плинфе, чтобы осуществить первые попытки создания очерков развития технологии в отдельных строительных центрах Древней Руси (Каргер, 1958. С. 455–458). Во второй половине XX в. большое внимание уделялось изучению формата плинфы, то есть ее размерным характеристикам и их изменению во времени, от памятника к памятнику, в результате чего была выявлена общая тенденция к постепенному уменьшению размеров плинфы на протяжении XI–XIII вв., сопровождавшаяся увеличением ее толщины (Раппопорт, 1976; Штендер, 1977. С. 443; Демичева, 1984; Демичева, 1989). Наиболее подробно публиковались случаи маркировки плинфы в виде клейм, рельефных знаков и меток, которые, очевидно, отражают систему организации производства плинфы, а возможно, также и связи строителей и заказчиков (Хозеров, 1929; Белецкий В.Д., 1971; Раппопорт, 1977; Белецкий С.В., 1999). Итог исследованиям древнерусской плинфы в XX в. был подведен в работах П.А. Раппопорта; помимо формата и маркировки, в них затрагивались и вопросы использования разных систем формовки плинфы (Раппопорт, 1989; Раппопорт, 1994. С. 5–36). Это направление и стало основным в последней литературе по исследованию технологии древнерусской плинфы: были систематически рассмотрены технологические следы, такие как отпечатки досок формы, подсыпки, следы обработки широких поверхностей и другие, на плинфе Северо-Восточной Руси (Торшин, 1994; Жервэ, 2007), Новгорода Великого (Новоселов, 2002. С. 23–32; Ёлшин, 2013), южнорусских земель (Из истории строительной керамики, 2003; Сиромятников, 2004; Ёлшин, 2008).

Принципиально новым методическим подходом является определение способа формовки плинфы на основании комплекса определенных технологических отпечатков. Формовка каждой плинфы производилась вручную и отдельно. Такой способ сохранялся вплоть до начала XX в., описания кустарных промыслов этого времени помогают реконструировать детальные различия способов формовки (Ёлшин, 2010). Процесс ручной формовки плинфы заключался в набивании керамического теста, вероятнее всего в виде заготовки, в специальный деревянный ящик. Затем происходило удаление излишка теста с верхней поверхности и ее выравнивание, после чего сырец извлекали из формы, сушили и обжигали.

Судя по сохранившимся на древнерусской плинфе следам, выравнивание верхней поверхности производилось двумя основными способами: разовым продольным заглаживанием с помощью доски (киевская плинфа XI–XII вв., новгородская, смоленская плинфа XII в.) и нерегулярным (круговым, зигзагообразным и др.) заглаживанием рукой и/или рукавицей (плинфа Десятинной церкви в Киеве X в., плинфа Софии Новгородской XI в., вся черниговская плинфа). Отпечатки на противоположной, нижней постелистой поверхности позволяют определить, использовалась форма с дном или без него. Ровная, гладкая поверхность нижней поверхности плинфы, схожая с поверхностями торцов, свидетельствует об использовании формы с дном или подкладной доской (плинфа киевского Софийского собора 30-х гг. XI в.). Еще более достоверно на это указывают отпечатки древесных волокон на нижней постелистой поверхности плинфы и отпечатки стыков между досками наборного дна (полоцкая и смоленская плинфа XII в.). Напротив, неровность нижней поверхности и отпечатки на ней подсыпки на формовочной площадке или столе (песок, кирпичная или известняковая крошка, глина, сено) говорят об использовании формы-рамки без дна. Плинфа Ярославля и Ростова Великого начала XIII в. обрабатывалась заглаживанием обеих постелистых сторон.

Наиболее важными являются следы от деревянной формы на торцах плинфы, часто довольно слабые и заметные только в косом освещении. Наличие поперечных вертикальных следов на торцах почти всегда свидетельствует об использовании неразборной формы, представлявшей собой рамку-«пролетку» (плинфа Спасского собора в Чернигове и Софийского собора в Новгороде второй четверти XI в., плинфа Киева и Новгорода XII–XIII вв.). Плинфа, сформованная в «пролетке», обычно имеет значительные колебания в толщине. На нижней грани торцов часто фиксируется массивный подтек керамического теста, образовавшийся в результате наполнения формы заготовкой избыточного объема. Во многих случаях фиксируются следы удаления этого подтека (срезания, смазывания или отламывания) при последующей дополнительной обработке сырца. Края верхней постелистой поверхности обычно слегка приподняты к торцам от снимания с сырца рамки-«пролетки» (новгородская плинфа XII в.). Иногда эту деформацию стремились исправить путем приминания доской или бортом формы, в результате чего возникали «каемки», или вдавленные бортики (особенно характерные для киевской плинфы на протяжении всего XII в.).

Горизонтальные (продольные) отпечатки древесных волокон на торцах являются чаще всего свидетельством использования разборной формы (иначе выглядят горизонтальные следы от вырезания лекальных форм из прямоугольных сырцов). Часто такая форма вообще не оставляет отпечатков, и торцы выглядят гладкими. На торцах встречаются небольшие закраины с одной или двух сторон, имеющие четкие грани - отпечатки бортов формы. Поскольку форма аккуратно разбиралась после набивания в нее керамического теста и выравнивания, изготовленная таким образом плинфа обычно не имеет серьезных деформаций и колебаний толщины. Для этого способа также характерно использование рельефных торцевых знаков (черниговская, полоцкая, смоленская, ростовская плинфа XII–XIII вв.).

Особый способ представляет собой изготовление плинфы в форме со скошенными торцами (плинфа Десятинной церкви в Киеве конца X в., плинфа Переяславля Южного конца XI - начала XII в.). Хотя на торцах изредка фиксируются только горизонтальные отпечатки ее бортов, форма была неразборной. Такой результат был возможен, поскольку извлечение сырца из формы достигалось путем ее переворачивания (аналогично «выпеканию куличей»).

Таким образом, в настоящее время выделено не менее четырех базовых способов формовки древнерусской плинфы, а с учетом характерных нюансов – до десяти и более. Важно отметить, что на древнерусских памятниках не встречается параллельного использования разных способов формовки плинфы на определенном строительном этапе. Наоборот, различие способов формовки часто хорошо прослеживается между плинфой первоначальных кладок и участков ремонтов домонгольского времени. Показательным исключением из этого правила является строительный материал Михайловской божницы в Остре, городке, расположенном на равном расстоянии между Киевом и Черниговом. Киевская и черниговская плинфа, существенно различная по способу формовки, керамическому тесту, размерам и маркировке, применена в однородной кладке этого сооружения чересполосно.

Маркировка плинфы непосредственно связана со способом формовки. Нанесение рельефных знаков на торцах плинф было возможным только при использовании разборной формы, и распространение их совпадает. В случаях использования неразборной формы торцы оставались без маркировки, а на постелистые поверхности наносились метки (киевская и новгородская плинфа первой половины XII в.), расчесы гребенкой (киевская, переяславская и волынская плинфа середины – второй половины XII в.), реже - вдавленные клейма (плинфа Десятинной церкви в Киеве, церкви Дмитрия Солунского в Пскове и др.). Насущной необходимостью является составление сводного каталога маркировки древнерусской плинфы.

В последние годы скорректирован подход к изучению закономерностей изменений размеров плинфы во времени. Выяснилось, что в каждом строительном центре динамика этих изменений имела собственные относительные и абсолютные параметры и зача-

стую демонстрирует не плавное постепенное уменьшение размеров, а наоборот, периоды устойчивости и скачкообразные перемены между ними. Размеры плинфы разных, даже территориально близких, строительных центров можно сравнивать между собой лишь с большой долей условности; датировки, основанные на таких сравнениях, не подтверждаются другими материалами. Кроме того, при строительстве использовались, кроме основного, несколько дополнительных форматов, а также, зачастую, лекальные (фигурные) формы плинфы. Изучение сортамента (набора) дополнительных и лекальных форматов, свойственного отдельным памятникам или их группам, а также контекста использования разных форм, в перспективе может способствовать прояснению связей между памятниками.

Важными характеристиками плинфы являются состав и фактура керамического теста, определяющим значением для которых являются тип исходного сырья (местных глин) и специфические добавки (песок, шамот, известняк, кварцит, щепа, солома и полова), способствовавшие достижению требуемых консистенции при формовке, скорости сушки и равномерного обжига. Это наименее разработанная область, в которой перспективными являются петрографические анализы серий эталонных образцов.

Современный методический подход к типологизации древнерусской плинфы, таким образом, заключается в комплексном анализе 4 основных характеристик плинфы: 1. технологических отпечатков (дающих представление о способе формовке), 2. маркировки плинфы, 3. размеров (включая весь сортамент и контекст применения форм), 4. состава керамического теста. Типологическая атрибуция плинфы позволяет датировать как монументальные постройки, чьи датировки не сохранились в источниках, так и объекты в археологическом слое, обнаруживать связи между памятниками разных архитектурных школ, выявлять внешние импульсы (появление новых мастеров), наконец, уточнить представления об особенностях организации монументального строительства в Древней Руси.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белецкий В.Д. Клейма и знаки на кирпичах XII в. из церкви Дмитрия Солунского в Пскове // СА. 1971. №2. С. 272–277.

Белецкий С.В. К вопросу об информативных возможностях княжеских знаков на древнерусских кирпичах // Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппопортовские чтения. Тезисы докладов. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1999. С. 8–10.

Демичева Н.Н. Исследование памятников новгородского зодчества XII – начала XIII в. по данным об эволюции формата кирпича // СА. 1984. № 1. С. 220–228.

Демичева Н.Н. О датировке памятников домонгольского зодчества в Пскове // КСИА. 1989. Вып. 198. С. 112–117.

Ёлшин Д.Д. Плинфа Переяславля Русского // Наукові записки з української історії. Вип. 20. Переяслав-Хмельницкий, 2008. ДВНЗ «Переяслав-Хмельницький державний педагогичний університет імені Григорія Сковороди». С. 209–225.

Ёлшин Д.Д. Новые исследования древнерусской плинфы: итоги и перспективы // Археологія і давня історія України. Вип. 1. Проблеми давньоруської та середньовічної археології. Київ, 2010: Інститут археології НАН України С. 395–407.

Ёлшин Д.Д. Новгородская плинфа XI–XIII вв.: возможности типологического изучения // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 27. Великий Новгород: Новгородский государственный музей-заповедник , 2013. С. 208–213.

Жервэ А.В. Южнорусские традиции в зодчестве Северо-Восточной Руси в конце XII - первой четверти XIII вв. // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії центрально-східної Європи. Збірник наукових праць, присвячений 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів. Чернігів: Редакційно-видавничий комплекс «Деснянська правда», 2007. С. 262–271.

Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы. Архитектурно-археологический семинар. СПб.: Издательство Гос. Эрмитажа, 2003. 162 с.

Каргер М.К. Древний Киев. Очерки истории материальной культуры древнерусского города. Т.1. М., Л.: Издательство АН СССР. 1958. 579 с.

Новоселов Н.В. От Благовещения до Благовещения. Строительное производство Новгородской земли в период сложения местной архитектурной школы. СПб.: Издательство СПбГУ, 2002. 196 с.

Раппопорт П.А. Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича // СА. 1976. №2. С. 83–93.

Раппопорт П.А. Знаки на плинфе // КСИА. 1977. Вып. 150. С. 28–33.

Раппопорт П.А. Кирпич Древней Руси // Памятники науки и техники (1987-1988). М.: Наука, 1989. С. 133–164.

Раппопорт П.А. Строительное производство Древней Руси X–XIII вв. СПб.: Наука, 1994. 158 с.

Сиромятников О.К. До питання про формування плінфи із скошеними краями X-XI ст. // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ: Інститут археології НАН України, 2004. С. 248–254.

Торшин Е.Н. К вопросу о производстве плинфы в Северо-Восточной Руси (по материалам раскопок церкви Бориса и Глеба в г. Ростове) // История и культура Ростовской земли. Материалы конференции 1993 г. Ростов, 1994. С. 183–187.

Хозеров И.М. Знаки и клейма кирпичей смоленских памятников зодчества древнейшего периода // Научные известия Смоленского государственного университета. 1929. Т. 5. Вып. 3. С. 167–184.

Штендер Г.М. О ранних Федоровских храмах древнего Новгорода // ПКНО 1977. М., 1977. С. 435–444.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ КАК ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ МАРИЙЦЕВ

© 2014 г. Д.Ю. Ефремова

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, Йошкар-Ола (diana-efremva@rambler.ru)

***Ключевые слова**:* марийские средневековые могильники, культовые памятники, традиционная культура, Волго-Вятский регион.

Резюме. Средневековые могильники являются частью типологической схемы культовых памятников и по местоположению относительно поселений занимают место структурно-самостоятельных культовых памятников. По хронологическому принципу могильники разделяются на две группы – с узкими и широкими датировками. Объединение могильников более раннего периода в группу памятников, верхняя граница которых относится к XII–XIII вв., неслучайна и совпадает с процессом появления святилищ, вынесенных за рамки поселения, и разграничением функций между святилищами и кладбищами. Формирование группы могильников с одним хронологическим горизонтом (XVII – нач. XVIII в.) связано с периодом окончательного оформления системы расселения марийцев, изменением ритуально-обрядовой практики и четкой сакрализацией пространства в целом. Концентрация разновременных памятников на отдельных территориях представляет сложный процесс формирования «священных мест», представления о которых оформляются к позднему средневековью (Тиваненко, 1989. С. 5). Примером такого процесса является Выжумский куст памятников, где располагаются три разновременных могильника – Выжумский III (XI–XIII вв.), Выжумский II (XII–XIII вв.), Выжумский (XVII в.).

Помимо топографических особенностей могильников, важной характеристикой культовой практики на могильниках, помимо погребальной, являются их структурные составляющие, к которым относятся ямы для сожжения, ритуально-обрядовые площадки и постройки (кострища, кости животных, глинобитные площадки, постройки и т.п.), жертвенные комплексы вещей в межмогильном пространстве.

Анализ могильников с позиции культового памятника позволяет проследить динамику

представлений о функциях могильников и их роли в формировании духовной культуры марийцев в целом.

Средневековые могильники являются важнейшими источниками по изучению духовной культуры и, как правило, рассматриваются с позиции реконструкции погребального обряда. Однако, могильники обладают сопоставимыми со святилищами структурными составляющими и являются частью типологической схемы культовых памятников в целом.

В общей типологии культовых памятников могильники, в соответствии с основным типологическим принципом (местоположением), относится к памятникам расположенным в отдалении от поселений и имеющим свои топографические особенности. По хронологическому принципу могильники разделяются на две группы: а*) группа памятников с узкими хронологическими рамками* (до 100 лет), к которым относятся кладбища *XVII – нач. XVIII в.* – Важнангерский, Кукшелидский, «Сосновая Грива», Уржумнолинский, Биляморский, Аксаркинский, Русско-Луговской, Чермышевский, Пайгусовский, Отарский; б) *группа могильников с широкими хронологическими рамками* (более 100 лет), которым относятся – Мл. Ахмыловский могильник (сер. VI–VII в.), Безводненский могильник (к.V – нач.VIII в.), Юмский (Загребинский) (IX–X вв.), «Черемисское кладбище» (к. VIII–XI вв.), Кочергинский (IX – нач. XI в.), Веселовский (IX – нач. XII в.), «Нижняя Стрелка» (IX – нач. XII в.), Русенихинский (X – нач. XII в.), Дубовский (X – нач. XII в.), Руткинский (к. XI – XIII в.), Починковский (XII–XIII вв.), Картуковский (XVI–XVII вв.), Тюм-Тюмский(XVI–XVII вв.), Арзебелякский (XVI – нач. XVIII в.), Мало-Кугунурский (XVI – нач. XVIII в.). Отдельно выделяется *территория,* используемая на протяжении нескольких веков, которую можно трактовать как «священную», на которой располагаются три разновременных памятника – Выжумский III (XI–XIII вв.), Выжумский II (XII–XIII вв.), Выжумский (XVII в.). Подобное явление сопоставимо с представлениями об общественно-значимых святилищах.

Объединение могильников более раннего периода в группу памятников верхняя граница которых относится к XII–XIII вв., совпадает с процессом появления святилищ, вынесенных за рамки поселения. По-видимому, в этот период происходит разграничение функций между святилищами и кладбищами – первые становятся местами для общения с богами, вторые – с предками. Попадание в эту группу четырех поздних могильников (Картуковского, Тюм-Тюмского, Арзебелякского, Мало-Кугунурского) является показателем их архаичности.

Формирование группы могильников с одним хронологическим горизонтом XVII – нач. XVIII в., связано с периодом окончательного оформления системы расселения марийцев, изменением ритуально-обрядовой практики и четкой сакрализацией пространства в целом. Последнее отражается во взаиморасположении святилищ, поселений и кладбищ. В пользу трансформации ритуально-обрядовой практики свидетельствует изменение глубины (60-100 см и более) и способа захоронения (только ингумация, западная с отклонениями к северу или югу ориентация) на большинстве могильников этого периода.

Концентрация разновременных памятников на отдельных территориях представляет сложный процесс формирования «священных мест», представления о которых оформляется к позднему средневековью (Тиваненко, 1989. С. 5). Примером может служить картографирование археологических памятников в верховьях р. Лаж и прилегающей к ней территории, где наблюдается концентрация археологических памятников с VIII по XVIII в.: к VIII–XI вв. относятся Актуганское селище, Игисолинское и Верхнерегежское городища; к XII–XV вв. – Руссколяждурское, Большеляждурское, Олминское, Староюледурское селища, Шорсолинское городище; к XVI–XVIII вв. – Нурьяльский могильник и рядом с ним Ирмарьское святилище и мольбище, Староюледурское кладбище и мольбище, кладбище у п. Горняк. Как показывают этнографические исследования, население, проживающее на данной территории, сохраняет черты традиционного мировоззрения, и, не смотря на определенный синкретизм с христианством, свято почитает языческие культовые места.

Помимо топографических особенностей могильников, важной характеристикой культовой практики на могильниках являются

их структурные составляющие помимо погребений, к которым относятся ямы для сожжения, ритуально-обрядовые площадки и постройки(кострища, кости животных, глинобитные площадки, постройки и т.п.), жертвенные комплексы вещей в межмогильном пространстве.

Кремационные ямы были обнаружены на Юмском (Загребинском) могильнике, «Черемисском кладбище», могильнике «Нижняя Стрелка» (Никитина, 2002. С. 71, 287). Как правило, они ограничивают могильник с менее выраженной ландшафтной границы («Черемисское кладбище», Юмский могильник) и занимают более ровные площадки.

Ритуально-обрядовые площадки и постройки не всегда археологически фиксируется, но этнографический материал подтверждает факт применения «очищения» огнем мест захоронений, совершение жертвоприношений и молений на кладбищах. Кости животных (в основном фрагменты черепов[1]) в межмогильном пространстве обнаружены на Картуковском, Мало-Кугунурском, Чермышевском могильниках. Наземные постройки, сопоставимые с этнографическим «кудо»,обнаружены на могильниках XVII – нач. XVIII в. Уржумнолинском и «Сосновая Грива» (Шикаева, 1985; Никитин, 1987).

Жертвенные комплексы вещей в межмогильном пространстве являются этнодиагностирующим признаком марийской культуры IX–XI вв. В тех случаях, когда их можно связать с конкретным погребением, они располагаются со стороны головы погребенных независимо от сторон света. Жертвенные комплексы в межмогильном пространстве, являются именно теми объектами, которые наглядно характеризуют обряды, связанные с поклонением предкам, проводимые на могильниках Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. (Никитина, Ефремова, 2012. С. 179–194).

Особенную группу представляют погребения, «выпадающие» за рамки обычного традиционного погребального обряда, сопоставимые с этнографическим понятием *«заложенные покойники»* – умершие неестественной или преждевременной смертью, погребальный обряд которых отличается усилением семантических черт. К таким захоронениям можно отнести умершую в родах женщину – п.15 «Черемисского кладбища». (Никитина, Ефремова, Пузаткина, 2009. С. 153–162*)*.

*Сюда же можно отнести и «запертые» могилы.*Обряд «запирания», как уже отмечалось выше, связан с защитой невидимой границы между живым и мертвым, средство предотвращения пагубного воздействия потусторонних сил, что проявлялось в виде воткнутых в дно или стенку могилы топоров, наконечников копий, а так же помещение в засыпи могилы элементов острых колющих предметов, например, навершие от меча в п.15 могильника «Нижняя Стрелка» (Никитина, 1990. С. 97).

Безусловно, все предметы, находящиеся на могильнике (и в погребении в частности) включены систему погребально-поминальной обрядности, но применительно к характеристике духовной культуры особый интерес представляют только те из них, которые отражают усиление охранительных функций: амулеты в составе украшений (клыки, «ладанки», копоушки и т.п.), предметы магического действия (кремень для разжигания огня, оловянные заготовки и т.д.) и т.п.

Таким образом, намеченная линия исследования позволяет проследить динамику представлений о функциях могильников в целом. В раннем периоде – VI – XII–XIII вв. – это самостоятельные памятники, которые являются не только местом захоронения умерших сородичей, но и местом поклонения своим предкам как богам-покровителям. По-видимому, с этим же связано и устойчивые представления о месте захоронения, что проявляется в длительном применении памятников. В этом плане показательно использование в последующий период святилищ, которые действуют на протяжении нескольких столетий. В XIII–XV вв. происходит смена системы расселения, появляются самостоятельные специализированные для культовой практики святилища. Могильники, в большинстве своем, утрачивают статус места поклонения предкам, кроме тех, которые сохраняют свои архаичные черты. По-видимому, в этот период наряду с новым этапом развития марийского

1 Определение доктора биологических наук А.Г. Петренко.

общества – его феодализацией и формированием определенных территориальных союзов, начинается процесс осмысления сакрального пространства внутри этих союзов. Этот процесс сопровождается оформлением системы расселения богов/покровителей этих союзов и формированием их иерархии. Эпоха XVI–XVII вв. – коренной перелом в жизни марийского общества, который ознаменован вхождением в состав Московского государства. Соответственно при сохранении системы расселения, постепенно происходит смена хозяйственной деятельности, которая определяет территориальные границы. Соответственно более четко формируется сакральное пространство вокруг отдельно взятых поселений. Следствием появления в марийской деревне соседской общины, становится возникновение вокруг деревень священных рощ отдельных семей и родов при сохранении мировых рощ или выделение в мировых рощах семейных и родовых мест. При этом часть из них сохраняют архаичную топографию. Подобный процесс происходит и с могильниками, на которых выделяются места захоронений отдельных поселенческих групп, внутри которых в свою очередь оформляются родовые места. Например, Староюледурское кладбище в Куженерском районе, на котором отдельные места захоронений помечены камнями с родовыми знаками.

СПИСОК И ЛИТЕРАТУРЫ

Никитин В.В. Отчет неолитического отряда Марийской археологической экспедиции в 1986 году // Архив ИА РАН. 1987. Р-1. № 11752.

Никитина Т.Б. 2002. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам): Монография. Йошкар-Ола: МарНИИ. 432 с.

Никитина Т.Б. Инвентарь могильника «Нижняя Стрелка» // Древности Поветлужья. Вып. 17. АЭМК. С. 81–118.

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю., Пузаткина Е.А. К вопросу о родильной обрядности по материалам марийского могильника «Черемисское кладбище» // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы. Казань, 2009. С. 153–162.

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Отражение культа предков марийцев в погребальном обряде могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. // Stratumplus. Культурная антропология и археология. №5, 2012. С. 179–194.

Тиваненко А.В. 1989. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. 202 с.

Шикаева Т.Б. Отчет о раскопках марийских могильников XVII – нач. XVIII в. летом 1985 года // Архив ИА РАН. Р-1. № 11233.

ДЕТАЛИ ПОЯСНОЙ И УЗДЕЧНОЙ ГАРНИТУРЫ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ НА СЕЛЬСКИХ ПАМЯТНИКАХ СУЗДАЛЬСКОГО ОПОЛЬЯ

© 2014 г. И.Е. Зайцева

Институт археологии РАН, Москва
(izaitseva@yandex.ru)

Ключевые слова: средневековье, Древняя Русь, сельские памятники, детали поясной и уздечной гарнитуры.

Резюме. В статье рассматривается около 150 деталей поясной и уздечной гарнитуры из цветных металлов, собранных в ходе широкомасштабных разведочных работ на сельских памятниках Суздальского Ополья Суздальской археологической экспедицией ИА РАН в 2001-2013 годах. Находки датируются X-XIII вв. Подавляющее большинство обнаруженных поясных накладок относится к X – началу XI в. и связано с болгарским производственным центром. В материалах представлены изделия, относящиеся к скандинавской и южнорусской производственным традициям. Можно предположить, что находки южнорусского происхождения, так же, как и изделия «скандинавской» школы, маркируют присутствие в Ополье во второй половине X в. представителей дружины киевского князя. Присутствие двух наносных султанов и двупластинчатой бляхи листовидной формы, популярных в конской упряжи кочевников, напрямую свидетельствует о наличии выходцев из кочевой среды в составе древнерусской дружины.

Начиная с 2001 года Суздальская археологическая экспедиция ИА РАН проводит планомерные широкомасштабные работы по выявлению и обследованию средневековых сельских поселений в Суздальском Ополье (Макаров, 2008; Макаров, 2012; Макаров, Федорина, 2013 и др.). Одним из ключевых направлений в этой работе наряду с изучением системы расселения, топографии и планиграфии селищ является сбор вещевых коллекций, которые могли бы служить полноценной основой для определения хронологии памятников и характеристики их материальной культуры. Накопление новых материалов, полученных, главным образом, в результате сбора находок на распаханной поверхности селищ, а также в разведочных шурфах открывает перспективы для изучения тех категорий древностей, которые ранее были представлены на сельских поселениях небольшими сериями или единичными предметами. Исследование этих предметов позволяет получить не только информацию о хронологии и внутренней структуре средневековых поселений, повседневной жизни их обитателей, но и обратиться к вопросам социальной интерпретации как отдельных памятников, так и локальных групп селищ (Макаров, 2008. С. 4–5).

Одной из самых многочисленных групп находок в коллекции собранных средневековых предметов из цветных металлов наряду с шумящими украшениями финских типов являются детали поясной и уздечной гарнитуры: пряжки, накладки и наконечники, кольца, разделители ремней[1]. Их обнаружено более 150 экземпляров, что составляет около четверти из всех собранных находок из цветных металлов, относящихся к средневековому времени. Единичные экземпляры этой группы найдены на большом количестве селищ, расположенных в различных частях исследуемого региона. Только на двух памятниках – Ратницком-4 и окрестностях села Весь собраны небольшие наборы из 3 и 9 накладок. Особняком на этом фоне стоит раскопанный в 1852 г. А.С. Уваровым курганный могильник у с. Шекшово, распаханные остатки которого исследуются Суздальской экспедицией в последние годы (Макаров, Красникова, Зайцева, 2013). В найденных в распашке материалах представлены

1 Хочу поблагодарить всех участников Суздальской экспедиции, внесших свой вклад в формирование коллекции.

детали не менее 7 поясных наборов (около 70 предметов). Оплавленность большей части накладок свидетельствует об их происхождении из погребений по обряду кремации.

Детальное рассмотрение этой категории древностей из собранной коллекции позволяет сделать ряд наблюдений.

1. Обилие металлических деталей поясной и уздечной гарнитуры и их обнаружение на большом количестве разных поселений Суздальского Ополья дают возможность говорить о том, что украшенные металлическими накладками пояса и уздечки широко использовались в повседневной жизни сельчан. Этот вывод хорошо согласуется с наблюдениями В.В. Мурашевой, согласно которым из владимирских курганов происходит вторая по численности на территории Древней Руси (после Гнездова) коллекция поясных накладок и наконечников (Мурашева, 2000). Однако, большая часть коллекции из «владимирских курганов» до сих пор остается не атрибутированной, она включает предметы, собранные на территории от Владимира до Ростовского озера. Новые материалы свидетельствуют о том, что Суздальское Ополье выступало как один районов, где традиция ношения декорированных поясов прочно укоренилась в культуре.

2. Подавляющее большинство исследованных накладок относится к X – началу XI в. и связано с болгарским производственным центром. Болгарские накладки начинают попадать к жителям Ополья, вероятно, с рубежа IX–X вв. Наиболее массовый характер их распространение приобретает во второй половине X – начале XI в. Аналогичную картину – обилие накладок болгарского производства, можно наблюдать практически во всех погребальных памятниках X–XI вв. финно-угорских народов, соседствующих с Волжской Болгарией (Казаков, 2007. С. 74–95; Зеленцова, Никитина, Сапрыкина, 2011. С. 33). По наблюдениям Н.А. Макарова, материальная культура поселений Суздальского Ополья IX–XI вв. характеризуется преобладанием в керамических комплексах лепной керамики мерянских форм и широко распространенных типов, не имеющих четкой этнической окраски, и шумящих украшений финских типов (Макаров, Федорина, 2013. С. 227). Вероятно, к этому же кругу древностей нужно относить и обилие деталей ременной гарнитуры.

3. Так же, как и во Владимирских курганах, на сельских поселениях присутствуют детали поясной и уздечной гарнитуры X в., связываемые со «скандинавской» школой по В.В. Мурашевой (Мурашева, 2000. С. 94). Правда, пока этих изделий удалось обнаружить всего два: пряжку трапециевидной формы, украшенную маленькими звериными масками (Карельская слободка V), и уздечную бляху круглой формы с мелким резным рисунком плетенки и 4 фигурными выступами (Сунгирь).

4. В Ополье найден целый ряд предметов X в., произведенных на территории Южной Руси и не получивших распространения в лесной зоне. Это, в первую очередь, накладки пятиугольной формы с каплевидными выступами, изготовленные в постхазарской традиции, и прямоугольная накладка с серебряной инкрустацией из «Черниговского центра», деятельность которого связывается В.В. Мурашевой с киевским великокняжеским двором (Мурашева, 2000. С. 94).

Все исследователи, обращающиеся к вопросам социальной интерпретации находок поясных и сбруйных наборов на территории Древней Руси и в кочевнической среде, сходятся во мнении, что эти предметы являются статусными воинскими (Мурашева, 2000. С. 84; Гаврилина, 1986. С. 65; Михайлов, 2005. С. 132). Можно предположить, что находки южнорусского происхождения, так же, как и изделия «скандинавской» школы, маркируют присутствие в Ополье во второй половине X в. представителей дружины киевского князя.

Нельзя не обратить внимание на достаточно обширный круг предметов, являющихся вероятно, деталями конской узды. Это и бляхи, и наконечники, и наносные султаны, и накладки. Присутствие двух наносных султанов (Подолец-1, Поганое озеро-1) и двупластинчатой бляхи листовидной формы (Тарбаево-6), популярных в конской упряжи кочевников, напрямую свидетельствует о наличии выходцев из кочевой среды в составе древнерусской дружины.

5. Детали украшения ремней более позднего времени, XI – начала XII в., среди проана-

лизированного материала немногочисленны, хотя пряжки этого периода представлены в коллекции значительным числом экземпляров. В последние годы усилиями ряда исследователей (К.А. Михайлов, В.С. Соболев, И.Е. Зайцева) собрана и проанализирована достаточно обширная база данных по накладкам этого времени с территории Северной Руси, которую для краткости вслед за К.А. Михайловым можно назвать деталями «поясов новгородского типа», и мы хорошо представляем себе эти материалы (Михайлов, 2005; Зайцева, 1999. С. 277–292). Очевидно, пояса с накладками, остававшиеся в обиходе населения некоторых районов Северной и Северо-Восточной Руси, с середины XI в. перестали использоваться обитателями сельских поселений Суздальского Ополья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гаврилина Л.М. Прикладное искусство кочевников Восточной Европы X–XIV веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. Архив ИА РАН, Р-2, 2352. 1986.

Зайцева И.Е. Наборный пояс из могильника Минино II на Кубенском озере // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 13. Новгород. 1999. С. 277–292.

Зеленцова О.В., Никитина Т.Б., Сапрыкина И.А. Поясной набор из могильников поволжских финнов X–XI вв. как единый комплекс // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т.II. СПб.–М.–Великий Новгород: ИА РАН, 2011. С. 33.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань, 2007. 208 с.

Макаров Н.А. Средневековое расселение в Суздальском Ополье: новые результаты и перспективы исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып.2. М.: ИА РАН, 2008. С. 3–22.

Макаров Н.А. Суздальское Ополье // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А.Макаров. Москва–Вологда: Древности Севера, 2012. С. 195–211.

Макаров Н.А., Федорина А.Н. Суздальская земля в IX–XI вв.: расселение, культура и балтийские связи // Археология балтийского региона. М–СПб.: Нестор-История, 2013. С. 223–240.

Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е. Средневековый могильник Шекшово в Суздальском Ополье: спустя 160 лет после раскопок А.С. Уварова // КСИА. Вып. 230. М.: ИА РАН, 2013. С. 219–233.

Михайлов К.А. Древнерусские наборные пояса XI–XII вв.: северная и южная традиция // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. С. 132–144.

Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Индрик, 2000. 136 с.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ТИМЕРЕВСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ

© 2014 г. С.Д. Захаров[1], С.С. Зозуля[2]

[1]Институт археологии РАН, Москва
(belozersk2012@yandex.ru)
[2]Государственный исторический музей, Москва
(sergi_z@mail.ru)

Ключевые слова: Тимерево, новые исследования, инструментальный план комплекса, размеры поселения, топография некрополя.

Резюме. Тимерёвский (от Тимерёво) археологический комплекс по праву входит в число эталонных памятников для решения широкого круга вопросов, связанных с изучением эпохи становления Руси. Вместе с тем, в его оценке имеется немало спорных моментов, начиная от роли Тимерева в процессе формирования древнерусского государства и заканчивая точным определением площади Тимеревского поселения. В 2012 г., после 20-летнего перерыва, археологические исследования памятника были возобновлены. Впервые ведется съемка инструментального плана памятника, получены данные о наличии на поселении отложений разного времени – от эпохи камня до позднего средневековья. Новые картографические материалы позволяют вернуться к вопросу о локализации первоначального ядра Тимеревского могильника.

Изучение Тимеревского археологического комплекса началось в 1872 г. с раскопок его некрополя. Долгое время именно эта, самая привлекательная, часть памятника оставалась в центре внимания исследователей и к настоящему моменту мы располагаем данными о 480 раскопанных курганах (Недошивина, Зозуля, 2012. С. 180–181). Целенаправленные работы на Тимеревском поселении были начаты 100 лет спустя с обнаружения одного из крупнейших в Восточной Европе монетных кладов IX в. Раскопками на поселении удалось охватить значительную площадь – около 6 600 кв. м (Дубов, 1982. С. 148; Sedyh, 2000. P. 187). Полнота исследований погребальной и поселенческой составляющих комплекса, яркие археологические материалы, полученные в первую очередь при раскопках могильника, и публикация результатов работ превратили Тимерево в один из ключевых памятников для изучения ранней истории Руси. Тимеревские материалы были использованы в российских и зарубежных обобщающих работах, посвященных актуальным проблемам эпохи викингов и времени становления Древнерусского государства. При этом разными исследователями были даны полярные оценки роли и места этого памятника в историческом процессе – от важнейшего раннегородского торгово-ремесленного центра европейского масштаба, до погоста, центра локальной округи (Леонтьев, 1989). Разногласия вызвал даже вопрос об истинных размерах Тимеревского поселения (Там же. С. 79–80).

К сожалению, в 1990 г. полевые исследования комплекса были прерваны и его территория стала местом активного грабежа со стороны вандалов, вооруженных металлодетекторами. Учитывая эти обстоятельства и наличие спорных тем в истории Тимерево, его исследования были возобновлены в 2012 г. совместной экспедицией ИА РАН, ГИМ и НИЦ «Древности» (г. Вологда)[1].

Первоочередной задачей возобновленных работ стала съемка детального топографического плана, поскольку до сих пор существовало лишь два глазомерных плана комплекса. При этом многократно опубликованный сводный план (Дубов, 1982. Рис. 5), представляет собой скорее схему, не совсем точно отражающую реальную ситуацию. Согласно этому

1 Полевые исследования ведутся при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 13-01-18089е и 14-01-18083е)

«плану» в центральной части поселения располагается холм высотой более 4 м, который при визуальном осмотре памятника не прослеживается. Ближе к реальности ситуацию передает план Тимерево, помещенный в АКР (Комаров, 2005. Рис. 45), хотя и здесь она излишне обобщена.

Съемка нового плана ведется с помощью современной техники и он станет надежной основой для фиксации результатов работ по решению другой важной задачи – определению реальных границ Тимеревского поселения. Учитывая объемы проведенных раскопок и современное состояние памятника, были выбраны наиболее эффективные способы получения необходимой информации. Таковыми можно считать сбор подъемного материала на распаханной части памятника, в том числе с использованием металлодетекторов, и работы по систематическому бурению с помощью ручного бура для сбора данных о толщине культурного слоя на разных участках поселения. При этом фиксация находок и точек бурения ведется в трехмерной системе координат с использованием лазерного тахеометра.

Работы по определению границ поселения только начались. К настоящему моменту заложено свыше 200 скважин, собрано более 4 кг керамики и около 200 индивидуальных находок. Результаты разведочного бурения подтверждают сделанный в ходе раскопок вывод о переотложенности практически всего культурного слоя поселения пахотой. Лишь на склоне р. Сечки, где В.Н. Седыхом в шурфе был обнаружен слой мощностью до 1,3 м (Седых, 1986. С. 71), удалось выявить участок с напластованиями толщиной до 1,8 м. Однако, он имеет небольшие размеры (30х60 м), а его расположение по тальвегу ложбины вызывает вопросы о характере формирования слоя. Собранных данных пока недостаточно для установления точных размеров и границ Тимеревского поселения. Вместе с тем необходимо отметить, что в восточной части территории, очерченной И.В. Дубовым, выявить какие-либо материалы не удалось.

Интересные данные были получены при анализе вещевых и керамических материалов, собранных на памятнике. Помимо лепной керамики и вещей IX–XI вв., обнаружены находки эпохи раннего железного века, развитого древнерусского времени и позднего средневековья. Единичные находки первой половины I тыс. н. э. впервые зафиксированы на поселении, где ранее встречались только кремневые изделия, относящиеся к мезолиту или неолиту. Но по данным В.Н. Седых керамика эпохи железа присутствовала и в насыпях курганов, находящихся у края террасы.

Керамика и находки XII–XIV вв. более многочисленны и распространены на достаточно широкой площади. И.В. Дубов, комментируя присутствие в раскопах «круговой керамики поздних форм» связал ее обнаружение с одним небольшим участком, где, по его мнению, располагалось обычное сельское поселение XI–XII вв., не имеющее отношения к раннему Тимерево (Дубов, 1982. С. 184). Однако новые данные хорошо согласуются с недавно опубликованными результатами изучения стеклянных браслетов XII–XIV вв., найденных на поселении (Седых, Френкель, 2012). С учетом этих находок, можно полагать, что поселение древнерусского времени имело достаточно большие размеры, либо состояло из нескольких пятен.

Привлекает внимание определенная концентрация поздних керамических и вещевых материалов, относящихся к XVII-XIX вв., в северной части поселения. Эти находки могут быть связаны с вывозом навоза на поля, однако набор обнаруженных вещей и достаточно крупные размеры фрагментов керамики не исключают возможности того, что здесь располагались какие-то постройки позднего времени.

Следовательно, уже сейчас можно констатировать, что Тимеревское поселение представляет собой достаточно сложный в археологическом отношении объект. Помимо напластований IX–XI вв. на его площадке присутствуют отложения древнерусского времени и эпохи камня. Формирование культурного слоя, вероятно, происходило также в раннем железном веке и в позднесредневековый период. Причем наличие материалов эпохи камня и железного века можно расценивать как свидетельство особой природной привлекательности этого, по сути, водораздельного участка.

Начатые работы по съемке инструментального плана породили ряд вопросов, касающихся наиболее полно исследованной части

комплекса – курганного некрополя. В первую очередь это относится к проблемам выделения первоначального ядра могильника, направлений его расширения и общих размеров.

Попытки выявить древнейшую часть некрополя предпринимались неоднократно. В.Я. Станкевич полагала, что наиболее ранние насыпи «расположены на возвышенной гряде, тянущейся по центральной части могильника в направлении с северо-востока на юго-запад» (Станкевич, 1939. С. 60). М.В. Фехнер указывала, что древнейшие курганы разбросаны по всей территории кладбища. Такое расположение навело автора на мысль о том, что Тимеревский некрополь первоначально состоял из нескольких небольших могильников, которые, разрастаясь, слились в единый (Ярославское..., 1963. С. 8). И.В. Дубов попытался выявить раннюю часть, проведя тщательный анализ погребального обряда и инвентаря захоронений. По его мнению, древнейшие курганы вытянуты цепочкой с севера на юг через центральную часть могильника, где и наблюдается их максимальная концентрация. Однако представленный план скорее противоречит выводам автора (Дубов, 1981. С. 49–50. Рис. 1).

Построения М.В. Фехнер и И.В. Дубова опирались на инструментальный план могильника, снятый А.А. Потуловым в 1959 г. По свидетельству участников экспедиции план снимался летом, когда из-за густой растительности территория могильника местами была едва проходима (Ярославское.., 1963. С. 7). В 1974-1978 гг. сотрудники экспедиции Исторического музея специально выезжали на памятник весной и осенью для фиксации небольших насыпей, не попавших на план 1959 г.

План А.А. Потулова требует определенных корректировок. Каждый курган на нем обозначен окружностью. При осмотре местности выяснилось, что так фиксировалась курганная насыпь вместе с прилегающим к ней ровиком. Следовательно, диаметр насыпей, у которых в 1959 г. визуально прослеживался ровик, на плане указан не верно. Еще один слабым местом этого плана является отсутствие топографической подосновы. Планиграфическое изучение могильника и выявление его ранней части невозможны без учета данных о ландшафте. В настоящий момент, наиболее убедительной выглядит гипотеза В.Я. Станкевич. Основой для ее проверки станет снимаемый топографический план некрополя.

Распашка и другая хозяйственная деятельность, ведущаяся на территории памятника до настоящего времени, функционирование дорог и деревни Б. Тимерево (существовавшей до 1990 г.) повлияли на сохранность могильника, особенно его краевых зон. Поэтому еще одной задачей остается выяснение реальных размеров некрополя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дубов И.В. Микротопография ярославских могильников // КСИА. № 166. М.: Издательство «Наука», 1961. С.48.

Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1982. 248 с.

Комаров К.И. Археологическая карта Росси. Ярославская область / Под ред. А.В. Кашкина. М.: ИА РАН, 2005. 409 с.

Леонтьев А.Е. Тимерево. Проблема исторической интерпретации археологического памятника // СА, 1989. № 3. С. 79–85.

Недошивина Н.Г. Зозуля С.С. Курганы Ярославского Поволжья. Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX–X вв. Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.–Вологда: «Древности Севера», 2012. С. 178–193.

Седых В.Н. Исследования у д. Большое Тимерево // АО 1984 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: ИА АН СССР, 1986. С. 71–72.

Седых В.Н. Френкель Я.В. Об одной категории находок из раскопок Тимеревского поселения (о времени функционирования комплекса) // Древняя Руси и средневековая Европа. Материалы конференции. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 230–240.

Станкевич Я.В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX–X ст. // МИА. № 6. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1941. С. 56–88.

Ярославское Поволжье X–XI вв. / Под ред. А.П. Смирнова. М.: ГИМ, 1963. 144 с.

Sedyh V. Timerevo – un centre proto-urban sur la grande voie de la Volga // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes du Colloque International tenu au College de France en octobre 1997, édité par M. Razanski, A. Nerecessian et C. Zuckerman (Réalités bizantines, 7), P. Lethielleux, Paris. 2000. P. 173–197.

ГЕОГРАФИЯ ПОЛОВЕЦКИХ КОЧЕВИЙ ПОДОНЬЯ И ПРЕДКАВКАЗЬЯ

© 2014 г. Ю.В. Зеленский

Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник, Краснодар (yuriy_zelenskiy@mail.ru)

Ключевые слова: половцы, кочевье, Подонье, Предкавказье, летописи, письменные источники, археологические источники, каменные изваяния.

Резюме. В статье рассматривается география половецких кочевий Подонья и Предкавказья. Она рассматривается с привлечением письменных и археологических источников и сообщений о находках половецких каменных изваяний.

Долгое время историки рассматривали историю половцев, опираясь на сообщения летописцев. Поэтому было невозможно точно проследить границы половецких кочевий. Трудность заключалась еще и в том, что если о донских половцах летописцы писали, то сообщений о кипчаках Северного Кавказа в летописях нет. Авторы грузинских исторических хроник, довольно подробно сообщая о пребывании половцев в Грузии обращаясь к территории Северного Кавказа, ограничились кратким сообщением о дербентских кипчаках. На известия летописцев опирались такие историки как В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, М.С. Грушевский, П.В. Голубовский, Д.А. Расовский, К.В. Кудряшов.

Положение стало меняться в 50-е–60-е гг. XX в. когда к изучению истории донских и предкавказских половцев приступили С.А. Плетнёва, Т.М. Минаева и Г.А. Федоров-Давыдов. Они использовали не только письменные, но и археологические источники и сведения о находках половецких каменных изваяний. Наиболее весомый вклад в изучение географии половецких кочевий внесла С.А. Плетнева (Плетнева, 1974; Плетнева С.А., 1975. С. 260–301). Массовые раскопки, начавшиеся в 70-х гг. и продолжавшиеся до настоящего времени позволили уточнить географию половецких кочевий Подонья и Предкавказья. Этому же способствовали новые находки половецких каменных изваяний.

В середине XI в. господство в южнорусских степях перешло к кипчакам, или как их стали называть русские летописцы, а затем и историки половцы. Во время продвижения на запад и так называемого «обретения родины» они раньше всего заняли территорию Нижнего Подонья и Северо-Восточного Приазовья. Первые набеги, затронувшие территорию Переяславской «земли» в 1061 г. и в 1068 г. были совершены донскими половцами. В это время кипчаки находились на так называемой таборной стадии кочевания. Для неехарактерно то, что кочевники постоянно передвигались по степи. Поэтому говорить о границах половецких кочевий в этот период невозможно.

В конце XI – начале XII в. половцы переходят ко второй стадии кочевания. Для нее характерно появление постоянных зимних и летних пастбищ. В это же время возникают два объединения половцев Донское, возглавляемое Шаруканом и Днепровское во главе которого находился Боняк. Именно наличие постоянных маршрутов, а также зимних и летних пастбищ облегчили разгром половцев русскими во время походов 1096 г., 1103 г. и 1111 г. Последний поход был направлен против донских половцев.

К моменту первых походов русских князей в степь кочевья донских половцев находились в бассейне Северского Донца. Большинство историков предполагают, что именно Северский Донец подразумевали летописцы, когда писали о походах на Дон. Такое отождествление берет свое начало ещё с В.Н. Татищева (Татищев, 2003. С. 143). Особняком стоит мнение В.М. Глухова, который полагал, что

русские не могли путать Дон с Донцом. Описывая бегство Атрака после разгрома его русскими дружинами, он считал, что орда Атрака находилась на зимовищах у Дона и Сала (Глухов, 1955. С. 29–30).

В 1116-1118 гг. донские половцы во главе с Атраком перекочевали в Предкавказье и почти сразу же в Грузию. По мнению А.Н. Карсанова на территории Северного Кавказа движение кипчаков проходило по так называемой Военно-Осетинской дороге через ущелье р. Ардон, Мамисонский перевал, а далее через ущелье р. Риони в Кутаиси, где в то время находилась резиденция царя Давида IV (Карсанов , 1995, С. 397).

Вопреки предположению С.А. Плетневой половцы во главе с Атраком во время этой перекочевки не задержались в предкавказских степях. В то же время здесь могли находиться другие кипчаки. Их кочевья располагались на территории современного Дагестана. В грузинских исторических хрониках сохранилось сообщение о походе Давида Строителя против «дербентских» кипчаков. При этом в войске Давида Строителя также присутствовали кипчаки. Опираясь на сообщения о находках половецких каменных изваяний на Северном Кавказе, историки примерно определили южную границу половецких кочевий. Она проходила по линии Армавир – Пятигорск – Калмыцкие степи. Так как каменных изваяний не было обнаружено на правобережье рек Малка и Терек, было высказано предположение, что именно по этой линии в XI – начале XIII вв. проходила граница между половцами и аланами в XI– IIIв. (Иессен, 1941. С. 30).

Смерть Шарукана, походы русских князей на Дон (Северский Донец) в 1111 г. и в 1116 г. и откочевка половцев во главе с Атраком в Грузию привели к упадку Донского объединения, но не к полному разгрому. В 1117 г. летопись застает половцев уже непосредственно на Дону, где они сражаются против торков и печенегов (Ипатьевская летопись, 2003. С. 284). После того как Атрак ушел со своей «ордой» в Грузию его брат Сырчан остался кочевать в донских степях. Кочевья его орды располагались на берегах правых притоков Северского Донца – Тор, Сухой Торец (Плетнёва, 1990. С. 44).

Во второй половине XII – начале XIII в. вновь складываются два объединения половцев Днепровское во главе с Кобяком и Донское, которое возглавлялось сыном Атрака Кончаком, а после его смерти Юрием Кончаковичем. В середине XII в. в междуречье Дона и Северского Донца кочевали половцы орды Токсобичей. В 1149 г. Юрий Долгорукий направился за помощью к половцам, кочевья которых находились у «Беловежи старой». Этот город был оставлен русским населением в 1117 г. Это летописное сообщение подтверждает наличие еще одной группировки половцев, занимавшей степи Нижнего Подонья вплоть до Приазовья. По мнению С.А. Плетнёвой, донецкие половцы заняли правый берег Днепра до Ингульца (Плетнёва С.А, 1990. С. 53).

С.А. Плетнева полагала, что в 20-х – 50-х гг. XII в. в междуречье Дона и Северского Донца располагались кочевья половцев из орд Токсобичи и Отперлюеве (Плетнева С.А, 1990. С. 97–98). Однако она же признавала, что это местонахождение слабо подтверждается находками половецких каменных изваяний. У донских половцев зимние кочевья располагались на берегах Тора и других мелких притоков Северского Донца. Именно на Торе располагали кочевья Кончака и летописное сообщение о походе Игоря Святославича против половцев и «Слово о полку Игореве». К.В. Кудряшов также размещал половецкие кочевья у впадения р. Тор в Северский Донец (Кудряшов, 1948. С. 133). Исследователи размещают в среднем течении Дона и Северского Донца племена токсобичей, елтуковичей, отерлюевичей, бурчевичей, етебичей, терьтробичей и кулобичей.

Границы половецких кочевий степного Прикубанья и Восточного Закубанья окончательно определились в золотоордынское время. Половецкие кочевья зафиксированы в верховьях Кубани. Об этом свидетельствуют присутствие здесь половецких погребений и большое количество найденных здесь половецких каменных изваяний (Фелицын , 1882). Кочевали половцы в Среднем Прикубанье. Здесь также зафиксированы находки половецких каменных изваяний, а также погребения половцев золотоордынского времени. Крупный центр половецких кочевий располагался

на территории Восточного Закубанья. Здесь зафиксировано только одно погребение и не все исследователи считают его половецким, однако найдено большое количество половецких каменных изваяний (Навротский, 1995. С. 157–165). Большое количество статуй обнаружено на правобережье и левобережье рек Челбас, Бейсуг, Сосыка. Однако в этих районах почти не проводилось раскопок и именно поэтому зафиксированы единичные погребения.

В низовьях Кубани и Восточном Приазовье зафиксированы единичные захоронения половцев и не найдено половецких изваяний. Половцы не кочевали постоянно в этих районах. На территории Северо-Восточного Причерноморья кипчаки появились на короткое время во время монгольского похода 1222 г. Этот район не стал местом их постоянного кочевания. То же самое можно сказать о Западном Закубанье. На Таманском полуострове найдено всего одно погребение, которое с определённой долей уверенности можно считать половецким. По совершенно справедливому мнению С.А. Плетневой на Тамани не зафиксировано каменных изваяний (Плетнёва , 1974. С. 20).

Одни исследователи утверждают, что предкавказские половцы входили в состав Донского объединения (Кляшторный, Савинов, 2005. С. 126). В.А. Тарабанов и С.В. Гуркин считали, что они были самостоятельными (Тарабанов, 1991. С. 93; Гуркин, 1994. С. 14–16).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Глухов В.М. К вопросу о пути князя Игоря в Половецкую степь // Труды отдела древнерусской литературы. М.,–Л.: 1955. Т. XI. С. 28–50.

Гуркин С.В. О месте степного Предкавказья в системе половецких земель // Материалы заседания посвященного 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности школы академика В.Б. Виноградова. Армавир: Издательство Армавирского пединститута, 1994. С. 14–16.

Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. № 3. М.: Издательство академии наук СССР, 1941. С. 7–50.

Карсанов А.Н. Об одном известии Ипатьевской летописи // Аланы: история и культура. Владикавказ: Издательство «Дзаеуджыхъаеу», 1995. С. 403–408.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Издательство филологического факультета Санкт-Петербургского университета, 2005. 346 с.

Кудряшов К.В. Половецкая степь. М.: ОГИЗ, 1948. 161 с.

Навротский Н.И. Половецкие каменные изваяния Армавирского краеведческого музея // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Армавир – Москва.: «Наука», 1995. Вып.1. С. 157–165.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. М.:«Наука», 1974. Вып. Е4 – 2.

Плетнева С.А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.: «Наука», 1975. С. 260 –301.

Плетнева С.А. Половцы. М.: «Наука», 1990. 205 с.

Тарабанов В.А. Половецкие каменные изваяния Краснодарского музея-заповедника // Древности Кубани (материалы научно-практической конференции). Краснодар, 1991. С. 89–93.

Татищев В.Н. История Российская. М.: «Издательство АСТ», 2003. Т.2. 735 с.

Фелицын Е.Д. Археологическая карта Кубанской области. Екатеринодар, 1882.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПРАКТИКЕ ИСКУССТВЕННОЙ ДЕФОРМАЦИИ ГОЛОВЫ У НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТАВРИКИ

© 2014 г. А.В. Иванов

Национальный заповедник Херсонес Таврический, Севастополь
(ivav@yandex.ru)

Ключевые слова: Крым, средние века, антропология, искусственная деформация головы.

Резюме. Практика искусственной деформации головы примечательный культурный феномен свойственный различным группам населения Крымского полуострова на протяжении длительного исторического периода. Его исследование позволяет осветить вопросы как в сфере это – исторических так и антропологических исследований. Автор представляет новые данные археологических и антропологических исследований по рассматриваемому вопросу, позволяющими выделить этапы распространения рассматриваемой традиции в регионе.

Экзотический облик искусственно деформированных черепов древних жителей полуострова привлек внимание исследователей уже на начальном этапе археологического изучения Крыма, к 1826 г. находки такого рода были представлены в коллекции Керченского археологического музея, с ними были связанны и первые публикации крымских антропологических материалов в иностранных и отечественных изданиях. В монографии 1887 г. выдающегося российского антрополога Д.Н. Анучина, обобщившего, известные на тот период данные по данному вопросу, крымским материалам было отведено видное место. Позднее практически все антропологи, работавшие с крымскими материалами, встречались с примерами рассматриваемой практики, что в той или иной мере отразили в своих публикациях[1].

В подавляющем большинстве случаев, на территории Крыма, наблюдалась в, различной степени выраженная, циркулярная деформация черепа, иногда в сочетании с непреднамеренной затылочной деформацией.

Практика искусственной деформации головы появляется на территории полуострова на рубеже н.э., наибольшее распространение получает в V–VII вв. и продолжает встречаться в общинах христианского, а позже и исламизированного населения горного Крыма и Южного берега полуострова вплоть до Нового времени. При этом возникает вопрос, насколько непрерывна была эта архаичная традиция, свидетельствует ли она о столь длительной культурной преемственности, сохранявшейся в среде собственно крымского населения, или привносилась на территорию полуострова неоднократно с появлением новых групп мигрантов.

Заметное распространение на территории Крыма практика искусственной деформации головы получает не ранее сер. II в., что связано с расселением на его территории сарматов (рубеж н.э.) и алан (с III в.), широко практиковавших искусственную деформацию головы на среднем и позднем этапах развития сарматской культуры. В ЮЗ Крыму находки деформированных черепов отмечены в т.н. «позднескифских» могильниках I–III вв. – Неаполе, Усть – Альме, Новоотрадном, Вишневом. Практически на всех памятниках данной группы исследователи выделяют сарматские элементы погребального обряда.

За длительную историю исследования некрополя Херсонеса, описано около 50 погребальных сооружений различной конструкции содержавших, более ста костяков с искусственно деформированными черепами, в

1 Библиография вопроса представлена: В.И. Иванов «О практике искусственной деформации головы на территории крымского полуострова» // Вестник Антропологии. М.2003. Вып. 10. С. 75–90.

большинстве случаев датируемых III–V вв. Исследователи едины во мнении, что их появление на некрополе Херсонеса, связано с проникновением в состав городского населения сармато-аланского компонента. Погребения с деформированными черепами присутствуют и на сельских некрополях ближней хоры города.

На Боспоре практика искусственной деформации головы отмечена в погребениях II–IV вв. на городских некрополях Пантикапея и Китея, при поселениях в р-не. сел Курортное и Новоотрадное, на м. Зюк и при Сиреневой бухте. В сравнении с ЮЗ Крымом создается впечатление, что рассматриваемый обычай в первые вв. н.э. имел на Боспоре меньшее распространение, и это притом, что Керченский полуостров рассматривается едва ли не в качестве главного пути проникновения в Крым групп населения традиционно практиковавших искусственную деформацию.

Наибольшее количество деформированных черепов зафиксировано в Крымских некрополях IV–VII вв. В эпоху великого переселения народов, на территории Европы, искусственная деформация практикуется достаточно широко и не только у ирано-язычных народов, по-видимому, ее заимствовали и некоторые группы германцев, и, по мнению А.К. Амброза, перестает быть самостоятельным этно – дифференцирующим признаком. На территории Крыма находки деформированных черепов связаны с погребальными сооружениями практически всех известных типов.

В ЮЗ Крыму находки деформированных черепов этого периода связаны с некрополями Инкерманской и Байдарской долин, ближней округи и сельской периферии «пещерных городов» Баклы, Чуфут-Кале, Эски - Кермена и Мангупа. На Южном берегу полуострова они зафиксированы в могильниках Симеиза, Гурзуфа, округи Алушты, Лучистинских некрополях.

Неполная исследованность некрополей, недостаточное внимание к антропологическому материалу и, как правило, плохая его сохранность, не позволяют в полной мере использовать имеющиеся данные для количественной и демографической оценки распространения обряда. В опубликованных краниологических сериях некрополей Юго-Западного Крыма доля деформированных черепов в ряде случаев представляется довольно значительной - Скалистинский могильник – 30 из 280 наблюдений, Сахарная головка – 10 из 52 наблюдений, для некрополя Мариамполь (Чуфут-Кале) составляет ок. 30 – до половины выборки.

К концу VII–VIII вв., искусственная деформация головы постепенно перестает практиковаться в массовом порядке. Высказывалось мнение, это прямо связано с распространением христианства среди жителей полуострова. Однако, на некрополях ЮЗ Таврики деформированные черепа встречаются и в погребениях, где наблюдаются изменения погребальной обрядности связанные с христианизацией. Для Херсонеса значительная часть находок деформированных черепов связана именно с погребениями на привилегированном участке раннехристианского некрополя, дальнейшая ассимиляции «инородческого» населения проходит здесь под мощным влиянием культурной среды византийского города, при этом христианизация выступает отнюдь не как ее непосредственная причина. К началу VII в. искусственная деформация среди жителей Херсонесе уже не практикуется.

Следует отметить, что на территории региона в целом традиция искусственной деформации головы теряет популярность вместе с прекращением использования в качестве преобладающих погребальных сооружений грунтовых склепов и распространением характерных плитовых могил. Там где некрополи предшествовавшего периода продолжила функционировать, в позднейших погребальных сооружениях деформированные черепа более не встречаются, на вновь возникших сельских и городских некрополях наблюдается аналогичная ситуация. Вероятно, это связано с появлением на полуострове в нач. VIII – IX в. значительных групп нового населения, связанного с миграциями периода Хазарского каганата. Данные археологии вполне согласуется с антропологическими наблюдениями, свидетельствующими об изменениях в антропологическом составе населения региона, связанными с расселением здесь носителей крымского варианта салтово-маяцкой куль-

туры, для которых практика искусственной кольцевой деформации головы была чуждым явлением. В дальнейшем под мощным влиянием Византийской империи они участвуют в весьма динамичном процессе формирования ромеизированной этнокультурной общности объединенной общими идеологическими и эстетическими воззрениями определяемой современными исследователями как «средневековая народность горного Крыма».

Тем не менее, спустя значительный временной промежуток практика искусственной деформации головы появляется на полуострове вновь. По-видимому, ее носители первоначально оседают в ЮВ части полуострова. Сегодня с осторожностью можно предположить ее распространение на территорию полуострова из Северо-кавказкого региона в ход миграций рубежа X–XI вв. Теперь она наблюдается в среде неоднородного по своему происхождению и фактически утратившего этнокультурные особенности ромеизированного населения Византийской Таврики.

Следующие по хронологии находки искусственно деформированных черепов связаны с некрополями византийской Сугдеи (Судака). Наиболее представительная выборка, датируемая кон. XII – нач. XIII в. получена с некрополя при храме Св. Параскевы. Из 34 исследованных погребений искусственная деформация зафиксирована в 16 случаях (♂-1,♀– 3, дети 12). Возможно несколько старше единичный деформированный череп с некрополя Судак IX. Находка связана с участком захоронений вт. пол. X – пер. пол. XIII в. с подбоями и деревянными конструкциями, вероятно принадлежавших общине горожан пережиточно сохранявших некоторые кочевнические традиции.

Примечательные результаты были получены при антропологическом исследовании материала из городских некрополей позднесредневековой Алушты. Присутствие здесь деформированных черепов отметил еще В.Ф. Миллер в 1888 г., в 1903 г. шесть деформированных черепов были получены в ходе исследований В.В. Шкорпила. Очередной алуштинский некрополь, раскопанный в 1950-51 гг., представлял собой группу характерных плитовых могил Некрополь функционировал вплоть до XVIII в. Наиболее ранние погребения датировались сосредоточенных вокруг храма XII–XIV вв. Всего, в серии из 85 черепов взрослых, искусственно деформированные составили 20%. автор исследования К.Ф. Соколова отмечала большую степень деформации черепов из Алушты даже по сравнению с более ранними материалами.

В пределах Южнобережья, кроме Алушты, факты искусственной деформации головы, относящиеся к позднесредневековому времени, зафиксированы на сельском христианском некрополе Урум-Мегале (пос. М.Маяк), в погребении кон. XIV в. некрополя при монастыре в бухте Панаир (г. Аю-Даг).

Аналогичные находки не ограничиваются территорией Южного берега Крыма. Еще в 1884 г. на выставке VI Археологического Съезда, в Одессе было представлено несколько искусственно деформированных черепов из некрополя при деревне Бия-Сала (Верхоречье, Бахчисарайский р-н) принадлежавшего греческому населению и датируемому не ранее XVI в. Аналогичными как по этнической принадлежности и датировке, так и технике деформации представляются два черепа из христианского греческого некрополя 2 пол. XVII – XVIII в. при деревне Мангуш (Прохладное, Бахчисарайский р-н), изученные автором. Таким образом, искусственная деформация головы в общинах тюрко-говорящего греческого населения центральных районов Юго-Западного Крыма практиковалась практически до его переселения в Приазовье в 1778г.

Среди исламизированной части населения полуострова также известны примеры искусственной деформации головы. В некрополе слободы Каламиты – Инкермана XV–XVII вв. было выявлено значительное количество детских деформированных черепов, до 50%, в то же время на черепах взрослых деформации не наблюдалось.

Чрезвычайно любопытно свидетельство П.С. Палласа наблюдавшего современную ему практику искусственной деформации головы у южнобережных татар Кикенеиза, Лимены и Симеиза. Следуя мнению исследователя, отдельные авторы интерпретировали данные об антропологическом своеобразии этой группы жителей Крыма как доказательство их генетической связи с древними груп-

пами населения полуострова. Однако многие данные свидетельствуют о позднем проникновении значительных групп исламизированного малоазийского населения на Крымский полуостров и Южный берег, в частности.

На территории Малой Азии традиционная практика искусственной деформации головы долго сохранялась у различных групп населения, откуда и могла проникнуть на южнобережье. Д.Н. Анучин отмечал, что обычай искусственной деформации головы на территории Малой Азии «существовал и существует еще, как у армян (и грузин), так и среди турок, и трудно сказать, был ли он заимствован одним народом у другого, и именно кем у кого, или развивался у каждого из них самостоятельно».

Таким образом, традиция искусственной деформации головы пережиточно сохранявшейся у народов населявший Крымский полуостров вплоть до нового (если не новейшего!) времени, повидимому представлена несколькими этапами – ранним восходящий к традициям ираноязычных народов рубежа н.э. и позднейшим связанным с миграционными процессами конца первого тыс. н.э., нельзя исключить и присутствие еще более поздних малоазийских культурных влияний.

УКРЕПЛЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ БАССЕЙНА Р. ЧЕПЦЫ: ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ И ПЛАНИРОВКИ ПЛОЩАДОК

© 2014 г. М.Г. Иванова

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Ижевск (margrig@mail.ru)

Ключевые слова: Прикамье, чепецкая культура, междисциплинарные исследования, городища, Иднакар, Учкакар, процессы урбанизации.

Резюме. Представлены новые материалы междисциплинарных исследований структуры и планировки городищ чепецкой культуры, позволяющие в значительной мере конкретизировать особенности освоения и использования площадок, развития в русле процессов урбанизации в лесной зоне Восточной Европы.

В последние десятилетия археологическими центрами России проведены масштабные исследования укрепленных поселений эпохи средневековья, материалы которых открыли возможности новых подходов к осмыслению исторических явлений. Результаты изучения древнерусских, булгарских городов, финно-угорских укрепленных поселений стимулировали дальнейшие изыскания по разработке подходов к интерпретации материалов Прикамья, где наиболее плотно сосредоточены поселения с выразительным культурным слоем. Проведенные исследования убедительно показали их развитие в общем русле процессов урбанизации в Восточной Европе. К весьма существенным достижениям можно отнести материалы о структуре памятников и планировке площадок, полученные в последние годы в результате изысканий с применением комплексной методики геофизических исследований отдельных укрепленных поселений чепецкой культуры конца IX – начала XIII в. (Иванова, Журбин, 2012; 2014).

Актуальность исследований определяется тем, что проведение их затруднено плохой сохранностью сооружений из дерева, которые в слое поселений лесной зоны почти полностью разрушаются. Городища функционировали на протяжении нескольких веков, деревянные сооружения перестраивались, площадка рас-

ширялась, могло меняться и функциональное зонирование. В большей степени именно поэтому материалы о планировке городищ финно-угорского средневековья, включая чепецкие памятники, крайне недостаточны. Исходя из степени сохранности слоя, задач исследований, раскопки проводились участками, часто не связанными между собой, поэтому в большинстве случаев исследователи располагают источниками об отдельных сооружениях, комплексах, динамике застройки ограниченных площадей.

Систематические раскопки на городище Иднакар большими площадями впервые выявили трехчастную структуру, особенности размещения сооружений на внутренней, средней и внешней частях, ограниченных линией оборонительных сооружений (Иванова, 1998). На внутренней и средней частях жилые сооружения располагались рядами, вытянутыми вдоль площадки от мысовой части к валу. Хозяйственные объекты для хранения припасов и производственные сооружения размещались на северной и южной частях. Более поздние объекты вписывались в уже существующую систему планировки.

Детальный анализ содержания культурных напластований, выделение на компьютерной карте археологического разреза отдельных слоев, их устойчивых сочетаний, относящихся к конкретным объектам, дало возможность определить последовательность изменения параметров отдельных объектов, комплексы сооружений, выделить пять уровней планировки, соответствующих стратиграфическим периодам функционирования (Иванова, Степанова, 2012. С. 327–335).

В отличие от внутренней и средней площадок с устойчивым сочетанием жилищно-хозяйственных комплексов территорию внешней части занимали в большей степени хозяйственно-производственные сооружения при наличии единичных построек малой площади с небольшими очагами для сезонного проживания. Коллекция вещевого инвентаря соответствует материалам поздних этапов внутренней и средней частей с XI до XIII в. (Иванова, Степанова, 2013. С. 156–165).

С целью получения новых знаний о планировке еще одного близкого по структуре поселения в 2011-2013 гг. проведены специальные исследования с применением комплекса геофизических методов на Кушманском городище Учкакар. Основная задача проекта заключалась во внедрении современных методик, ориентированных на более тщательную фиксацию материала с целью получения максимума информации при раскопках минимальных площадей. За три полевых сезона с применением комплексной методики геофизических исследований выявлена мощность культурного слоя на всех структурных частях, полностью изучена вся площадка с локализацией объектов планировки (сооружения, ямы, очаги), изучена структура двух линий оборонительных сооружений и обнаружена не фиксируемая ныне внутренняя линия, то есть на городище выделены внутренняя, средняя и внешняя части аналогично структуре городища Иднакар (Иванова, Журбин, 2014. С. 47).

Наиболее мощный слой (до 1,5 м), содержит средняя часть, где по результатам геофизических исследований выявлено не менее 16 сооружений подпрямоугольной формы, расположенных пятью нечеткими рядами, ориентированными параллельно внутреннему валу. Расстояние между смежными рядами и сооружениями в рядах составляет 4-5 м (Иванова, Журбин, 2012. С. 127–128). Раскопки одной из аномалий полностью подтвердили предварительную интерпретацию геофизических данных. Выявлено сооружение, центральным компонентом которого является глинобитная площадка подпрямоугольной формы, окруженная слоем темного гумуса, который содержит разнообразные включения (песок, глина, уголь, зола, древесный тлен и пр.). В целом по составу, характеру залегания и вскрытым объектам культурный слой аналогичен другим укрепленным поселениям бассейна р. Чепцы IX–XIII вв. – Иднакару, Гурьякару и Весьякару (Иванова, Кириллов, 2012. С. 313–319).

На внешней части геофизическими измерениями выявлен культурный слой мощностью 30-40 см и около 40 ям, достаточно равномерно распределенных по всей площадке. На раскопе площадью 81 кв. м, заложенном за линией рва средней линии укреплений, полностью изучены конструкции двух ям. Интересна округлая яма, перекрывающая другую яму квадратной формы с обшивкой

из деревянных досок. Расположенные вокруг нее столбовые ямы позволяют предполагать наличие рухнувшей конструкции. Найденные в заполнении многочисленные куски шлаков, обмазки, фрагменты бронзовых предметов, а также наличие льячки, трехсторонней литейной формы не исключают локализации здесь литейного дела.

Заполнение другой ямы прямоугольной формы состояло из скопления крупных прокаленных камней. Столбовые ямки, выявленные на дне ямы, могли поддерживать какое-то перекрытие. Возможно, яма составляла часть наземной постройки с отопительным сооружением. Судя по стратиграфии, исследованные сооружения функционировали одновременно. По составу слабопрофилированной неорнаментированной лепной керамики, стеклянных бус, накладки аскизского типа эта часть могла функционировать в XI–XIII вв., соответствуя таким образом позднему этапу средней части городища.

Для выявления характера слоя на мысовой части был заложен раскоп, разрезающий предполагаемый ров, обнаруженный в результате геофизических измерений. Рядом со рвом обнаружены остатки насыпи вала со следами деревянных конструкций, который еще в древности был снивелирован. На его поверхности прослежены зольник и столбовые ямы, позволяющие предполагать бытование здесь постройки. По предварительным данным вещевой комплекс укладывается в хронологические рамки X–XIII вв., то есть соответствует хронологии средней части.

Таким образом, междисциплинарные исследования городища Учкакар позволили получить принципиально новые знания о структуре и планировке поселения. Анализ геофизических данных позволяет утверждать, что городище имело трехчастную структуру (аналогично другим центрам округи чепецкой археологической культуры Иднакару и Гурьякару). Кроме того, выявлены особенности рядовой планировки средней и внешней частей поселения. По характеру и толщине напластований, динамике развития поселения с расширением площади за пределы внутреннего вала, утратившего свое значение, наличию слоя за вторым валом он аналогичен Иднакару. Важное значение имеет открытие культурного слоя с объектами планировки за пределами третьей, внешней линии укреплений, который, безусловно, требует изучения археологическими методами.

В целом новые материалы существенно дополняют источники о структуре и планировке городищ чепецкой культуры, позволяющие в значительной мере конкретизировать особенности освоения и использования площадок, развития в русле процессов урбанизации в лесной зоне Восточной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Иванова М.Г. Иднакар: древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 294 с.

Иванова М.Г., Журбин И.В. Междисциплинарные исследования археологических памятников Камско-Вятского региона: некоторые итоги и задачи // Известия Коми научного центра УрО РАН, 2012. № 2(10). С. 120–130.

Иванова М.Г., Журбин И.В. Археологические и геофизические исследования средневековых поселений бассейна р. Чепцы // Российская археология, 2014. № 1. С. 40–53.

Иванова М.Г., Кириллов А.Н. Предварительные итоги изучения Кушманского комплекса памятников в бассейне р. Чепцы // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации / Под общ. ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГПУ, 2012. С. 313–319.

Иванова М.Г., Степанова Г.А. Уровни планировки средней части городища Иднакар // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Выпуск VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации / Под общ. ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГПУ, 2012. С. 327–335.

Иванова М.Г., Степанова Г.А. Внешняя часть городища Иднакар IX–XIII вв.: новые интерпретации // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV-е Бадеровские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. С. 156–165.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЭТНОС: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

© 2012 г. И.Л. Измайлов

Институт археологии АН РТ, Казань
(*ismail@inbox.ru*)

Ключевые слова: этнос, археологическая культура, этноархеология, этничность, Волжская Булгария, булгарская археологическая культура.

Резюме. Проблема изучения древних этносов и этнической истории была и остается одной из актуальных задач современных археологических исследований. Основы традиционной концепции археологической этногенетики безусловно отождествляют археологическую культуру с этносом и базируются на схематизированных процедурах этого соотношения. Методика подобного анализа должна включать изучение этничности реально функционировавшего общества и выявлять определяющие параметры, которые сохранились или могли сохраниться в археологических следах и остатках, в выделенной исследовательским путем археологической культуре.

Проблема изучения древних этносов и этнической истории была и остается одной из актуальных задач современных археологических исследований. Методика этих работ, начавшая складываться в советской науке в 1940-е гг. (М.И. Артамонов, П.Н. Третьяков, А.П. Смирнов) получила системное описание и теоретическое обоснование в трудах В.Ф. Генинга, В.В. Седова и А.Х. Халикова, а ныне разрабатывается их учениками и коллегами. Сводится она к методу «восхождения», однако, конечным объектом ее изучения является не сама история общества, а народ, как этническая категория. Оно исходит из простого предположения, что каждой археологической культуре должен соответствовать определенный и единственный древний этнос, а предметом изучения служат некие «этнические признаки» (как правило, керамическая посуда, украшения и элементы погребального обряда). Особую актуальность в этой связи имеют работы, посвященные древним и средневековым этносам. Весьма актуальной является она и для Волго-Уральского региона.

Несомненно, что на этапе становления науки эта концепция сыграла важную роль в деле разработки проблем этногенеза народов, не имевших своей письменной истории, но по мере развития этнологии стали все отчетливее видны ее изъяны. Постепенно под давлением фактов и отечественные археологи оказались вынужденными признать реальность бурных перемещений народов и культурных контактов, существования расплывчатых культурных границ, наличие переходных и контактных зон, смешанных культур и т.д. Осознание этих трудностей, однако, не заставило его сторонников пересмотреть стратегию исследований, а только принудило к некоторым тактическим отступлениям. Отказываясь от признания полного совпадения этноса всей археологической культуре, сторонники «археологической этногенетики» стремились сохранить главное – соответствие археологической культуры этносу, прибегая для этого к выделению элементов, имеющих этническое значение – «этнических признаков» (или «археологоэтнических типов»).

Теоретические постулаты и методические недостатки данной схемы уже неоднократно были подробно изучены, что выявило ряд теоретических и логических ошибок и хронических дефектов: методологическая порочность отождествления части с целым; разрушение логической основы для самого понятия «археологическая культура» с ликвидацией синтетического подхода; внутренняя противоречивость в самой позиции сторон-

ников этой концепции, обычно вынужденных оговаривать свое принципиальное согласие с необходимостью комплексного подхода; неопределенность (поскольку структуру сторонники «этногенетики» никак не оговаривают) понятия «этнос» для разных эпох, общностей и конфессий; отсутствие регулярного совпадения произвольно выбранных признаков (керамика и технико-технические способы ее изготовления, форма и типы ее орнаментации, устройство жилищ, украшения, способ погребения и т.д.) с древним этносом, поскольку для каждой эпохи, региона и этнокультурной общности эти характеристики будут своеобразными и оригинальными. Иными словами, древние и средневековые этнические общности и их совпадение с ареалами археологических культур оказываются гораздо более сложными, нежели простые, наглядные и безупречные с точки зрения *здравого смысла* схемы, а их соответствие, как выяснилось, нельзя доказать априорно выбранным набором признаков.

Строго говоря, отождествление этноса и археологической культуры базируется на двух постулатах, которые сами требуют обоснования. Во-первых, еще требуется доказать, что конструируемые исследователем археологические культуры представляют собой гомогенные целостности (и явления одного и того же таксономического порядка), четко различающиеся между собой. Поскольку на практике для вычленения археологических культур ученые нередко опираются не на все их элементы, а лишь на отдельные, так называемые *руководящие (или этнокультурные) типы*, которые якобы и несут этническую нагрузку. Между тем, неизвестны не только их вес и значение в живой культуре древнего народа, но и степень их *этничности*, поскольку они встречаются и в других комплексах, а ареалы их распространения довольно часто прорезают границы соседних археологических культур. Во-вторых, в доказательстве нуждается и другой постулат, согласно которому археологическая культура является отражением только определенной социальной реальности, иначе говоря, этнической группы, а не, скажем, более общих этнографических реалий - хозяйственно-культурных типов или историко-этнографических областей. Как свидетельствуют данные, накопленные мировой этноархеологией, и этот постулат весьма отдаленно напоминает встречающуюся сплошь и рядом этнокультурную картину. Все это сокрушает основы традиционной концепции археологической культуры и ее безусловного отождествления с этносом, дискредитирует ее схематизированные процедуры.

Следует ли из этого, что, как считают некоторые историки и этнологи, что сопоставление археологической культуры и этноса в принципе невозможно? Или прав И.С. Каменецкий, что с таким отождествлением следует *условно согласится*. Представляется, что выход из такой тупиковой ситуации есть и состоит он в новом подходе к интерпретации материалов как археологии, так и самой этнологии. Он состоит в выработки методики соотношения между этносом (этничностью древнего населения) и его отражением в археологических (материальных) следах и остатках, требующих специальной процедуры сопоставления и моделирования, которая разрабатывается этноархеологией. Эти исследования доказывают, что необходимо отказаться от прежнего упрощенного взгляда на процедуру реконструкции древних обществ. Корректной может быть только процедура этнополитического моделирования при использовании специальной методики, близкой к этноархеологической. Методика подобного анализа должна включать изучение этничности реально функционировавшего общества и выявлять определяющие параметры, которые сохранились или могли сохраниться в археологических следах и остатках, в выделенной исследовательским путем археологической культуре.

Основой для подобной системной этноархеологической методики является изучение средневековой булгарской ментальности как источника сведений о ключевых аспектах этнополитических представлений. Распознав этнический контекст, можно выделить в нем элементы, имеющие этнокультурную и этносоциальную значимость, а среди них те признаки и артефакты, которые могли бы быть зафиксированы археологически. Только после этого становится целесообразным обратный путь рассмотрения типологизации этнокультурных явлений археологической

культуры, но только под углом зрения, выявленного этнического контекста, и как способ его уточнения. Теоретически это означает определение архетипов прошлой булгарской культуры (план содержания), которые могли и должны были найти отражение в булгарской археологической культуре (план выражения) и восхождение от них, используя правила и методы соотнесения, к реконструкции прошлой этнокультурной ситуации (план познания или «интерпретация»).

Методику этого анализа можно рассмотреть на примере выявления этничности булгарского этноса и его отражения в данных археологии. Справедливо в этой связи обращение к вопросу о характере самой булгарской археологической культуры и методике определения булгарского этноса. Разумеется, булгарская культура не сводима к теоретически конструируемой мифической «тюркской» (иногда называемой даже «болгаро-салтовской») культуре, чье существование якобы подтверждается наличием некоторых салтовских элементов и «степенью монголоидности» части населения Булгарии. Булгарская культура не была застывшей, неподвижной испокон века заданной субстанцией, а являлась постоянно, в течение всего домонгольского периода развивающейся системой, которая насыщалась различными новыми элементами, но при этом была не конгломератом отдельных явлений культуры, а целостным явлением.

Основой для археолого-этнологического анализа является изучение средневековой булгарской ментальности как источника сведений о ключевых аспектах этнополитических представлений. Рассмотрение аутентичных исторических источников, элементов историографической традиции и фольклорных материалов, позволил реконструировать основные, значимые для этноса, представления. Можно считать, что анализ различных аспектов этнополитического самосознания волжских булгар X–XIII вв., сохранившихся в исторической традиции (историографической и фольклорной) показывает их связь с реалиями существования народа, а также уровне его политических притязаний. Рассмотрение их позволило сделать вывод о явных интеграционных тенденциях, причем на новой основе – исламского государства. Подтверждение этому можно найти в практически полном игнорировании в сохранившейся традиции языческих и племенных элементов, а фигурирующие в них реминисценции (эпонимы, элементы архетипичных представлений и т.д.) не более, чем вкрапления в структуру исламских представлений. Одновременно на первый план в них вышли такие компоненты новой политической системы, как осознание своей связи с правящей династией, которая распространяется на все население, связи с территорией страны – понимаемой как отечества для всего населения, единство которого осознавалось не просто как кровное (от единого предка, причем на первый план в этих традиционных архаичных образах выходит коранический, а не общетюркский пантеон), а как духовное. Оно явно понималось как общность, возникшая в прошлом благодаря «перерождению» народа после принятия ислама и становления государства (обретение независимости в борьбе, появлении новой династии и т.д.) и осознания своего места в исламском мире. Это означает, что этнополитическое единство осознавалось не в категориях родоплеменных, а наоборот резко противостояло им, делая упор на социальную общность.

Анализ материалов археологической культуры, оставленной населением Волжской Булгарии, позволил выявить определенные точки интеграции археологических и этнологических данных. Главным образом это касается погребальной обрядности: с конца X в. на территории Среднего Поволжья не зафиксировано ни одного языческого погребения, а на городских некрополях исламская обрядность превалирует уже с начала X в. Другие элементы быта и хозяйственной деятельности, видимо, не осознавались самим населением как этнодифференцирующие и не несли этническую нагрузку.

Данный вывод противоречит тем гипотезам о структуре булгарского самосознания, которые построены по квазиматериалистическим критериям общности, но заставляет обратить пристальное внимание на такой интегрирующий фактор как государство и его институты, которое создает новую общность людей, где ведущими становятся не этноязыковые и хозяйственные, а социально-поли-

тические и религиозные категории родства, переработанные общественным сознанием в виде исторических и актуальных этнополитических стереотипов.

Подводя итог, следует отметить, что как теоретические построения, так и практические исследования на примере этногенеза средневековых булгар, одновременно с дискредитацией старой археологогенетической модели, показывают продуктивность методики этнологического синтеза. Этот подход отвергает руководящую роль одной единственной науки и заменяет ее всесторонней и сбалансированной междисциплинарной интеграцией. Он позволит вместо простых «уравнений» и банального «здравого смысла» археологической этногенетики приблизиться к сложной и многоступенчатой процедуре этнологических исследований, с использованием данных различных наук.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ГОНЧАРНЫХ КОМПЛЕКСОВ XIV – НАЧАЛА XV В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ АРГАМАЧ – ПАЛЬНА-5)[1]

© 2014 г. А.А. Иншаков

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец (inschakow@mail.ru)

Ключевые слова: гончарное ремесло, производственный гончарный комплекс, гончарный горн, керамика.

Резюме. В тезисах представлена сравнительная характеристика двух производственных гончарных комплексов с поселения Аргамач-Пальна 5 из округи летописного города Ельца второй половины XIV – начала XV вв. В ходе анализа удалось проследить как общие черты, так и различия двух производственных участков.

Одной из изученных территорией Верхнего Подонья является бассейн нижнего течения р. Быстрая Сосна, где находилось Елецкое княжество XIV – начала XV в. (Тропин, 1996). Ближайшая округа летописного города Ельца расположена в междуречье рек Воргола и Пальны. Исследование микрорайона средневековых сельских поселений в нижнем течении р. Пальна, начиная с 1990-х, проводится экспедицией ЕГУ им. И.А. Бунина (Тропин, 2013).

Поселение Аргамач – Пальна-5 площадью 0,9 га занимает мыс и склон левого коренного берега, высотой 25-35 м. Раскопами, общей площадью 1174 м^2, изучены два производственных гончарных комплекса[2], а также часть жилой усадьбы. Все сооружения и находки представляют собой единый комплекс, отложившейся во второй половине XIV – начале XV в.

Первый производственный гончарный комплекс расположен в западной части поселения и состоит из наземного гончарного горна, помещения для гончара, зольника, двух хозяйственных ям и срубной постройки (Тропин, Иншаков, 2008). Наземный горн сооружен на материке. Его топочная камера имеет диаметр 1,6 м, а мощность прокален-

1 Работа выполнена по гранту РГНФ. Проекты № 11-11- 48601; № 14 -11-48003.

2 Под производственным гончарным комплексом мы понимаем серию одновременных сооружений, связанных с гончарным ремеслом: гончарные горны, предгорновые ямы, мастерские ремесленника, зольники и др.

ного пода – 0,12 м. С западной стороны горна зафиксировано нижнее основание его стенки, толщиной 0,4 м. Внешний диаметр горна мог составлять около 2 м. С северо-востока, т.е. со стороны постройки мастерской, к топочной камере примыкал канал, длина которого составила 1,5-1,7 м, ширина – 0,5-0,6 м. Его можно реконструировать как наземный глинобитный двухкамерный горн с топочным каналом.

Помещение для гончара представляет собой срубную постройку полуземляночного типа прямоугольной формы размерами 3х 3,45 м. В одном из её углов находилась глинобитная печь на материковом опечке. Не исключено, что постройка-мастерская №1 могла быть временным жилищем гончара. К производственным сооружениям отнесем и наземную постройку с ямой заполненной слоем золы мощностью до 0,4 м. Сооружение являлось зольником, а также могло использоваться для просушки горшков.

Производственный гончарный комплекс был огорожен, на что указывают серия столбовых ям и канавка. С учетом топографии местности его площадь составляла около 400 м^2. Все сооружения погибли в результате пожара.

Второй производственный гончарный комплекс расположен в северной части поселения и состоит из двух разновременных гончарных комплексов[3] и помещения для гончара. Гончарный комплекс №1 оказался сильно разрушен более поздней ямой. Его горн ямного типа преимущественно вырезан в материковой глине. Нижняя топочная камера овальной формы и размерами 0,65х0,8 м., мощность пода составила 0,12 м. Северная стенка сохранилась на высоту 0,6-0,7 м. Ее верхняя часть имела сводчатую конструкцию без опорного столба. Обжигательная камера не сохранилась. Общая высота сооружения могла составлять не менее 1,15 м. В силу типичности его можно реконструировать как двухкамерный гончарный горн ямного типа. Южнее располагалась предгорновая яма, которая оказалась, перекрыта более поздней. Хорошо сохранилась только ее нижняя часть овальной формы и размерами 1,3х1,8 м.

3 Под гончарным комплексом мы понимаем горн ямного типа с предгорновой ямой.

Гончарный комплекс №2 оказался лучшей сохранности, чем предыдущий. Нижняя и верхняя камеры горна №2 вырезаны в материковой глине. Топочная камера была овальной формы размерами 0,8х1 м, а выстой 0,5 м. Её отвесные стенки прокалены на толщину 0,1-0,2 м. Мощность пода составила не менее 0,2 м. У юго-западной стенки топочной камеры находился опорный столб из известняковой плиты. Размеры верхней обжигательной камеры составили 0,8х1 м, высота не менее 0,5 м. На ее отвесных стенках, прокаленных до 0,1 м, сохранилось следы заглаживания внутренней поверхности. Верхняя часть обжигательной камеры, возможно сводчатая, могла возвышаться не более чем на 0,2 м. Общая высота сооружения могла составлять не менее 1,2 м. С северо-восточной стороны к нижней камере примыкает сводчатый топочный канал, размерами 0,45х0,5х 0,25 м. Северо-восточнее горна №2 расположена предгорновая яма №2 овальной формы. Её размеры по поверхности составили 2,8х 2,3 м, по дну – 1,8х2,2 м, глубина – 0,9-0,95 м. Она сооружена на месте предгорновой ямы №1, фактически ее уничтожив. Дно ямы №2 зафиксировано стратиграфически на 0,4 м выше дна ямы №1. Гончарный комплекс №2. состоял из двухкамерного горна ямного типа с топочным каналом и примыкающей к нему предгорновой ямой.

Помещение для гончара представляло собой срубную постройку с деревянным полом. Она поставлена на горизонтальную поверхность выходов известняка. В плане сооружение прямоугольной формы размерами 2,6 х 4 м. В его юго-восточном углу расчищен, предположительно, развал глинобитной печи на деревянном опечке. На производственных характер постройки-мастерской №2 указывают: отсутствие поблизости хозяйственных сооружений и находок, говорящих о ее жилом характере; наличие расположенных рядом двух разновременных гончарных комплексов; удаленность от кромки коренного берега.

Исследования на втором производственном участке Аргамач-Пальны- 5 позволяют восстановить этапы освоения этого участка памятника. Первоначально появляются и функционируют гончарная мастерская №2 и гончарный комплекс №1. После выхода из

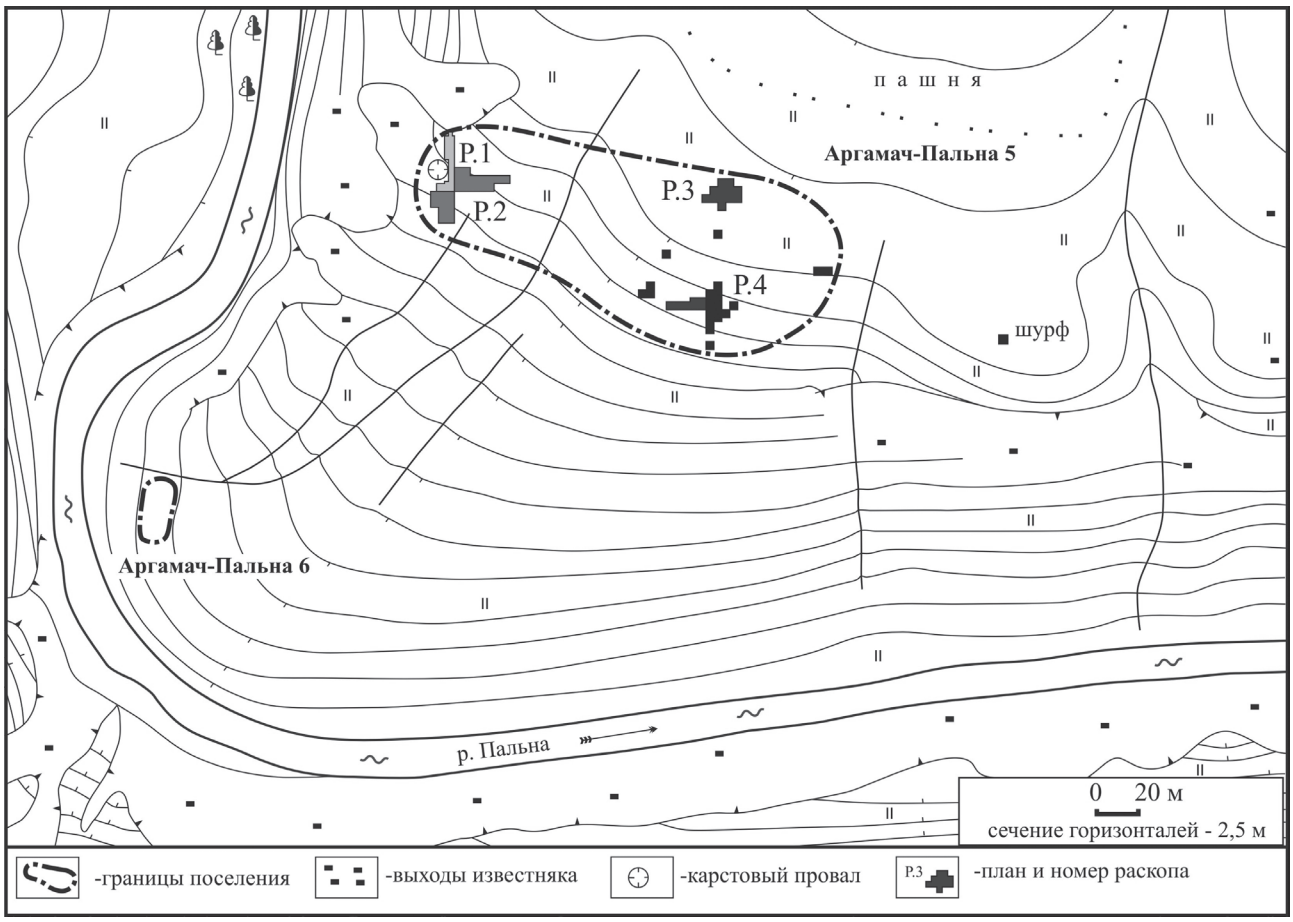


Рис. 1. Раскопы на плане поселения Аргамач-Пальна 5.

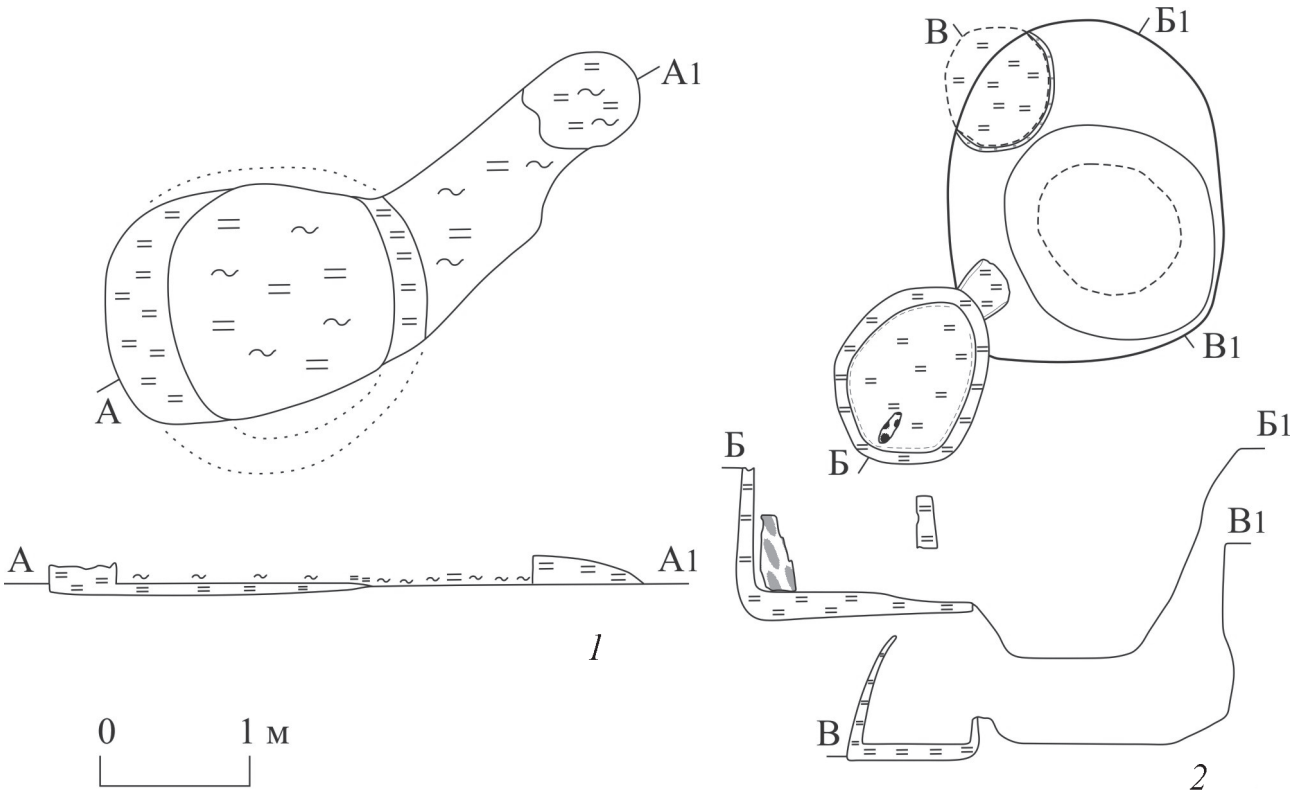


Рис. 2. Планы и разрезы гончарных горнов Аргамач-Пальна 5.

строя горна №1, отступив на 1 м южнее, сооружают новый горн №2, а предгорновую яму №1 перестраивают. Она становится менее глубокой, но более широкой. С учётом рельефа местности общая площадь производственного комплекса №2 могла составлять не менее 160 м^2. На последнем этапе жизни все сооружения погибают в результате пожара.

Благодаря анализу статистической обработки керамики с Аргамач-Пальны-5, проведенной по методике В.Ю. Коваля (Коваль, 2013), выявлены особенности гончарного дела. При многообразии зафиксированных комбинаций технологических признаков изготовления посуды набор преобладающих типов венчиков, декора и днищ оказался стандартен. Более того удалось проследить эволюцию гончарного дела с постепенным переходом к использованию местных глин.

При сравнении производственных гончарных комплексов №1 и №2 выявлены как схожие черты, так и различия. Общим для них являются отдельные помещения для гончара и горны. По этим признакам они относятся к III этапу развития организационных форм гончарного дела, что обусловлено высокой специализацией ремесленников и ориентированности производства на рынок (Бобринский, 1991).

Однако нельзя обратить внимание и на различия. Это разные по конструкции гончарные горны и постройки-мастерские. На первом производственном комплексе изучены наземные горн, помещение для гончара, представленное срубом, углубленным в материк, и большой глинобитной печью на материке, зольник и другие постройки. В их размещении есть стремление освоить всю западную часть поселения. Тогда как на втором - исследованы горны ямного типа и наземная срубная постройка, поставленная на каменном материке, с небольшой глинобитной печью на деревянном опечке.

Сравнение посуды между собой с разных производственных гончарных комплексов позволило выделить некоторые предпочтения ремесленников в технологии изготовления того или иного вида продукции. Например, гончары с западного участка в большей степени специализировались на изготовлении сосудов из формовочных масс без визуально фиксируемых примесей, а также с примесью песка. Тогда как, на втором производственном гончарном комплексе чаще всего использовалась формовочная масса с включениями окислов железа.

Такой высокий уровень организации ремесленного производства не мог возникнуть, развиваться и эволюционировать за короткий промежуток существования средневекового посёлка. Поэтому можно предположить, что возникновение гончарного производства носило организованный (владельческий ?) характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобринский А.А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II–IV вв. н.э.). М.: Наука, 1991. 218 с.

Коваль В.Ю. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы. Методические рекомендации // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2011. С. 489–571.

Тропин Н.А. Елецкая земля в XII–XVвв. Елец: ЕГПИ, 1999. 147 с.

Тропин Н.А. Исследования микрорайона сельских поселений XIV– начала XV в. в нижнем течении р. Пальна округи летописного Ельца (предварительное сообщение) //Россия – Запад – Восток: Археология. История. Право. Философия. Вып. 22–23 (1–2). Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2013. С. 10–16.

Тропин Н.А., Иншаков А.А. Древнерусские памятники XIII – начала XV в. на р. Пальна // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3. Сб. статей. Тула, 2008. С. 103–109.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ВОЛЖСКИХ БОЛГАР IX–XI ВЕКОВ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ДРЕВНОСТЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

© 2014 г. Е.П. Казаков

Институт археологии АН РТ, Казань
(epkaz@mail.ru)

***Ключевые слова*:** Волжская Болгария, этапы этнокультурного взаимодействия, миграции, тюрки, угры, буртасы.

Резюме. В истории Восточной Европы важная роль принадлежит Волжской Болгарии, которая на протяжении 600 лет оказывала заметное культурное, экономическое и политическое влияние на народы обширных районов Урало-Поволжья. Многолетние работы, прежде всего археологов г. Казани, позволили получить богатейшие материалы по освещению хронологических этапов развития болгарского общества в связи с событиями восточно-европейского региона.

В IX в. из районов салтовской культуры в Среднее Поволжье переселяются племена болгар. Двигались они через земли буртас, по правобережью р. Волги, о чем свидетельствует локализация их ранних некрополей (Казаков, 2012. С. 117–132): Усть-Курдюмский у г. Саратова, Автозаводской в г. Ульяновске, I-II Большетарханские в Тетюшском районе Татарстана (рис. 1). В них изучены типично болгарские захоронения, сопровождаемые горшками и характерной салтовской круговой посудой (рис. 1, *А*). В составе этой орды пришли и группы населения, которые в настоящее время можно определить как болгаризированных или тюркизированных буртас. Последние хоронили умерших в глубоких и длинных ямах с уступами и подбоями (рис. 1, *Б*), в которых находились комплексы из черепа и костей ног коня (шкура лошади). Истоки такой обрядности известны в турбаслинско-именьковских могильниках сармат Урало-Поволжья второй половины VI в. (Казаков, 1998. С 97–150). В VII в. кушнаренковские кочевники оттеснили их в районы Саратовского Поволжья. О значительной массе этих мигрантов, пришедших в Среднее Поволжье вместе с болгарами, свидетельствуют захоронения со шкурой лошади (62 могилы – 17 % – в Большетарханском, 80 погребений – 12 % – в Танкеевском могильнике).

Во второй трети X в. в Хазарии началась «борьба за веру» между партиями ислама и иудаизма, в которую были втянуты кочевые племена печенегов и мадьяр. Эта конфронтация заметно изменила этнокультурную ситуацию в Европе: так, например, в результате ее венгры создали свое государство на Дунае. Часть венгров укрылась в стране Волжских Болгар, где оставила богатейший по материалу, Большетиганский могильник с кушнаренковской керамикой. Такая керамика, специфичная по форме и орнаментации, сохраняется в языческих погребениях Танкеевского могильника до второй трети X в. (рис. 2, *I*). К этому времени относится и появление захоронений окских финнов (Казаков, 2007. С. 76–79), уходивших от славянизации. Они сопровождаются большим количеством медных украшений мещеры и муромы (погр. 1100 Танкеевского могильника и др.). Разгромив мадьяр, печенеги стали нападать на более северные племена угров, оставивших неволинскую, ломоватовскую и поломскую культуры; многие представители их мигрируют в Волжскую Болгарию. Специфические элементы культуры последних: погребальные маски, лепная круглодонная керамика с веревочно-гребенчатым орнаментом и др. элементами, зафиксированы в сотнях захоронениях Танкеевского, Большетарханского и др. могильников волжских болгар (Казаков, 1992). В последней трети IX в.

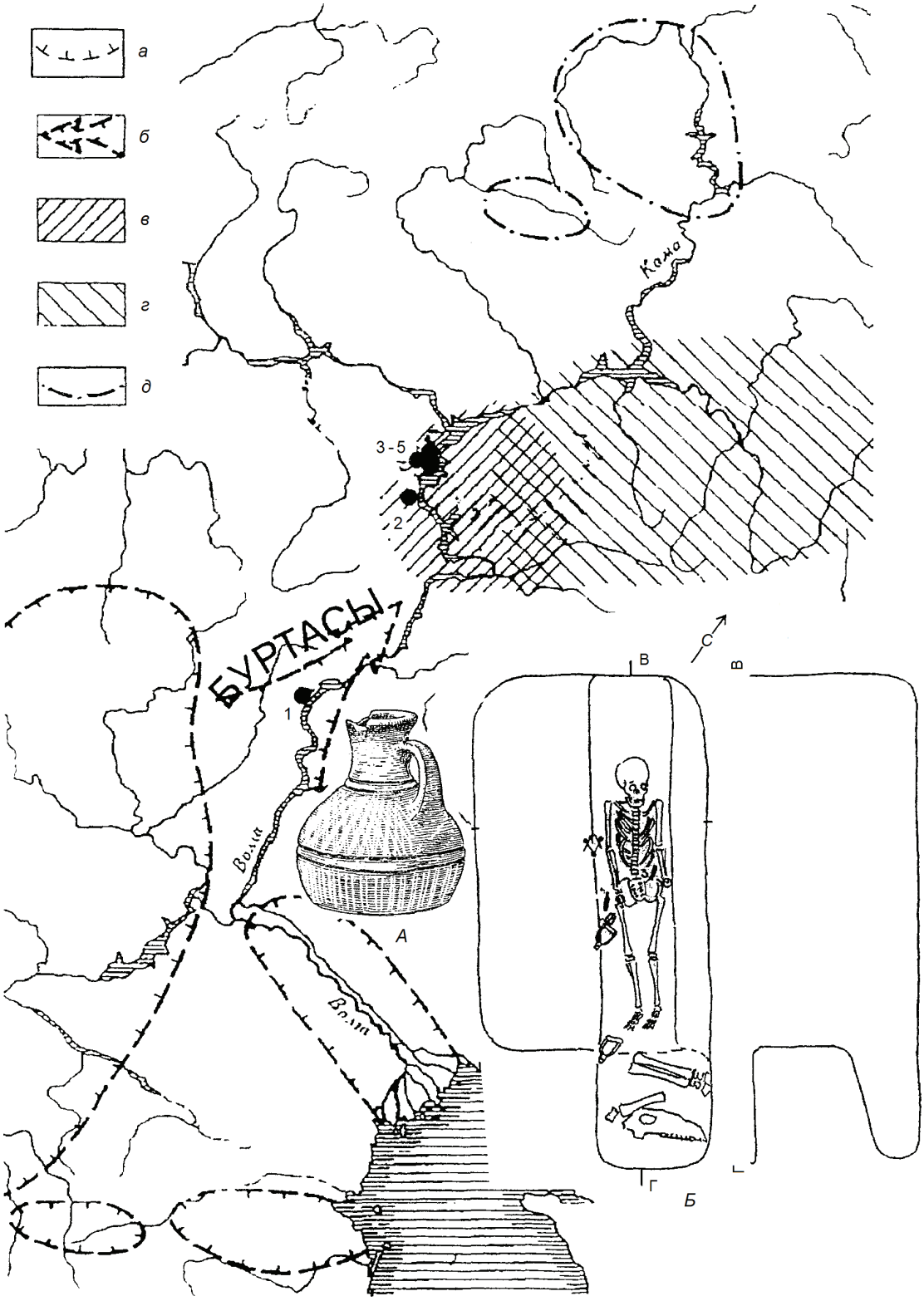


Рис. 1. Этнокультурная ситуация в Урало-Поволжье в раннеболгарский период. *а* – регионы концентрации болгаро-салтовских памятников, *б* – направление движения в Среднее Поволжье болгаро-салтовских племен, *в* – территория ранней Волжской Болгарии, *г* – территория кушнаренковской общности, *д* – ломоватовская и поломская культуры.

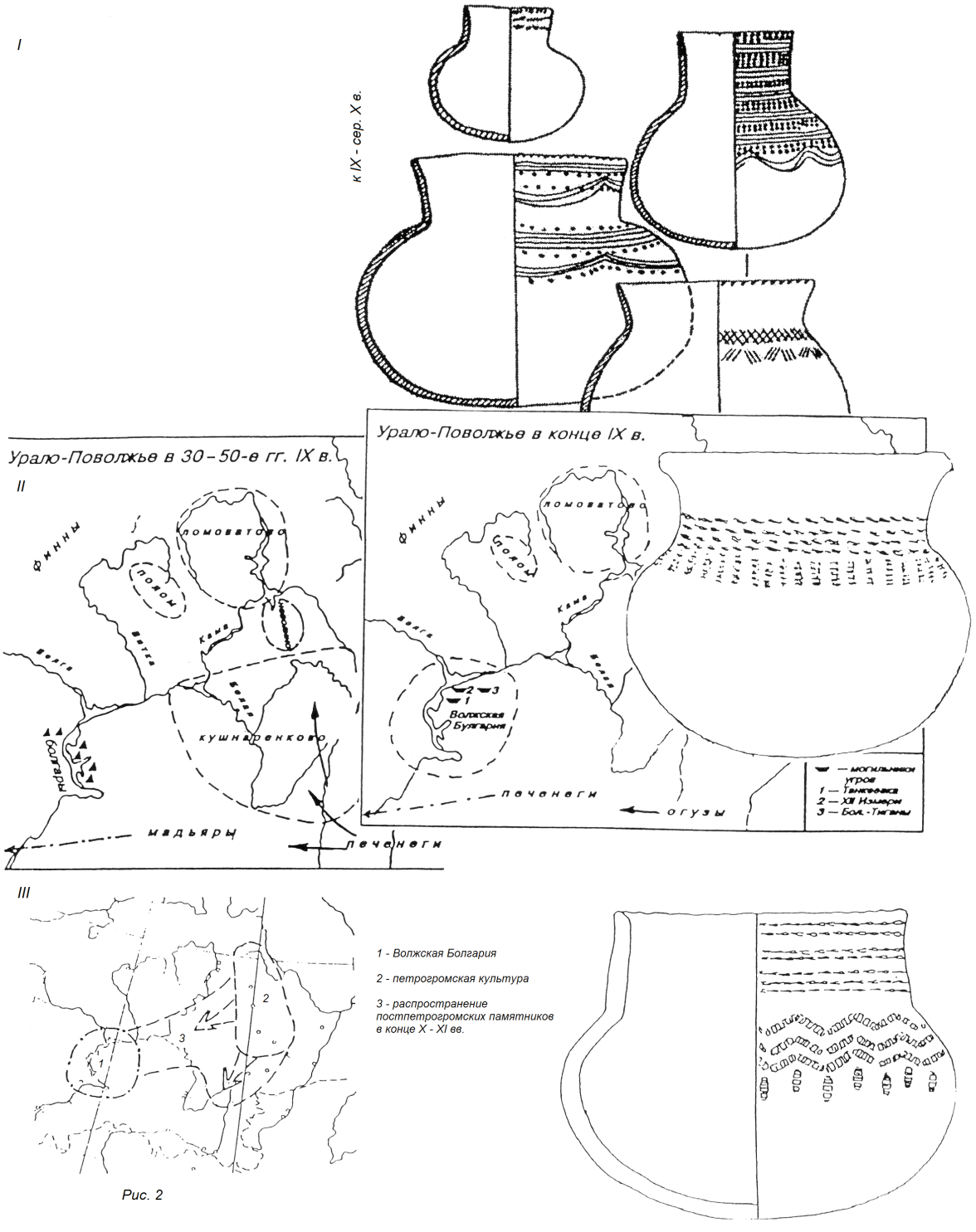


Рис. 2

Рис. 2. Этнокультурная ситуация в Урало-Поволжье в IX–XI вв. *I* – керамика языческих погребений Танкеевского могильника IX в. – середины X в., *II* – характерная керамика и памятники ломоватовской и поломской культур, *III* – лепная круглодонная посуда с веревочно-гребенчатым орнаментом и область распространения памятников петрогромской и постпетрогромской культур.

полностью исчезают памятники кушнаренковской и неволинской культур, а также южные памятники ломоватово и поломы (рис. 2, *II*).

В 60-е гг. X в., в связи с походами Святослава, нападениями печенегов на Хазарию, в Восточной Европе произошли масштабные военно-политические события, вызвавшие новые миграции населения и оказавшие заметное влияние на процессы формирования Волжской Болгарии, Руси и ряда других государственных образований. Этот «великий разгон» привел к появлению в стране болгар массового оседлого мусульманского населения с развитым земледелием, ремеслами и торговлей, которые с VIII в. известны в салтовских древностях, но которых не было у ранних болгар Поволжья. В это время закладываются основы домонгольской культуры болгар, появляется масса поселений, городищ, вместо языческих могильников около них фиксируются только мусульманские кладбища. Разительно отличается новопринесенная круговая посуда, сохраняющая форму и технологию постантичной керамики (горшки, амфоры, светильники, стаканы и др.), которых не было у ранних болгар. С этой волной болгар пришла и часть славянского населения с изделиями роменско-боршевского круга (Казаков, 2013. С. 79–83).

В конце X в. из районов петрогромской культуры мигрируют новые группы угров. Они заняли широкую территорию Урало-Поволжья, оставив здесь памятники постпетрогромской культуры (Казаков, 1992. С. 302–303). Массы этого населения, судя по керамике, проживали и в стране болгар. Практически на каждом поселении здесь отмечаются характерная лепная круглодонная посуда с веревочно-гребенчатым орнаментом и высокой цилиндрической шейкой, явно продолжающая традиции подобной посуды более ранних угорских культур (рис. 2, *III*).

Таким образом, возникнув как результат миграций, Волжская Болгария и в дальнейшем включала в состав своего населения потоки мигрантов, которые вносили заметные инновации в ее культуру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 336 с.

Казаков Е.П. Коминтерновской II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 97–150.

Казаков Е.П. Волжское болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань, 2007. 208 с.

Казаков Е.П. Раннеболгарские погребальные комплексы правобережья р. Волги в системе средневековых древностей Восточной Европы // Исследования по средневековой археологии Евразии. Казань, 2012. С. 117–132.

Казаков Е.П. Падение Хазарии и его отражение в археологических материалах Волжской Болгарии // Вестник Удмуртского университета. История и археология. 2013. Вып. 1. С. 79–83.

СЛОЖЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА И ЕГО ПОЛИТИКО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ (ПО ПИЬСМЕННЫМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

© 2014 г. А.Н. Кирпичников

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(vladimirlapshin@yandex.ru)

***Ключевые слова**:* древнерусское государство, политическая история, письменные источники, археологические данные.

Резюме. В статье рассмотрены вопросы сложения древнерусско государства и его политико-территориальных стуктур.

Политическая история основания древнерусского государства имеет, пусть условную, дату своего отсчета. В 862 г. по приглашению славянских и финских племен заморский выходец Рюрик с братьями и дружиной появился в Ладоге – городе, который, как показали изыскания Староладожской археологической экспедиции, стал создаваться в начальном виде славянами во второй половине VI – VII в. Своим братьям, а позднее мужам, новый правитель отдал в управление Изборск, округ Белоозера, Полоцк, Ростов, Муром. Так географически было сформировано «северное оплечье» новой державы. Через два или три года Рюрик передвинулся к истоку Волхова и на необжитом месте отстроил по образцу скандинавских бургов подковообразную в плане крепость Хольмгард (Рюриково городище или Предновгород). Как установил Е.Н. Носов, в отличие от Ладоги с ее выраженными торгово-ремесленными функциями Рюриково поселение являлось военно-административным центром Поозерья и пристанищем торговых кораблей на путях вглубь Руси и далее на восток. По сообщению В.Н. Татищева, опиравшемуся на Иоакимовскую летопись, именно в приильменском «городке» Рюрик «прилежа о расправе земли правосудии, сам же проименовался князь великий, есм по гречески архикратор или василевс». Здесь можно представить своеобразное коронование Рюрика, который словами летописи «единовластно обладаша» всеми подвластными городами.

15 лет понадобилось новому властителю, чтобы подготовить дальнейшее расширение Руси. Эту задачу выполнил приближенный Рюрика, его шурин Олег Вещий. Ему едва ли не впервые удалось собрать федеративное войско из варягов, чюди, славен, мери, веси и кривичей и путем через Смоленск и Любеч обосноваться в Киеве и статусно назвать его «материю городов русских». Так поэтапно в течение 20 лет Ладожско-Новгородская Русь преобразовалась в объединенное своими основными центрами славяно-русское государство, включавшее в себя ряд восточно-славянских племен. Объединение сопровождалось продвижением властных структур с севера на юг в интересах развития ремесла, торговли, земледелия, внутренних и международных связей. Успехи устройства государства были подготовлены предшествующим развитием общества, осознавшим необходимость своего единения. Не случайно сближение большинства отдельных областей происходило на добровольной основе, насколько можно судить, почти бескровно.

Об устройстве Руси и ее ранних городов можно судить по русско-византийским договорам, заключенным в 911 и 944 гг. Небесполезно будет сопоставить данные договоров с летописными византийскими источниками и сагами (привлекаются как сами источни-

ки, так и их разработки Е.Н. Мельниковой, Т.Н. Джаксон, П.С. Стефановича и других авторов). В договорах фигурируют оказавшиеся в составе войска под командованием Олега прибывшего в Византию купцы и послы от «славных и великих» князей и бояр. Этих последних в греческих источниках называли архонтами. Число архонтов в договорах точно соответствовало количеству послов. П.С. Стефанович, развивая высказывания А.В. Соловьева, логично предположил, что за каждой из отмеченных в договорах 911 и 944 гг. парой архонтов и послов скрывается некая локальная административно-территориальная единица. Это предположение вполне основательно, его можно попытаться проверить. Здесь будем оперировать данными только договора 911 г. В документе 944 г. количество послов указано 25, что оказалось больше, чем их названо в договоре 911 г. Это очевидно было связано с расширением огосударствленных земель. Анализ документа 944 г. однако дело будущего.

Какие предполагаемые центры можно соотнести с договором 911 г.? Сопоставив показания летописей, греческих источников и скандинавских саг (ПСРЛ, особенно ПВЛ; Константин Багрянородный «Об управлении империей» и трактат «О церемониях»; древнескандинавские сочинения), можно представить список главных, существовавших в начале X в. городов и прилегающих к ним территорий, входивших в систему не местной племенной, а центральной власти. Перечислим их: Ладога-Альдейгьюборг, Алаборг (сопоставим с городищем у с. Городище в 46 км от Старой Ладоги), округ Белоозера (сам город в начале X в. еще не был отстроен), Хольмгард-Рюриково городище (Предновгород), Псков, Изборск, Тимеревское поселение (предшественник Ярославля), Ростов (правда, пока не обнаружены древности первой половины X в.), Муром, Полоцк, Любеч, Гнездовский археологический комплекс (древний Смоленск или его предшественник), Чернигов (с ним связано Шестовицкое поселение и могильник – возможный предшественник или спутник Чернигова), Киев, вышгород, Витичев. Как видим, число городов и количество послов в договоре 911 г. совпадает. Конечно, такое совпадение нельзя переоценивать. Уточнения здесь не исключены. Перечисленные центры в большинстве расположены, что не случайно, на магистральных речных путях – Волховском, Днепровском и Волжском и сами являлись ядрообразующими центрами государственной Руси. Расположены все эти поселенческие узлы на землях словен, кривичей, родимичей, северян, полочан и полян. Данные племена, очевидно, одними из первых стали преобразовываться в единую русскую народность.

Послы договоров 911 и 944 гг. названы по именам. Оказалось, что из 15 послов договора 911 г. 13 явно скандинавские, а среди 25 послов договора 944 г., по мнению разных авторов, таковых от 17 до 21. Можно предположить, что архонты, направившие своих людей в качестве дипломатов в Константинополь, также были скандинавами – теми мужами, которых направляли первые князья в «города и веси» в качестве наместников-управителей.

Годы правления Олега (882-911 гг.) Б.А. Рыбаков назвал «норманским периодом» русской истории. Это определение можно принять с той поправкой, что названный норманский период охватывал годы властвования князей Рюрика, Олега, Игоря и, вероятно, Ольги. В источниках о приезде Ольги в Константинополь в 946 или 957 гг. по определению П.С. Стефановича значатся то же число – 25 послов, как и в договоре 944 г. Скорее всего, речь идет, по крайней мере количественно, о тех же послах, что были указаны в документе 944 г.

Русско-византийские договоры устанавливают, что скандинавы в составе правящей элиты, очевидно, занимали в первой половине X в. господствующее положение. Их влияние могло продолжаться и после середины X в. На это в частности указывают выразительные по составу скандинавских вещей курганы крупных городских некрополей середины и второй половины X в. Удивительно, что названные в договорах люди (кроме великих князей) в летописи больше не упоминаются. Очевидно, что в последние десятилетия X в. общественное значение норманнов стало уменьшаться. Причин здесь немало. Отметим только одну. Обычное варяжское властное присутствие в городах было ограничено князем Владимиром Святославичем, который стал раздавать

уделы своим 12 сыновьям. Функции наместников стали тогда не обязательными.

Норманский период русской истории касался элиты общества, русско-славянский базис которого не вызывает сомнения. Очевидно, «светлые князья и бояре» справлялись с задачами строительства государства и непротиворечиво вошли в состав не только правящего класса, но и всего общества Руси, находившегося в первой половине X в. в периоде энергичного поступательного роста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Повесть временных лет. Издание второе. СПб., 1996.

Константин Богрянородный. Об управлении империей. М., 1991.

Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) гордище. М., 1990.

Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические названия. М., 1986.

Джаксон Т.Н. Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001.

Стефанович П.С. Бояре, отроки, дружины. Военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М., 2012.

Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Старая Ладога древняя столица Руси. СПб., 2013.

МАЛЫЕ ГОРОДА СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ: ОСНОВНЫЕ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

© 2014 г. В.Ю. Коваль

Институт археологии РАН, Москва
(kovaloka@mail.ru)

Ключевые слова: малые города, городища, укрепленная территория, уличная планировка.

Резюме. Проблема «малых городов» Руси была сформулирована А.В. Кузой в 1970-х гг., но до сих пор не решена. Его попытка указать нижнюю границу размеров укрепленной стенами площадки входит в прямое противоречие с летописными данными, согласно которым городами названы поселения без укреплений или с очень небольшими по размеру укрепленными площадками. Работающим критерием для выделения «малых городов» является общая площадь заселенной площадки. Однако главным признаком «малого города» Руси являлась его организующая роль в административно-территориальной системе русских княжеств XI–XIV вв. Если обратиться к признакам «городов вообще», предложенным А.В. Кузой, то единственным из них, характерным для всех «малых городов», является наличие уличной системы застройки.

Проблема «малых городов» была сформулирована в 1970-х гг. А.В. Кузой, но из-за безвременной кончины исследователя в 1984 г. его работа так и осталась до конца не завершенной, хотя основные ее положения были позже опубликованы (Куза, 1989). При этом А.В. Кузой не было сформулировано определение «малых городов», поэтому до сих пор их отличают от крупных только по размерам. Очевидно однако, что города нельзя делить на «большие» и «малые» вне их исторического развития, что исключает возможность поиска каких-то единых вневременных критериев для проведения такого деления. Один и тот же город в разные периоды времени мог относиться к разным категориям: многие города появлялись как «малые», но со временем превращались в «большие» (наиболее яркий пример – Москва), тогда как другие из «больших» превращались в «малые» (примеры: Владимир, Суздаль). Все это, несомненно, понимал и А.В. Куза, совершенно справед-

ливо выделявший в истории развития городов домонгольской Руси 3 хронологических периода: «раннефеодальный» (X – начало XI в.), «переходный» (XI – первая половина XII в.) и «период развитого феодализма» (вторая половина XII – середина XIII в.) (Куза, 1989. С. 44). Если отвлечься от периодизации феодализма, не имеющей решающего значения для изучения развития городов, следовало бы несколько скорректировать эту систему:

1. Протогородской период (IX–X вв.)
2. Раннегородской период (XI – первая половина XII в.)
3. Период бурного роста городов (вторая половина XII – середина XIII в.)
4. Период стагнации и структурной перестройки (середина XIII – XV в.)
5. Период возобновления роста городов в условиях централизованных государств Восточной Европы (XVI–VII вв.).

Не меньшее значение имеют и региональные различия: города Севера Руси, исторически и культурно тесно связанные с балтийским регионом (достаточно вспомнить хотя бы Старую Ладогу, основанную при непосредственном участии и ведущей роли норманнов), заметно отличались от южнорусских центров, формировавшихся на совершенно иной основе и при доминировании южноевропейских культурных и политических ориентиров (Византии, Хазарии, Великой Моравии, Болгарии). Однако провести четкую границу между разными регионами градообразования на Руси очень сложно, поскольку влияние северо- и южноевропейских импульсов было во многом взаимопроникающим.

А.В. Куза не ранжировал города Руси, однако он подразделил все учтенные в его своде 862 городища на 11 групп, различающихся по площади (Куза, 1989. Рис. 1). Под «площадью городища» подразумевалась та территория, которая была окружена укреплениями. Исследователь не оговорил специально, что именно он понимал под такими укреплениями, однако можно догадаться, что под ними он понимал городские валы, что совершенно справедливо. Надо только уточнить, что валы являются не укреплениями, а руинами укреплений – археологизированными остатками древо-земляных стен. Все иные укрепления, известные по летописям и археологическим раскопкам (рвы без валов, линии частоколов, надолбы, эскарпы) по своим защитным качествам не могут идти ни в какое сравнение со стенами, к тому же они могли применяться для обороны отдельных усадеб княжеского или боярского статуса (селище Ближнее Константиново под Нижним Новгородом), либо крупных сел (Мякинино-1 в Подмосковье).

Анализ группировки городищ, проделанной А.В. Кузой, позволил ему прийти к выводу, что «большими» городами являются только столицы крупнейших территориальных образований Руси – земель (Новгородской, Полоцкой, Смоленской, Ростово-Суздальской, Волынской, Галицкой, Киевской, Черниговской и Рязанской). Таким образом, из 271 летописного города (Тихомиров, 1956. С. 32–43) к числу «больших» городов он относил фактически только 14 городов, причем оказалось, что площадь *укрепленной территории* у большинства из них превышала 40 га (Киев, Белгород, Переяславль, Чернигов, Галич, Владимир-Волынский, Полоцк, Смоленск, Великий Новгород, Ростов, Суздаль, Владимир-на-Клязьме, Муром, Старая Рязань). Однако при подобном подходе за рамками крупных городов оказался такой огромный по площади летописный пункт, как Белоозеро, вовсе не имевший укреплений. При этом Ростов, также не имевший древо-земляной стены, в этот список все же попал. Отсюда видно, что площадь укрепленной территории в отношении городов не может являться единственным признаком для их градации.

Как было показано А.В. Кузой, не наблюдается жесткой зависимости между размерами детинцев и общей площадью городов, их значением и экономической мощью (Куза, 1989. С. 133), хотя, безусловно, наиболее крупные, столичные, города обладали самыми большими детинцами (кремлями). В то же время, среди несомненных городов имеются такие, которые имели детинцы площадью 0,5 га (Торопец) и даже еще меньше. Тем самым терпит крах попытка установить нижнюю границу площади укрепленной площадки поселения, после которой оно уже не может претендовать на «звание» города (на уровне 2,5 га или

даже 2 га, как предлагал А.В. Куза). Эта попытка входит в прямое противоречие с летописными данными, согласно которым городами названы поселения без укреплений или с очень небольшими по размеру укрепленными площадками. Видимо, признак «укрепленной площади» должен быть отнесен к числу дополнительных, а основным станет в этом случае признак *общей площади города*, в состав которой следует включать детинец, окольный город и посады, либо всю застроенную территорию города, если он не имел такого структурного деления. Для того, чтобы подойти к решению этой задачи, необходимо опираться на данные по тем «малым городам», которые к настоящему времени исследованы в наилучшей степени и которые могли ы послужить своеобразными «эталонами». Очевидным первейшим признаком таких эталонов является высокая степень археологической исследованности и наличие качественных публикаций. На сегодняшний день можно назвать только 6 таких эталонных памятников – городища Слободка, Волковыск, Заславль, Ярополч Залесский, Берестье и Ростиславль Рязанский, детинцы которых исследованы не менее чем на 1/5. Однако общая площадь половины «эталонных» малых городов оказывается равна примерно 5 га (Ростиславль, Заславль, Ярополч). И это при том, что в разных частях Руси известны сельские поселения, площадь которых достигала 30 и даже 40 га. Это значит, что статус «малого города» напрямую не определялся его площадью, или, с другой стороны, не большая площадь поселения превращала его в город.

Теперь обратимся к тем 8 основными признакам «городов вообще», которые были сформулированы в свое время А.В. Кузой и попробуем проанализировать «эталонные» малые города с этой точки зрения, причем в пределах одного только периода второй половины XII – первой половины XIII в. (см. таблицу).

Признак 1 – наличие следов развитого ремесла, сельского хозяйства и торговли. Такие следы присутствуют в каждом из сравниваемых городов, но они встречаются и на многих крупных сельских поселениях. При этом ни в одном из рассматриваемых городов не были обнаружены торговая площадь или иные места ведения торговли.

Признак 2 – свидетельства административного управления. Если в качестве таковых рассматривать актовые печати, то они обнаружены лишь в 3 городах из шести.

Признак 3 – предметы вооружения и воинского снаряжения, как признаки присутствия людей, связанных с княжеской дружиной, известны на всех 6 городищах. Однако такие предметы встречаются и на мелких городищах, и на крупных селищах, и на феодальных усадьбах.

Признак 4 – монументальное (каменное) зодчество. Следы каменного храма домонгольской эпохи известны только на одном из 6 городищ – в Волковыске.

Признак 5 – грамотность горожан и высокая книжная культура фиксируются на большинстве городищ, однако в Заславле и Слободке, например, ни образцов древней эпиграфики, ни писал не найдено.

Признак 6 – присутствие аристократии, определяемое по предметам княжеско-боярского убора, дорогой посуде и высокохудожественным предметам прикладного искусства, совершенно не прослежено среди материалов домонгольской эпохи в Заславле, Ярополче и Ростиславле.

Признак 7 – развитая усадебно-дворовая планировка присуща всем рассматриваемым городищам, однако планировка «малых городов» и крупных сел внешне выглядит весьма схожей. Из 6 рассматриваемых городов улицы археологически зафиксированы только в Берестье, Ярополче и Ростиславле.

	Признаки города							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Волковыск	+	+	+	+	+	+	+	+
Берестье	+	+	+	–	+	+	+	+
Заславль	+	–	+	–	–	–	+	+
Слободка	+	–	+	–	–	+	+	+
Ярополч	+	+	+	–	+	–	+	+
Ростиславль	+	–	+	–	+	–	+	+

Признак 8 – плановая структура, включающая детинец и неукрепленные посады, имелась во всех рассматриваемых городах.

Итак, 5 из 6 «эталонных» городищ не имели полного набора «признаков города», предложенных А.В. Кузой. Вывод напрашивается очевидный: полным набором «признаков города» обладали только «большие города» XII–XIII вв. и некоторые (наиболее крупные) из «малых». Для подавляющего же большинства «малых городов» не просто возможно, но совершенно нормально наличие лишь нескольких из этих признаков. Для 6 рассмотренных «градообразных памятников» обязательными оказались только 4 признака – 1, 3, 7, 8. Но первые три из них, как было показано выше, могут иногда быть применимы и к большим селам, а последний признак в действительности тоже не является обязательным, поскольку он неприменим даже ко многим крупным городам (например, к тому же Белоозеру, где никакого ясного членения территории города на части не прослеживается).

Все это, однако, вовсе не означает, что признаки города, установленные А.В. Кузой, не могут быть использованы при идентификации «малых городов». Напротив, они являются действенным инструментом научного исследования, однако их применение не может осуществляться формально (по методу «есть – нет»). Поэтому если наличие всех 8 признаков твердо гарантирует, что то или иное поселение являлось в прошлом городом, то отсутствие даже большинства этих признаков не может служить основанием для того, чтобы не признавать то или иное поселение городом. Для того, чтобы правильно пользоваться данным инструментом научного познания, прежде всего, представляется необходимым установить иерархию признаков, выяснить, какие из них являются более важными, а какие – менее, какие следует применять во всех случаях, а на какие распространяются те или иные ограничения. На нынешнем этапе знаний наиболее важным представляется признак 7, правда, в скорректированном виде: *наличие развитой усадебно-дворовой планировки и уличной системы застройки*. На втором месте по значению выступают признаки 1 и 4 (экономический и религиозный), однако признак 4 также требует корректировки: каменные храмы являются в это время атрибутом прежде всего крупных (столичных) городов, тогда как в подавляющем большинстве «малых городов» размещались деревянные церкви.

Что касается периода максимального развития городской культуры в Древней Руси (второй половины XII – первой половины XIII в.), то в качестве «малых городов», вероятно, можно с полной уверенностью рассматривать центры удельных княжений в составе крупных княжеств, а также некоторые центры подчиненных им волостей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Куза А.В. Малые города Древней Руси. М., 1989. 167 с.

Тихомиров М.Н. Древнерусские города / М.Н. Тихомиров. М., 1956. 474 с.

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ НИЗОВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ: ПОГОСТЫ X В. НА Р. МСТЕ

© 2014 г. В.Я. Конецкий

Центр по организации и обеспечению археологических исследований, Великий Новгород (arheonovgorod@gmail.ru)

Ключевые слова: погосты, княгиня Ольга, Мста, городища, социальные структуры.

Резюме. Формирование государственности на территории Северной Руси относится к вопросам, представляющим большой научный и общественный интерес. Важное значение в этом процессе, придается деятельности княгини Ольги.

В.Л. Янин отмечал, что становление Новгорода как города совпадает по времени с походами Ольги на Мсту и Лугу, в результате которых были подавлены конкурирующие с Новгородом местные центры и создана система погостов (Янин, 2008. С. 28).

Локализация древнейших погостов невозможна без рассмотрения упомянутых центров. При этом особый интерес представляет территория по Мсте, поскольку с этой рекой летописная традиция связывает установление погостов более тесно чем с Лугой.

Важнейшим источником для изучения местных социальных структур является система расселения, которая реконструируется по распространению погребальных насыпей – сопок. Комплексы памятников культуры сопок, включающие в себя могильники, состоящие в основном из 1-2 насыпей, и соответствующие им поселения, чаще всего образуют сгустки из 2-5 пунктов, расположенных на расстоянии от нескольких сот метров до 1-2 км друг от друга. Наряду с ними выделяются скопления насчитывающие десятки пунктов, объединяющие как вышеупомянутые сгустки, так и отдельные комплексы памятников. Такие поселенческие структуры занимают участки протяженностью в десятки километров по долинам крупных рек и их притоков. Друг от друга они отделены значительными пространствами. В плане социальной интерпретации отдельным комплексам памятников соответствуют большие патриархальные семьи, иначе, домовые общины. Отдельные сгустки памятников оставлены формирующимися соседскими общинами, которые могли складываться как на родственных, так и изначально неродственных основах.

Крупным скоплениям памятников соответствуют образования, обозначаемые в литературе как «малые племена». Этот термин может быть использован лишь с конкретными оговорками. Данные структуры формируются в ходе расселения и базируются не на родственной, а на территориальной основе. Однако, некоторые функции здесь совпадают с племенными: защита территории от посягательств извне, обеспечение на основе обычного права внутреннего мира, гарантия круга брачных связей и т.д. (Конецкий, 1994. С. 55–57).

На берегах Мсты находятся три скопления сопок. Ближайшим к Новгороду является Среднемстинское, расположенное выше впадения во Мсту ее притока р. Волмы. На данном участке протяженностью до 40 км, сосредоточено 28 местонахождений сопок. Явным центром этого скопления является комплекс памятников у д. Золотое Колено. Он состоит из уникального сопочного могильника, насчитывавшего не менее 17 насыпей, и поселения площадью более 2 га. Раскопки на селище в 1974-1975 гг. проводил Е. Н. Носов. На основном раскопе были открыты остатки 3-х жилищ и хозяйственных сооружений. Расположение объектов позволяет говорить

об усадебной планировке. Социальный облик поселения характеризуют находки дирхемов, бус, а также других предметов, свидетельствующих о торгово-ремесленной деятельности. Авторы публикации датируют памятник в рамках IX – нач. X в., при этом обоснование верхней даты базируется на динамике смены лепной керамики на гончарную в раннегородских центрах Северо-Запада (Носов, Плохов, 1991. С. 117–149).

Однако исследования последних лет показывают, что на востоке Новгородской земли это процесс происходил гораздо медленнее (Исланова, 1997. С. 68; Конецкий, 2003. С. 34) . Таким образом, поднятие верхней даты до середины X века, т.е. до времени походов княгини Ольги, не может вызывать особых возражений. В каком-то виде жизнь поселения продолжается и во 2-ой пол. X века, о чём свидетельствуют материалы сопки с погребением содержащим раннегончарную керамику. Эта насыпь была насыпана на культурном слое всего в 27 м. от края исследованного участка.

Ответить однозначно на вопрос о деятельности Ольги по организации погоста в этом районе не представляется возможным. Однако следует иметь ввиду, что ближайшая к Золотому Колену деревня называется Городище. Около нее Мста делает крутой изгиб. В XIX в. по мысу коренного берега прошла насыпь железной дороги, полностью уничтожив древний рельеф. В данном археологическом контексте весьма вероятно, что именно здесь могло находиться городище - опорный пункт, возникший в результате похода 947 г.

Следующее скопление сопок – Любытинское, находится в отрыве от вышеописанного на 25 км. Оно имеет по Мсте протяженность до 30 км. По ее берегам учтено 18 пунктов с сопками. Резко отличает данную зону от Среднемстинской то, что здесь большая часть памятников (20) расположена не по основной реке, а в долине ее небольшого притока р. Белой. Долина реки Белой – место уникальной в рамках всего Северо-Запада концентрации памятников 2-ой пол. I тыс. н.э. (Носов, Конецкий, Иванов, 2002. С. 56–117). Показательно количество крупных могильников, в 6-ти из которых фиксировалось от 10 до 19 сопок. При впадении р. Белой во Мсту расположено городище. Керамика, происходящая из разведочного раскопа, позволяет говорить о присутствии здесь славян еще в досопочный период. В X веке это поселение не являлось главным, поскольку крупным могильникам в районе д. Николаевка соответствуют отдельные селища. В целом, оценивая памятники в районе р. Белой, следует подчеркнуть, что подобная концентрация населения не может быть объяснена на основе потенциальной возможности земледелия в данном микрорегионе, а отражает становление местного центра, опирающегося на потенциал обширной территории. Для характеристики социальной структуры, центром которой была долина р. Белой, представляется важным тот факт, что Любытинское скопление сопок, с обеих сторон «запирается» городищами. Близ каждого из них имеется по одной сопке. Расположение городищ на участках, неудобных для хозяйственной деятельности, заставляет предполагать, что их функции были, прежде всего, контрольными и оборонительными. Их этого следует вывод, что «местное княжение» с центром в долине р. Белой обладало достаточным потенциалом и организацией власти для защиты своих рубежей.

Памятником, непосредственно связанным с эпохой походов княгини Ольги в долине р. Белой, является Малышевское городище (Конецкий, 2003. С. 30–45). Оно располагается на левом берегу р. Белой в 6 км от ее впадения во Мсту. Городище занимает мысовой выступ коренного берега и защищено с напольной стороны валом. Судя по соотношению лепной и раннегончарной керамики, типам бус, ряду других находок, время существования памятника соотносится с эпохой княгини Ольги. Важнейшим в интерпретации этого городища, как опорного пункта княжеской власти, можно считать тип фортификаций, включающий в себя деревянные конструкции в виде полых клетей. Подобные укрепления известны на территории Южной Руси, а в Новгородской земле они отмечены впервые. Трактовка Малышевского городища как военного лагеря подтверждается и анализом хозяйственной деятельности его обитателей. На памятнике встречены следы ремесленного производства в виде шлаков, фрагментов тиглей и бракованных бронзовых отливок. Оружие пред-

ставлено наконечником дротика и фрагментами лезвий боевых топоров. Одновременно, по сравнению с обычными памятниками, наблюдается существенная деформация женской субкультуры. При обычном количестве керамики и бус здесь фактически отсутствуют пряслица – массовая находка для поселений Приильменья этого времени.

Третье скопление сопок по Мсте находится в районе современного г. Боровичи. Сопочные могильники и одиночные насыпи приурочены к берегам реки и ее мелким притокам. Всего здесь зафиксировано 23 местонахождения памятников. Центр данной структуры располагался близ г. Боровичи. На притоке Мсты – р. Вельгии, примерно в 2 км от ее устья, у д. Сушани, находилось несохранившееся городище с лепной керамикой конца I тыс. н.э., а напротив него, на другом берегу реки, близ д. Тини, также разрушенный сопочно-курганный могильник, в котором насчитывалось 22 насыпи. Данный участок течения Мсты имел стратегическое значение, поскольку здесь заканчивались мощные пороги, что подчеркивается находкой на указанной территории клада арабских монет (Носов, 1976. С. 103).

Таким образом, окняжение Ольгой территорий по Мсте было, по всей видимости, связано с устройством городищ, призванных контролировать покоренные территории. Этот факт, имеющий полное подтверждение для района Любытина, с определенной долей вероятности может быть экстраполирован и на два других центра социального развития X в. в Помостье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исланова И.В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего Средневековья. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 304 с.

Носов Е.Н. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VII–X вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VIII. Л.: Наука ,1976. С. 96–110.

Носов Е.Н., Плохов А.В. Поселение Золотое Колено на Средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской земли 1990 г. М.: НАЭ МГУ, ИА РАН СССР, НГОМЗ, 1991. С. 117–149.

Носов Е.Н., Конецкий В.Я., Иванов А.Ю. Комплекс археологических памятников в долине р. Белой в контексте древней истории Северо-Запада России // У истоков Новгородской земли. Вып. 1. Любытино, 2002. С. 56–117.

Конецкий В.Я. Центр и периферия Приильменья в IX–X вв.: особенности социально-политического развития // НиНЗ. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 55–57.

Конецкий В.Я. Малышевское городище – памятник эпохи походов княгини Ольги // НиНЗ. Вып. 17. Великий Новгород, 2003. С. 30–45.

Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. 400 с.

ПРИЛАДОЖСКАЯ КУГАННАЯ КУЛЬТУРА В АСПЕКТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ МОНЕТ И ТЕКСТИЛЯ

© 2014 г. С.И. Кочкуркина

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск (babkin@karelia.ru)

***Ключевые слова**:* Приладожье, курганная культура, монеты, текстиль.

Резюме. Приладожье, находясь вблизи важнейших раннефеодальных торговых путей между Западом и Востоком, занимало видное положение как во внутренней, так и во внешней торговле, что сыграло важную роль в социально-экономическом развитии региона. Сохранившиеся в погребальных памятниках ювелирные изделия, бусы, монеты, оружие, шелковые ткани, клады монет – яркие доказательства оживленной торговли в период раннего Средневековья.

Ареал курганной культуры на рубеже I– II тысячелетий включал Юго-Восточное Приладожье с бассейнами рек Сяси, Тихвинки, Воронежки, Паши, Капши, Ояти, Свири, район Прионежья с речными системами рек Олонки, Тулоксы, Видлицы и северное побережье Онежского озера. Несколькими поколениями археологов исследовано более 700 насыпей. Примерно в полусотне географических точек ареала имеются еще около 750 неисследованных курганов, сопок и некоторых других памятников. Много насыпей уничтожено в процессе хозяйственной деятельности. Кроме того, найдено несколько кладов восточных и западноевропейских монет XI– XII вв.: на р. Паше – два в Колголеме и Вихмязи, р. Ояти – один в Ширинчах, р. Свири – три клада в Лодейном Поле, два в пос. Свирьстрой, один в д. Озерки. Синхронны приладожской курганной культуре выявленные на территории Карелии три клада монет X– XI вв. в Петрозаводске близ впадения р. Неглинки в Онежское озеро, на берегах озер Сандал и Падмозеро. В 91 кургане обнаружены 192 монеты: английские (25), немецкие (96), чешские (7), византийские (6) и восточные (58), а также неопределенные западноевропейские монеты и их обломки.

На содержательных материалах курганов Приладожья вполне реально поставить вопрос о возможности или невозможности датировки погребений по монетам, особенностей их использования (в качестве платежного средства или украшения, в ритуальных или иных целях и т.д.).

Большинство монет приходится на женские погребения – 67, значительно меньше на мужские – 24, половая принадлежность 12 погребенных не определена. 78 целых монет (без отверстий и ушков) зафиксированы в 35 курганах (40 погребений: 22 женских, 14 мужских, 4 неопределенных) в области головы, шеи и груди погребенных, а также на поясе, у таза, в ногах. Иногда они находились в кошельках (заметим, вместе с монетами, имеющими ушки и отверстия) и в качестве дара умершему. Монеты с отверстиями и ушками отмечены в 46 курганах (116 экз.). Их положение относительно костяка не отличается от расположения монет без ушков и отверстий – большей частью они встречены в составе ожерелий, реже – в области таза, у ног, в одном случае – в кошельке. Что касается «обола мертвых», то убедительных доказательств этому явлению в отчетах исследователей получить не удалось.

Датировка 14 курганов, определенная по сопровождающему инвентарю, противоречит найденным в них монетам: интервал достигает иногда более ста лет. В то же время в 12 погребениях даты восточных монет, независимо от того целые ли они или имеют ушки и отверстия, не противоречат сопровождающему инвентарю. Это скандинавского

происхождения фибулы, сердоликовые, стеклянные и бронзовые бусы, некоторые типы гривен и браслетов, односторонние гребни с орнаментированными накладками, изделия, изготовленные по технологии трехслойного пакета, мечи, наконечники копий, весы, лепная посуда. Но предметов скандинавского происхождения, подчеркнем это важное обстоятельство при датировке, нет в погребениях с западноевропейскими монетами, иными словами, период в несколько десятков лет, от X – начала XI в. до появления первых западноевропейских монет середины XI в., был безмонетным.

Следовательно, правы были те исследователи, которые полагали, что наличие дирхемов нельзя безоговорочно использовать в качестве датировки погребений, но в большинстве случаев монеты, в том числе и западноевропейские, являются надежным временным определителем. Однако подчеркнем, что археологический метод датирования по ведущим категориям предметов необходимо использовать в первую очередь.

Приладожье, находясь вблизи важнейших раннефеодальных торговых путей между Западом и Востоком, занимало видное положение как во внутренней, так и во внешней торговле, что сыграло важную роль в социально-экономическом развитии региона. Осуществлялись торговые связи со Скандинавией, Прибалтикой, Византией, приволжскими, среднеазиатскими территориями и странами арабского Востока. Об этом свидетельствуют не только монеты, но и найденные в погребениях X в. части весов и гирьки вместе с предметами вооружения скандинавского типа, поскольку торговля в те времена была сопряжена с большим риском. Приладожье являлось крупным поставщиком пушнины – самого ходового товара на всех рынках мира. Сохранившиеся в погребальных памятниках ювелирные изделия, бусы, монеты, оружие, шелковые ткани, клады монет – яркие доказательства оживленной торговли в период раннего Средневековья (Кочкуркина, 2013).

В курганах обнаружены фрагменты шелковых, шерстяных и льняных тканей, золотных лент, шерстяной и полушерстяной тесьмы, а также нити из шерсти и шелка, которые использовались для шитья и декорирования текстиля.

Для определения структуры тканей и природы текстильных волокон использовались методы оптической микроскопии; качественный и количественный состав золотных нитей выявлен путем микрорентгеноспектрального анализа.

Тем не менее следует обратить внимание на слабую источниковую базу сохранившегося текстиля: только из 11 курганов удалось получить остатки шерстяных, льняных, шелковых тканей, меха, кожи и бересты. Это произошло и по причине невнимательности исследователей при раскопках памятников, некоторого пренебрежения к этому виду источника, а также отсутствия на тот период разработанной методики изучения этого хрупкого материала. Вне всякого сомнения, остатки текстиля присутствовали в каждом погребении, поскольку умерших хоронили в парадной, не будничной, одежде.

В кургане северной чёлмужской группы обнаружен один из ранних из известных на Руси фрагмент вязаного на спицах изделия. В более поздних городских слоях Северо-Запада России найдены вязаные носки, чулки, туфли, рукавицы. Высказано предположение, что умение вязания на спицах финно-угры, также как и русские, восприняли непосредственно от арабов (Крыласова, 2010. С. 260–261). Об употреблении в быту меховой одежды свидетельствуют остатки сшитого из меха изделия.

Шерстяной текстиль представлен грубыми тканями с нитками неравномерной толщины и тонкими кустарными сукнами со следами начеса. Сырьем служила шерсть от груборунной овцы местной породы, большую часть года содержавшейся на подножном корме. Изготовленные на ткацком стане материалы имели полотняное, простое саржевое и саржевое «в елочку» переплетение. Несмотря на некоторую близость к текстилю синхронных памятников Северо-Запада и Волго-Окского междуречья, шерстяные ткани из курганов Приладожья свидетельствуют о самобытном уровне ткачества (Давидан, 1989. С. 316– 336). Безусловно, импортными изделиями были шелковые ткани, золотные ленты, свидетельствующие, как и многие ювелирные изделия, не только о высоком уровне благосостояния

оятского населения, но и о его бережливости – кусочки шелковых тканей использовались для украшения одежды до полного их износа.

К сожалению, фрагментарность остатков текстиля не позволяет реконструировать покрой и детали одежды, но определить набор украшений для женского костюма на разных этапах приладожской культуры возможно. (Кстати, бронзовые украшения способствовали консервации органических материалов).

В женский комплект украшений X в. входили: гривна, ожерелья из бус, парные овально-выпуклые фибулы, скреплявшие на предплечьях одежду, что свидетельствует о наличии плечевой, безрукавной одежды. Края костюма: ворот, проймы, подол украшались узорчатой тесьмой. Исследование археологических артефактов позволило выполнить реконструкцию и воспроизвести тесьму в ее первоначальном виде. Из нее, по всей вероятности, изготавливались пояса (кушаки) для безрукавного одеяния. В центре на груди располагалась трилистная или щитообразная фибула тоже скандинавского происхождения, которая застегивала на груди рубаху из растительного волокна. К парным фибулам на длинных спиральках или цепочках подвешивались изделия, изображающие уточек, животных, а также бубенчики, бусы-«флакончики», ножи в ножнах, гребни с костяными орнаментированными накладками. На руках носили литые массивные браслеты. Сочетание западноевропейских и местных украшений – характерная особенность женской одежды X в., особенно для населения р. Ояти. В XI в. многие западно- и североевропейские вещи исчезают. Вместо двускорлупных фибул широко используются кольцевидные застежки со спирально скрученными концами, которые становятся типичными элементами украшения женской одежды. На наш взгляд, это свидетельствует о сохранении традиционного женского костюма. Появляются сложные нагрудные украшения с разнообразными подвесками в виде животных и птиц. В XII– XIII вв. набор женских украшений иной. В результате славянского влияния в обиход входят височные кольца. Так, например, женщина, погребенная в одном из курганов на р. Ояти, носила семь височных колец, которые скреплялись кожаным ремешком на затылке, в два ряда по три кольца, а под ними – седьмое. На шее – ожерелье из голубых стеклянных бусинок и решетчатой подвески. Набор украшений дополнялся застежкой с завитками, пластинчатой ажурной коньковой подвеской и подвеской «конь на змее», бубенчиком с прорезью, орнаментированным пластинчатым браслетом. Украшения висели на шерстяных шнурах.

По археологическим материалам выявлены некоторые детали мужского костюма, хотя в мужских погребениях сопровождающий инвентарь скуден. Ворот рубахи застегивался фибулой со спирально скрученными концами, к кожаному поясу, иногда украшенному бронзовыми бляшками, прикреплялись нож, огниво, кремень для высекания огня.

Информация о костюмах потомков древних вепсов получена спустя много веков из этнографических источников (Прибалтийско-финское народы России, 2003. С. 389), свидетельствующих о вытеснении традиционной, зафиксированной по археологическим материалам, одежды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Давидан О.И. Ткани из курганов Юго-Восточного Приладожья и Прионежья // Кочкуркина С.И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск: «Карелия», 1989. С. 316–336.

Кочкуркина С.И. Приладожская курганная культура: погребения с монетами, весами и гирьками. Каталог. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 160 с.

Кочкуркина С.И., О.В. Орфинская. Приладожская курганная культура: технологическое исследование текстиля. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. с.

Крыласова Н.Б. К вопросу о происхождении вязания на спицах на территории России // III Северный археологический конгресс. Екатеринбург – Ханты-Мансийск, 2010. С. 260–261.

Прибалтийско-финское народы России. М.: Наука, 2003. 671 с.

СЛАВЯНО-ФИНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ПРИКАМЬЯ И ЕЕ РОЛЬ В ИЗМЕНЕНИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ[1]

© 2014 г. А.М. Белавин[1], Н.Б. Крыласова[2]

[1]Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь (belavin@pspu.ru)
[2]Пермский научный центр УрО РАН, Пермь (n.krylasova@mail.ru)

Ключевые слова: пермское предуралье, эпоха средневековья, ломоватовская культура, родановская культура, славяно-финская колонизация.

Резюме*:* Во второй половине – конце XI в. в Пермском Предуралье наблюдаются существенные изменения в облике материальной культуры, в хозяйстве, ремеслах, устройстве быта, которым способствовало установление взаимоотношений с поволжскими финнами и древнерусским славяно-финским населением. Многие факты свидетельствует и о появлении в этот период первых переселенцев из западных районов.

Средневековые древности Пермского края благодаря своей выразительности и чрезвычайному разнообразию давно привлекали внимание исследователей. Уже в конце XIX вв. предпринимались попытки систематизации, хронологии и периодизации собранных коллекций, определения направления культурно-экономических контактов и путей проникновения инноваций. В 50-70-х гг. XX в. были окончательно выделены основные средневековые археологические культуры, разработана их периодизация. Выводы, полученные в тот период, прочно вошли во все справочные и учебные издания, и являются важной теоретической основой всех современных исследований.

Однако по мере накопления источниковой базы и углубления исследований становится очевидным, что некоторые прежние выводы нуждаются в корректировке. В первую очередь, это касается весьма условной границы между ломоватовской и родановской археологическими культурами, которая обозначена в IX в., когда никаких существенных изменений в материальной культуре населения Пермского Предуралья не прослеживается. Не случайно зачастую не только одни и те же памятники, но и одни и те же погребальные комплексы одними авторами причисляются к позднеломоватовским, другими – к раннеродановским. Масштабные исследования, проводимые Камской археолого-этнографической экспедицией Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (КАЭЭ ПГГПУ) на памятниках конца IX–XI вв., дают основание утверждать, что материальная культура первой половины X в. принципиально не отличается от материальной культуры IX в., со второй половины X в. начинаются изменения, обусловленные, в первую очередь, тесным взаимодействием с Волжской Болгарией, но происходящие в русле прежних традиций, и только во второй половине – конце XI в. фиксируется начало существенных перемен в экономике, бытовом укладе, в материальной и духовной культуре населения. Именно этот период можно связывать с началом новой археологической культуры.

Важно понять, каковы были причины, приведшие к смене археологических культур. Прослеживаемые перемены в отдельных сферах носят эволюционный характер, когда можно предполагать, что в результате вну-

1 Статья подготовлена по гранту РФФИ 14-06-96002 р_урал_а.

треннего развития или знакомства с новинками, проникшими извне, появляются некие инновации. Но для некоторых явлений отсутствуют предпосылки в предшествующей культуре. К примеру, во второй половине XI в. вырабатывается совершенно новая технология изготовления украшений костюма. Если прежде на протяжении нескольких веков преобладающим было литье по восковой модели, то теперь внедряется технология, комбинирующая технику филиграни и литья: отдельные сплетенные из проволоки элементы помещались в некую основу и заливались металлом. Поиски истоков подобной техники приводят к материалам поволжских финнов, но если технология и была заимствована оттуда, то она была существенно искажена – украшения поволжских финнов из проволочных элементов, соединенных с помощью пайки, были значительно изящнее. И формы отдельных типов украшений имеют прототипы в культуре поволжских финнов. Среди них много таких, которые в принципе не использовались в костюме носителей ломоватовской культуры. К таковым, к примеру, принадлежат шумящие фибулы с ажурной кольцевидной основой, появившиеся в Прикамье со вт. половины XI в., а также украшения, подвешиваемые за два крепления по краям основы. К последним принадлежат прямоугольные шумящие подвески с двумя петельками в верхних углах, ранние экземпляры которых также принадлежат ко вт. половине XI в. На их основе сформировался типично «родановский» тип биякорьковых шумящих подвесок, у которых петли были заменены «якорьками». Одноякорьковые подвески возникли в Пермском Предуралье еще в IX в. как утилитарное приспособление, предназначенное для крепления в ременной петле, обычно на поясе, ножен и пр. предметов. Наибольшее распространение они получили в X–XI вв., когда приобрели более декоративный вид за счет дополнительной орнаментации и шумящих привесок. Биякорьковые подвески, таким образом, представляют собой симбиоз привнесенных извне прямоугольных подвесок и местных «якорьков», с помощью которых подвеска закреплялась в петлях шнура, надеваемого на шею. Украшением подобного характера являются шумящие подвески со «скобковидной» основой, снабженной двумя петлями на концах. Т. о. налицо широкое распространение новых видов украшений, не имеющих основы в местной культуре. Механизм их распространения реконструировать пока сложно. Возможно, отдельные поволжские вещи начали проникать на территорию Пермского Предуралья в результате каких-то культурных взаимодействий, и на их основе появились местные типы украшений, изготовленных по новой комбинированной технологии, но нельзя исключать и возможности проникновения сюда небольших групп поволжских финнов.

Одновременно со вт. половины XI в. началось проникновение в Пермское Предуралье отдельных вещей древнерусского происхождения (бусы, металлические украшения, новые типы кресал, предметов вооружения и пр.) (Белавин, 2000. С.144–157). Это отмечал еще В.А. Оборин, предполагая, что данные вещи могли поступать опосредованно через территорию Волжской Булгарии, Вымские земли или Вятку (Бадер, Оборин, 1958. С. 221–223; Оборин, 1990. С. 66). Большинство аналогий этим предметам представлено в новгородских материалах, хотя есть и отдельные вещи южнорусского производства (стеклянные браслеты, овручские шиферные пряслица, керамическое яйцо-писанка и пр.). Возможно, с древнерусским влиянием связаны и иные инновации (изменения в хозяйстве, появление новых технологических приемов в различных ремеслах, начало использования горизонтального ткацкого станка и пр.). Анализ всего этого материала позволяет предполагать, что контакты с древнерусским (смешанным славяно-финским) населением не ограничивались лишь торговыми взаимоотношением, и уже в XI–XII вв. началось проникновение в Пермское Предуралье древнерусских переселенцев. В.А. Оборин в последних работах выделял XI–XIII вв. в качестве начального этапа древнерусской колонизации, когда славяне начали расселяться на восток в едином потоке с финно-уграми Приладожья, костромского и ярославского Поволжья (Оборин, 1999. С. 292). В числе первопроходцев могли быть странствующие ремесленники-«коробейники», с деятельность которых могло быть связано, к примеру, относительно широкое распространение в X–

XI вв. на прикамских городищах не известных здесь ранее наборных расчесок с футлярами. Без сомнения, только с переселенцами могла распространиться мода на свинцово-оловянистые украшения – мелкие нашивки, привески, медальоны, перстни, височные подвески. Как и в случае с упомянутыми шумящими украшениями, металлические нашивки не могли возникнуть на местной основе, т.к. подобные предметы не имеют прототипов в традиционном прикамском костюме. Указанные вещи не являлись импортом – наличие многочисленных форм для их отливки свидетельствует о местном производстве (Вострокнутов, Крыласова, 2012). Как отмечают исследователи, возникновение моды на украшения из свинцово-оловянистых сплавов обычно сопоставляется с волнами славянских переселенцев. Изготовление изделий из легкоплавких металлов не требует высокой специализации, и появление форм для их отливки свидетельствует о движении населения, а не мастеров (Щеглова, 2002. С. 138–146). При этом мало было наладить производство дешевых украшений, необходимо, чтобы они пользовались спросом (Щеглова, 2002. С. 147), следовательно, распространялись они, в основном, в среде переселенцев, давно знакомых с подобными украшениями.

На период к. XI – XII в. приходится начало существенных изменений в хозяйстве. Переход к пашенному земледелию можно, с натяжкой, объяснить с точки зрения эволюционных процессов, хотя новая форма земледелия, безусловно, была заимствована в уже готовом виде. Но одновременное возникновение молочного направления в животноводстве могло быть связано только с появлением нового населения, т.к. возможность употребления молока в пищу обусловлена генетически (Козлов и др., 2008. С. 209–212), и если ранее молочное направление не развивалось, значит население не испытывало потребности в данном продукте.

Т. о., имеются многочисленные мозаичные свидетельства появления в Прикамье переселенцев (финнов и славян) уже с XI–XII вв., а со временем приток их усиливался. Но остается много несоответствий, не позволяющих однозначно утверждать, что именно с этого времени началась древнерусская колонизация пермских земель. Пока не известно погребальных памятников, которые можно было бы связывать с переселенцами, хотя, учитывая слабую изученность поздних могильников, можно предполагать возможность их обнаружения в будущем. Главным показателем присутствия нового населения должна выступать керамика, которая пока выявлена на небольшом круге памятников. В связи с этим стоит задача тщательного изучения керамических коллекций из раскопанных памятников, так как между понятиями «не выявлена» и «отсутствует» существует большая разница. К примеру, анализ материалов из новейших раскопок Рождественского и Рачевского городищ в Карагайском районе Пермского края, позволил выделить в керамическом комплексе из слоев XII–XIII вв. небольшую долю (до 5%) фрагментов древнерусских сосудов.

В итоге можно утверждать, что облик начавшей формироваться в к. XI в. родановской археологической культуры складывался во многом при участии нового населения, появившегося на первой волне древнерусской колонизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь: Пермск. кн. изд-во, 1958. 244 с.

Белавин А.М. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 201 с.

Вострокнутов А.В., Крыласова Н.Б. Украшения XII–XIV вв. из легкоплавких металлов на территории Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. История. № 1(18). Пермь: ПГНИУ, 2012. С.105–113.

Козлов А.И., Боринская С.А., Санина Е.Д., Лисицин Д.В., Вершубская Г.Г. Отражается ли характер традиционного питания пермских и волжских финнов в их генофонде? // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып.V / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2008. С. 206–212.

Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII в. Иркутск: Из-во Ирк. ун-та, 1990. 168 с.

Оборин В.А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН, МарНИИ, 1999. С. 255–298.

Щеглова О.А. Свинцово-оловянистые украшения VIII–X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 134–150.

КРУПННЕЙШИЕ ЦЕНТРЫ СРЕДНЕЙ ШЕКСНЫ ЛУКОВЕЦ И «ЧЕРЕПОВЕСЬ», ИХ МЕСТО В ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ БЕЛОЗЕРЬЯ

© 2014 г. А.В. Кудряшов

Череповецкое музейное объединение, Череповец
(akudryash@narod.ru)

Ключевые слова: Средняя Шексна, торгово-ремесленные центры, средневековые фактории, торговля пушниной.

Резюме. В статье рассмотрены вопросы становления и развития поселений-факторий Белозерья. В их актиную торговую деятельность были втянуты и соседние территории, в том числе значительные по размерам регионы в бассейне реки Суды, с ее притоками Колпью, Андогой.

В последние десятилетия в бассейне р. Шексны и Белого озера были проведены значительные работы по поиску и исследованию средневековых памятников. Были выявлены сотни памятников, десятки из них подверглись археологическим раскопкам. Единственный в регионе город Белоозеро исследовался Л.А. Голубевой, С.Д. Захаровым (Голубева, 1973; Захаров, 2004).

Основная часть поселений Белозерья имеет размеры 0,5-0,7 га. На Средней Шексне, как, и во всем Белозерье, известно два центра, которые по многим признакам отличаются от остальных поселений региона – это Луковец и «Череповесь». Если средневековый Луковец известен по публикациям, как крупное поселение, затопленное Рыбинским водохранилищем (Кудряшов, Башенькин, 1999. С. 62–70), то в отношении другого центра требуется уточнить, что речь идет о поселениях, расположенных на территории современного города Череповца в местности «Череповесь», известной по письменным источникам XV в. Так, в грамоте верейского и белозерского князя Михаила Андреевича упомянута данная местность и «череповський» волостель (Акты социально-экономической истории .., 1958. С. 65). Группа селищ находится на правом берегу Шексны в устье р. Ягорбы. Она включает в себя известные памятники, такие как Октябрьский мост, Соборная горка, материалы исследования которых публиковались (Кудряшов, 2000. С. 44–58), а также другие селища – Завод Гаро-1,2,; Лесомеханический техникум-2. В последние годы удалось выяснить, что эта территория была заселена почти сплошь от пос. Соборная горка до пос. Октябрьский мост и расположенные между ними селища X–XIII вв. составляют с вышеназванными поселениями одно целое заселенное пространство, протянувшееся на расстояние не менее 1,5 км.

Поселение Луковец (Луковесь) также известно по письменным источникам XV века (Акты археографической …, 1836. С. 40; С.53). Оба памятника – Луковец и Череповесь подверглись серьезным разрушениям в результате подъема воды в Рыбинском водохранилище, село Луковец оказалось полностью затоплено, берег Шексны в Череповце подтоплен на 4 м. Площадь череповецкого поселения, с учетом территории затопленной водохранилищем, была не менее 25 га. Площадь средневекового Луковца реконструировать труднее, но по некоторым сохранившимся документам, воспоминаниям старожилов, сборам подъемного материала удается выяснить, что протяженность с. Луковца вдоль правого берега р. Шексны составляла около 1,5 км. Кроме того, к Луковцу относилась Успенская слобода, размещавшаяся напротив его, на левом берегу Шексны, здесь также собраны средневековые материалы. Общая площадь древнего поселения была не менее 20 га. С 1992 по 2002 год, с перерывами, продолжались раскопки автора на о. Луковец, исследовано 292 кв. м площади влажного слоя мощностью от 2,2 до 3 м. С Луковца происходит более 3 тыс. находок. На поселениях Октябрьский мост и Соборной горке в Чере-

повце с 1989 по 2001 г. исследовано 1370 кв. м площади, обнаружено более 1200 индивидуальных находок.

На Луковце в сохранившемся слое были изучены остатки 9 ярусов деревянных построек, мостовые, вымостки дворов, изгороди и частоколы, датируемые от середины X до конца XII в. На Октябрьском мосту и Соборной горке также исследованы остатки многочисленных построек. На поверхности о. Луковца прослежено не менее 4 улиц, вытянутых вдоль Шексны. Выявлена дифференциация луковецких жилищ по размерам, количеству очагов, количеству и качеству обнаруженных в них вещевых материалов. На Луковце и в Череповце обнаружены следы различных промыслов и ремесел. Так о существовании местных металлургии и кузнечного ремесла говорят найденные на поселениях инструменты - молоты, зубила, клещи, а также обрубки железа, его заготовки, фрагменты глиняных воздуходувных трубок, железные шлаки. Имеются ножи, изготовленные по технологии трехслойного и даже пятислойного пакетов. Здесь же обнаружены следы обработки цветных металлов: льячки и тигли, формы для литья, заготовки бронзы, обрезки бронзовых пластин и проволоки, бронзовые сплавы, инструменты. На поселениях существовало косторезное ремесло, особенно много костяных изделий, костяных заготовок и отходов было найдено на Луковце с его влажным слоем. Следует отметить широкое распространение в шекснинских центрах прядения и ткачества: обнаружены сотни пряслиц из шифера и других материалов на Луковце и десятки – на череповецких селищах, найдены деревянные изделия, связанные с прядением и ткачеством на Луковце – трепала, чесала, чекмари, веретена, фрагменты прялки, детали горизонтального ткацкого станка - нитченки, челноки, юрки, подножки. Представляется, что на Луковце в средневековье существовало профессиональное ткачество. Присутствие на череповецких селищах и на Луковце профессиональных гончаров подтверждают найденные здесь сосуды с клеймами.

Торговля занимала важнейшее место в жизни жителей, населявших в эпоху средневековья Луковец и «Череповесь». Это подтверждают находки монет – дирхемов, деталей весов для малых взвешиваний, гирьки для этих весов, счетных деревянных бирок на Луковце, монет – дирхемов и денария, найденных на Октябрьском мосту в «Череповси». Панькинский клад, младшая монета которого датируется 864 г., обнаружен поблизости от Октябрьского моста (Леонтьев, 1986. С. 6). Об активной торговле свидетельствуют находки сотен стеклянных бус, заготовок и изделий из янтаря, бус из сердолика, хрусталя, кашинных бус, фрагментов стеклянных изделий – браслетов, перстней, сосудов, импортной керамики. Основным местным товаром была пушнина, об этом свидетельствуют находки костей пушных животных, преобладающие среди костей диких животных в ранних пластах слоя на Луковце и Октябрьском мосту.

Обнаружены здесь также предметы вооружения и снаряжения всадников. С Луковца происходят 6 целых и фрагментированных боевых топоров, в том числе парадный боевой топорик, украшенный серебряной инкрустацией, наконечники копий и сулиц, втоки от копий, бронебойные стрелы разных типов, боевые ножи, шпоры, ледоходные шипы, удила и псалии от них, булавки с подвижными кольцами, амулет – топорик. Предметы вооружения и снаряжения, обнаружены в Череповце – фрагменты топоров, бронебойные и обычные стрелы, наконечник сулицы, втоки от копий, обоюдоострый кинжал, клепаное колечко от кольчуги на Октябрьском мосту, шпора с серебряной инкрустацией, ледоходный шип с Соборной горки.

Жители Луковца и «Череповси» были грамотными. На Луковце найдены различные предметы из дерева, камня, глины с буквами и фрагментами надписей, костяные писала и бронзовая книжная застежка. Ярким подтверждением присутствия грамотных людей в «Череповси» является находка железного писала, датируемого по новгородским образцам XII–XIII вв.

Многие вещевые находки, обнаруженные на Луковце и на череповецких селищах, характерны для древнерусских городов: изделия из стекла, гребень из самшита, стеклянный слиток-ладилка, яички- писанки, многочисленные замки и ключи от дверей и ларцев, кресты, иконки из бронзы и камня, в

том числе шиферная иконка с изображением Богоматери, костяная шахматная фигурка и многое другое. Интерес представляют также изображения «знаков Рюриковичей» в виде трезубцев на гребне и пряслицах.

Луковец и Череповесь возникли приблизительно в одно время с центром края – Белоозером, первый – в середине X века, Череповесь – еще раньше, вероятно, в начале X века. Об этом могут свидетельствовать не только нахождение известного Панькинского клада IX века на территории нынешнего г. Череповца, но и обнаруженные на Октябрьском мосту дирхемы –1/2 монеты (Наср ибн Нух , 892-907 г. от Р.Х.); 1/4 монеты (Саманиды, первая половина X в.) (Определение А.В. Фомина), а также ряд ранних бус, имеющих аналогии в Старой Ладоге: бусы гр. II, полосатые лимонки, многочастные пронизки, в том числе с металлической фольгой, яркий рубленый бисер голубого и желтого цветов и некоторые другие. Эти центры имели свои округи сельских поселений.

В результате исследований, проведенных на двух крупнейших поселениях Средней Шексны, выясняется, что по своим размерам, составу вещевых комплексов, присутствии следов развитого ремесла и торговли и другим признакам они близки к древнерусским городам. Отсутствие сохранившихся укреплений сближает эти центры с Белоозером, хотя стоит наверно отметить, что по воспоминаниям старожилов, на Луковце в его южной части имелось возвышенное место с названием «городок» или «подгородок». Таким «городком» в местности «Череповесь» могла быть Соборная горка, которая возвышалась над Шексной на высоту более 20 м.

Следует отметить, что в количественном отношении коллекции Белоозера значительно превосходят коллекции Луковца и череповецких селищ вместе взятых. И в то же время, состав коллекций этих крупнейших поселений Средней Шексны, за некоторым исключением, очень близок к коллекциям Белоозера, многие категории вещей практически повторяются, различаясь количественно.

Подводя итоги исследованию, можно сделать вывод, что не только Луковец и Череповесь, но и, в какой-то степени, город Белоозеро, возникли на Шексне как поселения-фактории, где осуществлялась пушная торговля, в которую были втянуты соседние территории, в том числе и значительные по размерам регионы в бассейне реки Суды, с ее притоками Колпью, Андогой. Здесь концентрировалась добываемая на месте и вывозимая с вышеупомянутых территорий пушнина. Оба центра занимали важное стратегическое положение – вблизи устья р. Суды, реки полноводной и населенной, на середине шекснинского пути между Волгой и Белым озером. Активный торг уже в X – начале XI в. привлек значительное количество людей, как непосредственно участвующих в добыче пушного зверя, так и посредников, приобретавших пушнину и другие товары Севера в регионе. Состав населения шекснинских центров был полиэтничным. Немалую часть их жителей составляли ремесленники, обслуживавшие промышленное и торговое население фактории. Обеспечение безопасности торговли и соблюдения интересов государства осуществляли представители княжеской администрации, власть которых подкреплялась воинскими контингентами. К концу XII века, как показывают исследования, запасы пушнины на Шексне и ее притоках сократились. Несмотря на это, поселения какое- то время оставались многолюдными и продолжали сохранять свои функции крупных центров ремесла и торговли. К XIV в., когда, запасы пушного веря в Белозерья, в основном, истощились, произошло то, что должно было произойти – отпала необходимость в существовании вышеописанных «городков», обеспечивавших многолетний приток «мягкого золота» с Севера. Эти центры так и не стали настоящими русскими городами, они исчезли, разделив судьбу всех факторий – временных «златокипящих» столиц промысловых территорий.

Исчезает и Белоозеро, его функции выполняет другой город на Белом озере – Белозерск, а место древнего городища превращается в сенокос. Луковец становится к XV веку вотчиной Великих князей и является местом сбора многочисленных пошлин. Череповесь в XV веке является местом расположения «Череповского стана» белозерских князей. В XIV в. здесь возникает Череповский Воскресенский монастырь, который унаследовал название местности. Монастырь был окружен слободами и деревнями и просуществовал до XVIII в. Спустя некоторое время после его

упразднения, по указу Екатерины II от 4 ноября 1777 г. был учрежден г. Череповец, который стал наследником древнего центра в устье р. Ягорбы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицею Академии Наук. Т. I. СПб., 1836.

Акты социально- экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в., т. 2. М., 1958.

Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.: Наука, 1973. 211 с.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: ИА РАН, 2004. 592 с.

Кудряшов А.В., Башенькин А.Н. Луковец – затопленный древнерусский город // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Новгород. 26–31 августа 1996.Том 5.М.: ИА РАН, 1999. 368 с.

Кудряшов А.В. Средневековое поселение Октябрьский мост на Шексне // РА, 2000. № 3. С. 44–58.

Леонтьев А.Е. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА № 183. М.: ИА АН СССР, 1986. С. 6.

ОРНИТОМОРФНЫЕ ОБРАЗЫ НА ПЕРСТЯНЫХ УКРАШЕНИЯХ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

© 2014 г. А.В. Кузина

ЭтноАрхео Центр, Ханты-Мансийск
(alekuzina@gmail.com)

***Ключевые слова**:* перстень, Западная Сибирь, орнитоморфный образ, средневековье, археологический источник.

Резюме. Символ птицы на протяжении нескольких тысячелетий являлся неотъемлемым компонентом традиционного мировоззрения финно-угорских народов. Использование орнитоморфных изображений на материальных предметах служило не столько фактом отображения реальности, сколько носило глубокий мифологический и культовый смысл.

Изображения птиц и сюжетов с их участием нашли свое отражение на широком круге изделий из металла, происходящих с территории Урало-Сибирского региона. На сегодняшний день имеются научные исследования по предмету отображения орнитоморфного образа в металлопластике иткульской (Викторова, 2004; Чемякин, 2012) и кулайской (Яковлев, 1996, 2006; Панкратова, 2013) культур, подробно описаны и систематизированы шумящие подвески, изображающие водоплавающих птиц (Голубева, 1979).

Изображения птиц на щитках русских средневековых перстней рассмотрены в работе С. Нелюбова (Нелюбов, 2002. С. 5–7). Более того, автором выделено несколько основных типов орнитоморфных сюжетов: «пеликан, окропляющий своей кровью погибающих от змеиного укуса птенцов», «знамение, предвестившее падение Царьграда» (орел, сражающийся со змеем), орел в «позе терзания», птицы с оружием в лапах.

Целью настоящей работы является описание и характеристика сюжетных особенностей орнитоморфных изображений на перстяных украшениях севера Западной Сибири. В рамках данного исследования было проанализировано более 300 перстней, обнаруженных на территории Приобья и Нижнего Прииртышья. Из этого числа выделено 7 перстней с орнитоморфными образами (городища Берёзовское I, Ермаково I; находки у де-

ревень Чемаши, Няксимволь)[1]. Несмотря на немногочисленность они достаточно разнообразны в плане сюжетных особенностей.

Предмет № 1 (рис. 1, *1*) представляет собой щитковосрединный, цельнолитой перстень. Щиток восьмигранный, грани его подчеркнуты углубленной окантовкой по контуру щитка и растительным орнаментом – по бокам. Изображение ориентировано вдоль продольной оси перстня. Центральную часть щитка занимает профильное изображение птицы головой вправо, выполненное в технике гравировки. Тело птицы продолговатое, шея короткая. Голова овальная, клюв раскрыт. Крылья распахнуты и подняты вверх, хвост распушен. Лапы короткие, напоминающие конечности человека, дополнены несколькими штрихами резца, благодаря чему создается эффект трехпалости конечностей или когтей. В целом изображение отличается грубостью техники (на поверхности щитка имеются насечки, зазубрины). Прямых аналогий данному изделию не известно, стилистически похожие изображения птицы можно наблюдать на типовых русских перстнях XVI–XVIII в., изображающих сцену борьбы орла со змеем.

Предмет № 2 (см. *рисунок*, *2*) – щитковосрединный, цельнолитой перстень. На щитке округлой формы – профильное изображение птицы, идущей вправо, выполненное в технике гравировки. Тело и голова птицы – овальные, шея длинная и немного изогнутая. Ноги длинные, прямые; конечности не проработаны. Несколькими штрихами резца показаны хвост, оперение на шее птицы и своеобразный «хохолок» на голове. Крыльев нет. По краю щитка перстня нанесен прерывистый зигзагообразный ободок. Композиция ориентирована по продольной оси перстня. Изображение довольно схематично, однако отсутствие детальной проработки не влияет на восприятие и определение данного образа как представителя орнитоморфных. Аналогии данному перстню известны по находкам на территориях Брянской, Ленинградской, Нижегородской, Псковской областей и датируются XVI–XVII вв.

Предмет № 3 (см. *рисунок*, *3*) представляет собой щитковосрединный, цельнолитой перстень, шинка расширяется к щитку округлой формы. Центральную часть щитка занимает штампованное изображение птицы головой влево. Тело птицы показано в анфас, голова – в профиль. Голова маленькая, шея длинная и немного изогнутая, крылья широко расправлены. По краю щитка нанесен углубленный ободок. Изображение расположено вдоль поперечной оси перстня. Сюжет представляет собой распространенное в геральдике изображение о самопожертвовании пеликана, питающего своей плотью птенцов, которые на данном изображении показаны крайне схематично. Перстни с аналогичным сюжетом хорошо известны как на территории центральной России, так и по находкам из раскопок русских заполярных городов – Мангазе и (Визгалов, Пархимович, 2008. С. 79, 231. Рис. 115, *2*), Надымского городка (Кардаш, 2009. С. 141, 207. Рис. 3, 12), на острове Фаддея (Белов и др., 1981. С. 47–48. Рис. 8; Порфиридов, 1951. С. 153–154, 244. Табл. XIV, *1–7)*.

Предметы №№ 4-7, обнаруженные в окрестностях д. Няксимволь, типичны по морфологическим и сюжетным признакам. Перстни щитковосрединные, цельнолитые, со щитками прямоугольной формы (см. *рисунок 4, 5, 6, 7*). Изображения ориентированы вдоль продольной оси перстней. Все поле щитка у рассматриваемых украшений занимает барельефное изображение птицы с широко распахнутыми крыльями, смотрящей влево. На перстнях №№ 4, 5 птицы отличаются длинными шеями, острыми закрытыми клювами и короткими трехпалыми конечностями. Оперение крыльев передано несколькими углубленными желобками. Свободное пространство щитка декорировано округлыми «жемчужинами», количество которых на обоих перстнях совпадает – 8 штук.

Птицы на перстнях №№ 6, 7 также имеют несколько отличительных особенностей. В первую очередь выделяются широко распахнутые крылья, несоразмерные маленькому туловищу птиц, наполняющие изображения динамикой. За счет этого, а также вследствие декорирования крыльев углублениями аморфной формы, возникают ассоциации с силуэтом бабочки. Однако этому образу противоречат острые закрытые клювы, трехпалые конечности и короткие хвосты, изображенные справа

1 Автор выражает благодарность Визгалову Г.П. и Комовой Н.Г. за возможность использовать неопубликованные материалы.

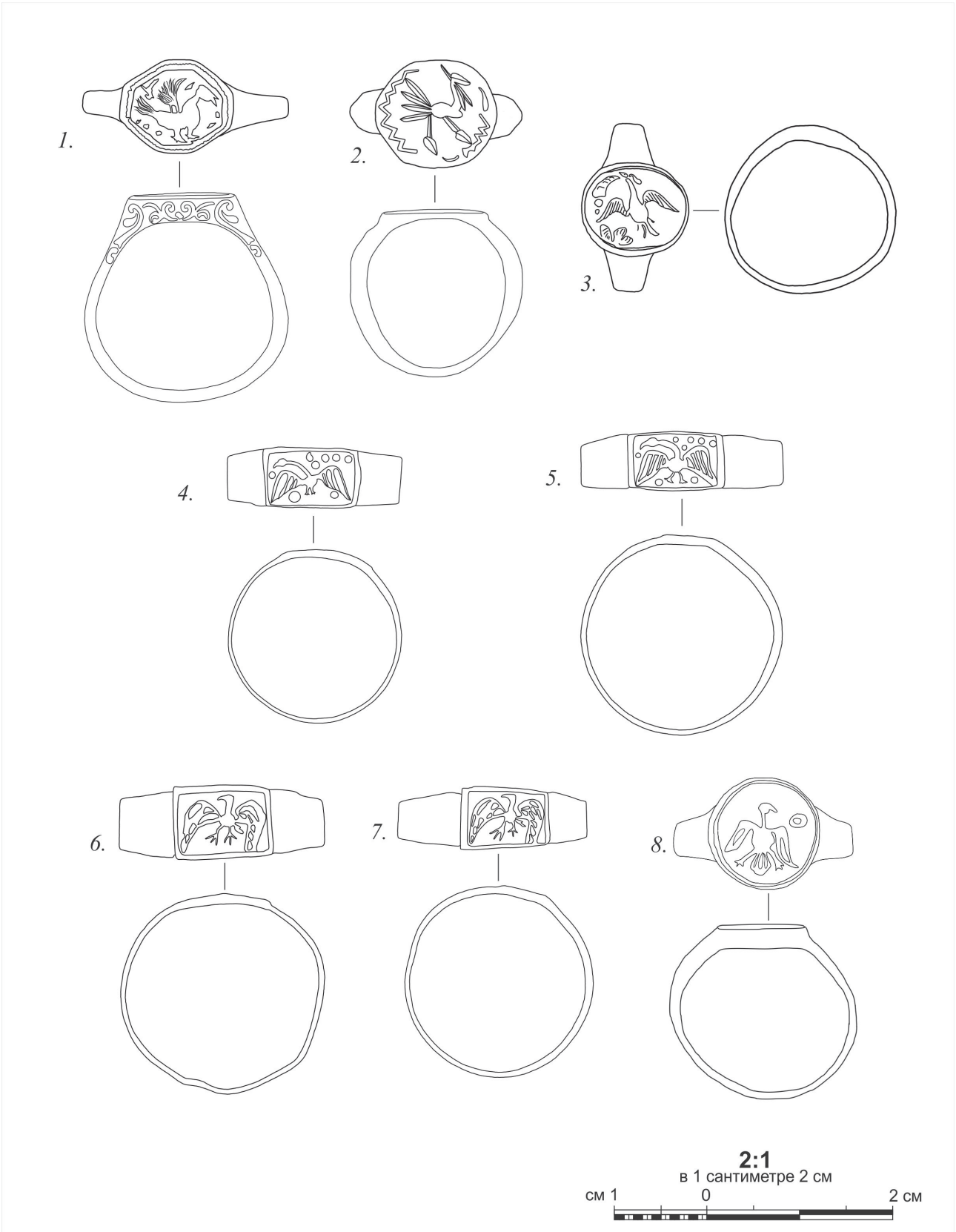


Рис. 1. Перстни с орнитоморфными сюжетами. *1* – городище Берёзовское I; *2* – находка из захоронения у д. Чемаши; *3* – городище и святилище Ермаково I; *4–7* – находки в окрестностях д. Няксимволь; *8* – частная коллекция, место обнаружения: Брянская область.

от туловища от птиц. Прямых аналогий рассматриваемым перстням не известно. Образы стилистически близки к изображениям на русских средневековых перстнях фигур одноглавых орлов (см. *рисунок*, *8*), однако, по перечисленным выше особенностям, уместно предположить «местное» производство перстней.

Таким образом, несмотря на немногочисленность перстней с орнитоморфными изображениями, в рамках рассматриваемой территории данная категория украшений имеет свои особенности. В ряде случаев прослеживаются близкие аналогии с русскими средневековыми перстнями, что говорит о влиянии торговых связей севера Западной Сибири с Русью на материальную культуру коренных народов. Украшения с сюжетами, близкими среде обитания жителей Сибири, подбирались специально в соответствии со вкусом и запросами аборигенов; об их завозе имеются сведения в таможенных книгах сибирских городов (Мельников, 1999. С. 58). Однако можно выделить перстяные украшения местного производства, предполагающие копирование изображений с импортных вещей.

Интерес коренного населения к перстням с орнитоморфными сюжетами можно объяснить тем, что в мифологическом сознании обских угров, начиная с мифов первотворения, многие божества представлены в орнитоморфном облике. В космогонических воззрениях народа ханты вид крылатых существ имеют и некоторые родовые прародители. У северных хантов и сейчас известны отдельные роды или группы родов, ведущие, по их воззрениям, свое происхождение от пернатых первопредков (Успенская, 2008. С. 139).

Иногда, в силу подобных мифологических верований, перстяные украшения, несомненно, являющиеся дорогой и ценной вещью, могли изменять свои эстетические функции на культовые, превращаясь в атрибуты религиозных церемоний. Так, рассмотренные в данной работе перстни №№ 4, 5, 6, 7, в качестве подношений богине Калтащ-экве были привязаны на кисти шелкового платка на одном из домашних святилищ северных ханты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Ч. 2. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М.: Наука, 1981. 147 с.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001-2004 гг.). Екатеринбург–Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.

Викторова В.Д. Клады на вершинах гор // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 158–173.

Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров. М.: Наука, 1979. 313 с.

Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII в. История и материальная культура. Екатеринбург–Нефтеюганск: Магеллан, 2009. 360 с.

Мельников Б.В. К вопросу о семантике и происхождении украшений населения Западной Сибири XVI–XVIII вв. (по археологическим данным) // Обские Угры: материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири / Отв. ред. А.В. Головнев. Тобольск–Омск: ОмГПУ, *1999. С. 58–62*.

Нелюбов С. Символика средневековых русских перстней // Цейхгауз, 2002. № 17 (1/2002). С. 4–8.

Панкратова Л.В. Иконография птицевидных образов с развернутыми крыльями в кулайской металлопластике // Вестник Томского государственного университета. История. № 3 (23). Томск: изд-во Том. ун-та, 2013. С. 260–265.

Порфиридов Н.Г. Предметы прикладного искусства // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. Л.–М.: Главсевморпути, 1951. 251 с.

Успенская С.С. Похранг ёх – люди орлана-белохвоста // Обские Угры: научные исследования и практические разработки: материалы Всероссийской научной конференции VII Югорские чтения / Сост. С.А. Герасимова. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. С. 139–154.

Чемякин Ю.П., Кузьминых С.В. Металлические орнитоморфные изображения раннего железного века Восточной Европы, Урала и Западной Сибири (лесная и лесостепная зоны) // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. II. Тверь: Триада, 2012. С. 43–74.

Яковлев Я.А. К проблеме классификации и семантики орнитоморфных изображений с раскрытыми крыльями эпохи железа из Приобья // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск: изд-во Том. ун-та, 1996. С. 178–197.

Яковлев Я.А. Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. Томск: изд-во Том. ун-та, 2001. 274 с.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ В ТВЕРСКОМ УЕЗДЕ XVI В.

© 2014 г. С.С. Кутаков, Ю.В. Степанова

Тверской государственный университет, Тверь
(k_sergei_s@mail.ru, m000142@mail.ru)

***Ключевые слова*:** сельское расселение, Тверской уезд, селище, археологические разведки, писцовые книги, волость.

Резюме. В статье подводятся краткие итоги археологического изучения территории Тверского уезда XVI в. Рассматриваются перспективы проведения комплексного историко-географического исследования региона. Выделяются наиболее перспективные микрорегионы, обеспеченные письменными источниками XVI в., в том числе волость Узкий Угол, где располагались земли служебников, волости и отдельные пункты Микулинского стана-уезда, достаточно полно локализованные по материалам писцовых описаний Тверского уезда XVI в. с привлечением других письменных источников XV–XVII вв. и материалов Генерального межевания XVIII в.

Тверской уезд Московского государства в XVI в. охватывал территорию современных Калининского, частично Старицкого, Рамешковского, Зубцовского и Конаковского районов Тверской, Лотошинского района Московской области. Отдельные аспекты историко-географического изучения этой территории получили свое развитие в работах И.И. Лаппо, Ю.В. Готье, В.А. Кучкина, П.Д. Малыгина и других исследователей (Лаппо, 1893; Готье, 1906; Кучкин, 1984; Малыгин, 2007). В настоящее время авторами настоящей работы проводится изучение сельского расселения в Тверском уезде XVI в. по материалам писцовых описаний (Писцовые материалы Тверского уезда XVI в., 2005), с привлечением других письменных источников XV–XVII вв. С применением ГИС-технологий произведена локализация населенных пунктов, уточнена граница станов и волостей (Степанова, Кутаков, 2013).

На территории Тверского уезда выявлено 144 памятника X–XIII вв., в том числе 45 селищ, 81 курганный могильник и 13 отдельных курганов. Наиболее ранние из них – это Избрижье-1, датируемый концом X–XIII вв., и Башевский могильник (Загорье-1) в Конаковском районе относящийся к X–XII вв. На 12 (20% от общего количества памятников р.ж.в.) поселениях слои раннего железного века сменяются слоями, относящимися ко второй половине I тысячелетия н.э. Слои, относящиеся к XIV–XVII вв., выявлены на 123 памятниках, 33 из них зафиксированы одновременно со слоями предыдущего периода (АКР: Тверская область, 2003; АКР: Московская область, 1995). Из них только 34 соотнесены с пунктами писцовых описаний.

Примечательно, что несколько памятников являются многослойными, на них зафиксированы слои от раннего железного века до XIV–XVII вв., что свидетельствует о длительности освоения территории. Это поселение Беседы-1, селища Старый Погост, Поминово, поселения Городня в и Избрижье.

Сопоставление выявленных к настоящему времени археологических памятников эпохи средневековья с локализованными пунктами Тверского уезда XVI в. свидетельствует о в целом слабой археологической изученности данной территории.

Проблема выделения наиболее репрезентативных микрорегионов – «эталонных территорий» – на материале которых было бы возможно проведение комплексных историко-археологических и палеоландшафтных исследований, была озвучена С.З. Черновым (Чернов, 2008. С. 27). Наиболее перспектив-

ными для исследования являются микрорегионы, наиболее полно обеспеченные письменными и археологическими источниками.

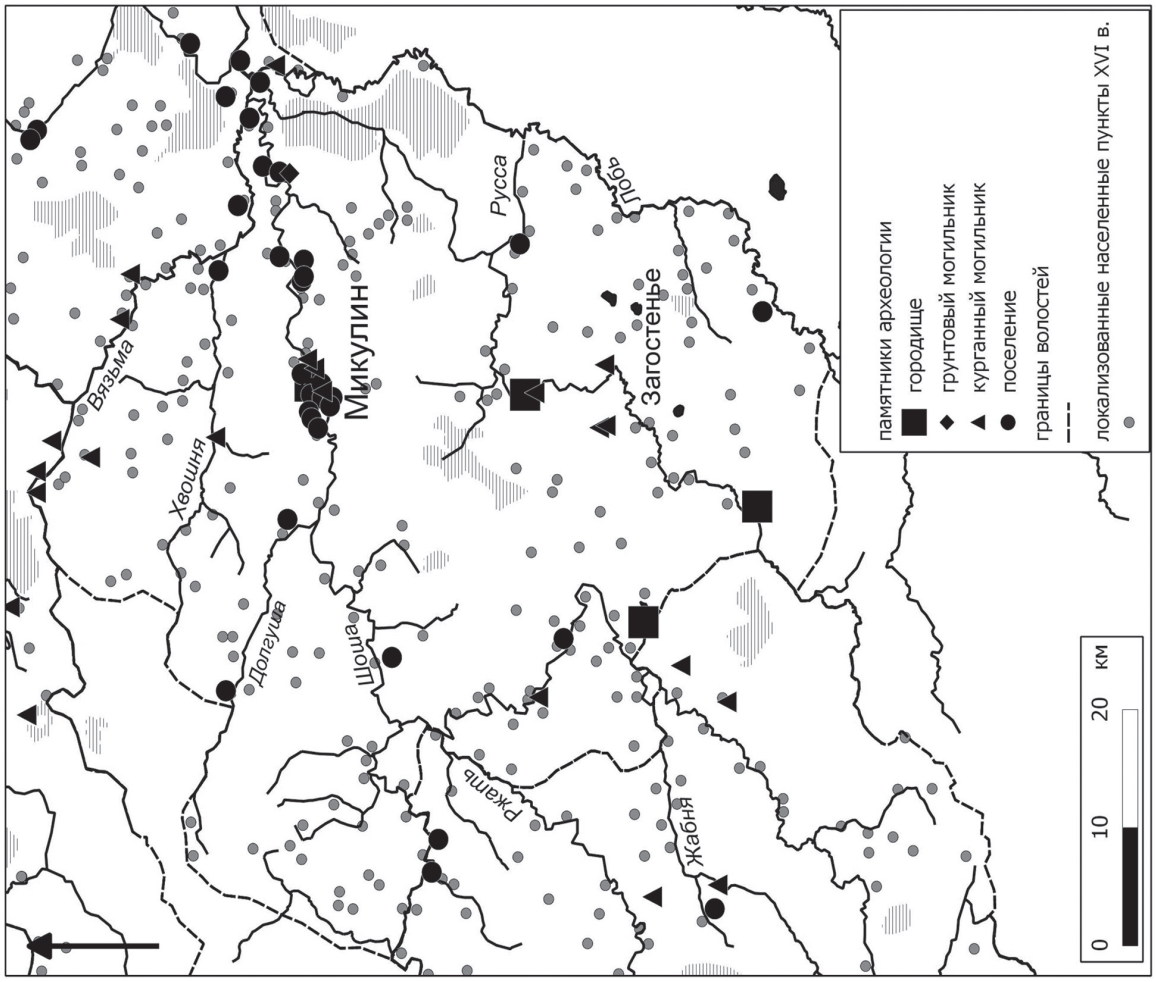
На исторической территории Тверского уезда XVI в. можно выделить несколько подобных микрорегионов.

1. Вотчинные земли, принадлежавшие в первой половине XVI в. И.Ю. Шигоне Поджогину. Их ядро находилось между селами Юрьевское и Иваниши волости Суземье Тверского уезда XVI в. Поселения и ненаселенные местности этой вотчины упоминаются в ряде документов XVI в. – духовной грамоте И.Ю. Шигоны Поджогина, писцовой книге 1539/40 г., дозорной книге 1551-1554 гг. На этой территории находится большое количество археологических памятников: городище и грунтовый могильник у с. Юрьевское, курганные могильники Иваниши и Свистуново, селища в с. Иваниши, одно из которых соотнесено с Иванишким Успенским монастырем XVI в.

2. Микрорегион в бассейне р. Волга, на обоих ее берегах, у современных дд. Избрижье и Беседы, на территории волостей Шестка и Суземье XVI в. Эта территория хорошо изучена археологически. К сожалению, не все материалы археологических обследований этих территорий до сих пор введены в научный оборот. Меньшее внимание привлекали памятники данной территории, относящиеся ко времени позднего средневековья.

3. Территория волости Узкий Угол Тверского уезда XVI в. Волость описана в дозорной книге XVI в. На ее территории располагались так называемые «служни» земли – «сокольнич» путь. Во второй половине XVI в. земли волости слились с территорией волости Кушалино. Писцовые материалы зафиксировали расположение на территории волости Узкий Угол и соседних волостей (Видимля, Ракитна) северной части Тверского уезда по преимуществу «служних» земель в середине XVI в. Вероятно, сохранявшаяся здесь в середине XVI в. служебная организация восходит к периоду самостоятельности Тверского княжества, что возможно было бы уточнить с помощью археологического исследования. Поселения волости Узкий Угол хорошо локализуются с привлечением материалов Генерального межевания второй половины XVIII в. (рис. 1, *1*). В настоящее время данная территория практически не изучена археологически. Историко-археологическое исследование позволили бы более подробно реконструировать территорию волости и земель служебников и произвести наблюдения над этапами их формирования.

4. Территория Микулинского стана-уезда Тверского уезда XVI в. (см. *рисунок, 2*). Хорошо сохранились писцовые описания стана XVI в. Кроме того, актовый материал XVI в. и описная книга Старицкого Успенского монастыря 1607 г. содержат сведения о волостях Микулинского стана-уезда: волостях Отъездец, Загостенье, Савинская. Волость Загостенье представляется наиболее перспективной для комплексного исследования. Как единая административно-территориальная единица Загостенская волостка впервые упоминается в описной книге Старицкого Успенского монастыря 1607 г. при описании грамот, хранящихся в монастырской казне, в жалованной грамоте Ивана IV 1568 г. (Описная книга Старицкого Успенского монастыря, 1911. С. 22). Поселения, упомянутые в составе Загостенской волости, упоминаются также в писцовых книгах и актовом материале Тверского уезда XVI в. Топографически эта волость соотносится с территорией вотчины микулинского князя Василия Андреевича первой половины XVI в. Вотчина В.А. Микулинского была реконструирована М.А. Зинько *(Зинько, 2012),* ее поселения достаточно хорошо локализуются с использованием материалов Генерального межевания XVIII в. В настоящее время данная территория слабо исследована археологически. Археологическое изучение позволило бы уточнить время формирования волости, что, в свою очередь, даст дополнительные материалы для изучения истории Микулинского удельного княжества. На территории Микулинского стана-уезда имеются и другие микрорегионы и отдельные пункты, обладающие большим потенциалам для комплексных историко-географических и археолого-палеоландшафтных исследований и нуждающихся изучении. Так, например, это Хлопово Городище (Зубцовский район Тверской области), датирующееся XI–XVII вв., которое на основе письменных источников соотносится с «княж Владимировым городи-



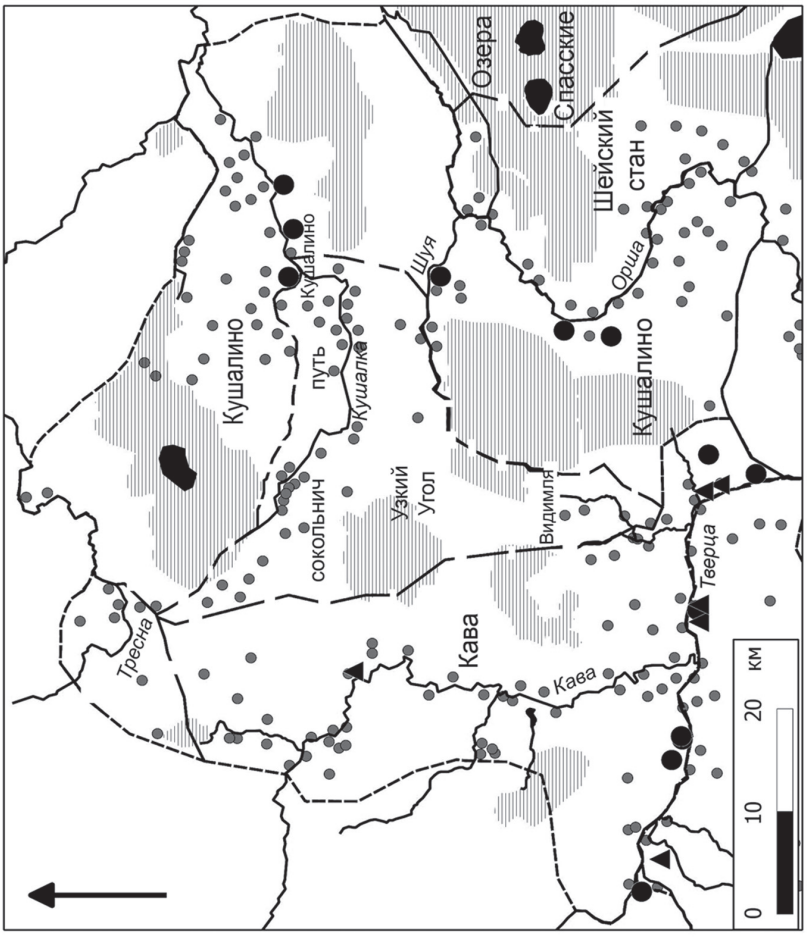


Рис. 1. Карта Генерального межевания Тверского уезда второй половины XVIII в.

щем». Вероятно, оно являлось одним из крупных центров Микулинского удела и, возможно, связано с одним из микулинских князей Владимиром Андреевичем (ум. в 1509 г.).

Перспективным представляется также археологическое изучение территории волости Хорвач и выделяемых на ее территории станов и земель, примыкавших к средневековому Холму (Погорелое Городище).

Проведение археологических разведок и привлечение археологических материалов в рамках изучения сельского расселения в Тверском уезде по материалам писцовых описаний позволило бы изучить процесс формирования его территории, историческим ядром которой являлось Тверское княжество и его уделы XIII–XV вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологическая карта России: Московская область / Под ред. Ю.А. Краснова. Сост. Г.Г. Король, Т.Д. Николаенко, Б.Е. Янишевский. Ч. 2. М.: Ин-т Археологии РАН, 1995. 240 с.

Археологическая карта России: Тверская область / Под ред. А.В. Кашкина. Сост. Г.Г. Король, М.Г. Жилин, Н.В. Жилина, А.Д. Максимов, А.В. Энговатова. Ч. 1. М.: Ин-т Археологии РАН, 2003. 528 с.

Готье Ю.В. Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1906. 595 с.

Зинько М.А. Крупная княжеская вотчина и ее окружение в конце XV – середине XVI вв. (на примере рода князей Микулинских). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2012. 30 с.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 353 с.

Лаппо И.И. Тверской уезд в XVI веке. Его население и виды земельного владения. М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1893. 220 с.

Малыгин П.Д. Археологические памятники Тверской области и история их изучения. Тверь, Твер. гос. ун-т, 2007. 104 с.

Описная книга Старицкого Успенского монастыря 1607 г. Продолжение // Тверская старина, 1911. № 9. С. 21–24.

Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / Под. ред. А.В. Антонова. М.: «Древлехранилище», 2005. 760 с.

Степанова Ю.В., Кутаков С.С. Особенности сельского расселения в Тверском уезде XVI в. по материалам писцовых описаний (на примере волостей Суземье и Шестка) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. № 6, 2013. С. 112–129.

Чернов С.З. Микрорегиональные исследования сельской Руси XIII – XVI веков как форма сопряженного изучения археологических и письменных источников: возможности, проблемы, перспективы // Сельская Русь в IX–XVI веках / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов. М.: Наука, 2008. С. 16–28.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ЦЕНТРЫ КНЯЖЕСТВ XII В.: МИНСК, ДРУЦК, ВИТЕБСК (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

© 2014 г. О.Н. Левко

Институт истории НАН Беларуси, Минск
(levko@mail.by)

Ключевые слова: княжество, центр, древнерусский, детинец, окольный город, городские укрепления, посад, княжий двор (резиденция).

Резюме. В конце XI – первой половине XII в. в составе Полоцкой земли на феодальном праве сформировались новые территориально-административные единицы – удельные княжества. Менское княжество с центром в Менске на р. Свислочь образовано после 1085 г. Глебом Всеславичем на основе Менской волости с центром на р. Менке, переданной Полоцку в 1024 г. киевским князем Ярославом Мудрым. Друцкое княжество сформировано в 1127(8) г. Борисом Всеславичем на основе Борисовской и Друцкой волостей. Витебское княжество создано между 1132-1140 гг. Васильком Святославичем на основе Витебской и Усвятской волостей, переданных Киевом в состав Полоцкой земли по соглашению с Ярославом Мудрым в 1021 г. Поселенческая структура центров этих княжеств включала укрепленную часть (Детинец + Окольный город) и посады, а также городские некрополи. На детинце находился княжий двор (резиденция). Археологические исследования подтверждают статус данных центров княжеств. На новом этапе изучения выделены единые черты и различия в их устройстве и развитии.

Ярослав Мудрый, победивший братьев и их союзников в нелегкой борьбе за киевский престол, скрепил союз с племянником Брячиславом Полоцким, передав ему в 1021 г. Витебск и Усвяты с волостями. В 1024 г. положение Ярослава Мудрого было вновь осложнено рядом факторов и сохранение союза с Брячиславом Полоцким стало для него жизненно необходимым. Летописи ничего не говорят о территориальном увеличении Полоцкой земли. Однако, обширная и густо заселенная Менская волость с центром на р. Мене (Менке), расположенным в 16,7 км юго-западнее современного г. Минска у д. Городище, вероятно, в 1024 г. переходит из-под власти Киева к Полоцкой земле.

После 1085 г. центр Менской волости перемещен на расстояние 16,7 км на р. Свислочь и в нем правит сын полоцкого князя Всеслава Глеб. Став преемником Менска на р. Менка, город воплотил в себе функции центра княжества. Новый Менск имел укрепленную площадь 3 га, и, как показали археологические исследования, был обнесен мощным валом с въездными воротами (Заяц, 1996). Такой размах в возведении оборонительных укреплений, с одной стороны, свидетельствует о привлечении значительных денежных и людских ресурсов. С другой стороны, просматривается намерение полоцких князей упрочить свои позиции в вопросе политического противостояния Киевской Руси. Последующие события 1104 и 1116 гг. подтвердили значение фортификационных сооружений в обороне Менска на Свислочи. Во время раскопок сделан ряд уникальных находок и прежде всего, фундамент каменного храма с погребениями внутри него. В погребении молодой девушки (14-17 лет) сохранились дреговичский головной убор и обувь (Тарасенко, 1957. С. 182–257). За длительный период исследований (1945-1987 гг.) собрано большое количество предметов хозяйства и быта, редкой красоты ювелирные изделия из драгоценных и цветных металлов, стекла, а также предметы культа. Однако есть ряд важных вопросов, на которые до сих пор не получены ответы. К ним относятся время закладки фундаментов каменного храма, местоположение княжеского двора. Лишь в последние годы удалось найти

располагавшийся за пределами укреплений городской неукрепленный посад XII в. в районе современных улиц Кирилла и Мефодия (Минское замчище: материалы исследований северо-восточной части в 2009 году, 2011).

Причины переноса центра Менской волости (удела) имеют экономический и политико-стратегический характер. Новый центр был оторван от традиционно сложившейся малой округи племенной поры и создавал новую территориально-политическую структуру в рамках государства.

После смерти Всеслава Брачиславича процесс феодализации общества в Полоцкой земле приобретает ускорение. В первой половине XII в. в Полоцкой земле рядом с основанным на родовом праве Менским уделом начинают создаваться уделы на феодальном праве. Инициатива в их создании принадлежит тем полоцким князьям, которые занимали престол в стольном городе. Этому содействовали развитие вотчинного землевладения, а также политический раскол в среде потомков Всеслава, формирование отдельных ветвей княжеской семьи – наследников вотчин.

Когда в 1127 г. на полоцкий престол вместо Давыда Всеславича снова сел Борис Всеславич, перед ним открылась возможность еще больше расширить и укрепить свои личные владения. Поскольку летописи связывают наследников Бориса Всеславича с Друцком и его волостью, то представляется очевидным, что Друцкая волость была присоединена к Борисовской и они вместе составили удел князя Бориса.

До 1116 г. Друцкая волость была под рукой Глеба менского, расширившего границы своих владений до р. Днепр, за что он был пленен южнорусскими князьями и умер в киевской тюрьме.

Укрепленная часть Друцка (детинец и окольный город) составляла 2,3 га. Л.В. Алексеев отмечает, что до 30-х годов XII в. жизнь в Друцке не была интенсивной. Об этом свидетельствует слабая мощность нижнего культурного слоя и малое количество находок. С событиями 1116 г. исследователь связывает мощное пожарище, которое перекрывало собой небольшое количество построек, поставленных без какой-либо системы. После пожара застройка детинца древнего Друцка стала подчиненной направлению вала и возобновлялась одновременно в разных местах. Но и в конце 20-х годов XII в. Друцк еще не был значительным (Алексеев, 1966. С. 152).

По настоящему центром удельного княжества Друцк становится при сыне Бориса – Рогволоде (Василии), который вместе с другими полоцкими князьями был сослан в Византию (1129 г.) киевским князем Мстиславом и вернулся домой после 1140 г. Внешний вид друцкого детинца этого времени, как и отдельные находки, свидетельствуют о том, что это княжеский центр. Около южного вала плотно размещались усадьбы ремесленников, которые обслуживали князя и дружину. Центр занимала площадь, где собиралось вече. В западной части была размещена княжеская резеденция. На найденных Л.В. Алексеевым вещах есть княжеские знаки. Одно пряслице имеет надпись «КЪНЯЖИНЪ». С 1999 по 2013 гг. О.Н. Левко были возобновлены археологические исследования Друцка. Изучены не только участки территории детинца, занятой княжеской резиденцией, но и Окольный город и посад. В зоне нахождения княжьего двора выявлены следы ювелирной мастерской, а также различные украшения из цветных и драгоценных металлов. На территории детинца располагался храм с полом, вымощенным поливными плитками. В окольном городе также находились постройки, в которых пол выкладывался поливными плитками (Ляўко, 2000. С. 87–113). О том, что Друцк был богатым городом, свидетельствуют и материалы раскопок его посада. В Друцке также исследован курган с единовременным коллективным погребением (38 человек), в котором на четырех уровнях погребены представители разных социальных слоев. На первом уровне (могильная яма с каменным надгробьем) захоронен представитель княжеского рода (Левко, Войтехович, Кенько, 2011. С. 122–153).

После непродолжительного правления в Полоцкой земле киевских наместников (с 1129 г. по 1132 г.) на полоцком престоле снова появился представитель династии Рогволодовичей. Это был сын высланного в Византию Святослава Всеславича – Василько Святославич. Как считает Л.В. Алексеев, он правил Полоцкой землей до 1146 г. (Алексеев, 1966. С. 267). Именно Васильковичи пред-

ставляют витебскую ветвь полоцких князей, известных по источникам XII в. Поэтому вполне вероятно, что с Василька Святославича начинается существование удела с центром в Витебске. Этот факт находит подтверждение в археологических материалах Витебска. В 40-е годы XII в. возводятся мощные оборонительные сооружения, трасса которых проложена от древнего городища в западном направлении вдоль р. Витьбы до ее впадения в р. Западную Двину. Потом вал поворачивал вдоль р. Западной Двины и снова к городищу на восток. Дендродаты деревянных внутривальных конструкций: 1136-1140 гг. (Колединский, 1997. С. 57–60). Площадь, окруженная оборонительным валом, включающая детинец с окольным городом, увеличилась с 0,7 да 4 га. Это указывает на то, что значение Витебска как административно-территориального центра возросло. Во время исследований на территории детинца и окольного города выявлены многочисленные предметы, указывающие на высокий социальный статус поселений. Это импортная восточного и византийского происхождения посуда, изделия из цветных металлов. В пределах укреплений найдены также следы храма, относящегося к XII в. Первоначально Витебский удел мог состоять из Витебской и Усвятской волостей, а также погостов, которые размещались на территории современного Городокского района.

Важная черта городов, претендовавших на роль самостоятельных центров уделов в XII в. – наличие на детинцах или в окольном городе храмов. Ограниченное количество выявленных материалов, к сожалению, не позволяет точно обозначить время возведения этих построек и определить их конструкцию.

После утверждения в менском, друцком, витебском уделах наследников Всеславичей, укрепляются отдельные ветви полоцкого княжеского дома. Они ведут между собой борьбу за приоритет верховной власти, тем самым углубляя уже существующие противоречия, подталкивая государство к окончательному распаду.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Заяц Ю.А. Оборонительные сооружения Менска XI–XIII вв. / Ред. Ю.А.Заяц. Минск, 1996. 79с.

Тарасенко В.Р. Древний Минск (по письменным источникам и данным археологических раскопок 1945-1951 гг.) // Материалы по археологии БССР. Мн. 1957. С. 182–257.

Минское замчище: материалы исследований северо-восточной части в 2009 году (участок I, раскопы 1,2) / Ред. А.М. Медведев и др. // Материалы по археологии Беларуси. Вып. 22. Минск, 2011.

Алексеев Л.В. Полоцкая земля (Очерки истории северной Белоруссии) в IX–XIII вв. М. 1966. 295 с.

Ляўко В.М. Новыя археалагічныя даследаванні Друцка і яго акругі // Друцк старажытны. Мн., 2000. С. 87–113.

Левко О.Н., Войтехович А.В., Кенько П.М. Археологические исследования Друцка в 2008-2009 гг. // Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка)/ Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 21. Мн. 2011. С. 122–153.

Калядзінскі Л.У. Пра абарончы вал дзядзінца летапіснага Віцебска // Заслаўскія чытанні 1995 г. Заслаўе, 1997. С. 57–60.

ТРАДИЦИИ ОБРАБОТКИ ИЗДЕЛИЙ ИЗ КОСТИ НА БОХАЙСКИХ ПАМЯТНИКАХ ПРИМОРЬЯ

© 2014 г. Н.В. Лещенко

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток
(nina8.56@mail.ru)

***Ключевые слова**:* домашнее производство, обработка кости и рога, бохайские памятники.

Резюме. Анализируются артефакты из кости и рога с наиболее изученных памятников бохайской культуры в Приморье. Прослеживаются приемы и способы обработки, декора изделий. В научный оборот вводятся новые источники.

Южное Приморье в VIII – первой половине X в. входило в состав северных и восточных периферийных округов государства Бохай (Шавкунов, 1968. С. 59). Эти округа являлись центрами охотничье-промыслового и животноводческого хозяйства страны. В целом, на территории Приморья находилась периферийная зона Бохая, где проходили разного рода контакты бохайцев с племенами общности хэйшуй мохэ.

В работе анализируются материалы с наиболее изученных памятников бохайской культуры в Приморье: городищ Николаевского I, II, Новогордеевского, Краскинского, Горбатка; селищ Константиновского-I, Новогордеевского; поселения Чернятино-2.

Охотничий промысел поставлял прекрасное сырье для такой отрасли домашнего производства, как обработка и изготовление изделий из рога и кости. По разработанной классификации для бохайских памятников Приморья выделены группы изделий (Лещенко, Болдин, 1990. С. 60–69): I – орудия труда и предметы домашнего обихода; II – предметы боевого и охотничьего снаряжения; III – предметы туалета и украшения; IV – предметы для игр, культовые принадлежности.

На Николаевское II городище выявлено четыре группы, 21 категория изделий (рукояти железных ножей, муфта для рукояти ножа, затыльник рукояти ножа, универсальные инструменты из рога, шилья и проколки, иглы, ножи для копки женьшеня, игольник, носик бурдюка, костяные наконечники стрел, свистунки, срединные накладки на лук, псалии, гребень, пуговицы, пряжка, хомуток, оконечник пояса, подвески, орнаментированные обкладки, игральные альчики, амулеты из костей животных). На городище найдены многочисленные заготовки.

На Новогордеевском городище, в бохайском слое выделены четыре группы, 12 категорий (рукояти железных ножей, универсальные инструменты из рога, шилья и проколки, ножи для копки женьшеня, игольники; костяные наконечники стрел, срединные накладки на лук, детали обкладки колчана, фрагмент пуговицы, игральные альчики, амулеты из костей животных, стилизованное изображение рыбы из рога).

На Новогордеевском селище выделены четыре группы изделий, 15 категорий (рукояти железных ножей, универсальные инструменты из рога, шилья и проколки, иглы, ножи для копки женьшеня, лощила, костяные наконечники стрел, свистунки, срединные накладки на лук, орнаментированная деталь обкладки колчана, орнаментированные и обычные пуговицы, орнаментированные обкладки, подвеска, кольца, амулеты из костей животных).

На Константиновском I селище выделено четыре группы, 18 категорий изделий (рукояти, прокладка или муфта для рукояти ножа, универсальные инструменты из рога, лощи-

ло, ножи для копки женьшеня, палочки для еды; наконечники стрел, свистунки, ушки от древка стрелы с вырезом для тетивы, срединные накладки на лук; заколка для волос, кольца, хомуток, украшения из кости, орнаментированные обкладки; игральные альчики, амулеты из костей животных), более 80 экземпляров.

На городище Горбатка четыре группы, 11 категорий (универсальные инструменты из рога, шилья и проколки, нож для копки женьшеня, игла, лощило, наконечники стрел, свистунки, срединные накладки на лук, орнаментированные обкладки, игральные альчики, амулеты из костей животных).

На Краскинском городище пока обнаружены единичные изделия из кости. Из целых это палочка для еды и заготовка свистунка из рога. Заготовка свистунка выполнена в типичной манере для этого вида изделий. Это конической формы изделие из рога с четко спиленными краями и гранями, срезанными ножом. С одной стороны отверстие четко проработано, с другой намечено. Высота 4,5см, диаметр основания 2,6х2,9, диаметр отверстия – 1,1см.

На поселении Чернятино-2 четыре группы, 14 категорий (рукоять, универсальные инструменты из рога, шилья и проколки, игольник, оконечник инструмента, наконечники стрел, накладки на лук, подвески, украшение, орнаментированные обкладки, трубка, нашивной диск, амулеты из костей животных).

Наибольший ассортимент и количество изделий из кости и рога наблюдается на Николаевское II городище. Почти во всех жилых комплексах встречаются поделки или заготовки из этого сырья (табл. I, II). Сырье раскалывали, разрезали или распиливали на необходимые размеры в зависимости от характера задуманного изделия, на некоторых намечены углубления для лунок. Найдены небольшие роговые цилиндрики с четко спиленными краями и гранями, срезанными ножом (заготовки свистунков), встречаются заготовки с выбранной внутренней полостью; подпиленные рога животных, различные стержни. На конечном этапе из полуфабриката изготавливали предмет. Предварительно производилась разметка, придавалась необходимая форма, просверливались нужные отверстия. Для лучшей сохранности предмет шлифовали и полировали, при необходимости декорировали. На городище было обнаружено три прямоугольных в плане котлована жилищ, в которых было обнаружено много рубленной, резанной и пиленой кости, а также заготовки и готовые изделия из кости, преимущественно связанные с оружием (Болдин , 1977. С. 86).

Обработка кости по своим техническим приемам имеет много общего с деревообработкой и камнерезным делом, поскольку во всех случаях работа на указанных материалах ведется от поверхности их плоскости или объема внутрь (Рыбаков, 1948. С. 413). К разряду костеобрабатывающего инструментария на рассмотренных памятниках можно отнести пилки небольших размеров с короткими зубчиками для продольного и поперечного расчленения кости, циркульные резцы, используемые при нанесение орнамента, ножи для срезания и выскабливания. Когда производилась доработка, заточка, правка поверхности, применялись различные оселки и точильные камни. Они использовались не только при обработке предметов из кости и рога, но и из металла, при доработке ювелирных изделий. В ходе трасологического анализа удалось выявить следы заточки металлических игл на оселке и на точильном камне (плоские насечки, глубиной 1 мм). Материалом для оселков и точильных камней служил сланец и песчаник.

Процесс обработки кости описан довольно подробно в ставшей уже классической работе С.А. Изюмовой. Он состоял из ряда этапов: отбор сырья, обезжиривание, удаление суставов срезом с помощью ножа или топора, размягчение, резьба, шлифовка, полировка (Изюмова, 1949. С. 15–25). Основная часть изделий сделана из рога. Вероятно, это объясняется тем, что легче поддается обработке рог, чем кость. Рог не надо обезжиривать, он более вязок и упруг, хорошо режется в сыром виде. Использовались рога косули, изюбря.

Можно отметить широкое использование кости и рога как поделочного материала в домашнем производстве бохайского населения Приморья. Ассортимент разнообразен и сходен по назначению на разных памятниках. Прослеживаются определённые приемы и способы обработки изделий и их деколиро-

Рис. 1. Изделия из кости и рога. Городище Николаевское II.

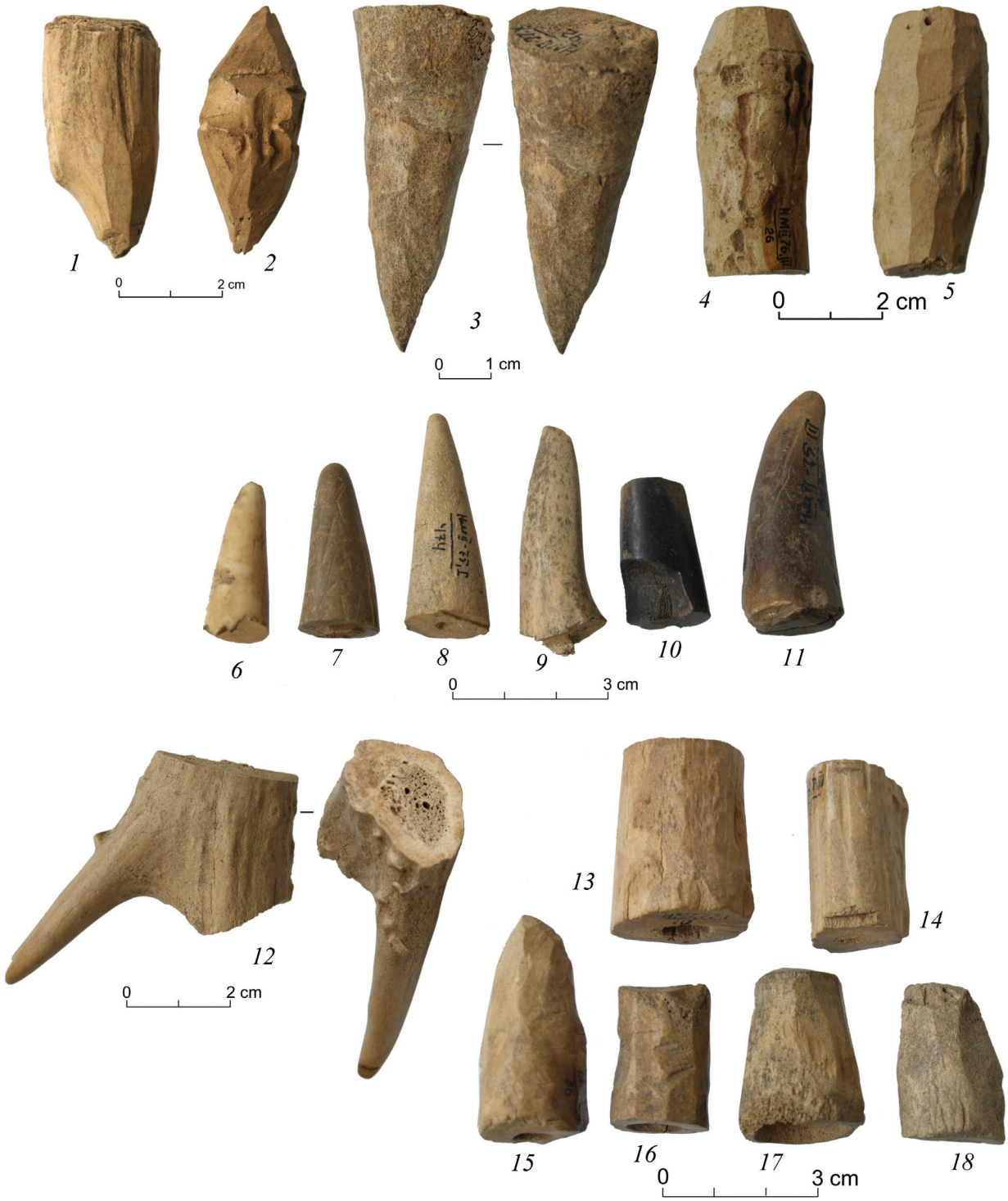


Рис. 2. Изделия из кости и рога. Городище Николаевское II.

вания. Это подпиливание оконечностей изделий под определенным углом; доработка поверхностей срезанием и выскабливанием ножами; использование различных оселков при заточке и доработке изделий; использование сверл при проработке отверстий; прочерчивание насечек на оборотной стороне изделия для лучшего сцепления с прилегающей поверхностью; полирование поверхностей; декорирование изделий циркульным и прочерченным орнаментом; прочерченный орнамент иногда копирует циркульный, т.е. внутри ромбов ставится точка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Болдин В.И. Отчет об археологических исследованиях на городище Николаевское I и Николаевское II в Михайловском районе Приморского края в 1977 году // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф.1. Оп. 2. № 112.

Изюмова С.А. Техника обработки кости в дьяковское время и в Древней Руси: Краткие сообщения Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра. Вып.30. М.–Л., 1949. С. 15–25.

Лещенко Н.В., Болдин В.И. Изделия из кости и рога с бохайских памятников Приморья // Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР. Сборник научных трудов. Владивосток. С. 60–69.

Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.

ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ ВЯТСКОЙ ЗЕМЛИ[1]

© 2014 г. Л.Д. Макаров

Удмуртский государственный университет, Ижевск
(arch@uni.udm.ru)

Ключевые слова: проблемы реконструкций в археологии, Вятская земля, древнерусские памятники, реконструкция сооружений и памятников.

Резюме. Одна из сложных проблем в археологии – реконструкция сооружений и памятников в целом. Реконструкции русских исторических памятников в вятской историографии. Первый опыт реконструкций в работах Л.П. Гуссаковского. Авторские разработки по реконструкции древнерусских крепостей, культовых объектов, городских улиц и жилищ, производственных построек, проект исторического поселения.

Одной из сложнейших в археологии тем является проблема реконструкции выявленных объектов. Не является исключением и древнерусский период, казалось бы более полно обеспеченный письменными и иконографическими материалами. Особенно слабо представлены такими источниками восточные регионы Руси, в том числе и Вятская земля. Дополнительные данные в деле реконструкции могут дать архаичные детали в архитектуре построек нового времени и этнографические наблюдения.

Первый опыт воссоздания облика сооружений Никульчинского городища предпринял Л.П. Гуссаковский, давший в полевом дневнике за 1958 г. разрез домницы, что позволило предложить ее реконструкцию (Макаров, 2001б. С. 185–186. Рис. 2). Вторым объектом стал гончарный горн (раскоп IV, 1960 г.), реконструкцию которого Лев Павлович набросал в черновом исполнении (Макаров, 2001а. С. 17. Рис. 29; 2001б. С. 191–192. Рис. 10). Третьим сооружением явился деревянный водоотвод кремля г. Хлынова, вскрытый в 1956 г. (шурф 3, раскоп IV) (Гуссаковский, 1956. Л. 11–12. Рис. 4, 5, 23, 24).

Первой работой автора стала реконструкция крепости XIII–XIV вв. на Подчуршинском городище, расположенном на высоком холме. В 1988 г. нам удалось обнаружить следы вдавленной в грунт срубной стены шириной 5 м, разделенной на 6 клетей. Внутри трех клетей обнаружены подпольные ямы жилых помещений. В одной клети с крупной двойной ямой обнаружены предметы и следы хозяйственного использования. Западная клеть у крутого изгиба площадки была остатками угловой башни. Кроме нее были еще две башни, в т.ч. проезжая, они, очевидно, покрывались шатровыми крышами. Стены были также перекрыты крышей и в верхнем уровне снабжены бойницами, гарнизон проживал в помещениях нижнего этажа (Макаров, 1995. С. 38–39. Рис. 8; 9Б; 11; 2001а. С 16. Рис. 39). Реконструкция городища аналогична домонгольским крепостям Южной Руси, распространившимся с XIII–XIV вв. и на Русский Север.

Похожее устройство укреплений имели и мысовые древнерусские городища Вятской земли. В их числе Ковровское, где на месте первоначальных линий частоколов были сооружены срубные жилые и хозяйственные клети, основанием для реконструкции которых также явились отпечатки нижних венцов срубов (рис. 1).

Впервые реконструированы культовые постройки. В их числе языческий храм на Ема-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке со стороны Минобрнауки РФ (НИР № 2174).

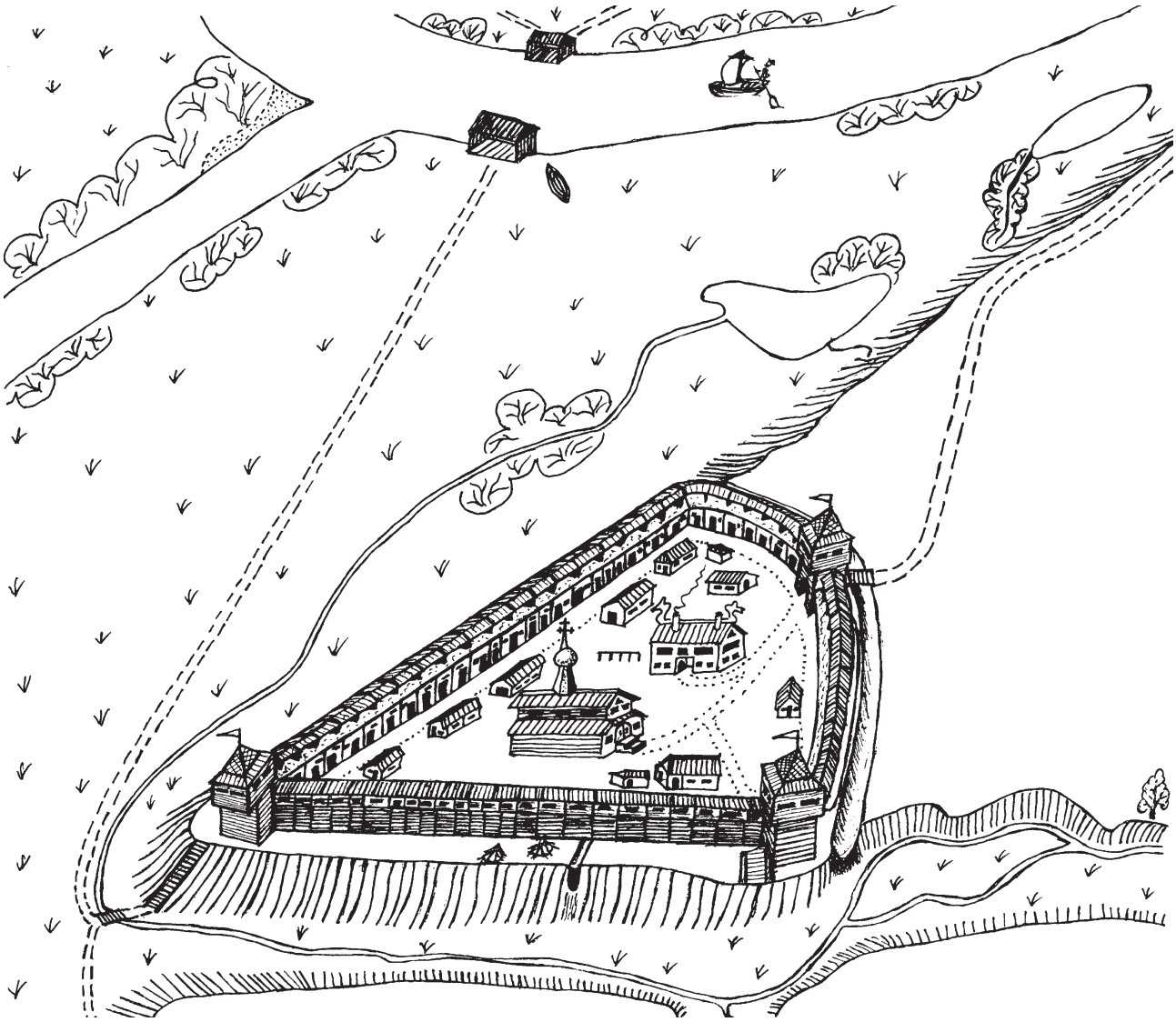


Рис. 1. Авторская реконструкция крепостных сооружений Ковровского городища в средний период (середина XIV – середина XV в.).

наевском могильнике XII–XIV вв. (раскопки Н.А. Лещинской 1985-1986 гг.). Вывод о языческом характере предполагаемой постройки проистекал из особенностей погребального обряда. Центральная часть некрополя свободна от могил и представляет собой овал (14х 7 м), по периметру которого располагались погребения с полной и частичной кремацией, с одиночными ингумациями, парное с останками погибших от поражения их стрелами, захоронение черепа. К югу обнаружены еще два погребения с частичной кремацией, два кенотафа, захоронение черепа, две могилы с покойными с согнутыми в коленях ногами, что связывается, предположительно, с погребениями волхвов (Моця, 1987. С. 89–92). Данная группа погребений относится, вероятно, к домонгольскому времени, при этом захоронения расходятся от овала площадки наподобие веера, меняя ориентацию. Более поздние могилы (XIII–XIV вв.) в целом сохраняют такое же расположение. Аналогичная картина, но без случаев кремации, известна на могильниках Новгородской земли X–XIII вв., где захоронения ориентированы на располагавшиеся в центре сопки (Конецкий, 1984. С. 162–164).

Вторая постройка была возведена неподалеку от первой на комплексе Покста (II поселение и могильник), раскопанном в 1985 и 1988 гг. Здесь также зафиксировано безмогильное пространство (7х4 м) с подпольной ямой в центре, а к северу и югу от него располагались погребения и три канавки от изгородей, также не затронутых могилами. Судя

по всему, это следы теплой кладбищенской церкви древнерусского селища XIII – первой половины XIV в., существовавшей и вместе с кладбищем во второй половине XIV–XV вв.

Реконструкция обеих культовых построек базируется как на этнографических данных, так и на поздних сооружениях, сохранивших архаичные детали (Логвин, 1976; Максимов, 1976. С. 155–180; Денисова, 1990; 1992; Шенников, 1990). По мнению специалистов, большинство русских деревянных церквей до конца XVII в. возникло на местной языческой основе. Наибольшее распространение получили храмы, покрытые шатром или фонарем, но возведение их было официально запрещено около 1657 г. Моя реконструкция воспроизводит покрытие храмов фонарями, более характерными для восточных районов Руси. Аналогичное покрытие в миниатюре практиковалось и при сооружении надмогильных конструкций – домиков (Макаров, 2001а. Рис. 43, 45).

Иинформативными для реконструкции городской улицы являются результаты раскопок Хлыновского кремля, произведенных в 1956-1957 гг. Л.П. Гуссаковским. Опыт реконструкции городов Древней Руси, особенно Новгорода Великого, дал возможность автору взять один из ярусов Хлыновского кремля (4-й) и наглядно представить улицу города конца XIV – начала XV в. (Макаров, 2001а. Рис. 32). Удалось также дать реконструкцию одной из полуземлянок Никульчинского городища (Макаров, 2001а. Рис. 28–БВ).

Автор попытался представить внешний облик ремесленных мастерских, в том числе упомянутый выше сыродутный горн. Основой для его реконструкции явились: аналогичная постройка XII–XIII вв., изученная Б.А. Колчиным в 1948 г. на побережье Финского залива (Колчин, 1959. С. 10–11. Рис. 1), а также реконструкция «коромысла» для мехов в сооружении на Опутятском городище, представленная В.Ф. Генингом (Геннинг, 1980. Рис. 16; 17). Остальные детали домыслены автором (Макаров, 2001б. С. 184–186. Рис. 2, 2).

На поселении Искра XIII–XIV вв. в 1982-1983 гг. расчищены остатки постройки 2, врезанной в материк на 10-25 см и состоявшей из основной камеры и подсобного помещения. В основной камере располагалось помещение кузницы, о чем говорят округлое пятно прокала, глиняная обмазка, шлаки, бытовой инвентарь. Нижняя его часть размещалась в срубе из нескольких венцов (Генинг, 1980. Рис. 17), по углам были установлены столбы, на которых покоилась односкатная крыша. Подсобное складское помещение было столбовым и, очевидно, обшито досками (Макаров, 2001б. С. 186–187. Рис. 4).

В 1981 г. во время раскопок Ковровского городища в одной из клетей оборонительной стены (5,5х1,5-1,9 м) обнаружены следы производственного комплекса XIV в., состоявшего из двух отсеков. В северном исследована овальная яма, заполненная углем с глиняной обмазкой, обожженными камнями, костями, кусками шлака, обломками керамики – углубленная часть кузнечного горна. В южном отсеке выявлено скопление кузнечных инструментов: напильник, наковаленка-шперак, пилка и молоток, здесь же могла располагаться наковальня (Макаров, 2001б. С. 187–188. Рис. 5).

Предложенная Л.П. Гуссаковским реконструкция упомянутого выше гончарного горна из его раскопок 1960 г. на Никульчинском городище (Макаров, 2001а. С. 17. Рис. 29; 2001б. С. 191. Рис. 10) весьма убедительна, но все же имеет ряд неточностей. Сомнение в производственной пригодности такого горна высказал Ю.Б. Цетлин, а я предложил проверить ее экспериментально (Макаров, 2001б. С. 192–193).

Один опыт реконструкции был связан с просьбой местных казаков помочь воссоздать русское поселение XII–XV вв. в районе д. Зуевы Ключи Каракулинского района Удмуртской Республики. Я представил проект с учетом конкретного рельефа местности и стоящих перед заказчиками воспитательных и познавательных задач. Он весьма условен и несет в себе черты казачьего городка и обычного сельского поселения (Макаров, 2008. С. 251–252. Рис. 1). К сожалению, этот проект так и не был осуществлен на практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Генинг В.Ф. Опутятское городище – металлургический центр харинского времени в Прикамье (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.) // Па-

мятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск, 1980. С. 92–135.

Гуссаковский Л.П. Отчет о полевых исследованиях 1956 года в г. Кирове и с. Никульчино Кировской области // Архив ИА РАН. 1956. Р-1. № 1355.

Денисова И.М. Дерево – дом – храм в русском народном искусстве // СЭ, 1990. №6. С. 100–114.

Денисова И.М. Образ древнеславянского храма в русском народном искусстве // ЭО, 1992. №5. С. 103–123.

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого: (продукция технология) // МИА. №65 / Под ред. А.В. Арциховского и Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 7–120.

Конецкий Н.Я. Некоторые итоги исследования древнерусских грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли // Археологические исследования Новгородской земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 154–172.

Логвин Г.Н. О деревянном зодчестве домонгольской Руси // Средневековая Русь. М.: Наука, 1976. С. 151–159.

Макаров Л.Д. Окрестности поселка Первомайского в древности // Серкин С. Баллада о Чуршинском городище. Макаров Л. Окрестности п. Первомайского в древности. Слободской, 1995. С. 27–68.

Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск: *Издат. дом «Удмуртский университет», 2001а. 143 с.*

Макаров Л.Д. Ремесленные мастерские Вятской земли XII–XVII вв. // Древние ремесленники Приуралья: Материалы Всероссийской научной конференции (Ижевск. 21-23 ноября 2000 г.). Сб. статей / Отв. ред. В.И. Завьялов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001б. С. 184–207.

Макаров Л.Д. Русские в Среднем Прикамье и проблемы исторической реконструкции русского поселения XII–XV веков // Материалы Лихачевских чтений. 3-5 апреля 2008 г. / Отв. ред. С.Ю. Измайлова. Казань: ООО «ИПЦ «Экспресс-формат»», 2008. С. 248–252.

Максимов П.Н. Творческие методы древнерусских зодчих. М.: Стратиздат, 1976. 240 с.

Моця А.П. Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. (по данным погребальных памятников). Киев: Наукова Думка, 1987. 168 с.

Шенников А.А. О языческих храмах у восточных славян // Язычество восточных славян. Л., 1990. С. 43–59.

СООБЩЕНИЕ АЛ-МАС‘УДИ О СЛАВЯНСКИХ СВЯТИЛИЩАХ И СОПКИ СЕВЕРО-ЗАПАДА

© 2014 г. А.С. Матвеев

Восточный факультет СПбГУ, Санкт-Петербург
(asmatveev@mail.ru)

***Ключевые слова*:** Ал-Мас‘уди, средневековые арабские источники, славяно-русская археология, славяне, словене (ильменские), история Древней Руси, средневековая арабская география.

Резюме. Доклад посвящен сообщению о славянских святилищах, вошедшему в состав сочинения средневекового арабского географа и историка сер. X в. ал-Мас‘уди *«Мурудж аз-захаб»* («Золотые луга»). Данное сообщение стало объектом изучения востоковедов еще в XIX в., однако до настоящего времени не существует сколько-нибудь убедительной его интерпретации. В докладе дается перевод и предпринимается попытка на основании историко-культурного анализа контекста сообщения вычленить содержащуюся в нем потенциально достоверную информацию. Сопоставление этой информации с данными археологических исследований позволяет предложить новую интерпретацию сообщения ал-Мас‘уди как рассказа о сопках Северо-Запада.

Сочинения средневековых арабских авторов являются важнейшим источником для изучения истории народов Восточной Европы, однако несмотря на давнюю традицию их изучения, процесс осмысления содержащейся в них информации еще далек от завершения. Доклад посвящен сообщению о славянских святилищах из сочинения арабского географа и историка X в. ал-Мас‘уди «Мурудж аз-захаб» («Золотые луга») (Mas‘udi, 1966-79. Vol. II. P. 389–390).

Перевод

Глава 66. О святилищах («почитаемых домах»[1]*) у славян.*

§ 1386. В землях славян были дома, которые они почитают, в том числе дом, который находился у них на горе, о которой философы рассказывали, что это одна из высоких гор мира. Относительно этого дома есть известие о том, как он построен, о распределении в нем [различных] видов камней, о разнообразии их цветов, об устроенных в его верхней части отверстиях и о [свете], который [проникает] в эти сделанные отверстия при восходе солнца; о помещенных в нем драгоценных камнях и начертанных знаках, предсказывающих будущее; и о тех событиях, о которых эти драгоценные камни предостерегают прежде, чем они произойдут; о явлении [славянам] звуков с самого верха [дома], и о том, что происходит с ними, когда они их слышат.

§ 1387. [А так же] дом, который один из их царей сделал на Черной горе и который окружают удивительные воды, различные по цвету и вкусу, полезные во всех отношениях. В этом [доме] у них находился огромный идол в образе наклонившегося человека (вариант: Сатурна), сделанного в виде фигуры старика, в руках у которого посох, которым он перемешивает в гробах кости мертвецов. Под его правой ногой — изображения [разных] видов муравьев, а под другой [ногой] — пречерные вороны из числа огромных воронов-*гудаф* и др. [видов] и удивительные изображения различных эфиопов и негров.

§ 1388. Другой дом находится на одной из их гор, которую окружает залив моря. Он построен из красного коралла и зеленого изумруда, в центре его — огромный купол, под которым находится идол, члены которого

1 Термин «почитаемые дома» ал-Мас‘уди использует при описании языческих святилищ и храмов разных народов – древних греков, римлян, китайцев и др. Для античных храмов в узком смысле чаще используется другой термин – хайкал (здание, храм). Т.о., выражение «почитаемый дом» не подразумевает непременно «здание», но святилище в широком смысле.

[сделаны] из четырех драгоценных камней: зеленого хризолита, красного яхонта, желтого сердолика и белого хрусталя, а голова из червонного золота. Напротив него – другой идол в виде рабыни, как будто она подносит ему жертвенных животных и просо. Происхождение этого дома возводилось к одному мудрецу, который был у них в древние времена. Мы уже приводили в наших книгах рассказ о нем, о его делах в земле славян, и о том, какие он устроил для них насыпи, хитрости и плутовские ухищрения (или: приспособления и специальные отверстия), с помощью которых привлек их сердца, овладел их душами и поработил их умы – несмотря на дурной нрав славян и их неустойчивую натуру. Но Господь Всевышний — податель успеха!

Анализ

Сообщение, как мы видим, не слишком информативное и довольно сложное для интерпретации. Исследователи пошли двумя путям: либо полное отрицание исторической ценности этого рассказа (И. Лелевель, П. Шафарик), либо его совершенно произвольное толкование. В результате К. Эрбен отождествил описанные святилища с храмом Святовита в Арконе на острове Рюген, Ф. Вестберг полагал, что ал-Мас‘уди говорит о Северном Кавказе и под именем «славян» фигурируют осетины, Гаркави – что речь идет о буддийских храмах в Гималаях, а Ковалевский увидел здесь Черную гору в верховьях р. Черемош в Карпатах (Ковалевский, 1973. С. 84, 86). Не случайно автор последнего по времени исследования сведений о славянах в арабских источниках отказался от попыток истолковать данный раздел как «крайне не ясный и не дающий достаточных оснований для идентификации» (Мишин, 2002. С. 62).

Однако для адекватной оценки информации арабских источников необходимо учитывать, что реальность воспринималась их авторами через призму средневекового сознания, образуя сложную амальгаму реальных фактов со стереотипами восприятия внешнего мира, что приводило к значительному искажению исходной информации (подробнее см.: Матвеев, 1998).

Первое, что здесь нужно учесть, это *жанр* произведения. «*Мурудж аз-захаб*» - сложное историко-географическое сочинение, однако данный раздел является типичным примером жанра *‘аджа’иб* (чудеса, диковинки), для которого характерен отбор необычного, интересного материала. Отсюда красочные подробности, обилие золота, драгоценных камней и т.п.

С другой стороны, отождествление описанных святилищ с каким-то *конкретным* географическим объектом не соответствует характеру изложения материала у ал-Мас‘уди. Сообщение входит в раздел о языческих святилищах у разных народов, причем в каждой главе описывается несколько святилищ, персонифицирующих в себе типичное для этого народа явление. Так, рассказ о греческих храмах дается как описание трех сооружений, прочие даже не упоминаются. Т.е. за описанием трех «почитаемых домов» стоят не три конкретных сооружения, но стандартный *тип* святилища.

Кроме того, на весь материал раздела о святилищах наложились стандартные арабские астрологические взгляды и представления о храмах язычников огне- и звездопоклонников, в т.ч.:

1. Представление о том, что язычники поклонялись одной из семи планет, причем Север подчинен Сатурну, которому подвластно все черное. Отсюда изображения негров, черных муравьев и воронов (появление последних, однако, может иметь и реальную основу, учитывая роль ворона как птицы Одина в «варяжской» среде Восточной Европы).

2. Описание отверстий в верхней части святилища, вероятно, появилось под влиянием реальных языческих храмов, например храма в Антиохии, где восходящий месяц раз в году появлялся в одной из специальных верхних «дверей» (Mas‘udi, §1418).

Итак, «положительная информация» рассматриваемого сообщения сводится к следующему:

1. в землях славян есть расположенные на горах святилища,

2. часто окруженные водой,

3. в которых стоят человекоподобные идолы

4. и находятся расположенные особым образом камни и, возможно, какие-то «изображения»;

5. у основания идола в специальных «оссуариях» находятся кости умерших.

Все прочее, очевидно, относится к области литературно-культурных штампов, которые не представляют исторической ценности.

Анализ сообщения арабского автора позволяет выделить корпус возможно достоверной информации о славянских святилищах, а именно — о поклонении славян идолам, установленным на вершинах расположенных около воды гор (холмов), являвшихся их главными святилищами, причем по крайней мере часть этих сооружений была одновременно и местом захоронения.

Датировка

Раздел о святилищах, по всей видимости, восходит к сочинению арабского астронома и астролога Абу Ма‘шара (лат. Albumasar, ум. в 886 г.), чья «Книга тысяч о домах поклонений», переработанная его учеником Ибн ал-Мазийаром, указана ал-Мас‘уди в качестве одного из источников информации (Ковалевский, 1973. С. 82–86). В таком случае это информация 2-й пол. IX в. – нач. X в. Кроме того, какие-то сведения могли быть добавлены или уточнены самим ал-Мас‘уди в сер. X в. В любом случае, период, к которому может относиться информация, – это 2-я пол. IX – 1-я пол. X вв.

Интерпретация

Единственным восточноевропейским культурным феноменом, который соответствует этому описанию, являются сопки Северо-Запада, связанные со словенами (ильменскими). Наиболее типичные для 2-й пол. IX – нач. X в. сопки – это стоявшие на берегу Волхова, Ловати и по др. водным путям огромные насыпи, которые нельзя было не заметить с воды и которые посреди окружающей равнины производили впечатление настоящих гор. Они были достаточно типичным явлением для северной части пути «из варяг в арабы», чтобы быть очевидным для источника информации ал-Ма‘суди/Абу Ма‘шара.

Сообщение ал-Ма‘суди указывает, что на вершине сопок находился идол, которому приносились жертвы. Кроме того, у основания такого идола в специальных «оссуариях» могли помещать кости умерших, очевидно, остатки сожжений на стороне (ср. летописное упоминание о погребениях «на столпе на путех»).

Данная интерпретация была предложена мною в 1987 г. в рамках семинара Г.С. Лебедева. В тот момент археологического подтверждения подобной точки зрения еще не было, однако уже в следующем полевом сезоне экспедиция С.Л. Кузьмина, с которым обсуждалась данная гипотеза, обнаружила аналог описываемого ал-Мас‘уди «гроба» – дубовый ящик с 12 кг кальцинированных костей в сопке №2 у д. Сковородка в Верхнем Поплюсье (Кузьмин, 2001).

Проведенные за последние 20 лет раскопки позволяют говорить о наличии конкретных *археологически* выявленных фактов, поддерживающих данную интерпретацию. Так, гвозди от аналогичного ящика были обнаружены в одной из сопок комплекса Передольского погоста на р. Луге, там же были обнаружены 4 ящика из плитняка с кальцинированными костями (Заполье I сопка 4 (Платонова, 2002. С. 1889)). Поверхностные захоронения по обряду трупосожжения на стороне были выявлены (или интерпретированы как таковые) в целом ряде сопок на Луге (Платонова, 2002) и Оредеже (Пристань I, Пристань III сопка №2 (Кузьмин, 1992а)), на Ловати (уроч. Губинская Лука (Конецкий, 1992)), в Нижнем Поволховье (сопка 17-II и др.). Сегодня уже можно утверждать, что подобные «поверхностные захоронения» были главным (или даже единственным) видом захоронений в сопках. Более того, в ряде случаев было выявлено (археологически трудноуловимое) наличие столба на вершине (сопка 17-II у д. Новые Дубовики; сопка 17-III – в нижнем ярусе (Кузьмин, 1992б)).

Таким образом, сочетание информации двух групп источников – свидетельства арабских авторов и данные археологии – позволяет уверенно реконструировать функцию сопок в системе культуры Северо-Запада как сооружений, являвшихся культовыми центрами соответствующей округи и местами погребений представителей особой социально маркированной группы.[2]

2 Уже очевидно, что сопки не могли быть местом захоронения всего населения. Рядовых соплеменников хоронили иначе: соответствующие поверхностные погребения по обряду трупосожжения на стороне обнаружены в последнее время (см., например, Кузьмин и др., 2000).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ковалевский А.П. Ал-Масуди о славянских языческих храмах // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 80–86.

Конецкий В.Я. Новые исследования в урочище Губинская Лука // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1992. С. 20–24.

Кузьмин С.Л. Комплекс памятников в урочище Миложь у д. Сковородка в контексте древностей Верхнего Поплюсья рубежа I и II тыс. н.э. // Вестник молодых ученых. Исторические науки. 2001. №1. Специальный выпуск: Археология. С. 56–62.

Кузьмин С.Л. Оредежские сопки // Население Ленинградской области: Материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб.: ГМЭ, 1992. С. 16–26.

Кузьмин С.Л. Сопка у д. Новые Дубовики // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1991. Материалы симпозиума. Псков, 1992. С. 52–55.

Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р., Соболев В.Ю. Могильник Которск IX – кладбище населения Которского погоста // Stratum plus, 2000. №5. С. 70–82.

Матвеев А.С. «Русы» и славяне в арабских средневековых источниках: Проблемы восприятия инородной культуры // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Новгород, 25-31 августа 1996. М., 1998. Т.5. История и культура древних и раннесредневековых славян. С. 186–195.

Матвеев А.С. Сообщение ал-Мас‘уди о славянских святилищах: Перевод и интерпретация // Вестник СПбГУ. 2009. Вып. 2. С. 87–101.

Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М.: ИВИ РАН, 2002. 368 с.

Платонова Н.И. О погребальном обряде верхнелужских сопок (по материалам Передольского погоста) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. А.Н.Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С.181–95.

Mas‘udi. Les prairies d’or. Ed. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, revue et corrigée par Charles Pellat. 7 vols. Beyrouth, 1966–1979. (Vol. 2.)

УНИКАЛЬНАЯ НАХОДКА ДЕТАЛИ АРБАЛЕТНОГО СНАРЯЖЕНИЯ НА КАВКАЗЕ

© 2014 г. М.Ю. Меньшиков

Столичное археологическое бюро, Москва
(maxim-menshikov@ya.ru)

Ключевые слова: Краснодарский край, Роза-хутор, арбалет, натяжное устройство, средневековье.

Резюме. В ходе работ в районе поселка Красная поляна (Краснодарский край) был обнаружен натяжной арбалетный крюк. Вероятнее всего, данный предмет являлся частью погребального инвентаря парной могилы XV в, разграбленной незадолго до проведения археологических работ. Присутствие арбалетного крюка в регионе можно связать с периодом угасания и разорения Генуэзских торговых факторий в Северном Причерноморье в первой половине XV в.

В ходе работ в 2010 г. в окрестностях Красной поляны был исследован археологический комплекс Роза-1. Данный комплекс включал в себя участок, на котором располагались святилище и 9 погребений, большая часть которых была разграблена в период 2000-2010 гг. Одно из разграбленных погребений было расположено в северо-западной части комплекса.

Погребение представляло собой двухкамерную погребальную конструкцию, аналогичную двум другим, полностью исследованным на данном памятнике. Погребальные камеры имели подовальную форму, располагались параллельно и были вытянуты по оси северо-восток – юго-запад. Северо-восточная и центральная часть погребальной конструкции срыты до подошвы мародерами, ими же прокопан подстилающий слой почвы и раскиданы камни в радиусе около 2 м. В юго-западной части погребальной конструкции местами сохранилась кладка из вытянутых колотых камней, лежащих длинными сторонами вплотную друг к другу. Внутренняя структура погребения полностью разрушена.

Вокруг погребения были найдены предметы, которые были взяты как подъемный материал. Часть найденных предметов, возможно, является инвентарем разграбленного погребения. Среди находок, найденных в непосредственной близи от разграбленного погребения, были обнаружены 3 фрагмента от двух кинжальных перекрестий, фрагменты железных оковок, железный нательный крестик и железный предмет (рис. 1).

Наибольший интересный для нас представляет железный двойной крюк (см. *рисунок*). Размеры изделия 60х80 мм.

Вероятнее всего данный предмет может быть интерпретирован как крюк для натяжения тетивы арбалета. Подобные крюки встречаются на средневековых изображениях и изредка в ходе археологических работ в основном на территории современной Европы. Наиболее часты изображения однозубых крюков (Le livre de chasse de Gaston Phebus, 1387-1389; Luttrell Psalter 1330-1340, 1932). Двузубые крюки опубликованы в работах Виоле-ле-Дюка (Viollet Le Duc, C. 20–26), Пэйн-Галвея (Payne-Gallwey, 1958), Э. Вагнера (E. Wagner, 1890. Рис. 474), также существует изображение поясного двузубого крюка начала XIV в. из коллекции замка Pierrefonds (Boeheim, 1890. Рис. 474). Наиболее близкий двузубый крюк, аналогичный обнаруженному в ходе археологических работ 2010 г, изображен на немецкой миниатюре XV в. (Feuerwerkbuch*, 1442*). Следует отметить, что находки арбалетов и их деталей ранее на Кавказе неизвестны, хотя свидетельства того, что на Кавказе в средневековье арбалетами пользовались есть. Материальные свидетельства данного факта представлены немногочисленными находками арбалетных болтов, которые, в основном, связаны с тер-

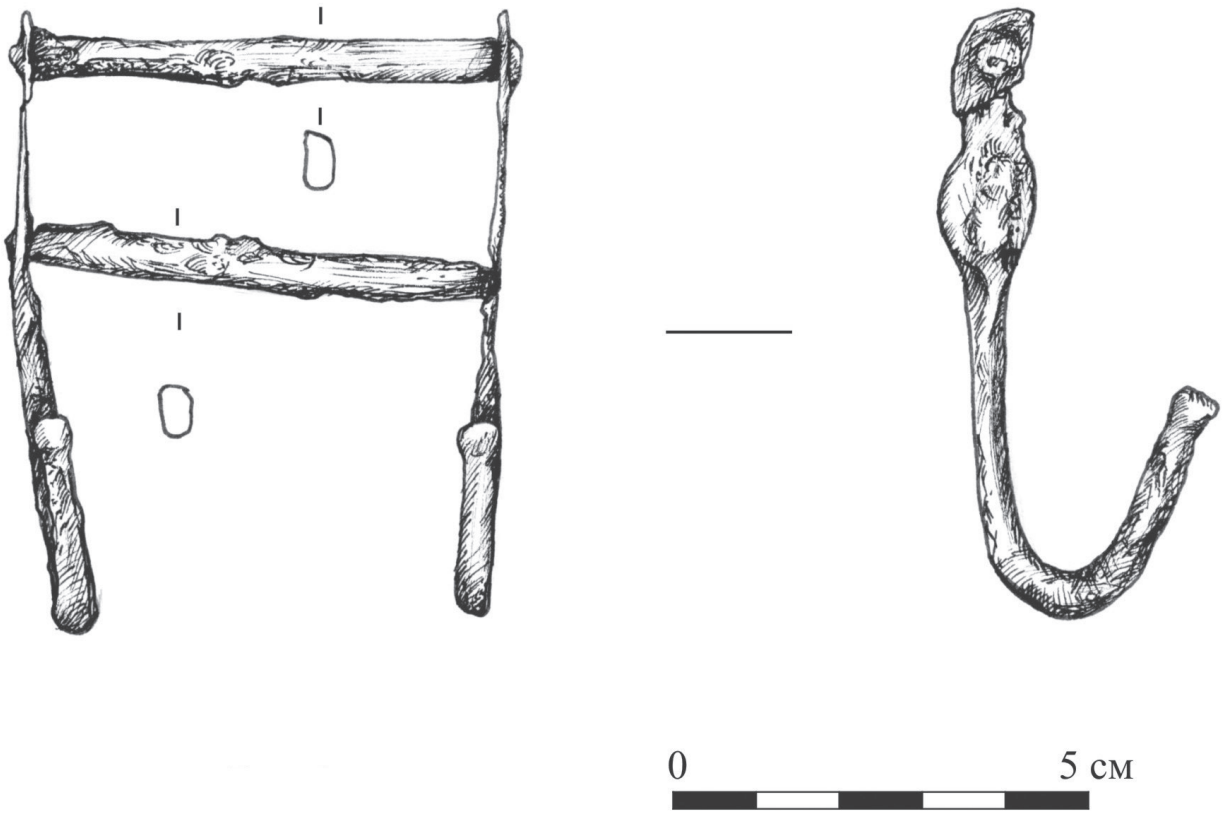


Рис. 1. Арбалетный поясной крюк. Железо.

риториями расположения итальянских факторий на северном берегу Черного моря. На территории Анапы и в районе Новороссийска обнаружено по 2 экземпляра (Еманов , 1995. С. 35–46), При раскопках Таны обнаружены 4 арбалетных болта (Волков , 1987. С. 34–36). Большое количество арбалетных болтов происходит из раскопок на территории итальянских факторий в Крыму (Мыц, 1985. С. 110–138). Отдельные находки арбалетных болтов связаны с кочевническими погребениями на Северном Кавказе (*Нагоев*, 2000. С. 159). В целом, информация о находках арбалетных болтов сведена в работе А.В. Сальникова (Сальников, 2003).

Существует упоминание арбалетов в письменных и этнографических источниках. В ходе путешествия по Кавказу Джон Кук (середина XVIII в.) упоминает в списке предметов вооружения черкеса *«sagmitase»* в одном ряду с луком и стрелами. По мнению Нагоева, речь в данном случае, идет об арбалете (*Нагоев,* 2000. С. 159). А.А. Сланов в своей работе приводит большое количество косвенных этнографических подтверждений знакомства горных племен Кавказа с арбалетом, признавая наряду с этим, отсутствие прямых материальных свидетельств и находок арбалета и арбалетных деталей на Северном Кавказе. По мнению А.А. Сланова, проникновение арбалета на Кавказ связано с монгольским вторжением (*Сланов, 2007*).

На наш взгляд, наибольшая вероятность попадания детали натяжного механизма арбалета в погребение, расположенное в горах южнее Кавказского хребта, скорее всего, связана с присутствием в регионе генуэзских колоний. На отрезке побережья от Сухума до Хосты располагалось девять итальянских факторий. Основу их гарнизонов составляли «соции», которых нанимали из жителей итальянских городов. Часть социев объединялась в отряды баллистиариев (стрелков из арбалетов). Количество таких социев в разных колониях было различным в разное время. В работе С.П. Карпова приводятся данные для колонии Samastro (Белгород-Днестровский). В указанной колонии к середине XV в количество социев достигало 60-70 человек, а в 1459 г численность социев была сокращена

«до 30 “лучших” и 10 “стариков”, с пониженным окладом» (Карпов, 1996. С. 73). В некоторых колониях существовала практика найма местных жителей на службу в колонии помимо социев. Однако известно, что генуэзцы очень опасались попадания арбалетов в руки аборигенов. Европейцы считали арбалеты чрезвычайно грозным оружием, в первую очередь, в связи с их дальнобойностью и бронебойностью. 29 канон Второго Латеранского собора полностью посвящен стрелкам и именует искусство стрельбы из арбалета «богопротивным» и под страхом анафемы запрещает использование арбалета (впрочем, как и лука) против христиан (Consilium Ecumenicum Lateranenst II, 1139). Экипажи генуэзских морских судов, бороздивших Черное море, запирали арбалеты в специальных помещениях с ограниченным доступом и извлекали только в случае серьезной опасности (**Карпов, 1996**). В связи с этим очень маловероятно, чтобы арбалет или части его снаряжения были проданы или переданы добровольно местному жителю, который не был бы приведен к какой-либо присяге или не находился бы в какой-либо иной форме зависимости от итальянской администрации колонии.

Таким образом, представляются два наиболее вероятных пути попадания детали механизма натяжения арбалета на памятник Роза-1.

Первый вариант предполагает, что арбалет попал в горы вместе с носителем, получившим его законно в одной из генуэзских колоний на побережье или в глубине страны. Косвенно о такой возможности может говорить находка рядом с погребением христианского нательного крестика. Отсутствие костных останков и разрушенное погребение не позволяют предполагать были ли указанные вещи погребены вместе с выходцем из «социев» или с воспринявшим христианство местным «казаком», служившим в генуэзской фактории. В этом случае, возможно, что носитель арбалета ушел в горы в период сокращения гарнизонов генуэзских колоний или после разорения одной из них.

Второй вариант - военный трофей. В середине XV в. могущество генуэзцев на Черном море ослабевает. Большая часть черноморских колоний в конце 1453 года передается в управление банку Святого Георгия, сокращаются расходы на оборону колоний. Колонии подвергаются регулярным нападениям со стороны Османской империи. 28 июня 1455 года после нападения на Себастополис турецкого флота, абхазы окончательно разоряют город, гарнизон уже не мог оказать достойного сопротивления (Кудрявцев, 2008). Вероятно, эта же участь постигла и расположенные рядом менее крупные колонии.

Впрочем, не стоит исключать вариант подношения пояса с крюком как военного трофея на святилище, расположенное в непосредственной близости от погребального комплекса.

Находка арбалетного крюка в большом удалении от территории факторий позволяет утверждать, что к горским племенам могли попадать не только наконечники стрел, но и сами арбалеты, хотя, как известно, широкого распространения у горцев арбалет не получил. Данный факт, безусловно, объясняется двумя факторами: во-первых, сложной конструкцией самого арбалета, а во-вторых, поздним знакомством горских племен с данным видом вооружения, когда огнестрельное оружие уже вполне конкурировало с арбалетами по своей эффективности и было более доступным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Boeheim W. Handbuch der Waffenkunde. Leipzig, 1890.

Consilium Ecumenicum Lateranenst II, 2-17 aprile 1139 can. 29

Feuerwerkbuch. Hauslab, 1442.

Le livre de chasse de Gaston Phebus, 1387-1389.

Luttrell Psalter (1330-1340), ed, E.G.Millar, London, 1932.

Payne-Gallwey, Sir R. The Crossbow, Medieval and Modern Military and Sporting. Its Construction, History and Management, with a treatise on the Balista and Catapult of the Ancients. London, 1958.

Viollet Le Duc. Dictionnaire raisonne du Mobilier Francais. Tome 5. Paris, 1858-1875.

Wagner E. Tracht, wehr und waffen des spaten mittelalters (1350-1450). Prag.: Artia, 1960.

Волков И.В. Новые находки предметов вооружения из Азака // Историко-археологические исследования на Дону и в Азове. Тез. докл. Азов, 1987.

Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции по материалам Кафы XIII–XV вв. Тюмень: МИ „ТУТРА“, 1995.

Карпов С.П. Итальянские морские Республики и южное Причерноморье в XIII–XV вв: проблемы торговли. М.: МГУ, 1996.

Кудрявцев К.Д. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 2008.

Мыц В.Л. Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1985.

Нагоев А.Х. Средневековая Кабарда. Нальчик: Эль-Фа, 2000.

Сальников А.В. О времени появления арбалетов на Северном Кавказе // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир, 2003.

Сланов А.А. Военное дело алан I–XV вв. СОИГСИ. Владикавказ, 2007.

ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ ПАЛЕОЛАНДШАФТА СРЕДНЕВЕКОВОГО СМОЛЕНСКА

© 2014 г. Д.С. Могилев

Центр по охране и использованию памятников истории и культуры, Смоленск (culzop@rambler.ru)

Ключевые слова: Смоленск, средневековье, реконструкция, палеоландшафт.

Резюме. Процесс реконструкции палеоландшафта городской территории является перспективным направлением археологического изучения средневекового Смоленска. Данные таких исследований могут служить частью информационной научной базы для археологов, изучающих исторический культурный слой Смоленска.

Смоленск расположен в верховьях Днепра, который в пределах города пересекает Смоленскую возвышенность, являющуюся западной частью Смоленско-Московской возвышенности. Территорию г. Смоленска слагают породы четвертичной системы: ледниковые отложения – валунные суглинки и водно-ледниковые осадки – валунные пески и супеси, глины; покровные – лессовидные и делювиальные суглинки (мощностью до 4 м); аллювиальные – глины и пески (мощностью от 2 до 25 м).

Долина р. Днепр, в пределах города, имеет глубину до 90 м. Пойма Днепра обычно неширокая, местами отсутствует. Кроме поймы, в пределах Смоленска, можно наблюдать 1-ю и 2-ю надпойменные террасы Днепра, как на правом, так и на левом берегу реки. Их высота над уровнем воды в реке – 10-12 м и 15-20 м соответственно. Днепр, протекая в городе с востока на запад, делит его на две части: северную/правобережную (Заднепровье) и южную/левобережную (центр).

Высокий, резко волнистый рельеф территории Смоленска характеризуется наличием здесь многочисленных оврагов и долин малых рек, которые, прорезая склоны берегов Днепра, расчленяют их на межовражные увалы, холмы, мысы. Из оврагов левобережной части города, представляющих наибольший интерес для данного исследования, необходимо перечислить следующие: Чуриловский, Пятницкий, Ногина, Войкова, Резницкий, Красный ручей (Георгиевский), Зеленый ручей, Чертов ров (Рачевский). Шкляной, Городянский, Ильинский и Крупошевский овраги – на правом берегу Днепра. Межовражные пространства также имеют свои названия: Казанская, Вознесенская и Спасская гора – в левобережной части Смоленска; Шкляная гора,

Донщина, Покровская гора, Ямщина и Садки – в правобережной части города.

Морфологические особенности рельефа и гидрологические условия территории определили характер развития средневекового Смоленска.

В X веке Смоленск первоначально формировался на левом берегу Днепра вокруг Соборного холма. Городская территория обживалась у подножия со стороны Днепра (улица Соборная гора и современная улица М. Школьная) и в двух крупных оврагах (логах): на западной и восточной стороне Соборного холма (современные улицы Парижской коммуны и Красный ручей). На рубеже X–XI вв. оба лога были соединены прорытым здесь сухим рвом. Собственно городская территория была обнесена укреплениями (валом) и не превышала 2 кв. км. Относительно современных улиц города вал располагался следующим образом: на востоке он начинался у Днепра, поднимался вдоль Георгиевского холма, далее выходил на ул. Ленина и следовал на запад, у пересечения улиц Ленина и Б. Советской вал медленно смещался в сторону Воскресенского холма, опускаясь, затем, по его гребню к Днепру.

Заднепровский пригород появляется почти одновременно с городом, о чем свидетельствует мощный культурный слой, вскрытый в районе Нижнее-Никольского храма (современная ул. Беляева).

С XI в. до второй половины XIII столетия город быстро развивался, расширялась его территория. На левом берегу город располагался вдоль Днепра в пределах его долины. Посад на правом берегу занимал в основном первую надпойменную террасу в её более широкой части, там, где коренной берег подходил близко к руслу Днепра. Преобладающим типом застройки был усадебный. Княжеские резиденции, монастыри и храмы в большинстве своем были размещены на левом берегу Днепра. Пристани, располагавшиеся на р. Кловке и р. Рачевке (левобережных притоках Днепра), соединяла Большая (Великая) дорога. Площадь городской территории на левом берегу Днепра выросла до 8 кв. км, а в Заднепровье она увеличилась до 3 кв. км. Таким образом, общая площадь города с пригородами была 11 кв. км.

В период нахождения Смоленска в составе Великого княжества Литовского площадь города не увеличивалась. Новое строительство не велось.

В 1514 году Смоленск вошел в состав Московского государства. В середине XVI столетия в городе была построена земляная крепость, включавшая территорию примерно 3 кв. км, и размещен большой гарнизон.

На рубеже XVI–XVII столетий была возведена каменная крепостная стена. Ее возникновение почти не оказало влияния на систему улиц города. В состав города включили Зеленый ручей и укрепления Пятницкого оврага. В правобережной, посадской, части города возникает Ямская слобода. На протяжении XVII столетия южная часть городской территории не расширялась за пределы крепостной стены. Дороги вдоль крепостной стены со временем стали улицами: современные улицы Тимирязева, Бакунина, Маршала Жукова, Барклая де Толли. Основу уличной сети как и раньше составляли четыре улицы: Днепровская, Западного и Восточного лога, Соборная гора. Остальные опирались на эту систему.

В процессе развития территории Смоленска, периода X–XVII вв., возрастал уровень антропогенной нагрузки на компоненты ландшафта территории.

В результате хозяйственной деятельности наибольшему воздействию подверглись рельеф и геологическая среда. Засыпка верховьев оврагов, террасирование склоновых поверхностей были вызваны необходимостью развития уличной сети города и размещения селитебных участков. Развитие каменного строительства способствовало увеличению потребления природного сырья (валуны, известь, глина), которое местные жители добывали в балках и оврагах Смоленска. Гончарное производство также базировалось на местном сырье – глине, добываемой населением в городских оврагах. Строительство городских оборонительных укреплений существенным образом влияло на ландшафтный облик территории, воздействуя на литогенную основу.

Влиянию антропогенного воздействия подвергался растительный покров городской территории. Заготовка древесины являлась одним из ключевых направлений хозяйственной деятельности смолян. Сведение лесов за

пределами городских оборонительных укреплений велось в целях обеспечения фортификационной безопасности. Строительство жилищ, заготовка дров, ремесленное производство, сельское хозяйство требовали больших объемов лесопотребления.

Процесс реконструкции палеоландшафта городской территории является перспективным направлением археологического изучения средневекового Смоленска. Данные таких исследований могут служить частью информационной научной базы для археологов, изучающих исторический культурный слой г. Смоленска.

ГОНЧАРНЫЕ И ЖЕЛЕЗОДЕЛЕТЕЛЬНЫЕ МАСТЕРСКИЕ XIII–XIV ВВ. НА УСТЬИНСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ КУЛИКОВА ПОЛЯ

© 2014 г. А.Н. Наумов

Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула
(naumov@kulpole.tula.net)

Ключевые слова: Куликово поле, Устьинский археологический комплекс, древнерусское сельское ремесло, гончарство, сыродутная металлургия, кузнечная обработка железа, горны.

Резюме. В ходе исследований древнерусского Устьинского археологического комплекса на Куликовом поле были изучены производственные комплексы второй половины XIII – третьей четверти XIV в. по производству керамики и кричного железа. Анализ конструкций гончарных и сыродутных горнов комплекса с привлечением материалов с других памятников Куликова поля позволил представить эволюцию технологий сооружения данных теплотехнических сооружений на протяжении домонгольского и золотоордынского периодов истории региона. Анализ ремесленных мастерских комплекса показал высокую степень концентрации производства и технологий.

За последние десятилетия изучение древнерусского сельского ремесла (конец XII – третья четверть XIV в.) на территории Куликова поля (верховья Дона) достигло значительных успехов.

В последнее время работы были сосредоточены на древнерусском Устьинском археологическом комплексе, который являлся волостным центром на юго-западной границе Рязанского княжества (Гоняный, 2005. С. 394). Комплекс памятников включает городище, грунтовый могильник, восемь селищ общей площадью около 40 га. Он расположен в нижнем течении р. Мокрой Таболы (левый приток верховьев Дона).

В ходе раскопок были изучены территории и объекты гончарных и железоделательных мастерских, которые датируются второй половиной XIII – третьей четверть. XIV в. Это позволило дать детальную характеристику производственных объектов, сооружений, сырья, готовой продукции и технологий, используемых древнерусскими мастерами Куликова поля.

В настоящее время на Устьинском комплексе раскопано шесть гончарных мастерских. К производственным объектам относились ямы для добычи глины, скопления керамического брака, гончарные горны. Обнаруженные остатки шести гончарных теплотехнических сооружений на были выполнены в единой строительной традиции. Это были небольшие глинобитные сооружения ямного типа с выносной топкой, устье которой выходило в предгорновую яму. Топочные и обжигательные камеры горнов имели горизонтальную

перегородку, которая поддерживалась по осевой линии глухой опорной стенкой. Гончарные горны с подобной конструкцией хорошо известны в древностях Восточной Европы (Бобринский, 1991. С. 125–129) и на других древнерусских памятниках Верхнего Подонья (Гоняный, Гриценко, 2000. С. 150–151; Тропин, 2004. С. 116–121).

Особенности конструкций гончарных горнов с Устьинского комплекса позволяют проследить эволюцию строительных технологий. Наиболее ранние горны (второй половины XIII в.) монтировались с помощью деревянного каркаса. Горячий воздух поступал в обжигательную камеру через продухи (круглые отверстия в горизонтальной перегородке). Горны первой половины XIV в. целиком вырезались в материковом суглинке без каркасных конструкций и имели щелевую конструкцию подачи воздуха в обжигательную камеру (Наумов, 2010, С. 205–206).

Горны второй половины XIII в. с каркасной конструкцией стен и продухами генетически связаны с горнами предмонгольского времени Куликова поля. Но они имеют принципиальное отличие. Горны первой половины XIII в. вместо опорной стенки имели круглый в плане глинобитный столб (Наумов, 1991. С. 114–116). При этом значительная часть горнов этого периода была наземными. Промежуточное положение среди выделенных двух групп занимает горн с селища Березовка-5 второй половины XIII в. (Гоняный, Гриценко, 2000. С. 150–151). Он имел опорный столб, но свод выносной топки имел осевую перегородку.

Таким образом, эволюцию древнерусских гончарных горнов Куликова поля можно представить следующим образом. Наиболее ранними этой группы объектами являлись наземные сооружения смонтированные на деревянном каркасе и имевшие опорный столб. Затем появляются ямные сооружения с подобной конструкцией. В золотоордынский период на Куликовом поле выявлены лишь горны ямной конструкции и происходит замена опорного элемента столба на стенку. Затем исчезает каркасная конструкция стен и происходит замена продухов на щелевые конструкции подачи воздуха. В целом мы наблюдаем и постепенное уменьшение размеров горнов.

На территории Устьинского комплекса раскопками изучены три железоделательных мастерских середины – третьей четверти XIV в. Однако, детальные работы по изучению территории комплекса обнаружили более 15 скоплений металлургического шлака, которые маркируют территории железоделательных мастерских. Все это позволяет констатировать значительную концентрацию ремесла по производству и переработке кричного железа, которая уникальна не только для Куликова поля, но и всего Верхнего Подонья (Наумов, 2013. С. 52).

Набор археологических объектов металлуогических мастерских включает сыродутные горны, производственные постройки, ямы-хранилища полуфабрикатов и железного лома, скопления отходов металлургического производства. Кричное железо получали из бурого железняка в глинобитных многоразовых печах с вертикальной шахтой и искусственным нагнетанием воздуха внутрь рабочего пространства на уровне лещади. Топливом служил дубовый уголь, полученный ямным способом (Наумов, 2008. С. 42–84). Горновые крицы, полученные в результате сыродутного процесса, затем обжимали, проковывали, придавая полуфабрикатам товарных вид подпрямоугольных лепешек весом около 3 кг (Наумов, 2008. С. 75).

Все обнаруженные железоделательные горны имели сходные размеры и конструкции. Теплотехнические сооружения диаметром до 1 м были слегка заглублены в грунт. В основании горнов располагался слой камня, усиливающий фундамент. На уровне лещади располагалась грудь печи – отверстие, через которое внутрь подавался воздух, вынимали полученный металлургический агломерат и очищали внутреннее пространство горна от отходов производства перед началом нового рабочего цикла.

Несмотря на однотипность конструкций в сооружении сыродутных горнов также прослеживается определенная эволюция. При исследовании остатков сыродутного горна в 2010 г. было обнаружено, что его тело было сформовано из сырцовых глинобитных блоков, завернутых в грубую ткань и перевязанных веревками. Таким образом, железоделательная печь 2010 г. являет собой важный

этап в переходе от монолитных глинобитных конструкций к сооружениям из брускового кирпича («кирпишных домень» XVI–XVIII вв.) (Наумов, 2013. С. 62).

Находки кузнечных полуфабрикатов, заготовок и инструментария свидетельствуют не только о первичной переработке горновых криц в товарные, но и о непосредственной обработке железа в готовые изделия. Одним из распространенных видов кузнечных операций был ремонт импортных чугунных котлов с помощью железных обручей-стяжек и железных заплат.

Изучение организации ремесла на Устьинском археологическом комплексе показало сосуществование гончарных и железоделательных мастерских на одних и тех же рабочих площадках. Это явление характерно и для других производственных памятников Куликова поля (Наумов, 2013. С. 62). Установлено, что первоначально на селищах возникали гончарные мастерские, которые функционировали на протяжении второй половины XIII – первой половины XIV вв. Затем они синхронно существуют с железоделательными комплексами и сменяются последними в середине – третьей четверти XIV в. Данные последних исследований показывают, что и гончары, и металлурги использовали для строительства теплотехнических сооружений, формовки посуды, лепки сопел одни и те же материалы – беложгущиеся глины. Гончарные горны также использовались и для обжига сопел. И, наконец, сосредоточение мастерских на отдельных участках селищ свидетельствует о концентрации ремесла подобно ремесленным кварталам или слободам в средневековых городах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобринский А.А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы. М.: Наука, 1991. 215 с.

Гоняный М.И. Древнерусские археологические памятники конца XII – 3-й четверти XIV в. в нижнем течении р. Мокрая Табола на Куликовом поле // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 361–396.

Гоняный М.И., Гриценко В.П. Поселение 2-й половины XIII – начала XIV в. Березовка-5 на Куликовом поле // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула: Тульский полиграфист, 2000. С. 144–165.

Наумов А.Н. Гончарные комплексы первой половины XIII в. на поселении Монастырщина-5 // Археология и история юго-востока Руси. Тезисы конференции (26-28 ноября 1991 г.). Курск: Курский гос. педагогический институт, 1991. С. 114–116.

Наумов А.Н. Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII – третьей четверти XIV вв. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. 255 с.

Наумов А.Н. Ремесленные мастерские северной части древнерусского Устьинского археологического комплекса Куликова поля // Средневековый город Юго-Восточной Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. Курск: Курский гос. музей археологии, 2009. С. 202–213.

Наумов А.Н. Новые данные о сыродутном производстве железа в первой половине XIV в. на Куликовом поле (по материалам селища Колесовка-1) // Город средневековья и раннего Нового времени. Материалы IV Всероссийского семинара. Ноябрь 2011 г. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2013. С. 52–63.

Тропин Н.А. Сельские поселения XII–XIV веков южных территорий Рязанской земли. Елец: Воронежский гос. университет, 2004. 264 с.

КЛЕЙМА НА ГОНЧАРНЫХ СОСУДАХ ДРЕВНЕГО СУЗДАЛЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК НА УЛИЦЕ СЛОБОДСКОЙ В 2010-2011 ГГ.)

© 2014г. О.А. Несмиян, В.Г. Несмиян

Шуйская археологическая экспедиция, Шуя
(nesmiyn@yandex.ru)

Ключевые слова: древнерусский город, гончарное клеймо, геральдические знаки специфических форм, геометрические изображения.

Резюме. В настоящей статье публикуются материалы, полученные в результате исследований на территории города Суздаля, на улице Слободской 47-49 в 2010-2011 гг. Участок исследований расположен на левом берегу реки Каменка, к северо-западу от укреплений окольного города, у брода вблизи дороги на Москву. Количественно данная коллекция гончарных клейм невелика, но является безусловным дополнением к уже известной классификации клейм на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси, разработанной Е.К.Кадиевой. (Кадиева Е.К., 2007. С. 172–188).

В ходе работ Шуйской археологической экспедиции в Суздале, на Слободской 47-49 (на месте предполагаемого строительства) в 2010-2011 гг. установлено, что период активного освоения, в том числе плотной застройки территории улицы, находящейся в 180метрах к югу от Александровского монастыря, у брода вблизи дороги на Москву относится к XII–XIV вв. (Рис.1) Находки гончарных клейм и пломб с геральдическими знаками позволяют предполагать особую статусность усадеб. Прослеженная ситуация демонстрирует как высокую строительную активность в исследованной части современного города, так и плотность размещения жилых и хозяйственных построек, вполне сопоставимую с плотностью освоения территории Суздаля в пределах городских укреплений. Застройка на участке и его непрерывное использование прослеживается на протяжении веков вплоть до XX вв.

Керамический комплекс раскопа 2010-2011 гг. включает в себя 41402 фрагмента гончарной посуды и 31 сосуд с полностью реконструированными профилями (общая площадь раскопа 400 кв. метров). Вся керамика, вошедшая в рассматриваемую керамическую коллекцию – круговая (осколки лепных сосудов – не обнаружены). Рассмотренный керамический комплекс разделяется на несколько хронологических периодов. Первый определяется преобладанием древнерусской керамики, для которой характерны примесь дресвы, линейный орнамент и формы, типичные для XII–XIII вв. Второй хронологический период можно очертить рамками второй половины XIV–XV веками. Венчики горшков слегка изогнутые, «черновой» край которых, завернут внутрь сосуда, аналогичны разновидностям московской красноглиняной керамики. Третий хронологический период соответствует промежутку второй половины XV – середине XVI в. С ним связано бытование белоглиняной «коломенской» керамики, красноглиняной ангобированной расписной посуды, скорее всего, московского производства, отдельных образцов красноглиняной гладкой керамики посредственного обжига и, вероятно, большей части встреченных образцов краснолощёных и чернолощеных сосудов. Третий период очерчивается XVII–XVIII вв. Его определяют белоглиняные горшки с венчиками сформованными загибом наружу, горшки из красножгущейся запесоченной глины хорошего обжига, белоглиняная лощеная керамика, большая часть обнаруженной чернолощеной посуды. Четвертый период соответствует XIX–XX вв. В это время господствует красноглиняная тонкая с прозрачной поливой керамика и отдельные

формы красноглиняных сосудов с тонким тестом без следов лощения.

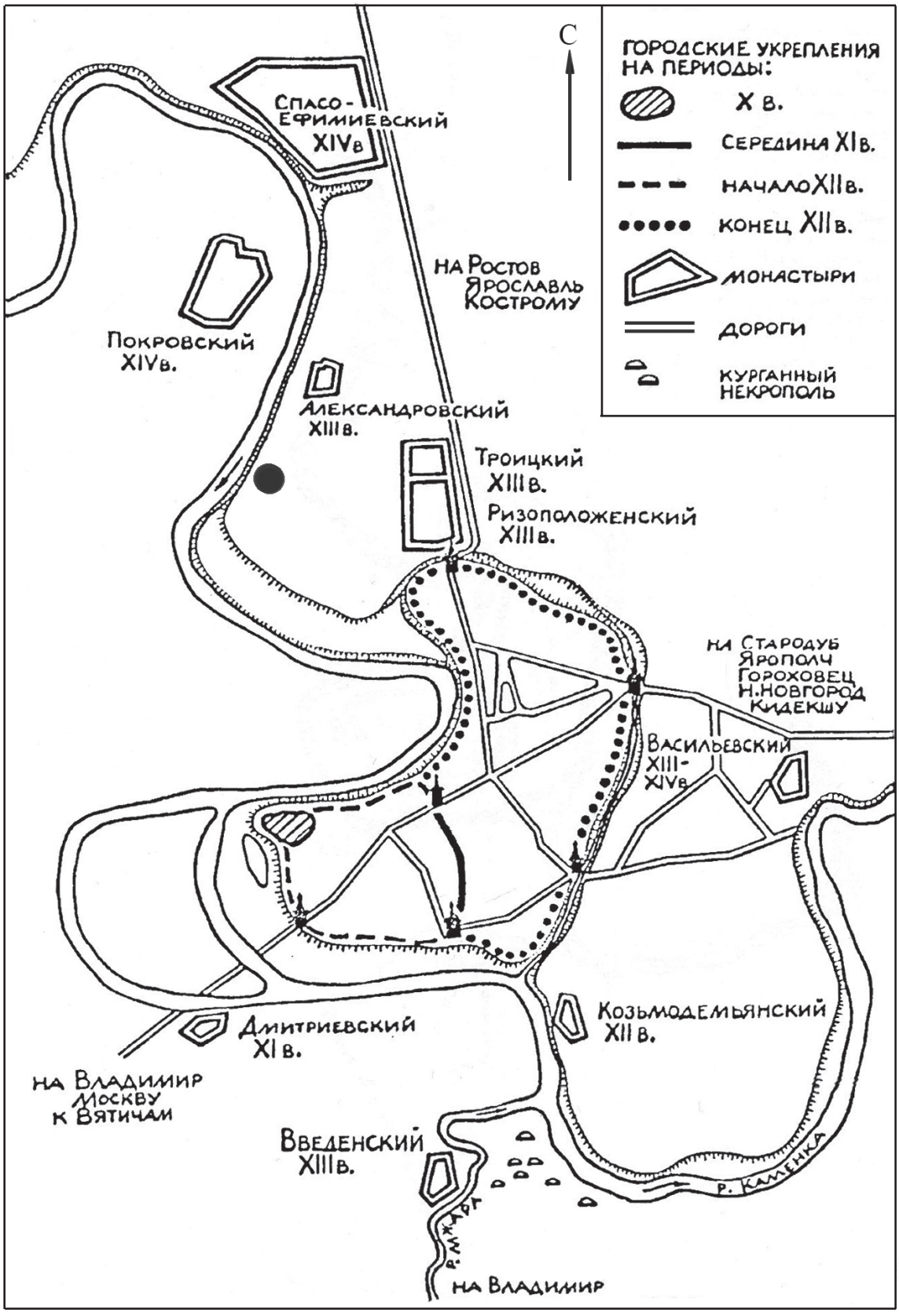
При обработке керамической коллекции раскопов 2010-2011 гг. были выявлены 18 отпечатков на донцах гончарных сосудов, которые могли быть интерпретированы как клеймо или его часть. В это число входит все, что несет какую-либо информацию о клеймах: от небольших обломков до полных керамических форм. Клейменные днища принадлежат посуде из красножгущихся глин, интересно наличие в исследованном материале фрагментов чернолощеной посуды. Следует отметить, что уровень информативности полученного материала оказался слишком неравноценным. Он зависит от целого ряда обстоятельств таких, как качество матрицы, применение подсыпок, характер и длительность использования сосуда, степень фрагментарности донца и т. д.

Большая часть клейм была найдена в заполнениях ям. К сожалению, многие ямы не имеют сколько-нибудь точной датировки, в них встречались отдельные фрагменты сосудов, относящихся к более раннему времени и переотложенные. Все это осложняет датировку гончарных клейм. 8 донцев с клеймами датируются по условно закрытым комплексам (ямам), в которых они были найдены. Оставшаяся часть датирована по слою и технологическим признакам керамики. По хронологии клейма разделены на 3 группы:

1) клейма второй половины XII–XIII вв.;
2) клейма второй половины XIV–XV вв.;
3) клейма XV–XVI вв.

Первая группа клейм (XII–XIII вв.) является наиболее многочисленной и интересной. Особое внимание привлекают два донца с гончарными клеймами, изготовленными при помощи одной матрицы из древнерусской подпечной ямы (рис. 2, *7*). Диаметр клейма 55мм, рельеф четкий и тем не менее классифицировать данное клеймо чрезвычайно трудно. Скорее всего, его можно отнести к геральдическим знакам специфической формы по Е.К.Кадиевой (Кадиева, 2007. С. 136). Изображение представляет собой двузубец, правый отрог отогнут наружу, а левый завернут в спираль, из которой выходит «трезубец» влево, на котором находятся еще две спирально скрученные линии, аналогов не найдено. Керамическая коллекция из ямы представлена в основном красноглиняной керамикой с примесью дресвы и многорядным линейным орнаментом (401фр.) Среди индивидуальных находок красноглиняный горшок с многорядным линейным орнаментом, диаметром устья 16 см и типом венчика 6 (по Федориной), полный профиль красноглиняного сосуда с многорядным линейным орнаментом и типом венчика 8, входящие в хронологическую группу XII– XIII веков (Федорина,2007. С. 38). Еще одно клеймо с геральдическим знаком найдено в культурном слое и может быть отнесено к трезубцам прямоугольных очертаний в окружности (3.2.1. по Кадиевой) (рис.2, *11*). Аналогичный оттиск найден в Ростове (вторая пол. XIII века), один во Владимире у Покровского монастыря в 1997 г. (примерная датировка вторая половина XII – нач. XIII века), один на Пировом селище, в слоях середины XII – начала XIII века), один на поселении Усть-Шексна (начало – середина XIII века) (Кадиева, 2007а. С. 173). Пик распространения геральдических оттисков, как отмечает Е.К. Кадиева приходится на начало XIII века. Очевидно, что гончары в это время уже просто копировали княжеские знаки с различных документов (булл, печатей) не учитывая их родовую принадлежность. Домонгольским временем можно датировать 5 клейм, происходящих из ям имеющих широкую датировку. Клеймо в виде двух соединенных вершинами треугольников (сохранилось фрагментарно) (рис.2, *10*). Е.К. Кадиева датирует такие знаки второй половиной XI – началом XIII вв. (Кадиева, 2007. С. 181. Рис. 4, *22–30*). Два клейма в виде звезды в двойной окружности и звезды в одиночной окружности (рис. 2, *8, 14*). Данное изображение можно отнести к группе I, подтипу 10 (по Князевой) – многолучевая звезда, вписанная в круг. Данные изображения встречены на клеймах Рязани, Ярополча Залесского (Князева, 2007. С. 204). Два клейма сохранились фрагментарно и реконструировать их не представляется никакой возможности, но характер использованного теста с примесью дресвы и подсыпка из золы позволяют также датировать их древнерусским временем (рис. 2, *9*).

При выборке ямы XIV–XV вв. был найден красноглиняный горшок, высотой 13 см,



● - Раскоп 2010-2011гг.

Рис. 1. Схематичный план развития г.Суздаля в X-XIVвв. – по: М.В. Седова, 1997.

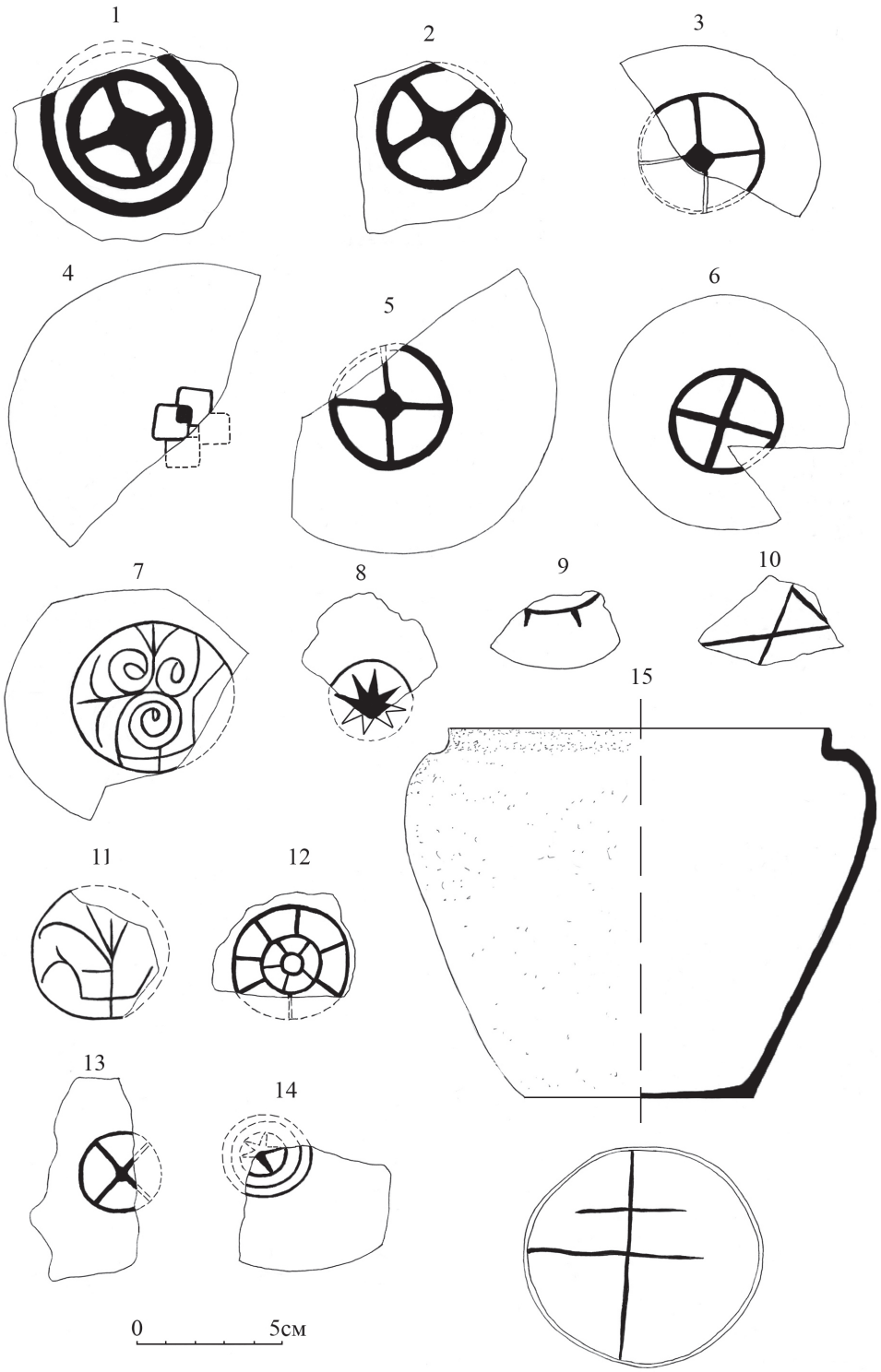


Рис. 2. Клейма гончарных сосудов из раскопов 2010-2011гг. в г.Суздале (ул.Слободская, 47-49). *7–10, 11, 14* – XII–XIII вв.; *1–3, 12, 13, 15* – XIV–XV вв.; *4–6* – XV–XVII вв.

диаметр устья 13 см, донце неровное, диаметром 75 мм с клеймом. Тесто с примесью песка, стенки шероховатые, обжиг неполный трехслойный, венчик относится к типу 5 (по Ковалю), датируется второй половиной XIV–XV вв. (Коваль, 2009. С. 144). Клеймо на донце представляет собой изображение шестиконечного креста (рис. 2, *15*). К этому же комплексу относится еще четыре клейма: колесо со спицами, представляющие собой оттиски разных матриц, один оттиск, диаметром 45 см, ширина рельефных полос 4 мм, второй оттиск, диаметром 4 мм, ширина рельефных полос 2-3 мм, третий оттиск, диаметром 3 см. (рис. 2, *2,3,13*). Все три донца изготовлены на подсыпке из песка и поэтому рельеф неглубокий и не очень четкий. Четвертое клеймо представляет собой двойное колесо со спицами (тип 2.3 по Кадиевой) (рис. 2, *12*). В Суздале найдено уже 3 таких клейма, в Ростове 2 клейма в слоях XIII – начала XIV в. Такие клейма бытовали в центре Северо-Восточной Руси со второй половины XII – до начала XIV в. (Кадиева, 2007. С. 177). Из культурного слоя происходит клеймо – двойное колесо с четырьмя спицами (рис. 2, *1*). Донце выполнено на подсыпке из дресвы, рельефные полосы широкие до 5 мм, рельеф четкий, диаметр 6 см. Данный тип клейм доживает в Суздале до XV–XVI вв., что доказывает находка двух аналогичных клейм на донцах чернолощеных сосудов. Клейма, диаметром 4 см – колесо с четырьмя спицами, являются оттисками двух разных матриц (рис. 2, *5, 6*). Чернолощеная керамика появляется в Москве в Зарядье во второй половине XV века. Она найдена в слоях XV–XVII веков во Владимире, Суздале, Ярославле, Рязани, Смоленске, Новгороде (Розенфельдт, 1968. С. 28). Можно констатировать, что в Суздале традиция клеймения посуды доживает до XVII века и распространяется и на чернолощеную посуду.

При исследовании хозяйственного подполья наземной жилой постройки XV– начала XVI в. (по находкам проволочных монет) был найден фрагмент донца с клеймом, которое можно интерпретировать как четыре соприкасающиеся четырехугольника (рис. 2, *4*). Е.К. Кадиева отмечает, что подобные гончарные клейма в центральных районах Северо-Восточной Руси встречаются в небольшом количестве и датируются XII–XIII вв. (Кадиева, 2007. С. 182). В Дмитрове такие знаки появляются в послемонгольское время, а наибольшее распространение получают в XV–XVI вв. и существуют вплоть до XIX в. (Панченко, 2007. С. 202–203). В Великом Новгороде клейма в виде четырехугольников, в целом, немногочисленны и встречаются на протяжении X–XIV вв. (Хижняков, 2007. С. 157). Стоит еще упомянуть о фрагменте оттиска, который тоже можно отнести к гончарным клеймам, но из-за фрагментарности фрагмент не поддается интерпретации.

В результате проведенного исследования следует отметить наибольшее многообразие видов клейм в том числе и геральдических для XII–XIV вв. В последующее время общее количество видов клейм значительно сокращается. Среди клейм XV–XVI вв. доминирует изображение четырехлучевых «колес». Клеймение гончарной посуды в Суздале доживает до XVII века и используется на чернолощеной посуде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балюнов И.В. Тобольские гончарные клейма XVII в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. №2(13).

Кадиева Е.К. Геральдические клейма на круговой посуде центра Ростово-Суздальской земли: морфология и хронология // КСИА. Вып. 221. 2007.

Кадиева Е.К. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып.3. М.: ИА РАН, 2007. С. 145–172.

Коваль В.Ю. Хронологическая стратиграфия памятника методами археологической керамологии (на примере Мякинино-1) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 5. М.: ИА РАН, 2009. С. 137–142.

Князева Н.А. Гончарные клейма средневекового Владимира (из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника) // Археология Владимиро-Суздальской Земли: Материалы научного семинара. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2007. С. 122–128.

Кобозева Е.В. Тверские гончарные клейма из раскопок 2007-2011 годов на Затьмацком и Загородском посадах // Археология Подмосковья:

Материалы научного семинара. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2014. С. 370–393.

Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVII вв. М.: САИ. Вып. Е 1–39.

Федорина А.Н. Керамические комплексы средневековых селищ Вишенки-3 и Кистыш-3: сравнительная характеристика // Археология Владимиро-Суздальской Земли: Материалы научного семинара. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2007. С. 27–33.

Хижняков О.И. Гончарные клейма из раскопок селищ Мякинино-1 и Мякинино-2 // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 5. М.: ИА РАН, 2009. С. 142–153.

Энгаватова А.В., Коваль В.Ю. Мякининский комплекс памятников археологии // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2007. С. 58–71.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ IX–XI ВВ. И XII-XIII ВВ. В ПОВЕТЛУЖЬЕ

© 2014 г. Т.Б.Никитина

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории им. В.М.Васильева при Правительстве Республики Марий Эл, Йошкар-Ола (tshikaeva@yandex.ru)

***Ключевые слова**:* марийская культура, средневековье, хронология, этнокультурная идентификация, погребальный обряд, материальная культура.

Резюме. В статье дана предварительная публикация материалов Выжумского могильника из раскопок 2013 г. Выжумский могильник является единственным памятником переходного периода (XI–XII вв.) в разработанной хронологической схеме развития марийской культуры и позволяет проследить преемственность между двумя этапами культуры.

Поветлужье является территорией активно освоенной человеком с эпохи камня до средневековья. Средневековые памятники представлены в основном могильниками и немногочисленными разрозненными городищами. Селищ, к сожалению, не обнаружено, вероятно, по той причине, что территория сильно залесена.

Средневековые материалы обобщены Г.А. Архиповым и сгруппированы в два хронологических периода: IX–XI вв. и XII–XIII вв., каждому из которых посвящено отдельное монографическое исследование (Архипов, 1973. 1986). Впоследствии автор данной статьи присоединилась к выделенным этапам, но при этом отметила, что граница между этими периодами не столь категорична и отдельные погребения имеют признаки, характерные для обоих этапов (Никитина, 2002. С. 199–205). К сожалению, они представлены единичными экземплярами, поэтому не позволяют составить объективное представление о переходном периоде.

Погребальные памятники каждого этапа имеют выразительный погребальный обряд и многочисленный инвентарь, имеющие своеобразный облик. Эти различия настолько очевидны, что возникает вопрос о правомерности тезиса о преемственности могильников двух выделенных хронологических периодов.

Летом 2013 года в рамках программы «Культурное наследие РМЭ» начаты раскопки нового памятника, Выжумского могильника, который входит в Выжумский археологический комплекс и располагается неподалеку от Выжумского III могильника на соседней

дюне. Памятник разрушается «черными копателями». В 2013 году вскрыта площадь 136 кв.м., на которой изучено 16 комплексов: 10 погребений и 6 жертвенных комплексов в межмогильном пространстве.

Способ захоронения ингумация, погребенные ориентированы головой на С, СВ и СЗ: головой на СВ лежали погребенные в западной части дюны, на СЗ – в восточной части. Могильные ямы простой конструкции без подбоев и заплечиков. Погребенные уложены на древесную подстилку (?), имели покрытие из бересты или луба. Железные котлы располагались в ногах (пп. 6, 8, 9, 10), рядом в землю был воткнут топор. Бронзовые котлы также находились в ногах (пп. 2, 5, 7), были обернуты в бересту и выстланы берестой изнутри. Оба слоя бересты были скреплены нитками через отверстия в стенках котла. Внутри котлов находились деревянные чаши, в одном случае кости животного. Скопления вещей обнаружены в ногах (пп. 4, 5, 9), у локтя справа (п. 5), слева от костяка (п. 8), в изголовье (п. 6) и состояли из орудий труда, указывающих на занятия населения, или из амулетов-оберегов. В качестве оберегов использовались крестопрорезные бубенчики, бронзовая антропоморфная фигурка, изображения змеек, свернутых в спираль из железной пластины или проволоки цветного металла и т.д. Значительный интерес представляют жертвенные комплексы в межмогильном пространстве. Определенной системы в расположении их относительно погребений не фиксируется. Жертвенные комплексы представляют собой небольшую ямку круглой или овальной формы диаметром до 50 см. Глубина разнообразна: от нескольких сантиметров до 30 см, конструкция проста: отвесные стенки и котловидное, почти ровное, дно; вещи завернуты в ткань и войлок. По составу инвентаря различаются: а) комплексы из украшений, б) орудия труда и украшения (рис. 1), в) элементы поясного набора.

Инвентарь представлен украшениями и фрагментами одежды, бытовыми предметами и орудиями труда, а также оружием. В пяти комплексах (пп. 2,6,9, жк 3,4) обнаружены цепочки из проволочных звеньев, которые являлись частью головного убора. Отдельные из них имели дополнительные подвески, полностью повторяя женский головной убор из марийских могильников IX–XI вв. В 2-х могилах (пп. 6, 9) сохранились фрагменты накосников в виде костяных орнаментированных пронизок. В одном погребении обнаружены браслетообразные височные кольца с заходящими концами, в мужских захоронениях более популярны калачевидные серьги/кольца. Почти в каждом погребении обнаружены гривны, которые подразделяются на железные (пп. 2, 4, 10), витую с завязанными концами (п. 5), из круглого дрота (пп. 7, 8), крученую глазовского типа (п. 9). К украшениям рук относятся перстень завязанный (п. 6) и щитковый замкнутый (жк 4) и браслеты: широкие овальноконечные (п. 2, жк 2), звериноголовые (п. 6, жк 3, 4, пластинчатые (пп. 2, 8, 9, жк 1), плетеные с завязанными концами (жк 3, 4), из ромбического дрота (жк 3). Разнообразны подвески: треугольные, украшенные зернью (п. 2), из спаянных пирамидок (п. 9, жк 3), из проволоки, свернутой в спираль (пп. 5, 8), круглые подвески в составе ожерелья или поясного украшения (пп. 2, 6, 8, жк 2, 3). Поясные украшения представлены пряжками и подвесками. В 2-х комплексах сохранился наборный пояс.

Ягодовидные бусы желтого и зеленого цветов, треугольные бусы характерны для XI – начала XII в. (Фехнер, 1959. Прилож V. С. 170; Валиулина 2000. С. 59, 2005. С. 57–58; Захаров, Кузина, 2008. С. 197; Макаров, 1997. С. 121, 125–128). Дате конец XI – рубеж XI-XII в. соответствуют находки грушевидных крестопрорезных бубенчиков треугольных каплевидных подвесок, завязанных браслетов и т.д. В изученных погребениях еще нет вещей, которые однозначно датируются не ранее XII в.: рубчатых перстней и пластинчатых зооморфных подвесок. Таким образом, обнаруженные погребения относятся к концу XI вв., в крайнем случае, к рубежу XI–XII вв., т.е. памятник в хронологической позиции является переходным в разработанной схеме датировки марийских древностей эпохи средневековья.

Сохранение специфических культурных традиций, характерных для марийских могильников IX–XI вв., проявляется в погребальном обряде и инвентаре: жертвенные комплексы в межмогильном пространстве, на-

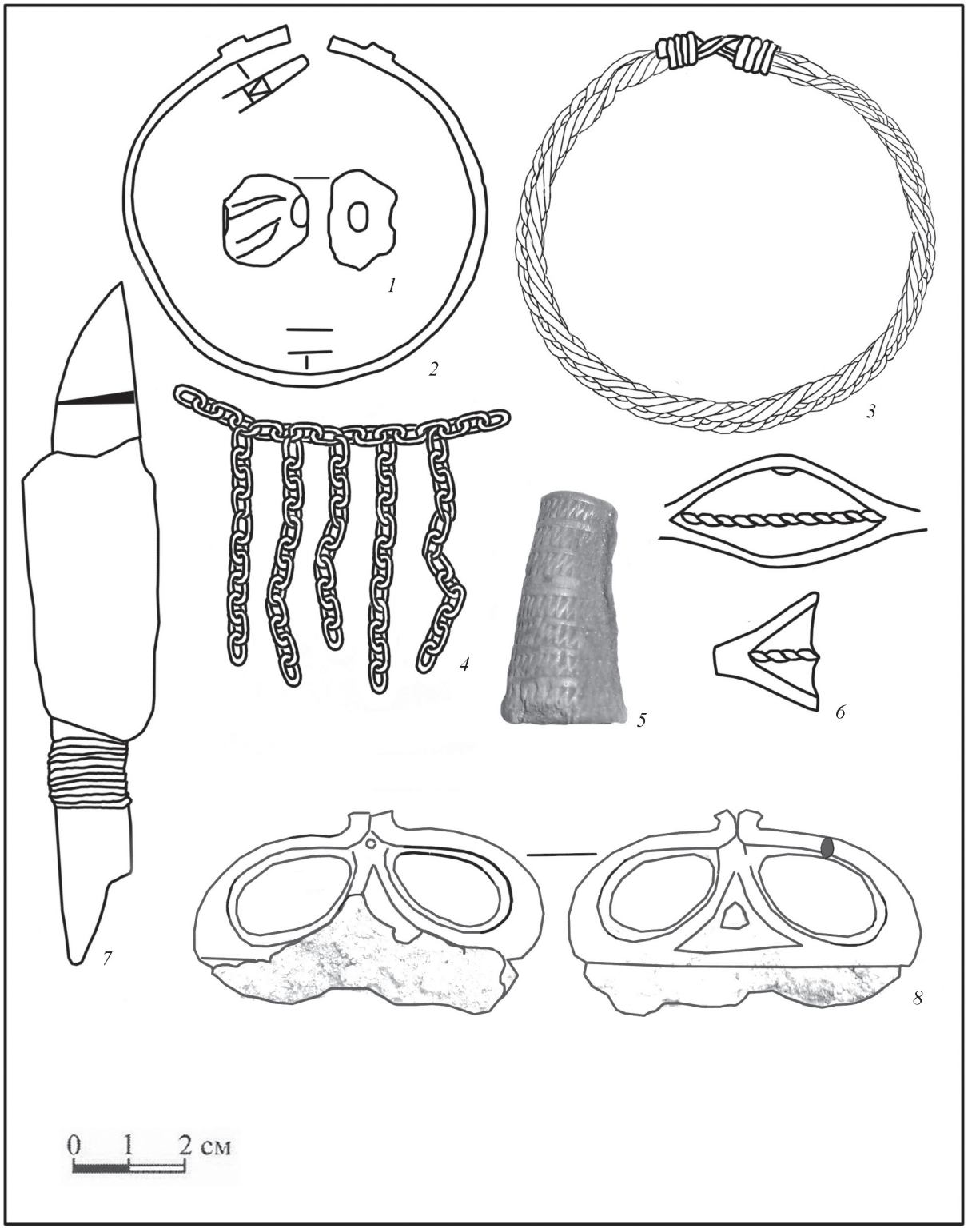


Рис. 1. Выжумский могильник, жертвенный комплекс 4. *1* – стекло; *2, 4, 6* – цветной металл; *5* – кость; *6, 7* – железо, цветной металл.

личие дополнительных даров в погребениях, большое количество железных котлов в ногах погребенных, бронзовые цепочки в составе головного убора, накосники, традиция ношения парных нагрудных украшений, наборные пояса (Никитина, 2012). Архаичные для этого периода признаки в основном встречаются в погребениях женщин-литейщиц, которые являются хранителями этнической традиции, или в жертвенных комплексах, как маркерах марийской культуры эпохи средневековья. Но, в культуре населения оставившего этот могильник уже присутствуют элементы, характерные для XII–XIII вв. Исчезли захоронения с трупосожжением, ингумация стала единственным способом погребения. Не обнаружено крупных шумящих украшений, изготовленных в наборной технике; преобладающими становятся литые украшения, в декоре которых широко используется техника зерни. Среди инвентаря обнаружено большое количество изделий, характерных для славянизированных финнов и древнерусского населения. Изделия южного импорта практически не встречаются.

По вещевому комплексу и особенностям обряда изучаемый памятник близок ранней части Выжумского III могильника, расположенного на соседней дюне. Памятник предварительно Г.А. Архиповым датирован XII–XIII вв. Автор данного сообщения уже высказывала предположение о возможной более ранней дате отдельных погребений на этом памятнике. В свете вновь обнаруженных находок были пересмотрены материалы Выжумского III могильника и выявлено, что восточная часть памятника имела более ранний облик, конец XI – рубеж XI–XII вв. Именно на этой территории расположены погребения и жертвенные комплексы, имеющие черты общие с культурой предшествующего периода.

Таким образом, по предварительным данным Выжумский могильник является памятником переходного периода (XI–XII вв.) в сложившейся хронологической схеме развития марийской культуры и позволяет проследить преемственность между двумя этапами культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1973. 197 с.

Архипов Г.А. Марийцы XII–XIII вв. (к этнокультурной истории Поветлужья). Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1986. 115 с. (60 илл.).

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 430 с.

Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII в. Тр.ГИМ. Вып. 33. М.: Советская Россия, 1959. С. 144–224.

Валиулина С.И. Стеклянные бусы как источник по международным связям Волжских Булгар в VIII–XIII в // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские бугары: Докл. Междунар. Науч. Симпозиума по вопросам археологии и истории 11-14 мая 1999. Пушкинские горы. СПб: Наука, 2000. С. 51–64.

Валиулина С.И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань: Издательский центр Казанского университета. 279 с.

Захаров С.Д. Кузина И.Н. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология северно-русской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. М.: Наука, 2008. С. 142–214.

Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: По материалам археологических памятников на волоках Безозерья и Поонежья. М.: Науч.-изд. центр «Скрипторий». 368 с. (ил., карты).

Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья //Археология Евразийских степей. Вып. 14. Казань: Институт истории АН РТ, 2012. 408 с.

РЮРИКОВО ГОРОДИЩЕ – НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ[1]

© 2014 г. Е.Н. Носов, Н.В. Хвощинская

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(nosov.evg@gmail.com, kottimoshka85@mail.ru)

Ключевые слова: Рюриково городище, IX–X вв., резиденция новгородских князей, международные торговые пути.

Резюме. Одним из важнейших факторов, сыгравшим определяющую роль в истории лесной зоны Восточной Европы явилось прохождение здесь крупнейших торгово-военных магистралей средневековья. Во второй половине VIII в. начал функционировать балтийско-волжский путь, соединивший территории Балтийского региона через Хазарию со странами арабского Востока, а в IX в. сложилась еще одна водная магистраль между севером и югом – «путь из варяг в греки». В северной свой части – от Балтики до озера Ильмень – маршруты обоих путей совпадали.

Ключевым местом на географической карте Восточной Европы, где разветвлялись две важнейшие водные дороги, являлся исток Волхова. Сюда сходилась вся обширная водная сеть рек лесной зоны, по которым открывались выходы на юго-восток – на Волгу, на юг – к Западной Двине и Днепру и на запад – по Шелони. Не случайно именно здесь, в районе, плотно заселенном ильменской группой славян, в IX–X вв. возник военно-административный и торгово-ремесленный центр Приильменья, так называемое «Городище» – древнейший Новгород русских летописей. За ним в историко-краеведческой литературе закрепилось с XVIII в. название «Рюриково городище». На укрепленном поселении, хорошо известным по средневековым письменным источникам, как резиденция новгородских князей, сосредоточился значительный воинский контингент, включавший немало варягов, задачей которого являлось не только обеспечение безопасности торгового пути, но административный контроль обширных территорий. Здесь жили первые русские князья и их ближайшее окружение, отсюда началось объединение северных и южных восточнославянских племен в единое государство.

Обитатели Городища активно участвовали в дальней торговле. Представленная на поселении материальная культура второй половины IX – X вв. достаточно элитарна и в ней присутствуют вещи широкого географического диапазона. Одним из магистральных направлений торгово-экономических связей Центрального Приильменья было юго-восточное. прежде всего, со странами арабского Востока. На Городище найдено более 200 целых и фрагментированных дирхемов и три клада восточных серебряных монет, два из которых могут быть датированы серединой и концом 860-х годов IX в. Большинство отдельных монет относится к первой волне широкого поступления арабского серебра на Русь, которое началось в 70 – 80-ые гг. VIII в. Наряду с дирхемами найдена редкая монета из Хорезма, отчеканенная при хорезмшахе Азкацваре, правившем в последней четверти VIII в., также большой фрагмент серебряной древнеиранской драхмы Хосрова I (571-579 гг.). Через Волжскую Булгарию из Средней Азии на Русь поступали дорогие сердоликовые и хрустальные бусы. По количеству найденных в центральной части Городища каменных бус, оно в значительной степени превосходит многие поселения Восточной Европы.

Вероятно, что через посредничество волжско-булгарских купцов на Городище попали салтовские перстни, плеть восточного типа,

1 Работа выполнена при финансовой поддержке ОИФН РАН.

а также накладка с изображением крылатого зверя.

Интенсивные связи населения Поволховья прослеживаются с Византией по Балтийско-Днепровскому пути. Об этом свидетельствует находка византийской печати доместика Льва (сер. IX в.) и пяти византийских монет. Одна серебряная монета относилась ко времени императора Василия I Македонянина (867-896 гг.) и использовалась в качестве подвески, а четыре другие монеты медные (фоллисы), были отчеканены в период правления императора Феофила (829-842 гг.).

К редким изделиям византийских мастеров X – начала XI в. относится золотая эмалевая пластинка с изображением Георгия Победоносца, выполненная в технике перегородчатой эмали. Пластинка была найдена у берега Сиверсова канала при случайных обстоятельствах в 1933 г. Кроме того, среди подъемного материала 2001 г. встречен фрагмент ажурной трапециевидной византийской пряжки с геометрическим орнаментом.

В число византийского импорта можно включить фрагменты золотой проволоки и тонких проволочных нитей, обнаруженных при исследовании углубленных в материк сооружений в центральной части памятника. Это было сырье, поставлявшееся для местных ювелиров. Некоторые тонкие проволочки были свиты в спираль. Подобные находки редчайший случай на поселениях лесной зоны Восточной Европы. Потребность в ювелирных изделиях из драгоценных металлов и наличие в X в. на Городище соответствующих мастеров свидетельствует о высоком социальном статусе заказчиков, проживающих на поселении.

Уникальная находка византийского круга древностей была найдена в заполнении древнего рва в слое X в. Это сердоликовая вставка (инталия) на поверхности которой в схематичной форме буквально несколькими штрихами была выгравирована птица, в клюве которой как можно предполагать по четырем горизонтальным линиям, обозначена ветка или виноградная гроздь. Это одна из наиболее ранних инталий с христианской символикой на территории Восточной Европы.

Южные связи прослеживаются по привозимым в уже в X в. различным экзотическим продукты, таким как грецкие орехи, миндаль и даже персики. Откуда непосредственно поступали эти южные лакомствам сказать трудно. А вот самшит поступал с черноморского побережья Кавказа. Такой гребень был найден на Городище в слое X в.

Рюриково городище одно из редких поселений лесной зоны, где столь ярко представлен комплекс скандинавской культуры. По числу находок североевропейского круга древностей оно отчасти сопоставимо только с Гнездовом на Днепре. Это два единственных восточноевропейских археологических памятника, которые могут сравниваться в некоторых аспектах с Биркой и Хедебю. Судя по выразительной дружинной культуре, в состав которой входили престижные вещи скандинавского облика, в настоящее время ни у кого не вызывает сомнения, что значительную часть княжеской дружины составляли варяг. Присутствие элементов женского скандинавского убора позволяет делать вывод, о том, что скандинавские воины жили на Городище семьями. Поклоняясь своим языческим богам они носили специфические типы амулетов и подвесок, в быту использовали вещи в производстве, которых прослеживаются североевропейские технологические традиции (инкрустация бронзой или латунью, кубические перемычки на стержнях ключей, ножниц, булавок и пр.). Жители Городища носили кожаную обувь североевропейского образца и т.д. Многие украшения и предметы в скандинавском стиле делались непосредственно на поселении. Об этом свидетельствуют находки бракованных отливок украшений и сами литейные формочки. При такой ситуации порой чрезвычайно сложно отделить собственно призвозные «из за моря» вещи от аналогичных предметов местного производства.

Безусловно, особо искусно сделанные украшения – отдельные овальные и круглые женские фибулы или фибулы типа Вальста, роскошные кольцевидные булавки и массивные подковообразные фибулы для скалывания мужских плащей, некоторые предметы вооружения, доспехов и конского снаряжения, украшенные редкими образцами бронзовой гарнитуры с позолотой, а также бронзовые модели украшений для воспроизводства скандинавских изделий местными ремеслен-

никами, скорее всего, ропали на Иллмен непосредственно из Скандинавии.

В то время, как массовый материал указывает на тесные связи со Средней Швецией, прежде всего, с районом оз. Меларен, то отдельные находки, из культурного слоя Городища позволяют выявить контакты и с еще более дальними северо-западными народами. Прежде всего, в коллекции имеется группа находок, которые можно связывать с территорией Норвегии. В их число входят три литейные формочки из жировика (мыльного камня) – две для отливки слитков цветного металла и одна – для изготовления мелких украшений. Самой яркой находкой является моржовый клык из слоя первой половины X в. Это наиболее ранняя находка на территории Руси «рыбьего зуба». На клыке процарапаны знаки, имеющие сакральный смысл «трискелион» и «валькнут».

Скорее всего, через шведских викингов на Городище попала еще одна уникальная находка – англо-саксонский наконечник ремня, поскольку англо-саксонский мир был зоной влияния датчан и норвежцев.

По средневековым письменным источникам нам хорошо известен морской путь с территории Руси через Финский залив в Балтийское море и Швецию. В частности, он проходил вдоль южного берега Финского залива. Удобной для остановки судов была ревельская бухта, там, где в древности находилось городище Иру, откуда часть судов, пересекая залив в его наиболее узкой части, подходила к берегам Финляндии. Именно поэтому не вызывает удивления, что на Городище найдены вещи, связанные с западными финнами и эстами. К группе этих находок относится кресало с бронзовой рукоятью с изображением коней и всадников, роговые гребни «рыугского типа» с резными спинками, лощенные округлодонные эстонские миски. Из Прибалтики на территорию Руси поступал янтарь.

Каждый новый полевой сезон продолжающихся раскопок на Рюриковом городище добавляет новые многочисленные факты о широких международных контактах обитателей поселения. Это еще раз подтверждает мысль о решающей роли дальних торговых путей в становлении ряда важнейших торгово-ремесленных центров Древней Руси и роль именно внешней торговли в формировании первых городских структур на Руси. Долгие годы этот аспект недооценивался в советской историографии, в угоду выпячивания значения в этом процессе, прежде всего, развития сельскохозяйственного производства и местного ремесла.

ЛАПЧАТЫЕ ПОДВЕСКИ ИЗ ЗАХОРОНЕНИЙ ПАЛЕОСЕЛЬКУПОВ НАРЫМСКОГО ПРИОБЬЯ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

© 2014 г. Ю.И. Ожередов

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск (nohoister@gmail.com)

Ключевые слова: Нарымское Приобье, палеоселькупы, лапчатые подвески, ныряющая птица, мироздание, апотропей.

Резюме. Исследование направлено на изучение символической функции меднолитых украшений именуемых «лапчатые подвески» в обрядовой практике обских народов. Эзотерическое осмысление подвесок базируется на группе древнейших коннотаций образа мирового дерева с женщиной, брачующейся парой, птицей у начала мироздания, апотропеизмом данного образа, сакральной безопасностью социума и его представителей.

Одним из источников изучения мировоззрения приобских самодийцев палеоселькупов локально-диалектной группы «шиешгула» является меднолитая пластика, в том числе, подвески имитирующие лапы водоплавающих птиц именуемые «лапчатые подвески».

Первая находка таких подвесок в закрытом комплексе «шиешгула» случилась в 1938 г. на Кустовском могильнике, где была найдена сумка с двумя парами подвесок на лицевой стороне (Кутафьев, 1938. С.23. Фото 3.). В 1990 г. в двух других захоронениях автором обнаружена еще пара подвесок, а в 1987 г. аналогичная пара выявлена в могильнике Барклай. Две другие пары в 1980-гг. найдены А.И. Бобровой в Тискинском могильнике (Боброва, 2012. С. 120. Рис. 2). Небольшое число находок, очевидно, обусловлено малочисленностью всех категорий бронзового импорта. В тоже время, наличие имеющихся образцов, вероятно, обязано брачным связям с соседними хантами. В Кустовском и Тискинском могильниках подвески принадлежали умершим подросткового возраста, однако, учитывая начало брачных отношений женщин западносибирской тайги с 12-13 лет (Алквист, 1999. С. 156) данное предположение может быть вполне оправданным. В могильнике Барклай подвески находились в могиле ребенка 6-8 лет, но они украшали косы, что вновь выводит на феминный «след».

В ближайшем этнокультурном окружении традиция использования импортных лапчатых подвесок ярко проявилась у хантов Сургутского Приобья, где они бытуют с XIII–XIV вв. (Федорова, Зыков и др., 1991. Рис. 3, *А-13*; Перевалова, Карачаров, 2006. С. 78) вплоть до XVII в. (Семенова, 2008. С. 153–154). А у хантов р. Демьянки такие украшения зафиксированы даже в могилах XVIII–XIX вв. (Адамов, 1995. С. 78).

Предваряя семантическое исследование, отметим, что генезис лапчатых подвесок уходит в далекое прошлое, а их изучение имеет собственную историю. Начало ей было положено в 1959 г. у ключа Гремячего близ Красноярска, где была найдена серия неолитических костяных подвесок лапчатой формы с одиночными и парными барельефами водоплавающих птиц: утки, гагары, гуси (Глусская, 1963. С. 40, 43, 48. Табл. 5, 6, 7, 9). Следующий этап бытования лапчатых подвесок отмечен в карасукской культуре (Липский, 1963. С. 69, 76, 88. Табл. 7, *3*; Новгородова, 1989. С. 120), где их генезис выведен из андроновских пластинчатых украшений (Комарова, 1975. С. 92. Рис. 2, *22*). С этим была отслеже-

на почти непрерывная цепь традиции длиною в два тысячелетия. Затухание ее приходится на скифо-сарматский период, когда орнитоморфная тема в изобразительном искусстве реализуется в объемных формах, сохраняя идею парных птиц и парциальных символов в форме голов (Степная полоса…1992. Табл. 5–14; 29–48, 49; 32–15). Возврат к лапчатым подвескам происходит на территории расселения раннесредневековых финских, финно-угорских и западных балтских племен, а также степных этносов тесно с ними соседствовавших (Финно-угры…1987. Табл.X, XX, XXII, XXVI и др.; Степи…1981. Рис. 13, 52–82). Наибольшее распространение в сибирской тайге лапчатые подвески получают во II тыс. у обских угров.

Особенности формы и группировки подвесок в пары позволяют выйти за рамки сравнительной систематики и воспользоваться методом семантического анализа. В соответствие с принципами традиционного мировосприятия часть уподобляется целому, поэтому изображение лапы ассоциируется с целой птицей, а видовое ее определение обусловлено территориальной спецификой космогонического мифа о ныряющей птице.

Привлекает внимание тот факт, что практически во всех случаях залегания in situ лапчатые подвески составляют пары из разнотипных образцов. Различия варьируются по форме и декору. Данное правило одинаково применялось на женской и детской одежде и предметах из захоронений сургутских хантов (Семенова, 2008. С. 153, 154) и нарымских палеоселькупов: на сумке из Кустовского могильника четыре подвески двух типов сгруппированы в две разнотипные пары, в каждой из которых по одной старой деградированной износом и по одной новой поделке (Кутафьев, 1938. Фото 3). Ритуальную функцию «асимметричных» подвесок В.И. Семенова объясняет необходимостью символического «маркирования продольной оси» тела умершего, осмысляемого в качестве образца «космического человека» (Семенова, 2008. С. 157), чаще женского пола.

В культурологическом аспекте ипостась женского космогонического «образца» напрямую соотносится с аллоформой в виде мирового дерева, некоего axis mundi умершего. Представление о дереве в женском облике передает, например, ведийский текст, повествующий о девушке и дереве с брачующейся парой на вершине. Здесь метафорически описываются две птицы на кроне – «одна из них ест сладкие плоды, другая – смотрит, не прикасаясь к плодам». (Иванов, 1989. С.48). Древнейшей сибирской иллюстрацией к данной мифологеме, вероятно, стали упомянутые неолитические подвески с изображениями парных водоплавающих. Вполне очевиден изначальный изоморфизм ведийского сюжета и вероятное развитие событий в сторону иерогамии с участием разнополых партнеров. В нигерийском сказании аналогичную мизансцену дополняет змей (Иванов, 1989. С. 48*)*, недвусмысленно намекающий на историю Адама и Евы.

Таким образом, метафизические образы парных птиц определенно символизируют брачную пару и манифестируют идею преумножения. А перемещение контекста сцены с образа птиц на образ людей однозначно демонстрирует имплицитный, но вполне внятный перенос смысла о производстве потомства на общество людей.

Ритуализация данной идеи воплотилась на нескольких семантически обусловленных процессуальных уровнях, метафизическое обслуживание которых было вверено знакам мужчины и женщины в образе птицы и символам в виде лапчатых подвесок. При этом типологическая «асимметрия» подвесок выступила регулятором полового различия. Сейчас трудно судить наверняка о половой принадлежности каждой из подвесок, но возможность такого разделения при новом подходе к анализу материала вполне реальна. Пока же можно констатировать, что пары лапчатых подвесок символизировали мужское и женское начало и брачные отношения.

Образ водоплавающих птиц в мифологии сибирских этносов доминировал, вероятно, основываясь на главенстве в исходном мифе о начале мироздания. Однако вне зависимости от вида птицы ее яйцо стало символом рождения, а сама она отождествлялась с хранителем детских душ и поставщиком их в тела новорожденных. Образ включает целый комплекс представлений, связанных не только с перерождением, но и с экзорцизмом, подготовив-

шим основание для трактовки лапчатых подвесок в качестве женских и детских оберегов (Семенова, 2008. С. 153). Нет сомнений, что, несмотря на многие другие привлекательные, но забытые качества, именно эта функция обеспечила лапчатым подвескам долголетнее бытование в культурах народов обской тайги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адамов А.А. Южнохантыйский могильник из бассейна реки Демьянки // Интеграция археологических и этнографических исследований: Материалы III всероссийского научного семинара, посвященного 110-летию со дня рождения С.И. Руденко. Ч. 1. / Отв. ред. В.И. Соболев, Н.А. Томилов, С.Н. Корусенко. Омск: 1995. С. 77–80.

Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 179 с.

Боброва А.И. Головные уборы и украшения кос средневекового населения Нарымского Приобья // Игорь Геннадиевич Глушков: сборник научных статей. Ч. 3 / Ред. колл. В.И. Молодин, Н.В. Коноплина, Т.Н. Глушкова. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2012. С. 118–122.

Глусская З.К. Новое искусство на Енисее // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края / Отв. ред. А.Н. Липский. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1963. С. 39–48.

Комарова М.Н. Карасукские могильники близ улуса Орак // Первобытная археология Сибири / Отв. ред. А.М. Мандельштам. Л.: Наука, 1975. С. 85–94.

Кутафьев П.И. Отчет об археологических исследованиях по Нарымскому округу за 1938 год // Архив МАЭС ТГУ. 1938. № 116–1.

Липский А.Н. Афанасьевское в карасукской эпохе и карасукское у хакасов // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края / Отв. ред. А.Н. Липский. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1963. С. 57–89.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 383 с.

Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск. УрО РАН: Студия «ГРАФО», 2006. 352 с.

Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. 303 с.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука. 1992. 494 с.

Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В. М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Вып. 20. / Отв. ред. В.А. Борзунов. Екатеринбург, 1991. УрГУ. С. 126–145.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. 510 с.

ПРИМЕНЕНИЕ КОЭФФИЦИЕНТА СХОДСТВА ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА СРЕДНЕВЕКОВЫХ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛА С СРЕДНЕВЕКОВОГО СЕЛИЩА ПЕРЕВИЦКИЙ ТОРЖОК-3

© 2014 г. К.И. Панченко

Институт археологии РАН, Москва
(pakoi@mail.ru)

Ключевые слова: коэффициент сходства, сравнительный анализ, керамические комплексы, средневековые селища.

Резюме. Статистическая обработка массового керамического материала достаточно давно применяется в археологии, но до сих пор остаётся немало проблем связанных с интерпретацией полученных данных. Это связано, с одной стороны, с тем, что анализируемые керамические комплексы даже условно закрытые (УЗК) в силу различных причин часто содержат какую-то долю примеси материала попавшего в заполнение случайно и не связанного с основным заполнением комплекса. С другой стороны, немаловажными фактором является то, что приходится считать не целые сосуды, а их фрагменты, т.е. в силу объективных причин работать с несколько искажённой информацией. В результате по окончании статистической обработки получаются очень разнообразные процентные показатели каждого типа керамики из комплексов, которые иногда проблематично ранжировать по времени особенно, если сопутствующий керамике материал имеет также широкие датировки или отсутствует совсем.

Одним из методов дополнительной корректировки и проверки статистических данных является проведение сравнительного анализа путем вычисления коэффициента сходства (КС) между объектами. Для сравнения выбирают какой-либо признак или группу родственных признаков, которые можно объединить в одну категорию. Для керамики обычно выделяют три основных группы признаков технологические, морфологические и орнаментальные. На основании последних и сравнительного анализа с применением КС Цетлиным Ю.Б. была построена хронологическая шкала для неолитической керамики центра Русской равнины (Цетлин, 2008. С. 15–28). Это свидетельствует о вполне успешном применении такого метода. Однако неолитическая керамика имеет более широкие датировки в отличие от средневековой, а проверить полученные результаты анализа для керамики ранних эпох часто не получается из-за отсутствия надёжно датированного материала.

Изучение возможностей данной методики при работе со средневековой керамикой было проверено на материале с селища XII–XVI вв. Перевицкий Торжок-3, расположенного в Луховицком районе Московской области на реке Оке. Этот памятник имеет сложную структуру застройки с очень большим количеством ям, на некоторых участках прорезающих одна другую.

Для сравнительного анализа с селища Перевицкий Торжок-3 было отобрано 15 условно закрытых комплексов (УЗК), которые содержали статистически достаточное количество обломков керамики и датирующие артефакты. Таким образом, была возможность удостовериться в правильности полученных результатов. Статистический учет проводился по методике Коваля детально разработанной для этого региона (Коваль, 2000. С. 73–82; 2004. С. 58–63). Для сравнения керамических комплексов между собой был выбран коэффициент абсолютного сходства (КАС) (Генинг, 1973. С. 132). Вычисления степени сходства между объектами проводилось у двух категорий: морфологические типы венчиков горшков и типы орнаментации сосудов. Соответственно сумма КАС у абсолютно схожих объектов в идеале должна соответствовать 200%.

Результаты полученных данных приведены в таблице 1, по ним хорошо видна разница в максимальных показателях КС у венчиков и орнамента. Здесь наблюдалась прямая зависимость, чем меньше разнообразие типов в категории, тем выше будут показатели КС. Отсюда правомерно возникает вопрос, что может быть точкой отсчёта, выше или ниже которой данные КС будут свидетельствовать о наличии или отсутствии близости между УЗК. В результате за отправную точку был принят среднеарифметический показатель, рассчитанный для каждой выбранной категории. Таким образом, у венчиков такой показатель составил 34%, у орнамента 50%. После этого отрезок от среднеарифметического показателя до максимального значения КАС УЗК можно разбить на условные группы: одновременные, наиболее близкие и близкие по времени.

Следующим вопросом был, достаточно ли одной категории (группы, признака и т. п.) при вычислении степени сходства керамических комплексов между собой. Как видно из таблицы 1 не всегда у двух сравниваемых УЗК высокая степень близости в морфологической группе типов венчиков соответствует такой же высокой степени в орнаментальной группе (см. например УЗК №108, №75). Сопутствующие артефакты из них подтвердили, что данные керамические комплексы нельзя считать одновременными. В тоже время низкие показатели КАС только для одной категории, но обязательно выше среднеарифметического, не могут достоверно свидетельствовать об отсутствии более высоких степеней близости сравниваемых комплексов. Таким образом, увеличение количества категорий при сравнении объектов позволяет уменьшить погрешность при вычислении КС.

Последним оставался вопрос: насколько точно можно распределить УЗК на хронологической шкале основываясь только на данных КАС. С одной стороны, одновременные или наоборот наиболее удаленные по времени комплексы благодаря сравнительному анализу выделяются очень хорошо, с другой стороны, есть ряд объективных затруднений. Во первых, построение относительной хронологии работает, только если за отправную точку брать либо самый ранний, либо самый поздний УЗК. Во вторых, чем дальше по времени друг от друга сравниваемые комплексы, тем сложнее их располагать на временной шкале. Фактически все УЗК, имеющие КАС ниже среднеарифметического показателя, трудно систематизировать, если делать построение только от одного реперного комплекса, поэтому необходимо опять выбирать самый поздний (ранний) УЗК, в уже рассмотренной группе, и от него проводить дальнейшее построение. В третьих, часто трудно хронологизировать комплексы по показателям КАС, если присутствует примесь раннего материала (см. например УЗК №16, №263). В то же время сравнение данных нескольких категорий КАС может косвенно указать на присутствие ранних артефактов.

Полученные результаты показали, что применение КС для сравнительного анализа средневековых керамических комплексов является важным дополнительным инструментом проверки и корректировки полученных статистических данных. Выбор только одной категории (орнамент, тип венчика, тип теста и т.п.), для вычисления степени близости керамических УЗК не даёт достаточно достоверных результатов. Соответственно увеличение количества сравниваемых категорий будет уменьшать погрешность полученных данных, но, конечно, не сведёт её полностью к нулю. В случае применения КС возможно создание относительной хронологической шкалы, которая может служить базовым ориентиром, только если есть возможность выделить либо самые ранние, либо самые поздние УЗК, как реперные точки, от которых в дальнейшем можно вести отсчёт. В целом применение КС прекрасно дополняет, но не заменяет полностью другие методы датирования объектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 114–136.

Коваль В.Ю. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики // Археологические памятники Москвы и Подмосковья: Материалы научно-практического семинара. Вып. 10. М.: МИГМ, 2000. С. 73–83.

Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2011. С. 58–88.

Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур Тула: ИА РАН, 2008. 352 с.

Таблица 1 Таблица сравнения керамических комплексов по коэффициенту абсолютного сходства.

	XII в.		1 пол. XIII в.			2 пол. XIII в.		1 пол. XIV в.		2 пол. XIV-нач. XV вв.			XV в.	XVI в.	
№ УЗК	212	282	81	174	107	108	123	263	75	115	19	219	16	175	173
212	212	*36*	40	*36*	*22*	*35*	*36*	*23*	*23*	*24*	10	*32*	21	28	*10*
282	63	282	50	*32*	*34*	*31*	*39*	*38*	21	*30*	22	*17*	*18*	*18*	*6*
81	59	50	81	45	40	40	50	40	32	*32*	*36*	*39*	*33*	*36*	*13*
174	40	67	45	174	58	45	*33*	29	*17*	23	20	35	*11*	24	*2*
107	56	51	83	48	107	48	40	25	*11*	*19*	*16*	*15*	*12*	*12*	*3*
108	30	29	61	40	68	108	43	39	29	34	*29*	*29*	*26*	*25*	*8*
123	28	23	50	35	59	70	123	55	46	43	44	40	*34*	42	*26*
263	22	16	54	27	47	57	47	263	60	46	42	*38*	*37*	44	*27*
75	34	35	66	43	68	76	61	55	75	49	51	52	52	49	*26*
115	40	36	72	45	75	75	63	59	82	115	63	51	*39*	44	*23*
19	45	31	71	39	69	69	57	62	76	79	19	58	48	52	*29*
219	37	25	68	36	64	67	54	65	70	77	83	219	54	59	*33*
16	21	20	56	32	51	58	43	83	64	65	64	67	16	61	54
175	23	19	43	31	43	45	48	37	43	44	44	44	*37*	175	53
173	18	14	39	28	40	41	45	37	41	43	43	43	*40*	68	173

ОРНАМЕНТ

СРЕДНИЙ АРИФМЕТИЧЕСКИЙ ПОКАЗАТЕЛЬ 50

ВЕНЧИКИ

СРЕДНИЙ АРИФМЕТИЧЕСКИЙ ПОКАЗАТЕЛЬ 34

ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ГОРОДИЩ-СВЯТИЛИЩ НА ТЕРРИТОРИИ СМОЛЕНЩИНЫ

© 2014 г. Р.Б. Платоновский

Центр по охране и использованию памятников истории и культуры, Смоленск
(*culzop@rambler.ru*)

Ключевые слова: днепро-двинская культура, тушемлинская культура, кривичи, язычество, городища-святилища.

Резюме. В статье рассмотрены вопросы классификации городища-святилища в ближайших предместьях города Смоленска. Городища-святилища второго типа отнесены к тушемлинской культуре. В Смоленской области еще остается большое количество не достаточно изученных памятников подобного типа.

В 20-х годах XX века изучением археологических памятников Смоленщины занимался А.Н. Лявданский. Он впервые классифицировал городища на 4 группы. Параметрами для классификации стали: место расположения, размер площадки, характер укреплений, структура культурного слоя и артефакты (Лявданский, 1926. С. 180–195).

Лявданским А.Н. замечено было, что среди исследованных городищ есть объекты не больших размеров, которые не могли быть местом постоянного жительства, и не могли быть укрепленными пунктами, где можно было бы укрыться на случай защиты от нападения. В связи с чем, он предположил, что подобные городища служили для обрядовых целей (Лявданский, 1924. С. 49–52). Из 38 описанных городищ 13 имели признаки святилищ. Анализируя культурные слои и фрагменты керамики, обнаруженные при раскопках, А.Н. Лявданский определял культурную принадлежность городищ, периодом дославянской культуры VI–VIII веков н.э., население которой он называл – литовцами. Слой второго типа отождествлял с периодом славянской культуры IX–XIII веков н.э. На некоторых городищах выявлено было наличие двух слоев выше указанных типов. (Лявданский, 1926. С. 244–250).

В 50-70-х гг. XX века, изучение древних смоленских городищ осуществлялось верхнеднепровской археологической экспедицией Института археологии Академии наук СССР при участии Смоленского краеведческого научно-исследовательского института. Этот период связан с деятельностью П.Н. Третьякова. Важнейшей вехой в истории археологических исследований на Смоленщине стало открытие в 1954 году тушемлинской культуры, которая сохранила следы обрядовых традиций местного населения IV–VII веков н.э.

В результате многолетних исследований, Е.А. Шмидт обращаясь к освещению темы языческой эпохи на территории Смоленщины, отмечал, что городища-святилища появились в раннем железном веке (I в. до н.э. – III в. н.э.), в период проживания днепродвинских племен. Обнаруженные на жилых городищах, амулеты из клыков и когтей животных, а на святилищах обожженные камни и фрагменты лепной посуды, говорят о существовании у днепродвинцев звериного фетишизма и культа почитания огня (Шмидт, 1992. С. 113–116). Пришедшие на земли днепродвинцев, тушемлинские племена принесли собой традицию столбовых идолов, которых устанавливали на жилых городищах и на отдельных святилищах, использовавшихся когда-то днепродвинцами. На территории Смоленщины обнаружено только три святилища с подобной столбовой конструкцией и относятся они к тушемлинской культуре IV–VII веков н.э., это городище Вошкино, горо-

дище Тушемля и городище у деревни Городок (Третьяков, Шмидт, 1963. С. 93–107).

Ибн-Фадлан в 921-922 гг., описывал святилище Руссов как высокий деревянный столб с человеческим лицом, вокруг которого стояли столбы меньших размеров, столбы выполняли функцию идолов. Этим столбам Русы приносили продукты питания, поклонялись и просили помощи (Третьяков, 1958. С. 186). К концу первого тысячелетия вместе с социальной ассимиляцией происходит сближение духовной культуры балтских и славянских племен, но вопрос о том, как именно происходил процесс слияния культур остается открытым. Вероятно, у смоленских кривичей существовали святилища, подобные описанию Ибн-Фадлана, но с принятием христианства, на рубеже X–XI веков, они были уничтожены.

Последними вехами в истории изучения городищ-святилищ на Смоленщине, стали исследования Модестова Ф.Э. В 1991 году и в 1996 году он выявил 2 новых городища-святилища Колодня-3 и у деревни Митино. Новые данные, полученные при проведении археологических разведок и раскопок на территории Смоленского района, позволили сформулировать конкретную типологию святилищ. К городищам первого типа относятся «болотные», это городища у деревень Ермаки, Булохи и Петрово, для них характерно расположение в низкой пойме рек, упрощенная конструкция валов, отсутствие культурного слоя.

Святилища, расположенные на возвышенных мысах у речных долин, имеющие мощную кольцевую систему валов, в которых, при раскопках прослеживаются следы столбовой ограды и вымостки булыжником внутренней части валов, являются городищами второго типа, это Колодня-3, Слобода-Глушица, Городок и Вошкино.

К третьему типу относятся памятники подобные святилищу у деревни Митино, которое имеет черты характерные как для святилищ первого типа (местоположение, конструкция валов), так и для святилищ второго типа (Модестов, 2002. С. 6–7). В настоящее время идентифицировать принадлежность святилища к какой-либо культуре сложно.

Таким образом, в ближайших предместьях города Смоленска городища-святилища получили классификацию. Городища-святилища второго типа отнесены были к тушемлинской культуре. Определить культурную принадлежность городищ первого и третьего типов пока не возможно. В Смоленской области еще остается большое количество не достаточно изученных памятников подобного типа.

Дальнейшие исследования святилищ на территории Смоленщины и анализ материалов изучения подобных городищ в соседних областях, позволят конкретизировать культурную принадлежность памятников, уточнить хронологию их использования, проследить динамику расселения племен, этнокультурные процессы, особенности обрядовых традиций на территории региона с эпохи раннего железного века до начала XI века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лявданский А.Н. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Издательство Смоленских государственных музеев и Губоно, 1924. С. 49–52.

Лявданский А.Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского государственного университета, Т. III. Вып. 3. Смоленск, 1926, С. 180–274.

Модестов Ф.Э. Смоленские древности. Городища Смоленской земли. Выпуск 2. Смоленск, 2002. С. 6–7; 20–26.

Третьяков П.Н. Городища-святилища левобережной Смоленщины // Советская археология. АН СССР. 1958. №4. С. 170–186.

Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М-Л., 1963, с. 6.

Шмидт Е.А. Племена верховьев Днепра до образования древнерусского государства. Днепродвинские племена (VIII в. до н.э. – III в. н.э.). М.: Прометей, 1992, С. 113–116.

Шмидт Е.А. Древние языческие святилища на Смоленской земле // Край Смоленский, 1993. №9–10, С. 91–96.

К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ X–XIII ВВ. СРЕДИ МАТЕРИАЛОВ ИЗ РАСКОПОК БЕЛГОРОД-ДНЕСТРОВСКОЙ КРЕПОСТИ

© *2014 г.* **С.С. Рябцева[1], О.К. Савельев[2]**

[1]Институт культурного наследия АН Молдовы, Кишинев
(sveta_earing@mail.ru)
[2]Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья Института археологии НАН Украины, Одесса
(sav_reun@ukr.net)

Ключевые слова: Белгород, домонгольский период, энколпионы, литейная форма, Древняя Русь, Византия.

Резюме. Одной из наиболее сложных проблем изучения Белгородской крепости является вопрос о характере поселения домонгольского времени. Непотревоженные слои и строительные остатки этого периода до сих пор не найдены. Судя по имеющемуся керамическому материалу и индивидуальным находкам X–XIII вв., для этого памятника были характерны черты синкретизма восточнославянской и болгарской культур при ощутимом влиянии Византии.

История изучения Белгородской крепости насчитывает уже более столетия (Самойлова, 2002. С. 17–22; Богуславский, 2013. С. 757). Однако многие вопросы остаются не решенными. До сих пор на повестке дня стоит проблема поисков Белгорода, предшествовавшего золотоордынскому поселению конца XIII – семидесятых годов XIV в. (Кравченко, 1986. С. 13; Самойлова, 2008. С. 170; Богуславский, 2002. С. 23).

Письменные источники указывают на наличие средневекового поселения или крепости. Константин Багрянородный в середине X в. упоминает Аспрон – «пустую крепость», находящуюся на территории, подконтрольной печенегам (Константин Багрянородный, 1989. С. 72–74). Сообщения древнерусских летописей о том, что «уличи и тиверьцы седяху по Бугу, по Днестру, и до Дуная бе множество их до моря ест(ь) град ихъ н(ы)не спы» (ПСРЛ 41, 1995. С. 5) заставляет исследователей предполагать наличие славянского поселения в Белгороде (Мезенцева, 1986. С. 513–518). Значительное влияние в данном регионе оказывало Первое Болгарское царство (материалы балкано-дунайской культуры представлены и в Белгороде) (Богуславский, 2002. С. 163).

До середины XI в. значительная часть Прут-Днестровских земель находилась под властью Руси. Начавшееся ослабление позиций Древнерусского государства в этом регионе сопровождалось деструктивной ролью кочевников, продвигавшихся к Дунаю. Земли Прут-Днестровского региона частично вошли в зону, подконтрольную номадам. Вопрос о степени влияния здесь в XII–XIII вв. киевских и галицких князей до сих пор остается дискуссионным (Рабинович, 2000. С. 374–376; Войтович, 2011. С. 5–26). В XII веке арабскому автору ал-Идриси известен в низовьях Дуная Аклиба – торговое поселение на пути в русские земли (Рыбаков, 1952. С. 15–16; Полевой, 1979. С. 67). Б.А. Рыбаков отождествил этот пункт с Белгородом, но И.Г. Коновалова выдвинула аргументы в пользу соотнесения сообщения ал-Идриси об Аклибе с крепостью Ликостомо (возведенной византийцами в IX в.), расположенной в 25 км ниже Килии по течению Дуная. Белгород исследовательница отождествляет с безымянной стоянкой, упомянутой Идриси (Коновалова, 1999. С. 157).

Скудость письменных известий о домонгольском Белгороде не на много дополняют данные археологии. Ряд исследователей выделяет на памятнике славянские слои,

фиксирует остатки поселения, могильника (Дмитров, 1949. С. 39–52; 1952. С. 59–64; Рабинович, 1968. С. 102–107; Мезенцева 1981. С. 283–284; 1986. С. 513–518). В публикациях встречаются упоминания о находках славянской керамики (в том числе и лепной, датируемой VIII–IX вв.), многочисленных предметов вооружения, ювелирных украшений, предметов личного христианского благочестия, к сожалению, зачастую, не подкрепленные изображениями и типологическим анализом. Ряд индивидуальных находок, характеризуемых как домонгольские, на поверку оказываются более поздними.

Так XII веком было датировано трехбусинное кольцо, найденное при раскопках экспедиции под руководством Г.Б. Федорова (Рабинович, 1968. С. 105) (рис. 1, *7*). Однако подобные украшения с разновеликими по размеру бусинами не характерны для древнерусской традиции, как правило, они относятся к работам мастеров Карпато-Балканской школы и датируются XIII–XIV вв. (Рябцева, 2005. С. 220). Золотое «височное кольцо» с тремя подвесками на колечках, декорированных жемчужинами, аналогичное, по мнению Г.Г. Мезенцевой, великоморавским украшениям (Мезенцева, 1986. С. 517. Рис. 124), является серьгой и принадлежит к кругу укрупненных дериватов серег «в виде знака вопроса» (рис. 1*, 9*). Подобные украшения характерны для средневекового ювелирного убора населения Молдавского княжества и найдены при раскопках Старого Орхея (Республика Молдова) и Сучавы (Румыния), где они датируются XV–XVI вв. (Бырня, Рябой, 1989. С. 97–103; Batariuc, 1993. P. 229–249). Представляется, назрела необходимость пересмотра имеющихся коллекций из раскопок середины XX в. Подобная работа уже проведена для части коллекций из раскопок Л.Д. Дмитрова киевской исследовательницей И. В. Карашевич (Карашевич, 2010. С. 129–135).

Другое направление в историографии, которое можно условно назвать «скептическим», фиксирует отсутствие строительных остатков в период после окончания функционирования Тиры и до основания золотоордынского поселения (Клейман, 1979. С. 68–69; Кравченко, 1986. С. 13). Однако и эти исследователи не отрицают возможности обнаружения славянского Белгорода, более того, выделяют этот вопрос в качестве одной из приоритетных задач исследования памятника.

По мнению Т.Л. Самойловой, до сих пор не найденное основное доордынское поселение могло располагаться не над остатками античной Тиры, а быть смещено к западу – на незастроенной территории, не подвергавшейся до сих пор планомерным исследованиям (Самойлова, 2008. С. 170). Постепенно круг находок, заполняющих «лакуну между Тирой и Ордой», расширяется. К подобным вещам, укладывающимся в промежуток VI–XII вв. и имеющих аналогии, как в Крыму, так и в Подунавье, относятся: фрагменты амфор, лепная, а также красноглиняная и сероглиняная гончарная керамика (в том числе, близкая к византийским, салтово-маяцким и балкано-дунайским образцам), мраморные архитектурные детали, византийские монеты (Самойлова, Кожокару, Богуславский, 2002. С. 164, 165).

К X–XIII вв. относятся энколпионы, происходящие из Белгорода (известно уже 7 экземпляров). Два реликвария принадлежат к византийско-дунайским типам (рис. 1, *1, 3*). Один крест с прямыми, немного расширенными ветвями и врезным изображением святого в позе оранта, датируется X–XII вв. На боковых концах створки, возможно, переданы литургические предметы (кадило или лампада и ложечка для причастия). Над головой святого надпись НОАННС (Куницкий, 1985. С. 124. Рис. 1; Куницкий, 1990. С. 109. Рис. 1, *3*; Корзухина, Пескова, 2003. С. 53). Второй энколпион также с прямыми ветвями относится к XI–XIII вв. На него нанесены рельефные изображения Богоматери Оранты в рост и 4 евангелистов погрудно в медальонах (Куницкий, 1985. С. 125. Рис. 3; Куницкий, 1990. С. 111. Рис. 6, *6*; Корзухина, Пескова, 2003. С. 45). Древнерусские энколпионы из Белгорода (Куницкий, 1985. С. 124; Корзухина, Пескова, 2003. С. 61, 161, 212, 213. Таб. 96, *1*; Біляєва, 2012. С. 527. Рис. 37) принадлежат к типам, хорошо извест-

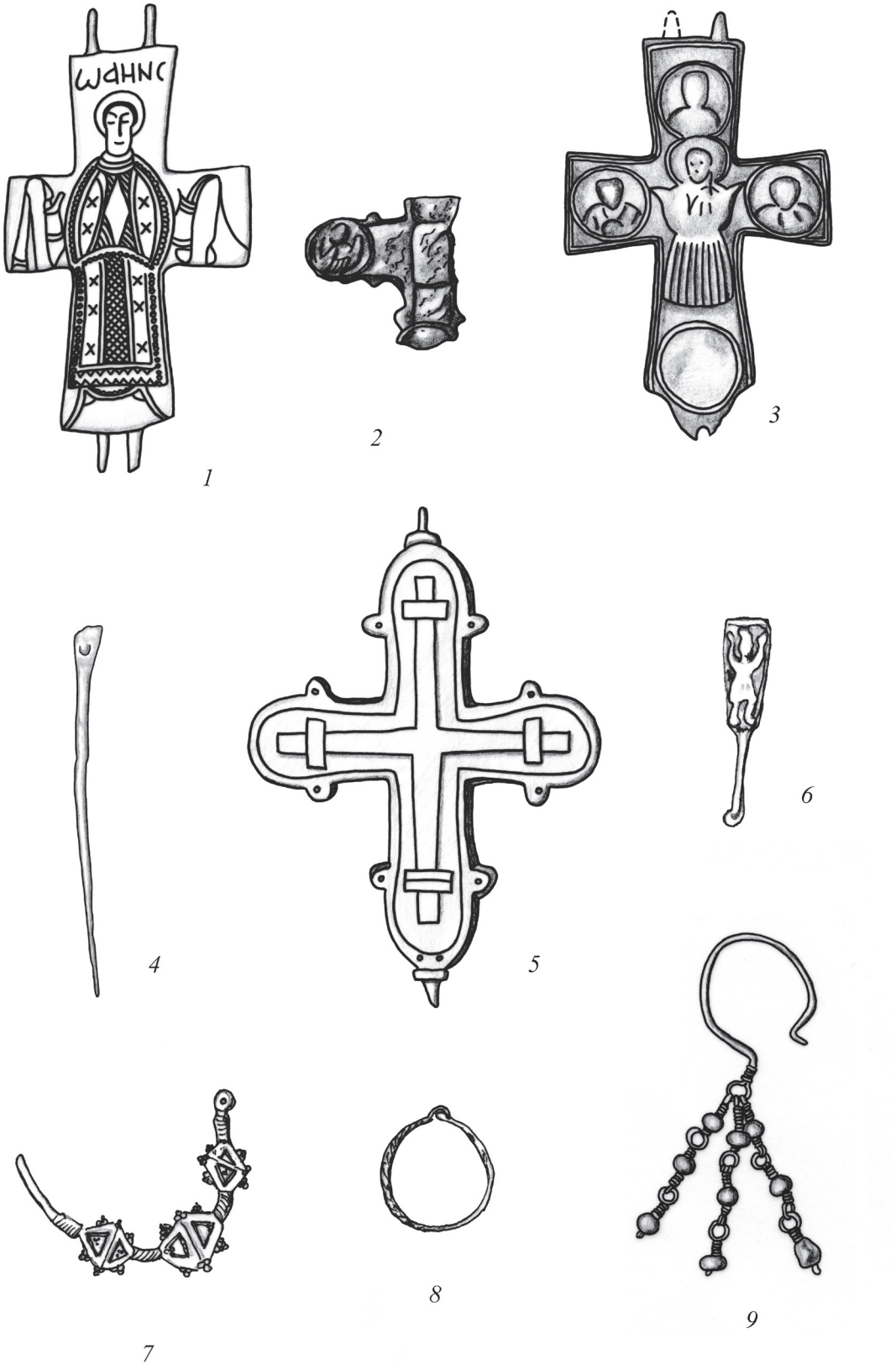


Рис. 1. Предметы из цветных металлов из раскопок Белгород-Днестровской крепости. Масштабы разные. *1–3, 5* – кресты-энколпионы – по: Куницкий, 1985 ; *4* – стило; *6* – копоушка – по: Мезенцева, 1981; *7* – височное кольцо – по: Рабинович, 1968; *8, 9* – по: Мезенцева, 1986.

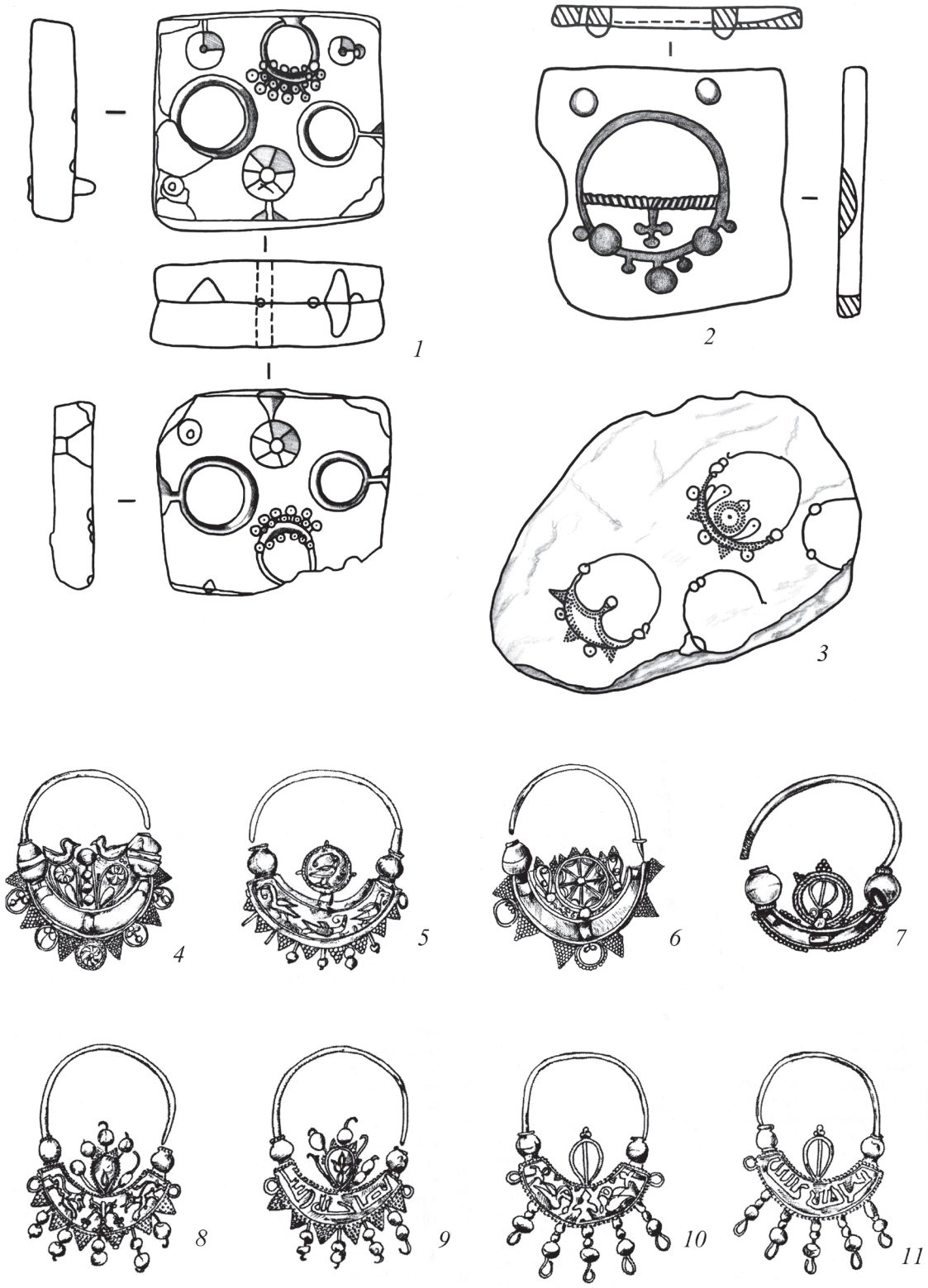


Рис. 2. Литейные формочки и серьги. Масштабы разные. *1* – Белгород – по: Смольянинова, 2010; *2* – Пэкуюл луй Соаре – по: Dumitriu, 2001; *3* – Руво ди Пулья – по: Longó, 2010; *4–6* – Мюнхен; *7* – Чернигов; *8–11* – Крит – по: Рябцева, 2011; *4–6* – место хранения, остальные – места находки.

ным на Руси в XII–XIII вв. (рис. 1, *2, 5*). К этому же времени и аналогичному кругу древностей могут быть отнесены копоушка с фигуркой Оранта на ручке из раскопок Г.Г. Мезенцевой (рис. 1, *6*), а также стило, найденное экспедицией Т.Л. Самойловой (рис. 1, *4*). Сходное стило было найдено в Херсонесе при раскопках К.К. Косцюшко-Валюжинича и датируется X–XIII вв. (Наследие византийского Херсона, 2011. С. 454, кат. 58). Золотая перстневидная серьга с перевитым с одной стороны кольцом, найденная Г.Г. Мезенцевой при исследованиях в Белгороде (рис. 1,*8*) также имеет аналогии среди херсонесских древностей (Наследие византийского Херсона, 2011. С. 554, кат. 260).

Уникальной находкой является двусторонняя каменная формочка, происходящая из раскопок 1946 г. (Дмитров, 1949. С. 48). Формочка предназначена для отливки нескольких предметов, наиболее интересна среди них серьга или височное кольцо, декорированное имитацией драгоценных камней или жемчужин на тоненьких штырях (рис. 2, *1*). По мнению С.П. Смольяниновой, в формочке отливалось украшение, близкое к древнерусским лучевым кольцам (Смольянинова, 2010. С. 116, 117. Рис. 9). Мы хотим предложить иную интерпретацию. Рассматриваемое украшение принадлежит к кругу византийских по происхождению изделий X–XI вв., в системе декора которых присутствовали перегородчатые эмали, треугольники зерни, проволочные колечки, драгоценные камни и жемчуг, нанизанные на штыри (Schulze-Dörrlamm, 1991. P. 21, abb. 3; Longó, 2010. P. 369–409; Рябцева, 2011. С. 166) (рис. 2, *4–11*). К настоящему времени известно несколько формочек, предназначенных для изготовления литых подражаний таким серьгам (рис. 2, *2, 3*). Наиболее близка к белгородской формочка, происходящая из византийской крепости на Дунае – Пэкуюл луй Соаре (Dumitriu, 2001. Taf. 80, 20).

Украшения этого круга демонстрируют тяготение к средиземноморскому региону[1] (их находят в Турции, Греции, Италии, на Сицилии), встречаются они в южной и восточной части Балкан, в Крыму и Карпатском регионе (Schulze-Dörrlamm, 1991. P. 21, abb. 3; Longó, 2010. P. 369–409). Знакомство населения Древней Руси с подобными изделиями документировано находкой золотого кольца в Чернигове при раскопках жилища X в. (Казаков, Черненко, 2007. С. 119-125, рис. 1, *7*) (рис. 2, *5*).

Таким образом, к настоящему времени известен целый ряд находок предметов домонгольского времени из раскопок Белгорода. Возможно, со временем удастся обнаружить не потревоженные слои поселения. Судя по имеющемуся керамическому материалу и индивидуальным находкам, для этого памятника, скорее всего, характерны черты синкретизма восточнославянской и болгарской культур при ощутимом влиянии Византии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Біляєва С. Слов'янські та тюркські світи в Україні. К.: Університет «Україна», 2012. 524 с.

Богуславський Г.С. Проблема існування міста (Білгород на Дністрі IX– XIII ст.) // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження / Від. ред. О.В. Сминтина, О.А. Пригарін. Одеса: Друк, 2002. С. 163–164.

Богуславский Г.С. Белгород – Акжа Кермен – Аспрокастро (очерк истории и археологии средневекового города) // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной академии наук Украины) / Отв. ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова. Одесса: СМИЛ, 2013. С. 757–791.

Бырня П.П., Рябой Т.Ф. О некоторых ювелирных изделиях из Старого Орхея // Памятники древнейшего искусства на территории Молдавии / Отв. ред. И.А. Борзияк. Кишинев: Штиинца, 1989. С. 97–103.

1 С древностями этого же региона соотнесена исследователями и золотая серьга с перевитой дужкой из Херсонеса (Наследие византийского Херсона, 2011. С. 554, кат. 260), аналогичная найденной в Белгороде (рис. 1,8).

Войтович Л.В. Границы Галицко-Волынского государства // Русин. Международный исторический журнал. 2011. № 3 (25). С. 5–26.

Дмитров Л.Д. Білгород-Дністровська археологічна експедиція // АП УРСР, 1949. Т.2. С. 39–52.

Дмитров Л.Д. Розкопки в м. Білгород-Дністровскому в 1947 р. // АП УРСР, 1952. Т.4. С. 59–64.

Казаков А., Черненко Е. Черниговский детинец IX–XIII вв. в свете новых археологических материалов // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи: Збірник наукових праць, присвячених 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів / Від. ред. О.Б. Коваленко. Чернігів: Деснянська правда, 2007. С. 119–125.

Карашевич І.В. Средньовічні матеріали із розкопок Білгород-Дністровської експедиції 1946-1947, 1949-1950 рр. // Археологія і давня історія України. Вип. 3. Колекції наукових фондів Інституту археології НАН України. Матеріали та дослідження. / Гол. ред. П.П. Толочко. К.: Інститут археології НАН України, 2010. С. 129–135.

Клейман И.Б. Стратиграфия культурного слоя городища Тиры-Белгорода // Античная Тира и средневековый Белгород / Отв. ред. П.П. Карышковский. Киев: Наукова думка, 1979. С. 54–75.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении аль-Идриси. М.: Восточная литература РАН, 1999. 254 с.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарии. М.: Наука, 1989. 496 с.

Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 432 с.

Кравченко А.А. Средневековый город Белгород на Днестре (конец XIII – XIV в.). Киев: Наукова думка, 1986. 128 с.

Куницкий В.А. Предметы художественной пластики из Белгорода Днестровского // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1985. С. 124–126.

Куницький В.А. Близькосхідні енколпіони на території Південної Русі // Археологія. 1990. №1. С. 106–116.

Мезенцева Г.Г. Раскопки в Белгород-Днестровской крепости // АО за 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 283–284.

Мезенцева Г.Г. Средневековый Белгород // Археология УССР. Т. 3 / Глав. ред. И.И. Артеменко. Киев: Наукова думка, 1986. С. 513–518.

Наследие византийского Херсона. Севастополь: Телескоп; Остин: ИКА Техас. Ун-та, 2011. 708 с.

Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. Кишинев: Штиинца, 1979. 200 с.

ПСРЛ. Т. 41. «Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей)». М.: Археографический центр, 1995. 184 с.

Рабинович М.Г. Исследование средневековых слоев Белгорода-Днестровского в 1954 и 1958 гг. // КСИА. 1968. Вып. 113. С. 102–107.

Рабинович Р.А. Искушение «волошским орехом», или балканские волохи и русские волхвы // Stratum plus, 2000. №5. С. 262–390.

Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 года // КСИИМК, 1952. Вып. XLIII. С. 3–44.

Рябцева С.С. Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. СПб.: Нестор-История, 2005. 383 с.

Рябцева С.С. Лучевые кольца и византийская традиция // Stratum plus, 2011. №5. С. 165–172.

Самойлова Т.Л. История изучения античной Тиры и средневекового Белгорода // Tyras – Cetatea Albă / Belhorod-Dnistrovs'kyi. Vol. I. Săpăturile 1996-1999 / Ed. P. Roman, S. Kryzickij. Bucureşti: Redacţia publicaţilor pentru străinătate, 2002. P. 13–24.

Самойлова Т.Л. Исследования последних лет античной Тиры и проблемы ее изучения // Pontika, 2006. Najnowsze badania greckich kolonii północnych wybrzeży Morza Czarnego / Red. E. Papuci-Władyka. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2008. S. 161–175.

Самойлова Т.Л., Кожокару В., Богуславский Г.С. Античная Тира – средневековый Белгород (отчет о раскопках за 1996-1999 гг.) // Tyras – Cetatea Alba – Belhorod-Dnistrovs'kyi. Vol. I. Săpăturile 1996-1999 / P. Roman, S. Kryzickij. Bucureşti: Redacţia publicaţilor pentru străinătate, 2002. P. 159–189.

Смольянинова С.П. Литейные формочки из Тиры-Белгорода // Тира-Белгород-Аккерман. / Отв. ред. Д.С. Крыжицкий. Одесса: Печатный дом, 2010. С. 100–120.

Batariuc P-V. Necropola medievală de la Suceava – Câmpul şanţulor // Arheologia Moldovei. 1993. XVI. P. 229–249.

Dumitriu L. Der mittelalterliche Schmuck des Unteren Donaugebietes im 11-15. Jahrhundert. Bucureşti: Muzeul Naţional de Istorie a României, 2001. 185 P.

Longó P. Crescent – shaped earrings with lower ornamental band // Byzanz – Das Römerreich im Mittelalter. Tel 3. Peripherie und Nachbarschaft / Hrsg. F. Daim und J. Drauschke. Mainz: RGZM, 2010. P. 369–409.

Schulze-Dörrlamm M. Der Mainzer Schatz der Kaiserin Agnes aus dem Mittleren 11 Jahrhundert. Neue Untersuchungen zum Sogenannten «Gisela Schmuck». Monographien RGZM Bd. 24. Sigmaringen: Thorbecke, 1991. 134 S.

ОСОБЕННОСТИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ВАРИАНТА РОДАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ[1]

© 2014 г. А.Н. Сарапулов

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь (ans05@mail.ru)

Ключевые слова: родановская культура, юго-восточный вариант, земледелие, ральники, жернова, яма-кладовка.

Резюме. Статья посвящена анализу земледельческого инвентаря на территории юго-восточного варианта родановской культуры, выделению особенностей в земледелии и постановке проблемы обособления этой группы памятников как отдельной этнокультурной зоны.

Еще в середине XX в. В.А. Оборин выделил на территории родановской культуры (в его понимании IX–XV вв.) два варианта – южный и северный, отличие которых заключается в природных условиях, в уровне развития хозяйства и направлениях торгово-экономических (этнокультурных) связей (Сарапулов, 2014. С. 75–80). К северному варианту принадлежат археологические объекты в бассейнах р. Вишеры, Косы, Колвы, в верховьях р. Камы; к южному варианту – памятники в бассейнах р. Обвы, Иньвы, Яйвы, Косьвы и среднего течения р. Чусовой.

А.М. Белавин справедливо выделяет еще и юго-восточный вариант, отделяя его от южного, относя к нему памятники среднего течения р. Чусовой и ее притоков (Белавин, Крыласова, 2002. С. 136), материальная культура которых имеет ярко выраженную специфику. С.Л. Островский среди археологических объектов юго-восточного варианта выделил несколько микрорайонов: Усьвенский, Вереинский, Усть-Чусовской, Шушпанский, Бовинский, Чусовские городки, Саранский, Шалашнинский, Калинский. По его мнению, в период с VII по XIV вв. Чусовская племенная группа представляла собой предгосударственное формирование, близкое обско-угорским «княжествам» сер. II тыс. н.э. (Островский, 2003. С. 119).

Самым изученным из перечисленных микрорайонов является Усьвенский, включающий Лисьенорское городище, Телячий Брод селище, городище и могильник, Сломатовское I и II городища, Антыбарский могильник. Эти объекты в 1980-2000 гг. изучались сотрудниками КАЭЭ ПГГПУ А.М. Белавиным, Н.Б. Крыласовой, Г.Т. Ленц, С.И. Абдуловой; они не только самые изученные в юго-восточном варианте, но и, по-видимому, являлись самыми крупными и центральными на данной территории.

Среди разных категорий артефактов в культурном слое этих памятников представ-

1 Материал подготовлен в рамках проекта № 29а-Ф Программы стратегического развития ПГГПУ.

лены земледельческие орудия, свидетельствующие о том, что с начала XII в. здесь, как и на территории всей родановской культуры, распространилось пашенное земледелие. На памятниках юго-восточного варианта родановской культуры найдено 7 целых наконечников и 1 фрагмент (рис. 1); 5 из них происходят из погребений Антыбарского, 1 – из могильника Телячий Брод, 1 – с селища Телячий Брод и обломок – из культурного слоя Саломатовского I городища. Все они относятся к отделу втульчатых (с трубицей), группе I – ральники, т.е. являются наконечниками деревянных рал, подгруппе 2 – ральники с выраженными «плечиками», с овальной в сечении втулкой (трубицей), с округлым или чуть заостренным рабочим концом и наличием наварки на лопасти. Количественные и качественные характеристики наконечников свидетельствуют о том, что они принадлежали к однорукояточному прямогрядильному ралу с горизонтальным положением полоза. У представленных здесь наконечников есть особенность, визуально отличающая их от всего массива наконечников подгруппы 2 (94 экз.), найденных на территории Пермского Предуралья, – у этих ральников ярко выраженные «плечики» и треугольная (или подтреугольная) форма лопасти. Эта особенность не влияет на конструктивные особенности самого деревянного пахотного орудия, а может быть объяснена приемами индивидуальной работы мастеров. Технология изготовления ральников не предполагала знания сложных технических приемов, а соответствовала возможностям обычных деревенских кузнецов. Можно предположить, что эти наконечники изготавливались непосредственно на территории проживания Чусовской племенной группы (юго-восточного варианта), где присутствовал особый местный стиль.

Широколопастные наконечники были распространены в Пермском Предуралье в XII–XV вв., что подтверждается и их находками на территории юго-восточного варианта. Пять из них входили в комплексы инвентаря погребений Антыбарского могильника, отнесенных на основании корреляции вещевого инвентаря к XII–XIII вв. Один ральник обнаружен в погребении № 43 могильника Телячий Брод. Из датирующих вещей в последнем был найден треугольный срезень с упором, подобные были распространены в IX–XIV вв. В целом же погребение принадлежит к поздней части могильника XII–XIV вв. Ральник и его обломок с селища Телячий Брод и Саломатовского I городища найдены в слоях, датирующихся XII–XIII вв.

Помимо ральников на рассматриваемой территории найдены обломки жерновов (Саломатовское I городище), распространившихся с XI в. в связи повышением уровня урожайности. Орудий для сбора урожая не встречено, что еще раз подтверждает выдвигаемую гипотезу о том, что широкое распространение серпов и кос-горбуш происходит с проникновением в Предуралье русского населения, а средневековые земледельцы, по-видимому, пользовались каким-то деревянным орудием, не имеющем этнографических аналогов, но зафиксированном в преданиях коми-пермяков, в которых говорится, что «предки хлеб деревянным шилом жали» (Сарапулов, 2013. С. 134). С распространением на территории Пермского Предуралья пашенного земледелия начинают использоваться специализированные ямы-кладовки для хранения зерна. Яма такого назначения изучена на селище Телячий Брод. Она была подпрямоугольной формы, внутри фиксировались сгоревшие деревянные стены и пол. На дне были обнаружены остатки обгоревшего зерна. Автор раскопок А.М. Белавин предполагает, что на дне ямы находилась деревянная перегородка (сусеки), которая отделяла друг от друга разные виды хранимого там зерна. Яма была, вероятно, перекрыта простой односкатной крышей, ее опоры располагались у южной стенки, где исследовано три столбовые ямки от столбов толщиной до 20–30 см (Белавин, 1990. С. 6–7).

В начале II тыс. н.э. земледелие становится основным занятием средневекового населения, от которого напрямую зависит система жизнеобеспечения. Вследствие этого земледелию начинают уделять большое внимание, в том числе, и в духовной культуре, в культовых практиках. Антыбарский и Телячий Брод могильники являются пока единственными в Пермском Предуралье, где наконечники пахотных орудий входили в состав погребального инвентаря, что свидетельствует об их

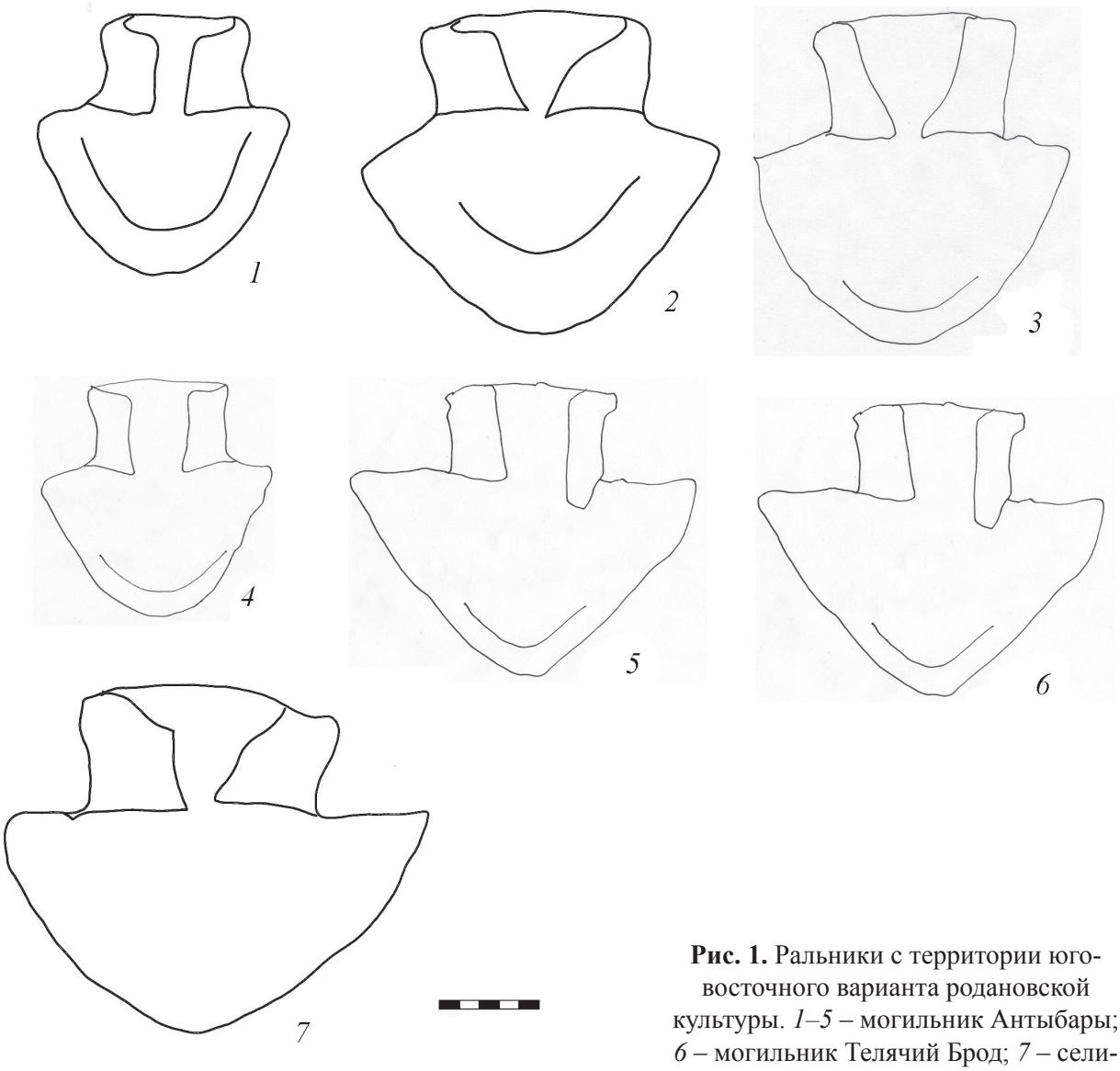


Рис. 1. Ральники с территории юго-восточного варианта родановской культуры. *1–5* – могильник Антыбары; *6* – могильник Телячий Брод; *7* – селище Телячий Брод.

значимом статусе для умершего и о высокой роли земледелия на данной территории. На поселениях находят особые сооружения, связанные с земледельческим культом, которые изучены на городище Анюшкар, Городищенском, селище Володин Камень II. Подобное исследовано и на Саломатовском I городище. Оно представляло собой подпрямоугольную яму размерами 2х4 м с двумя очагами в верхней части заполнения, ниже которых залегал культурный слой с большим содержанием костей и обломков глиняной посуды, в северной части ямы найден железный ральник, в центральной части – черепа благородного оленя, собаки и бобра (Белавин, 1986).

Рассмотрев земледельческие орудия труда, яму-кладовку, культовый комплекс можно утверждать, что земледелие на территории юго-восточного варианта родановской культуры находилось на высоком уровне и, очевидно, было основным хозяйственным занятием.

По-видимому, есть основания объединять Чусовскую группу памятников в отдельный вариант не только по территориальному признаку, но и по этнокультурным особенностям, четкое выделение которых еще предстоит. Уже можно сказать, что прослеживаются специфические черты в категориях земледельческого инвентаря. Специфика заключается и в широком распространении на памятниках юго-восточного варианта керамики с резным орнаментом, что свидетельствует о проникновении сюда постневолинского населения. Жернова, найденные в Пермском Предуралье,

в том числе, в культурном слое Саломатовского I городища, скорее всего, распространились именно с постневолинским населением (Сарапулов, 2013. С. 9). Территория юго-восточного варианта входила в орбиту влияния Волжской Булгарии, что также определяет некоторые особенности этого локального варианта. Обнаруживается и зауральское влияние. Например, примесь слюды в керамике Саломатовского I городища, не характерная для родановской культуры, связана с зауральским влиянием. Г.Т. Ленц, исследовавшая в течение нескольких лет Антыбарский могильник, пришла в выводу, что часть погребений принадлежит пришлому зауральскому (юдинскому?) населению, появившемуся в бассейне р. Чусовой в XII в. (Островский, 2003. С. 120).

Усвинский микрорайон, очевидно, занимал главенствующее место среди других групп, а центральным для всего юго-восточного варианта являлось Саломатовское I городище, которое, как показывают раскопки, являлось крупным торговым и производственным центром. Некоторые исследователи отождествляют его с факторией «Сибыр», известной по письменным источникам.

Дальнейшее детальное изучение материалов памятников юго-восточного варианта позволит выделить более четкие этнокультурные особенности, что, вполне возможно, приведет к обособлению юго-восточного варианта в отдельный культурный тип.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белавин А.М. Отчет о полевых исследованиях в Чусовском районе Пермской области в 1986 году / Архив ИА РАН, 1986.

Белавин А.М. Отчет о раскопках могильника и селища Телячий Брод в 1989 году / Архив МАЭ ПГГПУ, 1990.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Поздний железный век. Период средневековья в Предуралье. IV–XV вв. // Очерки археологии Пермского Предуралья: Учебное пособие для студентов и аспирантов. Перм. гос. пед. ун-т / Под ред. А. М. Белавина. Пермь, 2002. С. 129–171.

Островский С.Л. Археологические памятники юго-восточного локального варианта ломоватовско-родановской общности. История и проблемы комплексного изучения // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. III / Под общ. ред. А.М. Белавина. ПГПУ. Пермь, 2003. С. 115–122.

Сарапулов А.Н. Средневековые жатвенные орудия Среднего и Верхнего Прикамья // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание». Сыктывкар, 2013. С. 133–134.

Сарапулов А.Н. Средневековые орудия для переработки зерна в Пермском Предуралье // Вестник Челябинского государственного университета № 18. История. Вып.56. 2013. С. 5–11.

Сарапулов А.Н. Северный и южный варианты ломоватово-родановской общности в контексте развития хозяйственно-культурного типа // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. IX. 900 лет имени «Пермь»: от имени в летописи до губернского города / Под общ. ред. А.М. Белавина. ПГГПУ. Пермь, 2014. С.75–80.

ГОРОДИЩА II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛИ (К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ВЯЗЕМСКОГО УДЕЛЬНОГО КНЯЖЕСТВА)

© 2014 г. Т.В. Сергина

Институт археологии РАН, Москва
(tatjanasergina@inbox.ru)

Ключевые слова: Смоленская земля Вяземское удельное княжество феодальная усадьба протогородокруга военно-административный центр.

Резюме. Северо-восток Смоленской земли (в XIV–XV вв. это территория Вяземского удела) археологически изучен сравнительно слабо. К настоящему времени накоплен материал археологических раскопок, проведенных в 1970-2000-х гг. на пяти древнерусских городищах, расположенных в верховьях Днепра (городище Волочёк Вяземский, раскопки автора), его левом притоке реке Вязьма (городища Русятка и Алфёровское (раскопки автора), по Вазузе (городища Степаново (Негомирь) (раскопки А.А. Юшко) и Хлепень (раскопки К.А. Смирнова). Автор привлекает также данные письменных источников.

В результате изучения всего комплекса доступных автору архивных и музейных материалов стало возможным рассмотрение истории изучения интересующих памятников, их географического положения, стратиграфии, планировки, времени существования, а также материальной культуры обитавшего на них населения, определить статус поселений, пересмотреть или уточнить некоторые датировки, предложенные авторами раскопок.

Из рассмотренных пяти памятников только два продолжают существовать в настоящее времякак центры сельской округи – это протогорода Хлепень и Волочек Вяземский, имевшие посады; в их материалах есть следы культовых сооружений и ремесленной деятельности населения. Эти памятники не получили развития в период XVII–XVIII вв. как города. Два памятника XIV–XV вв. (усадьба феодала на Алфёровском городище и военная крепость на городище Степаново (Немигорь) возникли в период выделения Вяземского удела и прекратили существование с присоединением территории к Московскому государству и ликвидацией удела. Военно-административный центр на городище Русятка возник в середине XII в. как форпост смоленских князей и просуществовал сравнительно недолгое время до выделения удела, до появления в конце XII – первой половине XIII в. нового центра округи – Вяземской крепости, которая вскоре обросла посадами и со временем превратилась в развитый средневековый город Вязьма, единственный на всём пространстве бывшего удела.

Исследование, проведённое автором, позволяет отчасти заполнить лакуны на археологической карте Смоленщины, ввести в научный оборот неизвестные ранее материалы XII–XVIII вв., высветить малоизвестные страницы истории Смоленского княжества и Вяземского удела.

1. Северо-восточный регион Смоленской земли (в XIV–XВ вв. – территория Вяземского удела) археологически изучен сравнительно слабо. Планомерных сплошных разведок региона не проводилось. К настоящему времени накоплен археологический материал из раскопок пяти городищ, расположенных на верхнем Днепре (городище Волочёк Вяземский в Холм-Жирковском р-не Смоленской обл.) и по его левому притоку – Вязьме (городище Русятка и городище Алфёровское Вяземского р-на Смоленской обл.), а также по

Вазузе, относящейся к бассейну Волги (городище Степановское (Негомирь) и городище Хлепень Сычёвского р-на Смоленской обл.). Указанные реки являлись главными транспортными артериями изучаемого региона в древности и средневековье. Рассматриваемые укрепленные поселения, возникшие на их берегах, разновременны как поначалу, так и прекращению функционирования, но все они в XIV–XV вв. находились в сфере влияния князей Вяземских. Из пяти характеризуемых памятников только два существуют в наши дни в виде сельских населённых пунктов – это Хлепень (ныне деревня того же наименования) и Волочёк Вяземский (ныне – село Нахимовское).

2. В докладе использованы материалы охранных раскопок Вазузской экспедиции ИА РАН, проведённых в начале 70-х гг. XX в. на городищах Хлепень и Степановское (Негомирь) при сооружении Вазузского гидроузла (авторы раскопок – К.А. Смирнов и А.А. Юшко) (Смирнов, 1972; Смирнов, 1973; Смирнов, 1974; Юшко, 1972), а также раскопок Вяземской экспедиции ИА РАН под руководством автора в 80-90-х гг. XX в. на городищах Русятка, Алфёровское и Волочёк Вяземский (Сергина, 1989; Сергина, 1991; Сергина, 1992; Сергина, 1995; Сергина, 1996; Сергина, 1997; Сергина, 1998; Сергина, 2000; Сергина 2001). Учтены также материалы раскопок МИРМ, проведенных в 1956 г. на селище и курганной группе близ городища Русятка (автор раскопок – Г.П.Латышева) (Латышева, 1956). Привлечены сведения, содержащиеся в ряде отчетов о разведочных работах на Смоленщине, проведенных в 40-80-х гг. XXв. (Андреев, 1947; Борисов, 1947; Шмидт, 1957; Модестов, 1985). Вещевой материал из раскопок, исследованный автором, хранится в фондах ТГОМЗ, Вяземского историко-краеведческого музея, Зубцовского и Холм-Жирковского краеведческих музеев.

3. В результате изучения всего доступного автору комплекса архивных и музейных материалов, привлечения данных письменных источников (летописей, Литовской метрики, дипломатической переписки между великими московскими и литовскими князьями XV в.) стало возможным рассмотрение историиизучения памятников, их географического положения, стратиграфии, планировки, времени существования, материальной культуры обитавшего на них населения, а такжеопределение статуса этих поселений.

4. Привлечение аналогий позволило определить ряд ранее не атрибутированных находок с городища Хлепень (фрагмент хороса, костяное и металлическое писала и др.), уточнить датировку этого памятника. Автор ставит под сомнение связь слоя пожарища на городище с татаро-монгольским погромом XIII в., документированным, по мнению автора раскопок К.А.Смирнова, находками двух стрел татарских типов (Смирнов, 1974. С. 79–80; Кашкин, Смирнов, 1975. С. 59–60. Анализ керамики, привлечение данных письменных источников XIV–XVвв., а также пересмотр датировок замков и ключей, предложенных Р.Л. Розефельдтом и К.А. Смирновым (Розенфельдт, Смирнов, 1977. С. 89–91) позволили автору связать этот горелый слой с более поздними по времени княжескими усобицами XIV в., когда татарские отряды использовались враждовавшими князьями в качестве ударного кулака. Интересно отметить в этой связи, что Хлепень не упомянут в таком важном историко-географическом источнике конца XIVв., как «Список русских городов дальних и ближних» (Тихомиров, 1979. С. 83–137). По-видимому, в это время он лежал в руинах и не воспринимался автором «Списка» как живой населённый пункт. Однако к середине XV в. жизнь здесь уже возобновилась – в русско-литовском до кончании 1449 г. Хлепень упомянут как центр крупной волости с Рогачёвым и Негомиром (Немгорь) в подчинении, а в 1487 г. посол Казимира жаловался Ивану IIIна его брата – можайского князя Андрея – что его люди разоряют имение князя Михаила вяземского – волости Хлепенские (Янин, 1998. С. 209).Таким образом, Хлепень предстает по письменным источникам как крупный волостной центр XIV–XV вв., и данные археологии подтверждают это. У крепости имелся посад (не исследован, занят современным кладбищем), материалы раскопок дают основание говорить о церкви (найден фрагмент хороса, выявлены остатки крупного здание, стоявшего на замощенной камнем площади).

На основе анализа археологических материалов автор датирует городище Хлепень на Вазузе серединой – второй половиной XIII–XVII в. Возникновение этого укрепленного поселения связывается с деятельностью смоленских князей по упрочению власти на севере Смоленской земли в период усилившегося внимания соседних княжеств к данной территории. Этот опорный пункт относится к числу важнейших административно-территориальных центров севера Смоленской земли, а позднее и Вяземского княжества. Однако поселение так и не развилось в город в исторических условиях XVII–XVIII вв. Ныне существует как сельский административный центр.

5. Городище у б.д. Степаново (Негомирь) на Вазузе относится к серии военных крепостей, появившихся в период существования Вяземского удела XIII–XVвв. Данное поселение имело стратегическое положение на полпути между Вязьмой и Хлепенем. Раскопками выявлена дозорная угловая башня и укрепления этой опорной крепости вяземских князей (Юшко, 1973). Следов ремесел нет. Поселение прекратило существование в конце XVв. после ликвидации Вяземского удела.

6. Городище Алфёровское на Вязьме, расположенное в 5–6 км от центрального города Вязьмы выше по одноименной реке, относится к числу феодальных усадеб XIV–XV вв. Известно имя его владельца в 40-х гг. XV в. – это князь Борис Дмитриевич Вяземский (Сергина, 2002. С. 97). После присоединения Вязьмы к Москве на городище не жили – материалы XVI–XVII вв. отсутствуют. Вновь здесь образовалась усадьба с большим барским домом, имевшим в интерьере изразцовые печи, лишь в конце XVII – XVIII в. Однако она была разорена во время наполеоновского нашествия и не восстановилась – материалы XIX–XX вв. отсутствуют.

7. Городище Волочёк Вяземский (Нахимовское) на Днепре по археологическим материалам датируется XII–XV вв. Начало жизни здесь в древнерусский период связано с энергичной и широкой деятельностью Ростислава Мстиславовича в середине XII в по обустройству Смоленской земли. Этому способствовало выгодное положение поселения на торговых путях с Днепра на Волгу. У исследователей, обращавшихся к проблеме водных путей Смоленской земли, несмотря на расстояние в 20 км между Днепром и Вазузой, наличие волока в этом месте наибольшего сближения двух важнейших рек сомнений не вызывало (Ходаковский, 1837. С. 24; Алексеев, 1980. С. 69–70. Рис.2). В XV в. городище было важным административным центром, местом сбора торговой пошлины, осуществляемого князьями Вяземскими. Имелся посад – селище вокруг, которое было зафиксировано еще в 80-х гг. XX в. на площади 1,5 га (Шмидт, 1957). Неисследованное селище ныне уничтожено распашкой и огородами, вплотную подступившими к памятнику. Материалы раскопок и письменный источник XIX в. (Маторин, 1891) дают сведения о наличии на городище церкви. К сожалению, древнерусский слой на городище в значительной степени перемешан сельским кладбищем, существовавшем здесь в XVI–XVIII вв. Современное село Нахимовское (переименовано из села Волочёк в 1953 г.) – сельский административный центр.

8. Начало жизни на городище Русятка, находящемся в 3 км ниже города Вязьмы по течению одноимённой реки, также связано с деятельностью Ростислава Мстиславича по «окняжению» Смоленской земли в середине XII в. Это одна из опорных смоленских крепостей на заселенных участках Верхнего Поднепровья, никаких следов занятий населения ремеслом и торговлей здесь не встречено. Крепость на городище какое-то время сосуществовала с древнерусским селищем и курганами, находившимися поблизости, изученными археологически (Латышева, 1956), ныне не существующими. Судя по материалам, полученным при раскопках городища Русятка (Сергина, 1998; Сергина, 1999), крепость здесь существовала несколько десятилетий до того момента, когда выше по течению Вязьмы возникла новая крепость – детинец города Вязьмы, центр нового удела, который быстро оброс посадами, перетянувшими население с незащищённых окрестных селищ. Начиная с первой половины XIII в., город Вязьма становится доминирующим населённым пунктом округи, центром развивающегося удела, расширившего свои пределы к концу XV в. в северном направлении до ни-

зовьев Вазузы, в южном – до Угры, в западном – до Днепра, а в восточном – до пределов Можайского удела московских князей в верховьях Москва-реки. По мнению автора, протяженность Вяземского княжества в пору его наивысшего расцвета в XV в. могла достигать в меридиональном направлении 100-110 км (два дня конного пути), в широтном – 50-60 км (день-полтора конного пути). На этом пространстве остаются не выявленными (или известными, но не изученными) многие десятки памятников археологии эпохи Древней Руси и более позднего периода, не обследованы сплошной археологической разведкой течения Гжати, Жижалы, Касни и других рек, некогда игравших огромную роль во внутреннем развитии Вяземского княжества. Поэтому перспективы изучения Вяземского княжества по археологическим материалам представляются значительными.

Поведем итоги. Самым малым и по площади, и по мощности слоя является частное владение – усадьба феодала на городище Алфёровское. Военные крепости Русятка и Негомирь весьма различны по площади, но надо учитывать тот факт, что городище Русятка имеет значительные разрушения. Административные центры Хлепень и Волочёк самые большие по размерам, хотя так же надо иметь в виду, что городище Волочёк имеет серьёзные разрушения и поэтому должно учитываться как более крупное. Наличие в культурном слое следов культовых построек и ремесленной деятельности позволяет отнести Хлепень и Волочёк к числу протогородов, однако не развившихся в полноценные города позднего средневековья, а оставшихся сельскими поселениями.

Обращает на себя внимание тот факт, что все рассмотренные поселения (кроме Алфёровского) основаны на местах более ранних поселений, культурный слой которых не сохранился, но в переотложенном виде встречена лепная керамика I тыс. н.э., особенно ее много на городище Русятка. Это явление нередко для городищ Смоленской земли и на сопредельных территориях. Однако чтобы ответить на вопрос о времени и характере смены культуры и судьбе населения эпохи раннего железного века, требуется целенаправленное изучение древностей этой эпохи, их обобщение и комментарии специалистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев Н.В. Отчет об археологическом обследовании древнейших водных путей Смоленской земли (1947 г.) // Архив ИА РАН. №№ 132, 133.

Борисов С.И. Отчет об археологических разведках Мещёрской школы № 14 Западной ж/д в Вяземском и Издешковском районах Смоленской обл. в 1947 г.(1947 г.) //Архив ИА РАН. № 170.

Кашкин А.В., Смирнов К.А. Раскопки городища у д.Хлепень // АО. 1974. М.: Наука, 1975. С. 59–60.

Латышева Г.П. Отчет об археологических раскопках, произведенных в низовьях ручья Русятки в Вяземском районе Смоленской области по открытому листу № 186 // Архив ИА РАН. Ф–1. № 1352.

Маторин Е. Летопись о церкви и приходе села Волочек Сычевского уезда Смоленской губернии // Смоленские епархиальные ведомости, 1891. №№ 10–11.

Модестов Ф.Э. Отчет об археологических разведках и раскопках на территории Смоленской обл. (1985 г.) // Архив ИА РАН. № 10738.

Розенфельдт Р.Л., Смирнов К.А. Замки и ключи с городища Хлепень // КСИА. № 150. М.: Наука. 1977. С. 89–91.

Сергина Т.В. Отчет о работе Вяземской экспедиции в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №3 15468, 15469.

Сергина Т.В. Отчет о работе Вяземской экспедиции в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 15993, 15994.

Сергина Т.В. Отчет о работе Вяземской экспедиции в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17473.

Сергина Т.В. Отчет о работе Вяземской экспедиции в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19311.

Сергина Т.В. Отчет о работе Вяземской экспедиции в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 21323.

Сергина Т.В. Работы Вяземской экспедиции // АО.1996. М.: ИА РАН. 1998. С. 166–167.

Сергина Т.В. Отчет о работе Вяземской экспедиции в 1997 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 20865.

Сергина Т.В. Раскопки на Русяткинском городище // АО.1997. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 126.

Сергина Т.В. Отчет о работе Вяземской экспедиции в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 21722.

Сергина Т.В. Отчет о работе Вяземской экспедиции в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23697.

Сергина Т.В. О раскопках в Волочке Вяземском и Дорогобуже на Смоленщине // АО. 2000. М.: Наука. 2001. С. 98–100.

Сергина Т.В. Отчет о работе Вяземской экспедиции в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 24691.

Сергина Т.В. Городище Алфёровское // Смоленские древности. Вып.2. Смоленск, 2002. С. 77–97.

Смирнов К.А. Отчет о работе первого отряда Вазузской экспедиции в 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 4690, 4690 а.

Смирнов К.А. Отчет о работах Вазузской экспедиции в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 5052, 5052 а.

Смирнов К.А. Работы Вазузской экспедиции// АО. 1973. М.: Наука. 1974. С. 79–80.

Смирнов К.А. Отчет о работе Вазузской экспедиции в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 5317, 5317 а.

Тихомиров М.Н. «Список русских городов дальних и ближних» (публикация текста и комментарии) // Русское летописание. М., 1979.

Ходаковский З. Пути сообщения древней Руси // РИСб. 1. Вып. 1. М., 1837.

Шмидт Е.А. Отчет о разведках и раскопках в Смоленской обл. (1957) // Архив ИА РАН. № 1536.

Юшко А.А. Раскопки городища у д. Степаново Сычёвского района Смоленской области (1972 г.) // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 5077, 5077 а.

Юшко А.А. Работы в Подмосковье и Смоленской обл. // АО. 1972. М.: Наука. 1973. С. 105.

Янин В.Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XVвв. М.: Изд-во МГУ, 1998. 216 с.

ТЕХНИКО-ТРАСОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ КОСТИ И РОГА (ПО МАТЕРИАЛАМ РОЖДЕСТВЕНСКОГО ГОРОДИЩА И КАЛИНСКОГО СЕЛИЩА)[1*]

© 2014 г. В.В. Терехина, Н.Н. Скакун

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(terehinavera@mail.ru, skakunnatalia@yandex.ru)

Ключевые слова: средневековье, косторезное дело, технология, инструменты, технико-трасологический и экспериментальный анализы.

Резюме. В работе приводятся предварительные результаты технико-трасологического исследования изделий из кости и рога из средневековых памятников Пермского края: Рождественского городища и Калинского селища.

Среди археологических материалов, характерных для средневековых памятников домонгольского периода, разнообразные изделия из кости и рога представлены значительным числом. Разным аспектам их исследования посвящены многочисленные публикации и обобщающие работы (Изюмова, 1949; Давидан, 1962, 1977; Власова, 1967; Закирова, 1988; Смирнова, 1995; Масловский, 2007; Флерова, 2001; Жарнов, 2003; Кондратьева, 2011; Пальцева, 2012; и др.). К настоящему времени наименее изученными вопросами являются технология обработки костного сырья и состав инструментария, использовавшегося в костерезном деле.

Коллекция костяных и роговых предметов, найденных на средневековых памятниках Пермского края: Рождественском городище и Калинском селище (Белавин, Крыласова, 2008; Сарапулов, 2011, 2012, 2013), была ис-

1 Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант 14-21-17003 Fr_a.

следована комплексным методом, включающим технико-трасологический анализ, экспериментальные работы и этнографические параллели.

Проанализированные изделия были изготовлены из различных костей скелета и рогов домашних и диких животных: лошади, крупного рогатого скота, северного оленя, лося. Использовались рога, ребра, тазовые и трубчатые кости, метоподии. Выборку из Рождественского городища составляют: ложки (2 шт.), гребни (4 шт.), орнаментир (?) (1 шт.), амулет (1 шт.), деталь колчана (1 шт.), рукоять с зооморфным изображением (1 шт.), затыльник плети (?) (1 шт.), топорики (2 шт.). Коллекция Калинского селища включает: ложку (1 шт.), рукоять для сверла (1 шт.), кочедыки (2 шт.), заготовки (2 шт.), заготовки, предметы неизвестного назначения, отходы производства (4 шт.).

Наличие в коллекциях заготовок, законченных изделий, отходов производства позволило проследить способы обработки костного сырья и определить детали и последовательность операций процесса изготовления некоторых предметов. Проведенные эксперименты подтвердили этнографические данные о необходимости первичной подготовки сырья для его размягчения вымачиванием, кипячением или нагреванием. С помощью визуального и микроскопического наблюдений (×30, ×50) на поверхностях орудий, предметов быта, украшений были обнаружены следы разных производственных операций, таких как рубка, пиление, строгание, скобление, резание, шлифование, полировка, сверление, гравировка. Анализ этих следов позволил реконструировать инструментарий, применявшийся в костерезном деле, сравнить его с этнографическими инструментами и идентифицировать костеобрабатывающие орудия, найденные при раскопках. Среди них: ножи, пилы, сверла-дрели, перовидные сверла, плоские и гравировальные резцы, циркульные резцы, напильники, рашпили (Белавин, Крыласова, 2008. С. 289. Рис. 144; С. 295. Рис. 149; Боруцкий, 1913; Колчин, 1985. С. 271, 295. Табл. 111; Спасский, 1890. С. 110–111).

Результаты технико-трасологических и экспериментальных исследований изделий из кости и рога из средневековых памятников Пермского края принесли новые данные для характеристики особенностей инструментария и технологии костеобработки этого времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. 1. Пермь: ПГПУ, 2008. 603 с.

Боруцкий В. Кустарные промыслы по обработке рогов и костей // Кустарная промышленность России. Разные промыслы. Т. II. СПб., 1913. С. 473–490.

Власова Г.М. Мастерские косторезов в Звенигороде // Записки Одесского археологического общества. Т. II (35). Одесса, 1967. С. 228–235.

Давидан О.И. Гребни Старой Ладоги // Археологический сборник. Вып. 4. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. С. 95–108.

Давидан О.И. К вопросу об организации косторезного ремесла в Древней Ладоге // Археологический сборник. Вып. 18. Л.: Аврора, 1977. С. 101–105.

Жарнов Ю.Э. К вопросу о косторезном производстве в домонгольском Владимире-на-Клязьме // РА. 2003. № 2. С. 31–44.

Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 221–243.

Изюмова С.А. Техника обработки кости в дьяковское время и в Древней Руси // КСИИМК. Вып. XXX. М.; Л., 1949. С. 15–25.

Колчин Б.А. Ремесло. Обработка кости // Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б.А. Колчин. Археология СССР. М.: Наука, 1985. С. 270–271.

Кондратьева О.А. Гребни IX–XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве, Древней Руси-России. Археологические и этнографические очерки. СПб.: ИПК «Вести», 2011. 243 с.

Масловский А. Косторезное производство Азака. Общая характеристика // Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. I. Серия «Археология евразийских степей» / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Вып. 1. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. С. 190–193.

Пальцева Д.У., Шакиров З.Г., Худяков А.В. Костяные предметы быта средневекового населения Биляра // Филология и культура. 2012. № 1 (27). С. 208–216.

Сарапулов А.Н. Отчет о раскопках Калинского селища в Юсьвинском районе пермского края в 2011 г. Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2012.

Сарапулов А.Н. Отчет о раскопках Калинского селища в Юсьвинском районе пермского края в 2012 г. Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2013.

Сарапулов А.Н. Отчет о раскопках Калинского селища в Юсьвинском районе пермского края в 2013 г. Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2013.

Смирнова Л.И. Состав сырья костерезов Древнего Новгорода (опыт анализа отходов костерезного производства по материалам Троицкого раскопа) // Новгород и новгородская земля / Отв. ред. В.Л. Янин. Новгород, 1995. Вып. №9. С. 114–129.

Спасский А.Н. Обработка кости и рога // Нижегородский сборник / Отв. ред. А.С. Гациский. Т. IX. Нижний Новгород: Типография Нижегородского губернского правления, 1890. С. 107–116.

Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII века: искусство и ремесло. По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетейя, 2001. 252 с.

«ПУСТЫЕ» КУРГАНЫ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ[1*]

© 2014 г. Ю.В. Степанова

Тверской государственный университет, Тверь
(*m000142@mail.ru*)

Ключевые слова: погребальный обряд, курган, кенотаф, Верхневолжье, Древняя Русь.

Резюме. В настоящем исследовании предпринята попытка выяснить, существовала ли традиция сооружения кенотафов у древнерусского населения Верхневолжья. По мнению автора, в большинстве «пустых» курганов этого региона конца X – XIII в., захоронения не сохранились, либо не были выявлены. Причинами этого могил являться плохая сохранность антропологических остатков, методика раскопок колодцем или траншеями в XIX – начале XX в. и характер погребального обряда – кремация. Возможно, кенотафом является захоронение коня в могильнике Бежицы. Выявлены также захоронения отдельных голов, которые можно считать «символическими» захоронениями.

Попытаемся выяснить, существовала ли традиция кенотафов захоронений у древнерусского населения Верхневолжья и являются ли «пустые» курганы, в которых не были найдены антропологические остатки, символическими захоронениями. Основными источниками исследования являются материалы погребальных памятников региона конца X – XIII в., исследованные раскопками в период с середины XIX по начало XXI в. (Жукова, Степанова, 2010).

Кенотафы – символические могилы, создававшиеся с целью проведения поминальных ритуалов – выделяются археологами обычно на основании отсутствия антропологических останков. Курганы, в которых при раскопках не были найдены остатки скелета, зафиксированы в 38 из 136 курганных могильников Верхневолжья, подвергавшихся раскопкам. В общей сложности количество таких «пустых» курганов около 85 (9,5% от примерно 886 исследованных).

1 Работа выполнена при поддержке РГНФ и Правительства Тверской области, проект № 14-11-69001

С учетом того, что курганы раскапывались с применением различных полевых методик, а также микрорегиональных особенностей древнерусского погребального обряда Верхневолжья, необходимо специальное рассмотрение каждого «кенотафа».

Обращают на себя внимание случаи, когда в одном могильнике зафиксировано сразу несколько курганов без костных остатков. Например, в могильниках Могилицы-1 и Кошево их 4, в Михайлово (Прудово), Пекуново- 2, Сильменево – по 6. Из 11 насыпей, раскопанных В.Я. Щербаковым в 1881 г. в могильнике Игрищи, лишь в 3-х были обнаружены погребения по обряду трупоположения, остальные 8 оказались пустыми. В Кидомле-3 в 4-х курганах были выявлены могильные ямы, оказавшиеся пустыми, в Большой Коше и Плешково-1 – по 3 пустые могильные ямы.

Иногда в «пустых» курганах выявлены фрагменты керамики, а также отдельные угли и углистые прослойки. Так, в кургане 1 Петровского в раскопках П.Н. Шульца (1923 г.) в основании насыпи были прослежена зольно-угольная прослойка; в ней был найден гончарный сосуд. Подчас помимо углистых прослоек в «пустых» курганах присутствуют каменные конструкции, «своды» из глины, песка и золы, дерновые сооружения. В Воронцово одна из насыпей, раскопанных Н.А. Ушаковым в 1838-1843 гг., оказалась пустой. При этом в центре кургана был прослежен слой из белого песка, смешанного с золой, в виде свода, сам он был обложен валунами. Похожие на свод из глины и песка заполнения насыпей без погребений выявлены в Высокино (Титовке) и Каменке в раскопках начала XX в. В основании кургана в Каменке находилась каменная выкладка, вершина была вымощена мелким камнем, в насыпи были обнаружены угли. В Сорогожском были обнаружены такие выкладки на уровне погребальной площадки. В Микулином Городище А.Н. Вершинским было исследовано две насыпи, в составе которых прослеживались следы перегнившего дерна, а в основании одной имелась прослойка из камней.

Все эти разновидности древнерусских погребальных сооружений достаточно широко распространены на территории Верхневолжья и встречаются как в курганах с погребениями, так и без них. Никаких исключительных особенностей в составе насыпей и характере погребальных сооружений этих курганов не было выявлено. Материалы их раскопок позволяют предположить, что остатки погребенных в этих курганах не были выявлены.

Можно выделить три основные причины, по которым погребения в этих курганах не были зафиксированы. Во-первых, это плохая сохранность антропологических останков (особенно в тех могильниках, для которых авторы раскопок отмечали плохую сохранность костного материала, например – Большая Коша, Высокино, Пекуново-2, Кидомля-1–3, Кривая Улица). Предположительно, в могильных ямах в Большой Коше, Кривой Улице, в Кидомле-2 и 3 костный материал не сохранился.

А.В. Успенская отметила, что в 3-х курганах практически полностью изученного Березовецкого могильника под насыпями на материке были обнаружены глиняные сосуды, и интерпретировала их как остатки детских погребений, кости в которых истлели (Успенская, 1993. С. 81).

Другими причинами не обнаружения погребений являются, по-видимому, сам обряд погребения – кремация, а также распространенная в XIX – начале XX в. методика раскопок курганов колодцем или траншеями. При ее применении исследователи этого периода могли не зафиксировать трупосожжение или интерпретировать его как прослойку. Большинство подобных случаев относится именно к материалам раскопок XIX и начала XX в. Однако в некоторых курганных группах с «пустыми» курганами исследованы и насыпи с трупосожжениями (Кошево, Васильки, Бежицы, Петровское, Михайлово, Пекуново-1). Так, в Васильках один из курганов, раскопанных в 1883 г., оказался пустым. Раскопки Е.В. Бодунова 1984 г. показали, что в могильнике есть кремации. В пустом кургане также вполне могло быть не обнаруженное трупосожжение.

В Березовецком могильнике выделяются две группы кенотафов. В курганах одной группы (9 курганов) были прослежены тонкие (до 0,15 м) зольно-угольные прослойки, иногда содержащие фрагменты керамики, в другой (6 курганов) не было выявлено замет-

ных особенностей (Успенская, 1993. С. 81). Однако в других крупных и наиболее полно исследованных могильниках (Избрижье, Пекуново-2, Плешково-1, Глинники, Загорье, Заборье, Высокино, Большая Коша) нет такого большого количества «пустых» курганов. Отсутствуют они в Избрижье, Глинниках, Загорье. Возможно, что иногда на выжженную площадку переносились остатки трупосожжения, произведенного на стороне, из-за чего могли не сохраниться фрагменты кальцинированных костей. Некоторые «пустые» кургане могли быть естественными всхолмлениями, как, например, в Рогово (что отмечено автором раскопок) (Черных, 1987), или оказаться разрушенными.

Итак, в большинстве «пустых» курганов в древнерусских могильниках Верхневолжья антропологические остатки могли быть не зафиксированы или просто не сохранились. В то же время, возможности интерпретации этих материалов в настоящее время затруднены в силу особенностей документации раскопок. Подтвердить эти предположения могли бы дополнительные исследования могильников с применением естественнонаучных методов.

В то же время, имеются отдельные исследованные комплексы, которые можно интерпретировать как символические захоронения. Так, в Бежицах Д.П. Европеусом в 1870 г. раскопан курган, содержавший кости коня и фрагменты богатой сбруи: 22 бляшки, в том числе выполненные в скандинавских стилях, имеющие аналогии в памятниках Руси и Скандинавии X в. (Европеус, 1876. С. 97, 98; Исланова, Крымов, Романов, 2005. С. 75). Костей человека найдено не было. Отдельные захоронения коней распространены на северо-западе Восточной Европы и связываются с финно-угорским и балтским компонентом в составе населения. Сходное захоронение коня исследовано в Хотяжах в Подмосковье. Оно предположительно связывается с местным балтским населением (Алексеев, 2004. С. 191). Особенности погребального обряда в Бежицах подтверждают наличие финно-балтского компонента в этом могильнике, в частности, общим обликом женского погребального костюма (Исланова, 1996. С. 80–86; Степанова, 2009. С. 75). То обстоятельство, что конь в Бежицах захоронен с богатым набором, позволяет предположить, что данное захоронение могло быть воинским кенотафом, хотя предметы вооружения в нем отсутствуют.

На территории Верхневолжья также изучены захоронения, которые можно считать неполными. Так, в кургане 4 Бежицах обнаружены захоронения отдельных черепов (Леонтьев, Пронин, 1978. С. 272–282). Еще одно захоронение отдельного черепа выявлено в кургане 31 Выркино-3 (Комаров, 1985). Если в Бежицах в захоронения с черепами не содержали находок, а остальные кости могли не сохраниться, то в Выркино-3 подобный комплекс, по-видимому, действительно являлся захоронением отдельного черепа. В пользу этого свидетельствует необычное расположение украшений относительно черепа. Справа и слева от него находились по две монеты-привески: два денария (Евер, 1059-1086 гг. или 1059-1071 гг.) и две неопределенные монеты. Монеты-подвески на данной территории обычно являются нагрудным украшением, в составе головного убора, в т.ч. височных украшений они не встречаются. Справа у черепа находилась также битрапецоидная синяя бусина, слева – биллоновая полая гладкая. В 10 см от черепа находились железный пластинчатый браслет и бронзовый плоско-выпуклый звериноголовый браслет, рядом с черепом и вещами – круговой сосуд. Расположение находок в погребении позволяет рассматривать его как «символическое». Для древнерусского погребального обряда Верхневолжья оно уникально. Возможно, оно связано с традициями смешанного населения восточной части региона, в котором прослеживаются балтский и финно-угорский компоненты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.В. Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара / Отв. ред. А.В. Энговатова. М., ИА РАН, 2004. С. 177–192.

Европеус Д.П. Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда их нынешних жителей // Труды II Археологического съезда. СПб. 1876. Вып. 1. Отд. IV. С. 97–98.

Жукова Е.Н., Степанова Ю.В. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения. Каталог исследованных памятников. Тверь, Научная книга, 2010. 352 с.

Исланова И.В. Элементы женского костюма XI–XII вв. Моложского региона // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1996. Вып. III. С. 80–86.

Исланова И.В., Крымов Е.Ю., Романов В.В. Варяги на Верхней Волге (новые находки) // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М., ИА РАН, 2005. С. 72–77.

Комаров К.И. Отчет о разведке в Костромской области и раскопках в Калининской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 11863.

Леонтьев А.Е., Пронин Г.Н. Древнерусские памятники района оз. Верестово // СА. 1978. № 2. С. 272–282.

Степанова Ю.В. Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья. Монография. Тверь, Твер. гос. ун-т, 2009. 364 с.

Успенская А.В. Березовецкий могильник X–XII вв. // Средневековые древности Восточной Европы / Труды ГИМ. М., 1993. С. 79–135.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях в Ржевском районе (курганная группа Усть-Суходол) Калининской области. Т. 1 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 12345, 12346.

К ВОПРОСУ О ФИНАЛЬНОЙ СТАДИИ МЕЧЕЙ НА РУСИ

© 2014 г. А.Г. Векслер[1], А.В. Павлихин[2], А.В. Стрельченко[3]

[1]Национальная Гильдия Хранителей Наследия, Москва
[2]Серпуховский историко-художественный музей, Серпухов
(artpavl@yahoo.com)
[3]Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва
(kuno78@yandex.ru)

Ключевые слова: средневековый меч, колющий клинок, типология Окшотта, Северо-Восточная Русь, археологические исследования Москвы.

Резюме. В статье осуществлен анализ меча, найденного на Манежной площади, который является, вероятно, одним из наиболее поздних мечей, который применялся в московской рати. Для Москвы время выпадения меча с Манежа является верхней границей всей эпохи применения этого вида вооружения.

Меч в средние века повсюду в Европе и на Руси был символом дружины, благородного сословия Воинства Христова, а порой символом христианского благочестия (Мусин, 2005). В определенный момент на Руси это оружие теряет свою актуальность и исчезает из арсенала боевых средств. Место меча в XIII–XV вв. занимает сабля. А.В. Арциховский замечает, что «окончательное вытеснение меча саблей приходится у нас на XV в.» В XIII–XIV вв. летопись в качестве основного оружия всё ещё называет меч (Арциховский, 1944. С.46). Последние летописные сообщения об использовании русскими меча на северо-западе Руси относятся к концу XV в., в связи с боевыми действиями псковичей против немцев (ПСРЛ, 1848. С. 264). В Северо-Восточных землях Руси, меч, как боевое оружие, упомянут в середине XV в. в “Инока Фомы слове похвальном о благоверном князе Борисе Александровиче” в списке подарков, поступивших тверскому князю от королевича

Казимира (Лихачев, 1908. С. 50). К середине XV в. упоминаний мечей в руках москвичей не встречается, однако часто фигурирует сабля. Последние упоминания мечей в руках москвичей встречаются в «Задонщине», датируемой кон. XIV в., и в летописных статьях, посвященных Куликовской битве, написанных не позднее 1408/1409 гг. (История русской литературы, 1979. С. 105).

Наиболее поздними экземплярами мечей с территории русских княжеств до последнего времени были Довмонтов меч, который А.Н.Кирпичников датировал XIV в., и меч Всеволода Мстиславовича, датированный им же XIV – нач. XV в. (Кирпичников, 1966. С. 56). В 2004 г. во время археологических исследований, связанных с реконструкцией здания Манежа в Москве был найден еще один меч позднего облика. Меч происходит из сооружения 1 (раскоп 2) (Векслер, 2005а. С. 108). Сооружение №1 определено как остатки сгоревшего погреба, врезанного в материк. Стенки погреба отвесные. Глубина погреба 0,8 м. В погребе на 0,45 м выше дна выявлена ступенька шириной 1,1 м. Максимальная ширина погреба в верхней части – 2,1 м, в нижней – 1 м. В заполнении погреба было выявлено два горизонта. Верхний горизонт толщиной 0,4 м лежал на уровне ступени и состоял из кирпичной крошки и извести с углем. Горизонт датируется по составу находок концом XV в. (вероятно, 1493 г.). Нижний горизонт состоял из светло-серой супеси с песком и углем (остатки опалубки). В этом слое найден меч (Рис. 1). Датировка нижнего горизонта, установленная по находкам – 2 пол. XIV – 1 пол. XV в.

Территория Манежной площади, по данным археологических раскопок, была обитаема с XII в. (Векслер, 2012). Эту территорию можно отнести к раннему посаду, расположенному в предградье кремля. По данным археологических исследований в XII–XV вв. здесь была густая застройка, церковь с некрополем, а в 1493 г. в ходе работ по перестройке стен кремля вдоль р. Неглинной вся прежняя застройка предградья была снесена. Обстоятельства выпадения меча в слой явно носили катастрофический характер. Меч испытал воздействие огня, очевидно, находился в сгоревшей и обрушившейся в погреб деревянной постройке (Векслер, 2005б. С. 625). На 2 пол. XIV – 1 пол. XV в. приходится несколько крупных катаклизмов в истории города Москвы, сопровождавшихся сожжением посадов. В 1382 г. во время нашествия Тохтамыша, город и его округа были преданы огню (Приселков, 2002. С. 424). В 1408 г. войска темника Едигея осаждали белокаменный кремль, но взять его не смогли, сами же москвичи сожгли все строения вокруг кремля, что бы не дать возможности неприятелю сделать из бревен вынутых из домов приметы (Приселков, 2002. С. 468–469). В 1451 г. округу Москвы разорял ордынский царевич Мазовша, и, судя по сообщениям летописи, он сжег посад (ПСРЛ, 1913. С. 206–207). Один из этих пожаров привел к гибели сооружения 1. Таким образом, датировка сооружения 1 может быть определена в пределах посл. четв. XIV – 1-й пол. XV в.

Как известно, любой меч развитого средневековья состоял из клинка и элементов составлявших эфес – крестовины, навершия и рукояти. У нашей находки узкий (ширина его у крестовины – 36 мм) обоюдоострый стальной клинок длиною 760 мм (см. *рисунок*, *1*). Его лезвия постепенно сужаясь, примерно с нижней трети сходятся, образуя ярко выраженное острие. Посередине с обеих сторон, по всей длине, проходит ребро жесткости. Сечение представляет собой уплощенный ромб. Подобный клинок в основном использовался для нанесения уколов.

Железная крестовина, длиной 191 мм, слегка изогнута к клинку. Её дужки, квадратные в сечении с закругленными фасками, несколько заужены к своим окончаниям (см. *рисунок*, *3*).

Навершие, также сделано из железа, имеет форму овала, высотой 43 мм, шириной 58 мм и толщиной в середине – 26 мм (см. *рисунок*, *2*). На плоских его сторонах, примерно по центру, имеется по небольшому круглому углублению. Местами по краям прослеживаются небольшие скосы. С большей долей вероятности можно утверждать, что такие скосы были изначально по всему краю навершия как с одной, так и с другой стороны.

Исходя из описания и сопоставляя его с типологией Э. Окшотта, мы видим следующее. Клинок наиболее близок подтипу XVII-Ia, который получает свое распространение в

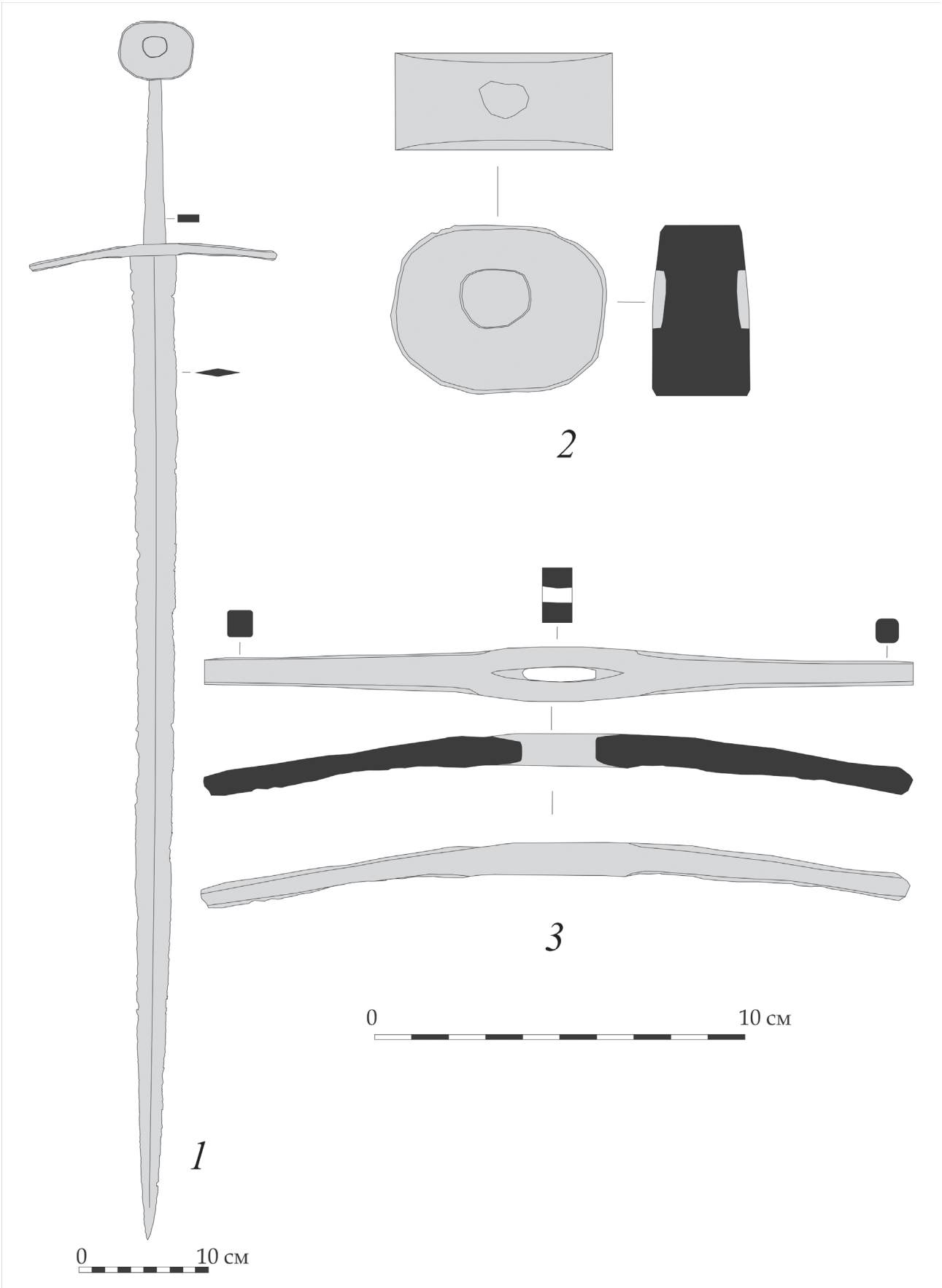


Рис. 1. Меч, найденный в Москве на Манеже в 2004 г.

XV в. (Oakeshott, 1964. P. 69–70). Крестовина вероятнее всего относится к *стилю 1*, и, по мнению автора, была известна довольно длительное время – с XI по XVI в. (Oakeshott, 1964. P. 113). А навершие больше подходит подтипу *H1,* который встречался на мечах в период со 2 пол. XIV – до 1 четв. XV в. (Oakeshott, 1964. P. 102–103). Таким образом, все оружие можно датировать достаточно широко – 2 пол. XIV – XV в. Но у данного меча есть особенность – сочетание весьма массивного навершия и узкого недлинного клинка, что возможно позволит внести корректировки в его датировку.

В этой связи обратимся к аналогам меча с Манежа. Первым близким аналогом является меч, найденный во 2 пол. XIX в., предположительно в районе Киева, ныне хранящейся в фондах Полтавского областного краеведческого музея. Его клинок, по размерам и внешне, практически совпадает, отличаясь лишь неглубоким долом в верхней четверти. Навершие тоже массивное, но в виде восьмиугольника. Автор публикации А. Титков считает, что оружие датируется кон. XIV – 1 третью XV в. (Titков, 2008. С. 505–506. Рис.1). Вторая аналогия – меч из коллекции Уоллеса (Лондон). Он отличается от экземпляра из Москвы более вытянутым в ширину овальным навершием, заклепкой хвостовика в виде пирамидки и прямой крестовины. Исследователи относят его к посл. четв. XIV – нач. XV в. (Bruhn-Hoffmeyer, 1954. T.II. No.39. S.18.; Seitz, 1965. S.150. Abb. 90C). Третьей аналогией является меч, находившейся в свое время в собрании датского коллекционера оружия Кристенсена. У данного образца похожий клинок, только несколько меньших размеров, плоское овальное навершие, но крестовина здесь прямая с загнутыми к клинку кончиками. Описывая данную коллекцию, специалист по средневековым мечам А. Брун-Хоффмейер, отнесла этот экземпляр ко 2 пол. XIV в. (Bruhn-Hoffmeyer, 1968, No. 62. S.86. Fig.11*)*.

Подобное сочетание узкого колющего клинка с массивным овальным навершием присутствует ещё на двух длинных кинжалах (длина клинка одного 46 см, длина другого – 51см), найденных в конце 60-х гг. прошлого века, вместе с большим количеством мечей, в р. Дордонь (восток Франции). Недалеко от места находок произошло последнее столкновение Столетней войны – битва при Кастильоне (1453г.). Их датируют концом XIV – 30-ми годами XV в. (Thomas, 2012. P. 55. Fig.29; P.58. Fig. 34). Таким образом, вещественный материал дает нам отнести рассматриваемый меч ко 2 пол. XIV – 1 трети. XV в.

При достаточно широкой репрезентативности мечей в различных группах изобразительных источников XIV–XV вв., сочетание колющего клинка и «массивного» овального навершия удалось выявить только трижды. Первые два – на миниатюрах Великой Французской хроники, созданной между 1375 и 1380 гг. На каждой из них один из воинов держит в руке меч с обнаженным клинком (Grandes Chroniques de France. Ms. Fr. 2813, 399bis-r, 409v). Третий пример – фигура Св. Георгия, работы мастера Жака де Брезе (Бургундия), созданная ок. 1390 г., где святым заносит руку с мечом (Жуков., Коровкин, 2005. С. 68. Рис. 90). Судя по этому, с одной стороны данная группа ограничивает последней третью XIV в. хронологические рамки, но с другой, все они происходят из практически одного региона, расположенному на значительном расстоянии от места находки, следовательно, данный аргумент в полной мере не может быть отнесен к находке из Манежа.

Следует отметить, что при анализе изобразительных источников мы обратились и к русской религиозной живописи, в результате чего на клеймах иконы 2 пол. XIV в. «Святые Борис и Глеб с житием» показаны мечи с остроугольным колющим клинком (Пивоварова, 2013. С. 10, 12*)*. Следовательно это дает нам полагать, что такого рода мечи были известны во 2 пол. XIV в.

Датировка находок из сооружения 1, изученного на Манеже, совпадает с датами, полученными методом изучения аналогий. Таким образом, наиболее обоснованной датой мечей подобных тому, который найден на Манеже является посл. четв. XIV – 1 четв. XV в. Меч с Манежа является, вероятно, одним из наиболее поздних мечей, который применялся в московской рати. Для Москвы время выпадения меча с Манежа является верхней границей всей эпохи применения этого вида вооружения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: Изд-во МГУ, 1944. 215 с.

Векслер А.Г. Отчет о натурных охранных археологических исследованиях, связанных с реставрацией и реконструкцией с воссозданием Центрального выставочного зала «Манеж» в г.Москве в 2004 г. Часть 1. М. // Архив ИА РАН. 2005а. Р-1. №29042.

Векслер А.Г. Отчет о натурных охранных археологических исследованиях, связанных с реставрацией и реконструкцией с воссозданием Центрального выставочного зала «Манеж» в г.Москве в 2004 г. Часть 3. // Архив ИА РАН. 2005б. Р-1. №29044.

Векслер А.Г., Мельникова А.С. Российская история в московских кладах. М., 1999. 263 с.

Векслер А.Г. Манеж и Манежная площадь Москвы. Горизонты истории. М., 2012. 144 с.

Жуков К.А., Коровкин Д.С. Западноевропейский доспех раннего ренессанса. СПб., 2005. 100 с.

История русской литературы X–XVII вв. М., 1979. 465 с.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. САИ Е1-36. М., 1966. 143 с.

Лихачев Н.П. Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. ПДПИ. Вып. 168. СПб., 1908.

Мусин А.Е. Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005. 369 с.

Пивоварова Н.В. Святые князья Борис и Глеб. СПб.: Метропресс, 2013. 76 с.

ПСРЛ. Т. IV. Новгородские и Псковские летописи. СПб., 1848. 367 с.

ПСРЛ. Т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913. 316 с.

Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002. 520 с.

Тітков О.В. Рицарський меч XV ст. з Полтавського краєзнавчого музею // Наукові Записки з Української Історії: Збірник наукових статей. Вип. 20. Переяслав-Хмельницький, 2008. С. 504–508.

Bruhn-Hoffmeyer A. Middeladerens tveaeggede svaerd. T. I-II. København, 1954. 314 s.

Bruhn-Hoffmeyer A. Gamelt Jern. E.A. Christensens Våbensamling. Våbenhistorisk Selskab. Katalog. København, 1968. 310 s.

Grandes Chroniques de France. Maître du couronnement de CharlesVI, Ms. Fr.2813, http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84472995.

Oakeshott R.E. The sword in the age of chivalry. London, 1964. 146 pp.

Seitz H. Blankwaffen I. Braunschweig, 1965. 445 s.

Thomas C. Additional Notes on the Swords of Castillon // Park Lane Arms Fair: Spring. 2013. London.: Apollo, 2013. P. 40–63.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО РАННЕЙ ИСТОРИИ ПОСАДА СТАРОЙ РЯЗАНИ В XI В.

© 2014 г. И.Ю. Стрикалов

Институт археологии РАН, Москва
(*igor.strikalov@gmail.com*)

***Ключевые слова**:* древнерусский город, колонизация, хронология, стратиграфия, гончарные традиции, древнерусская керамика.

Резюме. В статье рассмотрены вопросы изучения Старой Рязани – одного из крупнейших городов Древней Руси. Несмотря на многолетние раскопки, здесь еще остается немало белых пятен. Мы имеем довольно ясное представление об этапах развития города, его планировочной структуре, оборонительных сооружениях, многих чертах повседневной жизни и производственной деятельности жителей. Однако, слабо изученной остается ранний период существования Старой Рязани, включая вопросы времени ее возникновения, характера первоначального поселения, динамики и направлений его развития. Это обусловлено, с одной стороны, вполне объективными причинами. Ранние городские слои подверглись наибольшему разрушению в ходе последующего развития города. Кроме того, для XI столетия существует не так много четких хронологических реперов, а те из них, которые имеются в распоряжении исследователя, представлены единичными находками. С другой стороны, разные части города исследованы весьма неравномерно. Наименее изученными частями Старой Рязани остаются именно те из них, которые способны пролить свет на насущные вопросы: Северный мыс городища и городской посад. Их изучение сопряжено с определенными трудностями: большая часть Северного мыса занята сельским кладбищем, а посад занят жилой застройкой современного села. Кроме того, значительная часть посада у подножия городища перекрыта поздними оползнями и мощными слоями делювиальных напластований. Мониторинг позволяет прогнозировать их мощность в пределах 1-5 м.

В последние годы наметился прогресс в изучении посада Старой Рязани: если к началу 1980-х годов исследования проводились только на двух его участках (Даркевич, Борисевич, 1995), то на последнем этапе археологических работ на памятнике, начатых в 1994 г., число таких пунктов исследований увеличилось до десяти (Стрикалов, Чернецов, 2012. С. 54). Это позволило определить динамику роста посада в XI–XIII вв., частично реконструировать особенности его застройки (Завьялов, 2006) и древнего ландшафта прибрежной части города.

Последние исследования в северной части посада Старой Рязани, у подножия площадки Северного городища, проводившиеся в 2011-2013 гг. (раскоп 45 площадью 96 м^2), дали новые уникальные материалы по его ранней истории.

На раскопе был открыт уникальный для Старой Рязани культурный слой мощностью более 3 м. В нем прослежена четкая стратиграфия напластований, что вызвано особыми условиями его формирования: на протяжении всего средневековья участок подвергался воздействию природных процессов, связанных со смывом грунта с площадки городища. У его подножия, на территории посада, в итоге сформировались мощные наносные слои, разделившие разновременные прослойки культурного слоя.

Первоначальный рельеф участка представлял собой кромку седловины, образовавшейся у подножия коренного берега площадки городища в результате схода оползней еще до начала его заселения. Она представляет собой западину на участке линии отрыва оползня от коренного берега, которая постепенно заболотилась и стала заполняться сначала осыпями, а после стабилизации склона - илом и намывными слоями. Впоследствии, в ходе использования участка и дальнейшего смыва грунта,

седловина была заполнена и снивелирована, и современная поверхность террасы имеет горизонтальную поверхность.

Намывные слои четко разделили периоды строительства на этом участке посада, что открывает новые возможности для уточнения датировок строительных периодов и хронологии памятника в целом. Кроме того, песчаные прослойки «запечатали» и законсервировали остатки сооружений нескольких периодов перестройки участка, в особенности, связанных с XI столетием. В итоге на раскопе выявлена редкая для Старой Рязани сохранность деревянных конструкций: во влажном слое нижних горизонтов сохранились остатки хозяйственных сооружений каркасно-столбовой конструкции, досок стен и пола и сами следы строительства в виде мощных прослоек щепы.

На раскопе выявлена сложная картина освоения участка.

Верхний горизонт, сформировавшийся в XIX–XX вв., отделен от нижележащих слоев прослойкой наносного слоистого светло-серого песка мощностью 20-40 см. Под ними открыт культурный слой с несколькими стратиграфическими горизонтами: городским кладбищем XIII в., комплексом сгоревшей жилой постройки XII в., слоем рубежа XI–XII вв. с мощными прослойками угля и золы – свидетельствами сильных пожаров этого времени.

Под описанным культурным слоем прослежен мощный горизонт намывного желтого слоистого песка, в котором выделяются несколько прослоек древесного тлена, щепы и угля с материалами XI столетия. Зафиксированы следы трех разделенных песком строительных периодов с остатками построек.

К верхнему относятся четыре хозяйственные постройки с дощатыми стенами. Одна постройка возведена из вертикальных досок с угловыми столбами, остальные представляют собой сооружения из досок, поставленных на торец и связанных в углах с помощью пазов. Все они расположены в мощном слое щепы и тлена, который образует верхнее заполнение заболоченной седловины. Постройки этого горизонта не привязаны к ее кромке, что свидетельствует о нивелировке западины к моменту их строительства. Участок в тот период, тем не менее, оставался еще сильно увлажненным, с чем связано и присутствие нескольких деревянных настилов, представлявших собой внутридворовые переходы. Они протянулись с запада на восток между исследованными сооружениями.

К следующему стратиграфическому горизонту относится железоделательный комплекс с остатками трех горнов и оград вокруг них, мощным слоем шлака, угля и многочисленными фрагментами глиняных сопел. Комплекс располагался на кромке седловины в южной части участка.

Как правило, подобные горны использовались один раз, после чего разбирались, шлак и остатки угля выбрасывались, а полученная из руды железная крица поступала в дальнейшее производство. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с комплексом по добыче железа из руды, функционировавшем довольно длительное время. На это указывают три основания горнов, несколько рядов частоколов, большой объем шлака и стратиграфические особенности его залегания. Линза шлака распадается на две прослойки, разделенные слоем темно-серого слоя, насыщенного углем.

К нижнему горизонту относится комплекс гончарной мастерской с ямой, врезанной в склон седловины, и двухярусным горном с остатками топочной камеры, в которой сохранилась недогоревшая закладка дров, и рухнувшей обжигательной камерой с развалами нескольких сосудов, К этому же горизонту относится хозяйственная постройка к северу от мастерской, сооруженная из вертикальных досок с угловыми столбами. К востоку от мастерской склон седловины был укреплен подпорной стенкой.

Весьма необычен комплекс керамики из мастерской. В отличие от вышележащих слоев XI в., содержащих типичную для Старой Рязани XI в. раннекруговую и т.н. «манжетовидную» керамику, комплекс горна дал коллекцию фрагментов горшков (не менее десяти) нехарактерного облика. По всем признакам она абсолютно идентична посуде т.н. «дрогичинского» типа, широко распространенной в XI столетии на русско-польском пограничье, в Подляшье, где признается местной особенностью, связанной с польскими традициями гончарства (Малевская. С. 145–146). Такая ке-

рамика встречалась в Старой Рязани в слоях XI в. на прилегающих участках посада и Северного городища, но в данном случае была открыта мастерская по ее производству. Вероятно, мастер, использовавший этот горн, был носителем дальних производственных традиций. Как и когда он попал на другой край восточнославянского мира, остается неясным. Можно лишь предположить связь его переселения с завеваниями пограничных русско-польских территорий Ярославом Мудрым и его братом Мстиславом в 1020-1030-е гг.

Как видим, в начальный период (в первой половине XI в.) исследованная территория была периферией города, что и выразилось в расположении на ней двух последовательно сменивших друг друга производственных комплексов, связанных с пожароопасным производством – гончарного горна, а затем железоделательного комплекса. Позднее, в пределах того же XI столетия, эта часть посада оказалась плотно застроенной, здесь располагались усадьбы, хозяйственные участки которых были исследованы в верхнем горизонте слоя XI в. Жизнь на участке продолжалась и позднее.

Анализ стратиграфии и мощности делювиальных отложений позволяет высказать еще одну гипотезу: наиболее мощный смыв грунта, датируемый первой половиной – серединой XI столетия, отражает начальный период активного антропогенного воздействия на рельеф растущего города. Вероятно, этот процесс был связан со строительством дорог и улиц Северного городища, что активизировало смыв грунта с его площадки. Таким образом, мощный слой песка, разделивший ранние периоды освоения участка, может служить «репером» начала истории Старой Рязани.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М.: «Кругъ», 1995. 448 с.

Завьялов В.И. Археологические исследования посада // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 90–104.

Малевская М.В. Керамика западнорусских городов X–XIII вв. Труды ИИМК РАН. Т.XVII. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2005. 160 с.

Стрикалов И.Ю., Чернецов А.В. Работы Старорязанской экспедиции в 1994-2010 гг. (хроника исследований) // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур. Рязань: РИАМЗ, 2012. С. 16–55.

ЖИЛИЩА СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ ЕЛЕЦКОГО КНЯЖЕСТВА КОНЦА XIV – НАЧАЛА XV В.[1]

© 2014 г. Н.А. Тропин

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец
(tropin2003@list.ru)

Ключевые слова: сельская округа летописного Ельца, служилые люди, средневековое жилище, типология жилищ.

Резюме. В статье исследуются жилища из раскопок поселения 3 у с. Аргамач-Пальна округи летописного Ельца второй половины XIV – начала XV в. Необычность поселения заключается в его принадлежности служилым людям. Жилища являются наземными с подпольными или предпечными ямами. Имеется возможность говорить об их внутренней планировке, выделяя избу, сени, горницу. Планиграфия жилищ на поселение свидетельствует о двурядной его застройки.

В 2011-2012 гг. экспедицией Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина совместно с Фондом научного краеведения Липецкой области (И.А. Козмирчук) в ходе раскопок поселения 3 у с. Аргамач-Пальна на площади в 4080 кв.м. были выявлены остатки пятнадцати жилищ и пяти крупных хозяйственных построек. К работам на памятнике были привлечены специалисты естественного профиля Ю.Н. Лаврушин (МГУ), А.А. Гольева (Институт географии РАН), А.М. Борисов (Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН). Результаты их исследований пока в полной мере не завершены.

Внимание к данному памятнику, открытому нами в 1989 г., было привлечено кладоискательскими находками двух монетных ордынских кладов, в составе одного из которых находились ювелирные женские украшения. Время сокрытия кладов определено около 1385 г. и 1415 г. (Е.Ю. Гончаров – ИВ РАН).

Обследование дневной поверхности памятника позволило придти к выводу, что предполагаемые нами ранее остатки военных блиндажей являются остатками средневековых подпольных ям. Проведенная съемка расположения остатков жилищ и находок по планшету выявила участки их концентрации и позволила говорить о возможных двух престижных участках. Среди индивидуальных находок 28,1% связаны с воинским сословием.

В процессе раскопок в площади жилищ нам удавалось определить их размеры. На фоне серой лесной почвы выделялись участки, содержащие детрит, образовавшийся от сгоревшего нижнего венца сруба. Их фиксация в профилях позволила иногда выделять внутри жилища избу, горницу, сени.

Все жилища являются наземными. В зависимости от конструктивных особенностей они разделены на два типа. Тип 1: жилища с подпольными ямами - погребами (постройки №№ 2А, 2Б, 3, 4А, 4Б, 17); Тип 2: жилища без подпольных ям (объекты №№ 13, 14, 15А, 15Б, 16, 18, 19, 20, постройка 15).

Жилища с подпольными ямами: Это, как правило, срубные наземные дома размерами 8х10 м. Одно из жилищ имело самые крупные размеры 12х12 м (постройка № 3). Два жилища были значительно меньше (постройка № 2А размерами 5,6х5,6 м и постройка № 4А размерами 6х около 8 м). Размеры подпольной ямы в жилищах 2,4х2,8 м – 3,3х4,3 м. Глубина подполий в материковой глине 0,8-1,1 м.

В каждом жилище имеется глинобитная печь. Площадь ее глинобитного развала составляла 3х5 кв.м. Даже если жилище перестраивалось, то следы от более ранней печи нами фиксировались либо в виде остатков крупных кусков обмазки, перекрытых страти-

1 Работа выполнена по гранту РГНФ, проект № 14-11-48003.

графически (объект № 15), либо в виде крошки обожженной глины, распространенной на площади не менее чем 4 кв.м. (постройка № 4А, постройка № 15). В постройке № 3 имелись две печи, что можно объяснить ее значительными размерами 12х12 м. Печи сооружались на опечках. В двух случаях определены их точные размеры 1х1 м (постройка № 2Б, объект № 20). Опечек сооружался из бревен диаметром 0,1 м. Жилища с подпольными ямами, очевидно, являлись домами на подклетах. Минимум о высоком подклете следует говорить применимо к постройке № 3, где в подпольной яме фиксировалась рухнувшая с жилого этажа печь.

Жилища без подпольных ям: Это срубные наземные дома площадью до 80 кв. м. Исключение составляют объекты №№ 13, 14, площадь которых 40 кв.м. Часто в жилищах встречены припечные ямы. В отличие от подполий они не глубокие 0,2-0,6 м и имеют овальную форму, их площадь не превышает 2 кв.м. Состояние и параметры глинобитных печей аналогичны печам жилищ предшествующей группы.

В ходе раскопок нами изымались образцы горелого дерева с разных частей сооружений для определения материала строительства домов. Благодаря любезности А.А. Гольевой, этот материал был оперативно определен. Установлено, что жилища строились исключительно из дуба. Вяз и ясень встречается лишь эпизодически в верхних слоях наземной части жилища. Мы связываем их применение, наряду с дубом, при строительстве крыши. Ясень наряду с дубом применялся и при сооружении опечка. В двух случаях в столбовых ямах отмечено применение лещины. В одном из этих случаев это был опорный столб (козел) под домом.

Раскопки жилищ обнаружили следы ремонтов и перестроек на прежнем месте, что позволило выделить четыре строительных этапа поселения.

С уверенностью можно говорить о планировке поселения. Оно застраивалось в два ряда. С интервалом между жилищами 20-30 м. Признаков усадеб не встречено. Однако перестройка жилищ происходила в пределах «своих» участков. Хозяйственные постройки располагались в отдалении от жилищ.

На поселении выделяются два статусных участка. Один из них связан с постройкой № 3, располагавшейся на юго-западной окраине поселения, на участке, где овраг устьем выходит к реке. Размеры сооружения 12х12 м. В сооружении находилась и самая крупная на поселении подпольная яма - погреб размерами 3,3х4,3 м и глубиной 1,26 м в материке. Постройка имела две глинобитные печи, очевидно, она сооружалась на высоком подклете. Наблюдения за слоем внутри постройки позволили предположить планировку жилища, вычленить визуально и взять почвенные образцы с участков, которые мы связываем с избой, сенцами, клетью и галереей (крыльцо).

Другой участок расположен в 60 м восточнее, у верхнего межевого камня, где раскопана постройка – объект № 16. Ее размеры 6х 10 м. В жилище выделяются два этапа. По своим внешним параметрам она не выделяется на фоне остальных. Однако возле нее были обнаружены монетные клады.

Результаты раскопок на поселении 3 у с. Аргамач-Пальна дали новые сведения, позволяющие говорить о поселении, на котором проживали служилые люди. Характер домостроительства (преимущественно крупные дома площадью 80-100 кв.м), находки, связанные с всадником (детали конской упряжи, доспешные пластины, шпоры) указывают о проживании элиты дружинного сословия. Вещевой комплекс в целом показывает, что поселение возникает не раннее последней четверти XIV в., что согласуется с известными достоверными письменными сведениями о Елецком княжестве. Ранее достоверное упоминание о Ельце известно от 1389 г. Оно содержится в литературном памятнике «Хождение митрополита Пимена в Царьград» и упоминает князя Юрия Елецкого. Тот же вещевой комплекс указывает и на бытовании поселения в XV в. Однако его следует ограничить до 1415 г., когда упоминается полное разорение Елецкой земли татарами. Таким образом, поселение имело узкие хронологические рамки, ограниченные последней четвертью XIV в. – 1415 г.

Раскопанное поселение служилых людей вносит существенный вклад в оценку локальной группы памятников в нижнем течении р. Пальна.

ФЕНОМЕН «БОЛЬШИХ ПОСЕЛЕНИЙ» СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ X–XI ВЕКОВ[1]

© 2014 г. Н.А. Макаров, А.Н. Федорина

Институт археологии РАН, Москва
(makarovna@iaran.ru; nasfed@yandex.ru)

Ключевые слова: Северо-Восточная Русь, Суздальское Ополье, X–XI вв., сложение структуры расселения, иерархия средневековых памятников, «большие поселения».

Резюме. В работе обосновано выделение в качестве особого типа поселений Северо-Восточной Руси IX–XI вв. «больших поселений», специфический характер которых проясняется с накоплением новых данных о селищах Суздальского Ополья. Эти памятники представляют собой крупные, многогектарные поселения, не имеющие оборонительных сооружений, с насыщенным культурным слоем, свидетельствующим о высокой интенсивности жизни. Присутствие на площадках поселений остатков производств и предметов, связанных с дальней торговлей, многокомпонентный характер культуры, включающей элементы, связанные с различными этническими традициями; присутствие в составе вещевых коллекций «престижных вещей», указывающих на особые социальные претензии части населения. На территории Суздальского Ополья достоверно зафиксировано восемь таких поселенческих комплексов, включение в эту группу ряда памятников требует дополнительных исследований: уточнения экономического базиса поселений, источников благосостояния, конкретных форм хозяйствования и социальной организации.

По мере накопления новых данных о поселениях X–XI вв. в различных областях средневековой Руси ощущается потребность вновь обратиться к проблемам реконструкции иерархических структур расселения и социально-экономической дифференциации поселенческих памятников. При осмыслении огромного массива новых материалов, полученного путем раскопок и обследований, сталкиваются разные подходы к интерпретации археологических объектов и поселенческих структур, документированных археологическими картами.

Один из таких подходов основывается на сложившихся в исторической науке представлениях о социальном устройстве древнерусского общества и типах поселений, существовавших на Руси в это время, и предполагает идентификацию среди археологических памятников «рядовых сельских поселений», племенных центров, центров княжеской администрации, дружинных лагерей и т.п. Историческая типология поселений проецируется, таким образом, на археологическую карту. В основе другого подхода – признание существования на территории Руси в IX–X вв. сети раннегородских торгово-ремесленных поселений, выступавших главными узлами развития новых социально-экономических отношений. Эта сеть противопоставляется массе сельских поселений. Помимо раннегородских поселений в нее могли быть включены центры более низкого статуса на отдельных участках торговых путей, которые выделяются по находкам импортов, престижных вещей и производственных комплексов. Третий путь предполагает систематизацию археологических данных о поселениях отдельных крупных регионов без каких-либо заранее предложенных интерпретационных моделей, попытку выделить отдельные типы поселений в больших массивах археологических памятников, зафиксированных в ходе полевых исследований последнего десятилетия. С методической точки зрения он наиболее корректен. Однако следует признать, что общая

1* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проекты № 14-06-0042а, 14-06-1003к.

совокупность древнерусских неукрепленных поселений с трудом поддается разделению по формальным археологическим критериям: в этих материалах не просматриваются признаки, строго соответствующие различным иерархическим уровням.

Последние 30 лет стали временем глубокого обновления картины расселения и социальной организации общества в I – начале II тыс. в Балтийском регионе, преимущественно в западной его части. Основное содержание этих изменений – открытие значительного количества поселений I тыс., в том числе крупных, с большой массой неординарных находок, характеризующих эти точки как центры власти и религиозного культа. Наиболее известные из этих памятников – Уппокра в Сконе (Швеция), Гудме на о. Фюн, Тиссё в Зеландии, Лейре в Зеландии, Сорте Мульд на о. Борнхольм (см. Larsen, 2001; Müller-Wille, 2005; Jørgensen, 2011). На этих поселениях собраны тысячи металлических предметов, на некоторых открыты остатки больших культовых построек. Для обозначения поселений римского времени – средневековья, выделяющихся своими размерами и составом и качеством находок обычно используется термин *central place* (мы переведем его как «центральное поселение»), принятый большинством археологов как удобное обозначение памятников, нерядовое место которых в общей иерархии кажется очевидным, а точный статус и функции не могут быть четко определены. М. Мюллер-Вилле 10 лет назад указал на территории Дании и Южной Швеции около 40 памятников с находками предметов из цветных и благородных металлов римского времени – раннего средневековья, которые правомерно рассматривать как «центральные поселения» (Müller-Wille, 2005. P. 104). Однако помимо центральных поселений на западе Балтийского региона в последние десятилетия выявлены сотни поселений более низкого статуса, многие из которых также содержат находки, связанные с торговлей, ремеслом и престижным потреблением (Dobat, 2005; Håkansson, 2013; Kleingärtner, 2014).

Открытия на западе Балтийского региона, на первый взгляд, не имеют прямого отношения к проблематике изучения структур расселения конца I –начала II тыс. на Севере Русской равнины. Они характеризуют ситуацию более раннего времени, документируют организацию расселения в приморских ландшафтах в условиях развития морских коммуникаций. Крупные надрегиональные центры с культовыми постройками и большим количеством вотивных вещей из драгоценных металлов, подобные Гудме и Уппокре, не имеют типологически близких соответствий среди памятников севера Восточной Европы. Однако в действительности эти материалы важны как для выработки новых практических подходов к изучению систем расселения на Севере Восточной Европы, так и для нового осмысления поселенческих памятников. Прежде всего потому, что открытия сделаны на археологических объектах, которые по своему облику и характеру очень близки поселениям железного века – средневековья в Центре и на Севере Европейской России. Те и другие – поселения в равнинных ландшафтах с культурным слоем небольшой мощности, сильно разрушенным распашкой, содержащим яркие находки, часто не привязанные к стратиграфическим контекстам. Методы исследования этих объектов, в которых значительную роль занимает анализ пространственного распределения находок, собранных на поверхности, и данных геомагнитной съемки в сочетании с раскопками на отдельных участках (Фон Карнап-Борнхайм и др., 2010; von Carnap-Bornheim et al., 2013), продуктивны для изучения поселений Центра и Севера России. Далее отметим, что результаты исследований, проведенных на поселениях без земляных укреплений в Дании, на юге Швеции и на севере Германии, показывают, что эти памятники, не образующие каких-либо иерархических групп по своим внешним признакам, в действительности могут представлять собой объекты разного статуса: от рядовых деревень и сельских дворов до надрегиональных центров, предшественников центров королевской власти (Markets…, 2003; Müller-Wille, 2005; Jørgensen, 2011; Hierarchies…, 2013; Kleingärtner, 2014). Особенно важно для осмысления российских материалов выявление торгово-ремесленных поселений, статус которых, очевидно, был ниже статуса «центральных поселений» регионального значения.

ПАМЯТНИК	КОЛ-ВО СОСТАВНЫХ ЧАСТЕЙ	ОБЩАЯ ПЛОЩАДЬ К.С. (ГА)	ПЛОЩАДЬ К.С. X–XI ВВ. (ГА)	ПЛОЩАДЬ РАСКОПОВ (М²)	КОЛИЧЕСТВО НАХОДОК		МОНЕТЫ			ТОРГОВЫЙ ИНВЕНТАРЬ		ПОЯСНАЯ ГАРНИТУРА	БУСЫ (СТЕКЛО/КАМЕНЬ)	ХРИСТИАНСКАЯ ПЛАСТИКА		КЕРАМИКА ИЗ СБОРОВ		
					РАСКОПЫ	П/М	ДИРХЕМЫ	ДЕНАРИИ	ВИЗАНТИЙСКИЕ	ГИРЬКИ	ДЕТАЛИ ВЕСОВ			КРЕСТЫ С ГРУБЫМ РАСПЯТИЕМ	КРЕСТЫ "СКАНДИНАВСКОГО" ТИПА	ЛЕПНАЯ (ВЕНЧИКИ/СТЕНКИ)	РАННЕКРУГОВАЯ	ВСЕГО
ВАСИЛЬКОВО-1	1	13	> 6	216	56	278	2					10	3/1			27/139		440
ВЕСЬКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС:	3	18,3	> 5	1323	2902	375	12					23	547/6			116/477	30	3672
ВЕСЬ-1		4,3	≈4	1070	1645							17	112/6					
ВЕСЬ-3		11,5	?			18										13/53		468
ВЕСЬ 5		2,5	≈1	253	1257	357	12					6	435			103/424	30	3204
ГНЕЗДИЛОВО-2	1	14,8	13	992	389	403	5	1	1	2	2	25	19		1	60/573	192	1838
КИБОЛ-5	1	11,5	≥ 3	1206	1625	50						4	45			1/19		398
СУВОРОТСКОЕ-8	1	6	> 4			391	1			2		14				20/270	6	1381
СУНГИРЬ	1	10	> 5			166				1		7	8/1		1	105/217	30	1185
ТАРБАЕВСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС	3	10,1	≈7			823	2			3		4	2/1	1		116/741	7	982
ТАРБАЕВО-5		4,9	≈4,5			554	1		1	2		3	2/1	1		99/563	6	738
ТАРБАЕВО-6		2,5	≈2			134	1			1		1				6/126	1	135
ТАРБАЕВО-7		2,7	≈0,5			135										11/52		109
ШЕКШОВСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС:	2	39	≥15		1561	856	5	1		6		38	235/4	2	2	106/630	261	1646
ШЕКШОВО-2		29	≥12	265	381	567	5	1		5		30	55/1	2	1	77/577	261	1096
БОЛЬШОЕ ДАВЫДОВСКОЕ-2		10	≥3	865	1180	289		1		1		8	180/3		1	29/53		550

Примечание: к.с. – культурный слой; п/м – подъемный материал.

Цель настоящей публикации – обоснование выделения в качестве особого типа поселений Северо-Восточной Руси IX–XI вв. «больших поселений», специфический характер которых проясняется с накоплением новых данных о селищах Суздальского Ополья (Макаров, 2008, 2012а, б; Федорина, Красникова, 2012; Макаров, Федорина, 2013). Характерные особенности этих памятников, выявившиеся на современном этапе их изучения: крупные размеры (площадь более 4 га, в большинстве случаев 7–15 га); отсутствие оборонительных сооружений; насыщенность культурного слоя вещевыми находками и разнообразными бытовыми остатками, свидетельствующая о высокой интенсивности жизни; присутствие на площадках поселений остатков производств и предметов, связанных с дальней торговлей; многокомпонентный характер культуры, включающей, как правило, элементы, связанные с различными этническими традициями; присутствие в составе вещевых коллекций «престижных вещей», указывающих на особые социальные претензии части населения. Эти особенности не соответствуют традиционным представлениям о хозяйстве и культуре средневекового сельского общества и сближают «большие поселения» с открытыми торгово-ремесленными поселениями и раннегородскими центрами. В то же время очевидно, что «большие поселения» – не единичные объекты, статус которых ранее недооценивался, а достаточно многочисленная группа памятников. «Большое поселение» – условный археологический термин, не имеющий заранее заданного историко-социологического содержания. Его «нейтральность» позволяет рассматривать этот тип поселений как археологический феномен, воздерживаясь от историко-социологических интерпретаций до более глубокого изучения самих материальных памятников.

В Суздальском Ополье в настоящее время известно восемь достаточно полно документированных поселенческих комплексов, которые могут быть отнесены к этой группе: Шекшово-2 – Большое Давыдовское-2; Кибол-5; Весь-1, 3, 5; Васильково-1; Тарбаево-5–7; Гнездилово-2; Суворотское-8; Сунгирь (см. *таблицу*). На всех этих памятниках определены границы распространения культурного слоя X–XI вв. и собраны большие вещевые коллекции (от 160 до 3250 предметов), определяющие их хронологические рамки, характеризующие культуру, потребление и хозяйственную деятельность. Пять из этих поселенческих комплексов были впервые открыты в 1980-е гг., однако лишь полевые работы последних лет дали возможность установить их реальные размеры, прояснить структуру и собрать материалы, необходимые для уточнения датировок. Остальные три поселенческих комплекса открыты и исследованы в последние годы. Основная часть вещевого материала на всех памятниках получена путем сбора артефактов на распаханной поверхности. Раскопки проводились в пяти поселенческих комплексах на семи селищах. На шести памятниках в составе трех поселенческих комплексов на больших площадях проведена геомагнитная съемка, позволяющая представить плотность застройки и пространственную организацию поселений. Таким образом, мы располагаем достаточно объемным и разнообразным материалом для характеристики «больших поселений».

Для осознания особого места этих памятников существенное значение имеет определение размеров участков с культурным слоем X–XI вв. на селищах на основании планиграфии находок лепной и раннекруговой керамики, металлических вещей – хроноиндикаторов X–XI вв., и радиоуглеродного датирования углей и органики из заполнения ям, прорезанных геобурением. На двух наиболее крупных поселенческих комплексах эти площади определены, как 15 и 13 га, для четырех других известно, что они превышают 5–7 га, еще на двух они оцениваются, как превышающие 3 и 4 га, однако установление реальных размеров распространения раннего культурного слоя в последних случаях затруднено присутствием на памятниках позднейших отложений. Геомагнитная съемка, выполненная на селищах Шекшово-2, Большое Давыдовское-2 и Тарбаево-5–7, показывает присутствие в границах распространения культурного слоя с лепной и раннегончарной керамикой участков с плотной застройкой. При сопоставлении размеров суздальских «больших поселений» с размерами раннегородских центров (Новгородское (Рюриково) городище – 7 га, Ла-

дога – 8 га, Гнездово – 30 га) и поселений, которые рассматриваются как крупные торгово-ремесленные и административные центры (Сарское – 3 га, Тимерево – 12 га), выясняется что «большие поселения» ненамного уступают тем и другим, а иногда и превосходят. Сопоставления не стоит интерпретировать слишком прямолинейно, но все же очевидно, что суздальские «большие поселения» X–XI вв. в целом соразмерны тем памятникам, за которыми закрепился статус важнейших центров торговли и политической организации на Русской равнине.

Вещевые коллекции, собранные на всех восьми поселенческих комплексах, исключительно богаты и разнообразны по своему составу. Они включают в себя украшения и металлические детали костюма, бытовые вещи, орудия труда и предметы вооружения. Набор женских украшений характеризуется сочетанием шумящих украшений поволжско-финского облика (треугольные подвески, полутрубчатые подвески, подвески-коньки типа XVII по Е.А. Рябинину (1981. С. 33), двуспиральные обувные накладки, привески-лапки, бутылковидные привески), украшений балтийского или северо-западного происхождения, получивших широкое распространение на севере Восточной Европы (подковообразные фибулы различных типов, широкосрединные пластинчатые перстни с завязанными концами, орнаментированные «волчьим зубом»; пластинчатые браслеты со штампованным орнаментом) и отдельных вещей славянских и скандинавских типов (лунницы, височное кольцо «деснинского типа», различные типы круглых подвесок, в том числе со стилизованным изображением переплетенного зверя). Отметим присутствие на трех поселениях амулетов скандинавских типов, в том числе железного кольца с молоточками Тора (Шекшово-2). Многочисленная поясная гарнитура (накладки, ременные наконечники и пряжки) найдена на всех восьми поселенческих комплексах. На пяти селищах обнаружены предметы христианского культа ранних типов: крестики с грубым изображением Распятия, кресты «скандинавского типа». В коллекциях шести селищ присутствуют амулеты-топорики. Ножи представлены преимущественно образцами с узким клиновидным лезвием. Новые металлографические анализы ножей с селищ Шекшово-2 и Весь-5 подтверждают заключение об использовании техники «пакета» при изготовлении части изделий этого типа (Щербаков, 2014. С. 36–37). Для керамических комплексов характерно сочетание лепной керамики и раннекруговой посуды славянского облика, на двух селищах идентифицированы фрагменты керамики менкендорфского типа. Хотя селища различаются по соотношению находок, отражающих различные культурные традиции, общий состав этих наборов близок, присутствие поволжско-финского, балтийского и славянского компонентов прослеживаются на всех памятниках.

Включение «больших поселений» Суздальского Ополья в систему товарно-денежных отношений документировано находками монет, торгового инвентаря и многочисленных импортов. В коллекциях, собранных на восьми селищах шести поселенческих комплексов, представлены целые куфические монеты и их фрагменты, на трех селищах найдены западноевропейские денарии, на двух – медные византийские монеты. На семи селищах зафиксированы находки бочонковидных весовых гирек, на одном найдены детали весов. На четырех поселениях при раскопках собраны большие коллекции стеклянных бус, наиболее высокая концентрация их отмечена на селище Весь-5. Находки тиглей, льячек, выплесков металла, незаконченных ювелирных украшений на селищах Весь- 5, Весь-1, Большое Давыдовское-2 и Шекшово-2 указывают на существование ювелирного производства на этих памятниках.

Археоботанические материалы из раскопок свидетельствуют о достаточно высокой и регулярной земледельческой активности и о важности продуктов земледелия в структуре питания обитателей «больших поселений». Присутствие на селищах карбонизированных макроостатков культурных растений (ячмень, рожь, пшеница-двузернянка, просо, овес) и сорняков и разнообразие культурных злаков не оставляет сомнений в том, что становление «больших поселений» сопровождалось сельскохозяйственным освоением территорий. Судя по составу остеологической коллекции из раннего горизонта селища Весь-5,

на первом этапе существования «больших поселений» собственная добыча пушнины была важным источником благосостояния, но о сохранении значимых масштабов промысла во второй половине X – XI в. данных нет.

Для характеристики места «больших поселений» в системе расселения X–XI вв. существенно, что они не были «центрами», занимавшими доминирующее положение по отношению к массе рядовых поселений на окружающих территориях. «Большие поселения» образуют в Суздальском Ополье плотную сеть, расстояния между ближайшими крупными поселенческими комплексами X–XI вв. составляет от 6-7 до 13-14 км. В большинстве случаев в радиусе 3–5 км от основных поселений не удается проследить концентрации селищ более низкого статуса, которые могли бы находиться под их административным контролем. Таким образом, хозяйственные зоны и возможные зоны административного управления «больших поселений» были невелики.

Основной период существования «больших поселений» ограничивается X–XI вв. Их формирование начинается в IX в., однако надежно датированные культурные напластования и вещевые материалы IX в. выявлены пока лишь на одном памятнике – селище Весь-5 (Макаров, Захаров, Шполянский, 2010). Период наивысшего подъема этих поселений охватывает, по-видимому, вторую половину X – XI в. Часть «больших поселений» пришла в упадок в середине XII в. (запустели или сократились в размерах Шекшово-2, Гнездилово-2), часть дожила до второй половины XIII в., превратившись в обычные села (Тарбаево, Васильково-1, Большое Давыдовское-2, Сунгирь), часть продолжает существовать в позднее средневековье и Новое время (Кибол-5).

Восемь поселенческих комплексов, выделенных в качестве «больших поселений», по-видимому, далеко не исчерпывают круг подобных памятников в Суздальском Ополье. Вопрос о правомерности включения в эту группу целого ряда крупных селищ с находками X–XI вв. (Турабьево-1, 2, Шелебово-2–4, Ратницкое-4, Суворотское-3, 9, Овчухи-3–5, Кубаево-2, 3, Кинобол-2) остается открытым до получения более представительных материалов, которые позволили бы уточнить их датировку и подтвердить присутствие на этих памятниках импортов, престижных вещей и остатков производственной деятельности.

Таким образом, выход Северо-Восточной Руси на историческую арену в IX–X вв. сопровождался становлением особого типа поселений со сложной комплексной экономикой и, вероятно, неоднородным этническим составом обитателей. Эти поселения сложились в тот период, когда Суздаль еще только формировался как городской центр, и выступали как места сосредоточения значительной части населения Суздальской земли. Определение этих поселений как «сельские» не отражает их место в экономике и культурный облик, поскольку производство аграрных продуктов было лишь одним из направлений их хозяйственной деятельности, а культура близка раннегородской. В то же время относительная малочисленность (по сравнению с Гнездовом и Рюриковым городищем) монетного серебра, отсутствие монетных и монетно-вещевых кладов, ограниченный набор импортов свидетельствуют о том, что по своему экономическому потенциалу, благосостоянию и уровню социальных претензий «большие поселения» заметно уступали раннегородским центрам.

«Большие поселения» Суздальского Ополья как археологические памятники по своему характеру близки раннесредневековым неукрепленным поселениям среднего иерархического уровня с находками импортов, престижных украшений, оружия и торгового инвентаря в Западной Балтике и Южной Скандинавии. Те и другие показывают, что появление сложных форм социальной организации и высокий уровень развития торговых отношений в раннем средневековье не всегда связаны с кристаллизацией ранних городов. Существенное различие между «большими поселениями» Суздальской земли и «центральными поселениями» Западной Балтики заключается в том, что первые были скорее самодостаточными очагами расселения и экономической жизни, чем центрами округов, структура которых хорошо прослеживается в Скандинавии (Müller-Wille, 2005. P. 92–93,109. Fig. 1).

Очевидно, становление «больших поселений» как особой формы организации рас-

селения и хозяйства нельзя считать специфическим явлением, получившим на Руси распространение лишь в Суздальском Ополье. Дальнейшее изучение этого феномена предполагает, с одной стороны, более точное прояснение экономического базиса поселений, источников благосостояния, конкретных форм хозяйствования и социальной организации, с другой стороны, – выявление памятников подобного типа в других областях, исследование их географического распространения в Северо-Восточной Руси и за ее пределами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Фон Карнап-Борнхайм К., Хильберг Ф., Кальмринг С., Шульце Й. Хедебю, поселение и порт: старые материалы и новейшие исследования // РА. 2010. № 1. С. 53–63.

Макаров Н.А. Археологическое изучение севернорусской деревни: пути, подходы, результаты // Сельская Русь в IX–XVI веках / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов; сост. И.Н. Кузина. М.: Наука, 2008. С. 5–15.

Макаров Н.А. Средневековые селища вблизи сел Тарбаево и Туртино в Суздальском Ополье // Археология Владимиро-Суздальской земли. Матлы научного семинара. Вып. 4 / Сост. С.В. Шполянский. М.; СПб.: ИА РАН, 2012а. С. 65–85.

Макаров Н.А. Суздальское Ополье // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012б. С. 194–211.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Шполянский С.В. О датировке средневекового поселения Весь 5 под Суздалем // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рожд. Е.Н. Носова. СПб.: ИИМК РАН, 2010. С. 113–141.

Макаров Н.А., Федорина А.Н. Суздальская земля в IX–XI вв.: расселение, культура и балтийские связи // Археология Балтийского региона / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Мастыкова, А.Н. Хохлов. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 223–240.

Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. М.: Наука, 1981. 124 с. (САИ; Вып. Е1-60).

Федорина А.Н., Красникова А.М. Средневековое поселение Большое Давыдовское 2 под Суздалем // РА. 2012. № 4. С. 91–102.

Щербаков В.Л. О технологии древнерусских кузнечных изделий (по материалам селищ Суздальского Ополья) // РА. 2014. № 1. С. 32–39.

v. Carnap-Bornheim C., Grupe G., Hilberg V., Schultze J. Hedeby – methods and results of settlement archaeology // Археология Балтийского региона / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Мастыкова, А.Н. Хохлов. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 173–181.

Dobat A. Maritime Cultural Landscapes- Recovering the Trajectories of Communication across the Baltic // Quaestiones Medii Aevi Novae. V. 10. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2005. P. 53–90.

Hierarchies in rural settlements. Ruralia IX. (26th September – 2nd October 2011, Götzis, Austria) / Ed. J. Klápště. Turnhout: Brepols, 2013. 462 p.

Håkansson A. Beyond the archetypes. Social hierarchies in rural medieval Halland, SW Sweden // Hierarchies in rural settlements. Ruralia IX. (26th September – 2nd October 2011, Götzis, Austria) / Ed. J. Klápště. Turnhout: Brepols, 2013. P. 359–370.

Jørgensen I. Gudme – Lundeborg on Funen as a Model for Northern Europe // The Gudme/Gudhem Phenomenon. Neumünster: Wachoholz Verlag, 2011. S. 77–89. (Schriften des Archäologischen Landesmuseems. Ergänzungsreihe; Bd. 6).

Kleingärtner S. Die frühe Phase der Urbanisierung an der südlichen Ostseeküste im ersten nachchristelichen Jahrtausend. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2014. 505 S. (Studien zur Siedlungsgeschichtichte und Archäder Ostseegebiete; Bd. 13).

Larsen L. Uppåkra, an Iron Age Site with a Long Duration: Internal and External Perspectives // Kingdoms and Regionalit. Transactions from the 49th Sachsensymposium 1998 in Uppsala / Ed. B. Arrhenius. Stockholm, 2001. P. 51–66. (Thesis and Papers in Archaeology; Bd. VI).

Markets in Early Medieval Europe: Trading and «Productive sites». 650–850 / Eds T. Pestell, K. Ulmschneider. Macclesfield: Windgather Press, 2003. 224 p.

Müller-Wille M. Between Gudme and Reric. Protohistoric Central Places of Southern Scandinavia and Adjoining Territories // Quaestiones Medii Aevi Novae. V. 10. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2005. P. 91–120.

ДРЕВНЕЙШИЕ БУСЫ СТАРОЙ ЛАДОГИ: КУЛЬТУРНО-Х РОНОЛОГИЕЧСКАЯ СПЕЦИФИКА

© 2014 г. Я.В. Френкель

Государственный Эрмитаж, Санкт Петербург
(jashafrenkel@mail.ru)

Ключевые слова: Старая Ладога, стеклянные бусы, VIII век, осиные бусы бусы Рибе, Вендель, даты.

***Резюме*:** Среди древнейших ладожских бус, найденных в нижнем горизонте культурного слоя Земляного городища, преобладают типы, которые продолжают встречаться на памятнике и значительно позднее. Удается узко датировать (750-е – 800-е гг.) т.н. «осиные бусы». Такие бусы найдены еще на нескольких ранних поселениях Северо-запада. В материалах Земляного городища имеется одна бусина – из группы т.н. «бус Рибе», подавляющее большинство которых датируются 700-ми – 760-ми гг. В культурный слой Земляного городища эта бусина попадает в последней трети IX в. Не раньше этого времени датируется попадание еще одной подобной бусы в культурный слой Рюрикова городища. Столь позднее выпадание в слой поздневендельских бус корреспондируется с фактами обнаружения поздневендельских металлических украшений на древнерусских памятниках заключительной стадии эпохи викингов.

Старая Ладога – единственный известный протогородской центр на древнерусском северо-западе, существующий с середины VIII в. В культурных напластованиях памятника отложились многочисленные стеклянные бусы. Опубликованы коллекции, происходящие из раскопок Н.И.Репникова, В.И.Равдоникаса и Е.А.Рябинина на Земляном городище. В публикациях А.Н.Кирпичникова о раскопках последних лет регулярно сообщаются данные о найденных бусах.

О самых ранних стеклянных бусах Земляного городища сообщается в публикациях Е.А.Рябинина и О.И Давидан (Рябинин, 1982; Давидан, 1994).

Типологический ансамбль первых бус не особенно отличается от ансамблей бус последующих культурных напластований VIII–IX вв. Те же типы бус встречаются и позднее, хотя для ранней группы выделяется доля синего рубленного бисера. Происхождение бус Земляного городища середины VIII в. также не является чем-то особенным в сравнении с происхождением большинства более поздних бус. Мозаичные и глазчатые бусы, бисер, многочастные пронизки были изготовлены где-то на арабском (и/или иранском?) Востоке. Бусы III группы по З.А.Львовой (Львова, 1968) и бусы молочно-белого стекла с печеночно-красным декором (B011- B019 по Кальмеру) (Callmer, 1977) имеют североевропейское происхождение.

Но середина VIII в. – это поздневендельское время по североевропейской шкале, и позднемеровингское – по центральноевропейской и западноевропейской[1] шкале. Меровингская компонента в материальной культуре ранней Старой Ладоги сколько-нибудь ощутимо не проявляется[2]. А вот североевропейская компонента в материальной культуре Старой Ладоги этого времени заметна очень хорошо. Следовало бы ожидать, что среди самых ранних стеклянных бус Земляного городища окажутся типы, характерные именно для поздневнедельской Скандинавии.

Частично так и происходит. В ранних бусинных материалах Земляного городища (и в материалах Каменной крепости[3]) встречаются т.н. «осиные бусы»[4], отвечающие типу B060 по Ю.Кальмеру (Callmer, 1977). С куль-

1 а также по финляндской

2 костяные гребни относятся, скорее, к общеевропейской категории находок этого времени

3 Раскопки Г.Ф. Корзухиной

4 Называние дано за черно-желтый цвет бус

турной атрибуцией, типологией и хронологией этих бус в отечественной литературе имела место известная путаница (Львова, 1968. С. 77; Френкель, 2007. С. 95–96).

«Осиные бусы» датируются в Северной Европе в целом тремя последними четвертями VIII в. (Feveile, Jenssen, 2000. P. 20–23. Fig 11, 14:d). Они серийно встречены в Бирке[5] (Швеция) и Рибе (Дания). В литературе есть указание на то, что такие бусы изготовлялись в Рибе (там же, P. 22–23). Помимо Скандинавии, «осиные бусы» встречаются в Германии, Голландии и Англии. Кроме того, подобные бусы входят в группу родственных типов, в это же время существовавшую еще и в Центральной Европе, в памятниках позднеаварского (и более позднего великоморавского) круга.[6] Видимо, «осиные бусы» изготовлялись в двух синхронных центрах, центрально-европейском (юго-восточная Германия?) и скандинавском (Дания). Это предполагает некую связь между мастерскими и/или мастерами. Заметим, что центрально-европейский центр надолго пережил скандинавский.

В Старой Ладоге «осиные бусы» датируются второй половиной VIII в. Следует признать, что верхняя дата «осиных бус» (860-е гг.) приведена в нашей работе (Френкель, 2007. С. 96) не верно. Этим временем следовало датировать не бусы, а деревянные сооружения, перекрывающие на Земляном городище старой Ладоги (раскопы А.Н.Кирпичникова №№ 3 и 4) включавший «осиные бусы» стратиграфически нерасчленимый культурный слой предшествующего времени, не содержащий деревянных конструкций, и лежавший на древней пахоте, в свою очередь перекрывающей материк.

Кроме Старой Ладоги, «осиные бусы» на северо-западе обнаруживаются в непосредственной близи от Земляного городища на городище Любша[7], и на расположенных сравнительно недалеко от Старой Ладоги Сясьском городище[8] (Юго-восточное Приладожье) и селище Прость[9] (Северное Приильменье). Всего на северо-западе было найдено около двадцати таких бус.

Но в поздневендельской Северной Европе несколько раньше «осиных бус» появилась целая группа типов бус совершенно иного облика. Это были стилистически близкие бусы синего прозрачного стекла с гладким криволинейным декором в виде накладных нитей красного и белого стекла (Callmer, 1997. Taf. 15: B. №№ 11-15, 17, 19-23[10]; Feveile, Jenssen, 2000. P. 22. Fig 14:c). По месту изготовления подобные бусы иногда называют «бусы Рибе». В отличие от «осиных бус», верхняя дата «бус Рибе» уходит в середину IX в., хотя подавляющее число таких бус датируется первыми двумя третями VIII в. (Feveile, Jenssen, 2000. P. 20, 22. Fig 11). Если в Рибе число «осиных бус» и «бус Рибе» сопоставимо, то в целом в Скандинавии «бусы Рибе» количественно намного преобладают над «осиными бусами».

Однако на северо-западе нам известно только о трех находках «бус Рибе»: из Старой Ладоги[11], с городища Любша[12], и с новгородского Рюрикова городища.[13] Еще один, сопоставимый, но несколько отличающийся экземпляр был найден в Пскове[14].

Материалы Любшанского городище на сегодняшний день можно датировать только в широких пределах VIII–IX вв. Автор раскопок Е.А.Рябинин отнес нижнюю дату городища к началу – середине VIII в. (Рябинин, Дубашинский, 2002. С. 202). Находка Рюрикова городище лишена стратиграфическо-хронологической привязки. Нижняя дата самого городища локализуется в пределах последней трети IX в. Ладожская находка была сделана в культурных напластованиях, датировка которых отвечает дате горизонта E_1 традицион-

5 Сердечно благодарим Б. Амброзиани, ознакомившего нас с результатами своих раскопок

6 Подобная бусина была найдена в 2007 г. В.Ю.Ковалем при раскопках поселения Сосновка

7 Раскопки Е.А.Рябинина (Рябинин, Дубашинмктй, 2002; Львова, 2010. С. 476),

8 Раскопки О.И. Богуславского. См. (Френкель, 1997. С. 125).

9 Раскопки Н.В. Хвощинской и А.В. Плохова.

10 Соответствуют типам B385, B406, B407, B410, B417, B392, B408, B422, B388, B411 (Callmer, 1977),

11 Раскопки А.Н. Кирпичникова (Меч и златник, 2012. С. 68. №134).

12 Раскопки Е.А. Рябинина. Сама бусина была утрачена, и не попала в статью З.А. Львовой о бусах Любши (Львова, 2010). Сохранились несколько фотографий этой бусины.

13 Раскопки Е.Н. Носова. (Носов, Горюнова, Плохов, 2005. С. 62. Табл. VIII, 56).

14 Раскопки Е.В. Салминой (Яковлева, Салмина, Королева, 2012. Рис. 11, 11).

ной ладожской стратиграфии (т.н. не раньше 860-х гг.).

Узкая дата любшанской находки не устанавливается. Нижняя дата двух остальных бус оказывается примерно одинаковой. По времени изготовления, ладожский экземпляр «бус Рибе» - одна из самых ранних бус Старой Ладоги. Экземпляр Рюрикова городища – самая ранняя из известных нам бус этого памятника. Но выпадение этих бус в слой произошло заметно позднее (примерно на сто лет) времени максимальной популярности бус этого типа в Скандинавии. Столь долгое пребывание бус в «живой культуре» названных поселений до момента их выпадения в слой на этих же поселениях совершенно невозможно в случае Рюрикова городища, и крайне маловероятно (учитывая пожары и перепланировки) в случае Старой Ладоги.

Это не позволяет говорить о явлении классического запаздывания. Скорее следует предположить, что данные бусы принадлежали тем выходцам из Северной Европы, в среде которых по каким-то причинам сохранялись поздневендельские бусы.

Данный частный сюжет выносится на обсуждение по следующим причинам. Во-первых, он иллюстрирует опасность датировок слоя поселения по отдельным находкам, несколько выбивающимся из общей хронологии. Во-вторых (и это, на наш взгляд, существеннее), данное наблюдение корреспондируется с целой серией фактов обнаружения на древнерусских памятниках, относящихся к заключительной стадии эпохи викингов, поздневендельских металлических украшений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Давидан О.И. Материальная культура первых поселенцев древней Ладоги (из коллекции Государственного Эрмитажа) // Петербургский археологический вестник. Вып. 9. СПб.: Государственный Эрмитаж. 1994. С. 155–167.

Львова З.А. Стеклянные бусы Старой Ладоги (Часть I) // АСГЭ. № 10. Л.: Государственный Эрмитаж, 1968. С. 64–94.

Львова З.А. Стеклянные бусы Любши // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Том I. М.-СПб. : ИИМК РАН, 2010. С. 467–478.

Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства. ГИМ, Каталог выставки / Отв. ред. В.В.Мурашова. М.: ГИМ, 2012. 317 с.

Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (новейшие исследования). ИИМК РАН. Труды. Том XVIII. СПб., 2005. 403 с.

Рябинин Е.А. Бусы Старой Ладоги (по материалам раскопок 1973-1975 гг.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья: межвузовский сборник. Л.: ЛГУ, 1982. С. 165–172.

Рябинин Е.А., Дубашинский А.В. Любшанское городище в Нижнем Поволховье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 196–203.

Френкель Я. В. Стеклянные бусы Сясьского Городища // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. СПб.: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, 1997. С. 124–129.

Френкель Я.В. Опыт датирования пойменной части Гнездовского поселения на основании коллекции стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999-2003 гг.) // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. М.: ГИМ, 2007. С. 78–117.

Е.А.Яковлева, Е.В.Салмина, Э.В.Королева. Псков // Русь в IX–X вв. Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А.Макаров. М.-Вологда: ИА РАН, 2012. С. 139–159.

Callmer J. Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca. 800-1000 A.D. // Acta archeologica Lundensia Series in 4. Nr 11. Lund, 1977. 229 p.

Callmer J. Bead production in Scandinavia and the Baltic Region c. AD 600-1100: a general outline // Perlen. Archäologie, Techniken, Analysen. Bonn.: Römisch-germanische Komission. Reiss-Museum der Stadt Mannhem, 1997. P. 197–202.

Claus Feveile, Stig Jenssen. Ribe in the 8th and 9th century. A contribution to the Archaeological chronology of north Western Europe // Acta Archaeologica. Vol. 71. 2000. P. 9–24.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ СЕЛИЩЕ КРУЖОК В ПОДМОСКОВЬЕ

© 2014 г. М.В. Цыбин

Воронежский государственный университет, Воронеж
(mvcibin@yandex.ru)

Ключевые слова: Московская область, Красногорский район, р. Москва, средневековое селище.

Резюме. В 2008 и 2009 гг. археологическая экспедиция Воронежского государственного университета провела охранные археологические исследования селища Кружок, расположенного в 1,3 км к северо-востоку от д. Захарково Красногорского района Московской области, на восточном берегу высохшего пойменного озера «Кружок» (старица левого берега р. Москвы). Изучено 6072 кв.м. площади поселения. Выявленные строительные комплексы относятся к XV–XVIIIвв. Выделено несколько строительных горизонтов: XV в., XVI в., XVII в., первая половина – середина XVIII в.

Селище Кружок расположено в урочище «Захарковская пойма», в 1,3 км к северо-востоку от д. Захарково Красногорского района Московской области, на восточном берегу высохшего пойменного озера «Кружок» (старица левого берега р. Москвы). Высота площадки селища над уровнем дна старицы 5 м. Территория селища протянулась вдоль современного берега старицы, занимая всхолмление между двумя запаханными оврагами, расположенными от него к северу и югу.

Памятник открыт Е.И. Гаком в 2003г., детально обследовался им в 2007 г. (Гак, 2003; 2004). В 2008 и 2009 гг. на селище Кружок экспедицией кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского госуниверситета были проведены охранные раскопки, в результате которых изучено 6072 кв.м. (Цыбин, 2008; 2009; Цыбин, Гак, Савицкий, Сафонов, 2011). Палеопочвенные исследования на селище Кружок проведены к.б.н., с.н.с. лаборатории археологического почвоведения Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН А.В. Борисовым (Борисов, 2010). Определение нумизматического материала проведено научным сотрудником ГИМ Е.В. Глазуновой, определение крестов-тельников – научным сотрудником ГИМ Д.В. Шполянской.

Несмотря на сильные разрушения культурного слоя селища в период сооружения мелиоративной системы, удалось выявить строительные объекты, проследить планировку селища, уточнить его хронологию, реконструировать исходный ландшафт.

Время существования селища определяется найденными на нем монетами. К XV в. относятся шесть монет (Василий Дмитриевич, удельный князь Ярослав Владимирович, Василий II Темный (3экз.), Иван III); к концу XV – началу XVIв. – одна монета; к XVI в. – четыре монеты; к XVII в. – две монеты (в том числе шведская монета); к концу XVII – середине XVIII вв. – 14 монет (Петр I – 4 экз.; Анна Иоанновна – 6 экз.; Елизавета Петровна – 3 экз.). Найден также счетный жетон для абака (Германия, первая половина XVIII в.).

Выявленные строительные комплексы относятся к XV–XVIIIвв. (рис. 1). Выделяется несколько строительных горизонтов: XV в., XVI в., XVII в., первая половина – середина XVIII в. Необходимо отметить, наличие находок, датируемых XII–XIII вв., однако строительные комплексы этого периода не выявлены.

В XV в. поселение, скорее всего, включало два двора. Центральным объектом первого являлась постройка 2 (углубленный подклет наземной жилой постройки; котлован овальной формы размерами 3,78х2,8м, глубиной 0,7м), центральным объектом второго - постройка 5, также представлявшая собой подклет (подпол) наземной жилой постройки (котлован

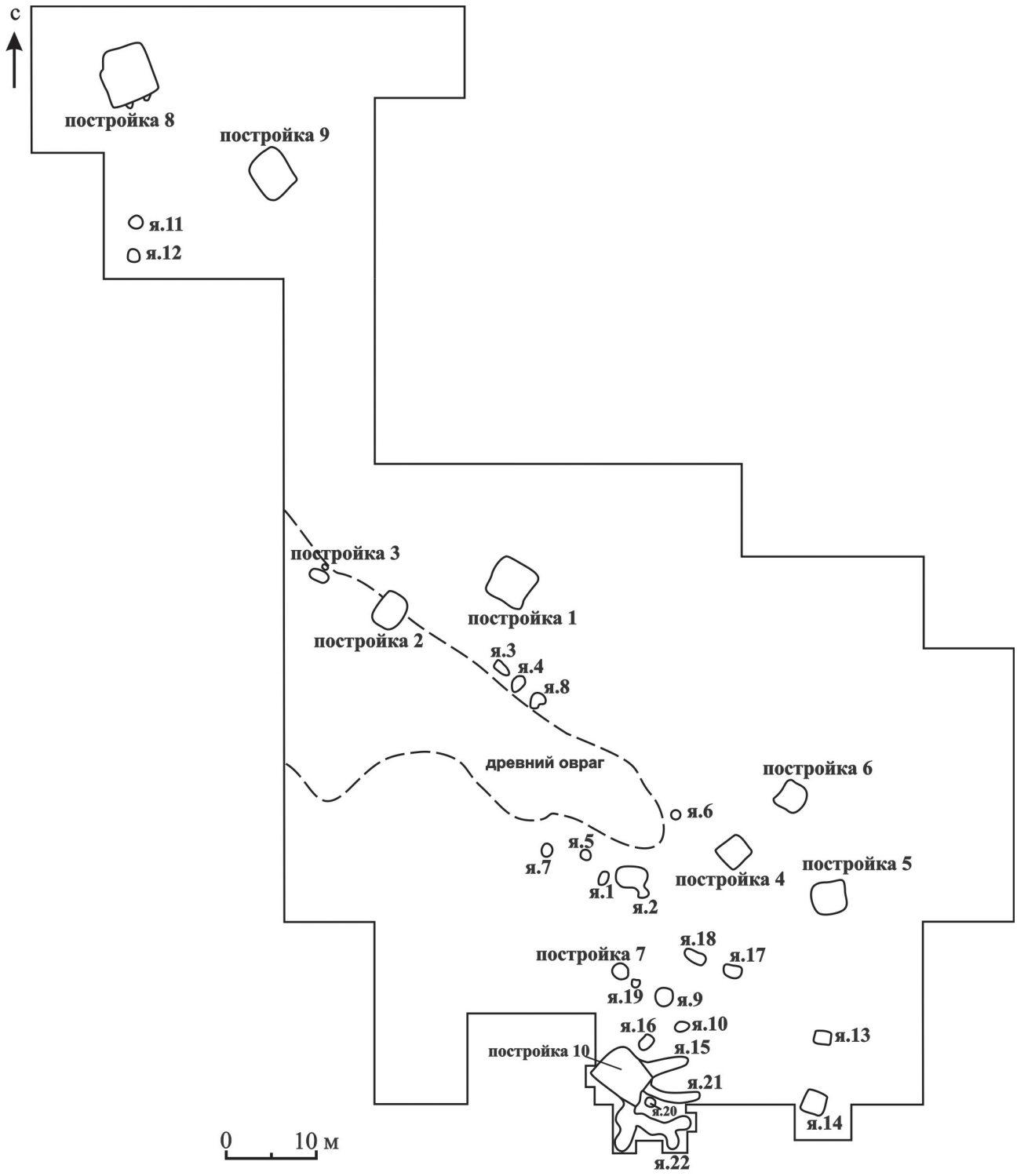


Рис. 1. Селище Кружок. Общий план раскопов 1, 2, 3

подквадратной формы размерами 3,6х3,48м, глубиной до 1,4м). Остальные объекты (постройка 3, ямы 2, 4, 6, 7, 11, 13. 14, 17) - остатки хозяйственных сооружений.

К XVI в. относится постройка 4, являвшаяся углубленным подклетом наземной жилой постройки. Котлован имел прямоугольную форму, его размеры 2,55 х 2,8м. Глубина котлована в материковом основании – 0,45м. В заполнении котлована найдены разнообразные находки, в том числе московское пуло 30-50-х гг. XVI в. и фрагменты двух-трех жерновов.

С поселком XVI в. связаны большие хозяйственные постройки 8 и 9. Особенностью построек являются большие размеры котлованов (6,1х5,35х1,57; 5,08х3,98х1,6м), наличие деревянной конструкции стен; следы пожаров и перестроек. Постройки связаны с земледельческим хозяйством (овины?), о чем свидетельствуют находки скоплений обгоревших зерен ячменя (определение Н.А.Кирьяновой), в том числе необмолоченного.

К XVII в. относится постройка 1. Ее котлован имел прямоугольную форму размерами 4,2-4,36 х4,3-4,5м и глубину в материковом основании 0,5-0,56м. Вдоль стен котлована находилась каменная кладка, в которой использовались крупные валуны и более мелкие камни. Верхняя часть кладки разрушена распашкой и планировкой под мелиоративную систему. Размеры площади, ограниченной каменной кладкой, 3,2х2,9м. Постройка 1 являлась погребом, находившимся, видимо, в площади жилой постройки. Об этом свидетельствуют находки в заполнении котлована больших фрагментов обожженной глины (печины).

К первой половине – середине XVIII в. относится ряд строительных комплексов. Постройка 6 (часть углубленного подклета наземного дома) имела котлован подпрямоугольной формы размерами 2,76х2,9м. Глубина котлована в материковом основании – до 0,3м. В заполнении котлована зафиксированы фрагменты деревянной конструкции и, возможно, остатки печи, находившейся выше на жилом этаже. Наиболее интересной находкой из заполнения котлована являлась глазурованная тарелка с мраморовидной росписью (диаметр – 16 см, высота – 5 см).

С остатками жилого дома может быть связана и постройка 7. Ее котлован имел овальную форму размерами 1,8х1,58м. Глубина в материковом основании – до 0,6м. В заполнении котлована встречены фрагменты кирпичей, обожженной глины, камней, возможно от печи, находившейся над котлованом.

Выявлена серия ям (9, 10, 15, 16, 19. 21, 22), использовавшихся в высокотемпературным производстве (возможно, выжиге угля). С ямами 15, 16, 21, 22 связана постройка 10, от которой сохранился котлован прямоугольнорй формы размерами 5,6 х 4,7 м и глубиной в материковом основании до 1 м. Сложное заполнение котлована свидетельствует о нескольких этапах его использования (Борисов, 2010).

Таким образом, можно говорить о том, что в эпоху средневековья и раннее Новое время селище Кружок представляло собой сменявшие друг друга малодворные поселения, между которыми были временные разрывы.

В результате раскопок селища найдено более семисот индивидуальных находок. Среди них выделяется выразительная серия крестов-тельников (32 экз.), относящихся к XV–XVIII вв. Коллекция индивидуальных находок включает орудия труда (ножи, косы, серпы, топоры, иглы, долото, фрагменты жерновов), промыслов (рыболовный крючок, острога, грузила); гвозди (строительные, подковные, сапожные); ключи, навесные замки и их детали; кресала, удила и звенья удил, подковы; наконечники стрел; украшения и детали костюма (перстни, пуговицы, пряжки) и другие предметы.

Выше по течению р. Москва в 7 км от селища Кружок исследовалось селище Жуковка-2 (XIV–XV вв.) (Ковалевский, Гоняный, Цыбин, 2005), а ниже по течению примерно в 5 км – Мякининский археологический комплекс XII–XVI вв. (Энговатова, Коваль, 2007). Таким образом, получены представительные и информативные материалы, дающие возможность изучать процессы заселения и хозяйственного освоения этого участка среднего течения р. Москва в эпоху средневековья и раннее Новое время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борисов А.В. Процессы и условия заполнения котлованов построек (взгляд почвоведа) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 6. М.: ИА РАН, 2010. С. 99–106.

Гак Е.И. Отчет об археологических исследованиях, проведенных Государственным Историческим музеем в Московской и Тульской областях в 2003 году// Архив ИА РАН.

Гак Е.И. Отчет об археологических исследованиях, проведенных Государственным Историческим музеем на территории Московской области в 2007 году // Архив ИА РАН.

Ковалевский В.Н., Гоняный М.И., Цыбин М.В. Исследование средневекового поселения Жуковка-2 в Подмосковье // Археологические открытия 2004 года. М.: Наука, 2005. С. 152–154.

Цыбин М.В. Отчет об охранных археологических исследованиях селища Кружок в Красногорском районе Московской области в 2008 г. // Архив ИА РАН.

Цыбин М.В. Отчет об охранных археологических исследованиях селища Кружок в Красногорском районе Московской области в 2009 г. // Архив ИА РАН.

Цыбин М.В., Гак Е.И., Савицкий Н.М., Сафонов И.Е. Исследования средневекового селища Кружок // Археологические открытия 2008 года. М., 2011. С. 236–237.

Энговатова А.В., Коваль В.Ю. Мякининский комплекс памятников археологии // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2007. С. 71–80.

РОГОВЫЕ РУКОЯТИ ПЛЕТЕЙ «С ОТРОСТКОМ» В ПОГРЕБЕНИЯХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТЕПЕЙ

© 2014 г. В.Н. Чхаидзе

Институт археологии РАН, Москва
(chkhaidze.v@yandex.ru)

Ключевые слова: Восточно-европейская равнина, средневековые кочевники, погребальный обряд, роговые рукояти плетей.

Резюме. В работе представлены 19 погребений средневековых кочевников восточноевропейских степей, в которых выявлены костяные рукояти плетей «с отростком». На основании анализа погребального обряда высказывается предположение, что наличие этих предметов может являться этномаркирующим признаком. Также, вероятно, что эти погребения связаны с определенной прослойкой в кочевом войске. Рассмотрено значение плетей у тюркоязычных кочевников.

Плети – детали экипировки всадника – категория изделий, занимающая промежуточное положение между предметами вооружения и конского снаряжения. Хорошо изучены специфика и конструктивные особенности плетей, остатки которых известны в археологических материалах и изобразительных источниках еще ассирийского и скифского времени, средневековья, а также по этнографическим образцам. Безусловно, плети использовались и кочевниками восточноевропейских степей развитого средневековья. Так, плети изображены подвешенными к поясам каменных изваяний (в 14 случаях – на мужских статуях и в 3 – на женских). Среди инвентаря кочевнических погребений целые плети не встречаются: деревянные и ременные, они обычно ист-

левают, но зачастую встречаются железные кольца от рукоятей.

Также известны рукояти – утяжелители разнообразных форм из рога или кости и, реже, из бронзы. Часть из них – «с отростком» – являлись цельными или составными, когда «отросток» вставлялся и закреплялся в специальное отверстие. Сырьем для них служил рог, пористая и губчатая структура которого позволяла изготовить тяжелый и прочный предмет со сквозным каналом в центре, куда продевался железный стержень. Иногда встречаются продольные отверстия, служащие для продевания петли-темляка, для подвешивания плети к кисти руки.

Иногда данные предметы интерпретируют как набалдашники на рукояти нагайки и как навершие – составную часть стека, правда, речь идет о навершиях с шаровидным окончанием, без «отростка».

Развитие рукоятей «с отростком» и клювовидной формы могло быть связано с более активным использованием плети в качестве оружия, когда удар наносился с оттяжкой, и «отросток» препятствовал выскальзыванию рукояти при движении руки назад. В этом случае рукоять «с отростком» должна была находиться в месте соединения стека с самой плетью. Однако М.Д. Полубояринова считает, что такие «навершия» надевались на противоположный конец плети. К ним должна была крепиться кожаная петля-темляк, в которую продевалась рука всадника. Это подтверждается и тем фактом, что в некоторых случаях сохраняется железный стержень (иногда даже с кольцом), скреплявший роговые утяжелители с деревянной тростью (стеком). К тому же существование кнутовищ длиной до 60-80 см известно по археологическим, этнографическим и иконографическим данным. Скорее всего, эти предметы помещались на конце рукояти, а не в месте сочленения с бичом (Рис. 1, *2*).

Впервые данные о рукоятях «с отростком» были систематизированы А.Н. Кирпичниковым, который отнес их к типу III. Автор приводит сведения о 23 экземплярах. Типичные размеры: высота 3-4 см, ширина по выступу 3,5-5 см. Происхождение этих плетей не ясно. Они появляются в IX в., но основное распространение получают в XII–XIII (XIV) вв. Отмечено, что в XII–XIII вв. чаще делают бронзовые утяжелители (вылиты в одной форме), украшенные зернью и орнаментом. Близкий IV тип – птицеморфных, с клювовидным выступом.

Ареал распространения таких рукоятей достаточно обширен. Прежде всего, это древнерусские городища и поселения XI–XIII вв. Наиболее ранние находки зафиксированы при раскопках Саркела-Белой Вежи, в слоях 30-х гг. IX – начала XII в.; в Новгороде и Старой Рязани. Они известны на территории Волжской Булгарии (Болгар и Биляр), Румынии и др.

По предположению Г.В. Кубарева костяные и бронзовые рукояти «с отростком», представляют собой особый вариант рукоятей плетей, появившийся в Сибири к концу I тыс. н.э. и путем миграций тюркоязычных кочевников и получивший распространение в Восточной Европе.

В погребальных комплексах кочевников средневековья восточноевропейской равнины остатки плетей в абсолютном большинстве представлены костяными рукоятями «с отростком»[1]. Нами выявлено 19 таких погребений, которые встречены в Поволжье, Калмыкии, Подонье и Поднепровье (Рис. 1, *1*)[2].

I. Поволжье.

Бережновка II – 9/6. Погребение впускное. Тип БIII (далее классификация по: Федоров-Давыдов, 1966). Рукоять плети найдена около правого плеча.

Калиновский – 54/1. Впускное. С наружной стороны правого бедра, ближе к его головке находилась рукоять плети. Погребения из могильников Калиновский, Харинка, Балабинский I относятся к типу ГIII[3], которые датируются XIII–XIV вв. Чучела лошади относятся к типу III варианту 7 (Атавин, 1984).

1 Известно одно единственное погребение из Днепровского Надпорожья (Николаевка I – 4/5), где представлена костяная рукоять плети без «отростка».

2 Еще одно разрушенное погребение с поселения Кент, известно в Казахстане.

3 Следует отметить, что зачастую, в силу особенностей грунта или методики раскопок, за данный тип погребений могут приниматься захоронения с уступом вдоль северной стены и подбоем в южной части (тип отсутствует в классификации Г.А. Федорова-Давыдова, но подобные погребения встречаются).

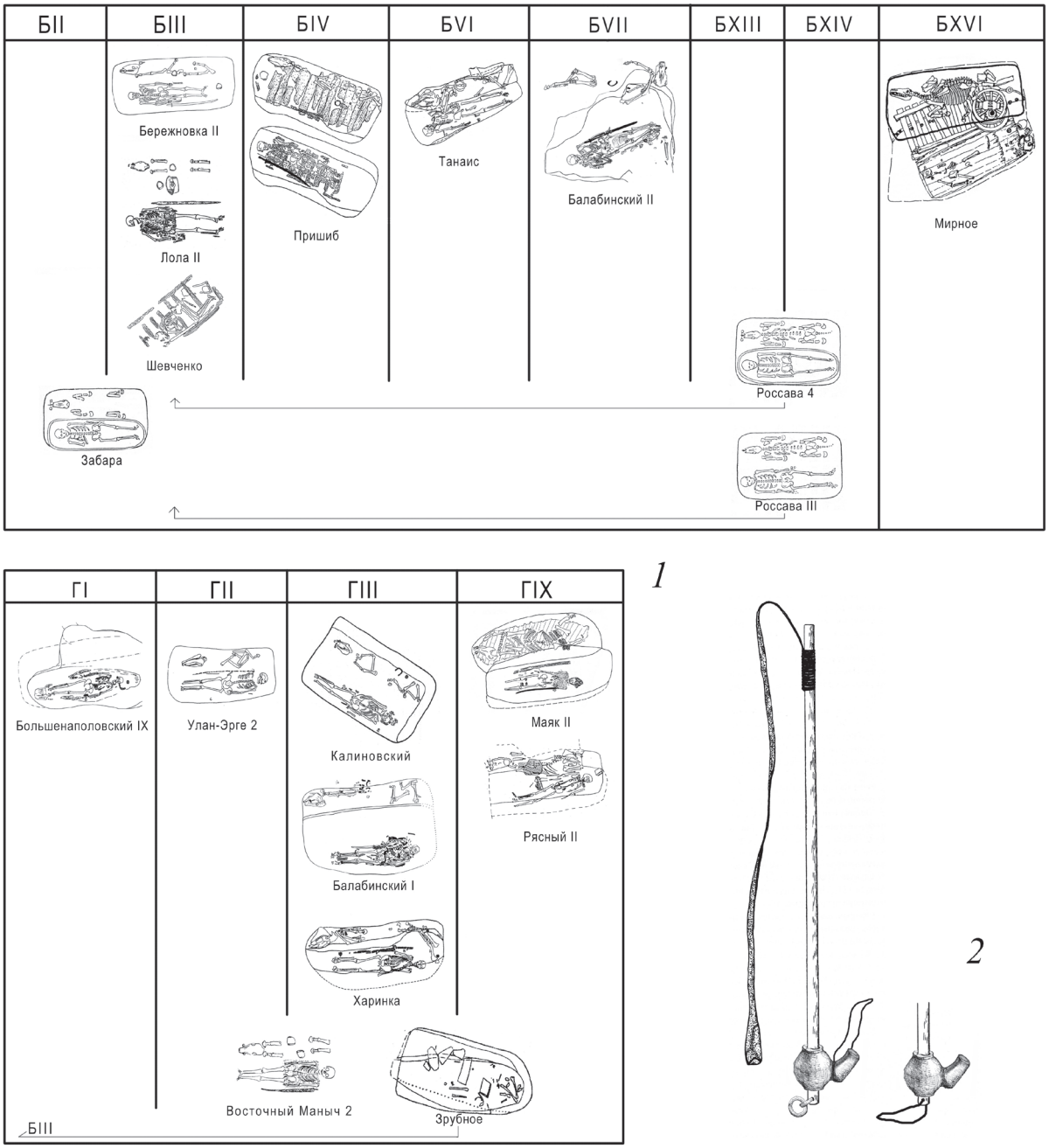


Рис. 1. *1* – Типа погребений средневековых кочевников восточноевропейской степи, в которых выявлены костяные рукояти плетей «с отростком» – по: Г.А. Федоров-Давыдов;
2 – Варианты расположения рукоятей плетей на кнутовище.

Ориентировка лошадиного костяка черепом в противоположную (запад) от человека (восток) сторону, считается элементом половецкого погребального обряда.

II. Калмыкия.

Лола II – 8/3. Впускное. Аналогично Бережновке II – 9/6. Рукоять плети, находилась между локтем правой руки и туловищем.

Восточный Маныч-2 – 68/1. Впускное. Могильная яма не описана и погребение может относиться как к типу ГIII, так и к типу ГII. Рукоять плети – у левого плеча.

Улан-Эрге-2 – 2/2. Впускное. Погребение совершено в широкой яме, хотя и существует вероятность того, что это мог быть подбой в южной стене. Тип – ГII. Рукоять плети найдена в районе правого локтя, под саблей.

III. Подонье.

Харинка – 28/1. Погребение в индивидуальном кургане, обнесенном ровиком, устро-

енном на уже существовавшем кургане. Аналогично Калиновскому – 54/1 и Балабинскому I – 12/7. Рукоять плети – у правого плеча.

Балабинский I – 12/7. Конец XIII – первая половина XIV в. Погребение в индивидуальном кургане, обнесенном ровиком, устроенном на уже существовавшем, древнем кургане. Погребение аналогично Калиновскому – 54/1. Рукоять плети найдена у запястья правой руки.

Балабинский II – 2/3. Погребение впускное. Могильная яма разрушена более поздними погребениями, однако вероятно, она относится к типу БVII. Костяная рукоять лежала на левой тазовой кости.

Маяк II – 3/1. Погребение впускное. Тип ГIX. Дата – вторая половина XII – первая половина XIII в. На левой руке лежала железная сабля, на рукояти которой находилась рукоять плети.

Большенаполовский IX – 1/2. Единственное женское погребение. Впускное. Совершено в яме с деревянным перекрытием, поверх которого уложено чучело лошади – тип ГI. Рукоять плети найдена справа на туловище погребенной.

Танаис – 1/1. Впускное. Тип БVI. Рукоять плети найдена возле правой руки погребенного.

Рясный II – 2/8. Впускное, аналогично Маякам II – 3/1. Рукоять плети найдена у правой плечевой кости.

Зрубное – 3/1. XIII–XIV вв. Погребение под индивидуальной насыпью. Могила ограблена в древности; погребение может относиться к типам ГIII, ГIX или БIII.

Пришиб – 2/24. Впускное. Тип БIV. Могила перерыта деревянными плахами. Рукоять плети найдена у правого плеча.

IV. Поднепровье.

Россава – 4. Погребение под индивидуальным курганом. Местоположение рукояти не указано.

Россава – III. Под индивидуальным курганом. Рукоять плети – у левого бока.

В обоих случаях (Россава-4 и Россава III) могильные ямы не описаны и погребения могут относиться как к типу БXII, так и к типу БXIV. Также, учитывая обстоятельства раскопок, существует небольшая вероятность отнесения к типу БIII.

Забара – 321/2. Впускное погребение. Могильная яма не описана, погребение может относиться как к типу БIII, так и к типу БII. Рукоять – у шейных позвонков.

Шевченко – 3/1. Впускное. Близко погребениям Бережновка II – 9/6 и Лола II – 8/3, однако, погребенный лежал в решетчатом гробовище, на правом боку, с подогнутыми ногами. Рукоять плети находилась перед лицом погребенного, рядом с рукоятью сабли.

Мирное – 2/4. Богатое погребение, впускное. Относится к типу БXVI. Рукоять плети находилась у ног погребенного, на бронзовом котле.

Можно сделать следующие наблюдения в отношении погребений, в которых были обнаружены рукояти плети с «отростком»:

1. В 10 случаях погребенные обращены головой на запад.

2. В 9 случаях погребенные обращены головой на восток.

3. В 9 случаях известно, что лошадь (или чучело) была уложена на уступ (ступеньку вдоль северной части могилы). 6 из них – чучела, 3 – целых остова.

4. В 9 случаях установлено, что в южной части могилы находился подбой.

5. В 18 случаях (кроме женского погребения) лошадь (или чучело) располагалась к северу от погребенного.

6. В 16 случаях известно, что лошадь (или чучело) была уложена головой на запад; лишь в 1 случае – головой на восток.

Находки костяных рукоятей с отростком в кочевнических погребальных комплексах иных типов нам пока не известны. В этой связи можно сделать два предположения:

1. Не является ли наличие в кочевнических погребениях костяных рукоятей плети «с отростком» – этномарикирующим признаком?

2. Не связаны ли рассмотренные погребения (вероятно, все мужские) с определенной прослойкой в кочевом войске, т.к. известно, что плеть могла заменять и ударное оружие, особая эффективность которого достигалась благодаря вплетению в конец ремня кости и (или) железа.

Плети «с отростком» применялись при восточном способе конно-военной езды, исключающем применение шпор. Следует подчеркнуть, что на всей территории Восточно-

европейской равнины шпоры обнаружены всего в двух кочевнических погребениях в степном Прикубанье (Праздничный и Южный-2/1). Погребения датируются второй половиной XIII–XIV в. При этом плети вообще не встречены ни в одном погребении в Прикубанье.

В тюркских кочевых обществах плети являлись средством управления лошадью, оружием, а также оберегом, символом, атрибутом культовой практики и погребально-поминальной обрядности. Еще Менандр Протектор в рассказе о поездке византийского посла Валентина в 576 г. к вождю тюрок Турксанфу приводит слова сына Турксанфа: "*... подданные турков, придут ко мне, когда я захочу; и только увидят посланную к ним лошадиную плеть мою, убегут в преисподнюю*" (Менандр. Отрывок 45). Видимо, лошадиные плети у тюрок-тугю служили символом власти, а декор рукояти плети указывал на ее принадлежность высокопоставленному лицу. Вместе с формой, не понятной, но повторенной в более позднее время, к наследникам восточных традиций, вероятно, перешел и обычай использования парадных плетей как знака высокого достоинства.

О НЕКОТОРЫХ КАМЕННЫХ ИКОНКАХ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ГРОБА ГОСПОДНЯ

© 2014 г. Ю.Ю. Шевченко

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук, Санкт-Петербург

Ключевые слова: средневековье, каменные иконки, образ гроба Господня.

Резюме. Среди значительного материала русской православной мелкой каменной пластики выделяется серия наперсных иконок из материала неудобоносимого, и быстро стирающегося, - известняка. Они появляются в эпоху высокого средневековья, не позднее XII века.

Только одна из этих иконок принадлежит к западнорусской группе (Волковыск, 1956 г. находки), и датируется не позднее начала XIII в. (Николаева, 1983. № 363). Прочие иконки из известняка относятся к северорусской группе, а некоторые найдены непосредственно в Новгороде Великом (Пуцко, 1995, С. 159–184; 1998. С. 159–184). К началу XII в., относится иконка из Неревского раскопа (Николаева, 1983. № 92); вторая, – конца XII – начала XIII в., – найдена там же (Николаева, 1983. № 31). К XIV в. отнесены четыре известняковых иконки (Николаева, 1983. № 69, 167, 174, 207). Концом XIV–XV вв. датированы еще две (Николаева, 1983. № 242, 246).

Известняковая иконка (Николаева, 1983. № 167) с изображением Богородицы Одигитрии, а на обороте – свт. Николая и семи спящих отроков, входит в серию подобных изображений. Ограничившись персоналией, где святитель изображен один (хотя бы на одной из сторон) без сопутствующих святых, и сам не выступает предстоящим (за исключением, когда его лик занимает центральное место в обрамлении семи спящих отроков Эфесских), констатируем, что выбор известняка для изготовления этих наперсных иконок XIV в. (Николаева, 1983, № 69, 167, 174, 207) не обусловлен ни внешними (как у иных поделочных камней), ни прочностными характеристиками материала. Его могла обусловить исключи-

тельно святость места паломничества, откуда этот камень взят.

Святогорский пещерный монастырь на Северском Донце, где нашлась иконка с семерыми спящими отроками Эфесскими, один из подземных монастырей, помещения и коридоры которого вырублены в меловых толщах, и изредка могли врезаться в более глубокие пласты известняка. В подобных геологических условиях вырублены и другие пещерные монастыри Подонья. Среди них, существуют и достаточно древние обители (Большие Дивы, Белогорье, Костомарово, Шатрище), где престолы размещены в полном соответствии с *древним чином литургии по св. ап. Якову Старшему* (или по *чину Двенадцати апостолов*), – для службы *перед престолом* (Шевченко, 2004. С. 196–201; 2008. С. 161–168; 2008а. С. 458–462). Древний чин был сменен обязательной службой *вокруг престола по чину литургии Василия Великого*, утвержденной к обязательному исполнению на праздник Благовещения решением VI Вселенского собора Единой Церкви (692 г.). Престолы храмов, выполненные для службы перед престолом, когда престол примыкает к стене апсиды, как в пещерных храмах Больших Див, Шатрища, Костомарова, Холков, – относятся ко временам до Трулльского (692 г.) Вселенского собора (Шевченко, 2006. С. 371–375; 2006а. С. 89–109; 2011). К столь древним пещерным обителям могли осуществляться паломничества еще в раннесредневековые времена, до полного запустения этих монастырей в XV–XVI вв. Связь известняковых иконок с пещерными монастырями Донского бассейна, могла бы подтверждаться и отсутствием известняковых иконок во второй половине XV – XVI в., когда пещерные обители на Дону были полностью заброшены.

В этих местах известняк был столь же частым материалом в выходах на поверхность, как и на Ближнем Востоке. Его могли добывать с той же легкостью на Дону (или Северском Донце), как в Сирии (Tchalenko, 1953. T. I. P. 40), Палестине, или Малой Азии; но его не могли добывать в Великом Новгороде, где этот материал не имеет залеганий, хоть сколько-нибудь близких к поверхности. И обители Подонья, и «лавры» Ближнего Востока, как паломнические объекты, включали подземные святыни, с которыми могут связываться находки конкреций более плотных, нежели общий пласт. Такие камни-конкреции попадали в руки паломников, в результате чего, минерал становился артефактом «культуры пилигримов», и, имея статус реликвии, преображался, в руках мастера, в вещь - образок или крестик, которые сохраняли свой реликварный статус.

Возможная связь одного из редких в *мелкой* каменной пластике материала – известняка – с Донским, или, шире – Волго-Донским бассейном, казалось бы, подтверждается иконками из известняка, сработанными в конце XIX – начале XX столетия (Николаева, 1983. № 378–379), когда возобновляется жизнь в пещерных «меловых» монастырях этого региона. Изображение на иконках этого времени Гроба Господня копирует более древние образцы мелкой каменной пластики XIV–XV вв. (Николаева, 1983. С. 44, 150–151). Эти односторонние известняковые иконки происходят из Поволжья: «из старообрядческой молельни в Казани, и получены от частных лиц»; а одна (шиферная) хранилась в археологическом кабинете Московской Духовной Академии (рис.1).

Насельники пещер, не принявшие реформы патриарха Никона, были на Дону и Волге со второй половины XIX в. (Степкин, 2004. С. 101, 118, 124–132, 145). С их пещерокопательством, возобновившимся в XIX в., синхронизируется возобновление изготовления иконок из известняка, после перерыва, наступившего во второй половине XV–XVI веках. Но эти поздние иконки отличает одна существенная иконографическая деталь.

На изделиях мелкой пластики из камня, изображающих Гроб Господень (Николаева, 1983. № 13, 71, 72, 86, 87, 87, 127, 130, 141, 142, 154, 158, 166, 218, 242, 274, 284), иногда встречается изображение трансенны, - плиты с отверстиями, покрывающей «лавицу» в пещере, где три дня лежало Тело Христа. Там, где можно рассмотреть ее изображение, она имеет *три отверстия* (Николаева, 1983. № 153, 161, 188. Табл. 28:4, 29:1, 33:1), либо какую-то *трехсоставную структуру*, в виде арок, квадратов, столбиков (Николаева, 1983. № 143. Табл. 27:1). одно из отверстий бывает скрыто фигурами предстоящих (Николае-

Рис. 1. Шиферная иконка с изображением Гроба Господня, вырезанная по старинным русским образцам – по: Николаева, 1983.

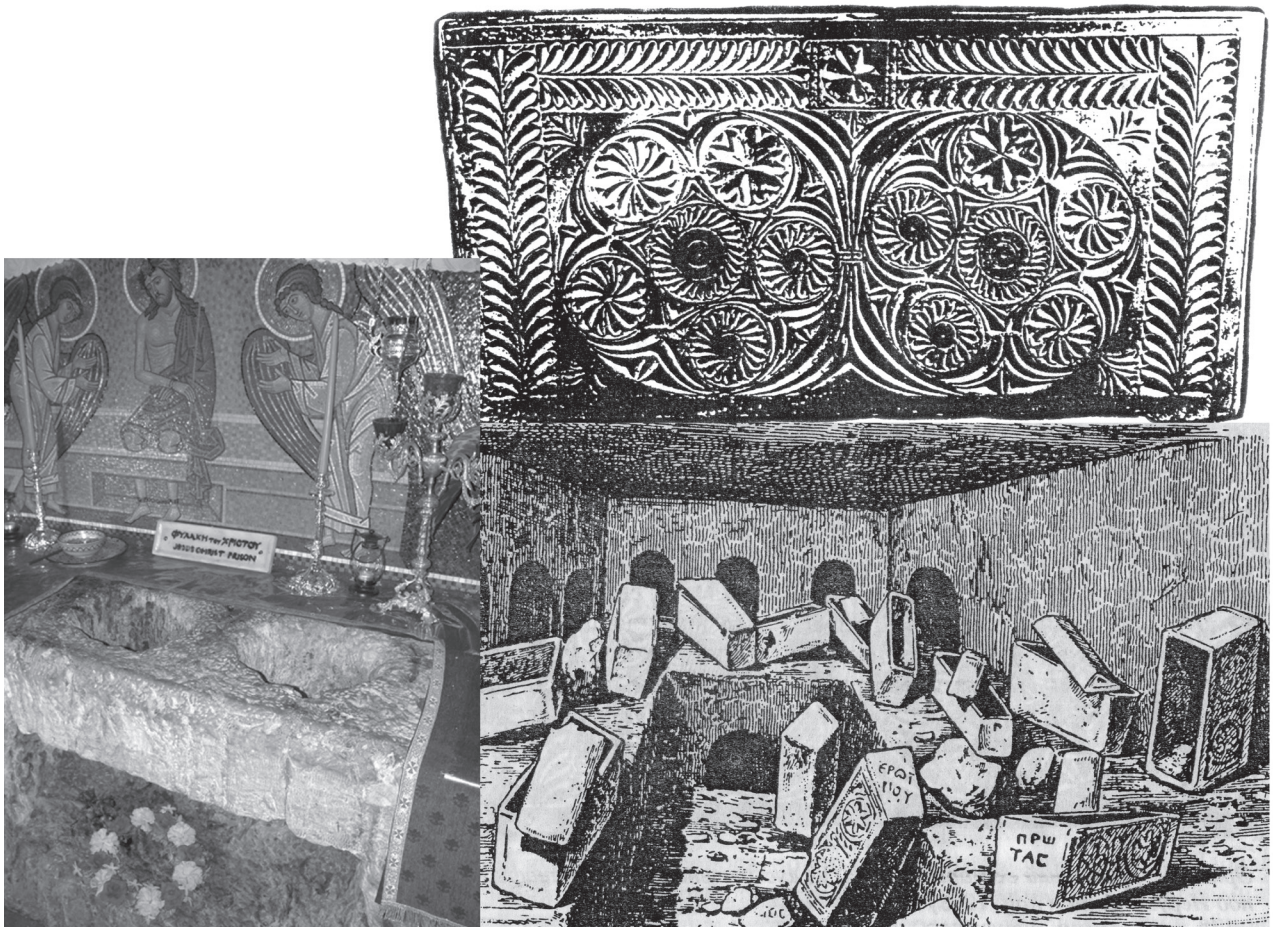


Рис. 2. Вверху: Палестинский орнаментированный оссуарий I в. до н.э. – I–II вв. н.э. из родовой усыпальницы Каифы Иерусалимского – по Беляев, 2000). Внизу: пещерная гробница типа кокким, с собранными в ней орнаментированными оссуариями I–II вв. н.э. – по: Беляев, 2000. Слева: древний престол (до VI Вселенского – Трулльского собора 692 г.) в приделе «Темница Христова». Иерусалим. Палестина. (фото автора, 2010 г.).

ва, 1983. № 156, 162, 163, 191, 192, 194, 272, 275. Табл. 28:7, 8, 33:3-5, 34:1, 48:1,4), или спускающимся из Гробницы полотном, чему был посвящен отдельный пассаж в специальном исследовании Л.А. Беляева (Беляев, 2003. С. 483–508). Тем не менее, существуют варианты: на некоторых иконках можно рассмотреть изображения неких множественных «арочных структур» - ниш, а также столбиков, квадратиков, etc. (Николаева, 1983. № 13, 86, 87, 154. Табл. 2:10, 18:3, 4 , 28:5). Очень редкие экземпляры отличаются и от этой схемы. Всего *на одной* иконке имеется изображение на гробнице Христовой только *одного отверстия* в трансенне (Николаева, 1983. № 193. Табл. 32:2). И *только одна* древняя иконка XV в. явно передает *трансенну с двумя отверстиями* (рис.1) (Николаева, 1983. № 160. Табл. 29:2), что перекликается с изображением на близкой по времени иконке (конца XIV в.) образа самой «гробницы», подменившей «лавицу», со структурой в виде двух арок (Николаева, 1983. № 144. Табл. 27:2). Такая же подмена «лавицы» кубом гробницы очевидна по изображениям на некоторых иконках, где на нем стоит надпись «гроб…» (Николаева, 1983. № 126, 127. Табл. 23:2,5). На фоне упорно отстаиваемого сторонниками старой обрядности *двуперстия*, невостребованность прочих образцов (с *тремя отверстиями* в трансенне) выглядит очень реалистичной.

Время копирования иконок (Николаева, 1983. № 377–379) позволяет сравнить переданный на иконках *образ гробницы с двумя отверстиями (кругами)* (Николаева, 1983. Рис. 5, 6), с изображениями на вполне реальной серии предметов, которые наделали много шума в научно-историческом и религиоз-

но-христианском мире к последней четверти XIX столетия. «Когда в 1873 г. Шарль Клермон-Ганно объявил коллекцию оссуариев, изученных им в одной из пещер горы Соблазна к юго-востоку от Иерусалима, доказательством существования раннехристианской общины», поскольку в «графитти на 30 оссуариях прочли имена «новозаветного звучания»: Иуда, Саломея, Иисус и др.» (Беляев, 2000. С. 26) – это не могло не дезориентировать часть паломников, поток которых увеличился, в связи с интенсификацией христианских исследований в Святой земле (рис. 2).

Возможно еще одно объяснение. На древних иконках, типа упомянутой XV в. (Николаева, 1983. № 160. Табл. 29:2), с изображением двух отверстий в трансенне (Николаева, 1983. Рис. 9) вместо трех (Николаева, 1983. Рис.8), могли изображать не плиту Упокоения Христа на лавице в пещере Воскресения, а иной священный элемент, имеющийся в Анастасисе - Воскресенском храме Гроба Господня в Иерусалиме. Таковыми являются двойные отверстия, - одно сквозное и одно чашеобразное, - в плитах-мензах древних престолов (рис. 2) в приделах Анастасиса «Темница Христова» и «Голгофа» (Шевченко, 2011). Такой протограф изображения, также не противоречит ближневосточному происхождению первичных иконок с изображением реликвий (в широком значении термина) из Святой земли Палестины.

ДРЕВНЕРУССКИЕ СЕЛА И ЗАГОРОДНЫЕ РЕЗИДЕНЦИИ БРЯНСКОГО ОПОЛЬЯ[1]

© 2014 г. Е.А. Шинаков

Брянский государственный университет имени акад. И.Г. Петровского, Брянск (shinakov@mail.ru)

***Ключевые слова**:* Брянск, ополье, село, загородная резиденция, археологический комплекс, признак, топография.

Резюме. Статья посвящена классификации и выявлению археолого – топографических признаков древнерусских частновладельческих поселений («сел» и загородных резиденций) наиболее изученного микрорегиона Среднего Подесенья – Брянского ополья. Выявлено 4 группы концентрации этого типа памятников: Брянская, Вщижская, Хотылево – Гасома и Южная (Кокино – Лопушь). На основе комплексного анализа письменных, археологических, нумизматических. топонимических источников предположительно определены топографические признаки трех типов частновладельческих поселений и характер их размещения по 4-м ГКП, отдельным гнездам и агломерациям поселений в Брянском ополье.

Брянское ополье является одним из двенадцати такого типа физико-географических регионов и их аналогов Древней Руси и восьми ополий и их аналогов («степков») Черниговского княжества (Ахромеев, Шинаков, 1991). По своим размерам (свыше 620 км^2) это ополье относится к одним из самых крупных среди подобного типа регионов. Оно расположено на правом, высоком, берегу большой (Брянской) излучины Десны, обращенной «вершиной» на восток. Ополье расположено «углом» вдоль излучины, с длиной его северо-восточной стороны в 48 км, южной – 40 км, при ширине от восьми (по окраинам) до тридцати (в центре) километров. На этой территории находится четыре группы концентрации памятников древнерусского времени, причем на многих из них есть слои или находки и

1 Статья подготовлена на средства гранта РГНФ № 13-01-00222а.

конца XIII – XV в. В центрально-восточной части ополья это – Брянская группа, протянувшаяся от Бежичей на северо-западе до Супонево на юге. В 12-ти км к юго-западу от Супонево начинаются границы Южной группы концентрации памятников Кокино-Лопушь. На крайнем северо-западе ополья расположилась Вщижская группа, протянувшаяся вдоль Десны от Дятьковичей до Овстуга на 6 км. Между Брянской и Вщижской группами, на расстоянии 4-х км от первой и 8-ми км от второй проходят границы группы Хотылево – Гасома, протянувшейся вдоль Десны на 6 км, а от Десны к внутреннему краю ополья вдоль р. Гасома – на 9 км. Внутри групп концентрации расстояния между комплексами памятников не превышают 2-х км. Самой крупной по размерам является Брянская группа концентрации, внутри которой памятники размещаются четырьмя гнездами общей площадью 8 х 10 км, самая маленькая – Вщижская (пока – 6 х 2 км).

Что касается группы Кокино-Лопушь, то говорить о ее точных размерах преждевременно из-за неизученности самого южного края ополья, хотя уже сейчас ее протяженность с севера на юг составляет 12 км, правда, при небольшой отдаленности памятников древнерусского времени от Десны (выше по водоразделу они появляются лишь в XIV–XV вв.) (Новожеев, 2012). Группа Хотылево-Гасома имеет неправильную конфигурацию, состоя из «головы», образованной Хотылевской агломерацией, насчитывающей 18 средневековых памятников (Шинаков, 2004, 2008), и «хвоста», имеющего длину свыше 12 км вдоль р. Гасома, где расстояние между археологическими комплексами в среднем равняется 2-м км (Шинаков, Гурьянов, Грачев, 2012).

В данной группе концентрации не выделяется какого-то единого административного центра, в остальных трех таковые имеются. Для брянской группы это сам «Брянеск» (или «Добрянск») сначала в урочище «Чашин Курган», затем на Покровской и Петровской горе (Шинаков, 1997, 2010; Поляков, 2011). «Столицей» Вщижской группы являлось одноименное («Усчиж») княжеское село или град, упомянутое под 1142 г. и ставшее городом после образования здесь в 1156 г. княжеского стола. Наиболее крупным поселением группы Кокино-Лопушь было село-погост (Новожеев, Брешков, 2013; Шинаков, Новожеев, 2013) на месте современного и позднесредневекового села Лопушь.

В каждой из групп концентрации есть городища с древнерусским слоем, большие селища с богатым слоем – остатки сел и посадов, малые селища – веси. Курганы древнерусского времени есть или были только в двух группах – Вщижской и Брянской (что, возможно, связано с интенсивной распашкой ополья), зато сконцентрированы за пределами всех четырех групп, к западу от Брянской –на внутреннем центрально-западном краю ополья у с. Елисеевичи (Шинаков, Гурьянов, 2006; Шинаков, Гурьянов, Чубур, 2011. С. 55–86).

Для того, чтобы вычленить именно владельческие села и загородные резиденции среди всех типов археологических памятников и комплексов Брянского ополья, необходимо установить их внешние признаки. Для этого рассмотрим известные «села» и «резиденции», но не «грады» (как, например, городище Слободка на Навле). Степень достоверности типологической идентификации определяется сочетанием нескольких признаков. Это – упоминание в письменных источниках именно как села («село княгини Рогнеды»); топоним среднего рода («Рогово», «Севско», «Горислово» и т.д.); наличие найденных при раскопках или в подъемном материале богатых украшений «городского» типа (стеклянные браслеты, серебряные изделия, включая энколпионы и т.д.), предметы дружинного вооружения; вещи иноэтнического для данной территории происхождения, монетные клады, данные о церковном строительстве. В топографии необходимо сочетание большого (длиной несколько сот метров минимум) селища или их комплекса рядом с небольшим (несколько десятков метров в поперечнике) одним городищем (наличие двух линий укреплений – уже признак города, пусть и малого) для Подесенья часто – с юхновским и (или) роменским слоем, вторичного использования. В некоторых случаях кольцевые городища на ровной местности часто распаханы, но «читаются» при топосъемке и аэросъемке. Анализ внешних признаков про-

водился на основе изученных раскопками или тщательным обследованием (системный, по участкам, сбор подъемного материала) потенциальных «сел» или «резиденции» всего Среднего (Брянского в основе, отчасти Новгород-Северского) Подесенья. Это – первоначальный «Усчиж» (до 1156 г.), Опахань, Хотылево, Большая Дубрава, Антоновка, Бежичи, «Чашин Курган» (с середины XIII в.), Лопушь – в Брянском ополье. Кветунь (после основания «Трубечка» как города), возможно, Радутино, Яковск, Макча, Любожичи – для Трубчевского ополья. Случевск, Марковск и Пушкари – для Вара-Судостьского ополья, Горбово – для Новгород-Северского «степка». Левенка VI – VII, Остроглядово, Горислово, Лыщичи, Селище, Бобрик, Рюхово, Рябцево – в Стародубском ополье. Юдиново, Вормино, Воробийна, возможно, Старопочепье – в Присудостьском ополье. За пределами ополий предполагаемых «сел» мало, но все же есть: Посудичи, Андрейковичи и, возможно (по данным только топонимики и нумизматики) - Суворово в Погарском предполье.

Впрочем, выводы о социально-типологическом характере большинства поселений сделаны предварительно, на основе топографии и подъемного материала. Более – менее системные раскопки проводились лишь на археологических комплексах потенциальных «сел» и «резиденций» только Брянского ополья, а в других микрорегионах Брянского ополья – лишь «точечно» в конце XX в. (Падин, Шинаков, Коваленко, Гурьянов).

Поскольку информация об исследованиях данного типа поселений в брянском ополье, в т.ч. и аналитически – обобщающая, по грантам РГНФ, публиковалась в последние годы (Шинаков, 2004, 2008, 2010, 2012; Шинаков, Гурьянов, Грачев, 2011; Поляков, 1985, 2011; Новожеев, 2012, 2013; Шинаков, Новожеев, 2013 и др.), в данной статье приведем результаты типологическо-топографического анализа археологических комплексов. Они, по крайней мере, в Брянском ополье, делятся на 3 основных типа.

1. Мысовое городище, на котором располагался «двор» - резиденция, находящаяся в нескольких десятках метрах от обширного селища прямоугольно-округлой формы вдоль реки, часто – за оврагом. Городище почти всегда – вторичного использования, с юхновским и (или) роменским слоем (Бежичи, Вщиж, Хотылево – 2,9; 1,5, Неготино (?)).

2. Кольцевое, построенное в древнерусскую эпоху городище – двор, окруженное низким валом и, вероятно, частоколом, находилось (чаще оно уже распахано и «читается» при топосъемке) в центре обширного подквадратного селище, на некотором расстоянии от реки (Большая Дубрава, Опахань).

3. Полукольцевое или кольцевое городище, сооруженное в древнерусское время, но иногда (Лопушь) – на юхновском слое, примыкает к реке и дугой окружено вытянутым вдоль реки и от реки до водораздела селищем. Это – Лопушь, Антоновка, Чашин Курган.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахромеев Л.М. История формирования естественных ландшафтов ополий и их хозяйственное освоение // Брянские ополья: природа и природопользование / Отв. ред. Л.М. Ахромеев, Н.П. Матвеев. М.: МФ ГО АН СССР, 1991. С. 64–75.

Гурьянов В.Н., Шинаков Е.А., Чубур А.А. Разведочные работы на селище Лопушь // Археологические исследования в еврорегионе «Днепр» в 2012 г. Международный научный ежегодник / Отв.ред.О.М.Демиденко. Гомель: Изд-во ГГУ, 2013. С. 117–119.

Новожеев Р. Сельская колонизация по малым рекам – притокам Десны в IX –XIII вв. (на примере рек Волосовка, Рудка и Шанка) // Ежегодник по аграрной истории восточной Европы 2012 год / Отв. ред. Е.Н.Швейковская, С.И. Михальченко. М.; Брянск: РАН; БГУ, 2012. С. 48–51.

Новожеев Р.В., Брешков Р. Древности села Лопушь. Материальная культура деревни среднего Подесенья в XI–XVII веках. Брянск: Изд-во БГСА, 2013. 79 с.

Поляков Г.П. Домонгольский Брянск по данным летописей, топонимики и археологии // Baltfort. Балтийский военно-исторический журнал. № 4 (17). Декабрь 2011. Рига, 2011. С. 59–63.

Поляков Г.П. Работы в Брянской области // Археологические открытия 1983 года. М., 1985. С. 76–77. Своение ополий в X–XII вв. // Брянские ополья: природа и природопользование / Отв. ред.Л.М.Ахромеев, Н.П. Матвеев. М.:МФ ГО АН СССР, 1991. С. 75–83.

Шинаков Е.А. Возникновение Брянска в свете теории «бинарных оппозиций» и «пар городов» // Страницы истории города Брянска / Отв. ред.

В.В. Крашенинников. Брянск: Изд-во БГПУ, 1997. С. 11–17.

Шинаков Е.А. Город и округа: к проблеме возникновения Брянска // Вестник БГУ. К 80-летию БГУ. Брянск, 2010. С. 171–179.

Шинаков Е.А. Сельская округа средневекового города (на примере Брянского ополья) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 2012 год / Отв. ред. Е.Н. Швейковская, С.И. Михальченко. М.; Брянск: Изд-во РАН; БГУ, 2012. С. 37–47.

Шинаков Е.А. Средневековая поселенческая агломерация в с. Хотылево // Поселения как исторический источник (теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии) / Отв. ред.В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2008. С. 52–54.

Шинаков Е.А. Хотылевская агломерация памятников и проблем ее музеефикации // Проблемы сохранения исторических городов и объектов историко-культурного наследия Брянской области / Под. ред .Е.М. Зубовой, Е.А. Шинакова, В.Н. Гурьянова. Брянск, 2004. С. 88–112.

Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н. Древнерусские курганы Брянского ополья // Деснинские древности IV. Материалы межгосударственной конференции «История и археология Подесенья», посвященной памяти Ф.М. Заверняева / Под. ред. В.П. Алексеева, В.В. Крашенинникова. Брянск, 2006. С. 28–41.

Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н., Грачев С.Ю. Работы в Брянском ополье // Археологические исследования в еврорегионе «Днепр» в 2011 г. Международный научный ежегодник / Отв.ред. П.П. Толочко. Чернигов: Изд-во ЧНПУ, 2012. С. 122–127.

Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н., Чубур А.А. Погребальный обряд Среднего Подесенья как источник для исторических реконструкций. Брянск: Изд-во БГУ, 2011. 119с.

Шинаков Е.А., Новожеев Р.В. Лопушь: погост или частновладельческое село // Вестник Орловского госуниверситета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2013. № 3 (32). С. 56–59.

НАХОДКИ ВООРУЖЕНИЯ И СНАРЯЖЕНИЯ ВЕРХОВОГО КОНЯ В СУЗДАЛЬСКОМ ОПОЛЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ)

© 2014 г. С.В. Шполянский

Государственный Исторический музей, Москва
(shpol@yandex.ru)

Ключевые слова: Комплекс вооружения, снаряжение верхового коня, Суздальское Ополье, Суздальские селища, Суздаль.

Резюме. В работе рассматривается коллекция предметов вооружения и снаряжения верхового коня, полученная в результате работ Суздальской археологической экспедицией Института археологии РАН в последние годы на средневековых памятниках Суздальского Ополья. Проводится подробный анализ состава коллекции (более 300 находок), проводится сравнение материалов, происходящих с селища с полученными ранее коллекциями из раскопок городов, делается вывод об их сопоставимости.

В итоге автор дает общую оценку комплексу вооружения, сложившегося в центральных районах Владимиро-Суздальской земли, и определяет его, в целом, как всаднический.

Изучение воинской материальной культуры центральных районов Владимиро-Суздальской земли остается весьма актуальной научной задачей на протяжении практически всего времени исследований русского средневекового оружия. Формирование корпуса источников по венному делу Северо-Восточной Руси началось еще в XIX в., с известной находки в 1808 г. шлема Ярослава Всеволодовича. Предметы вооружения, происходящие из Владимирских курганов, сыграли важную роль в сложении представлений о составе древнерусского комплекса вооружения, наиболее полно представленного в фундаментальных работах А.Н. Кирпичникова.

Тем не менее, в настоящий момент, на фоне активно развивающегося изучения военного дела средневековой Восточной Европы, появления ряда исследований по складыванию комплекса вооружения в различных ее регионах, очевидным стал недостаток представлений об особенностях воинской материальной культуры центральных районов Владимиро-Суздальской земли – одного из крупнейших государственных образований русского средневековья.

Во второй половине XX в., благодаря публикации материалов раскопок Ярополча Залесского, и Суздаля стали доступны для рассмотрения достаточно выразительные коллекции, позволяющие представить характер воинской материальной культуры средневековых городов Северо-Востока.

В Ярополче коллекция состояла из 112 предметов, 72 из которых были представлены стрелами, 2 сулицами, а так же находками булавы, 3 фрагментами кольчужного плетения, 2 панцирными пластинами. Заслуживает внимания сравнительно большое количество шпор в составе коллекции (15), остальные детали конского снаряжения представлены 5 фрагментами стремян, 1 псалием.

Определенным этапом в изучении комплекса вооружения региона в древнерусское время, послужила публикация В.В. Даниловым вещей, полученных в результате многолетних раскопок в г. Суздале, проходивших (так же, как и в Ярополче Залесском) под руководством М.В. Седовой. Эта работа, опубликованная в 1989 г., пожалуй, впервые позволила получить представление о составе и характере вооружения, бытовавшего в одном

из столичных центров русского Северо-Востока. Всего автором было рассмотрено 143 предмета. Кроме железных наконечников стрел, которых было представлено более 80, в составе коллекции, довольно разнообразный набор предметов, в числе которых наконечник копья, 8 шпор, булава, 5 панцирных пластин, боевые (?) топоры, кольчужные кольца, фрагмент сабельной гарды, 4 фрагмента стремян, 5 псалиев и некоторые другие находки.

Материалы, полученные в ходе изучения средневековых памятников Суздальского Ополья в последние годы, позволяют продолжить работу по формированию представлений о развитии военного дела региона.

Суздальское (иначе Владимиро – Юрьевское) Ополье – безлесная слабохолмистая равнина, расположенная в центре Волго – Клязьминского междуречья. Размеры его сравнительно не велики: Ополье протянулось с севера на юг примерно на 90 км, максимальная его ширина не превышает 60 км.

Коллекция предметов вооружения и воинского снаряжения была получена в процессе работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН при участии сотрудников Государственного Исторического музея, под руководством Н. А. Макарова. Всего за 12 лет работ (2001-2012 гг.) была обследована территория площадью около 300 кв. км, найдено более 300 средневековых поселений. Стационарные исследования проводились на 7-ми средневековых селищах. Коллекция средневековых вещей, собранных в результате этих работ составляет более 10 000 предметов (в том числе около 6 000 – в процессе разведок).

Кроме материалов, происходящих из сборов и раскопок на селищах, при изучении предметов вооружения и снаряжения верхового коня, были учтены и находки, собранные в процессе охранных городских раскопок в Суздале последних лет.

В результате, коллекция предметов вооружения и конского снаряжения, насчитывает на настоящий момент более 300 определимых вещей (без учета топоров). Большая часть находок получена в результате проведения поверхностных сборов на распахиваемых памятниках, только 74 были обнаружены в раскопе (в том числе 25 – при раскопках в Суздале). Тем не менее, условия находки большинства из них, в целом, позволяют довольно определенно представить культурно-хронологический контекст существования предмета.

Всего (не считая Суздаля), оружие и конское снаряжение было найдено на 83 памятниках. В большинстве случаев – это единичные находки, или находки небольших серий предметов (до 5 вещей). Только в двух случаях с одного памятника (Весь-5) или комплекса близко расположенных поселений (Тарбаево-5-7), происходят значительные серии, насчитывающие более 20 вещей. В трех случаях (селища Кибол-11, Кистыш-3, Шекшовский археологический комплекс) собрано от десяти до двадцати находок.

В составе коллекции более 150 стрел, которые по типологии А.Ф. Медведева могут быть отнесены к 25 различным типам. При всем разнообразии наконечников, тем не менее, можно отметить, что довольно определенно выделяется сравнительно ранний комплекс стрел – ромбовидные плоские без упора, (36 наконечников), найденные на памятниках с преобладанием или значительным количеством лепной керамики в слое, которые могут быть датированы временем IX – не позднее середины – второй половины XI столетия. К этому же времени, по-видимому, может быть отнесен единственный пока в коллекции ланцетовидный наконечник. В целом коллекция наконечников стрел разделяется на почти равные доли т.н. плоских и граненых. Некоторое преобладание граненых наконечников стрел прослеживается на памятниках второй половины XII – XIV в. Для характеристики состава наборов стрел XIII–XIV вв., впервые в Ополье отмечена небольшая серия «срезней» – 9 экземпляров. Ранее такие наконечники были встречены только в Ярополче (3 штуки), единичные находки известны во Владимире.

Среди других предметов вооружения следует назвать 4 наконечника сулиц (все плоские ромбовидные без упора), 2 наконечника копья, 4 втока, 2 фрагмента кольчужного плетения и 8 отдельных кольчужных колец, 4 панцирные пластины. Важным для характеристики комплекса вооружения представляется находка 5 булав (в том числе 2 с клевцом), 3-х кистеней (в том числе 1 – роговой).

Чрезвычайно важна находка при раскопках в Окольном городе Суздаля в 2012 г., в

комплексе второй половины XII в. фрагмента клинка сабли. Ширина клинка составляет 3,8-4 см., он сохранился на длину 0,65 м, что не позволяет корректно измерить степень его изогнутости.

Снаряжение верхового коня в составе коллекции представлено 83 фрагментами кольчатых удил, разной степени сохранности, 9 псалиями (фрагментами и целыми экземплярами), 5 из которых относятся к числу «крылатых», украшенных инкрустацией, 5 фрагментами стремян, 9 шпорами. Кроме того, был найден т.н. «чеснок», 4 ледоходных шипа.

Представленный обзор предметов вооружения и снаряжения верхового коня, собранных в последние годы на средневековых памятниках Суздальского Ополья, позволяет, сделать следующие наблюдения:

-Набор предметов вооружения суздальских селищ, в целом, сопоставим с комплексом вооружения, известным по раскопкам городов центра Владимиро–Суздальской Руси.

- Явственно выражена тенденция к утяжелению защитного вооружения, что проявляется, как в находках панцирных пластин, фрагментов кольчужного плетения, так и в разнообразном наборе специализированных стрел – бронебойных и шиловидных.

- Тем не менее, значительная часть стрел происходящих с суздальских селищ, представлена уплощенными снарядами ромбовидной формы, которые могут быть отнесены к т.н. универсальным наконечникам.

- Довольно представительная коллекция булав и кистеней свидетельствует, по-видимому, о сравнительно широком распространении защитного вооружения, а большое количество находок конского снаряжения, позволяет представить комплекс вооружения, распространенный в регионе, как, в первую, очередь, всаднический. Этот вывод подтверждается и находкой классического клинкового оружия всадника – сабли.

ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СЕВЕРНЫХ РАЙОНАХ ТАТАРСТАНА (ПРЕДКАМЬЕ)

© 2014 г. Н.И. Шутова

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Ижевск (shutova@udnii.ru)

***Ключевые слова*:** археологические экспедиции, фольклорно-этнографические исследования, городище, селище, поздние могильники.

Резюме. Статья посвящена результатам археологических и фольклорно-этнографических экспедиций, проведенных удмуртскими исследователями в северных районах Татарстана для сбора материалов по происхождению, материальной и духовной культуре завятских (арских) удмуртов.

На правобережье нижнего течения р. Вятки, в бассейнах ее правых притоков Шошмы, Бурца, Оштормы, Шии в северных районах РТ (Кукморский, Мамадышский, Балтасинский) и на юго-востоке РМЭ (Мари-Турекский), в изоляции от основного этнического массива в иноэтничном, преимущественно татарском окружении издавна обитает завятская (арская) территориальная группа удмуртского населения. С целью изучения происхождения, материальной и духовной культуры арских удмуртов в этих краях работали археологические и фольклорно-этнографические экспедиции Научно-исследовательского института при Совете Министров УАССР (ныне Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО

РАН, далее – УИИЯЛ УрО РАН), Удмуртского республиканского краеведческого музея (ныне Национальный музей Удмуртской Республики, далее – НМ УР) и Удмуртского государственного университета.

В 1969, 1982-1987 гг. археологические экспедиции УИИЯЛ УрО РАН и НМ УР под руководством В.А. Семенова, Т.И. Останиной и Н.И. Шутовой проводили работы по выявлению и изучению финских средневековых памятников в междуречье средней Волги и низовьев Вятки. Попутно собирались и предания и легенды о местах локализации этих памятников. В итоге обследованы десятки известных археологических объектов и обнаружены новые, среди них шесть селищ эпохи средневековья (Кутюкское, Карабаяновское, Нижнешунское, Староучинское, Таутерменьское, Русско-Сердинское), четыре городища (Старозюринского, Кирбинское, Чутайские I и II), десятки местонахождений керамики и кремневых изделий, более десятка могильников XVII–XIX вв. (Староучинский, Ош-Юмьинский, Атынский, Арняшский, Кутюкский, Среднекушкетский, Ципьинский, Тагошурский, Вукогуртский (Мельничный), Большеуськинский и др.); проведены стационарные исследования Арского, Старозюринского и Кирбинского городищ, Атынского, Ош-Юмьинского и Арняшского могильников. В целом, выявлены памятники с культурным слоем эпохи камня, бронзы, памятники ананьинского, азелинского, именьковского облика, начала II тыс. н. э., могильники и селища XVII–XIX вв. Полученные в ходе изысканий материалы были частично введены в научный оборот.

Коротко о наиболее интересных памятниках. *Старозюринское городище* располагается на мысу коренного берега р. Мёши в окрестностях д. Старые Зюри (Сабинский район РТ). Ров и вал не сохранились. Культурный слой разрушен пахотой. Вещевой материал представлен железным наконечником стрелы, пряслицем из известняковых камней, глиняными поделками, стержнем от весов (аналоги найдены в материалах Билярского городища X–XIII вв.), несколькими железными предметами, назначение которых определить не удалось, и фрагментами лепной керамики азелинско-мазунинского и именьковского облика. Посуда серого, светло-коричневого цвета содержит примеси мелкого шамота, песка и раковины. По форме это прикамские чаши со слабо профилированной шейкой, иногда встречается орнамент в виде ямок и насечек. На основании полученных материалов памятник датирован серединой, возможно, второй половиной I тысячелетия н. э., началом II тыс. н. э.

Кирбинское городище располагается в нижнем течении р. Мёши (Лаишевский район РТ), открыто В.А. Семеновым, раскопки проведены Т.И. Останиной. Здесь прослежено 28 ям от столбов и кольев, 14 очагов и одна хозяйственная яма. Собраны фрагменты кремневых желваков и керамика эпохи бронзы (2 экз.), обломки посуды ананьинского (30 экз.), азелинского (17 экз.) и именьковского (131 экз.) обликов. Остальные находки представлены обломком наконечника копья, ножами, наковальней, глиняными, известняковыми и костяным пряслицами, костяными проколками, тиглями, обломками зернотерки и жернова, гальками-валунами. Собраны кости одной-пяти особей животных – лося, медведя, кабана, бобра, зайца, лисицы. Средневековые материалы датированы V–VII вв. н. э. По мнению исследователя, в средневековье площадка мыса городища служила в качестве святилища и опорного сигнального пункта. У подошвы мыса городища местные жители-татары проводят национальный праздник сабантуй (Останина, 2002).

Староучинское селище Четкер начала II тыс. н. э. располагается возле д. Старая Уча (Кукморский район РТ) в верховьях р. Шии. Культурный слой мощностью до 30 см распахивался, содержал уголь, золу и кусочки обожженной глины. По рассказам местных жителей, здесь неоднократно находили браслеты, бусы, серьги, ножи, кочедыки, топоры. В 1982 г. В.А. Семенов собрал более 30 фрагментов керамики, из них четыре обломка от стенок (лепных) сосудов, содержащих примесь раковины, два фрагмента серой круговой керамики позднего облика и 25 фрагментов болгарской круговой керамики. Болгарская керамика серого и серо-красного цвета имела плоские днища, слегка утолщенные венчики. Кроме керамики, здесь найдены обломки ножа, наконечника копья, медного котелка,

точильного камня и уплощенная буса из темно-синего стекла. На месте *Четкер* (‘место древнего поселения’) раньше стояла деревня из трех-четырех домов. Вокруг росли сосны, ныне от них сохранилось несколько сосен. Место древнего поселения не было забыто, о нем помнили, на нем совершали моления: резали гусей, уток.

В 1983-1984 гг. на *Арском городище* в бассейне р. Казанки (Арский район РТ) исследовано 14 ям, следы деревянных настилов. Найдены изделия из железа (ножи, шило, наконечники стрел, удила, пряжки подпружные и поясные, звено очажной цепи, пробой дверной, замок навесной, коромысла от безмена), пряжка и рукоять ножа из цветных металлов, известняковые пряслица, светильник и игрушка-свистулька из глины, игрушка-лодочка из сосновой коры (Руденко, Шутова, 2013). Наибольшее количество находок составляют фрагменты керамики. Ранний керамический комплекс представлен гончарной столовой посудой, который сложился в XII–XIV вв. на основе характерных для этого времени лепных сосудов, с одной стороны, и распространенных типов общебулгарской круговой керамики, с другой. Второй керамический комплекс – привозные кухонные плоскодонные горшки датированы XV–XVI вв. Со второй половины XVI в. и, в особенности, с начала XVII в., ассортимент глиняной посуды расширяется, благодаря появлению керамики лучшего качества коричневого, серого и черно-серого цвета. Помимо кухонных сосудов, комплекс включал столовую посуду хорошего качества, к числу которых относились и высокогорлые кувшины. Во второй половине XVI – начале XVII в. здесь встречаются горшки коричневого цвета с высокими плечиками и конусовидным туловом. В XVII в. бытовала белоглиняная керамика – кухонные плоскодонные горшки. В первой половине XVIII в. широкое распространение получает серо-черная круговая керамика без орнамента. Как правило, она имеет стандартную горшковидную форму с разнообразными вариациями в оформлении венчиков. К концу XIX в. керамический комплекс становится скромнее, существенно сокращается ассортимент и вариативность изделий (Руденко, Шутова, 2014).

Результаты фольклорно-этнографических экспедиций опубликованы в трудах, посвященных системе расселения родовых групп (Атаманов, 2005), характеристике женской одежды и украшений (Косарева, 2000), музыкальному фольклору (Нуриева, 1999), систематизации святилищ и культовой деятельности пяти локальных территорий кукморских удмуртов (Староучинская, Старокня-юмьинская, Староюмьинская, Среднекушкетская, Лызинская), вопросам реконструкции сакрального пространства (Шутова, Капитонов, Кириллова, Останина, 2009). Собранные материалы по святилищам и религиозным верованиям балтасинских удмуртов пока не введены в научный оборот. Материалы раскопок поздних удмуртских кладбищ систематизированы в авторской монографии (Шутова, 1992).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атаманов М.Г. От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск: Удмуртия, 2005. 216 с.

Косарева И.А. Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов (косинский, слободской, кукморской, шошминской, закамской) в конце XIX – начале XX в. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 228 с.

Нуриева И.М. Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 272 с.

Останина Т.И. Кирбинское городище на р. Меше // Finno-Ugrica. 2001. № 1 (5–6). С. 15–43.

Руденко К.А., Шутова Н.И. Арское городище в Татарстане: индивидуальные находки из раскопок 1983-1984 гг. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2013. № 3. С. 68–77.

Руденко К.А., Шутова Н.И. Керамика Арского городища // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 123–132.

Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: По данным могильников. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 263 с.

Шутова Н.И., Капитонов В.И., Кириллова Л.Е., Останина Т.И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 2009. 244 с.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ ЖИТИЯ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО[1]

© 2014 г. С.П. Щавелев

Курский государственный медицинский университет, Курск
(sergei-shhavelev@yandex.ru)

Ключевые слова: житийно-летописный город Курск, роменская археологическая культура, северянское Посеймье.

Резюме. Заново пересчитанная хронология «Жития Феодосия» и упомянутые в нем исторические реалии позволяют уточнить время основания Курска как оплота власти Киева и гибели роменской археологической культуры в Северянском Посеймье: вторая четверть XI в. На роль основателя этого южнорусского города предлагается Мстислав Владимирович «Лютый» как временный соправитель Ярослава «Мудрого».

«Житие Феодосия» Печерского летописца Нестора обладает такими стилистическими и содержательными особенностями, которые позволяют использовать его текст для взаимно эвристичного соотнесения с историческими и археологическими данными о некоторых моментах истории Древней Руси. Перед нами рекордное по объему в христианской агиографии произведение, в котором вопреки стилизационным рамкам жанра детально и конкретно рассмотрен целый период жизни и юго-восточного пограничья, и столицы державы Рюриковичей в XI в.

Событийный ряд этого жизнеописания начинается с переезда родителей «божественного отрока» вместе с ним из правобережного города Василева в левобережный Курск по приказанию киевского князя. Произведенный нами заново хронометраж этого жития (Щавелев, 2008. С. 11–24) позволяет уточнить примерный возраст житийно-летописного Курска, который краеведы (Курск. Краеведческий словарь, 1997. С. I) и некоторые археологи (Енуков, 2005. С. 311) стремятся во что бы то ни стало увеличить (очевидно, чтобы приблизить заветное «тысячелетие» города), приурочить к правлению крестителя Руси Владимира Святославича. Если же взять правдоподобную датировку пострижения Феодосия в киево-печерские монахи – около 1052 г., и отнять от нее возраст его на тот момент — 25 примерно лет, то получим 1027 ориентировочно год рождения «божественного отрока». К этой, уточнённой (разумеется, до плюс или минус одного-двух лет в связи с соответствующими оговорками источников) дате позволительно добавлять те 6-7 лет, какие считались подходящим возрастом для обучения грамоте в древнерусской семье. Чем маленький Феодосий решил заняться вскоре после переезда с семьей в Курск. С учетом данного обстоятельства выясняется наиболее вероятная дата их появления в Курске: 1027 + 7 = 1034 год.

А.К. Зайцев поддержал имевшееся в дореволюционной историографии мнение связывать «факт перевода боярской семьи из киевского города в Курск» с переходом последнего под непосредственное управление Киева «(с 1036 до 1054 г.)» (Зайцев, 2009. С. 70). 1036 г. датируется смерть соправителя тогдашней Руси Мстислава Лаврентьевской летописью. Возможность такого шага связывается этим исследователем с кончиной Мстислава, овладевшего в результате победы при Листвене в 1024 г. Днепровским Левобережьем.

1 Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 14-33-01018 2014–2016 гг.).

После же скоропостижной смерти младшего брата «завладел всем его владением Ярослав и стал самовластцем в Русской земле» (ПВЛ, 2007. С. 203). Приобретя тем самым возможность и необходимость разместить представителей своей администрации на вновь присоединённых территориях, включая Курское Посеймье.

Однако Ипатьевской летописью, Тверским сборником, а также загадочными источниками В.Н. Татищева кончина тогдашнего владыки Левобережья датирована более ранним временем, а именно – 1034 г. Примечательно, что и в такой, близкой к Лаврентьевской и одной из самых ранних вообще, харатейной летописи, какой была Троицкая, содержится ещё одна, промежуточная датировка кончины Мстислава –1033 г. Близость этих последних дат – 1033-1034 гг. уточняемой выше хронологии «Жития Феодосия» побуждает предпочесть их в качестве условного рубежа появления Курска в письменных источниках. Отсюда логично предположить, что начало его строительства приходится как минимум на 5-10 лет ранее (средний срок возведения христианского храма в домонгольской Руси, а их в Курске при Феодосии упомянуто уже несколько). Получается как раз конец правления Владимира I и начало междоусобной войны его сыновей за власть над Русью. На роль основателя Курска в этом случае подходит тогдашний правитель Левобережья Мстислав Владимирович (в Печерском патерике эпически прозванный «Лютым»).

Хотя при дуумвирате Ярослава и Мстислава одно и то же должностное лицо могло исполнять обязанности представителя их обоих – в Новгороде была найдена подвеска, на лицевой стороне которой изображён геральдический трезубец Мстислава, а на оборотной помещалась родственная тамга Ярослава (Белецкий, 1996. С. 5). Обладателем этого вернительного знака княжеского уполномоченного в промежутке 1026-1034 гг. предполагается новгородский посадник Коснятин Добрынич. Так что и курский посадник этого времени совсем не обязательно представлял исключительно того или другого из двух полноправных совладетелей Руси, а скорее рассматривался в качестве представителя державного союза наследников Владимира Святого в их общем пристепном тылу.

Ведущий сегодня исследователь исторического центра Курска полагает, что в качестве русско-киевского этот город возникает «на рубеже X–XI вв.» (Енуков, 2007. С. 30). Исходя из новой датировки можно поддержать вывод А.В. Григорьева о более поздней дате гибели роменской культуры — летописных северян — под напором Киева, чем считалось ранее, и приурочить ликвидацию этого «племенного княжения» ко второй четверти XI в. (Григорьев, 2000. С. 123). Тем более что раскопанные В.В. Енуковым укрепления Курска рубежа X–XI вв. оказались выполнены вполне в роменских традициях. Так что они должны были быть сооружены вовсе не победителями – «русью», а местными жителями под угрозой нашествия этой последней.

Социальная номенклатура первоначального Курска объясняется параллелью светских и церковных терминов относительно одних и тех же общественных групп. Например, в «Изборнике» Святослава 1076 г. явно параллельные термины из этих двух рядов – «бояре» и «вельможи» соответствуют одному и тому же греческому термину (Завадская, 1996. С. 28–29) – «megistos», дословно «превосходный», т.е. «главный», «начальник». А по другому памятнику того же рода – «Поучению о посте...» из сборника «Златоуст» вырисовывается характерная именно для XI – начала XII вв. картина общественного соподчинения (сословно-административная «лестница»): «Рече блаженыи апостол ... іако же бо цесарь боле есть князя, а князь — воеводы, а воевода — болярина, а болярин — сотника, а сотник — пятидесятника, а пятидесятник — слуги».

Отсюда становится понятна описанная Нестором-агиографом общественная иерархия в Курске того времени. Понятие «князь» применяется этим киево-печерским монахом-летописцем и в данном своем произведении – «Житии» – исключительно к Рюриковичам — «властелинам» Киева и соседних «столов». А именно, Ярославу Владимировичу и его детям – Изяславу, Святославу, Всеволоду. В Курске княжеского стола тогда ещё не было, клан Рюриковичей пока не разросся до такой степени, которая привела к усилению раздробленности земель, поэтому о руководителе

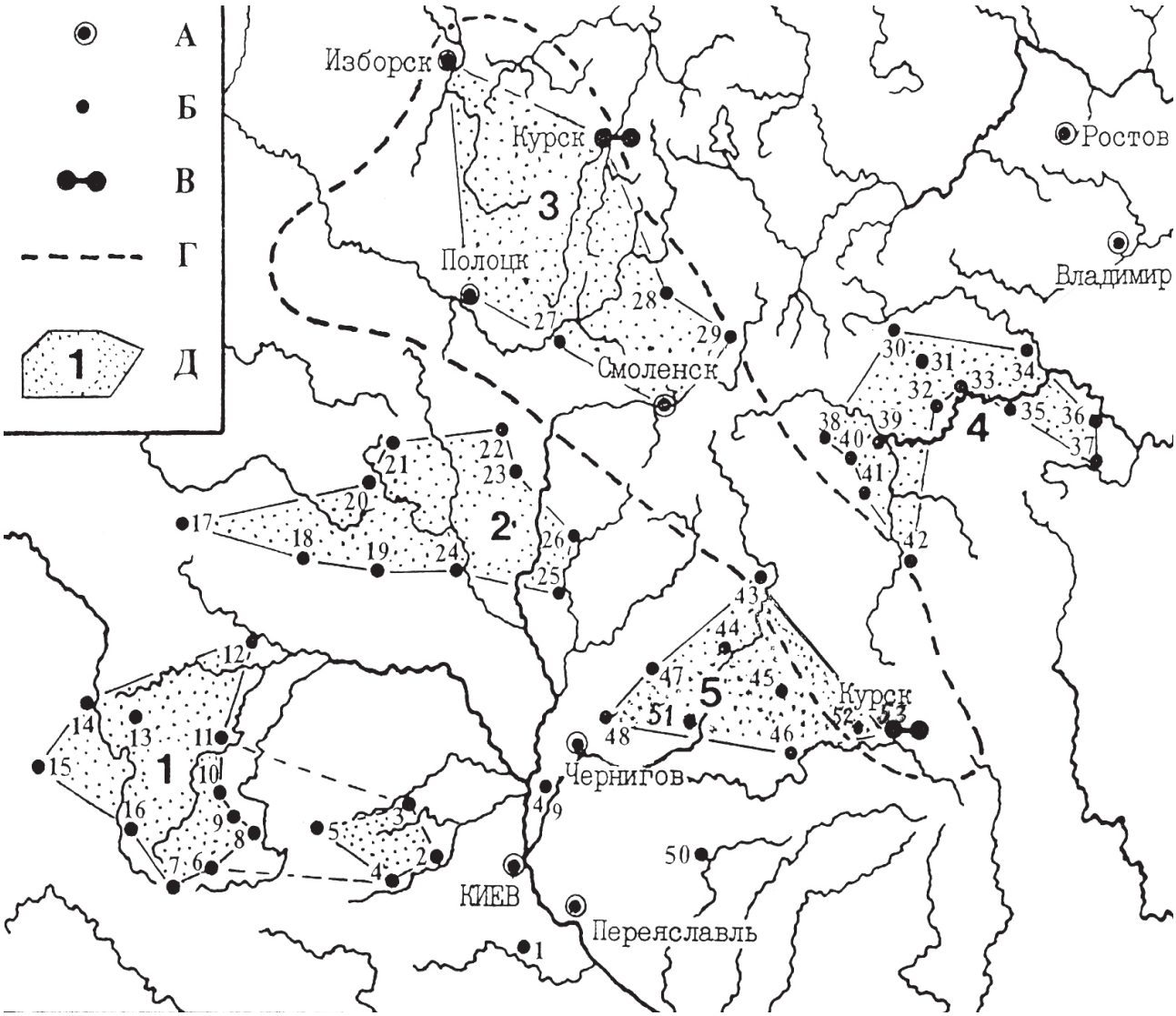


РИС. 1. ТОПОНИМИЧЕСКАЯ КАРТА ДРЕВНЕРУССКИХ УРБАНОНИМОВ С ФОРМАНТОМ «-СКЪ» - ПО: МОРГУНОВ, ЩАВЕЛЁВ, 1996. А – ДРЕВНЕЙШИЕ ГОРОДА; Б – УРБАНОНИМЫ С ФОРМАНТОМ «-СКЪ»; В – ДУБЛЕТНЫЕ ТОПОНИМЫ: «КУРСК – ЛИП(И)НО – РАТНО»; Г – АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ 4-Й ГРУППЫ КЛАДОВ КУФИЧЕСКИХ МОНЕТ – 970-Х – 980-Х ГГ. – ПО: А.В. ФОМИН; Д – ГРУППЫ СКОПЛЕНИЙ УРБАНОНИМОВ С ФОРМАНТОМ «-СКЪ»: 1 – ВОЛЫНСКАЯ; 2 – СЕВЕРО-ДРЕГОВИЧСКАЯ; 3 – СЛОВЕНО-ПОЛОЧАНСКО-КРИВИЧСКАЯ; 4 – ВЯТИЧСКО-ПООКСКАЯ; 5 – ДЕСНИНСКО-СЕЙМСКАЯ (СЕВЕРЯНСКАЯ). УРБАНОНИМЫ: 1 – ТОРЧЕСК; 2 – МИЧСК; 3 – УШЕСК; 4 – ГОРОДЕСК; 5 – КОРЧЕСК; 6 – ШУМСК; 7 – ПЛЕСНЕСК; 8 – МЫСЛЬСК; 9 – ЗАРЕЧЕСК; 10 – ЛУЧЕСК; 11 – ЧЕРТОРЫЙСК; 12 – ПИНЬСК; 13 – ТУРИЙСК; 14 – УГРОВЕСК; 15 – СУТЕЙСК; 16 – БУЖЕСК; 17 – ВОЛКОВЫЙСК; 18 – КЛЕЧЕСК; 19 – СЛУЧЕСК; 20 – МЕНЬСК; 21 – ЛОГОЖЕСК; 22 – ДРЮТЕСК; 23 – ГОЛОТИЧЕСК; 24 – БОБРУЕСК; 25 – ЧИЧЕРСК; 26 – ПРУПОШЕСК; 27 – ВИТЕБСК; 28 – ВЕРЖАВСК; 29 – ВЕРХОВСК; 30 – МОЖАЙСК; 31 – БОРОВСК; 32 – ЛОБЫНСК; 33 – НЕРИНЬСК; 34 – СВЕРИЛЕСК; 35 – КОЛТЕСК; 36 – УЖЕСК; 37 – ПРОНЬСК; 38 – МОСАЛЬСК; 39 – ВОРОТЫНСК; 40 – СЕРЕНСК; 41 – КОЗЕЛЬСК; 42 – МЦЕНСК; 43 – ДЕБРЯНСК; 44 – ТРУБЧЕВСК; 45 – СЕВСК; 46 – РЫЛЬСК; 47 – РОПЕСК; 48 – СНОВСК; 49 – МОРОВИЙСК; 50 – ГЛИНЕСК; 51 – НОВГОРОД-СЕВЕРСК(ИЙ); 52 – ЛИПОВИЧЕСК (?); 53 – КУР(Е)СК; 54 – ПСКОВ (ПЛЕСКОВ).

этого города как о князе здесь речь идти не могла.

Княжеские «вельможи» синонимически именуются Нестором «боярами». Представлять власть князя они могли не только в самой столице Киеве, но и по всей тогдашней Руси. Абстрактные «властители города» (библейский парафраз) поминаются автором «Жития» в самом его начале безотносительно к какой-либо местности. Надо полагать, что и курские «вельможи» из данного памятника не кто иные, как бояре. А по-церковному «властелин» этого города «по-граждански» звался «воеводой», посаженным управлять этой землей неким князем-Рюриковичем или (если следовать житию) самим великим князем-«цесарем» из их же среды (следующие ранги общественной иерархии).

Использованный же при наречении Курска суффикс «-ск» — один из самых продуктивных для древней славянской топонимики. Географические названия с его участием хорошо известны у западных и южных славян. А среди славян восточных такое окончание в названиях их поселений явно преобладает в названиях самых первых, упоминаемых в письменных источниках, их городов. Имеются в виду летописные Полоцк (древнерусский Полте*ск*); Смолен*ск*, Избор*ск*; несколько позднее – Псков (Пле*ск*ов) и т.п. При картографировании соответствующих названий (рис. 1), выполненном в своё время Ю.Ю. Моргуновым для нашей совместной с ним работы (Моргунов, Щавелёв, 1997) и дополненном мной для этой публикации. можно заметить, что все компактные скопления соответствующих летописных «градов» отвечают основным направлениям «окняжения» Русью так называемых «племенных территорий» славян и их ближайших соседей. Эти скопления накрывают основные группировки восточных славян, наиболее развитые под конец I тыс. в социально-политическом отношении. А именно, летописные «княжнения» (словен, полочан, дреговичей) и похожие на них социумы (волынян, кривичей, северян и вятичей). Округа же южнорусского Курска находит дублетные топонимические соответствия (начиная с полного тезки – Курска на р. Ловати и близлежащего к нему монастырища Ратно) с северо-западом Руси, окняженном на раннем этапе экспансии Рюриковичей и в дальнейшем используемом ими для «нарубания мужей лучших» на вновь покоряемые земли.

Полностью свободной от урбанонимов с формантом «-ск» осталась лишь территория Руси в собственном, первоначальном, узком смысле этого слова. Эта исходная Русь — своего рода сердцевина, домен «державы Рюриковичей» — суть Верхнее Поднепровье; от Киева и Чернигова в своём центре; до Переяславля на юге; Смоленска на севере; и, наконец, до Турова и Пинска на западе. Первоначальная Русь оказывается вытянутой преимущественно в широтном направлении; главным образом на запад — по Правобережью Днепра; ее восточные пределы наименьшие. Что вполне соответствует подтвержденному текстологией «Жития Феодосия» позднему, по сравнению с другими соседями Киева, присоединению к нему сердцевины северянской земли — Курского Посеймья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белецкий С.В. К вопросу о принадлежности новгородской подвески № 22-27-1181 // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти … В.Т. Пашуто. VIII. Политическая структура Древнерусского государства / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: ИВИ РАН, 1996. С. 4–7.

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005. 352 с.

Енуков В.В. История Посеймья – Курской волости на рубеже эпох (IX–XI века). Автореф. дисс. … докт. ист. н. Курск: изд-во Курского гос. ун-та, 2007. 39 с.

Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI в. по археологическим данным. Тула: «Гриф и Ко», 2000. 263 с.

Завадская С.В. Термин «болярин» в переводных памятниках древнерусского периода // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти … В.Т. Пашуто. VIII. Политическая структура Древнерусского государства / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: ИВИ РАН, 1996. С. 28–29.

Зайцев А.К. Черниговское княжество X–XIII вв.: избр. труды. М.: Квадрига, 2009. 226 с.

Курск. Краеведческий словарь-справочник / Глав. ред. Ю.А. Бугров. Курск: ЮМЕКС, 1997. 495 с.

Моргунов Ю.Ю., Щавелев С.П. «Куреск на Тускоре»: к вопросу о происхождении летописного

города // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. II. Славянский средневековый город / Отв. ред. В.В. Седов. М.: ИА РАН, 1997. С. 261–271.

Повесть временных лет / Подг. текста Д.С. Лихачева / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб.: «Наука», 2007. 668 с.

Щавелев С.П. Феодосий Печерский – курянин. Курск, Курский гос. мед. ун-т, 2008. 280 с.

СЕКЦИЯ 11

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО РАННЕЙ ИСТОРИИ ГОРОДА ВОЛОГДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2011 ГОДА)

© 2014 г. О.Н. Адаменко

Вологодский институт бизнеса, Вологда
(aonVGPU@yandex.ru)

Ключевые слова: Вологодское городище, место основания Вологды, грамотность, эпиграфика, топография раннесредневековой Вологды, городская застройка.

Резюме. В 2011 г. в Вологде проведены раскопки в центральной части Вологодского городища. Выявлена жилая постройка с комплексом находок, маркирующих высокий социальный статус ее обитателей, обнаружена первая бытовая эпиграфическая находка – лепной сосуд с буквой «юс малый».

Вологодское городище XII–XV вв. изучается археологическими методами с 1947 г., в последние десятилетия работы имеют исключительно охранный характер. Район пересечения современных ул. Бурмагиных и Паркового пер. занимает центральное и топографически доминантное положение на городище. Исследования здесь, как на одном из наиболее перспективных мест для поиска древнейших материалов, были проведены археологом А.В. Никитиным еще в 1948 г., однако в раскопе 3 и шурфе 3 раннесредневековых материалов обнаружено не было (Никитин, 1953. С. 100; 1961. С. 11). Исследователь приходит к важному выводу о разрозненности жилой застройки, сохранявшейся в Вологде на протяжении длительного времени и отличавшейся обширными незастроенными пространствами, что отразилось в особенностях формирования культурного слоя (Никитин, 1961. С. 19). Датирование отдельных находок XII в. позволила А.В. Никитину предположить, что на территории Вологодского городища находится и первоначальный городской центр, известный по письменным источникам с 1147 г. Данная версия в последующие годы не была подтверждена, древнейшие материалы раскопа на участке Парковый пер., 4 отнесены ко второй половины XIII – середине XIV в. (Башенькин, Кукушкин, 1994. С. 36, 43). Археологических материалов, датируемых временем ранее XIII в., и в настоящий момент не выявлено, вопрос о времени основания города Вологды остается открытым.

В 2011 г. археологические работы в центральной части Вологодского городища были продолжены в связи с новым строительством на участке Парковый пер., 3 (Адаменко, 2011. С. 10–28). Был заложен раскоп площадью 38,4 м^2, а также исследованы стратиграфия и материковые ямы в котловане, вырытом еще в 1995 г. при строительстве на участке дома с цокольным этажом. В результате проведенных исследований была расчищена жилая

постройка размером в границах раскопа – не менее 4,8 х 4,8 м, ориентация – север-юг. Четко прослеживается разделение постройки на две части, разграниченные полосой из двух истлевших бревен, с заполнением между ними мешаным слоем с примесью суглинков. Южная стенка постройки сохранилась фрагментарно. В западной части постройки в яме 1 наблюдалась высокая, по сравнению с остальной площадью раскопа, насыщенность слоя находками и керамикой. В 11 м к востоку от постройки обследована материковая часть ямы 13, близкой по датировке и морфологии яме 1, но с единичными находками. К одновременным с данными объектами элементам планировки участка можно отнести канавку с включением столбовых ямок, ориентированную непосредственно из ямы 1 по направлению к яме 13, но прерывающуюся в двух метрах от последней. Данное направление совпадает с современной осью начальной части Паркового переулка, спуску от ул. Бурмагиных к реке Вологде.

Заполнение ямы 1 – хорошо стратифицированные прослойки углистой супеси и мешаного слоя, равномерно распределенные и в двух материковых заглублениях 1а и 1б. В верхнем слое заполнения ямы 1 отметим находки четырехгранного наконечника стрелы, цилиндрический замок, фрагменты глиняных поливных поделок, ножи, 15 фрагментов стеклянных браслетов. В яме 1а обнаружены хозяйственно-бытовой инвентарь (ножи, иглы, железная дужка ведра, ключ, оселки), украшения и детали костюма (подковообразная фибула, круглощитковый и пластинчатый медные перстни, линейно-прорезной бубенчик, навитая стеклянная бусина, 41 фрагмент стеклянных браслетов), а также фрагменты клейменых донец круговой керамики, обломок лепного сосуда с прочерченным орнаментом и буквой, костяная копоушка и др. В яме 1б найдено 36 индивидуальных находок, из них 20 фрагментов стеклянных браслетов, шарнирные ножницы, шило, нож, костяная игла, навитая стеклянная бусина, фрагмент стеклянного светло-желтого сосуда. Всего в яме 1 сконцентрировано 184 находки – более половины от всей коллекции. Среди стеклянных браслетов преобладают гладкие круглого и прямоугольного сечения, в том числе с перевитьем, торцевыми насечками, с продольными полосами; лишь несколько экземпляров относятся к типу крученых браслетов. Помимо этого, в верхних пластах раскопа 30 обнаружены спица для прялки (кудельная булавка) с витым стержнем, железный вток, прямоугольные пряжки, писало и др., возможно, происходящие из постройки. Керамика преимущественно круговая, украшена линейно-волнистым и другими орнаментами, отдельные донца имеют клейма. В целом, археологические находки, полученные в результате раскопок, характерны для периода XIII–XV вв., некоторые могли бытовать и в XII в.

Обнаружены предметы, свидетельствующие о распространении письменности в Вологде в XIII–XIV вв. Отметим, что орудия письма редко встречаются в культурном слое Вологодского городища: к данной категории можно отнести две находки из раскопок 1950-х гг., писало 13-го типа из раскопок 1992 г., писало типа 12-в из раскопок 2011 г. (Никитин, 1961. С. 21; Башенькин, Кукушкин, 1994. С. 37, 41; Овчинникова, 2000. С. 57–59; Адаменко, 2011. Рис. 100, 101). Писало, обнаруженное в 2011 г. внутри постройки 1, датируется по новгородским материалам в широком диапазоне конца XII – середины XIV в.

Также в комплексе данной постройки была обнаружена первая для Вологды бытовая эпиграфическая находка. Надписи на археологических предметах повсеместно встречаются на территории Древней Руси, в том числе в Древнем Белоозере и Луковце (Рыбаков, 1964; Медынцева, 2000; Захаров, 2004; Кудряшов, 2005). В Вологде был найден фрагмент лепного миниатюрного сосуда с рисунком в виде плотного пояса спиральных, дугообразных и прямых линий, в придонной части расположено буквенное изображение. Реконструируемые по фрагменту параметры: диаметр дна – 7 см, на высоте 3 см наблюдается закругление стенок к центру сосуда. Буква «юс малый» написана уставным письмом по сырой глине, имеет особенность начертания – двойное отчеркивание горизонтальной перекладины, что не находит аналогов в известных нам археологических и письменных источниках, в берестяных грамотах. По наблюдению д-ра филол. наук Г.В. Судакова, прорисовка буквы выполнена более четко по сравнению с орна-

ментальной композицией. По палеографическим приметам написание буквы может быть отнесено ко второй половине XII – первой половине XIII в. Характер слома фрагмента данного сосуда свидетельствует либо об одиночном написании данной буквы, либо о ее нахождении в начале короткого слова, продолжение которого утрачено. В XIV в. буква «юс малый» могла находиться только в середине слога, что может установить верхний хронологический рубеж для нашей находки (Щепкин, 1967. С. 114, 118). Содержание надписи могло отражать имя владельца сосуда, мастера, изготовившего и украсившего сосуд, либо обозначать объем содержимого. Наиболее состоятельной, на наш взгляд, является версия написания имени, начинающегося с буквы «юс малый» (мужского – Яким, Яков, Ярила, Якша, или женского – Янка, Ярина, известных по берестяным грамотам) (Зализняк, 2004. С. 821–822).

Грамотность обитателей исследованной постройки, концентрация в их доме редких, привозных и статусных вещей (женских украшений, стеклянной посуды, элементов вооружения) свидетельствуют о высоком социальном статусе обитателей данного дома, их возможной связи с торговой или ремесленной сферой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адаменко О.Н. Отчет об археологических работах на территории Вологодского городища в 2011 г. (г. Вологда, Парковый пер., 3) // Архив ИА РАН. 2011. Р-1.

Башенькин А.Н., Кукушкин И.П. Древняя Вологда // Вологда: историко-краеведческий альманах. Вып. 1 / Гл. ред. М.А. Безнин. Вологда: Вологод. гос. пед. ун-т, 1994. С. 29–45.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.

Кудряшов А.В. К вопросу о распространении письменности среди населения Белозерья в эпоху средневековья // Традиции в контексте русской культуры. Вып. 12 / Под ред. А.В. Чернова. Череповец: ЧГУ, 2005. С. 183–188.

Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси (По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века). М.: Наука, 2000. 291 с.

Никитин А.В. Раскопки в Вологде в 1948 году // КСИИМК. 1953. Вып. 52. С. 99–105.

Никитин А.В. Древняя Вологда по археологическим данным // Сборник по археологии Вологодской области / Под ред. А.Я. Брюсова. Вологда: Кн. изд-во, 1961. С. 6–24.

Овчинникова Б.Б. Писала-стилосы Древнего Новгорода X–XV вв. (Свод археологического источника) // Проблемы истории России. Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Вып. 3 / Отв. сост. Б.Б. Овчинникова. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. С. 45–105.

Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV вв. М.: Наука, 1964. 48 с.: ил. (САИ; Вып. Е1-44).

Щепкин В.Н. Русская палеография. М.: Наука, 1967. 224 с.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ НА КРЕМЛЕВСКОЙ ПЛОЩАДИ ВОЛОГДЫ

© 2014 г. Л.С. Андрианова

Региональный центр дополнительного образования детей, Вологда (anlaris@mail.ru)

Ключевые слова: Вологда, Кремлевская площадь, средневековье, охранные раскопки, дренажная система, усадьба, заплот.

Резюме. В статье представлены результаты охранных работ на Кремлевской площади города Вологды в 2007, 2008, 2011 гг. В ходе работ исследовано четыре участка общей площадью более 800 м^2, изучено семь строительных горизонтов, зафиксирован первоначальный этап освоения местности, широкой площадью исследованы остатки нерегулярной усадебной застройки XV–XVI вв., выявлена первая в Вологде средневековая дренажная система, получены новые данные о характере и развитии городской застройки на протяжении XV–XIX вв.

В течение нескольких лет (2007, 2008 и 2011 гг.) на Кремлевской площади города Вологды велись охранные археологические работы, в результате которых были изучены культурно-строительные горизонты с рубежа XV–XVI вв. (времени первоначального заселения данной части города) до новейшего времени. Кремлевская площадь располагается рядом с Архиерейским двором в границах Вологодского кремля, заложенного во времена Ивана Грозного. Раскопки велись на участках пр. Победы, 20 (Кремлевская пл., 2) и Кремлевская площадь, 8а. Общая площадь четырех раскопов составила 800 м^2 (работы Л.С. Андриановой, Н.Б. Васильевой, И.Ф. Никитинского). Мощность культурных напластований 3,2–3,6 м, на отдельных участках до пяти метров. Значительная толщина культурного слоя объясняется топографическими особенностями местности – это был низинный заболоченный участок с прудами, сохранившимися от верховых болот. Избыточная влажность вынуждала первых поселенцев сооружать дренажные канавы, перекрывать пространство между постройками гатями, настилами и бревенчатыми мостовыми. В переувлажненной почве хорошо сохранились изделия из органических материалов, остатки жилых и хозяйственных построек, разнообразные вымостки из бревен, жердей, целых небольших елей и ветвей кустарника.

Освоение участка приходится на вторую половину XV века. Сначала с целью осушения заболоченной почвы были проведены мелиоративные работы. В раскопе 29 выявлено интересное техническое сооружение, интерпретированное как поверхностная дренажная система закрытого типа (Андрианова, 2014). Дренажный комплекс (рис. 1) представлял собой несколько неглубоких (до 60 см) канав, расположенных параллельно друг другу; их дно было устлано небольшими елями, игравшими роль дренажного материала. Сверху канавы перекрыты поперечными бревнами, поверх которых в два-три слоя лежали елки и бревна, засыпанные землей. Для улучшения гидроизоляции под бревна подкладывали крупные прямоугольные куски распрямленной бересты. Участки между канавами были перекрыты елочными гатями, уложенными в виде двойной решетки, что сделало территорию более ровной и сухой. Благоустроенная таким образом территория была поделена частоколами на участки, которые могли использоваться как выгоны, загоны, пастбища или «косебные места». Результаты дендроанализа позволяют датировать сооружение последней четвертью XV века. Еще одна глубокая дре-

Рис. 1. Вологда-2011 (Кремлевская пл., 8а). Раскоп 29. Дренажная система в нижней части культурного слоя.

Рис. 2. Вологда-2007 (пр. Победы, 20). Раскоп 22. Усадебная застройка XV–XVI вв. (нижний строительный горизонт).

нажная канава, перекрытая елками, была прослежена в раскопе 25.

Примерно в это же время в 60 м к югу от участка с дренажной системой возникают первые жилые и хозяйственные постройки, зафиксированные в смежных раскопах 22, 24, 25. Выявлены следы четырех дворов-усадеб, разделенных частоколами (рис. 2). Ширина двора варьировалась от 7 до 11 м, длину проследить не удалось, но по данным переписных книг она могла достигать 100–150 м. Под отдельными постройками прослежены частокольные канавки – периодически размеры усадеб менялись и междуусадебные частоколы сдвигались. Некоторые срубы сохранились на три-четыре венца, что позволило определить характер и назначение постройки. Были прослежены двухчастные жилые срубы (изба и сени), хозяйственные постройки (пристройки-мастерские, овчарня, амбар, ледник), мостки из жердей и бревен (Андрианова, 2008. С. 5). Для одного из срубов получена серия дендродат; самые поздние образцы датированы 1494 годом. По всей видимости, усадьбы существовали до середины XVI в., после чего, в связи с начавшимся грандиозным строительством Софийского собора и Вологодского кремля, постройки были разобраны, а жителей переселили в другое место (по некоторым данным, в Гончарную слобо-

ду). На освободившейся территории складируется доставленный для строительства «белый камень» (известняк); выявленный в слое археологический материал (раскопы 22, 24, 25), скорее всего, также связан со строительными работами.

На рубеже XVI–XVII вв. появляются две новые постройки. Особый интерес представляет срубная постройка 6 в раскопе 29 размерами 7 х 7 м, от которой сохранился нижний венец, участок полового настила, и массивные подкладки под бревна. Вдоль северной стенки сруба прослежена бревенчатая мостовая; с юго-западной стороны – мощный частокол (длина сохранившихся кольев превышает один метр). Конструктивные особенности сруба, малочисленные находки бытовых предметов указывают на возможный административный характер сооружения.

Особенно активно эта территория застраивается в XVII в.; прослежено несколько срубных построек как небольших размеров, так и более крупных, таких как сруб 4 (раскоп 29). В нем сохранился бревенчатый накат под печь и остатки самой кирпичной печи; рядом лежало несколько развалов сосудов, слегка поврежденная кадушка и клепки от крупной бочки. С запада к постройке примыкал забор, сооруженный в технике заплота. Позднее, примерно в середине XVII в., сруб был перестроен. Новое сооружение, окруженное массивным забором-заплотом, представляло собой крупную трехкамерную постройку (№ 1) – связь «изба-сени-изба», состоящую из двух домов: переднего («летнего») дома, выходившего окнами на улицу, и небольшого заднего дома с печью («зимовка»). Между собой дома были соединены настилом-«мостом». Помимо жилого дома внутри усадьбы располагались две хозяйственные постройки, мостки и три врытые в землю бочки, одна из которых являлась колодцем оригинальной конструкции. Вероятно, дом просуществовал до пожара второй половины XVIII в., и, если был отстроен заново, то уже за пределами раскопа, ближе к Кремлевской площади, в соответствии с «красной линией», установленной при Екатерине II. Остатки сгоревшего дома были заложены елочными гатями и засыпаны землей. Еще три довольно крупные постройки XVIII в. прослежены в раскопах 22 и 25; в середине XIX в. их сменил двухэтажный дом, просуществовавший до конца XX в.

В ходе раскопок был получен разнообразный археологический материал. Особый интерес представляют коллекции XV–XVII вв. Изделия из дерева и бересты представлены хозяйственными орудиями (лопаты, вилы, чекмари, киянки, витень с кожаной рукояткой), бондарными изделиями (бочки, кади, ведра, клепки, днища, ободы), кухонной посудой (обломки точеных чаш, ложки, берестяные туески, мутовки, песты, лопаточки-мешалки, пробки для посуды, долбленое корыто), предметами, связанными с прядением и ткачеством (веретена, нитченка, трепало, лопасть прялки), деталями механизмов (траверс, упорные подшипники, блоки), элементами внутреннего и внешнего убранства (балясины, «курица»), детскими игрушками (коромыслице, шары и клюшка для игры в касло («масло»), лопатка для игры с шариком, лошадка, лук и стрелы). К редким находкам можно отнести две охотничьи лыжи XVII в., одна из которых сохранилась целиком. Среди находок – изделия, связанные с рыбной ловлей: кормовые весла для одновесельных лодок-долбленок, поплавки из дерева, бересты и сосновой коры, грузила в виде берестяных кошелей с камнем внутри. Большинство находок, связанных с рыболовством, обнаружены в раскопе 22, на территории двух усадеб XV–XVI вв., владельцы которых, по-видимому, активно занимались этим промыслом. Наиболее эффектными находками стали три деревянных резных креста, один из которых сохранился практически полностью. На тыльной стороне креста – ростовое изображение преподобного Сергия Радонежского, подписанное как «СЕРГЕИ». Подобный художественный стиль был характерен для мастеров Свято-Троицкой Сергиевой лавры начала XVI в.

Коллекция кожаных изделий включает преимущественно обувь – сапоги и поршни; башмаки и туфли единичны. Самые ранние образцы (2 экз.) датируются XV в. Большая часть обуви относится к концу XV – XVI в. (короткие сапоги с загнутым носком, вшитым в головку) и XVII в. (сапоги с наборными каблуками, узкой переймой и подошвой с крокулем). Найдены также разнообразные

ножны, кошелек с завязками, аппликации, нашивки, футляры, плетеные шнуры (Андрианова, 2011; Андрианова, Федоров, 2012).

Среди железных изделий – кованые гвозди, скобы, многочисленные ножи, пряжки, ключи, замки, лопатка для разбивания углей, конские подковы, косы-горбуши, серпы, топоры с топорищами, предметы вооружения (наконечники стрел, сулицы, совня, вток для копья). Интересен клад железных изделий из слоя XVIII в. В небольшом горшке, оплетенном берестяными лентами, обнаружено более 30 мелких предметов, в том числе 25 обувных подковок: от ранних врезных с шипами (XVI в.) до комбинированных и набивных XVII–XVIII вв.

Предметы из цветного металла представлены 30 булавками «пус йеппи», фрагментами серег, плетеным браслетом, перстнем-печаткой, декоративным бубенчиком, золотистыми проволочками, обломками изделий из золотистых сплавов. Наиболее яркая находка – массивное золотое (?) кольцо с фигурной лопастью, изображающей двух птичек.

Из нижних строительных горизонтов происходят крупные коллекции сероглиняной, красноглиняной и чернолощеной посуды, сосуды в берестяных оплетках, донца с клеймами, миски, рукомойники, крышки, фляга, солонки. Некоторые глиняные предметы связаны с рыболовством – керамические грузила в виде круглых шаров с отверстием. Среди керамических изделий детские игрушки: свистульки, миниатюрные горшочки. Особенно интересны многочисленные обломки красноглиняных коников, покрытых белым ангобом; обычно их связывают с московским производством XV–XVI вв. Костяные изделия немногочисленны: крестик, гребни, обоймицы, пуговицы, кочедыки, пластины с отверстием, рукояти для ножей, накладки и навершия с циркульным орнаментом, детские игрушки (кости для игры в бабки, погремушки, брунчалки, шашка, коньки). В целом, можно говорить о слабом развитии косторезного промысла в Вологде (Васильева, 2012). Проведенные исследования позволили получить значительный вещевой материал, в том числе редкие и уникальные для региона находки, а также проследить возникновение, развитие и характер городской застройки в центральной части Вологды на протяжении XV–XIX вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андрианова Л.С. К вопросу о начальном освоении исторического центра Вологды // Русский Север: вариативность развития в контексте исторического и социально-философского осмысления. Мат-лы конф. Т. 1 / Гл. ред. М.А. Бензин. Вологда: Вологод. гос. технический ун-т, 2008. С. 3–9.

Андрианова Л.С. Коллекция кожаных изделий XV–XVII вв. из Вологды (по материалам раскопок 2007–2008 гг. на проспекте Победы, 20) // Тр. III (XIX) Всерос. археологического съезда. Т. 2 / Ред. Н.А. Макаров. СПб.; М.; Вел. Новгород: Изд-во «Новгород. технопарк», 2011. С. 210–211.

Андрианова Л.С. Охранные раскопки в исторической части Вологды в 2011 году // Археология Севера. Мат-лы археологических чтений памяти С. Т. Еремеева. Вып. 5. Череповец: Череповецкое музейное объединение, 2014. С. 82–91.

Андрианова Л.С., Федоров А.С. Кожаная обувь из раскопок на Кремлевской площади в Вологде // Археология Севера. Мат-лы археологических чтений памяти С.Т. Еремеева. Вып. 4 / Ред. А.В. Кудряшов. Череповец: Череповецкое музейное объединение, 2012. С.

Васильева Н.Б. Костяные и роговые изделия позднесредневековой Вологды (по материалам раскопок 2007–2008 гг. в исторической части города) // Археология Севера: материалы археологических чтений памяти С.Т. Еремеева. Вып. 4 / Ред. А.В. Кудряшов. Череповец: Череповецкое музейное объединение, 2012. С. 92–98.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ТЕРРИТОРИЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА

© 2014 г. А.В. Андриенко

Центр по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского музея-заповедника, Великий Новгород (av_andrienko@mail.ru)

Ключевые слова: Новгород, топография, городская периферия, средневековый культурный слой.

Резюме. Строительно-хозяйственная деятельность на территории Новгорода активизировала археологические исследования периферии этого средневекового города – за пределами вала и рва Окольного города. Проведенные в 2007 и 2012 гг. исследования на Алексеевских I и II раскопах выявили культурные отложения, датируемые XII–XIII вв. Самые ранние из обнаруженных деревянных сооружений относятся к 1120-м гг. Раскопками 2013 г. также зафиксирован культурный слой XII в.

Актуальной проблемой исследования средневекового Новгорода является изучение динамики развития его территории от возникновения в X в. до формирования устойчивых границ (линии валов и рвов Окольного города) в конце XIV в. Одним из подходов к решению этого вопроса является углубленное изучение городской периферии.

Первой попыткой связать воедино информацию о ядре городской территории и его окружении является докторская диссертация С.Н. Орлова «Топография Великого Новгорода X–XVII вв.» (1966). Тогда же между ним и М.Х. Алешковским возникла острая дискуссия по вопросу границ территории Новгорода в XII в. и времени сооружения укреплений Окольного города (Орлов, 1965; Алешковский, Красноречьев, 1970; Янин, Алешковский, 1971). Из этой дискуссии победителем вышел М.Х. Алешковский, сумевший на материалах археологических раскопок, с использованием данных дендрохронологии, безоговорочно датировать укрепления Окольного города второй половиной XIV – началом XV в.

С начала 1970-х гг. вопрос о развитии города в пространственно-временной динамике оставался практически вне поля зрения исследователей. Лишь в последние годы появились исследования и публикации, затрагивающие эту весьма существенную проблематику (Петров, Тарабардина, 2011).

Причинами актуализации изучения средневековой периферии Новгорода стала строительно-хозяйственная активность в современных административных границах Великого Новгорода, находящихся за пределами вала и рва Окольного города, т.е. вне границ объекта культурного наследия «Культурный слой средневекового Новгорода X–XVII вв.».

До недавнего времени наличие средневекового культурного слоя за пределами городских оборонительных укреплений связывалось лишь с северной оконечностью Неревского конца, именуемой в источниках начиная с XVI в. «Кожевники». Данные письменных источников, указывающих на начало освоения этой территории уже с XI в., дополняются археологическими материалами, полученными в ходе шурфовок и наблюдений за земляными работами.

В 2006 г. в строительном котловане, расположенном за пределами вала и рва Окольного города, на южном окончании Троицкой улицы, были зафиксированы анаэробные средневековые слои. Проведенные в 2007 и 2012 гг. исследования на Алексеевских I и II раскопах (Степанов, 2009; Андриенко, 2013) выявили культурные отложения с органикой, датируемые XII–XIII вв. Самые ранние дендрохронологические даты деревянных сооружений

относятся к 1120-м гг. Культурный слой XII в. также зафиксирован и исследован на двух небольших раскопах 2013 г. (Алексеевский III, IV; рук. работ О.М. Олейников), удаленных на 150–170 м к востоку от трассы Троицкой улицы, по направлению к Воскресенскому на Мячине монастырю.

Таким образом, исследования на Алексеевских раскопах дали ценные результаты, подтверждающие перспективность дальнейших изысканий за пределами Окольного города. Наличие на одной из усадеб крупной владельческой постройки, а также находки большого количества средневековых вещей, часть из которых, несомненно, являются статусными, служат новым материалом для исследования городской топографии до возникновения постоянных оборонительных сооружений в конце XIV в. Не менее важным является и определение социальной принадлежности населения, проживавшего в периферийных частях Новгорода с X по XIV в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алешковский М.Х., *Красноречьев Л.Е.* О датировке вала и рва Новгородского острога // СА. 1970. № 4. С. 54–74.

Андриенко А.В. Исследования на Алексеевском II раскопе в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 27. Мат-лы конф., посвящ. 80-летию со дня рождения М.Х. Алешковского / Отв. ред. В.Л. Янин; сост. Е.А. Рыбина. Вел. Новгород, 2013. С. 40–45.

Орлов С.Н. К топографии и истории оборонительных сооружений древнего Новгорода // Ученые записки НГПИ. 1965. Т. 1. Вып. 1. С. 3–55

Орлов С.Н. Топография Великого Новгорода X–XVII вв.: Дис. … д-ра ист. наук. Новгород, 1966 // Отдел письменных источников Новгородского музея-заповедника. Ф. 10. Оп. 1. Д. 134.

Петров М.И., *Тарабардина О.А.* Новгород X–XIV вв.: динамика изменений городской территории // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В.В. Седова. Мат-лы 57-го заседания (18–20 апреля 2011 г.) / Отв. ред. И.К. Лабутина. М.: ИА РАН; Псков, 2011. С. 139–147.

Степанов А.М. Исследования на Алексеевском раскопе в Великом Новгороде // Хорошие дни: Памяти А.С. Хорошева / Ред.-сост. А.Е. Мусин. Вел. Новгород; СПб.; М.: ЛеопАрт, 2009. С. 520–533.

Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 32–61.

СВИДЕТЕЛЬСТВА КОНТАКТОВ ГОСУДАРСТВА БОХАЙ И ЯПОНИИ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

© 2014 г. Е.В. Асташенкова, Я.Е. Пискарева

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, Владивосток (astashenkova@mail.ru; 7yana7@mail.ru)

Ключевые слова: археология, Бохай, Япония, контакты, раннее средневековье.

Резюме. Рассмотрено несколько категорий источников (летописные, эпиграфические, археологические), касающихся связей государства Бохай и Японии в период раннего средневековья. Указанные источники неравнозначны по информативности и достоверности. Несмотря на большую объективность письменных источников, несомненный интерес представляют данные археологии.

Памятники западного побережья Японии всегда вызывали интерес исследователей в контексте выявления возможных контактов между жителями о. Хонсю и о. Хоккайдо и средневековым населением Приморья. Исследователями отмечается наличие социально-экономических и политических связей между этими регионами (Масааки, 1992; Масаёси, 1992; Kojima, 1996; Шавкунов, 2001; Иванов, 2004; Никитин, 2005). Об этом в большей степени свидетельствуют данные письменных источников (японская летопись «Сёку нихонги»), эпиграфические надписи (стела из Тагадзе) и пока единичные археологические находки, обнаруженные на средневековых памятниках Приморья (Гельман и др., 2010. С. 208–209).

Отношения между Бохаем и империей Тан не всегда были безоблачными. Поэтому отчасти для того, чтобы противостоять Тан и обеспечить себе международную поддержку, бохайское правительство, возглавляемое Да Уи, стало налаживать отношения с Японией (Ивлиев, 1997. С. 57; 2005. С. 455). К этому времени некоторый опыт общения с жителями Японии у средневекового населения Приморья уже имелся. Связи с Японскими островами поддерживали еще племена мохэ, при этом их путешествия к берегам северной Японии были совершенно обычным делом (см. *рисунок*) (Kojima, 1996; Шавкунов, 2001; Никитин, 2005). Именно контактами с мохэскими племенами, например, объясняется более раннее появление оловянных изделий на западном побережье Хоккайдо (в начале VII в.), нежели в других районах Японии (конец VII – начало VIII в.). Свидетельствами обмена между мохэ и населением Хоккайдо могут служить детали поясного набора и предметы вооружения.

Первая миссия японцев в «страну мохэ» произошла в 720 г. (Вэй Гочжун, Го Сумэй, 2002. С. 231). А начиная с 727 г. обмены посольствами приобретают регулярный характер, была создана даже так называемая дорога в Японию (Матвеев, 1929. С. 21; Шавкунов, 1990. С. 30; Ивлиев, 2005. С. 455). С 727 по 922 г. Бохай только официально 34 раза посылал свои делегации в Японию (Чжу Гочэнь, Вэй Гочжун, 1984; Масаёси, 1992. С. 96–97. Табл. 1; Kojima, 1996; Ивлиев, 2005). В Бохай из Японии посольства прибывали 14 раз (Ван Чэнли, 2000. С. 201–211). Предполагают, что ранние технологии железного производства возникли не без влияния обменов между государством Бохай и Японией (Kojima, 1996). Исследователи разных стран высказывают мнение об изменяющемся характере бохайско-японских отношений: от военной дипломатии с целью заключения союза против Тан или Силла к торговым связям (после 760-х гг.) и, наконец, к культурному обмену (IX в.), когда гражданских лиц в составе посольств становилось все больше и больше, и, в конце

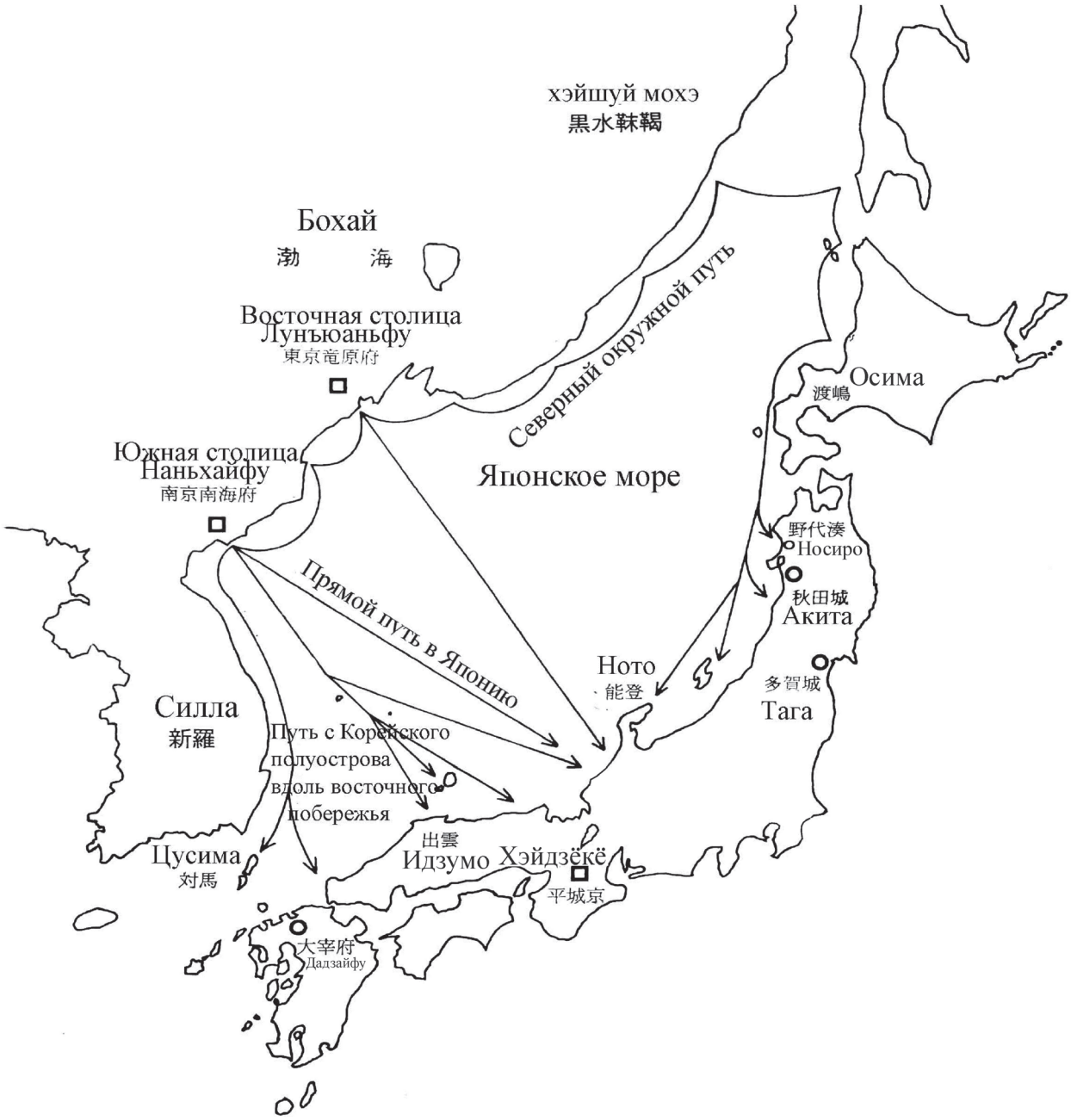


Рис.1 Контакты Бохая и Японии в средние века (иллюстрация из экспозиции музея Акита).

концов, посольство возглавил светский человек (Вэй Гочжун, Чжу Гочэнь, 1984; Масааки, 1992. С. 218; Kojima, 1996). Прибывавшие в Японию посланники, среди которых было немало поэтов и литераторов, устраивали исполнение бохайской музыки, а из Японии в качестве дара направлялись танцовщицы, которые через 10 лет были переправлены в танский Китай (Масааки, 1992. С. 224–226). Через бохайские посольства в страну восходящего солнца попал китайский лунный календарь «Сюань Мин», который применялся в Японии на протяжении 800 лет (Масааки, 1992. С. 232; Чжань Цзюнь, 1994. С. 63; Ивлиев, 1997. С. 57–58). Бохай выступал в качестве посредника в религиозных контактах между японскими и танскими буддистами (Ивлиев, 1997. С. 57).

Кроме государственных контактов велась и частная торговля. Причем, по всей видимости, частные контакты были настолько оживленными, что японскому правительству пришлось даже ограничивать их путем издания соответствующих указов (Масааки, 1992. С. 225). В качестве предметов обмена с бохайской стороны выступали медведи, барсы,

женьшень, мед, куньи шкуры и др., а вот привозились обратно высококлассные ткацкие изделия (узорчатые ткани, парча, шелк и пр.), золото, ртуть, арековые веера (Масааки, 1992. С. 222). Бохайцы были настолько частыми гостями на побережье Японии, что специально для приема бохайских посольств появляются казенные здания правительства в Этидзене и в Ното, гостевой двор существовал также в порте Цуруга (Масааки, 1992. С. 216; Kojima, 1996). При этом в период пребывания посланцам предоставлялось продовольствие, одежда, иногда производился ремонт судов (Масааки, 1992. С. 222; Kojima, 1996). Через Бохай японские посольства возвращались обратно из танского Китая в Японию. Иногда японские послы ездили в Тан в составе бохайских миссий, как например в 739 и 740 гг. (Иванов, 2004. С. 236). Таким образом, государство Бохай играло роль связующего звена в культурном обмене между Китаем и Японией.

Если обратиться к археологическим материалам, то выявить следы присутствия иноземцев на памятниках непросто. Можно отметить пока лишь отдельные элементы материальной культуры. Так, Краскинское городище в Приморском крае рассматривается как «последняя точка на сухопутной «дороге в Японию» (Шавкунов, 1990. С. 30). Здесь был обнаружен фрагмент бохайского сосуда с прочерченными иероглифами, обозначающими, по версии исследователей, имена японских буддийских монахов Хиротомо и Мититака (Гельман и др., 2010. С.208–209).

В Японии с этой точки зрения интерес представляют археологические памятники северной части острова Хонсю, в частности крепости Тагадзё и Акитадзё. Обе были построены правительством Ямато с целью усилить контроль над районом Тохоку, поскольку из-за своей удалённости регион по-прежнему слабо подчинялся центральным властям (Turnbul, 2008. P. 6). Центром провинции Муцу стал замок Тага, основанный в 724 г. в северо-восточной части о. Хонсю. Крепость Акита учреждена в 733 г. и выполняла функции административного центра провинции Дэва, образованной в 712 г.

На уникальном эпиграфическом памятнике, стеле из средневекового города Тагадзё (префектура Мияги, о. Хонсю) указывается что «от Тагадзё … до границы страны Мохэ 3000 ли», что соответствует расстоянию от современного японского города Тагадзё, через Японское море до современного Бохайчжэня в Нинъани провинции Хэйлунцзян. Этот факт явно свидетельствует о том, что страна Мохэ, упоминающаяся в надписи, является государством Бохай (Вэй Гочжун, Го Сумэй, 2002. С. 231–232). Стела, как следует из надписи, была установлена в 762 г. (Исимацу, Кувахара, 1987. С. 110). Китайские исследователи, опираясь на японскую летопись «Сёку нихонги» указывают, что начиная с 758 г. Японию во главе делегаций посетили три бохайских посла: Ян Чэнцин (758 г.), Гао Наньшэнь (759 г.), Ван Синьфу (762 г.). Направленные Японией в Бохай послы Ёко: Рэйкю (760 г.), Кома Ояма (761 г.), а также направленные навстречу послу в Тан Фудзивара Кавасуми, Такамото Ватару возвратились во главе делегаций из Бохая[1] (Вэй Гочжун, Го Сумэй, 2002. С. 231–232).

Прямых свидетельств того, что бохайские посольства посещали крепость Акиту, нет, но известно, что они прибывали в провинцию Дэва семь раз, при этом один из них не был официальным визитом (727, 739, 746, 771, 779, 786 и 795 гг.). Кроме того, крепость Дэва, став опорной базой для колонизации региона и подчинения народа *эмиси,* согласно «Сёку нихонги» была переименована в замок Акита около 760 г., т.е. около 30 лет после своего основания Акитадзё имел то же название, что и вся провинция.

Помимо прочих объектов на территории замка Акита был обнаружен средневековый туалет. Специальные общественные уборные появляются в крепостях VII в., в то время как в замках предшествующей эпохи Яёй функцию туалета выполняли фортификационные рвы, окружавшие город, которые очищались от нечистот во время ливней. В Акитадзё – это достаточно большое по площади сооружение, включавшее помещение самой уборной, находившееся за оградой, и систему специальных стоков. Согласно классификации, предложенной японскими исследователями, он относится к типу так называемых смывных (*flushing*) туалетов. Нечистоты через специальные водостоки стекали в отстойники и затем использовались в качестве удобрения. Палеопаразитологические исследо-

1 Перевод А.Л. Ивлиева.

вания позволили предположить, что туалет в Акита использовался в том числе людьми, не являвшимися выходцами из Тохоку. Авторы предположили, что они могли приехать из центральных регионов Нара или Киото, и даже из государства Бохай (Matsui, Kanehara M., Kanehara M., 2003. С. 130).

Некоторые находки (керамическая посуда с надписями «порт», «постоялый двор») на археологических памятниках провинции Исикава и Фукуи на западном побережье Хонсю указывают, что в древности это были порты. Археологические исследования этих памятников показали, что их наибольший расцвет пришелся на конец IX в., что, по мнению японских ученых, свидетельствуют об активизации японо-бохайских отношений (Kojima, 1996).

Таким образом, перед нами три категории источников, неравнозначных по своей информативности и достоверности. Если летописи и эпиграфика имеют четкие указания на наличие контактов между Бохаем и Японией, то археологические материалы пока не столь однозначны. Весьма перспективным представляется комплексный подход с учетом всех видов источников и с привлечением материалов археологических исследований средневековых крепостей северной части о. Хонсю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ван Чэнли. Чжунго дунбэй-дэ бохайго юй дунбэйя (Государство Бохай на Северо-Востоке Китая и Северо-Восточная Азия). Чаньчунь: Цзилинь вэньши, 2000. 429 с. (на кит. яз.).

Вэй Гочжун, Го Сумэй. Об этнической принадлежности основного народа Бохая // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 229–234.

Гельман Е.И., Болдин В.И., Асташенкова Е.В., Ивлиев А.О., Сергушева Е.А., Лещенко Н.В., Кан Ин Ук, Ким Ын Кук. Отчет об археологических раскопках на Краскинском городище Приморского края в 2008 г. (The 2008 Excavation Report on the Krakino Site in Primorsky Krai). Сеул: Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2010. 535 с.

Иванов А.Ю. Политические и культурные контакты государства Бохай с Японией // Четвертые Гродековские чтения. Мат-лы конф. «Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России». Ч. 2. Хабаровск: Краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2004. С. 234–237.

Ивлиев А.Л. Межэтнические контакты в средние века на востоке Азии // Вестник ДВО РАН. 1997. № 1. С. 53–60.

Ивлиев А.Л. Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 449–475.

Исимацу Ё., Кувахара Д. Дазайва и Тагадзё. Токио: Иванами, 1987. 171 с. (Сер. Раскопки древней Японии; 4). (на яп. яз.).

Масааки У. Древняя Япония и Бохай // Надзоно ококу – Бохай (Загадочное королевство – Бохай). Токио: Кадогава Сэнсё, 1992. 286 с.

Масаёси К. Лагуны и дипломатия Бохая // Надзо-но коку – Бохай (Загадочное королевство – Бохай). Токио: Кадогава Сэнсё, 1992. С. 80–103.

Матвеев З.Н. Бохай (Из истории Восточной Азии VIII–X вв.). Владивосток: ДВГУ. 1929. 34 с. (Тр. ДВГУ; № 8. Серия 6).

Никитин Ю.Г. Тан, Бохай и «восточные варвары» (Восточная периферия Бохая) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 521–541.

Чжань Цзюнь. Особенности развития культуры Бохая // Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России. Владивосток: Дальнаука, 1994. С. 57–68.

Чжу Гочэнь, Вэй Гочжун. Бохай ши гао (Наброски по истории Бохая). Харбин: Хэйлунцзяншэн вэньу чубань бяньцзиши (Редакция издания свода памятников провинции Хэйлунцзян), 1984. 289 с. (на кит. яз.).

Шавкунов Э.В. О судоходстве Приморья в средние века // Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР. Владивосток: ДВО АН СССР, 1990. С. 28–35.

Шавкунов Э.В. Несколько слов о взаимоотношениях Бохая и Японии // Вестник ДВО РАН. 2001. № 3. С. 100–104.

Kojima Y. The history of relation between Mohe, Bohai and Japanese Islands // The First International Symposium of Bohai Culture (To the 1300 anniversary of the foundation of Bohai state). Vladivostok: Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences. P. 22–28.

Matsui A., Kanehara M., Kanehara M. Palaeoparasitology in Japan – Discovery of Toilet Features // Memorias do Instituto Oswaldo Cruz. V. 98. Rio de Janeiro, 2003. P. 127–136.

Turnbul S. Japanese castles AD 250–1540. Oxford: Osprey publishing, 2008. 63 p.

О НЕКОТОРЫХ РАННИХ ТИПАХ ИМПОРТНОЙ ПОЛИВНОЙ КЕРАМИКИ ГОРОДИЩА САМОСДЕЛКА

© 2014 г. Е.М. Болдырева

Институт археологии РАН, Москва
(embold@mail.ru)

Ключевые слова: Самосдельское городище, поливная керамика, импорт, домонгольское время, Средняя Азия, Иран, «изделия Сари», «крапчатый орнамент».

Резюме. В статье рассматриваются некоторые ранние типы домоногольской поливной керамики городища Самосделка. На основании ряда аналогий определяется их происхождение и датировка, а также способ поступления на городище и характер поставок.

О золотоордынских городищах в Нижнем Поволжье было известно довольно давно, однако, до недавнего времени считалось, что все эти поселения возникают на пустом месте и не имеют горизонтов домонгольского времени. Археологическое открытие городища Самосделка в последних десятилетиях XX в. позволило подвергнуть сомнению данную гипотезу, и с этого момента начался активный процесс накопления археологического материала, углубленное изучение которого поможет конкретизировать хронологию памятника.

Количество находок поливной керамики, обнаруженной в ходе раскопок на городище, превышает 2 тыс. ед. Из них выделяется локальная группа из 24 фрагментов чаш. Они рассредоточены по двум раскопам и повсеместно их находки приходятся на нижние слои памятника.

Чаши конического профиля с невыделенным венчиком и почти всегда небольшим дисковидным поддоном. Они выполнены из розово-красной глины без визуально определимых примесей, иногда в такой глине фиксируются частицы песка и редкие поры от выгоревших органических включений. Внутри и узкой полосой вдоль внешнего края такие чаши покрыты слоем белого ангоба, поверх которого нанесена роспись в коричнево-оранжевых тонах под прозрачной бесцветной глазурью.

Внутренняя поверхность таких чаш покрывалась контурной росписью. Коричневым контуром, состоящим из линий толщиной 2-3 мм, обводилось либо какое-то изображение, либо разграничивались зоны декора. А пространство между линиями заполнялось оранжевым и светло-коричневым красителями, поверх которых наносились круглые коричневые пятна диаметром около 1 см. Каждое пятно дополнительно украшалось тремя-четырьмя точками белого ангоба.

Такая форма чаш и специфичная технология нанесения декора характерны для так называемых «изделий Сари» (*Sari wares*). Данный тип керамики получил свое название в честь города Сари в провинции Мазандеран в Северном Иране. Чаши Сари датируются в пределах X–XI вв. (Persian Ceramics…, 2006. P. 65, 173; Ильясов, Ильясова, 2013. С. 100–101). Фрагменты бракованных изделий этого типа были обнаружены среди материалов раскопок 1970-х гг. в Гургане, однако результаты этих исследований до сих пор не опубликованы, а сведения основываются лишь на устных свидетельствах зарубежных исследователей (Watson, 2005. P. 243; Pancaroglu, 2007. P. 73). В керамике Сари обязательным элементом является центральная фигура птицы. Обычно она с пышным хвостом и хохолком. Контур птицы подчеркнут точками белого ангоба на фоне остальной менее яркой поверхности. Еще одним обязательным элементом керами-

ки типа Сари являются круглые медальоны с сердцевиной в центре, контур которых тоже обведен точками белого ангоба. В зарубежной литературе такие медальоны называются «леденцами» из-за характерной формы и расцветки (Watson, 2005. P. 243). Чаши с центральной фигурой птицы и медальонами есть в коллекции Кувейтского национального музея (Watson, 2005. P. 243), в опубликованной коллекции Х. Плотника (Pancaroglu, 2007. P. 72–73. Cat. 30, 31), в частных коллекциях Милана (Persian ceramics…, 2006. P. 65, 173), фонда Марджани (Ильясов, Ильясова, 2013. С. 100–101) и др.

В данную группу включаются не только изображения птиц, но и других животных, выполненных в той же стилистической манере (Ильясов, Ильясова, 2013. С. 102–103). Такой способ нанесения декора был распространен не только в Восточном Иране, но и на территории Средней Азии. В то же время в западной части Ирана, Ираке, Сирии и Египте он не был распространен (Wilkinson, 1973. P. 160). В литературе, посвященной среднеазиатской керамике, декор, выполненный точками, называется «крапчатым орнаментом». Точки в таком орнаменте группировались по три-четыре, и не всегда были белого цвета. Иногда они были темно-коричневыми или оливково-зелеными на черном фоне. И композиция не всегда была сюжетной, а в основном представляла собой простейшие группировки элементов, широко разбросанные по поверхности сосуда. В частности, такая роспись характерна для керамики Согда и Чача X в. (Вишневская, 2001. С. 69).

Однако на территории Северного Кавказа и Закавказья данная керамика не встречается. Так, за все годы исследования Дербента, был найден всего один обломок подобной чаши в слое IX–X – начала XI в. и, по мнению исследователей памятника, эта чаша явно импортного происхождения (Гаджиев, 2000. С. 24. Рис. 47, *4)*.

Возможно рассматриваемые изделия могут и не относиться к специфичным изделиям Сари, так как целое изображение птицы на Самосдельском городище не обнаружено. Отдельные обломки, на которых имеется похожий орнамент, могут также относиться и к общераспространенным среднеазиатским чашам с крапчатым орнаментом. Их датировка все равно не выходит за пределы X–XI вв.

Еще одна интересная находка раннего времени на городище Самосделка – развал поливной чаши из бежево-желтой глины, украшенной росписью белым ангобом в сочетании с коричневыми и оранжевыми красителями под прозрачной бесцветной глазурью. В центре дна этой чаши изображена розетка, характерный элемент оформления дна среднеазиатских чаш. Исследователи различают два вида таких розеток: вихревые и прямые, в виде колеса. Вихревые розетки появляются на глазурованной керамике с середины X в., но наибольшее распространение они получают в XI в. На это же время, но в меньшем количестве, приходится бытование розеток в виде колеса (Шишкина, 1986. С. 56–57). Наиболее сходны с самосдельской розетки из Джигербента (Вишневская, 2001. С. 70. Рис. 27, *13*) – обе они вписаны в круг с сердцевиной и окончаниями, ограниченными точками ангоба. Этим они отличаются от розеток Согда, для которых не характерны какие-либо визуальные ограничения (Шишкина, 1986. Рис. 35, *3*; 46, *2*). Еще в материалах городища присутствуют четыре светильника, три из которых датируются в пределах X в.

Таким образом, наличие на городище керамики X–XI вв., происходящей из Средней Азии и Северного Ирана, и отсутствие ее на промежуточных территориях говорит о возможных прямых контактах между этими регионами и дельтовой частью Нижнего Поволжья. Однако единичность таких находок скорее свидетельствует о разовых поставках, чем о постоянных торговых отношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия Джигербента. М.: Вост. лит., 2001. 175 с.

Гаджиев М.С. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 2000 г. // Архив ИА РАН. 2000. Р-1. № 24911.

Ильясов Дж.Я., Ильясова С.Р. Чаша // Классическое искусство исламского мира. Девяносто девять имен Всевышнего / Сост. кат. Г. Ласикова. М.: Изд. дом Марджани, 2013. С. 100–103.

Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент: ФАН, 1986. 144 с.

Pancaroglu O. Perpetual Glory: Medieval Islamic Ceramics from the Harvey B. Plotnick Collection. Chicago: The art institute of Chicago, 2007. 160 p.

Persian Ceramics. From the 9th to the 14th century. Ed. G. Curatola. Milano: SKIRA, 2006. 183 p.

Watson O. Ceramics from the Islamic lands. Kuwait national museum. The al-sabah collection. L.: Thames and Hudson, 2005. 512 p.

Wilkinson C.K. Nishapur: Pottery of the early Islamic period. N. Y.: The Metropolitan Museum of art, 1973. 374 p.

ИТОГИ ОХРАННЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ВОЛОГДЕ (УЛ. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ, 20)

© 2014 г. Н.Б. Васильева[1], М.Б. Носова[2], А.С. Федоров[3], К.В. Кузнецова[1], Н.Д. Бурова[4], О.В. Яшина[5]

[1] Вологодский государственный университет, Вологда (vasol1969@yandex.ru; kariska70@mail.ru)
[2] Главный ботанический сад РАН, Москва (mashanosova@mail.ru)
[3] Региональный центр дополнительного образования детей, Вологда (sholaland@inbox.ru)
[4] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург (ikb@mail.ru)
[5] Череповецкое музейное объединение «Музей природы», Череповец (aculina12@rambler.ru)

Ключевые слова: охранные археологические исследования, история освоения городской территории, палеозоологические исследования, палинологические исследования, деревянные конструкции.

Резюме. В 2013 г. в Вологде по ул. Благовещенская, 20, на территории объекта культурного наследия федерального значения «Усадьба (дер.), XIX в. (Дом Красильникова. Жилой с каретником (каретник утрачен), дер., 1912 г.)» проводились охранные археологические исследования под руководством Н.Б. Васильевой. В ходе комплексного исследования материалов раскопок прослежена история освоения участка городской территории. Комплекс находок, включая керамику, укладывается в хронологические рамки XVI–XIX вв.

В октябре–ноябре 2013 г. в г. Вологда по ул. Благовещенская, 20, на территории объекта культурного наследия федерального значения «Усадьба (дер.), XIX в. (Дом Красильникова. Жилой с каретником (каретник утрачен), дер., 1912 г.)» проводились охранные археологические исследования под руководством Н.Б. Васильевой. Участок входит в границы выявленного объекта культурного наследия «Культурный слой города Вологды в границах крепости XVI в.». Ранее в 2008 г. на этой улице проводились археологические исследования под руководством Н.Г. Недомолкиной. Максимальная глубина культурных напластований на изученном участке достигала 3,5 м. Значительную их часть составляет слой, содержащий строительно-бытовые остатки Нового и Новейшего времени, нижние горизонты культурных напластований отнесены Н.Г. Недомолкиной к XV–XVII вв. (2008. С. 2).

Площадь раскопа 2013 г. составила 350 м^2. В процессе раскопок был выявлен культурный слой города XVI–XIX вв. В нижней части он влажный, сохраняющий органические остатки. Средняя мощность слоя в раскопе

составила 1,5–2 м, в материковой яме – до 3,5 м.

В ходе раскопок обследованы остатки жилых и хозяйственных построек XVI–XIX вв., получена значительная коллекция вещевого инвентаря (385 индивидуальных находок, более 29 тыс. фрагментов керамики, более 19,2 тыс. прочего массового материала). Среди них есть редкие и даже уникальные вещи: женские украшения, одежная фурнитура, литейная формочка для отливки пуговиц. Значительной серией представлены курительные трубки – голландские и турецкие. Найдено много вещей из органических материалов: фрагменты обуви, тканей, костяные изделия. Коллекция вещей включает в себя предметы хозяйственно-бытового назначения, украшения и детали костюма, игрушки. Наиболее ранние вещи могут быть отнесены к концу XVI в.; основная часть коллекции – к XVII–XIX вв.

Объем коллекции круговой керамики составляет 29140 фрагментов. Из них на красноглиняную керамику приходится 26646 фрагментов (91%), остальные на чернолощеную, поливную, краснолощеную и мореную.

Основные категории красноглиняной керамики – горшки, миски, крышки-волохи. Отмечены отдельные фрагменты кувшинов, топников. На отдельных сосудах имеется орнамент: волнистый, зигзагообразный, линейный, тычковый, их комбинации. На днищах сосудов зафиксировано два клейма: окружность и прямоугольник с вписанными треугольниками.

При изучении коллекции внимание уделено строению венчиков горшков, их типологическому анализу. За основу типологии взято изменение формы и постановки венчика, который рассматривается как сочетание шейки и верхней части – края. В ходе анализа выделены основные типы венчиков.

Тип 1. Венчик имеет максимальный наклон внутрь горшка – вплоть до горизонтального положения (наклон внутрь сосуда от 60 до 90° и более), плечо выпуклое. Излишек формовочной массы убирается на внешнюю сторону и образует утолщение. Тесто без примесей, редко песок.

Тип 2. Венчик сосуда переходит в диагональное положение (наклон внутрь сосуда ≈ 45°), плечо выпуклое. Излишек формовочной массы убирается на внешнюю сторону и оформляется в виде отгиба. Тесто с примесью песка.

Тип 3. Венчик принимает практически вертикальное положение. Излишек формовочной массы вытянут по направлению венчика, либо слегка отогнут, реже срезан. Плечо менее выпуклое, нежели у типов 1 и 2. Тесто с примесью песка.

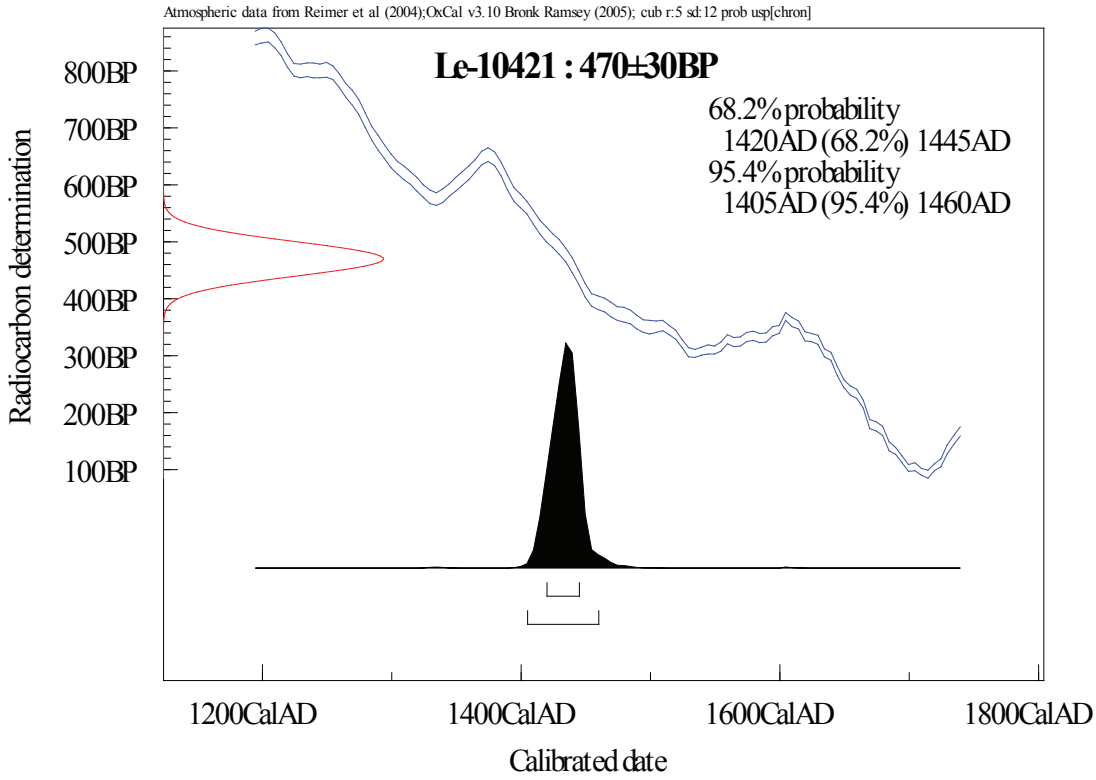
Для керамики характерно высокое качество изготовления. Поверхность тщательно заглажена. Толщина стенок в среднем 5–7 мм. Данный набор технологических характеристик характерен для гончарной керамики Вологды XVII–XIX вв.

Выделенные типы венчиков идентичны типам 1–3 типологии гончарной керамики, построенной на материалах из археологических раскопок на Кремлевской площади Вологды (Федоров, 2010), которые датируются следующим образом: тип 1 – XVIII в., тип 2 – вторая половина XVI – начало XVIII в., тип 3 – конец XV – первая половина XVII в.

Были выявлены остатки деревянных конструкций, частоколов, разграничивающих усадебные участки. Найденные фрагменты деревянных настилов, остатки жилых и хозяйственных построек позволят уточнить характер использования территории.

С начальным этапом освоения участка связаны постройки и частоколы, ориентированные по сторонам света, стратиграфически приуроченные к материковой почве. Радиоуглеродные датировки проводятся в лаборатории ИИМК РАН (Н.В. Бурова). Получены радиоуглеродные даты (рис. 1) для двух образцов древесины. Наиболее ранняя дата, полученная с частокола, вкопанного в материковую почву – 560±60 ВР (Ле-10429). Постройки, соотносящиеся с этим частоколом, в раскопе не выявлены. Вероятно, на раннем этапе освоения участка здесь существовали огородные либо «косебные» места, разграниченные изгородями. Для наиболее ранней постройки получена дата 470±30 ВР (Ле-10421). Более поздние постройки связаны с пятым-четвертым условными горизонтами, они ориентированы в направлении СВ–ЮЗ и относятся, судя по монетным находками, к XVIII в. Следующий уровень застройки – постройки,

Ле-10421
Вологда, обр.2, постр.2, гл-292, шурф, дерево.



Ле-10429
Вологда, обр.10, пласт 8, гл-225, кВ.А-16, дерево.

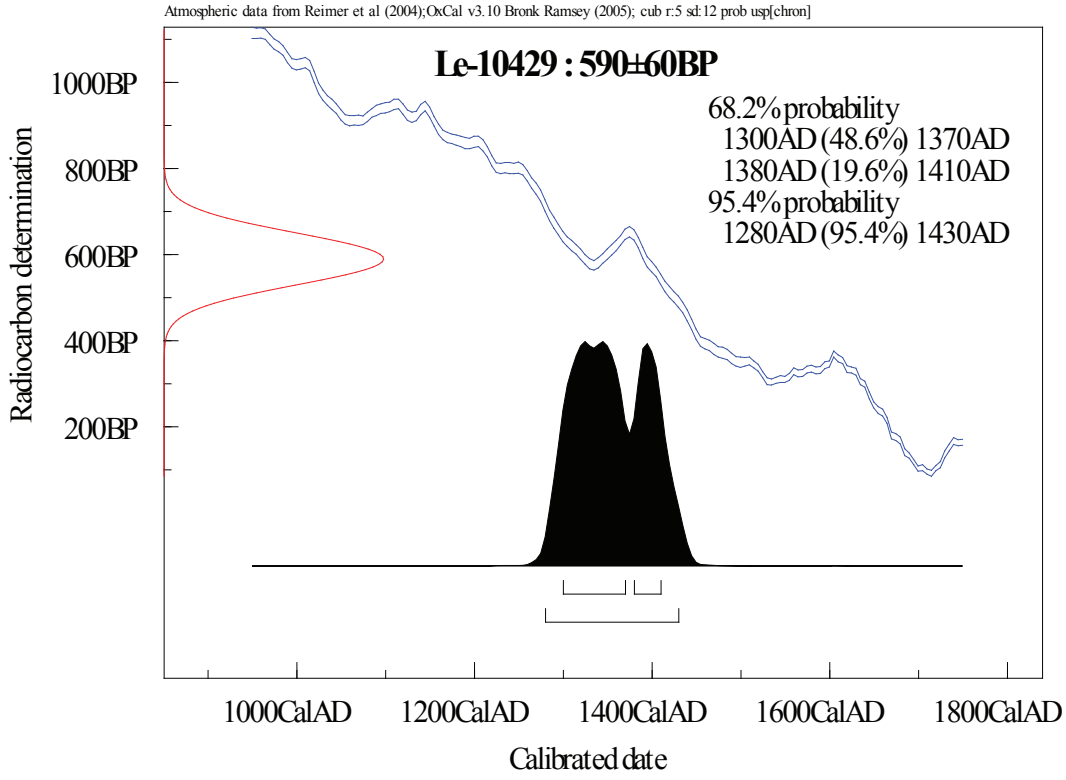


Рис. 1. Радиоуглеродные датировки образцов дерева из раскопок по адресу: Вологда, ул. Благовещенская, 20.

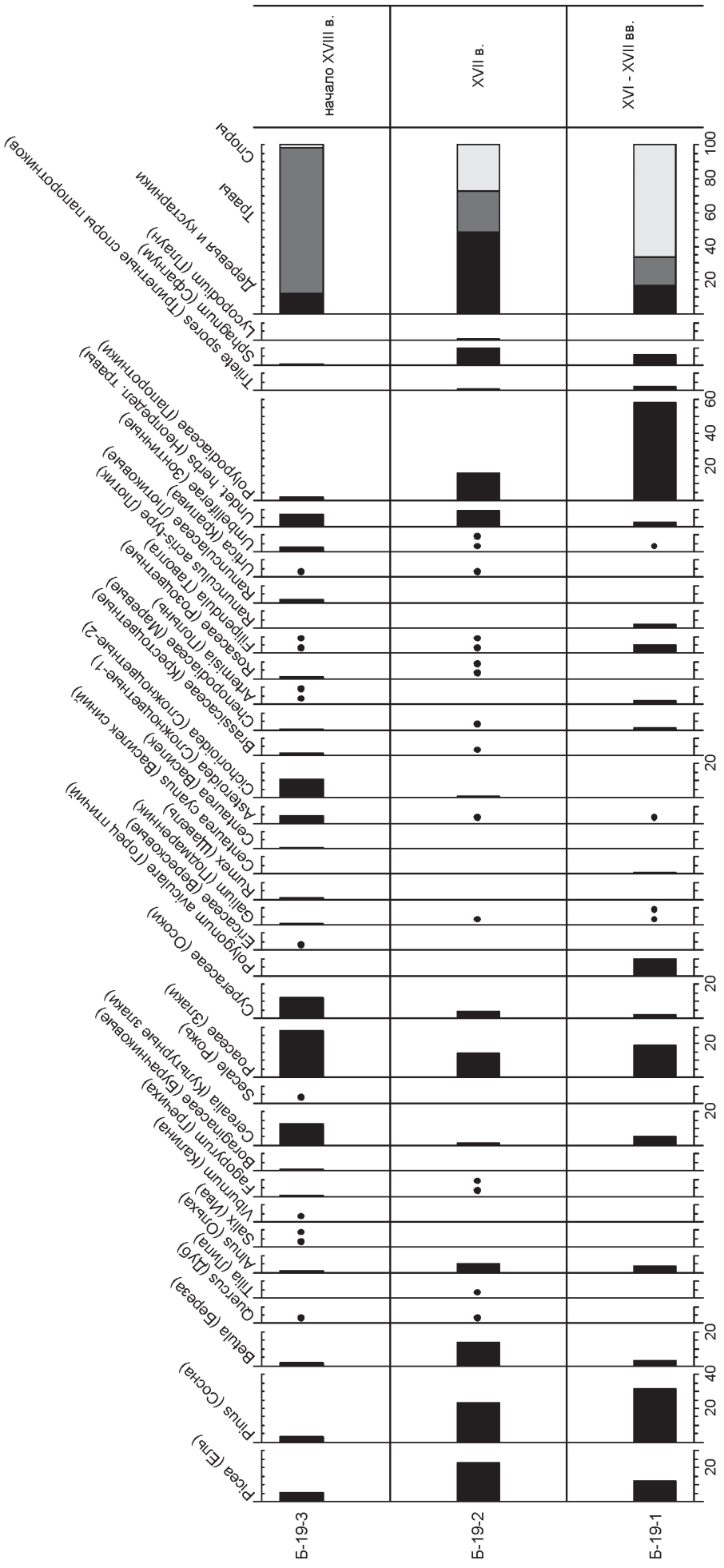


Рис. 2. Процентная пыльцевая диаграмма разреза Б-19 (точками отмечены единичные, 1 и 2 пыльцевых зерна, пыльцевые типы)

ориентированные вдоль современной улицы, как здание 1912 г. Эти постройки предварительно датированы XIX – началом XX в.

Впервые для позднесредневековых слоев города проведен споро-пыльцевой анализ почвы из стратиграфических разрезов участка. Палинологическая часть исследования заключалась в отборе нескольких небольших (по два-три образца) колонок из каждого более-менее хорошо выделяемого горизонта, а также нескольких индивидуальных образцов (например, из горшочка с берестяной оплеткой).

Пробы обрабатывались стандартным методом с использованием тяжелой жидкости (Гричук, Заклинская, 1948). Подсчет производился до 500 и более пыльцевых зерен и спор. Процентное содержание определялось от общей суммы пыльцевых зерен деревьев и трав. Был выбран именно этот метод, поскольку в культурном слое присутствует большое количество привнесенного с сеном, соломой и навозом палинологического материала. А поскольку отличить привнесенную извне пыльцу от локальной и региональной невозможно, то и исключать ее из общей суммы, как это часто делается, нельзя. Обсчеты и построение диаграмм проводились в программах Tilia и TGView (Grimm, 1991).

Анализ состава пыльцы в изученных образцах показал (за исключением самых нижних образцов, взятых из горизонтов, лежащих ниже культурного слоя или в материковой яме), что пыльцевые спектры носят ярко выраженный антропогенный характер. Участие пыльцы таксонов – антропогенных индикаторов и трав – в целом (от 9,4 до 85,6%) настолько высоко, что спектры приобретают нехарактерный для этой растительной зоны нелесной характер.

Соответственно делать выводы относительно состава лесной растительности, окружавшей город, следует с осторожностью. Можно с уверенностью сказать, что присутствовали как еловые леса (пыльцы ели – от 4,4 до 16,7%, что с учетом привноса недревесной пыльцы извне скотом и пр. достаточно много), так и сосняки. Пыльцы сосны для этого региона немного – до 24%, но почти в каждом спектре присутствуют споры *Lycopodium* (плауна), характерного для сосновых лесов на песчаных почвах. Пыльца широколиственных пород (липы, дуба, вяза и клена) единична, что соответствует спорадическому произрастанию этих деревьев либо заносу их пыльцы с соседних территорий.

Культурные растения представлены гречихой в виде единичных зерен, культурными злаками (до 12,5%), рожью (выделяется в самостоятельный пыльцевой тип). В большинстве образцов имеется пыльца синего василька (сорняка озимой ржи). Антропогенные индикаторы также представлены такими пыльцевыми типами, как подорожник, подмаренник, горец птичий, щавель, лютик и крапива (индикаторы выпаса, вытаптывания и богатых азотом участков), маревые, полынь и сложноцветные (индикаторы мусорных мест и залежей). Практически постоянное присутствие в образцах сочетания пыльцы зонтичных, таволги, осок и валерианы позволяет предположить, что постройки первоначально возникли и длительное время существовали в переувлажненном месте (что подтверждается также хорошей сохранностью органических остатков, включая собственно пыльцу).

Споры сфагновых мхов встречаются регулярно и часто в значительном количестве, возможно, маркируя собой постройки (сфагнум традиционно используется для конопачения срубов). В некоторых образцах отмечается высокое содержание спор папоротников, что, с одной стороны, может быть результатом их хорошей сохранности в почве, а с другой – папоротники могли использоваться как подстилка для скота (Behre, 1981) или для каких-либо других целей.

Палинологический анализ содержимого горшочка с берестяной оплеткой продемонстрировал значительное сходство с другими образцами из культурного слоя. Таким образом, он, по-видимому, заполнялся отлагающимся местным материалом и до утраты не содержал в себе какой-либо субстанции, включающей пыльцу (мед, злаки и пр.).

Между собой образцы, относящиеся к культурному слою, отличаются деталями при общем фоне высокой антропогенной активности. На примере колонки из квадрата Б-19 (рис. 2) можно видеть, что соотношение древесных и травянистых компонентов в спектрах изменяется. Вероятно, это результат

изменения скорости поступления органики, содержащей преимущественно пыльцу трав, в культурный слой, за счет чего процентное соотношение меняется в их пользу.

Впервые для раскопок в Вологде практически вся остеологическая коллекция раскопа была подвергнута палеозоологическому исследованию. Рассмотрено более 4000 костных остатков животных. Большинство из них – кости млекопитающих. Определимые кости принадлежат семи видам домашних животных: крупный рогатый скот (КРС), лошадь, мелкий рогатый скот (МРС – овца и коза), свинья, кошка, собака, пять видов птиц (курица, утка, гусь, глухарь, ворона – по определению Н. Зеленкова, ПИН, Москва) и одному виду – рыб (сом). Наиболее многочисленны кости крупного рогатого скота. Следующим по обилию костей представлен мелкий рогатый скот. На третьем месте среди домашних животных – свинья. Кости домашних животных (КРС, МРС, свиней) несут на себе следы срезания мяса с кости ножом, разруба железным топором, температурного воздействия, отпечатки собачьих зубов. В материалах раскопок присутствуют костяные изделия и их заготовки.

Реконструкция внешнего облика КРС была проведена с использованием методик В.И. Цалкина (1960, 1961), Е.А. Беговатова и А.Г. Петренко (1994). Высота в холке колеблется от 104 до 110 см. Такие данные характерны для животных некрупных размеров и грацильной конституции, что в целом было характерно для КРС лесной полосы России. На костном материале практически отсутствуют следы длительных голодовок и плохого содержания животных.

Высота в холке у МРС рассчитывалась по коэффициентам, взятым из работы М. Тайхерта (Асылгараева, 2003). Эта группа включает в себя овец, баранов, коз и козлов, для которых в целом характерны примерно одинаковые параметры. Средняя высота в холке составила 56 см, при изменении этого параметра от 49 до 71 см. По состоянию зубной системы большая часть забитых животных представляла возрастную группу 4–9 месяцев.

Среди остеологических материалов, характеризующих свиней, целые неразрушенные кости практически отсутствуют. В основном имеются фрагменты таких костей, как черепа, нижние челюсти, тазовые и лопаточные кости, ребра и позвонки. Возраст определялся по остаткам нижних челюстей и срокам прорезывания зубов на фрагментах нижних челюстей. Можно выделить группу животных, убитых в возрасте до полугода, 9–12 месяцев и старше двух лет. В ряде случаев (5) удалось измерить длину последнего моляра, она составляет 23 мм. Это свидетельствует о существовании в лесной полосе России популяции довольно мелких домашних свиней. Находки костей других животных единичны и позволяют отметить лишь их присутствие.

Таким образом, в ходе комплексного исследования материалов раскопок с ул. Благовещенская, 20 прослежена история освоения участка городской территории. Первые изгороди, разграничивавшие, по-видимому, участки хозяйственного назначения, были поставлены в XV в. С XVI в. на участке появляются первые постройки, вероятно, возникают городские дворы. Комплекс находок, включая керамику, укладывается в хронологические рамки XVI–XIX вв. Палинологические исследования зафиксировали высокую степень антропогенного воздействия на окружающую среду, показали, что город существовал в окружении сельскохозяйственных угодий и сосново-еловых лесов, а локальная растительность на месте построек представляла собой влажный высокотравный луг. Палеозоологические исследования позволили сделать выводы о составе разводимых животных, о преимущественном использовании в пищу крупного рогатого скота.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Асылгараева Г.Ш. Морфологические особенности костей скелета домашних сельскохозяйственных животных (по материалам археологических раскопок Казанского кремля: Дис. … канд. ветеринар. наук. Казань, 2003. 226 с.

Беговатов Е.А., Петренко А.Г. Задача определения пола и высоты в холке крупного рогатого скота в археологии. Учебное пособие к курсу «Естественно-научные методы в археологии для студентов исторического факультета». Казань: Изд-во КГУ, 1994. 51 с.

Гричук В.П., Заклинская Е.Д. Анализ ископаемой пыльцы и спор и его применение в палеогеографии. М.: Географгиз, 1948. 224 с.

Недомолкина Н.Г. Заключение по проведению археологических мероприятий по адресу: г. Вологда, ул. Благовещенская, 24 а. 2008 // Архив Департамента культуры, туризма и охраны объектов культурного наследия. 2008.

Федоров А.С. Типология вологодской гончарной сероглиняной керамики по материалам археологических раскопок на Кремлевской площади г. Вологды (предварительные итоги) // Вестник Научного студенческого общества. Серия «Гуманитарные науки». Вып. VIII. Вологда: Вологодский гос. пед. ун-т, 2010. С. 147–152.

Цалкин В.И. Изменчивость метаподий и ее значение для изучения крупного рогатого скота древности // Бюлл. Московского об-ва испытателей природы. Отд. биологии. Т. 65. Вып. 1. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. С. 109–126.

Цалкин В.И. Изменчивость метаподий у овец // Бюлл. Московского об-ва испытателей природы. Отд. биологии. Т. 66. Вып. 5. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. С. 115–132.

Behre K.-E. The interpretation of antropogenic indicators in pollen diagrams // Pollen et Spores. 1981. V. 23. P. 225–245.

Grimm E.C. TILIA and Tilia graph: Springfield, U.S.A. 1991. [Electronic resource] Software available from Illinois State Museum.

К ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО ГОНЧАРСТВА: МОСКОВСКИЕ ИЗРАЗЦЫ

© 2014 г. А.Г. Векслер[1], М.Г. Гусаков[2], Г.К. Патрик[2]

[1]Национальная гильдия хранителей наследия (VekslerAC@mail.ru)
[2]Археологические изыскания в строительстве Москвы (gusakov41@mail.ru)

Ключевые слова: гончарство, рельефные, поливные, муравленные, полихромные, расписные, изразцы, отопительные печи.

Резюме. Статья посвящена вопросам происхождения и проникновения на территорию Московии изразцового искусства. В средневековой Европе известно три варианта распространения отопительных печей и изразцов, которыми декорировали эти сооружения.

История гончарства – одна из важных и актуальных тем в археологии такого огромного мегаполиса, как Москва. Под гончарством мы понимаем весь комплекс производства изделий из обожженной глины, куда входит не только изготовление бытовой посуды, но и производство кирпича, кафеля, изразцов, водоотводных труб, игрушек и т.д. Естественно, что гончарство крупных городов всегда было несколько впереди, чем деревенское, однако наступали такие моменты, когда деревенское производство вторгалось в городскую среду и предлагало свою продукцию. Как правило, это было связано с войнами, стихийными бедствиями (пожарами, эпидемиями, катастрофами). Так городской культурный слой аккумулировал не только городское производство, но и деревенское и импортное (зарубежное). В результате мы имеем дело со всем ассортиментом продуктов гончарного производства данного места на протяжении некого хронологического отрезка времени.

Изучение гончарства Москвы проделало достаточно большой путь, от первого знакомства с материалом в 30-е гг. прошлого века до фундаментальных работ, посвященных исключительно московскому гончарству (Воеводский, 1936; Розенфельдт, 1968).

В средние века город и его округу невозможно представить без достаточно развитого гончарного производства, именно оно способно бесперебойно снабжать своими изделиями большие конгломерации людей. Для того чтобы успешно конкурировать в городе, необходимо иметь ряд обязательных условий: мастерскую, где можно работать с глиной, гончарные круги – ручной («поворотный столик») или ножной. Заметим, что ручная лепка посуды малопроизводительна и не в состоянии обслуживать многочисленное население. Помимо кругов (станков) для массового производства посуды необходимы – горны, специально смонтированные печи для обжига керамических изделий. В силу того, что гончары, как и кузнецы, связаны с огнем, им приходится жить отдельно от города. Соответственно в черте города (или в пригороде) появляются специализированные слободы, где концентрируются специалисты данного ремесла.

Нас давно интересует тема не только возникновения и становления московского гончарства, но и развития изразцового искусства как части гончарного дела. В рамках данной работы нет возможности достаточно полно изложить, что было сделано предыдущими исследованиями. Однако до сих пор нет ясности в ряде ключевых вопросах. Когда и откуда появились первые изразцы на Руси? Кто их делал – русские мастера или иностранцы?

До XIII в. посуду в восточной Руси выпекали в домашних печах, горны были известны (археологически) только на Украине (Кучера, 1986). До сих пор принято считать, что горны в Московии появились в XV–XVI вв. (Розенфельдт, 1968). Нам известны горны на ул. Варварке, где в 1983 г. проводил раскопки один из авторов (Векслер, 2006), и на Гончарной слободе в устье Яузы (Векслер, Костанян, 2001) – там удалось выявить 14 гончарных горнов, а также многочисленные ямы с гончарным браком, посудой, игрушками и изразцами.

В научной литературе давно принято считать, что изразцы используются на Руси с XVI по XX в. (Рабинович, 1949; Векслер, 2006). Есть мнение, что изразцы появились только в XVII в. (Розенфельдт, 1968). Было высказано предположение, что первые изразцы на Руси появились в XV в. в Киеве и Пскове (Маслих, 1976).

Мы видим свою задачу в том, чтобы проследить возможные маршруты проникновения изразцов и изразцового искусства на Русь и в Московию.

В европейских странах вопрос о ранних центрах изготовления изразцов был достаточно подробно изложен в ряде сочинений. Может быть, в этих схемах и нет каких-то уточняющих деталей, но общие исторические тенденции вполне ясны (Осе, 1989. С. 137).

В качестве исходных территорий, где впервые были использованы и сконструированы новые печные устройства, были предгорья итальянских и швейцарских Альп. Именно здесь созданы новые куполообразные печные устройства, которые были в состоянии отопить большое пространство. В стенки большой полусферы, сложенной из кирпича и камня, вмазывались «горшковидные» изразцы. Вмурованные в стену глиняные горшки увеличивали ее нагревательную поверхность и способствовали лучшему обогреву помещения.

Древнейшие изразцы были «горшковидными» с цилиндрическим сравнительно высоким (20 см и выше) туловом. Устье круглое, дно полусферическое, позднее плоское. Они вошли в употребление в XIII в., в отдельных местах, возможно, в XII в., но встречаются еще и в XIV в.

Точно датированные изразцы в Центральной Европе известны лишь с XIII в. В результате исследований последних лет обнаруженные под Лейпцигом и в Любеке остатки изразцовых печей по письменным источникам датировались XII – началом XIII в. Древнейшие изображения изразцовых печей в Цюрихе относятся к началу XIV в.

Мастерство покрытия глазурями изразцов и посуды пришло в Европу из стран Передней Азии и Магриба, оттуда через Кордовский халифат оно перешло в Северную Италию, Ломбардию, дальше распространилось по Центральной и Северной Европе. К XIV в. вся Европа пользовалась этим изобретением. Европейские исследователи описывают два пути проникновения в Восточную Европу изразцов и изразцового искусства.

Первый маршрут: Швейцария – Северная Германия – Дания – Швеция – Прибалтика (Рига, Ревель). Второй маршрут: Швейцария – Чехия – Польша – Литва – Псков. На наш взгляд, был еще третий маршрут: Ломбардия – Будапешт – Смоленск – Москва. Именно этот маршрут и стал для нас темой исследования.

Хорошо известно, что значительное влияние на русское средневековое строительное «мастерство» в широком смысле этого слова оказали итальянские специалисты, приехавшие в Московию во второй половине XV в. Итальянцы принимали деятельное участие в грандиозном строительстве Кремля, православных храмов и Китай-городской крепости.

Это были мастера из северных итальянских городов: Болоньи, Флоренции, Венеции и т.д. Итальянцы показали, как делать формы для кирпичей и изразцов, они же следили за режимом обжига. Фьораванти устроил печи для обжига кирпича у стен Андроникова монастыря. Возможно, что итальянцы провели первые опыты с использованием глазурей для изразцов и научили делать красноглиняную, «тонкую» и ангобированную посуду. Вероятно, именно они научили местных гончаров использовать ручной круг утяжеленного типа в качестве инерционного прибора. На этом круге можно было делать посуду вытягиванием из одного комка глины.

Вторая половина XVII в. ознаменовалась появлением в русской архитектуре декоративных полихромных изразцов. Как правило, их изготавливали мастера из Белоруссии. Однако плохо составленная глазурь и неточное следование режиму обжига привели к отказу от полихромных изразцов уже к концу XVII в. Их производство просуществовало не более трех десятков лет.

Последний всплеск изразцового искусства произошел в первой половине XVIII в., когда не без влияния голландского и немецкого гончарства в домах русской знати появились огромные отопительные печи, расписанные мифологическими картинками и жанровыми сценками.

В России на протяжении длительного времени гончарное производство находилось в перманентном состоянии обновления. Из Белоруссии и Украины прибывали новые гончары, старые «московские» уходили в деревни или в пригороды. Они не выдерживали конкуренции с более совершенным производством. С конца XVIII – начала XIX в. в наступление на гончарство пошло заводское фарфорово-фаянсовое производство. Посуда, сделанная кустарным способом, уступала дорогу более качественной и массовой продукции мануфактур и фабрик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Векслер А.Г. Спасательная археология Москвы // Избранные статьи и материалы. М.: Вече, 2006. С. 168–174.

Векслер А.Г., Костанян Г.К. Новые археологические исследования Гончарной слободы XVI–XVII вв. в Москве // Древности Московской земли. Проблемы современной археологии. Конф. к 70-летию со дня рожд. и 50-летию научной деятельности А.Г. Векслера. М., 2001. С. 27.

Воеводский М.В. Глиняная посуда Москвы XVI–XVIII вв. по материалам, собранным при работах Метростроя // По трассе первой очереди Московского метрополитена имени Л.М. Кагановича: архивно-исторические и археологические работы Академии в 1934 г. / ГАИМК им. Марра. Л.: ОГИЗ, 1936. С. 168–171.

Кучера М.П. Керамика // Археология Украинской ССР. Т. 3 / Отв. ред. И.И. Артеменко. Киев: Наукова думка, 1986. С. 446–455.

Маслих С.А. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.: Изобразительное искусство, 1976. 29 с.

Осе И. Возникновение изразцовых печей в Латвии // Vakaru Baltu archeologija ir Istorija. Klaipeda, 1989. С. 137–143.

Рабинович М.Г. Московская керамика // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II / Отв. ред. А.В. Арциховский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 57–105. (МИА; № 12).

Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1968. 124 с. (САИ; Вып. Е1-39).

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕРБЕНТСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ[1]

© 2014 г. М.С. Гаджиев

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала (murgadj@rambler.ru)

Ключевые слова: Дербент, Чор, позднесарматский период, сасанидский период, гончарная печь.

Резюме. Работа посвящена результатам раскопок, проведенным в 2012–2013 гг. на Дербентском поселении, которое датируется первой половиной – серединой I тыс. н.э. и предшествовало каменному Дербентскому оборонительному комплексу, возведенному в 568–569 гг. в правление шаханшаха Хосрова I Ануширвана. Полученные материалы характеризуют культуру и быт населения Дербентского поселения, идентифицируемого с городом-крепостью Чор/Чол, известным древним армянским, грузинским, сирийским, ранневизантийским и арабским авторам и выступавшим важным административно-политическим и религиозным центром Восточного Кавказа.

В 2012 г. Дербентская экспедиция ИИАЭ ДНЦ РАН возобновила и в 2013 г. продолжила исследования Дербентского поселения, которое предшествовало возведенному в правление Хосрова I Ануширвана (531–579) в конце 560-х гг. новому городу, получившему название Дербент (*ср.-перс.* Дарбанд). Поселение занимает доминирующую над Дербентским проходом вершину отрога Джалганского хребта, спускающегося своим восточным склоном к Прикаспийской равнине. С севера оно ограничено крутыми обрывистыми горами, с востока и юга – относительно пологими склонами. В 440-х гг. в правление Йездигерда II (438–457) на северной оконечности поселения была сооружена цитадель площадью около 3 га, возведенная из сырцовых кирпичей на каменном цоколе (см. Кудрявцев, 1978, 1979; Гаджиев, 1989, 2013). Судя по материалам археологических исследований, древнее поселение занимало территорию будущей каменной цитадели Нарын-кала, повторившей очертания цитадели V в., и примыкающую к ней с юга территорию на общей площади около 6-7 га. Датировка поселения укладывается в рамки I–VI (VII) вв. н.э. (поздний албано-сарматский и сасанидский периоды).

В результате работ на раскопе XXV, заложенном в 2012 г. в 93 м к юго-востоку от угловой южной башни цитадели Нарын-кала, были выявлены пять культурных напластований общей мощностью до 3 м и связанные с ними архитектурные и бытовые остатки, датируемые в диапазоне от I–II до VI в. н.э. Культурный слой поселения потревожен впущенными в него средневековыми мусульманскими погребениями (погребения 1–16), объединенными в целом единым погребальным обрядом, характеризующимся захоронением умерших в простой удлиненной грунтовой яме вытянуто на спине, головой на юго-запад, с повернутым на юг черепом. С верхним слоем (слой 1), нарушенным современными пахотой и лесопосадками, связана хозяйственная яма 3, выделяющаяся устроенным в ней каменным ящиком для хозяйственных нужд. С нижележащим слоем 2 связаны остатки стены, глинобитного пола, база колонны и очаг открытого типа, скопления керамических сосудов (рис. 1, *1–5*).

С началом отложения слоя 2 и завершением отложения слоя 3 стратиграфически связана хозяйственная яма 2, в которой наряду с многочисленными обломками керамической посуды найдены предметы печного припаса, представленные керамическим штырем (диаметром около 2 см) и обломками двух кубовидных керамических изделий со сквозным отверстием (сторона 7–8,7 см, диаметр около

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проекты №12-01-18031е, 13-01-18008е.

2 см) и прокаленной и частично оплавленной одной стороной (рис. 1, *6, 7*).

Со временем отложения слоя 3 связаны остатки трех помещений, пяти хозяйственных ям и гончарной печи. Помимо представительной керамической коллекции и серии индивидуальных находок в ямах были найдены железная крица (яма 1), сасанидский кувшин (яма 6), фрагменты кубовидного изделия с отверстием, аналогичного найденным в яме 2 (рис. 1, *6, 7*), 20 абразивов из пористого зернистого песчаника (яма 5), представляющие собой подпрямоугольного сечения бруски с одной рабочей гранью (сечение 3–4 х 4–4,5 см, длина 9,5–13 см). Последние находки представляют предметы кузнечного производства, предназначавшиеся для шлифовки изделий. Двенадцать подобных абразивов ранее были найдены в хозяйственной яме 17 на раскопе XIV, где был исследован так называемый дом кузнеца, датируемый периодом от I до середины III в. н.э. (в комплекс были впущены погребения второй половина III – начала IV в. н.э.) (Кудрявцев, 1987. Л. 27–28. Рис. 73, *1–12*; 75; Гаджиев, 2002. С. 125). Обращает внимание, что в обоих случаях бруски-абразивы обнаружены в хозяйственных ямах, причем в большом количестве.

Выявленная печь для обжига керамики (рис. 2), от которой сохранились предтопочная (загрузочная) яма и топочная камера, представляла собой удлиненную яму с закругленными углами, длиной 3 м, шириной 0,74–0,82 и глубиной 0,86–0,96 м. Боковые стенки топочной камеры были обложены прокаленными сырцовыми кирпичами (размеры: 40–42 х 40–42 х 10–12 см), которые соответствуют по размерам сырцовым кирпичам, использовавшимся, в частности, при сооружении сасанидских укреплений Дербента, городища Торпах-кала середины V в., Гильгильчайской стены начала VI в. Печь имела шесть вертикальных каналов-продухов, расположенных друг против друга по три с каждой продольной стороны топочной камеры; они шли от дна камеры и в верхней ее части наклонно выходили на древнюю дневную поверхность. Верхняя часть заполнения печи представляла собой сплошной слой печины и обломков обожженных сырцовых кирпичей от рухнувшего перекрытия и свода. В этом слое были найдены фрагменты прокаленной саманной крышки (диаметром около 55 см), которая, вероятно, использовалась для прикрытия отверстия в коробовом своде обжигательной камеры. Придонная часть заполнения печи представляла собой слой золы и древесного угля толщиной 20–30 см. В заполнении печи найдены фрагменты керамической посуды, среди которой выделяются показательные обломки сасанидской керамики, ручки кувшинов, которые, судя по характеру их оснований, «откололись» от сосудов во время обжига, и фрагменты необожженной белоглиняной чаши.

Данная конструктивно и технологически развитая печь, датируемая V–VI вв. и находящая определенные аналоги, в частности, среди гончарных печей Мингечаура VI–VII вв. (Ионе, 1948, 1949, 1953), отражает влияние сасанидского Ирана на местное гончарное производство, что ранее отмечалось нами на основе изучения продукции гончарного ремесла Дербента и Южного Дагестана (Гаджиев, 1984).

Керамический комплекс трех верхних слоев характеризуется сочетанием различных диагностирующих технико-технологических и стилистических групп столовой, тарной и кухонной керамики, характерной в целом для IV–VI вв. (столовая красно- и коричневоглиняная лощеная каннелюрованная, бежевоглиняная и розовоглиняная красноангобированная керамика, красноглиняная гладкостенная керамика, в том числе кувшины-ойнохои с пуговичными налепами-«глазками», сасанидская столовая и тарная посуда и др.).

Со слоем 4 связаны остатки трех стен и трех хозяйственных ям. В комплексе керамики этого слоя отсутствует сасанидская посуда, большее представительство имеет серо- и коричневоглиняная керамика с наружной лощеной черной или серой поверхностью, типичная для албано-сарматского периода. Это позволяет, учитывая стратиграфическую позицию слоя и датировку вышележащих слоев, предварительно датировать его III–IV вв. Предматериковый слой 5 предварительно датирован первыми веками н.э.

В ходе работ на раскопе XXV получен богатый археологический материал, представленный фрагментами керамической посуды, изделиями из керамики (пряслица, зооморф-

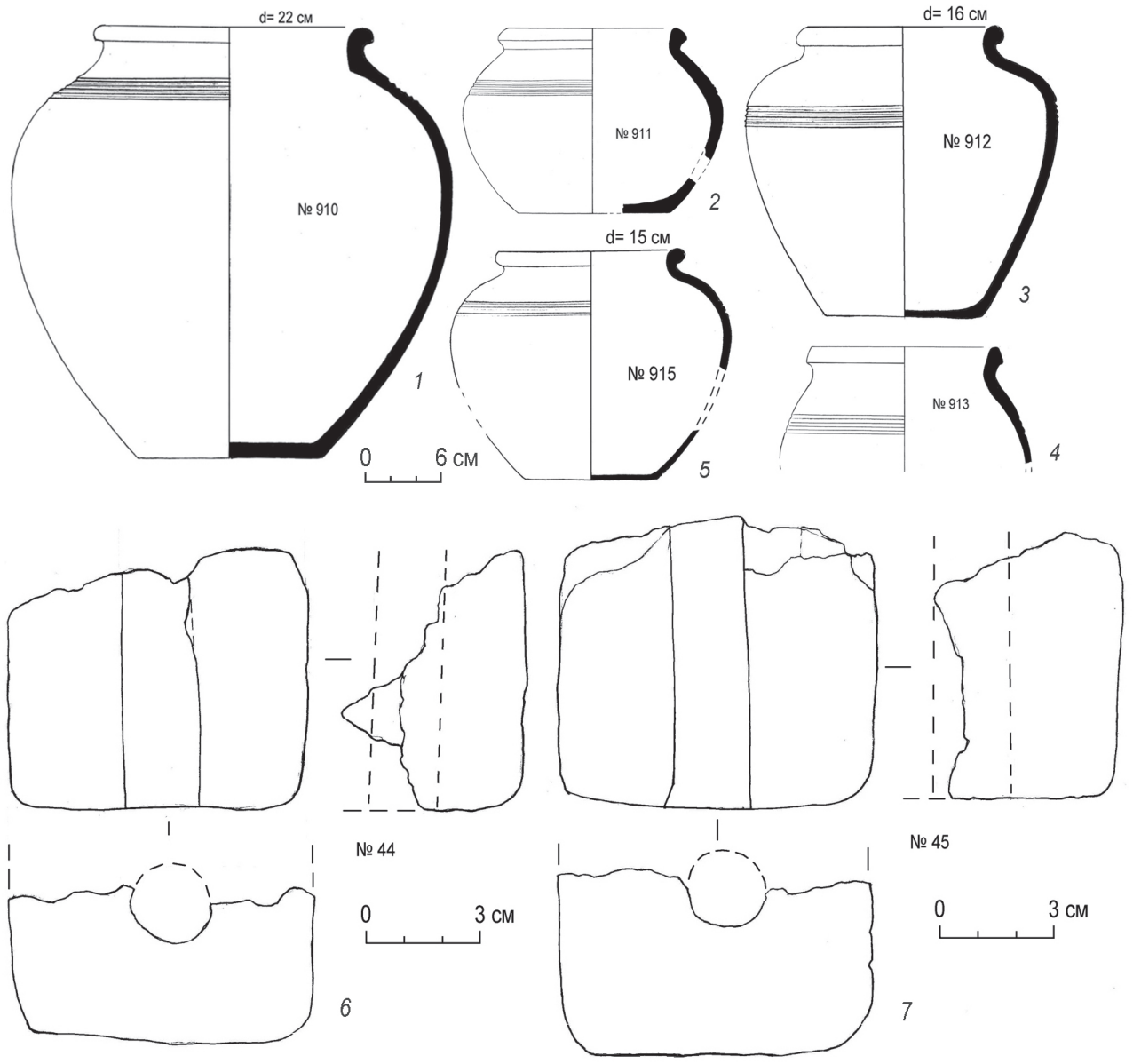


Рис. 1. Дербентское поселение. Раскоп XXV. *1–5* – горшки из скоплений керамики 1–4; *6, 7* – керамические предметы печного припаса из хозяйственной ямы 2.

ная статуэтка), кости (иглы, проколки), бронзы (браслеты, кольцо, подвеска, фибула и др.), железа (гвоздевидные и ножевидные предметы), камня (пряслица, оселки, жернова, зернотерки и др.), стекла (бусы, фрагменты сосудов); зафиксированы следы гончарного, кузнечного и металлургического (железоделательного) производств. Полученные материалы характеризуют культуру и быт населения Дербентского поселения, идентифицируемого с известным по письменным источникам V–X вв. (Бузанд, Егишэ, Парпеци, Агатангелос, Хоренаци, Ширакаци, Каланкатуаци, Цуртавели, Прокопий Кесарийский, Михаил Сириец, Табари, Хордадбех и др.) городом, укреплением Чор – предшественником Дербента (об идентификации Чора и Дербента см. Артамонов, 1962. С. 120–121; Кудрявцев, 2000; Гаджиев, 2001. С.166–167; 2002. С. 10, 45–48). Вместе с тем они подтверждают отсутствие на территории поселения слоев, относящихся к последним векам до н.э. и более ранним периодам (предскифскому, скифскому), и фиксируют непрерывное и преемственное развитие поселения с первых веков до VI в. н.э. включительно.

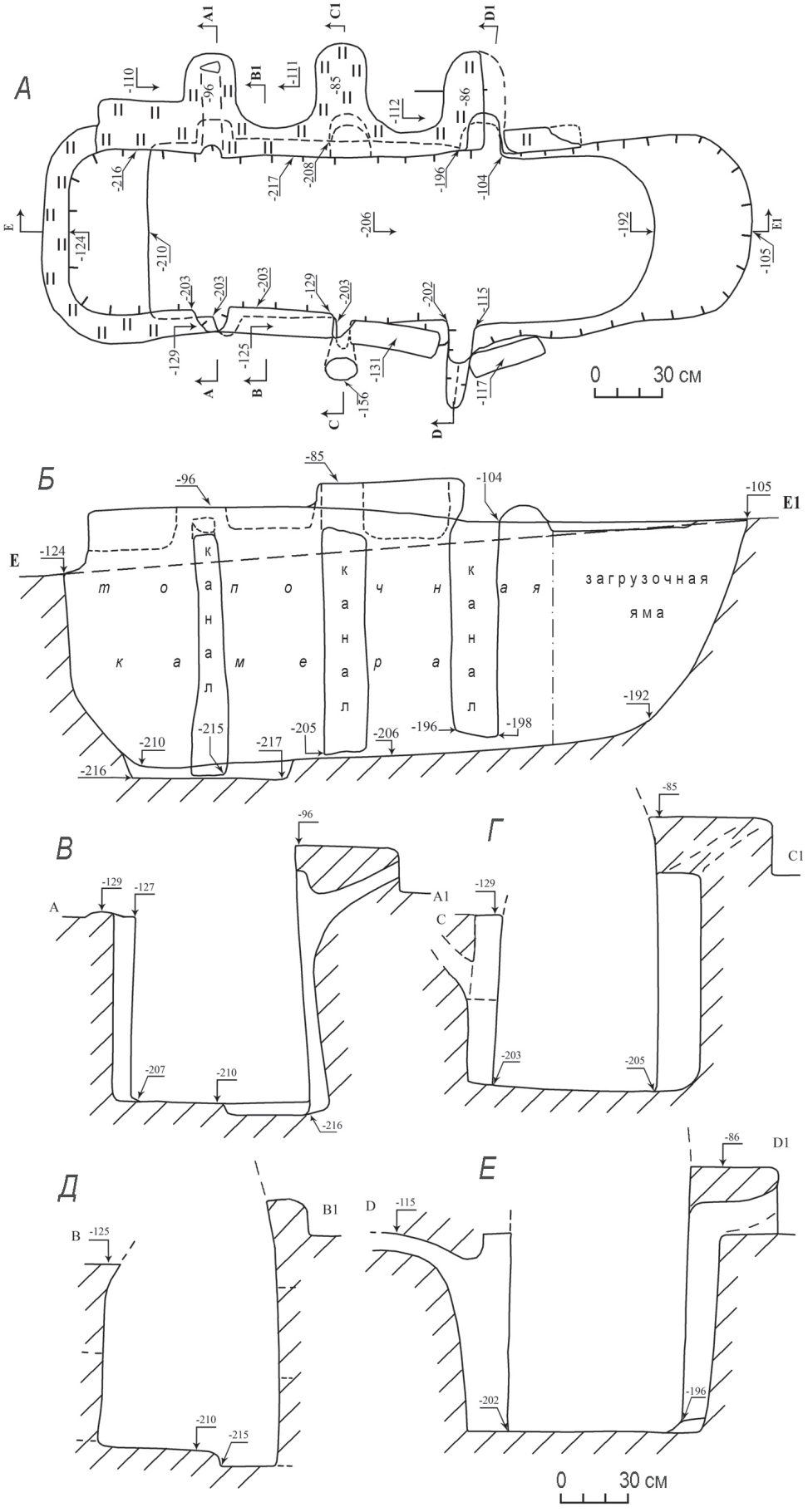


Рис. 2. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Печь для обжига керамических изделий. *А* – план; *Б–Е* – разрезы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 524 с.

Гаджиев М.С. Столовая керамика Южного Дагестана рубежа албанского и раннесредневекового времени // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане / Отв. ред. М.М. Маммаев. Махачкала: Ин-т истории, языка и литературы им. Г. Цадасы, 1984. С . 47–72.

Гаджиев М.С. Исследования сырцовой фортификации цитадели Дербента сасанидского времени (по материалам раскопов Р-XI и Р-XIII) // Древняя и средневековая архитектура Дагестана / Сост. М.С. Гаджиев. Махачкала: Дагестан. филиал АН СССР, 1989. С. 61–76.

Гаджиев М.С. Миссия епископа Исраела и вопросы исторической географии Кавказской Албании // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки / Ред. М.П. Абрамова, В.И. Марковин. М.: ИА РАН, 2001. С. 162–170 (Материалы и исследования по археологии России; № 3).

Гаджиев М.С. Древний город Дагестана: Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М.: Вост. лит., 2002. 320 с.

Гаджиев М.С. Раскопки в цитадели Дербента в 2011 г. // Вестник Ин-та истории, археологии и этнографии. 2013. № 1. С. 122–147.

Ионе Г.И. Об обжигательных печах Мингечаура // ВДИ. 1948. № 3. С. 170–171.

Ионе Г.И. Гончарные печи древнего Мингечаура // КСИИМК. Вып. 24. 1949. С. 42–54.

Ионе Г.И. О гончарных обжигательных печах Мингечаура // Материальная культура Азербайджана. Т. 3. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1953. С. 31–79.

Кудрявцев А.А.. О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте // СА. 1978. № 3. С. 243–257.

Кудрявцев А.А. «Длинные стены» на Восточном Кавказе // ВИ. 1979. № 11. С. 31–43.

Кудрявцев А.А. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1987 г. // Архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 670.

Кудрявцев А.А. К отождествлению раннесредневековых городов Чора и Дербента // Историко-археологический альманах. Вып. 6. Армавир; Краснодар; М.: Армавирский краеведческий музей, 2000. С. 38–45.

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА НОВГОРОДСКО-ГАНЗЕЙСКОЙ ТОРГОВЛИ ЦВЕТНЫМИ МЕТАЛЛАМИ В XV ВЕКЕ

© 2014 г. П.Г. Гайдуков, О.М. Олейников

Институт археологии РАН, Москва
(russianchange@yandex.ru; olejnikov1960@yandex.ru)

Ключевые слова: Великий Новгород, порт, ганзейский союз, цветные металлы, медь, массивные черновые слитки, сырьевая база, изотопный анализ.

Резюме. Благодаря находке в Новгороде в 2013 г. двух массивных черновых слитков меди в новгородско-ганзейской торговле цветными металлами установлен новый вид первичного металлургического сырья, не отраженный в имеющихся письменных источниках. Одним из важных предметов истории развития торговых взаимоотношений Новгорода с Ганзой, проясняющим динамику ввоза в Новгород цветных металлов, является определение сырьевой базы новгородских ювелиров. Для установления источников поступления меди на рынок средневекового Новгорода в настоящей работе применен современный высокоточный метод изотопного анализа свинца – многоколлекторная масс-спектрометрия с индуктивно связанной плазмой (MC-ICP-MS). Полученные изотопные характеристики свинца позволили идентифицировать геолого-минералогический тип месторождения, из которого были добыты исследованные образцы металла новгородских слитков, и территорию, в пределах которой оно расположено.

Новгородская земля, как и вся средневековая Русь, не обладала собственными разработанными месторождениями цветных металлов. Потребности в этом виде сырья Новгород удовлетворял исключительно за счет импорта из стран Востока и Запада. С XIV в. торговлю цветными металлами держал в своих руках Любек – глава ганзейского союза – первого в истории Европы торгово-экономического объединения, успешно просуществовавшего около четырех столетий (с XIII по XVI в., формально до 1669 г.). Любчане прилагали усилия захватить в свои руки и разработку цветных металлов. Хотя позднее они отказались от этого намерения, в XIV в. любекские купцы принимали участие в эксплуатации шведских медных рудников Kopparberg (Хорошкевич, 1963. С. 313).

К XV в. в Европе сложились устойчивые торговые связи, позволяющие распространять металл по значительной территории. Занимая выгодное географическое положение, Новгород осуществлял торговые контакты между Русью, Западной Европой, Византией и арабским Востоком.

Для внешней торговли широко использовались давно проложенные морские пути. В XIV–XV вв. в связи с увеличением роли немецких городов в торговле с Новгородом морские сношения велись по прямому пути через Балтийское море к северо-западной оконечности Эстонии и далее в Финский залив с заходом в Таллинскую бухту (Шаскольский, 1954. С. 159). Это был важнейший путь новгородской внешней торговли, но, безусловно, существовали и другие.

Кроме основного водного пути из внутренних русских земель в Финский залив через Неву установились два второстепенных пути – из Пскова через Чудское озеро и Нарову и из Новгорода через мелкие речки, волок и через р. Луга. Оба пути вели к южному берегу Финского залива и там поворачивали на запад к Балтийскому морю (Загоскин, 1909. С. 116–120; Шаскольский, 1954. С. 156).

Существовал, вероятно, прямой путь из Невы по середине залива в море. От Таллинской бухты вдоль эстонского побережья, мимо островов Хиума и Саарема (Даго и Эзель) и через Балтийское море шел, по всей видимости, путь из Финского залива на о. Готланд,

важный центр балтийской торговли. Был путь из Финского залива мимо о. Готланд, через Балтийское море в юго-западную оконечность Балтики, а также путь из Выборгского залива вдоль южного побережья Финляндии (Шаскольский, 1954. С. 157–158).

В составе товарооборота новгородско-ганзейской торговли цветные металлы занимали ведущую роль. Анализ импортных категорий археологических находок показывает, что самые массовые те из них, которые необходимы для развития собственного ремесла (Рыбина, 2001. С. 28).

Специфика сырьевой базы новгородских литейщиков определялась тем, что цветной металл поступал в Новгород с обширных просторов Востока и Запада в самом разнообразном виде и разного качества. На новгородский рынок поступали слитки и куски металла, продававшиеся на вес, продукты и отходы ремесленного производства (проволока, листы, обрезки листовой, полосовой и проволочной меди, обрезки, упаковывающиеся в бочки), а также изделия, бывшие в употреблении (Арциховский, 1956. С. 24; Хорошкевич, 1963. С. 312; Янин, 1966. С. 326; Коновалов и др., 2008. С. 47–48).

Купцам и ремесленникам были известны олово брусчатое, без железины; олово рогожное, большие свертки; олово лычное, узкие полосы; олово дельное; медная проволока тонкая, колечная; медная толстая проволока; медь тазовая, запрудная; медь трубчатая; медь тонкая зеленая; медь однопечатная; медь троепечатная; медь Козарская; медь в полицах; садор медяной; поталь; котельные изгарины. В выписке из перечня товаров, размещенных на одном из кораблей указаны «3 колокола, а въ нихъ мѣди 30 пудъ; 2 лохани мѣдныя; 6 подсвѣчников мѣдныхъ; 3 рукомойника мѣдные...» (Русская торговая книга, 1851. С. 22–24). Все эти товары были известны на Руси уже в XIV–XV вв. (Хорошкевич, 1963. С. 312). Однако в письменных источниках нет информации о сырьевых базах цветных металлов, поступавших в Новгород.

Прямых торговых контактов Новгорода с районами рудных разработок никогда не было – весь цветной металл ввозился исключительно через посредников. Многолетние археологические работы в Новгороде показывают, что основной категорией цветных металлов, поступавших в город, был лом или многократно переплавленная продукция, а не черновые слитки, по которым можно определить сырьевые источники.

В 2013 г. в прибрежной части Торговой стороны Великого Новгорода обнаружены два целых черновых овальных медных слитка весом 12 и 17,8 кг и небольшой фрагмент подобного же слитка весом около 0,4 кг. Размеры целых слитков: 61 х 36 х 4 и 44 х 25 х 3 см (рис. 1).

Археологические исследования проводились на месте прокладки городских коммуникаций на территории гребной базы по адресу: наб. Александра Невского, 18. В траншее, вскрытой до глубины 5 м, прослежены слои XIV–XX вв. Начало застройки, связанной с портом (склады, верфи и пр.), относится к началу XV в. Прослежено пять ярусов построек, сложенных как в традиционной для средневековой Руси срубной технике, так и в североевропейской технике фахверк. В траншею целиком вошло нижнее бревно одной из стен такой постройки длиной 14 м.

Находки крупных слитков меди достаточно редки. Два слитка весом 7 и 18 кг обнаружены в Латвии на городище Рауши (Коновалов и др., 2008. С. 47). Несколько слитков происходят из Норвегии, Швеции и о. Готланд (Oldeberg, 1966. P. 48; Forshell, 1992. P. 75–82). Круглые медные слитки вместе со шлаковыми отвалами обнаружены около рудников в Германии (Горная энциклопедия, 1985. Т. 2. С. 24).

Для новгородских слитков характерна химическая неоднородность, но в целом их основу составляет медь (80–92%) с примесями никеля (1–3%), мышьяка (0,5–5%), сурьмы (0,5–2%), олова (0,5%), свинца (до 1%), серебра (0,2–1%) и висмута (~0,5%)[1].

В Новгороде массивные целые слитки обнаружены впервые. Их форма обусловлена технологическим процессом отливки и соответствует изложнице, в которую из печи выпускали расплавленный металл. Процесс производства таких слитков в XVI в. подробно описан Г. Агриколой (1962. С. 382–386).

1 Химический состав определен в лаборатории анализа минерального вещества ИГЕМ РАН на рентгенофлюоресцентном спектрометре последовательного действия (PW 2400, Philips Analitical) А.И. Якушевым.

Рис. 1. Массивные черновые медные слитки (*1, 2*) и фрагмент (*3*), обнаруженные в 2013 г. на раскопе А. Невского-18 в Великом Новгороде. Фото авторов.

Новгородские слитки демонстрируют стандартную форму хранения сырого металла, удобную для транспортировки и дальнейшей переработки. Они представляют особый интерес, поскольку дают возможность определить возможные источники сырья новгородских металлургов.

В XIV–XV вв. в Европе месторождения цветных металлов разрабатывались в Швеции и на территории современных Германии, Польши, Словакии, Чехии, Австрии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Сербии (Хорошкевич, 1963. С. 268; Черных, 1972. С. 10–11; Горная энциклопедия, 1985. Т. 1. С. 32–33; Т. 2. С. 25, 463; Т. 4. С. 195, 428–429; Дымкин и др., 1994. С. 54; Коновалов и др., 2008. С. 49). Теоретически все эти районы могли быть источниками новгородского металла, поскольку торговые связи ганзейских купцов позволяли получать цветные металлы из разных регионов.

Для установления места выплавки новгородских слитков был применен современный высокоточный метод изотопного анализа свинца – многоколлекторная масс-спектрометрия с индуктивно связанной плазмой (MC-ICP-MS)[2]. Результаты представлены на диаграмме (рис. 2). Проведенные Pb-Pb исследования показали, что архейские полиметаллические колчеданные месторождения в Швеции, связанные с древними зеленокаменными поясами Балтийского щита, не могли служить источником руды, использованной при изготовлении найденных слитков. В качестве вероятного источника можно рассматривать колчеданные и полиметаллические рудные месторождения, расположенные в Центральной и Южной Европе, связанные с герцинской и альпийской эпохами рудообразования. Наиболее реальным регионом происхождения слитков представляются восточно-альпийские месторождения, где в основном работали знаменитые германские горняки и металлурги – саксы.

Новгородские раскопки в очередной раз продемонстрировали, что археологические материалы – незаменимый исторический источник. Представляют ли массивные слитки постоянную категорию импорта или же имел место случайный торговый эпизод, покажут дальнейшие работы. В любом случае благодаря этой находке в новгородско-ганзейской торговле цветными металлами установлен новый вид первичного металлургического

2 Исследования изотопного состава свинца выполнены в лаборатории изотопной геохимии и геохронологии ИГЕМ РАН на масс-спектрометре «Neptune» (ThermoFinnigan, Германия) А.В. Чугаевым и Т.И. Олейниковой. Авторы благодарны А.И. Якушеву, А.В. Чугаеву и Т.И. Олейниковой за проведение анализов.

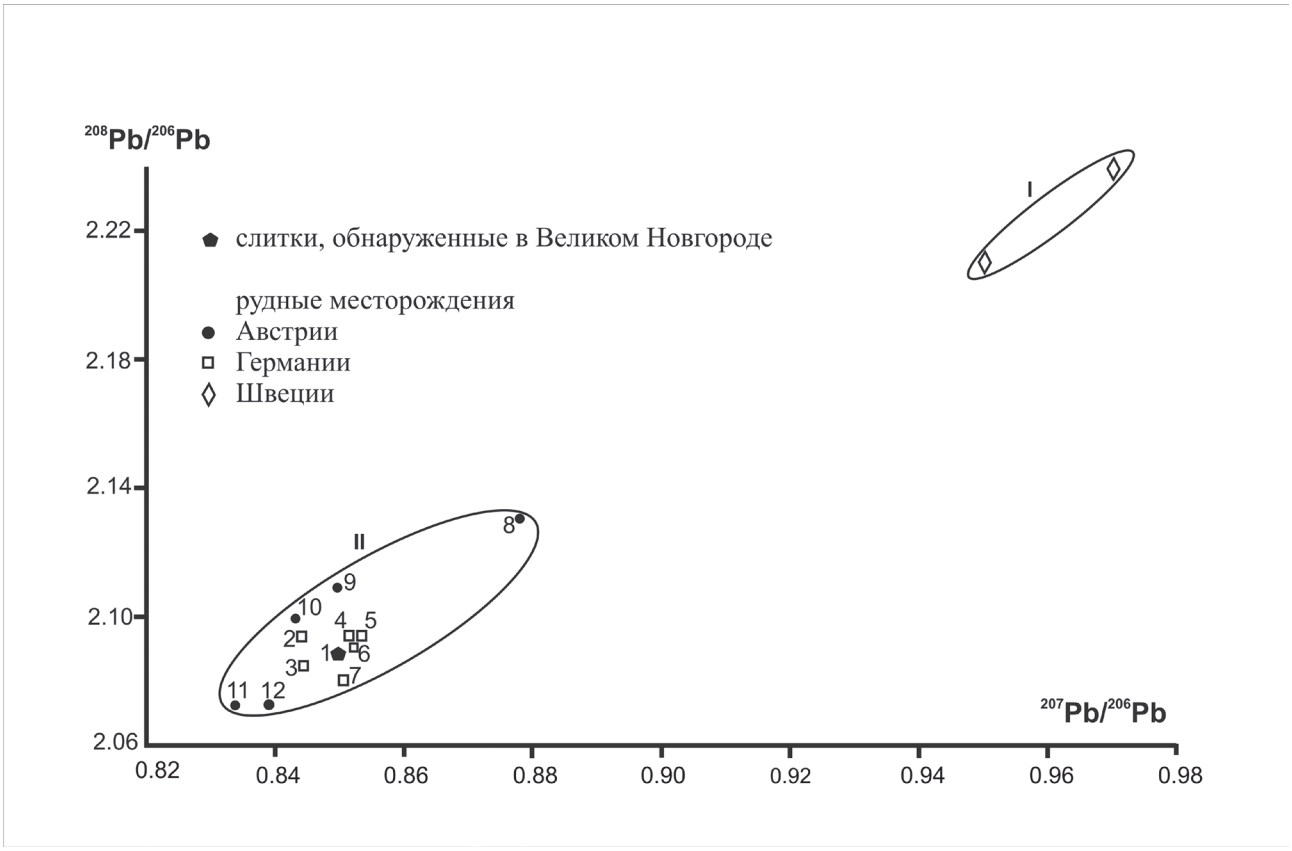


Рис. 2. $^{208}Pb/^{206}Pb$ – $^{207}Pb/^{206}Pb$ диаграмма изотопного состава Pb слитков, обнаруженных в Великом Новгороде, и рудных объектов, расположенных в современных границах Швеции (I), Германии и Австрии (II). 1 – слитки из Великого Новгорода; 2–7 – рудные месторождения Германии; 8–12 – рудные месторождения Австрии.

сырья, не отраженный в письменных источниках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агрикола Г. О горном деле и металлургии. В 12-ти кн. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 600 с.

Арциховский А.В. Археологическое изучение Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 7–43. (МИА; № 55).

Горная энциклопедия. М.: Сов. Энциклопедия, 1985.

Дымкин А.М., Попов В.В., Чайка В.М., Чернов В.Д., Стехин А.И. Рудные ресурсы и их размещение по геоэпохам. Цветные металлы (медь, цинк, свинец): Справочное пособие. М.: Недра, 1994. 224 с.

Загоскин Н.П. Русские водные пути и судовое дело допетровской Руси. Казань: Лито-типография И.Н. Харитонова, 1909. 464 с.

Коновалов А.А., Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М., 2008. 191 с.

Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2001. 390 с.

Русская торговая книга. Спб.: Тип. Якова Трея, 1851. 36 с.

Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода в XIV–XV вв. М., 1963. 365 с.

Черных Е.Н. Металл, человек, время. М.: Наука, 1972. 208 с.

Шаскольский И.П. Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX–XIII вв. // Географический сб. Вып. III: История географических открытий / Ред. Н.Е. Носов. М; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 146–159.

Янин В.Л. Находка польского свинца в Новгороде // СА. 1966. № 2. С. 324–328.

Forshell H. The inception of copper mining in Falun, Stockholm: The archaeological research laboratory Stockholm univ., 1992. 180 p.

Oldeberg A. Metallteknik under vikingatid och medeltid. Stockholm: Seelig, 1966. 296 p.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ГОРОДИЩА КРИУШИ II

© 2014 г. М.Р. Гисматулин

Ульяновский областной краеведческий музей им. И.А. Гончарова, Ульяновск (gismatu@yandex.ru)

Ключевые слова: Волжская Булгария, Золотая Орда, городище, Волжский торговый путь.

Резюме. В работе прослежена история археологического изучения городища Криуши II. Дана характеристика материала, собранного во время раскопок 1957 и 2004 гг.

Городище Криуши II находится в Предволжье, в 0,7 км к востоку от с. Криуши, которое входит в состав городского округа Новоульяновск Ульяновской обл. До создания Куйбышевского водохранилища памятник располагался на высоком и широком мысу, образованном р. Арбуга (Арбужка) и р. Тушенка (Тушна). В настоящее время приустьевые части этих малых рек затоплены. При заполнении ложа Куйбышевского водохранилища долина р. Тушенки в ее нижнем течении была затоплена, в результате чего образовался залив шириной более 600 м.

Городище идентифицируется со средневековым поселением «Касар де Арабух» (*casar de arabuh*), отмеченным на карте братьев Пицигани (Pizzigani) 1367 г. Гора Арбухим, получившая «свое название от города, находившегося здесь», упоминается в записках немецкого ученого и дипломата Адама Олеария, совершившего путешествие по Волге в 1636 г. (Олеарий, 2003. С. 328).

Наиболее ранее описание укреплений городища оставлено Т.Г. Масленицким, составившим не позднее 1785 г. описание Симбирского наместничества: «Против села Криуш за речкою Тушною до речки Арбужки находится земляное укрепление в четыре ряда. Первые два в расстоянии трех сажен; другие два от первых в 52 саженях. Вся длина укрепленного места 100, а поперек 29 сажен» (Масленицкий, 1785. С. 169). Во второй половине XIX в. К.И. Невоструев, опираясь на сведения местного священника, сообщает только о двух рядах валов (Невоструев, 1871. С. 73). По данным К.И. Невоструева, местные крестьяне в большом количестве находили на городище керамические изделия, металлические украшения, конскую сбрую, оружие, медные и серебряные монеты (Невоструев, 1871. С. 36). Сведения Т.Г. Масленицкого и К.И. Невоструева были использованы В.Н. Поливановым при составлении «Археологической карты Симбирской губернии» (Поливанов, 1900. С. 9–10).

В 1951 г. городище было посещено П.Д. Степановым, заложившим на его территории два шурфа (Степанов, 1951. Л. 17–18).

В 1957 г. памятник исследовался отрядом Куйбышевской археологической экспедиции (Смирнов, 1958; Тухтина, 1960). Общая площадь памятника, принятого за селище, была определена в 120 000 м^2. На его территории было заложено три раскопа общей площадью 300 м^2. Наиболее насыщенным разными сооружениями оказался раскоп I, разбитый в центральной части памятника, в 40 м к югу от р. Арбуга. На раскопе площадью 100 м^2 обнаружены остатки жилища в виде полуземлянки, пять ям и развал печи. Памятник датирован исследователями IX–XI вв. (Тухтина, 1960. С. 152).

В 1990 г. археологическая экспедиция под руководством А.Х. Халикова вновь исследовала памятник. При этом было установлено, что это не селище, а городище домонгольского времени общей площадью почти 800000 м^2. В северо-западной части памятника выявлены остатки мощных земляных укреплений, сохранившихся в длину на 300 м при ширине в 40 м. А.Х. Халиковым выдвинуто предположение о том, что земляные укрепле-

ния, состоявшие из двух валов с глубоким рвом между ними, начали воздвигаться перед самым монгольским нашествием, но так и не были достроены. В районе валов экспедицией был исследован мусульманский могильник домонгольского периода, а к юго-западу от городища выявлено селище золотоордынского времени (Моця, Халиков, 1997. С. 158–163).

В последующие годы археологические исследования городища Криуши II ограничивались сбором подъемного материала в западной части памятника, интенсивно разрушаемой водами Куйбышевского водохранилища (Губайдуллов, 2004. С. 14–22).

Материалы раскопок Куйбышевской археологической экспедиции 1957 г. в настоящее время хранятся в фондах Ульяновского областного краеведческого музея (инв. № УКМ 12488–12490). Общебулгарская гончарная керамика представлена в коллекции несколькими целыми сосудами и большим количеством фрагментов. Преобладающие типы посуды – кувшины и горшки. К числу редких форм относится трипод – сосуд чашеобразной формы с тремя ножками. Лепная керамика составляет 20–30% от общего количества керамических находок. Среди индивидуальных находок – сердоликовая восьмигранная призматическая бусина, голубая стеклянная бусина грушевидной формы, шиферное пряслице, бронебойный наконечник стрелы, два фрагмента стенок красноглиняных сосудов с темно-зеленой поливой.

Осенью 2004 г. Р.З. Губайдулловым на отмели под городищем был собран разнообразный подъемный материал, включавший в себя фрагменты лепной и гончарной керамики, шиферные пряслица, стеклянные бусины и их обломки, полые литые привески грушевидной и округлой формы, литую основу бронзовой шумящей подвески, железные ножи, наконечники стрел, детали замков цилиндрической формы и ключи к ним, свинцовый грузик, бронзовую чашечку от весов, обломок серебряной монеты и другие материалы периода Волжской Булгарии. В числе находок был также фрагмент кашинного сосуда периода Золотой Орды с поливой синего и белого цветов (Губайдуллов, 2004. С. 14–22).

В музее Криушинской средней образовательной школы хранятся археологические материалы, собранные учащимися школы преимущественно в районе городища Криуши II: бронзовые детали поясных наборов и привески, свинцовые грузики, железные наконечники стрел, нумизматический материал. Среди находок можно отметить фрагмент ажурного щитка бронзовой копоушки X–XI вв., относящейся к категории огузских этнокультурных признаков.

Возникновение и развитие городища Криуши II, на наш взгляд, необходимо рассматривать в тесной связи с функционированием Волжского торгового пути. Выгодное географическое расположение способствовало вовлечению его населения в торговлю, в том числе и международную. По предположению А.Х. Халикова, в районе городища Криуши II в средние века находилась правобережная часть важной переправы на пути из Булгара в Киев и другие западные земли (Моця, Халиков, 1997. С. 164). Переправа продолжала действовать и в золотоордынское время. В XIV в. населенный пункт «Касар де Арабух» стал известен за пределами Поволжья и был отмечен венецианскими картографами Франческо и Доминико Пицигани.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Губайдуллов Р.З. Отчет об археологических разведках в Старомайнском и Ульяновском р-нах Ульяновской обл. в 2004 г. // Архив ИА РАН. 2004. Р-1. № 24432.

Масленицкий Т.Г. Топографическое описание Симбирского наместничества 1785 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.syzranhistory.ru/put/Topograficheskoe-opisanie-Simbirskogo-namestnichestva.htm.

Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар – Киев: пути, связи, судьбы. Киев: Ин-т археологии НАН Украины, 1997. 191 с.

Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. М.: Синодальная тип., 1871. 75 с.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск: Русич, 2003. 480 с.

Поливанов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск: Типо-литография А.Т. Токарева, 1900. 71 с.

Смирнов А.П. Археологические исследования Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова в 1957 году. Ульяновск, 1958.

Степанов П.Д. Отчет о работе разведочной археологической экспедиции в пределах Ульяновской области летом 1951 г. // Архив ИА РАН. 1951. Р-1. № 553.

Тухтина Н.В. Раскопки 1957 года близ села Криуши Ульяновской области // Тр. Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 3 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 145 –154 (МИА; № 80).

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОРСКОГО ПОРТА СРЕДНЕВЕКОВОЙ СУГДЕИ

© 2014 г. В.Д. Гукин

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
(kabirbek@rambler.ru)

Ключевые слова: Крым, Судак, морской порт, археологические раскопки.

Резюме. В работе представлены новые материалы археологических раскопок 2010–2013 гг. с территории морского порта городища Судак в Крыму. На небольшой площади раскопа VIII показаны предварительные результаты стратиграфии и хронологии сложного, многослойного памятника. Разнообразие артефактов в культурном и временном аспектах говорит о значимости причерноморской торговли в средние века.

Юго-Восточная Крымская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа с 2010 г. проводит археологические исследования в портовой части средневекового городища Судак.

Территория морского порта Сугдеи с севера ограничена хребтом горы Крепостной, с южной – побережьем моря, с востока и запада – выступающими в море скальными мысами Дженевез – Кайя и Полвани – Оба. Глубокий овраг, протянувшийся с северо-запада на юго-восток, делит территорию порта на две неравнозначные части.

Археологическая экспедиция исследует восточную часть Судакского порта, где на 4–5 террасах от уровня моря заложен раскоп VIII. На площади раскопа размером около 250 м^2 открыты остатки каменных фундаментов и стен разновременных наземных сооружений. Обращают на себя внимание постройки, которые возведены в различной технике кладки. При строительстве некоторых поздних сооружений нередко вторично использовали архитектурные детали более ранних построек. В результате раскопок выявлены и исследованы два поздних жилых комплекса: сооружения 1 и 2 со следами многочисленных перестроек. Во внутреннем периметре сооружения 1 исследованы конструкция суфы-лежанки с каном-дымоотводом, шесть отопительных тандыров и двухуровневый камин. В сооружении 2 – ранняя и поздняя суфы с канами, четыре тандыра, камин и очаг.

Стратиграфические наблюдения за период археологических исследований раскопа VIII с уверенностью позволяют говорить о двух жилых комплексах сооружений 1 и 2, которые функционировали продолжительное время. Доследования нижних слоев внутреннего периметра этих построек позволяют с большой долей вероятности утверждать, что стены наземного каменного сооружения 2 изначально построены в начале–первой половине XIII в. На это явно указывают капитальные

стены, адаптированные к условиям ландшафта, и высокое качество их возведения. Здесь следует отметить, что южная стена сооружения и контрфорс стоят на слоях частично выбранных кладок более раннего периода. Артефакты из нижних слоев этого сооружения также не противоречат предложенной хронологии постройки здания. Следующий период этой постройки укладывается в пределы второй половины/конца XIII – XIV в. На это указывает конструктивная особенность внутри постройки отопительных систем – со встроенными в суфы-лежанки тандырами и канами-дымоотводами. Жилища с такими конструктивными особенностями получили распространение в Крыму не ранее второй половины – конца XIII в. Этот период отмечен многочисленными следами внутренних и внешних перестроек. В сооружении 2 вначале отопительная конструкция была построена в восточной части помещения, а впоследствии была перенесена в западную часть. В южной стене жилища сделан проем выхода во двор, который обнесен каменным забором. Внутренняя площадь двора выложена вымосткой из плоского камня, а во дворе находился тандыр для приготовления пищи в летний период. Каменная вымостка двора перекрывала слои, которые насыщены древесным углем, пеплом, камнями, костями животных и рыб, многочисленными фрагментами гончарной и стеклянной посуды. Следующий и последний период обитания жилища связан с камином, встроенным в западную стену, и печью 1, которая своим основанием стоит на поде раннего тандыра. Отсюда становится ясным, что более ранняя отопительная система суфы уже не работала. Примерно такая же ситуация наблюдается в конструкции наземного сооружения 1. Однако к остаткам ранней постройки можно осторожно отнести северную стену, которая пристроена без связки к восточной стене сооружения 2, и частично восточную стену, которая составляет угол в связку с другой кладкой. Открытое сооружение 3 представляет какой-то промежуточный хронологический отрезок. Все остальные внутренние конструкции сооружения 1 связаны с последующими хронологическими этапами.

В заключение можно уверенно сказать, что на самом позднем хронологическом этапе этих сооружений отопительная система суф с тандырами и канами уже не функционировала. Для обогрева жилищ в это время использовали открытый огонь. Сооружение 1 отапливалось камином, а сооружение 2 – камином и печью. Велика вероятность, что смена отопительных систем произошла после оттока населения и некоторого запустения строений. Впоследствии жилища вновь стали обитаемы, пока не были окончательно заброшены в первой четверти – середине XVI в.

Здесь следует подчеркнуть, что наземные жилые постройки 1 и 2 своим основанием стоят на более ранних культурных напластованиях. В этих слоях на всей территории южной части раскопа VIII залегают остатки разрушенных каменных сооружений. Большая часть выявленных остатков фрагментарна, а вычислить их границы и общую площадь пока не представляется возможным.

В южной части раскопа частично открыто большое сооружение – в плане прямоугольной формы, длинной осью (более 10 м) вытянуто с востока на запад. В слоях заполнения постройки и восточнее нее обнаружено большое количество фрагментов тарной посуды X–XII вв. Столовая посуда немногочисленна, но представлена яркими образцами импорта и хронологически не выходит за пределы XII в. В этих же слоях обнаружены различные предметы из камня, железа, бронзы, свинца, стекла и кости.

В южной части восточной прирезки раскопа также открыты фрагменты поздних и ранних сооружений. В заполнении этих построек на разных уровнях прослежены материальные остатки позднего тандыра. Ниже уровнем, у каменной кладки, под каменной плитой-крышкой стоит *in situ* буроглиняный пифос, украшенный прорезным геометрическим орнаментом и налепным валиком с пальцевыми вдавлениями. В северной части прирезки открыта верхняя терраса с фрагментами фундаментов и стен поздних каменных построек. Одно из сооружений выражено северо-восточным углом с фрагментами кладки стены в елку, угол другого – крупными валунами основания фундамента. Под основанием этих строений обнаружены ранние слои с развалами тарной посуды. Особый интерес представляет археологически целая амфора IX–

X вв., обнаруженная *in situ*. Южнее подпорной стены в каменном завале, среди многочисленных фрагментов гончарной посуды XIII–XV вв. найдены стеклянная линза и фрагмент бронзового ювелирного молоточка.

Керамический материал раскопа VIII представлен разнообразной неполивной и поливной посудой разных эпох. Вся рассмотренная посуда гончарная. В переотложенных слоях изредка встречается керамический материал таврского и позднеримского времени. Заполнение жилых комплексов позднего периода насыщено многочисленными фрагментами тарной и столовой посуды XIII – рубежа XV–XVI вв. Обращает на себя внимание посуда, не характерная для средневековой Сугдеи. Есть основание считать ее ближним и дальним импортом.

Нумизматический материал составляют разнообразные в культурном и хронологическом диапазонах монеты из слоев и сооружений раскопа. Монетные находки предварительно позволяют отнести слои раскопа ко времени не ранее X – конца XV в.

АРБАЛЕТ, БАЛЛИСТА, ТРЕБЮШЕ НА ВООРУЖЕНИИ ГАРНИЗОНА ГЕНУЭЗСКОЙ КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО XIV–XV ВЕКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 1999–2013 ГОДОВ)

© 2014 г. С.В. Дьячков

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Харьков, Украина (dyachkov_sv@mail.ru)

Ключевые слова: Генуэзская Газария, Чембало, метательное оружие, арбалет, баллиста, требюше.

Резюме. В статье рассматриваются археологические свидетельства об использовании метательного оружия гарнизоном генуэзской крепости Чембало в XIV–XV вв. Последовательно анализируются данные об использовании арбалета, баллисты и требюше. В ходе раскопок 2013 г. было обнаружено более 2,5 тыс. арбалетных болтов. На вооружении крепости находились также баллисты – метательные машины. Тяжелой метательной артиллерией чембальского гарнизона были машины типа требюше. В пользу этого предположения свидетельствует «арсенал» каменных ядер, который был обнаружен во время раскопок консульского замка крепости. Общий вес арсенала достигает 7,5 т. Таким образом, гарнизон крепости Чембало накануне османского завоевания имел разнообразное метательное оружие, которое отвечало требованиям того времени.

В истории военного дела «осень средневековья» (XIV–XV вв.) характеризуется «сосуществованием» метательного и огнестрельного оружия. Дальнейшее изучение вооружения позднего средневековья, как представляется, лежит в плоскости накопления и осмысления данных археологических раскопок конкретных памятников.

Новые материалы, накопленные в результате археологических исследований Чембало, заслуживают внимания в плане изучения особенностей военного дела генуэзских колоний в Крыму. Известно, что крепость и колония Чембало (ныне Балаклава) занимала стратегически важное место в системе крымских владений Лигурийской республики. Данные раскопок указывают на использование гарнизоном крепости различных видов метательного оружия, которое упрощенно можно разделить на личное, индивидуальное оружие (праща, дротик, лук, арбалет) и метательную артиллерию (баллиста и требюше). Настоящая работа посвящена данным о применении воинами арбалета, баллисты и требюше –

наиболее эффективных и распространенных в то время видов метательного оружия.

Арбалет. Арбалетчики составляли основу гарнизонов в колониальных владениях Генуи. Из Устава для генуэзских колоний в Черном море 1449 г. известно, что в крепости Чембало предписывалось иметь «40 стрелков хороших и надежных со своим оружием и двумя баллистами у каждого» (Устав …, 1863. С. 785).

Раскопками на территории крепости Чембало до 2013 г. было обнаружено около 70 наконечников арбалетных стрел (болтов). Практически все находки сделаны во время раскопок оборонительных объектов крепости: башни 1 и 2, пространства между этими башнями, а также на территории к западу от донжона цитадели.

Летом 2013 г. объединенная археологическая экспедиция Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина во время раскопок башни 5, расположенной на северном склоне г. Кастрон на территории города св. Николая, обнаружила остатки крепостного арсенала арбалетных стрел.

Общее количество болтов из слоя 2 составило 2247 шт. (подсчет велся по количеству сохранившихся боевых головок наконечников). Помимо этого найдено 572 втулки болтов без головок. Слой 2 заполнял внутреннее пространство водосборной цистерны, расположенной на нижнем ярусе башни 5. Данный слой возник в результате обрушения свода цистерны и руин верхних помещений башни. Болты и их фрагменты изрядно коррозированы. Все артефакты нуждаются в реставрации и консервации. Визуальный осмотр позволяет предварительно выделить три типа болтов.

Тип 1. Арбалетный втульчатый бронебойный наконечник. Втулка коническая, сужающаяся кверху, в сечении круглая. Четко выражена боевая головка пирамидального треугольного сечения с треугольной гранью. Каждая грань представляет собой несколько вытянутый равнобедренный, иногда равносторонний треугольник (рис. 1, *1*). Выделяются два условных калибра. Малый калибр: длина – до 60 мм, длина грани головки – 10–12 мм, внешний диаметр втулки – 12–15 мм. Крупный калибр: длина – до 100 мм, длина грани головки – до 15 мм, внешний диаметр втулки – до 18 мм. Раскопками 2013 г. выявлен 1431 болт данного типа. Аналогичные болты обнаружены в генуэзской крепости в Судаке (Майко, 2012. С. 374. Рис. 9, *2–4*).

Тип 2. Арбалетный втульчатый болт. Втулка коническая, сужающаяся кверху, в сечении круглая. Втулка плавно переходит в боевую головку без четко выраженной шейки. Боевая головка имеет пирамидальную форму треугольного сечения с округлыми гранями (рис. 1, *2*). Использование болтов этого типа предназначалось для нанесения тяжелой травмы. Малый калибр: длина – до 50–70 мм, длина грани головки – 10–12 мм, внешний диаметр втулки – 12–15 мм. Крупный калибр: длина – до 100–110 мм, длина грани головки – до 18 мм, внешний диаметр втулки – до 18 мм. В ходе раскопок башни 5 в 2013 г. обнаружено более 500 наконечников данного типа. Болты такого типа выявлены среди материалов генуэзских памятников Чобан-Куле и Фуна (Семин, 2002. С. 214. Рис. 1, *5, 9*).

Тип 3. Черешковые железные наконечники составили самую малочисленную группу среди арбалетных болтов. Выявлено 202 болта (рис. 1, *3*). Необходимо подчеркнуть, что болты этого типа подверглись очень существенной коррозии, поэтому их описание имеет исключительно предварительный характер. Длина болтов типа 3 составляет преимущественно 35–60 мм. Боевая головка, как правило, имеет пирамидальную в сечении форму с тремя гранями в виде равнобедренного треугольника. Общая длина головки составляет 25–45 мм. Шейка головки болтов слабо выражена. Черешок болта короткий (10–25 мм), имеет квадратную в плане форму.

Из письменных источников известно, что в список первоочередных закупок вооружений для усиления крымских гарнизонов протекторы банка св. Георгия в середине XV в. включили 5000 арбалетных стрел (Мыц, 2009. С. 236–237). Визуальный осмотр находок из Чембало не оставляет сомнений в том, что арбалетные стрелы поставлялись в гарнизон централизовано. Находки в слое 2 железных гвоздей позволяют предположить, что болты хранились на втором ярусе башни 5 в деревянных сундуках или на стеллажах. Очевидно, что обнаруженный в Чембало арсенал арбалетных болтов нуждается в специальном

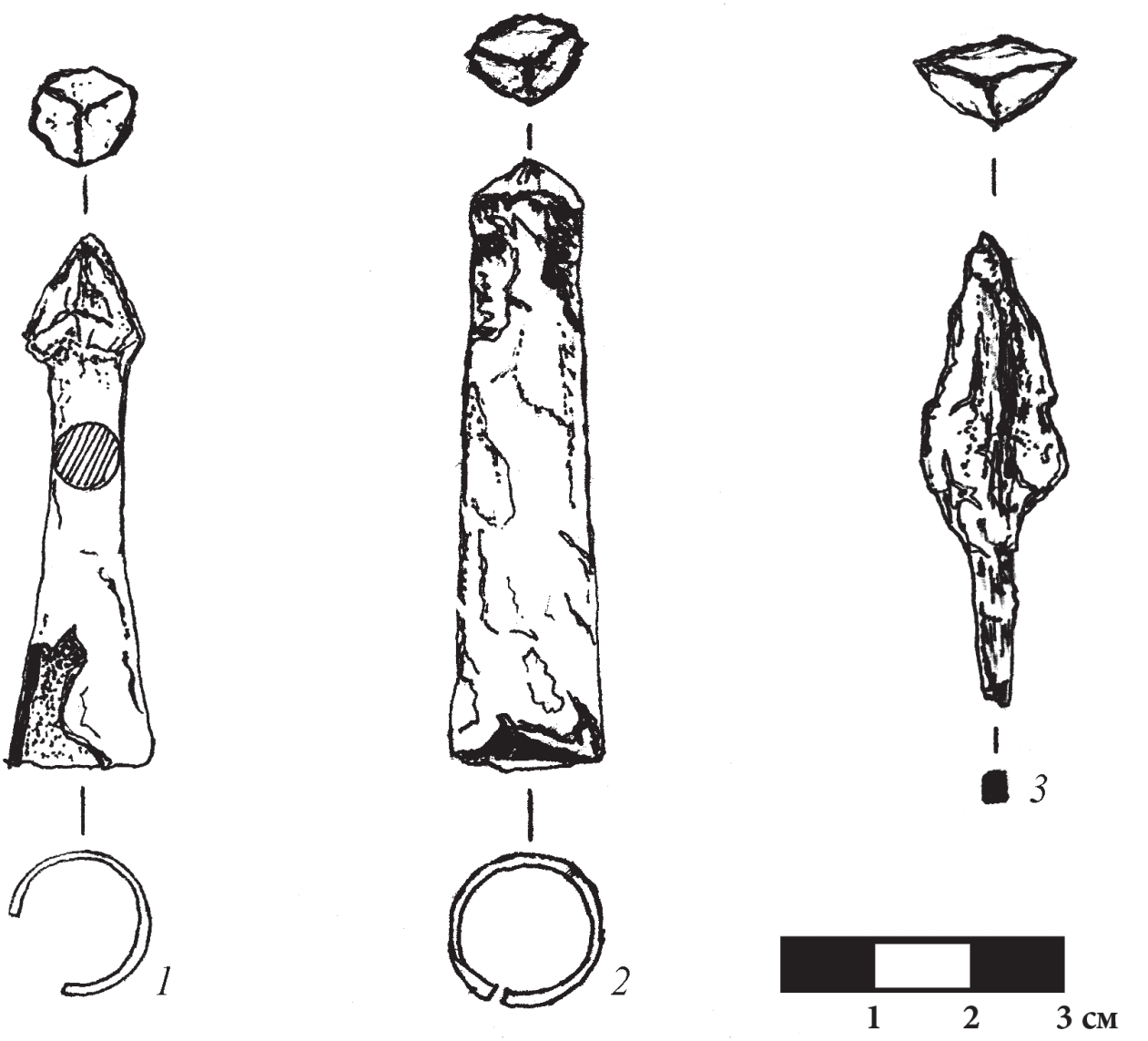


Рис. 1. Типы арбалетных болтов из Чембало. *1* – тип 1; *2* – тип 2; *3* – тип 3.

изучении с использованием математических и естественно-научных методов исследования.

Баллиста. Результаты раскопок показывают, что баллисты состояли на вооружении гарнизона крепости Чембало. Во время раскопок фортификационных сооружений было обнаружено 22 каменных ядра, которые с разной степенью вероятности можно отнести к числу метательных снарядов для баллисты. Они изготовлены из известняка (18 шт.) и песчаника (4 шт.). Среди признаков собственно метательных ядер можно выделить следующие: отсутствие следов копоти, материал и качество обработки снаряда, наличие у ядра опорной площадки, нарушение шаровидной формы.

Размер ядер для баллисты колеблется от 6,6 до 15 см, что позволяет выделить снаряды четырех условных калибров. Наиболее распространенный размер снаряда составляет 8–9 см. Например, ядро, обнаруженное в 2010 г. на дне водосборной цистерны башни 6, расположенной в припортовом районе крепости. Этот известняковый снаряд в форме шара был изготовлен методом частой, мелкой, неровной околки камня. Диаметр снаряда составил 8,9 см, вес – 880 г. Аналогичные снаряды найдены в ходе раскопок крепостей и замков Крыма, Польши и Великого княжества Литовского XIV–XV вв. Известно, что в донесении каффинского чиновника указывается, что накануне османского вторжения крепость нуждалась в двух-трех стрелках из

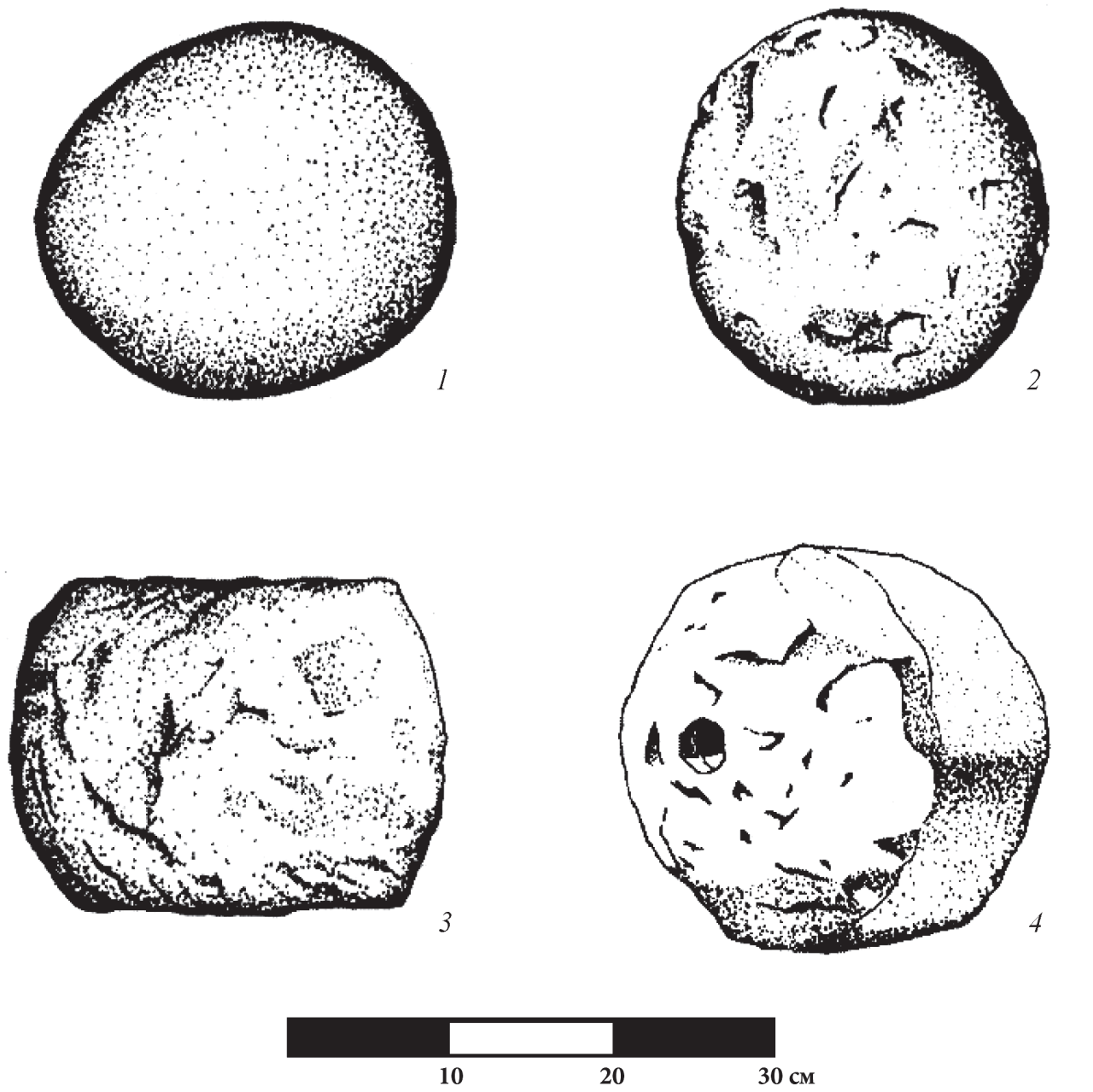


Рис. 2. Каменные ядра (*1–4*) для требюше из раскопок консульского замка Чембало.

баллисты (*duos aut tres magistros balistrorum*) (Мыц, 2009. С. 239).

Требюше. Раскопки участка башни 8 консульского замка крепости Чембало обнаружили запас ядер для большой метательной машины. В османский период истории крепости генуэзские метательные снаряды были уложены в кладку стен хозяйственной постройки. В процессе демонтажа стен помещения и раскопок прилегающего участка обнаружено 208 каменных ядер из местного мраморовидного известняка, диорита («морского камня»), известняка, а также из барабанов мраморных колонн, вероятно, античного времени (рис. 2, *1–4*). Преобладали снаряды весом от 20 до 70 кг с диаметром преимущественно 25–40 см. Общий вес ядер превысил 7,5 т (Дьячков, 2011. С. 214). Раскопками открыта площадка-платформа площадью 25 м^2 для установки камнемета типа требюше (Дьячков, 2008). В 2010 г. раскопки заполнения цистерны башни 6 в припортовом районе города обнаружили два больших ядра для камнемета типа требюше.

Таким образом, данные раскопок свидетельствуют, что для защиты крепости Чембало генуэзцы использовали мощные метательные машины типа требюше как средство

активной обороны. Представляется, что одна из метательных машин была установлена на северном склоне горы Кастрон; она предназначалась для борьбы с вражескими кораблями и препятствовала проникновению их в бухту крепости. Еще один камнемет использовался для артиллерийского контроля внутренней акватории бухты и располагался на верхней площадке башни-цистерны 6. Камнеметные дуэли между осажденной крепостью и кораблями противника хорошо известны в истории войн средневековья.

Данные археологических исследований позволяют утверждать, что гарнизон генуэзской крепости Чембало в необходимом объеме был вооружен современным на то время метательным оружием, которое обеспечивало высокий уровень обороноспособности крепости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дьячков С.В. Площадка для метательной машины генуэзской крепости Чембало (XIV–XV вв.) // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков: НТМТ, 2008. С. 84–85.

Дьячков С.В. О метательном оружии гарнизона генуэзской крепости Чембало (XIV–XV вв.) // Древности–2011. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 10. Харьков: НТМТ, 2011. С. 206–226.

Майко В.В. Стратиграфические исследования на участке квартала I Судакской крепости в 1997 г. // Сугдейский сборник. Вып. V. Мат-лы конф. Киев; Судак: Горобец, 2012. С. 363–393.

Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.

Семин С. Средневековое вооружение Крыма второй половины XIII – XV в. Арбалет (по материалам археологических раскопок) // Оръжие и снаряжение през късната античност и средновековието IV–XV в. София: Археологически музей Варна, 2002. С. 213–220 (Acta musei Varnensis; I).

Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 году / Латинский текст и пер. с пред. и прим. В.Н. Юргевича // Записки Одесского об-ва истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863. С. 632–836.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ УКРЕПЛЕНИЯХ НИЖЕГОРОДСКОГО ДЕТИНЦА XIII–XV ВЕКОВ

© 2014 г. И.О. Еремин[1], И.В. Ануфриева[2]

[1] Нижегородский историко-архитектурный музей-заповедник, Нижний Новгород (yeromin@inbox.ru)
[2] Музей Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород (anufrieva.i@yandex.ru)

Ключевые слова: Нижний Новгород, кремль, укрепления детинца, русское оборонное зодчество, XIII–XV вв.

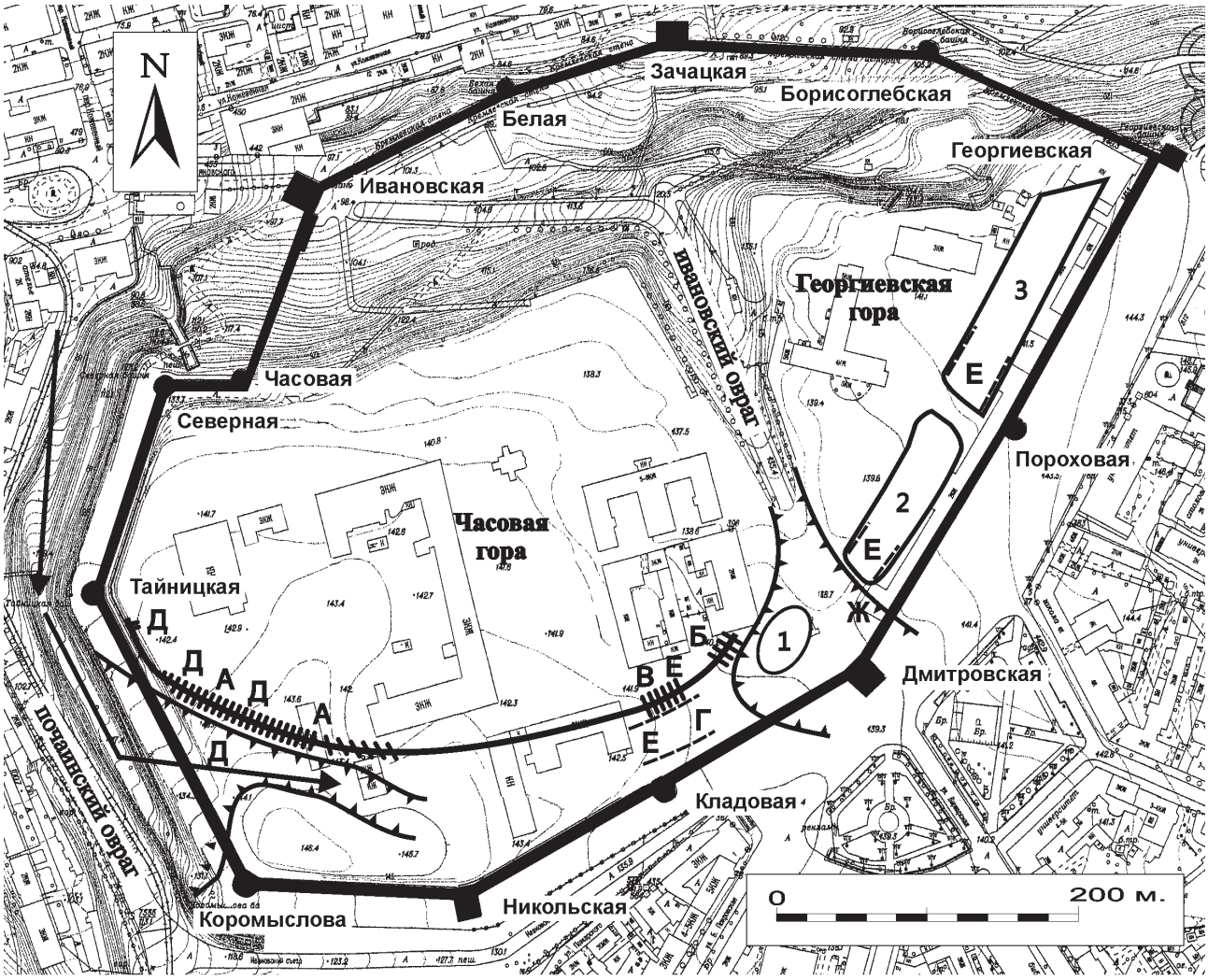
Резюме. В статье прослеживается история открытия первоначального нижегородского детинца. Архивные изыскания помогли выявить местоположение дерево-земляных укреплений, которые в 2007–2012 гг. были исследованы археологами. Радиоуглеродные датировки соответствуют летописным данным о времени строительства укреплений Нижнего Новгорода.

Нижний Новгород был основан в 1221 г. как восточный форпост Владимиро-Суздальского княжества. Первоначальные укрепления нижегородского детинца состояли из земляного вала, по верху которого проходила деревянная стена, и рва. В начале XVI в. были возведены каменные стены и башни, существующие до настоящего времени. Новый кремль строился снаружи периметра древних укреплений, и таким образом оборона города ни на один день не была ослаблена. (Агафонов, 1976. С. 63–65).

В настоящее время на местности не прослеживается контур валов и рвов первоначального детинца. В 1959 г. архитектором С.Л. Агафоновым выдвинута гипотеза о местоположении древних укреплений. Он обратил внимание на искусственный характер двух продолговатых углублений в юго-восточной части кремля, показанных на ряде планов XVIII в., и предположил, что они так же, как и засыпанный в середине XIX в. пруд Сарка (см. *рисунок, 1*), были остатками древнего рва (Агафонов, 1976. С. 65). Конфигурация укреплений, по мнению С.Л. Агафонова, представляла собой дугу, упирающуюся концами в бровки берегового откоса. В дальнейшем это предположение было подтверждено археологическими исследованиями В.Ф. Черникова *(см. рисунок, А)* 1963, *1965, 1973, 1974 гг.* (2010. С. 117).

В 1989 г. археологом Т.В. Гусевой обнаружены остатки вала *высотой около 1,5 м* и рва к северо-западу от Дмитровской башни (см. *рисунок, Б*). В ходе раскопок выявлены следы внутривальной деревянной конструкции *в виде полосок тлена*, состоящей из отдельных клетей, заполненных переотложенным материковым грунтом. Ширина деревянного каркаса вала – около 6 м. *Максимальная сохранившаяся высота остатков клетей – 9 венцов, ширина между стенками – 1 м*. Под валом обнаружен слой погребенной почвы. *По керамическому материалу вал был датирован XIII в.* Направление в раскопе полос клетей почти по линии С–Ю дало Т.В. Гусевой основание считать, что вал не пересекал Ивановский овраг, а шел по кромке его западного берега в сторону р. Волги (Гусева, 1989).

В 1994 г. при исследовании шурфа археологом И.А. Очеретиным (см. *рисунок, Г*) к северу от прясла Дмитровская – Кладовая *на глубину до 3,8 м* были зафиксированы напластования *XVIII–XX вв.* Предположительно



-древние овраги (по плану 1834 г. и данным геологии);

-остатки вала (по данным археологических исследований);

-остатки вала (по плану 1834 г.);

-предполагаемая дорога;

-местоположение рва (по данным археологических исследований).

Укрепления нижегородского детинца XIII–XV вв. *1* – пруд Сарка (по плану 1834 г.); *2, 3* – «сухой, копаный пруд» по плану конца XVIII в. Участки археологических исследований. *А* – В.Ф. Черников (1963, 1965, 1973, 1974); *Б* – Т.В. Гусева (1989); *В* – Т.В. Гусева (2003), Ю.В. Зарубин (2005); *Г* – И.А. Очеретин (1994); *Д* – И.О. Еремин (2007); *Е* – Е.В. Четвертаков (2009, 2010); *Ж* – З.Г. Шакиров (2008), И.С. Аникин (2012).

шурф оказался на месте древнего рва (Очеретин, 1994).

В 1993 г. археологом И.О. Ереминым обнаружены дополнительные историко-архивные материалы, свидетельствующие в пользу версии С.Л. Агафонова: на плане кремля XVIII в. пруд Сарка был назван «копаной», а соседние продолговатые углубления вдоль прясла Дмитровская – Георгиевская обозначены, как «сухой копаной пруд» (см. *рисунок, 2, 3*) (Еремин, 1994. С. 128–129).

Позднее мощные пласты переотложенного материкового грунта, интерпретированные как остатки вала, были зафиксированы Т.В. Гусевой и Ю.В. Зарубиным в 2003 и 2005 гг. на участке к северу от Кладовой башни (см. *рисунок, В*) (Зарубин, 2005).

На некоторых планах кремля конца XVIII – начала XIX в. в юго-западной его части показан обширный овраг на участке прясла между Тайницкой и Коромысловой башнями (Геометрический план…; План Нижегородского кремля). На плане 1834 г. вдоль склона этого оврага отображен обратный перепад рельефа, предположительно, являющийся остатками вала (План части крепости…). Глубина оврага, по данным геологических исследований, составляет до 12,5 м от уровня современной дневной поверхности.

Именно вдоль склона этого оврага удалось проследить остатки дерево-земляных укреплений при раскопках И.О. Еремина 2007 г. (см. *рисунок, Д*). Остатки укреплений выявлены на достаточно протяженном участке (около 40 м). К сожалению, они уцелели фрагментарно, будучи разрушенными в результате поздней строительной деятельности. На других участках местоположение укреплений удалось зафиксировать только по отсутствию застройки XIII–XV вв.

Почти полностью в плане была выявлена только одна из рубленых клетей внутривальной конструкции. Клеть имела форму неправильного прямоугольника шириной (перпендикулярно валу) 4 м, длиной 2,5 м (по внешней линии вала) и 1,8 м (по внутренней линии вала). Неправильная форма клети объясняется тем, что она была выявлена в месте, где вал делает поворот вдоль Почаинского оврага. К западу от выявленной клети дерево-земляные укрепления срезаны, очевидно, при строительстве каменного кремля в начале XVI в.

На других участках удалось обнаружить только следы древесного тлена, следующие перпендикулярно оврагу. Остатки клетей здесь имеют форму правильных прямоугольников длиной 3,7 м и 4 м. Ширина клетей полностью не прослеживается.

Большая часть остатков вала обнаружена, к сожалению, уже на пологом склоне оврага в смещенном от своего первоначального положения состоянии. Выявленные в теле смещенного вала полоски древесного тлена расположены на разном уровне достаточно хаотично, в основном, параллельно линии оврага. Длина их составляет до 4 м, остаточная ширина – 10–15 см. Не вызывает сомнения, что подобные следы могли образоваться только в результате разрушения городни срубного типа. Максимальное количество полосок тлена, каждая из которых соответствовала бревну сооружения, составляет 46. На другом участке в 40 м к югу от Тайницкой башни уцелела только часть тыльной стороны вала.

Максимальная сохранившаяся высота вала составляет 1,4 м. Ширину вала в подошвенной его части определить можно только по расстоянию от внешней части обнаруженной клети до остатков ближайшего сооружения XIV–XV вв., составляющему 15 м. Таким образом, ширина вала в подошвенной его части не превышала 10–12 м. Очевидно, что на этом участке, имеющем с запада естественную защиту в виде Почаинского оврага высотой до 70 м и с юга оврага глубиной до 13 м, мощные надземные укрепления не требовались. На участке, более удаленном от склона Почаинского оврага, расстояние от склона оврага до ближайших сооружений древнерусского времени возрастает до 22 м, что, возможно, объясняется увеличением мощности укреплений на этом участке.

Получена серия радиоуглеродных датировок, соответствующая летописным данным о времени строительства дерево-земляных укреплений Нижнего Новгорода: почва поверх тела вала – 1281–1369 гг. или 1271–1401 гг.; уголь в конструкции вала – 1219–1268 гг. или 1174–1281 гг.; уголь в основании вала – 1194–1260 гг. или 1167–1266 гг.

В 2009–2010 гг. археологами Е.В. Четвертаковым и И.В. Ануфриевой были исследованы остатки рва к востоку от Дмитровской башни и к северу от Кладовой башни (см. *рисунок, Е*). Ширина рва к северу от Пороховой башни превышала 32 м. К северу от Кладовой башни в шурфе были выявлены остатки вала, сохранившиеся на высоту около 1,2 м. Внутри насыпи были прослежены в виде тонких прослоек тлена остатки внутривального деревянного каркаса, состоящего из линий заполненных грунтом прямоугольных клетей шириной около 1 м каждая. Клети на участке шурфовки были ориентированы по линии СВ–ЮЗ почти параллельно стене кремля (Ануфриева, Четвертаков, 2012. С. 15–17).

В 2008 г. раскопками З.Г. Шакирова и 2012 г. раскопками И.С. Аникина (см. *рисунок, Ж*) было установлено, что Ивановский овраг продолжался в южном направлении и, вероятно, выходил за пределы кремля (сведения получены от З.Г. Шакирова и И.С. Аникина).

Вдоль Почаинского оврага по склону в настоящее время проходит пешеходная дорожка, начинающаяся в пойме Волги под Северной башней и выходящая на вершину кремлевского холма у Коромысловой башни. Нижняя часть оврага, вдоль которого проходили укрепления дерево-земляного детинца, судя по современным геологическим данным, выходила на уровень этой дорожки. Возможно именно здесь могла проходить древняя дорога, ведущая от пристаней и торга на верхний посад.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агафонов С.Л. Нижегородский кремль. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1976. 136 с.

Ануфриева И.В., Четвертаков Е.В. Новые археологические материалы по топографии укреплений нижегородского детинца // Культурный слой. Вып. 1. Н. Новгород: Изд-во Нижегор. ун-та, 2012. С. 11–18.

Геометрический план крепости Нижнего Новгорода. Конец XVIII в. // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 22226.

Гусева Т.В. Отчет об археологических работах в исторической части г. Горького в 1989 г. // Архив ИА РАН. 1989. Р-1. № 14060, 14061, 14062.

Еремин И.О. Новые данные о месторасположении древо-земляных укреплений Нижегородского кремля // Памятники истории, культуры и природы Европейской России. Тез. докл. Н. Новгород: Изд-во Нижегор. ун-та, 1994. С. 128–129.

Зарубин Ю.В. Отчет об охранных археологических работах в Нижнем Новгороде и исторических поселениях Нижегородской обл. в 2005 г. // Архив ИА РАН. 2005. Р-1.

Очеретин И.А. Отчет о проведении археологических раскопок на территории Нижегородского кремля в 1994 г. // Архив ИА РАН. 1994. Р-1. № 18417.

План нижегородского кремля. 1816 г. // РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 8.

План части крепости в Нижнем Новгороде. 1834 г. // Нижегородский историко-архитектурный музей заповедник. Фонды.

Черников В.Ф. К вопросу о датах строительства дерево-земляных укреплений в Новгороде Нижнем // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 12. Н. Новгород: Изд-во Нижегор. ун-та, 2010. С. 104–122.

Четвертаков Е.В. Отчет об охранных археологических работах в г. Нижнем Новгороде на территории кремля у здания Арсенала в 2009 г. // Архив ИА РАН. 2009. Р-1.

Четвертаков Е.В. Отчет об охранных археологических работах в г. Нижнем Новгороде на территории кремля в 2010 г. // Архив ИА РАН. 2010. Р-1.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУЗНИЦЫ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

© 2014 г. Е.А. Жирных

Угорский научно-исследовательский центр Уральского федерального университета, Екатеринбург (Evgenzh81@gmail.com)

Ключевые слова: железообработка, кузница, кузнечный горн, наковальня, карымский период.

Резюме. В работе изложено краткое обобщение изученных на территории Северо-Западной Сибири объектов железообработки (кузниц) периода раннего и позднего средневековья.

Средневековое железообрабатывающее производство на территории рассматриваемого региона – одна из наименее изученных тем. Во многом это связано с тем, что объекты, которые можно было бы уверенно интерпретировать как средневековые кузницы и горны, на памятниках фиксируются нечасто. В настоящее время опубликованы результаты исследования лишь нескольких подобных объектов.

Наиболее ранние хронологически кузницы были выявлены в ходе археологических раскопок селищ Сартым-урий-16 и 17 и городища Сартым-урий-18. Эта группа памятников, расположенная в Сургутском р-не ХМАО-Югры поблизости от пос. Угут, исследовалась в течение 11 полевых сезонов. В 2000–2002, 2004–2008, 2010–2012 гг. под руководством Ю.П. Чемякина, в 2007 и 2008 – Т.Ю. Фефиловой (Чемякин, Борзунов, 2013. С. 60). Две кузницы были исследованы на селище Сартым-урий-16, одна на селище Сартым-урий-17 и одна на городище Сартым-урий-18.

Кузницы, изученные на селище Сартым-урий-16, представляли собой отдельные подпрямоугольные в плане, слабо углубленные в грунт постройки размерами 1,45 х 2,1 и 3,1 х 2,2 м (Борзунов, Чемякин, 2013. С. 52). Внутри кузниц обнаружены остатки кузнечных горнов, железные шлаки, уголь и окалина.

Кузница, обнаруженная на селище Сартым-урий-17, представляла собой прямоугольную в плане постройку размерами 3,5 х 2,1 м, углубленную на 0,1–0,12 м (Борзунов, Чемякин, 2013. С. 51). Внутри объекта находился горн, в котором сохранилось ошлакованное сопло (Чемякин, 2006. С. 207–213. Рис. 1, 2).

На городище Сартым-урий-18 кузница была устроена в жилище 8. В ней сохранились следы небольшой печи, ошлакованное сопло и большая гранитная плита-наковальня (Борзунов, Чемякин, 2013. С. 51). Все четыре исследованные кузницы датируются авторами раскопок карымским периодом, т.е. относятся к III–IV – началу VI в. н.э., на сегодняшний день это самые ранние известные металлургические железообрабатывающие комплексы на территории рассматриваемого региона.

Наиболее поздние кузницы были исследованы в ходе раскопок городища Ендырского I (Эмдер), расположенного в Октябрьском р-не ХМАО-Югры на р. Ендырь. Работы, в ходе которых обнаружены и исследованы две кузницы, проводились в 1995, 1999 и 2001 гг. Авторами раскопок городка Эмдер выделено 10 строительных горизонтов, сменявших друг друга (Зыков, Кокшаров, 2001. С. 14). Кузницы изучены в напластованиях 7 и 9-го горизонтов, и по материалу и стратиграфии датируются XV–XVI вв.

Кузница, исследованная в напластованиях строительного горизонта 7, представляла собой подпрямоугольную в плане постройку. На полу объекта обнаружены отдельные обугленные плахи пола, камни, очаг и кузнечный горн. Также внутри найдены кузнечный моло-

ток и куски железного шлака (Зыков, Кокшаров, 2002. С. 114–116. Ил. 3).

Кузница строительного горизонта 9 представляла собой остатки наземного срубного дома размерами 4,7 х 4,7 м. Внутри зафиксированы кузнечный горн, остатки железной наковальни в виде скопления окалины и крупных камней, многочисленные железные изделия, в том числе и явный брак (Зыков, Кокшаров. 2001. С. 48–50. Рис. 23; Кокшаров, Зимин, 2010. С. 256).

Кроме кузниц, исследованных в Октябрьском и Сургутском р-нах ХМАО-Югры, в литературе упоминаются объекты, которые также могли иметь отношение к железообработке региона. В частности, существует предположение, что на городище Низямы V в 1984 г. был открыт дом металлурга (Морозов, Пархимович, Шашков, 1995. С. 41). Но в связи с тем, что авторами раскопок этот объект был датирован в довольно широком диапазоне IV–XI вв. и по причине отсутствия в жилище несомненных фактических подтверждений следов железообработки, эти данные требуют более детального изучения и проверки.

Таким образом, в настоящее время на рассматриваемой территории известно только шесть объектов периода средневековья, которые могут быть достоверно и уверенно интерпретированы как кузницы. Заметим, что на многих средневековых памятниках в разрушениях культурного слоя (норы животных, грабительские ямы) довольно часто фиксируются следы железной окалины и шлака. Это позволяет сделать вывод о том, что на памятниках вполне могут находиться остатки кузниц, горнов и других объектов железообработки. Также следует отметить, что деревянные конструкции, железная окалина и остатки горнов на позднесредневековых памятниках в процессе археологизации спрессовываются в древесный тлен, щепу и фрагменты глиняной обмазки и исследовать объекты представляется возможным только в том случае, если раскопки ведутся методом горизонтальных зачисток с последующей тщательной расчисткой обнаруженных остатков сооружений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские поселения таежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 45–55.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург: Волот, 2001. 320 с.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Итоги изучения Эмдера в 2002 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 1. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2003. С. 110–136.

Кокшаров С.Ф., Зимин А.Н. Остатки средневековой кузницы на реке Ендырь // III Северный археологический конгресс. Тез. докл. Екатеринбург: ИздатНаукаСервис, 2010. С. 256–257.

Морозов В.М., Пархимович С.Г., Шашков А.Т. Очерки истории Коды. Екатеринбург: Волот, 1995. 192 с.

Чемякин Ю.П. Раннесредневековые кузни на севере Западной Сибири // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. Мат-лы конф. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 207–213.

Чемякин Ю.П., Борзунов В.А. Итоги исследования средневековых поселений на протоке Сартым-урий в зоне хозяйственного освоения Угутского месторождения нефти // Древнее наследие средней Оби на территории хозяйственного освоения ООО «РН-Юганскнефтегаз». Нефтеюганск; Екатеринбург: Магеллан, 2013.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗБОРСКОЙ КРЕПОСТИ

© 2014 г. Т.Ю. Закурина

Археологический центр Псковской области, Псков
(tanyazak@list.ru)

Ключевые слова: Изборская крепость, захаб, крепостной ров, башня, строительная периодизация.

Резюме. В публикации представлены некоторые результаты археологических исследований Изборской крепости, проводившихся в связи с подготовкой проекта ее реставрации в 2001–2001, 2007–2013 гг. Изучено более 1800 м^2 культурного слоя памятника, получено более 1700 индивидуальных находок. Открыт ранее неизвестный крепостной ров, изучены Талавский и Никольский захабы, башня Плоская и другие объекты. Получены новые материалы для датировки отдельных частей крепости. Результаты исследований дают основание для пересмотра некоторых вопросов строительной периодизации памятника.

Изборская крепость – выдающийся памятник русской оборонной архитектуры XIV–XVII вв. со сложной строительной историей. С первой трети XIV до конца XVII в. крепость содержалась в боевой готовности, неоднократно достраивалась и ремонтировалась. Следы реконструкций и ремонтов сохранились в составе ее сооружений, что является важнейшей особенностью памятника.

Несмотря на довольно объемную историографию, до настоящего времени остаются дискуссионными вопросы строительной периодизации и хронологии отдельных частей крепости, в частности захабов. Вопросам строительной периодизации Изборской крепости посвящены работы ведущих специалистов в области крепостного зодчества: П.А. Раппопорта (1952) и В.В. Косточкина (1959, 1962). К ним обращались также исследователи крепости В.В. Седов (1988, 1993) и А.Р. Артемьев (1998).

Изборская крепость неоднократно привлекала внимание археологов. Первые в истории крепости археологические раскопки были проведены в 1910–1911 гг. В 50-80-е гг. XX в. небольшие по площади раскопы здесь закладывали Г.П. Гроздилов, В.Д. Белецкий, М.А. Миролюбов, Ю.Б. Бирюков. Многолетние стационарные раскопки в северной части крепости в 1970–1980-е гг. проводились под руководством В.В. Седова и А.Р. Артемьева. Исследователями разработаны проблемы стратиграфии и хронологии крепости, сделаны важные наблюдения по ее строительной периодизации. В составе культурных отложений было выделено четыре слоя, прослежено три горизонта застройки. Отложения начального освоения площадки холма датированы второй половиной XIII в. (Артемьев, 1998).

В начале 2000-х гг. Псковским филиалом Института «Спецпроектреставрация» разрабатывался «Проект консервации и частичной реставрации памятника архитектуры XIV–XVI вв. Изборская крепость», в основу которого легли архитектурные обмеры, архивные изыскания, инженерно-геологические исследования, историко-архитектурный опорный план.

Одним из направлений работы стали археологические исследования, проводившиеся в 2001–2002 гг., а затем в связи с доработкой проекта – в 2007–2013 гг. Программа их реализации была полностью обусловлена основной задачей, связанной с подготовкой проекта. Работами руководили сотрудники Псковского археологического центра Т.Ю. Закурина и С.В. Степанов. В ходе исследований были открыты новые объекты, такие как ров с напольной стороны, мостовые и дренажные системы в юго-восточной части крепости, изучены остатки башен Плоской и Георгиевской, Никольский и Талавский захабы. Об-

щая площадь раскопок к настоящему времени составила более 1800 м^2, коллекция находок представлена более чем 1700 экземпляров (см. *рисунок*).

В соответствии с программой проекта особое внимание было уделено изучению въездных устройств – Талавского и Никольского захабов. В истории Талавского захаба было прослежено четыре строительных периода. Исследования показали, что скорее всего захаб был задуман и построен вместе с северной крепостной стеной, т.е. в первой трети XIV в. В период коренной реконструкции крепости, когда были возведены все башни с западной (напольной) стороны, в Талавском захабе также сооружается башня. Не исключено, что на этом этапе захаб теряет функцию въездного устройства. Позднее в период сооружения прикладов к крепостным стенам проводится реконструкция башни и внутренних ворот. Во второй половине XVI в. строится новая каменная наружная стена захаба (Закурина, 2001; Гофман, Закурина, 2004).

Раскопки западной и центральной частей Никольского захаба проводились сплошной площадью (Закурина, 2011; Степанов, 2012а, б). Изучены наружные ворота въездного устройства, стены и башня Плоская, входившая в его систему. В кладке наружной стены прослежено два датируемых строительных периода. Нижняя часть кладки документирует первоначальный этап строительства захаба. Материалы раскопок позволяют отнести время ее возведения к рубежу XIV–XV вв. Таким образом, появление Никольского захаба может быть связано с важнейшим этапом реконструкции крепости конца XIV в., выделенным В.В. Косточкиным.

Граница второго строительного периода стены четко обозначена слоем валунов. В составе кладки открыто 16 внутристенных ниш, сложенных в отличие от самой стены из валунов. В пределах коридора захаба выявлены развалы каменно-глиняных печей, топографически и конструктивно связанных с нишами. Именно после перестройки стены

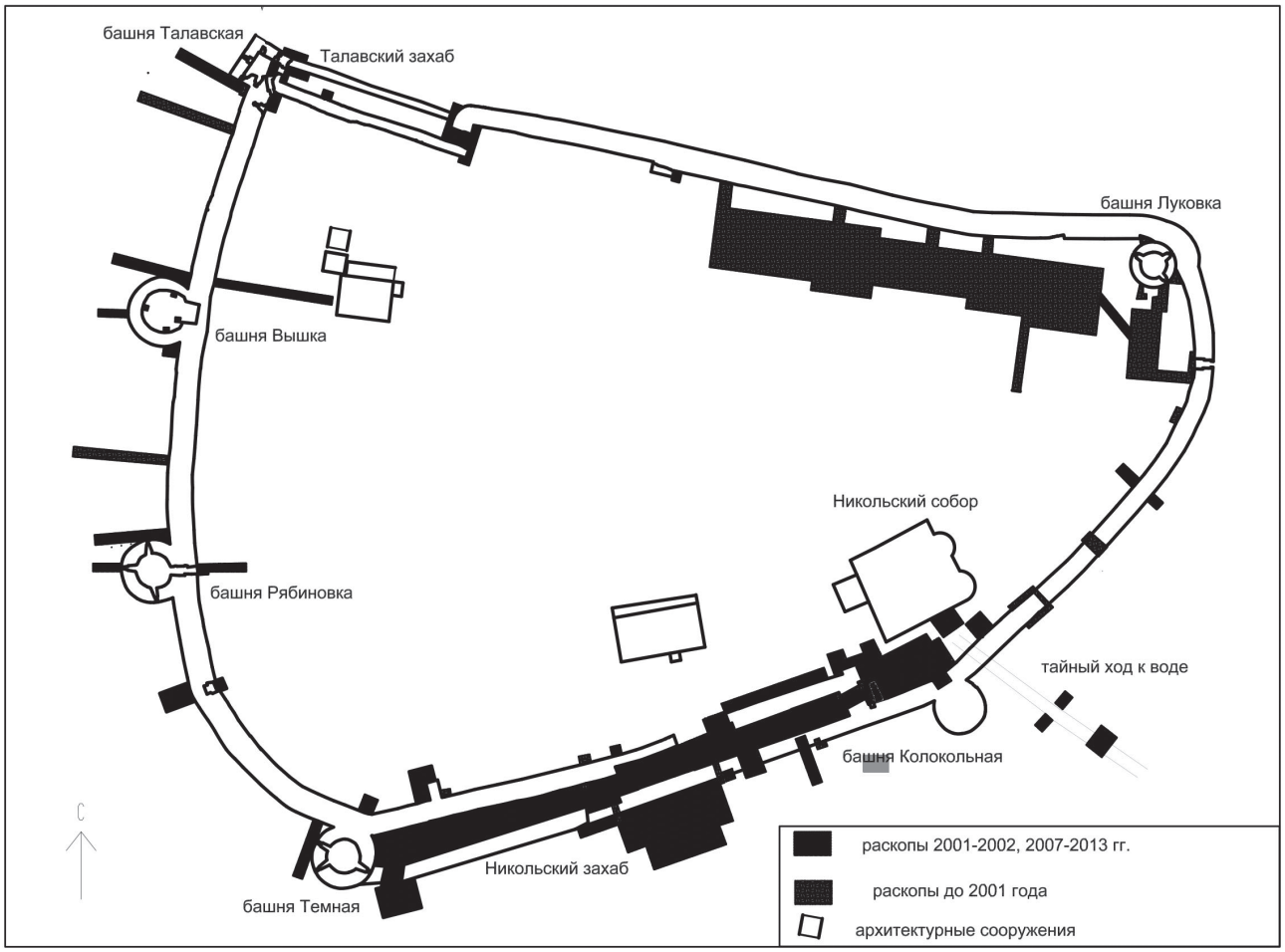


Схема размещения археологических раскопов в Изборской крепости

началось наиболее интенсивное накопление культурных отложений в коридоре захаба. Материалы, полученные из коридора захаба, позволяют датировать время перестройки стены первой половиной – серединой XVI в.

Наряду с Никольским захабом наиболее крупным объектом исследования стала башня Плоская (Закурина, 2011). Башня располагалась в средней части захаба, около 200 лет ее остатки были погребены под землей. Сохранившийся объем сооружения представлен нижними частями стен, фундаментами, помещением первого яруса. Башня была прямоугольной в плане рамзерами 12 х 11 м и имела скругленные юго-восточный и юго-западный углы. В первом ярусе башни были открыты трехпролетная каменная лестница, четыре бойницы подошвенного боя, а также подвальное прямоугольное в плане помещение, в котором располагался деревянный колодец.

В составе сооружений башни выделено два строительных периода. Первоначальные ее части конструктивно связаны со стеной Никольского захаба, и, следовательно, были построены одновременно, очевидно, на рубеже XIV–XV вв. Во второй половине XVI в. после мощного пожара башня была перестроена.

В ходе исследований участков с наружной стороны крепости были открыты ранее неизвестные земляные фортификации (Закурина, 2009; 2011). На расстоянии 3–4 м от крепостных стен прослежен ров, огибавший крепость с западной и южной сторон. Получены убедительные свидетельства того, что ров имел отношение к фортификациям первого строительного периода крепости, т.е. к первой трети XIV в.

Таким образом, результаты изучения захабов Изборской крепости, а также открытие новых земляных фортификаций дают основание для пересмотра некоторых вопросов строительной периодизации памятника.

Как уже отмечалось, археологические раскопки – одно из направлений исследования крепости. Перспективой дальнейшего изучения памятника является комплексный анализ всех полученных в ходе работы над проектом данных: архитектурных и археологических исследований, архивных и инженерно-геологических изысканий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артемьев А.Р. Города Псковской земли XIII–XV вв. Владивосток, 1998. 420 с.

Гофман Г.С., Закурина Т.Ю. Исследование Талавского захаба Изборской крепости (к вопросу о периодизации строительства) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Мат-лы семинара / Отв. ред. В.В. Седов. Псков: Псков. музей-заповедник, 2004. С. 220–236.

Закурина Т.Ю. Отчет об археологических раскопках в Изборской крепости в 2001 г. // Архив ИА РАН. 2001. Р-1.

Закурина Т.Ю. Отчет об археологических раскопках в Изборской крепости в 2009 г. //Архив ИА РАН. 2009. Р-1.

Закурина Т.Ю. Отчет об археологических исследованиях на территории объекта культурного наследия регионального значения «Культурный слой крепости» в д. Изборск, Печорского р-на, Псковской обл. в 2011 г. (раскопы XXXVII, XXXVIII, XL, XLI, XLII, XLIII, XLIV, XLV, XLVI, XLVII, XLVIII, L). Т. 1–5 // Архив ИА РАН. 2011. Р-1.

Косточкин В.В. Строительная биография крепости Изборска // СА. 1959. № 1. С. 124–143.

Косточкин В.В. Русское оборонное зодчество конца XIII – начала XVI в. М.: Наука,1962. 286 с.

Раппопорт П.А. Из истории военно-инженерного искусства Древней Руси (Старая Ладога, Порхов, Изборск, Остров) // МИА. № 31. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 133–201.

Седов В.В. Древний Изборск // Древний Псков. История. Искусство. Археология. Новые исследования. М.: Изобразительное искусство, 1988. С. 44–66.

Седов В.В. Изборск в эпоху Древней Руси // Изборск и его окрестности – заповедный край России / Ред. В.В. Седов. Псков: Псковский гос. музей-заповедник, 1993. С. 9–41.

Степанов С.В. Отчет об археологических исследованиях на территории объекта культурного наследия федерального значения «Ансамбль Староизборской крепости и Труворова городища» в дер. Старый Изборск, Печорского р-на, Псковской обл. в 2012 г. Раскопы LIIA, LIIIA, LIV, LV, LVI, LVII, LVIII, LVIIIA. Т. 1–2 // Архив ИА РАН. 2012а. Р-1.

Степанов С.В. Отчет об археологических исследованиях на территории объекта культурного наследия регионального значения «Культурный слой крепости» в д. Изборск, Печорского р-на, Псковской обл. в 2012 г. (раскопы LI, LII, LIII). Т. 1–2 // Архив ИА РАН. 2012б. Р-1.

КОМПЛЕКСЫ ЖИЛЫХ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЫ КРЕМЛЯ ПЕРЕСЛАВЛЯ-ЗАЛЕССКОГО В СЕРЕДИНЕ XIII – XV ВЕКЕ

© 2014 г. В.А. Зейфер

Институт археологии РАН, Москва
(boatswain.72@mail.ru)

Ключевые слова: средневековый город, Русское государство, Переславль-Залесский (Переяславль), Переславский кремль, восточный импорт.

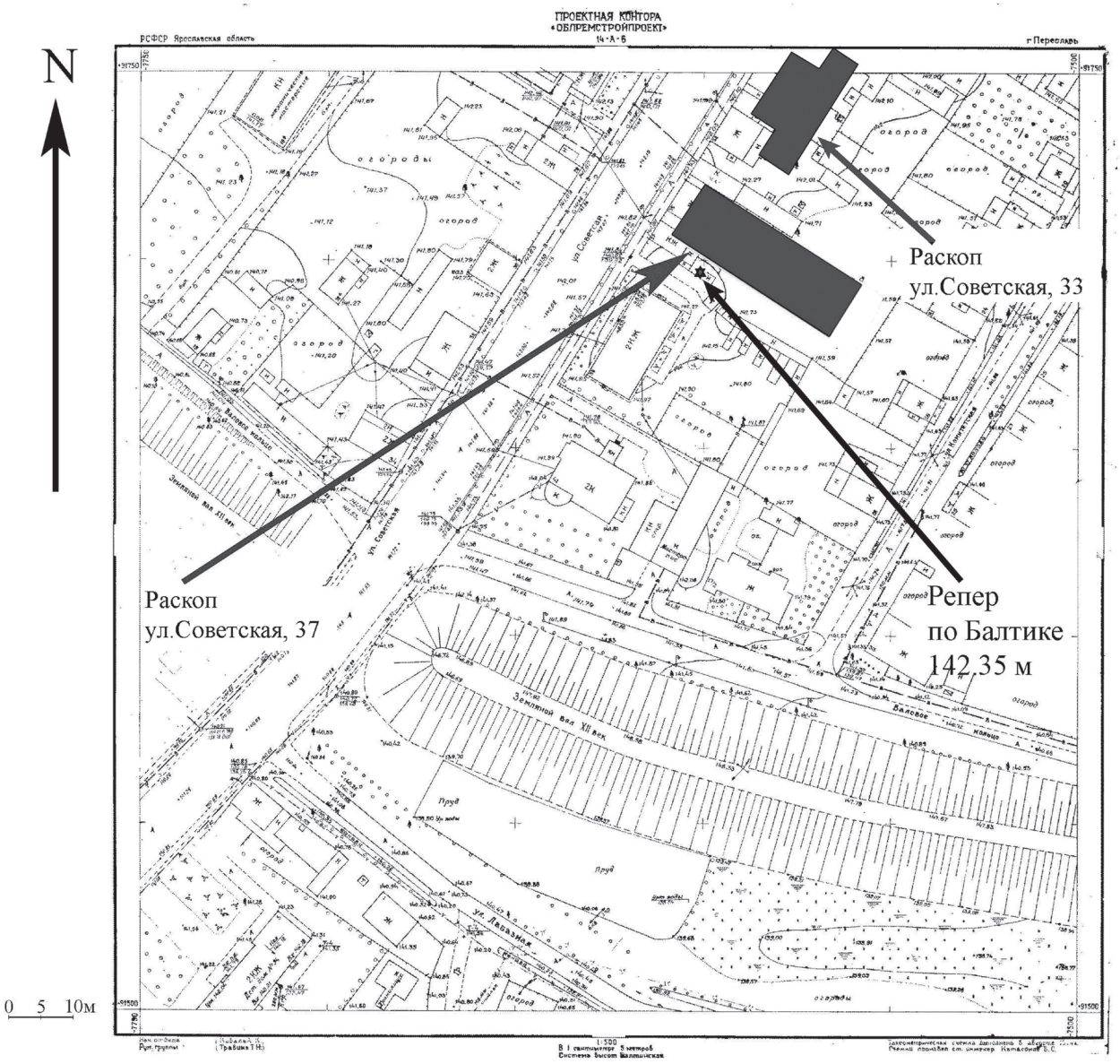
Резюме. В результате археологических раскопок на территории кремля Переславля-Залесского в 2013 г. была исследована площадь 1450 м². Установлен первоначальный период освоения юго-восточной части кремля, относящийся к середине XIII – XIV в. В это время закладывается планировка с характерной усадебной застройкой. Планировочная ось, прослеженная на раскопах по ул. Советской, 37 и 33, оставалась неизменной на протяжении около 500 лет.

В 1853 г. П.С. Савельев раскопками на территории около Спасо-Преображенского собора положил начало археологическому изучению территории кремля г. Переславля-Залесского. В дальнейшем в разное время изучение Переславля-Залесского продолжили Н.Н. Воронин, Е.В. Каменецкая и И.Б. Пуришев, В.И. Вишневский, Б.Е. Янишевский (Воронин, 1961; Вишневский, 2006; Агафонов, Праздников, Спиридонова, 2009; Зейфер, Янишевский, в печати).

В мае–сентябре 2013 г. под руководством автора были проведены раскопки на территории кремля по адресу ул. Советская, 37 и 33 (см. *рисунок*). Территория застройки включала два участка раскопов общей площадью 1450 м², расположенных в 600 м к югу от левого берега р. Трубеж, впадающей в оз. Плещеево, и в 60 м к северу от южной части валового кольца. Площадь раскопа по ул. Советской, 37 составляла 800 м². Мощность культурного слоя (темно-серой супеси) – от 80 см в южной части раскопа до 120 см на севере (без учета ям). Культурный слой, сформировавшийся на участке раскопа, на основании керамического материала и индивидуальных находок датируется XIII–XX вв.

Исследованы ямы и сооружения, ряд из которых можно интерпретировать как объекты городской усадебной застройки. На основании общего количества ям (300) и сооружений (22) в результате предварительного анализа удалось дифференцировать четыре основных периода застройки. Первоначальный период освоения исследованного участка городской территории относится к середине XIII – XIV в. На основании стратиграфического положения, керамического материала и индивидуальных находок для указанного периода локализовано около 50 ям хозяйственно-бытового назначения и 1 сооружение (судя по частокольным канавкам), северо-западный угол усадьбы. Наиболее интересны следующие объекты.

Сооружение 22 обнаружено на участках 13 и 15 на уровне материка (–190 от условного нуля). Углубленные в материк ямы (46, 62 и 62А) оказались частями одного сооружения 22. Печь или очаг внутри постройки не обнаружены, в связи с чем оно может быть интерпретировано как хозяйственная постройка (погреб). Одним краем сооружение 22 уходило в западный борт раскопа. Вскрыть постройку полностью не представилось возможным. Исследованная часть подпрямоугольной в плане формы была вытянута с северо-запада на юго-восток на 7,3 м; наибольшая ее ширина – 2,3 м, глубина – 1 м. Подобные хозяйственные постройки, интерпретированные как погреба, с аналогичной формой и раз-



План-схема расположения раскопов по ул. Советская, 37 и 33 на территории г. Переславль-Залесский.

мерами котлована, известны в раннесредневековой городской застройке. Конструкция стен не сохранилась, однако отсутствие столбовых ям как внутри, так и по внешнему периметру постройки позволяет предположить, что она имела срубную конструкцию. Сооружение состояло из двух помещений; на границе двух функциональных зон постройки, выраженной повышением уровня материка, выявлены остатки древесного тлена (порог). Более пологая южная часть дна постройки, возможно, служила входом в погреб, оформленным, вероятно, в виде трапа (широкая доска или несколько досок с поперечинами); иные, более сложные конструкции не обнаружены.

В заполнении постройки найдены наконечник стрелы, нож, топор рабочий, удила, шило, пряжка, пуговица-гирька, грузила рыболовные дисковидные, а также два горшка: один красноглиняной грубой керамики XIII–XIV вв., второй – «серой» керамики середины XIII в.; пять стеклянных браслетов XIII–XIV вв. и случайный венчик сосуда ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита.

Керамическое заполнение постройки состоит из серой керамики – 12%, курганной – 2%, красноглиняной грубой – 55%, красноглиняной «переславского типа» – 31%. В заполнении придонной части постройки, –260 (–270) от условного нуля, обнаружено 35

фрагментов серой и 212 красноглиняной грубой керамики.

На основании датировки индивидуальных находок и керамического комплекса из сооружения время бытования и гибели постройки ограничивается второй половиной XIII – серединой XIV в.

На уровне –230 в северной части постройки на границе двух ее помещений обнаружены останки двух индивидов: мужчины и ребенка со следами насильственной смерти – с повреждениями костей черепа (первый – височной доли, второй – лобной).

Яма 61 представляла собой котлован размерами 3 х 1,9 м (хозяйственное сооружение) подпрямоугольной в плане формы, перекрытый сооружением 2 (XVII–XVIII вв.). Края котлована имели уступы под сруб. В северо-западном углу прослежены остатки пятна обожженной глины (очага), поврежденного при постройке сооружения 2. В разрезе ямы на дне читается древесный тлен (обвалившиеся доски пола), перекрытый золой, углем и прокаленной глиной очага. В яме обнаружены несколько фрагментов печной обмазки, два фрагмента стеклянных браслетов, три стеклянных бусины, нож, игла и фрагмент стеклянного сосуда, расписанного золотом и глазурью синего, красного, желтого и зеленого цветов. Среди 100 фрагментов керамики – серая, красноглиняная грубая, красноглиняная гладкая ранняя и фрагменты импортной булгарской посуды. На западной границе участка 7 интересно скопление ям.

Ямы 103, 104, 105. Размеры территории, занимаемой ими, – 4,7 х 3 м. Самая глубокая яма 103, каплевидной в плане формы, достигает отметки –340 см от условного нуля. В ямах обнаружены многочисленные индивидуальные находки: 27 фрагментов стеклянных браслетов, половина стеклянной бусины, три рыболовных грузила, нож, полный профиль красноглиняной грубой миски, а также полные профили красноглиняных грубых горшков. На дне ямы 103 вместе с фрагментами красноглиняной грубой и красноглиняной гладкой ранней керамики – большое количество шлака, что дает основание предположить наличие мастерской к западу от границы раскопа.

В результате раскопок обнаружено 1278 индивидуальных находок, среди которых 300 бусин, более 50 фрагментов кашинной керамики золотоордынского (нижневолжского) производства середины – второй половины XIV в., а также 6 фрагментов восточных стеклянных сосудов, расписанных золотом, синей, зеленой, красной и желтой эмалями. Два из шести фрагментов происходят из перемещенного грунта поздних перекопов. Четыре фрагмента – из комплексов XIII–XIV вв.

Территория второго раскопа по ул. Советской, 33 располагалась в 8,5 м к востоку от первого. Площадь участка составила 650 м². Мощность культурного слоя (темно-серой супеси) – 1–1,2 м. В раскопе в пластах и на уровне материка было выявлено 222 ямы, 19 канавок, 23 сооружения.

Из общего количества сооружений, датируемых по керамическому материалу и находкам середины XIII – XV в., наиболее интересны следующие.

Сооружение 12 представляло собой котлован размерами 4,1 х 2,2 м, углубленный в материк на 0,7 м. Изучено сооружение частично, восточный край его уходил за границу раскопа, с юга оно было перерезано ямой 73. В северной части котлована прослеживалась ступенька до 0,3 м высотой от дна сооружения, к югу от нее располагались по углам ямы подстолбовые опоры диаметром 0,4–0,5 м. Сооружение подобного вида, возможно, было жилым домом каркасно-столбовой конструкции. В заполнении постройки найдены бусина золото-стеклянная, два пряслица розового шифера, фрагмент стеклянного гладкого браслета. Среди немногочисленных фрагментов красноглиняная гладкая керамика преобладает в придонном заполнении сооружения. На основании керамического материала и индивидуальных находок сооружение предварительно датировано XIV – первой половиной XV в.

Яма 91, уходящая в южный борт раскопа, частично исследована на участке 7. Представляет собой хозяйственное сооружение размерами 3 х 1,3 м, глубиной 0,5 м от поверхности материка. При выборке ямы был обнаружен каменный жернов подовальной в плане формы. Нижняя плоскость жернова тщательно обтесана, края небрежно сколоты. В заполне-

нии ямы – красноглиняная гладкая керамика середины XV в., также найдено девять фрагментов стеклянных браслетов XIII–XIV вв.

В результате раскопок обнаружено 66 фрагментов кашинной керамики золотоордынского (нижневолжского) производства середины – второй половины XIV в., зооморфный замок золотоордынского производства середины XIV в., карельская овальная фибула X–XI вв.

Особый интерес представляют уникальные находки: более 20 фрагментов сосуда желтого стекла с сюжетной росписью голубой, красной, белой, зеленой, желтой, черной эмалями, а также золотом сирийского производства, датируемого по аналогам серединой XIII – первой половиной XIV в.; 14 фрагментов стеклянного бокала производства Западной Азии – Египта и 57 фрагментов бутыли светло-желтого стекла с росписью голубой, белой, красной, зеленой эмалями, а также золотом, египетского производства, датируемой по аналогам первой третью XIV в.

Одиночные фрагменты стеклянных сосудов происходят из слоя участков 4 и 7, датируемого XIII–XIV вв. Все остальные фрагменты были обнаружены при выборке заполнения ямы 89, отнесенной по керамическому материалу к XIII–XIV вв.

Полученные результаты исследования позволяют датировать начало освоения этого участка кремля серединой XIII – XIV в. В начальный период участок не имел сплошной застройки и заселенные участки чередовались с пустошами, возможно, огородами. Выявленное в юго-западной части участка хозяйственное сооружение с идущей от него к востоку и югу оградою говорит о сложении в указанный период усадебной планировки. В северной части раскопов жилые и хозяйственные постройки указанного периода не обнаружены, что говорит о большей по сравнению с современными размерами ширине центральной улицы средневекового города. Устойчивое положение планировочной оси застройки на обоих раскопах по ул. Советская, 37 и 33 от начала их освоения в середине XIII – XIV в. и вплоть до XVIII в. говорит о неизменности ее на протяжении около 500 лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агафонов П.Г., Праздников В.В., Спиридонова Е.В. История ярославской археологии. М.: Квадрига, 2009. 286 с.

Вишневский В.И. Культурный слой Переславля-Залесского (по данным археологических разведок 2002–2003 гг.) // Археология: история и перспективы. Вторая межрегион. конф. / Отв. ред. А.Е. Леонтьев. Ярославль: Ярославский музей-заповедник; Ростовский кремль, 2006. С. 216–226.

Вишневский В.И. Средневековый гончарный горн из Переславля-Залесского // Археология Подмосковья. Мат-лы семинара. Вып. 8 / Ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2012. С. 389–395.

Воронин Н.Н. Переславль-Залесский. М.: Изд-во Академии Архитектуры СССР, 1948. 60 с.

Воронин Н.Н. Зодчество Северо-восточной Руси XII–XV веков. В 2 т. Т. 1: XII столетие. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 583 с.

Зейфер В.А., Янишевский Б.Е. Археологические исследования в Переславле-Залесском в 2011–2012 гг. // Археология: история и перспективы. Мат-лы VI межрегиональной конф. 18.10.2012. (в печати).

Каменецкая Е.В., Пуришев И.Б. Деревянные конструкции вала Переславля-Залесского // СА. 1974. № 1. С. 234–237.

ГОНЧАРНЫЕ МАСТЕРСКИЕ БИЛЯРА

© 2014 г. Н.А. Кокорина

Институт археологии РАН, Москва
(kuzminykhsv@yandex.ru)

Ключевые слова: Волжская Булгария, Билярское городище, керамическое производство, гончарные мастерские.

Резюме. Гончарные мастерские Биляра образуют четыре района. Их локализация взаимосвязана с дорогами – выездами из города и естественными водоемами. Массовые коллекции керамики из этих мастерских представляют все богатство булгарской посуды X–XIII вв. Быстрому развитию гончарного ремесла в Биляре способствовали благоприятные условия расположения города в глубине булгарских земель и сосредоточие здесь носителей основных этнических традиций.

Изучение планиграфии и содержания гончарных объектов Билярского городища позволило выявить размещение первых мастерских на территории города. Они образуют четыре района мастерских, связанных с дорогами – выездами из центральной части города и наличием естественных водоемов.

Мастерские центрального района располагались вокруг сооружений Соборной мечети; северного – в пригороде Билярского городища (II Билярское селище) на левом берегу Малого Черемшана; восточного – вокруг караван-сарая близ речек Елшанка и Серебрянка; южного – на правом берегу Билярки у южного въезда в город. Функционирование мастерских центрального и восточного районов началось в первой половине X в. при закладке города. Мастерские центрального района прекратили свою деятельность при застройке центра города (Соборная мечеть, кирпичные здания и др.). В восточном районе производство продолжалось до третьей четверти XI в. и было прервано, вероятно, в связи с внешним нападением (пожар середины XI в.) и возобновлением захоронений на II Билярском могильнике близ караван-сарая (Халиков, 1976; Халикова, 1976). Предполагается, что возникновение мастерских в северном пригороде Биляра было связано с прибытием в 922 г. ремесленников в составе багдадского посольства и началом их деятельности (Халиков, 1973. С. 93; Хузин, 2001. С. 132–136). Эти мастерские, недостаточно защищенные, функционировали до XII в. Южный район гончарных мастерских был размещен в защищенной внешней линией обороны и богато обеспеченной водными и сырьевыми ресурсами части внешнего города. Он возник не позднее середины X в. и существовал до середины XIII в. К концу этого периода его площадь достигала примерно 10 га.

Таким образом, гончарные мастерские, образуя районы от основания города Биляра в 922 г., были включены в городскую планировку с учетом розы ветров, водных и сырьевых ресурсов.

Первые гончарные мастерские города выделены при анализе данных стратиграфии и планиграфии объектов, изучения содержимого ранних так называемых строительных ям (Халиков, 1976. Рис. 11; Халиков, Шарифуллин, 1979). Вокруг Соборной мечети выделено три группы ям, связанных с остатками обжигательных устройств и горнов и отходами керамического производства. Среди них располагались наземного типа постройки столбовой конструкции, глинобитно-каркасные, с печью (№ 20, 22, 26–29). Вторую группу сооружений (№ 70) представляли заглубленная срубного типа постройка-полуземлянка (с остатками гончарного круга) и ямы для вымеса и подготовки глиняного теста. Первая группа от второй отделялась серией столбовых ям, вероятно, от тына. С южной стороны

Соборной мечети с гончарными мастерскими связана большая яма 58. Воду для них брали из центральных колодцев. Существовали эти мастерские, вероятно, до сооружения фундаментального здания 2 в середине X в. Во всех сооружениях найдена кухонная посуда: горшки рифленые шамотные и круглодонные прикамско-приуральских истоков, лепные крышки с солярным орнаментом, раннего облика столовые сосуды. Некоторые формы посуды несли признаки металлических форм, известных, например, в Чуйской долине и на так называемых болотных городищах низовий Сырдарьи.

В гончарных мастерских северного пригорода (раскопки Е.А. Беговатова, 1999–2000 гг.) изучено три горна (Беговатов, 2001). Два из них кирпичные, двухкамерные, с общей топочной ямой, характерных для Биляра типов. Эта мастерская, вероятно, представляла собой легкое сооружение типа сарая. Вторая мастерская с горном глинобитной конструкции с опорой в топке находилась рядом. Функционально горны были разного назначения. Последний тип горна ближе к печам салтовских традиций. По составу находки датируются X–XI вв. Среди них имеются изделия, характерные для городских центров Средней Азии (поливная посуда и другие предметы импорта).

Гончарные мастерские караван-сарая представлены тремя группами сооружений (раскопки А.Х. и Е.А. Халиковых, Р.Ф. Шарифуллина) (Халиков, Шарифуллин, 1976). Мастерская 1 – с двумя большеформатными горнами (диаметром около 3 м) афрасиабского типа с заглубленной топочной камерой, разделенной сквозными радиальными опорами, и, судя по остаткам столбов, возможно, столбовой конструкцией помещения. Мастерская 3 – с горнами ямного типа стандартных для Биляра размеров, глиняной вымосткой, складом готовой продукции и срубного типа помещением. Судя по составу находок, обе мастерские существовали одновременно в первой половине X в. Мастерская 2, плетнево-глинобитной конструкции, – горн (яма 13), отопительная печь (№ 15), соединенная каналом в глиняной полке с горном, и яма-хранилище (№ 14). Мастерские 2 и 3 относятся к двум периодам – X и первой половине XI в.

В мастерской 1 производилась столовая посуда салтово-маяцких и среднеазиатских типов (среди последних – и подражания металлическим формам). В мастерской 3 изготавливались и обжигались мелкие формы, а во второй период – горшки с орнаментом в виде запятых. В мастерской 2 обжигались кухонные шамотные горшки с рифленым туловом салтово-маяцкого облика, а также лепные крышки с солярным орнаментом. Во второй период керамика из этой мастерской несет выразительные черты традиций южносибирского тюркского населения и огузских памятников Сырдарьи типа Кескен-Куюк-кала. Различается и набор клейм на посуде по двум периодам функционирования мастерских караван-сарая. В первом наряду с раннебулгарскими клеймами «лук и стрела», «стрела» и ее разновидностями утверждается А-образное клеймо; во втором появляется новая серия клейм – «ковш», «ветка», «коса».

Мастерские южного района представляли собой пять построек срубного типа с заглубленной производственной частью. В четырех из них прослежены остатки глиняных полок, обогревательных глинобитных печей. Анализ материалов данных мастерских показывает, что они были одновременно и жилищами ремесленников. Конструкция мастерских предусматривала функционирование и занятость ремесленников круглый год.

Среди горнов этого района выделяются печи четырех типов: двухкамерные без опор (№ 2, 4, 7); однокамерные цилиндрические с длинным топочным каналом (№ 1, 3); однокамерные с эсовидной полкой в средней части (№ 5); двухкамерные с кирпичной сводчатой перегородкой и отверстием по центру (№ 9). Все горны сооружены из индивидуального набора обожженных кирпичей по образцам гончарных печей Закавказья и Средней Азии. В горнах 1, 4, 5 обжигали столовую неполивную и поливную посуду. Мастерская с горном 6 середины XI в. имела обогреваемую дымоходом полку для обогрева суфы. В мастерских были печи для отопления с дымоходами из гончарных труб, ямы для хранения, вымешивания и приготовления глиняного теста, припаса угля. Характерная черта – расположение горнов в котлованах, топка из предгорновых общих ям спаренных разных по назначению

печей, сложенных из глины с обкладкой досками и глиняной обмазкой полки для размещения посуды и рабочее место гончара рядом с горном и царь-столбом.

Среди приспособлений гончаров использовались как ручной, так и ножной круг с подпятником среднеазиатского типа (из железа и кости), мельница для размола ингредиентов для глиняного теста и поливы, разнообразные железные ножи, подставки для поливных изделий разных форм. Широко применялись инструменты из костей животных (определение А.Г. Петренко): скребки из ребер барана, лопатки для очистки круга из лопаток крупного рогатого скота, подпятники из сустава лопаток, гребни-орнаментиры. Отходы обработки костей служили добавкой к глиняному тесту.

Наряду с неполивной посудой в горнах 1, 2, 4, 5 обжигалась поливная посуда столовых форм, светильники, чернильницы, сфероконусы, кружки, пряслица, светильники, а в горне 8 – котлы, горшки. Уже во второй половине X в. в горне 4 обжигались поливные изделия. В качестве красителей полив использовались окиси железа и меди, придававшие поливе зелено-коричневую гамму.

Ранние мастерские 1–4 (вторая половина X – первая половина XI в.) функционировали одновременно, специализируясь на отдельных видах изделий в соответствии с назначением и устройством горнов. Использование горнов разных конструкций с различными производственными циклами было освоено булгарскими гончарами в X–XI вв. Регулирование процесса обжига легко достигалось в тех конструкциях кирпичных печей, которые были освоены в тот период. С XI в. применялся бездымный обжиг для поливных изделий и окислительный – для неполивных (посуда, трубы, сфероконусы, пряслица и т.д.).

Массовые коллекции из мастерских Биляра X–XIII вв. представляют все богатство булгарской посуды (Кокорина, 2002). Быстрое развитие гончарного ремесла объясняется благоприятными условиями расположения Биляра в глубине булгарских земель и сосредоточием здесь носителей основных этнических традиций. Подпитка этих традиций проходила успешно благодаря развитию торговли, особенно со странами мусульманского Востока.

Специализация мастерских в XII – начале XIII в. шла по возрастающей. Так, в мастерской с горном 5 изготавливалась мелкая продукция и формы посуды, имевшие наибольший спрос и быстрый сбыт на рынке (поливная столовая посуда, пряслица, светильники, сосуды ритуального назначения). Среди последних – сосуды с изящным растительным орнаментом, зооморфной символикой (бараны, медведи), снабженные благопожелательными мусульманскими надписями, тамгами владельцев, которые особенно высоко ценились и использовались в семейно-родовых и народных празднествах.

В горне 7 (сгорел в пожаре конца X в.) выявлено клеймение одного сосуда из партии в 25–30 сосудов, что, вероятнее всего, свидетельствует об уплате 1/10 доли в пользу владельца мастерской. Постоянное клеймо мастерских Биляра в виде царственного знака «А» было государственным клеймом, тамгой бека и одновременно покровителя булгар. Часть продукции делалась на заказ, судя по разнообразию А-образных клейм и тамг на посуде, для богатых заказчиков.

Наряду с процессами стандартизации форм посуды в XII – начале XIII в. наблюдается сокращение разнообразия булгарской посуды, унификация и упрощение массовой посуды.

На материалах мастерских южного района прослеживается внедрение новых традиций прикамско-приуральского населения. С конца XI в. начинает меняться технология подготовки глиняного теста Оно становится более запесоченным в отличие от изделий X–XII вв. с блестящей маслянистой поверхностью. О.С. Хованская, проводившая анализ глинищ этого периода, отмечала, что эти черты раннебулгарской городской посуде придавались за счет использования глины из верхнетретичных отложений и глинозема (Хованская, 1954. С. 342).

Наряду с изменением технологии глиняного теста видоизменяется состав, морфология и декор посуды. Все эти изменения происходят под воздействием традиций населения юго-восточных истоков – группы VII, VIII (тюрко-угорские), IX, X (огузо-куманы), XIII (сакетимы), XXI (кыпчаки-шары). Со второй

половины XI в. это население, влившись в состав волжских и камских булгар, активно участвует в формировании общебулгарской культуры. Эти процессы отчетливо фиксируются на материалах котлов Биляра. Они принадлежали основным, известным по письменным источникам группам тюркоязычного населения: в X в. берсула, баранджары, болгары, эсегель, а с XI в. известные по письменным источникам огузо-куманы, кыпчаки-шары. В X в. встречаются единично котлы двух типов: с шамотом и вертикальными ушками (булгары); с шамотом и органикой (огузы, куманы). Во второй половине XI в. появляется третий тип котлов – с ручками-упорами, запесоченным тестом, волнистым узором «джукетау». К XI в. относится три типа котлов. Третий тип котлов наряду с керамикой XIII группы («джукетау») характерен для населения Прикамья, тюрко-угорского в своей основе. А в XII в. появляется единично новый тип котлов с уступчатым верхом и ручками-петельками приуральских традиций. Котлы типа 3 при этом преобладают количественно в мастерских Биляра. Их заказчиками были булгары-сакатимы, как их называли в письменных источниках. К началу XIII в. наблюдается смешение признаков котлов трех основных типов. Возобладали количественно среди них котлы типа 3 с ручками-упорами. Стирание традиций в формах и отделке котлов свидетельствует не только об общем укладе, распространении однотипных печей, но и о формировании общебулгарских традиций в культуре булгар.

Массовый стандартизированный ассортимент изделий городских мастерских Биляра создавался с учетом этнических и конфессиональных особенностей жителей города. Социально-экономические изменения сопровождались новыми формами организации булгарского ремесла – купеческо-ремесленными объединениями. Воспринятые булгарским населением в X в. основные формы общебулгарской посуды сохраняются на протяжении всего домонгольского периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беговатов Е.А. Ремесленный комплекс Билярского II селища // Древние ремесленники Приуралья / Отв. ред. В.И. Завьялов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 148–159.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. (К проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур). Казань: Институт истории АНТ, 2002. 383 с.

Халиков А.Х. О столице домонгольской Булгарии // СА. 1973. № 3. С. 83–99.

*Халиков А.*Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 5–56.

Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Караван-сарай древнего Биляра // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 75–100.

Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Исследование комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1979. С. 21–45.

Халикова Е.А. Билярские некрополи // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 113–168.

Хованская О.С. Гончарное дело города Болгара // МИА. № 42. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 340–368.

Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань: Мастер Лайн, 2001. 480 с.

ВИТЕБСКИЙ ВЕРХНИЙ ЗАМОК: ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССДЕДОВАНИЙ

© 2014 г. Л.В. Колединский

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь (kaliada@mail.ru)

Ключевые слова: Витебск, детинец, Верхний замок, материальная культура.

Резюме. В статье раскрываются основные итоги археологического изучения Витебского Верхнего замка, материальной культуры памятника за период 1977–1993 гг.

Витебский Верхний замок – ныне центральная часть современного г. Витебск, расположенного на северо-востоке Республики Беларусь в 272 км от Минска, ограниченная руслами рек Западная Двина, Витьба и улицей Ленина. На сегодняшний день территория бывшего Верхнего замка почти полностью застроена.

До 1977 г. археологическое изучение Витебского Верхнего замка носило эпизодический и охранный характер. Результаты этих исследований позволяли в некоторой степени судить о стратиграфии и хронологии культурных напластований памятника (Колединский, 2012).

В начале 1977 г. решением Совета Министров БССР за № 176 АН БССР были выделены дополнительные ассигнования на науку, в том числе и на археологическое изучение Витебска. В соответствии с распоряжением Президиума АН БССР от 21 апреля того же года за № 142 была открыта тема «Древний Витебск». Руководителем темы назначен М.А. Ткачев – незаурядная личность, энтузиаст, исследователь милитаритивной культуры и истории Великого княжества Литовского (Алексеев, 1994). Наиболее масштабные работы под его руководством пришлись на 1978 г., когда изученная раскопками площадь составила более 700 м² при мощности культурного слоя от 6 до 9 м (рис. 1). С 1979 по 1993 г. археологические исследования на Верхнем замке Витебска возглавлял Л.В. Колединский. Наиболее значимые работы были проведены им в 1982 г., когда в свете выполнения постановления Совета Министров БССР (№ 111 от 11.03.1980 г.) о создании в г. Витебск археологического музея участок раскопа площадью 240 м² был музеефицирован и открыт для посещений (Колединский, 1984б). В 1994 г. небольшие по вскрытой площади охранные раскопки на этом памятнике провела Т.С. Бубенько (2012).

Вся изученная раскопками площадь на Верхнем замке Витебска составляет 2638 м² или 6,6% его территории. Результаты исследований нашли отражение в кандидатской диссертации Л.В. Колединского, ряде научных и научно-популярных статей, в обобщающих работах (Ткачев, Колединский, 1983; Ткачев, Колединский, Бубенько, 1987; Колединский, 1990, 1991а, 1995; Археалогія Беларусі, 2010; Левко, 2010).

Что показали раскопки Верхнего замка и прежде всего раскопки М.А. Ткачева и Л.В. Колединского, давшие основной хорошо документированный и научно обработанный специалистами в области естественных наук материал? Прежде всего благодаря этим раскопкам стало возможным получить наиболее полную информацию по стратиграфии культурных напластований памятника. Ранее эти сведения базировались только на данных стратиграфических наблюдений в зоне строительных котлованов. Кроме того, с помощью специалистов Института почвоведения НАН

Рис. 1. Археологические раскопки на Верхнем замке Витебска 1978 г. Участок городской застройки XIII – начала XIV в.

Беларуси была установлена зависимость содержания гумуса в культурном слое от времени отложения слоя. Чем древнее оказывался слой, тем большее содержание гумуса (в процентном отношении) в нем присутствовало. Это уже в какой-то степени служит индикатором для датировки слоя, пусть и относительной. Наши раскопки позволили высказать свое видение развития топоструктуры Витебска в X–XII вв. (Колединский, 1991б), весьма отличное от точки зрения некоторых коллег (Колединский, 2002а), которое они пытаются оспаривать (Левко, Бубенько, 2002).

Очень интересные данные были получены по устройству оборонительного вала Витебского детинца XII в. (рис. 2). Удалось проследить не только его устройство, но и реконструировать процесс его возведения, установить время возведения, рассчитать энергозатраты на его сооружение (Калядзінскі, 1997).

Нашими раскопками 1977–1993 гг. изучено более сотни построек XI–XVII вв., большинство которых сохранилось на высоту до трех–пяти венцов, что дало возможность проследить в ряде случаев устройство дверных проемов, конструкцию пола, определить назначение постройки. Прослежено шесть ярусов уличных мостовых начала XIII–XVI вв., два яруса мостовых XVII в., выявлены частоколы и дворовые вымостки (рис. 3). Их интерпретация отражена в специальных публикациях (Колединский, Ткачев, 1983; Ткачев, Колединский, 1984; Колединский, 2002б). Отдельные публикации посвящены монументальным сооружениям, располагавшимся на детинце, Верхнем замке Витебска: храму св. Михаила и оборонительной башне типа бергфрид (Bergfried) (Колединский, 1996; Кушнярэвич, 2010).

В целой серии публикаций нашли отражение отдельные стороны материальной культуры. Изучены изделия из дерева, цветного металла, стекла, керамика, транспортные средства, элементы одежды, ремесленная, промысловая и сельскохозяйственная деятельность, торговые связи, материальные свидетельства духовной культуры населения Верхнего замка Витебска (Гурын, 1981, 1994; Бубенько, Колединский, 1984; Калядзінскі, Скрыпчанка, 1984; Калядзінскі, Ткачоў, 1985;

Рис. 2. Внутривальные конструкции XII в. Витебского детинца. Раскопки 1988 г.

Рис. 3. Уличная мостовая и колодец XVII в. на территории Верхнего замка. Раскопки 1977 г.

Калядзінскі, 1986а, 1988а; Колединский, 1986б, 1988б–г, 1989, 2010; Калядзінскі, Лось-Залужная, Ткачоў, 1986; Брайчевская, Колединский, 2001).

Специальная публикация посвящена изучению ботанических остатков и артефактов растительного происхождения. Весьма представительна остеологическая коллекция, наглядно иллюстрирующая в динамике животноводство и охоту, а также видовой состав ихтиофауны. За все годы наших раскопок собрано более 3 тыс. индивидуальных находок. Из них самыми представительными оказались изделия из дерева – более 500 ед. и изделия из кожи – более 2 тыс. ед.

Отразить динамику, историческое развитие материальной культуры Верхнего замка Витебска было бы невозможно без хронологии культурных напластований памятника, ибо «без археологической хронологии вся неизмеримая масса древнейших фактов могла бы предстать в качестве унылой и беспорядочной свалки» (Черных Е.Н., Черных Н.Б., 2005). Дендрхронологическое определение отобранных спилов дерева из конструкций Верхнего замка презентовало нам довольно широкую хронологическую шкалу изучаемого памятника – от 1161 до 1673 г., период более чем 500 лет, что для городов Восточной Европы явление уникальное. Такого нет даже на эталонных памятниках – городище древнего Берестья и в Новгороде Великом.

Неоценима заслуга в проведении дендрохронологических исследований Наталии Борисовны Черных (1996). Дендрхронологическое датирование корректно согласуется с датировкой радиоуглеродной и летописной (например, применительно к слою пожарища 1335 г.), с датировкой по сопровождающему вещевому материалу, хронология которого хорошо разработана на эталонных памятниках, в частности, Новгорода Великого (Колчин, 1982). В раскопе 1978 г. в одной из построек П-XX-6 строительного яруса, носящего следы сильного пожара 1335 г., отмеченного в летописи: «В лето 6843 [1335 г.] того же лета, погрехом нашим, бысть пожар в Руси: погоре город Москва, Вологда, Витепско; Юрьев Немечской весь погоре» (ПСРЛ, 1892. С. 77), было собрано большое количество обугленного зерна. Радиоуглеродный возраст этого зерна составил 705±30 лет. По Оксфордской международной калибровочной шкале это соответствует 1265–1300 гг. (при вероятности в 68,2%), 1250–1310 гг. и 1360–1390 гг. (при вероятности в 95,4%). Дендрохронологическая датировка горелого дерева этого строительного яруса – 1280–1327 гг. В этой связи отметим, что результаты исследований с опорой на так называемую микрохронологию культурного слоя на основе анализа главным образом керамического материала (Левко, 1984) выглядят куда скромнее.

Проведение наших исследований было напрямую сопряжено с заботой (если не сказать с борьбой) за сохранение историко-культурного наследия Верхнего замка Витебска и прежде всего его культурного слоя. В 1982 г. над археологическим расколом площадью 240 м² был возведен павильон. Он представлял легкую деревянную конструкцию с двухскатной кровлей, приподнятой над современной поверхностью на 1,5–2 м, опиравшейся на стойки, установленные на подушках из бруса, дабы исключить повреждение участков городской деревянной застройки XIII–XIV вв. Павильон был электрифицирован, обеспечен водооткачивающим механизмом. Внутри помещения проводились экскурсии, экспонировались предметы из раскопок. Эти работы – результат реализации постановления Совета Министров БССР «О создании в г. Витебске музея-филиала Витебского областного краеведческого музея» № 111 от 11 марта 1980 г. (Колединский, 1983). Планировалось и в дальнейшем продолжить такого рода работы. Предусматривались мероприятия по консервации вскрытых раскопками деревянных конструкций, проектные работы и возведение стационарного павильона музея. Более того, в 1988 г. возникла идея (начавшая было уже реализовываться) музеефикации оборонительного вала витебского детинца XII–XIII вв. (Почобут, 2011а). Но этим проектам не суждено было сбыться. Помешали начавшаяся в стране Перестройка, развал общесоюзного государства и гиперинфляция… (Почобут, 2011б).

Что бы мы выделили главным в наших исследованиях? Прежде всего отметим, что они являются основным источником по археологии Витебского Верхнего замка. Нашими

исследованиями выделено четыре основных этапа в становлении материальной культуры Верхнего замка Витебска и дан ключ к разгадке летописного сообщения: «Витбеск – три стены каменные…», в котором под словом «стены» следует понимать три укрепленные и застроенные в XIV–XV вв. части города. Подобное явление широко известно в европейской и древнерусской урбанистике и кроме Витебска отмечается, в частности, Псковской летописью в отношении Юрьева. Удалось достаточно основательно проследить динамику домостроительства и бытовой культуры на широком хронологическом отрезке времени. Правда, упущением в нашей работе следует признать отсутствие монографии по археологии этого памятника, которое, весьма надеемся, выправится в скором времени. На 2014–2015 гг. запланирован выпуск книги «Верхний замок Витебска в IX–XVIII вв.».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев Л.В., Колединский Л.В., Метельский А.А. Памяти Михаила Александровича Ткачева (1942–1991) // РА. 1994. № 3. С. 250–252.

Археалогія Беларусі: у 4 т. Помнікі XIV–XVIII стст. / В.М. Ляўко, М.Ф. Гурын, Ю.А. Заяц; пад рэд. В.М. Ляўко і інш. Т. 4. Мінск: Беларуская навука, 2010. 597с.

Брайчевская Е.А., Колединский Л.В. Древнерусская мужская свита (уникальная находка XII–XIII вв. из Витебска) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2001. № 3. С. 265–268.

Бубенько Т.С. Застройка склона замковой горы в Витебске // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навук. канф., прысвеч. 90-годдзю з дня нараджэння Л.В. Аляксеева. Віцебск, 28-29 кастр. 2010 г. Мінск: Медысонт, 2012. С. 144–155.

Бубенько Т.С,. Колединский Л.В. Шахматы и шашки в средневековом Витебске // Шахматы, шашки в БССР. 1984. № 4. С. 9.

Гурын М.Ф. Жалезныя вырабы XIV–XVII стст. з Віцебску // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. 1981. № 5. С. 97–104.

Гурын М.Ф. Імпартныя кавальскія вырабы (X–XVII стст.) на Беларусі // Весці АН Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 1994. № 3. С. 71–79.

Колединский Л. Создается музей древнего Витебска // За передовую науку. 1983. 13 мая. № 18. С. 8.

Колединский Л.В. Работы Витебского отряда // АО 1982 года. М.: Наука, 1984. С. 360.

Калядзінскі Л. Мар'яна праселка // Беларусь. 1986а. № 8. С. 32.

Колединский Л.В. Торговые связи Витебска в X – начале XIII в. (по археологическим данным) // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тез. докл. конф. М.: Институт истории СССР, 1986б. С. 70–71.

Калядзінскі Л. Цяслярская справа ў сярэдневяковым Віцебску (XII–XVII стст.) // Из истории науки и техники Белоруссии. Тез. докл. конф. Минск: Ин-т истории ЦНБ, 1988а. С. 201–202.

Колединский Л.В. Земледелие в средневековом Витебске (XIII–XVI вв.) // Сельское хозяйство, история, современный опыт и перестройка. Тез. докл. конф. Минск: ЦНБ АН РБ, 1988б. С. 18–19.

Колединский Л.В. Ремесло Витебска в XII–XVII вв. (по материалам раскопок Верхнего замка) // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. Тез. докл. конф. М.: ИА СССР, 1988в. С. 139–142.

Колединский Л.В. Транспортные средства Витебска XII–XVII вв. // Древности Литвы и Белоруссии / Науч. ред. Л.Д. Поболь. Вильнюс: Мокслас, 1988г. С. 119–124.

Колединский Л.В. Основные формы кухонной керамики IX–XVI вв. из Витебска (по материалам раскопок Верхнего замка) // Проблемы изучения древнерусской керамики. Тезисы докл. конф. М.: ИА АН СССР, 1989.

Колединский Л.В. Летописный Витебск: истоки и генезис // Города Верхней Руси. Истоки и становление. Мат-лы конф. Торопец: ИА АН СССР, 1990. С. 51–56.

Колединский Л.В. Верхний замок в XI–XVII вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Минск, 1991а. 34 с.

Колединский Л.В. Древнерусский Витебск: развитие топоструктуры в XI–XIII вв. // Гомельщина: археология, история, памятники. Тез. конф. Гомель, 1991б. С. 78–81.

Колединский Л.В. «Витебск – три стены каменные…» // Беларускі гістарычны часопіс. 1995. № 2. С. 25–44.

Колединский Л.В. О церкви св. Михаила в Витебске (конец XI – начало XII века) // Проблемы изучения древнерусского зодчества: (По материалам Архитектурно-археологических чтений, посвящ. памяти П.А. Раппопорта, 15–19 янв. 1990). СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 72–76.

Калядзінскі Л.У. Пра абарончы вал дзецінца летапіснага Віцебска // Заслаўскія чытанні 1995 г. Мат-лы міжнар. канф. «Гісторыя і культура Заслаўя ў святле агульнацыянальных праблем» (9–11 лістапада 1995) / Уклад., навук. рэд. Т. С.Скрыпчанка Заслаўе: Гіст.-культур. запаведнік «Заслаўе», 1997. С. 58–60.

Колединский Л.В. Аксиомы, теоремы и софизмы в интерпретации становления Верхнего замка Витебска // Castrum, urbis et bellum / Ред. Г. Семенчук. Барановичи: Баранавіцкая ўзбуйненая друкарня, 2002а. С. 219–231.

Колединский Л.В. Деревянные сооружения в городах Беларуси // Civitas et castrum od mare Balticum. Riga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2002б. С. 266–288.

Колединский Л.В. Італьянская маеліка XVI ст. з раскопак Верхняга замка Віцебска: Новыя падыходы ў вывучэнні артэфакта // Віцебскія старажытнасці. Мат-лы навук. канф., прысвечанай 50-годдзю знаходкі берасцяной граматы ў Віцебску і 150-годдзю з дня нараджэння А.Р. Брадоўскага. (22–23 кастрычніка 2009 г.). Мінск: Медысонт, 2010. С. 58–64.

Колединский Л.В. Верхний замок Витебска: основные итоги археологического изучения за 100 лет (конец XIX – конец XX в.) // Віцебскія старажытнасці. Мат-лы навук. канф., прысвеч. 90-годдзю з дня нараджэння Л.В. Аляксеева. (Віцебск, 28–29 кастр. 2010 г.). Мінск: Медысонт, 2012. С. 113–143.

Калядзінскі Л., Лось-Залужная А., Ткачоў М. Рукавіца XIII стагоддзя // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1986. № 1. С. 38–39.

Калядзінскі Л., Скрыпчанка Т., Ткачоў М. Віцебскія бранзалеты // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1984. № 4. С. 41–42.

Колединский Л.В., Ткачев М.А. Строительная техника и строительные материалы средневекового Витебска // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII–XIV вв. в северо-западной части СССР / Отв. ред. Э.С. Мугуревич. Рига: Зинатне, 1983. С. 19–23.

Калядзінскі Л.У., Ткачоў М.А. Драўляныя вырабы і дрэваапрацоўка ў сярэдневяковым Віцебску // Помнікі культуры: новыя адкрыцці / Рэд. С.В. Марцэлеў. Мінск: Akadèmìâ navuk Belaruskaj SSR, 1985. С. 174–183.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Под ред. Б.А. Колчина, В.Л. Янина. М.: Наука, 1982. С. 156–177.

Кушнярэвіч А.М. Фартыфікацыйны феномен Вицебскага Верхняга замка // Вицебскія старажытнасці: мат-лы навук. канф., прысвечанай 50-годдзю знаходкі берасцянай граматы ў Віцебску і 150-годдзю з дня нараджэння А.Р. Брадоўскага (22–23 кастрычніка 2009 г., Віцебск). Мінск: Медысонт, 2010. С. 112–117.

Левко О.Н. Витебск XIV–XVIII вв.: стратиграфия, хронология, социально-историческая топография и технология производств. Минск: Наука и техника, 1984. С. 67–72.

Левко О.М. Витебск. Минск: Беларуская навука, 2010. 335 с.

Левко О.М., Бубенько Т.С. «Белые пятна», или спорные вопросы в ранней истории и топографии Витебска // История и культура Европы в контексте становления и развития региональных цивилизаций и культур: Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности. Мат-лы конф. Витебск, 2002. С. 190–193.

Почобут Н. Археологические музеи БССР: проекты 1960–1980-х годов // Мат-лы па археалогіі Беларусі. Вып. 20. Мінск: Беларуская навука, 2011а. С. 91–102.

Почобут Н.А. Музеефикация памятников археологии в Беларуси: планы и реализация проектов (1945–2007 гг.) // Тр. III (XIX) Всерос. археологического съезда (Великий Новгород – Старая Русса). Т. 2. СПб.; М.; Великий Новгород: Изд-во «Новгородский технопарк», 2011б. С. 343–345.

ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1892.

Ткачев М.А., Колединский Л.В. Итоги археологического изучения Витебска в 1976–1980 гг. // Древнерусское государство и славяне: материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева (1–3 дек. 1981 г.). Минск: Наука и техника, 1983. С. 69–71.

Ткачев М.А., Колединский Л.В. Постройки древнего Витебска XII–XVII вв. // Древнерусский город. Мат-лы конф., посвящ. 1500-летию Киева (март 1982 г.) / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1984. С. 123–126.

Ткачев М.А., Колединский Л.В., Бубенько Т.С. Средневековый Витебск // Тр. V Междунар. конгресса славянской археологии (Киев, 18–25 сентября 1985 г.). Т. 3. Вып. 1б. М.: Наука, 1987. С. 80 –88.

Черных Е.Н., Черных Н.Б. Дендрохронология и радиоуглеродное датирование в современной археологии // Археология и естественно-научные методы / Науч. ред. и сост.: Е.Н. Черных, В.И. Завьялов М.: Языки славянской культуры. 2005. С. 9–42.

Черных Н.Б. Дендрохронология и археология. М: ИА РАН. 1996. 215 с.

КРЕПОСТНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ВОЛОГДЫ

© 2014 г. И.П. Кукушкин

Вологдареставрация, Вологда
(gorodkip@mail.ru)

Ключевые слова: Вологда, городище, крепость, кремль, Иван Грозный, башня, фундамент.

Резюме. В статье рассматриваются три этапа развития крепостных укреплений в Вологде. Фортификации периода возникновения и становления города (до середины XV в.) реконструируются гипотетически, их следы археологически достоверно не выявлены. Дерево-земляная крепость-кремль второй половины XV – середины XVI в. упоминается в письменных источниках. Раскопками исследован участок земляного вала с каркасом из плетней и крепостного рва, границы крепости реконструированы. В 1565–1571 гг. Иваном Грозным возводится каменная опричная крепость, но проект не был до конца осуществлен, крепость достраивалась в дереве. Проведены работы по исторической реконструкции укреплений, выделены этапы их строительной истории. Археологическими разведками выявлены каменные элементы крепостных укреплений, раскопками изучены конструкции кладки фундамента и фундаментного рва.

Крепостные укрепления характеризуют военно-политическую, социально-экономическую и культурную значимость средневекового поселения, а комплексное изучение фортификаций отдельных городов и осмысление результатов этой работы имеет принципиальное значение для понимания истории региона и России.

Вологда была основана в XII–XIII вв. (вопрос времени возникновения города остается дискуссионным) как административный центр обширной новгородской волости и по своему статусу должна была иметь укрепления. Но пока ни письменными, ни убедительными археологическими сведениями о существовании крепости в Вологде до второй половины XV в. мы не располагаем. Предположительно укрепления в этот период возводились в случае возникновения угрозы нападения и не были монументальны. Подобные фортификационные решения имели место в других древнерусских городах (Григорьев, 2008 С. 98–99; Захаров, 2004. С. 129–130). Возможно, укрепления начального периода истории Вологды пока не выявлены и в связи с незначительными объемами археологических исследований, не всегда удовлетворительным состоянием изученного культурного слоя.

Первое упоминание в актовом материале «города» и «кремля» в Вологде относится к 1471 г. (Акты…, 1958. С. 130). Возведение крепости во второй половине XV в. связано с вхождением города в состав московских владений. Укрепления располагались в древней части Вологды, именуемой в письменных источниках начала XVII в. «Старым городищем».

В 1994 г. раскопками автора в слоях, датированных второй половиной XV – серединой XVI в., были обнаружены фрагменты этих фортификаций. Было выявлено четыре параллельные линии плетней, расстояние между крайними рядами которых составляло около 5 м. В напольную сторону от линии плетней зафиксировано выраженное понижение материка. Открытые конструкции и особенности рельефа интерпретированы как остатки крепостного вала, имеющего в своей основе каркас из плетней и фрагмент рва. Обнаруженные в Вологде плетневые конструкции имеют аналогии с устройством валов первой половины XVI в. Китай-города в Москве и укреплений Смоленска. В Вологде на валах, очевидно, располагались деревянные башни и стены. Об этом свидетельствуют формулировки летописей «град ставили/срубили». На основании

полученных археологических материалов, локализации церквей на территории Старого городища, ретроспективного анализа рельефа и закономерностей планировочной структуры удалось реконструировать местоположение и границы «московской» крепости в Вологде. Она располагалась в излучине р. Вологда, на возвышенной террасе, была защищена с востока рекой, с севера и северо-запада ручьем и заливной болотистой поймой, с юго-запада и юга искусственным рвом, соединявшим ручей и реку. Площадь крепости составляла не менее 12,5 га (см. *рисунок*). Возможно, что локальные укрепления существовали и у прилегающих посадов (Кукушкин, 1997).

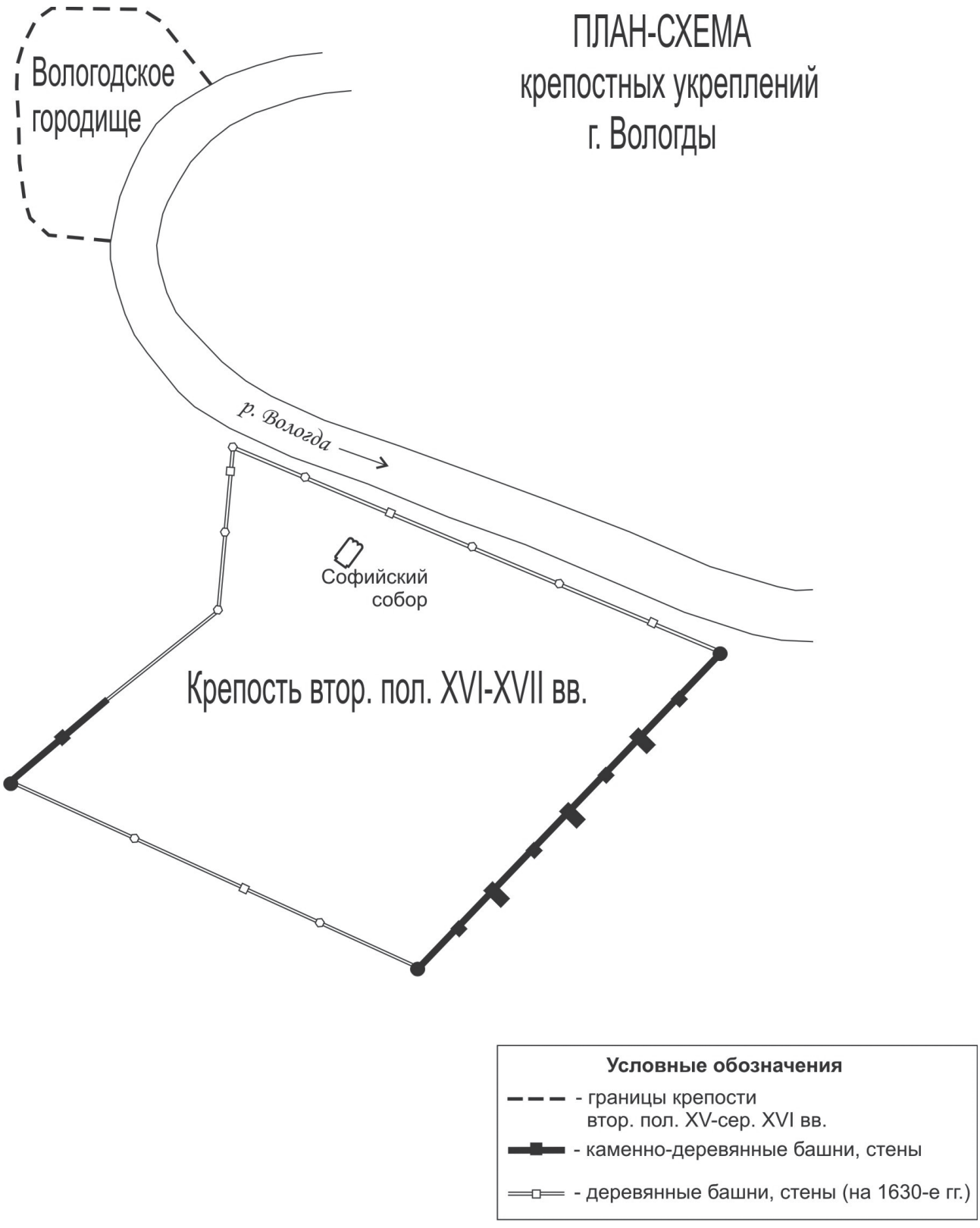
В 1565–1566 гг. Иван Грозный начинает грандиозное строительство по возведению в Вологде опричной резиденции. Новая каменная крепость строилась вне связи с дерево-земляными укреплениями Вологодского городища, в 500 м ниже по течению р. Вологда. Крепость сооружалась на регулярной основе, полностью по длине была выстроена ее юго-восточная сторона с девятью башнями, частично участок северо-западной стены с двумя башнями. По высоте стены и башни были возведены на один ярус. В 1571 г. каменное строительство было приостановлено. Крепость достраивалась в дереве, при этом, очевидно, были изменены планировка и конструкции укреплений первоначального проекта. Ее площадь составила около 46 га. Крепость неоднократно перестраивалась, ремонтировалась, но уже с середины XVII в. укрепления деградируют, в начале XIX в. последние наземные элементы были разобраны (Кукушкин, 2011).

В 2010 г. на основании письменных и картографических источников была выполнена историческая реконструкция крепости с наложением на современный топографический план города (Отчет о НИР, 2010. С. 20–25. Рис. 1). В 2011–2013 гг. проведены археологические работы по выявлению и изучению остатков крепости. До этого целенаправленного археологического исследования крепости не осуществлялось. В ходе охранных работ находили «свидетельства», «следы» крепостного строительства, но убедительные археологические артефакты, которые могли бы наглядно продемонстрировать факт сохранности и конструктивные особенности крепости, не фиксировались.

На участке северо-западной стороны крепости, где реконструировались каменные части укреплений, было заложено три шурфа. В двух шурфах обнаружены руинированные остатки крепости. В третьем шурфе на участке расположения Пречистенской угловой башни, выявлено мощение из кирпича-половника, очевидно, являющееся ее полом. Шурф был заложен и на юго-восточной стороне крепости, на участке расположения Благовещенской (Спасской) башни. Также были выявлены ее руинированные остатки.

Тремя шурфами исследован берег р. Вологда, где по реконструкции располагались деревянные части крепости, вдоль реки проходили дополнительный ров и «труба» – перепуск воды с заболоченных участков города. На этой территории в начале XX в. были построены электростанция и водопровод, поэтому культурный слой оказался фактически полностью уничтожен. Удалось проследить признаки дополнительного крепостного рва и/или дренажного рва-«трубы», фрагменты деревянных конструкций. Но для однозначной интерпретации выявленных элементов необходимы дополнительные данные.

В 2013 г. внутри реставрируемого здания середины XIX – XX в. были организованы археологические раскопки на участке расположения Глухой башни юго-восточной стороны крепости. Разновременные (середины XIX и середины XX в.) фундаменты дома основываются на единой валунной кладке крепости. Она выступала от вертикали фундаментов здания на 1,4–1,6 м. Кладка расчищена на длину 11,8 м, открыто два-три ряда валунов на высоту до 1,5 м. Для кладки использовались необработанные камни гранитных пород. Уплощенной стороной валуны обращены к фасаду, самые крупные сечением до 1 м располагались в верхнем ряду. В заполнении пазух кладки зафиксированы мелкие камни, глина, известь. По низу сохранились детали опалубки – поставленные на ребро деревянные плахи (тес) шириной 35 см, толщиной 7 см. В конструкции фундамента по линии фасада на расстоянии 3,6 м друг от друга располагались вертикальные сваи. Расстояние между краем фундаментного рва и кладкой



План-схема крепостных укреплений г. Вологды.

– 1,4 м. Стенки фундаментного рва пологие, откос 45°, его глубина от уровня материка 1 м. На месте примыкания к фундаменту стенки рва переходят в подфундаментный ров с вертикальными стенками. На склоне рва перпендикулярно кладке располагались колья, тес, бревна (Кукушкин, 2014).

Таким образом, благодаря выполнению комплекса научно-проектных и археологических работ удалось восстановить планировку Вологодской крепости второй половины XVI – XVII в., собрать конкретный материал о ее конструктивных особенностях и технологических приемах крепостного строительства. Предварительный анализ материалов позволяет говорить, что Иван IV Грозный предполагал возвести в Вологде каменную крепость, превосходившую по ключевым параметрам все существовавшие на Руси укрепления. При этом использовался опыт строительства Московского кремля, крепостей в Нижнем Новгороде, Туле, Зарайске, Казани. Проект царя не был завершен, крепость достраивалась в дереве. И в XVII в. каменные стены и башни эпохи опричнины служили каркасом периметра укреплений и основанием для надстраиваемых деревянных конструкций.

Рассмотрение истории крепостей Вологды показывает, что по меньшей мере со второй половины XV в. фортификационное строительство города находилось на соответствующем для крупных городов Руси уровне. Выдающийся по своему замыслу проект Ивана Грозного по возведению грандиозной опричной крепости не был до конца воплощен. В настоящее время стоят задачи по расширению комплексных исследований фортификационных объектов г. Вологда, дальнейшему осмыслению и обобщению имеющихся материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI века. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 727 с.

Григорьев Д.Н. Раскоп 2007 г. на Нижегородской улице г. Владимира // Археология Владимиро-Суздальской земли. Мат-лы науч. семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2008. С. 92–103.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.

Кукушкин И.П. Вологодское городище // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Русь, 1997. С. 36–46.

Кукушкин И.П. Вологодская крепость второй половины XVI – XVII века: основные этапы строительной истории // Реставрация и исследование памятников культуры Русского Севера. Вологда: Арника, 2011. С. 22–34.

Кукушкин И.П. История и этапы исследования Вологодской крепости второй половины XVI – XVII в. // Археология Севера. Мат-лы V археологических чтений памяти С.Т. Еремеева. Вып. 5. Череповец: ЧГУ, 2014. С. 75–87.

Отчет о НИР: Вологодская крепость второй половины XVI – начала XIX века (описание и реконструкция) (заключ.) / авт. Кукушкин И.П.; исп. Глибкина Т.М., Лойко А.С. / Дирекция по реставрации и использованию памятников истории и культуры Вологодской обл. Вологда, 2010. № ГР 01201050890, инв. № 02201053040. 38 с.

ДРЕВНИЙ ЮРЬЕВЕЦ: ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ И НОВЫЕ НАХОДКИ

© 2014 г. И.В. Купцов

Центр археологических исследований, Ярославль
(arqueolog@rambler.ru)

***Ключевые слова*:** Юрьевец Повольский, Пушкариха, Белый Город, А.А. Спицын, Л.А. Евтюхова.

Резюме. Археологическое изучение Юрьевца Повольского было начато в конце XIX в. А.А. Спициным и продолжено раскопками 1928 г. Л.А. Евтюховой. В дальнейшем вплоть до начала XXI в. археологическое наследие Юрьевецкой округи вызывало лишь эпизодический интерес у профессиональных археологов. В 2013 г. в Юрьевце начались работы с целью выявления памятников археологии в пределах городской территории, определения их границ, датировки и этнокультурной принадлежности. Проведенные раскопки уточнили топографию выявленных ранее памятников археологии городищ Пушкариха и Белый город. Были введены в оборот новые объекты археологического наследия. Археологические работы 2013 г. позволили локализовать и дать датировку различным по своей топографии, происхождению и составу участкам культурного слоя памятника. Данные участки можно рассматривать как вехи в формировании исторического облика города.

Город Юрьевец, известный в старину как Юрьевец Повольский – древнейший из городов Ивановской обл. Датой основания города считается 1225 г., а инициативу строительства приписывают Великому князю Владимирскому Юрию Всеволодовичу. Сегодня Юрьевец – районный центр на северо-востоке Ивановской обл., расположенный на правом берегу Горьковского водохранилища, в 170 км от областного центра, напротив устья крупных рек Нёмды и Унжи (левые притоки Волги).

Имеющий богатую историю город не мог не привлечь внимания археологов. Начало археологическому изучению Юрьевца было положено в конце XIX в. В 1897 г. А.А. Спицыным было проведено обследование городища в урочище Пушкариха на северной окраине города (Спицын, 1903. С. 111–142). Автор дает характеристику культурного слоя на площадке памятника, обращая керамику с характерным сетчатым («рябчатым», по выражению А.А. Спицына) орнаментом. На страницах его публикации встречается упоминание о находке в составе подъемного материала грузика «дьякова типа» («пряслица», по определению автора) – предмета, характерного для древностей дьяковской археологической культуры раннего железного века (вторая половина I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.). Таким образом городище Пушкариха стало первым памятником археологического наследия, зафиксированным на территории города.

Работы по изучению археологического наследия Юрьевца были продолжены только после Гражданской войны, и связаны они были также с тем же городищем в урочище Пушкариха. В 1927 г. экспедицией под руководством Л.А. Евтюховой были заложены несколько траншей на территории упомянутого памятника (Евтюхова, 1929. С. 36–45). Задачей исследования было выявление стратиграфии культурного слоя на площадке городища и в составе оборонительных валов. В ходе выполнения работ к некоторым траншеям была осуществлена расширяющая прирезка. Общая площадь раскопов в итоге составила 115,25 м^2.

Необходимость прирезки была обусловлена наличием нового археологического объекта, открытого в ходе исследования. Речь идет о выявлении на площадке городища остатков более раннего погребального комплекса, относящегося к древностям фатьяновской культуры эпохи бронзы. Нижняя датировка

истории заселения территории современного города, таким образом, отодвинулась до конца III – начала II тыс. до н.э. Могильник, обнаруженный Л.А. Евтюховой, стал древнейшим памятником археологии, зафиксированным на территории современного Юрьевца.

Культурные напластования раннего железного века, относящиеся к более позднему периоду, были вскрыты экспедицией Л.А. Евтюховой траншеями шириной 1,5 м. В полученном профиле вала удалось проследить остатки оборонительного частокола, а также следы двух крупных пожаров, по-видимому, связанных с историей боевого применения данной крепости. Среди находок преобладают фрагменты керамических сосудов, гладкостенные либо с сетчатым оттиском, характерные для дьяковской культуры раннего железного века. В своей публикации Л.А. Евтюхова указывает также несколько предметов более поздних эпох (рис. 1). Спустя девять лет после раскопок вышла короткая публикация А.Ф. Дубынина, где сообщались сведения о поступлении коллекции в областной музей (Дубынин, 1937).

В дальнейшем интерес к археологическим древностям Юрьевецкой округи возникает лишь в конце 50-х гг. XX в. в связи с проектируемым строительством Горьковской ГЭС. Однако в пределах районного центра новые памятники археологии тогда не были зафиксированы (Археологические памятники…, 1963).

Таким образом, несмотря на богатое событиями историческое прошлое города Юрьевца, на протяжении почти всего XX столетия археологическое наследие Юрьевецкой округи вызывало лишь эпизодический интерес у профессиональных археологов. Более того, культурный слой непосредственно города не вскрывался специалистами на протяжении последних 85 лет. На археологической карте зафиксировано лишь два памятника, расположенных на городской территории (Археологическая карта…, 1994. С. 191–193) – городище Пушкариха и валы Белого Города крупной крепости XVII в.

Только в 2009 г. под руководством М.Ю. Торопова были обследованы высоты коренного берега Волги в пределах исторического центра Юрьевца. В ходе проведенных наблюдений был обнаружен участок раннесредневекового культурного слоя, а также выявлены остатки исторического некрополя, точная датировка которого пока не установлена.

В 2013 г. в Юрьевце начались работы с целью выявления памятников археологии в пределах городской территории, определения их границ, датировки и этнокультурной принадлежности. Инициатором возобновления археологических изысканий на территории города выступила Администрация Юрьевецкого городского поселения. Разведки проводились силами ярославских археологов.

В ходе разведочных работ в июле 2013 г. было обследовано пять локальных участков городской территории. На данных участках было заложено 16 шурфов общей площадью 30 м^2. Проведенная шурфовка позволила уточнить топографию выявленных ранее памятников археологии городищ Пушкариха и Белый город, а также ввести в оборот три новых объекта археологического наследия: городище Юрьевецкий Острог, поселение Тургеневское Плато и поселение Юрьевецкий Посад.

Проведенные наблюдения за состоянием культурного слоя в черте г. Юрьевец позволяют сделать вывод о значительном антропогенном воздействии на него на протяжении последних 60–70 лет. Прежде всего это выражено в строительстве дамбы, защищающей город от затопления Горьковским водохранилищем. Во-первых, для строительства был взят грунт с высот в центре города, при этом полностью была срыта Георгиевская гора, на которой предположительно находился исторический центр древнего Юрьевца. Во-вторых, повышение уровня грунтовых вод на участках городской территории, оказавшихся ниже уреза воды в водохранилище, привело к затоплению нижних горизонтов культурного слоя.

По состоянию на 2013 г. единственный в Юрьевце памятник археологии, стоящий на государственном учете, – земляные валы Белого Города. Археологическое обследование остальной территории бывшей крепости было предпринято впервые. Шурфовка выявила наличие культурного слоя мощностью до 25 см, который, однако, оказался слабо насыщен

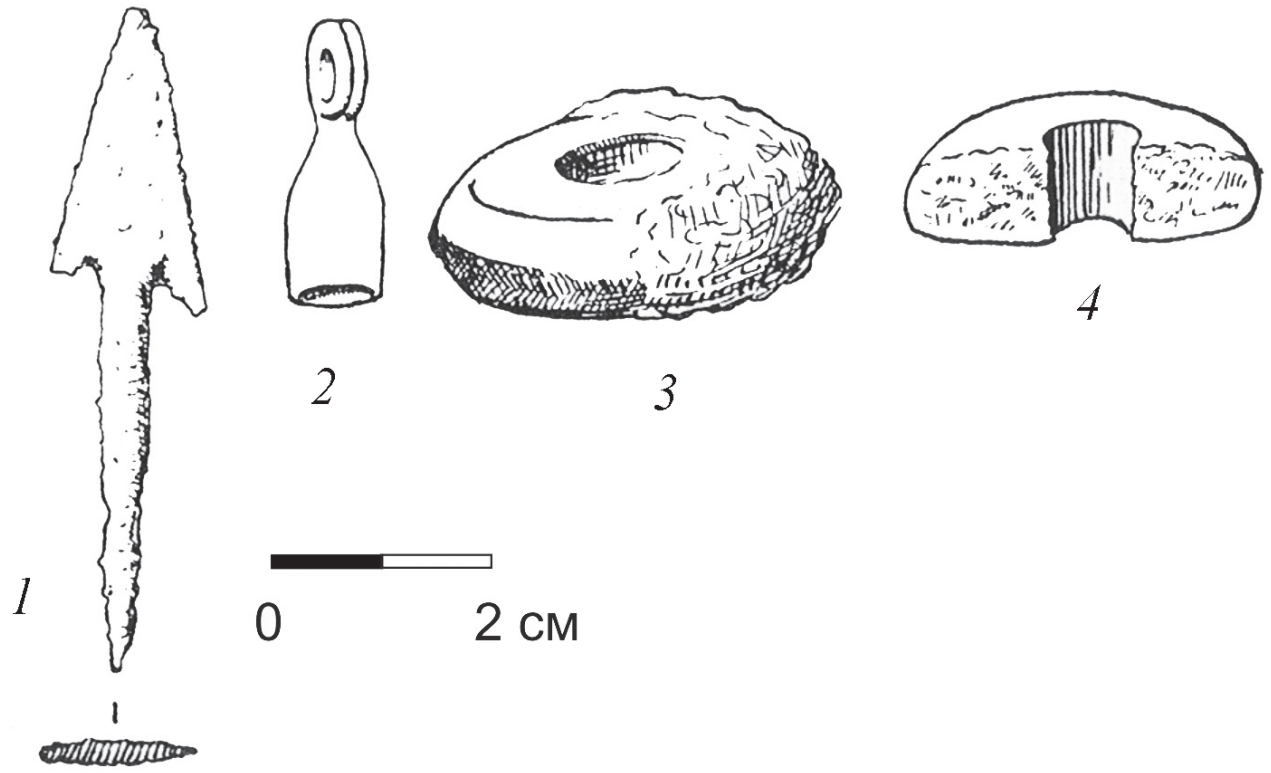


Рис. 1. Юрьевец. Находки 1928 г. (по: Евтюховой, 1929). *1* – наконечник стрелы, VII–XI вв., железо, ковка; *2* – колоколовидная привеска, VII–XI вв., бронза, литье; *3, 4* – пряслица, VII–XI вв., глина, лепка, обжиг.

находками. Немногочисленный подъемный материал с территории крепости имеет нижнюю датировку времен ее бытования – XVII–XVIII вв. Тем не менее значимой находкой стало обнаружение и фиксация фундаментных рвов, оставшихся от стен и башен каменной части крепости.

Самый насыщенный культурный слой и самые яркие находки были обнаружены на возвышенных участках Тургеневского Плато в центральной части города. На самом раннем по датировке участке найдена лепная керамика. Это обстоятельство позволяет датировать освоение данного участка городской территории периодом VII–XI вв. Особенности микротопографии участка шурфовки, а также общая историко-топографическая ситуация позволяют предположить, что большая часть культурного слоя на данном участке была уничтожена или повреждена тяжелой техникой при строительстве дамбы.

Другим участком шурфовки стал мысовидный останец в центральной части плато, имеющий террасированную поверхность – результат поздней хозяйственной деятельности, также нарушившей верхние горизонты культурного слоя. Тем не менее шурф, заложенный именно на этом участке, дал наиболее яркие находки. В их числе иконка-медальон (рис. 2, *1*), датированная по известным аналогиям (РБМ-31863; Станюкович, 2011. С. 60, 96. Табл. IV, *43*) рубежом XII–XIII вв., бронзовая пряжка и фрагмент бронзовой пронизки (рис. 2, *2, 3*), отнесенные к кругу дославянских древностей и датированные VII – началом XI в. Лепная керамика раннего времени в заметном количестве присутствует в составе культурного слоя, но основная часть массового материала состоит из фрагментов круговых сероглиняных сосудов начала XIII – XIV в. (рис. 2, *4–6*). Находки позволяют отнести освоение этой территории ко временам основания города. Учитывая непосредственную близость расположения бывшей Георгиевской горы, можно предположить, что данный участок культурного слоя в прошлом был связан с ее территорией и является остатком древнего Юрьевца.

Еще одна крепость на территории города, известная по письменным данным XVII в. и

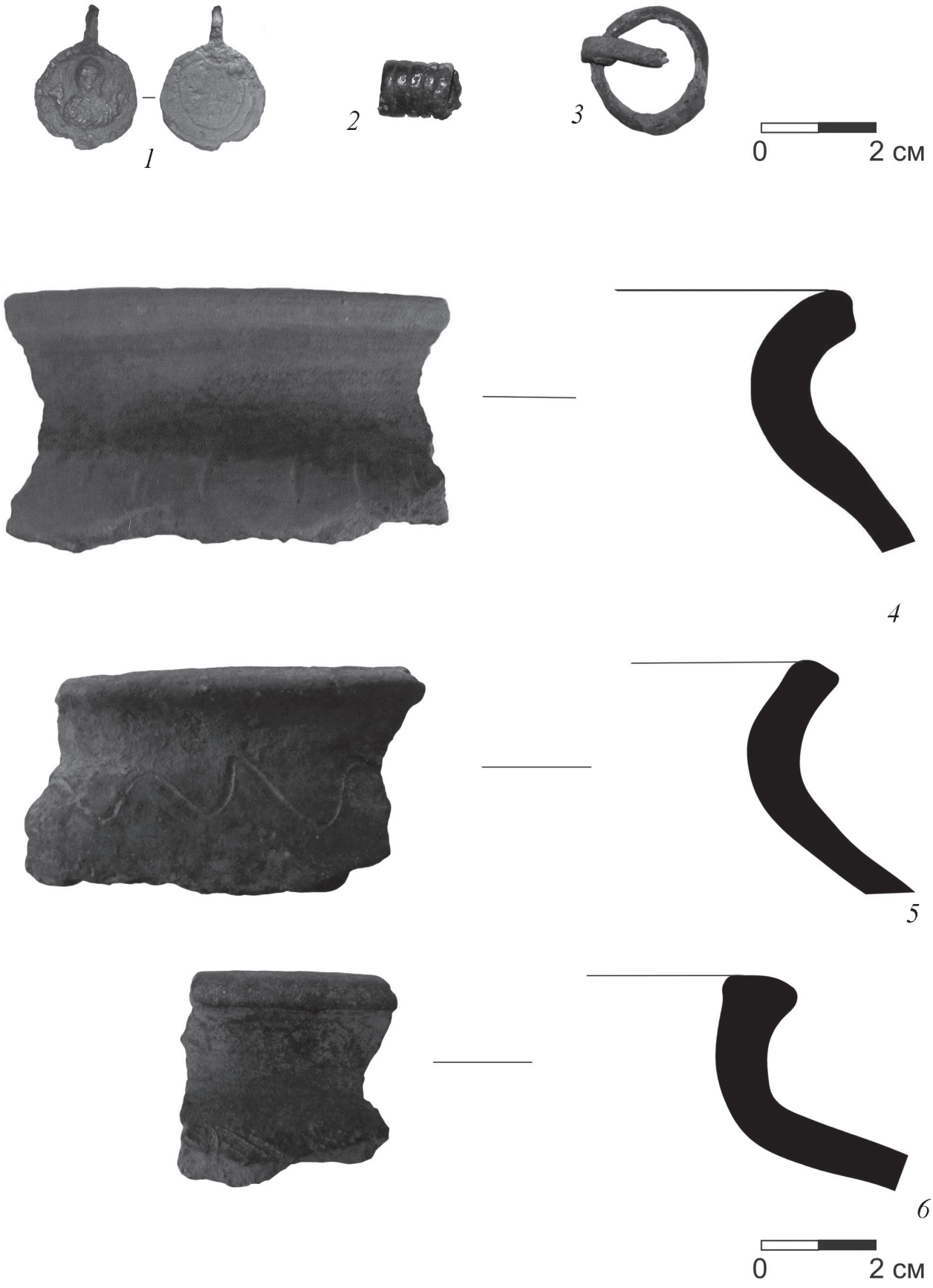


Рис. 2. Юрьевец. Находки 2013 г. *1* – иконка-медальон, XII – начало XIII в., оловянистый (?) сплав, литье; *2* – пронизка, VII–XI вв., бронза, литье; *3* – пряжка, VII–XI вв., медь, литье, ковка; *4–6* – фрагменты керамических сосудов, XIII в., глина, гончарный круг, обжиг.

по сообщению И. Китицына как стрелецкий острог (Китицын, 1901. С. 344–345), в качестве объекта археологического наследия была зафиксирована впервые. Разведка выявила наличие заплывшего рва в западной части обширного выступа коренного берега, занятого современной застройкой. Культурный слой в двух периферийных точках данного участка на основании полученного массового материала имеет нижнюю датировку XVI–XVII вв., т.е. период бытования крепости.

Граница разведок в прибрежной части Юрьевца была определена на основании карты дорегулярной застройки города. Состав и стратиграфия культурного слоя на прибрежных участках шурфовки представлена в основном переотложенными напластованиями, имеющими сравнительно позднюю датировку. Тем не менее в нижних горизонтах одного из шурфов удалось стратиграфически зафиксировать однородный гумусированный суглинок мощностью до 70 см, содержащий находки, датируемые XVII–XVIII вв. Отдельные же образцы керамики, собранной в шурфах в прибрежной части города, могут иметь и более раннюю, вплоть до XIII–XIV вв., датировку.

Археологические разведки 2013 г. в Юрьевце позволили, таким образом, локализовать и дать датировку различным по своей топографии, происхождению и составу участкам культурного слоя. Данные участки можно рассматривать как определенные вехи в формировании исторического облика этого древнего города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологическая карта России. Ивановская обл. / Авт.-сост. К.И. Комаров; ред. Ю.А. Краснов. М.: ИА РАН, 1994. 225 с.

Тр. Горьковской археологической экспедиции. Археологические памятники Верхнего и Среднего Поволжья. М.: Наука, 1963. 274 с. (МИА; № 110).

Дубынин А.Ф. Юрьевецкие древности // Рабочий край. 1937. 21 апреля. С. 4. (По нашей области).

Евтюхова Е.И. Описание раскопок Юрьевецкого городища в г. Юрьевце на Волге Иваново-Вознесенской губ. 1928-го года // Пятый год деятельности Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения. Иваново-Вознесенск, 1929.

Китицын И. О городских укреплениях Юрьевца Поволжского // Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XVII. Вып. 56. Казань: Казанский гос. ун-т, 1901. С. 345–346.

Спицын А.А. Городища Дьякова типа // Записки Отделения русской и славянской археологии Имп. Русского археологического об-ва. Т. V. Вып. 1. СПб.: Русское археологическое общество, 1903. С. 111–113.

Станюкович А.К. Неизвестные памятники русской металлопластики. Миниатюрные иконки-привески XI–XVI веков. М.: Группа «ИскателИ», 2011. 224 с.

ГОНЧАРНЫЕ КЛЕЙМА С ТРЕХЛЕПЕСКОВОЙ РОЗЕТКОЙ ИЗ ДРЕВНЕГО ВЛАДИМИРА

© 2014 г. А.Г. Лапшин[1], А.В. Бисерова[2]

[1] Педагогический институт Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир (lapshin-lapshin@mail.ru)
[2] Автономная некоммерческая организация «Фонд-СТО», Владимир (anhelika-69@mail.ru)

Ключевые слова: Владимир-на-Клязьме, сероглиняная керамика, гончарные клейма, матрица клейма, трехлепестковая розетка, знаки княжеской власти.

Резюме. Настоящая публикация посвящена вопросам изучения рельефных изображений трехлепестковой розетки на донцах сероглиняных сосудов древнего Владимира. На основе статистических данных и с привлечением приемов трасологии представляется вариант систематизации материалов этой группы.

Рельефные изображения на днищах сероглиняных сосудов представляют собой довольно многочисленную группу материалов археологического изучения древнерусских городов. Эти изображения принято называть гончарными клеймами.

Возникновение научного интереса к материалам данной группы относится к середине XIX в. (Котляревский, 1865; Тышкевич, 1865. Табл. VI–XI). К настоящему времени накоплен значительный опыт изучения гончарных клейм средневековой Руси. Основное внимания исследователей концентрируется на проблеме морфологии знака, которая предполагает работу в двух направлениях: систематизация знаков клейм по формам (графическим последовательностям); выявление денотата знака клейма. Критерием классификации форм клейм чаще всего выступает изображение фигуры, лежащей в основе рисунка. Такой подход был успешно апробирован в работах 1960–1980-х гг. Развитием данной методики является типология клейм, учитывающая «единство и различия конфигурации основы клейма» (Гупало, 1985. Рис. 1–7). В публикациях последнего десятилетия получила распространение классификационная схема, предложенная В.Ю. Ковалем (Коваль, 2002. С. 129; Кадиева, 2007а, б; Князева, 2007). Критерием систематизации в данном случае служит характер рисунка оттиска. Такое деление клейм предполагает кроме анализа графических последовательностей и учет денотата знака, хотя в научной литературе высказывалось мнение о том, что в данной классификации «символика и семантика клейм не учитывается вообще» (Панченко, 2007. С. 199).

Мнения по вопросу о значении клейм можно свести к нескольким гипотезам (Розенфельд, 1997. С. 26): первая определяет клейма как *знаки-обереги* инструментов, пищи, благополучия владельца сосуда; вторая интерпретирует клейма как *знаки собственности*; третья предлагает считать клейма *знаками мастеров*, изготовивших сосуды. Каждая из гипотез обеспечена аргументами и имеет своих сторонников. В публикациях последних 10 лет исследователи чаще всего обращаются к версии понимания клейма как *знака-оберега* (Грибов, 2001. С. 51; Гупало, 2001. С. 27; Князева, 2007. С. 122–123). Накопление значительного материала актуализировало необходимость обобщающих публикаций по теме (Кадиева, 2007б). В то же время работа по аналитике групп клейм, имевших хождение в малых длительностях и на небольших территориях, остается востребованной.

Среди рельефных изображений на днищах сероглиняных сосудов, обнаруженных в ходе археологического изучения памятников Владимиро-Суздальской земли, особое место занимают фрагменты сосудов с трехсторонней розеткой. Они обнаружены в слоях Владимира второй половины XII – начала XIII в., Суздаля второй половины XI – XII в. и Ярополча Залесского второй половины XII – начала XIII в. (Кадиева, 2007б. С. 178. Рис. 4, *1–10*). Большинство клейм этой группы происходит из Владимира. Трехсторонняя розетка обнаружена во всех частях города и является наиболее встречаемым знаком во Владимире (Князева, 2007. С. 125. Рис. 1). Эти изображения называются *розеткой* условно и представляют собой три одинаковые по длине прямые или слегка изогнутые линии, исходящие из одной точки и заканчивающиеся окружностью или овалом. Вне пределов Владимиро-Суздальской земли эти знаки не встречаются.

В 2003–2011 гг. Владимирский центр археологии и реставрации памятников истории и культуры (ВЦАРПИК) проводил охранные археологические исследования во Владимире, в ходе которых было получено 74 фрагмента донцев сероглиняных сосудов с изображениями, идентифицированными как трехсторонняя розетка. Анализ этих материалов позволит дополнить наши представления о клеймах данной группы

В ходе работы с отобранными фрагментами были идентифицированы четыре типологических формы сероглиняных сосудов: горшки (48 фрагментов), блюдца (16 фрагментов), стаканы (1 фрагмент), миски (9 фрагментов). Посуда с изображением трехсторонней розетки на днище активно использовалась как кухонная: в 76% случаев от общего числа фрагментов, подвергнутых анализу, зафиксировано наличие нагара.

С учетом особенностей рельефного оттиска рассматриваемые изображения могут быть охарактеризованы как в большинстве своем симметричные (55%), детально проработанные (62%), не имеющие дополнительной окружности (51%). Профиль валика, формирующего рисунок клейма, в 72% случаев был полукруглым и наносился инструментом типа фигурное долото. При изготовлении сосудов с рельефным изображением трехсторонней розетки на днище использовались все типы матриц. Можно полагать, что интальи-матрицы выполнялись по эскизу и с вполне осознаваемой целью. Мастерские, из которых выходила посуда с изображением трехсторонней розетки, производили ассортимент продукции для широкого потребления.

Группе клейм с трехсторонней розеткой стилистически близко клеймо, представляющее трехстороннюю розетку, из центральной точки которой исходит четвертая несколько искривленная линия без окружности на конце. В публикации материалов раскопа это изображение определено, как «розетка с ножкой» (Лапшин, Бисерова, 2012. С. 154. Рис. 1, *8*). Имеются два фрагмента с таким изображением. По индивидуальным особенностям изображений рельефные знаки определены как оттиски одной матрицы. Предположительно это схематичное изображение трехлепесткового соцветия или трилистника. С учетом такого предположения к группе рассматриваемых знаков может быть присоединен еще один: изображение трех округлых фигур неправильной формы, вписанных в треугольник с лучами на углах – соцветие или трилистник. Таким образом, можно говорить о группе знаков «трехлепестковая розетка».

В научной литературе имеются упоминания о связи изображений трехлепестковой розетки с группой знаков, определяемых как «геральдические клейма», «княжеские тамги» или «знаки Рюриковичей» (Кадиева, 2007б. С. 180; Князева, 2007. С. 125). Знаки княжеской власти и трехлепестковые розетки являются самыми встречаемыми рельефными изображениями на донцах сероглиняных сосудов во Владимиро-Суздальской земле. Многочисленные и разнообразные княжеские знаки точно не атрибутируются, хотя работы в этом направлении ведутся. Трехлепестковые розетки почти инвариантны в своей множественности. Очевидно значение данного знака в период его бытования было стабильным. По нашим предположениям, изготовление посуды с изображением трехлепестковой розетки соотносилось с деятельностью людей и производств, связанных с церковными структурами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Грибов Н.Н. Гончарные клейма селища Ближнее Константиново-1 // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород: НГУ им. Лобачевского, 2001. С. 38–55.

Гупало В.Д. Гончарные клейма Прикарпатья и Западной Волыни (опыт систематизации) // СА. 1985. № 4. С. 236–242.

Гупало В.Д. Раннесредневековые гончарные клейма (к дискуссии о назначении) // РА. 2001. № 1. С. 27–36.

Кадиева Е.К. Керамика из усадьбы г. Владимира конца XII – XIII в. (по материалам раскопок 1993–1998 гг. в квартале 22) // Русь в XIII в. Древности Темного времени / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 315–339.

Кадиева Е.К. Геральдические клейма на круговой посуде центра Ростово-Суздальской земли: морфология и хронология // КСИА. 2007а. Вып. 221. С. 130–138.

Кадиева Е.К. Клейма на круговой посуде Центра России Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // Археология Подмосковья. Мат-лы семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2007б. С. 172–196.

Князева Н.А. Гончарные клейма средневекового Владимира (Из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника) // Археология Владимиро-Суздальской земли. Мат-лы семинара. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2007. С. 122–127.

Коваль Ю.В. Клейма на средневековой русской керамике (опыт исследования на примере Ростиславля Рязанского) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь: Старый город, 2002. С. 125–135.

Котляревский А.А. Заметки к статье гр. А.П. Тышкевича: О свинцовых оттисках // Древности / Под ред. А.С. Уварова. М.: Тип. Грачева и Ко, 1865. С. 242–248. (Тр. Имп. Московского археологического об-ва; Т. 1. Вып. 1).

Лапшин А.Г., Бисерова А.В. О клеймах на сероглиняных сосудах древнего Владимира (по материалам раскопок в 2009 г.) // Археология Владимиро-Суздальской земли. Мат-лы семинара / Отв. ред. Н.А. Макаров; сост. С.В. Шполянский. Вып. 4. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2012. С. 152–158.

Панченко К.И. Клейма XII–XIX веков на донцах керамических сосудов из раскопок в городе Дмитрове // Археология Подмосковья. Мат-лы семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2007. С. 197–204.

Розенфельд Р.Л. Керамика // Древняя Русь. Культура и быт / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука, 1997. С. 22–28. (Археология СССР).

Тышкевич К.П. Свинцовые оттиски, найденные на р. Буге у Дрогичина // Древности / Под ред. А.С. Уварова. М.: Тип. Грачева и Ко, 1865. С. 115–124. (Тр. Имп. Московского археологического об-ва; Т. 1. Вып. 1).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ РОСТОВА X–XII ВЕКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2013 ГОДА)

© 2014 г. А.Е. Леонтьев

Институт археологии РАН, Москва
(leont3@mail.ru)

Ключевые слова: Ростов, средневековье, топография, внешние связи, материальная культура, история епархии.

Резюме. Материалы археологических раскопок 2013 г. отражают широкие внешние связи Ростова X–XII вв., его торговую деятельность. Керамический материал позволяет зафиксировать процесс замены лепной керамики на гончарную, который проходил разновременно на разных участках городской территории. Находки 2013 г. заставляют вновь обратиться к теме христианизации и становления ростовской епархии.

В 2013 г. были завершены раскопки на территории Конюшенного двора, здание которого находится в непосредственной близости от Ростовского кремля (рис. 1, *1*). Полученные результаты позволили пополнить данные об истории Ростова в первые столетия существования города.

Предшествующие раскопки позволили констатировать сравнительно позднее для Ростова освоение участка – во второй половине XI в., а появление застройки – только на рубеже XI–XII вв. Такая хронология казалась странной, поскольку всего в 85 м юго-восточнее, за современной кремлевской стеной (рис. 1, *2*), были вскрыты отложения раннего Ростова последней четверти X в. и горизонт предшествовавшего городу мерянского поселка (Леонтьев, 2011а; 2012. С. 172–176). Объяснение этому факту находится в деталях городской топографии того времени.

На карте палеоповерхности центральной части Ростова, созданной на основе археологических и геологических данных (Заботкина, 2005), заметна ложбина глубиной не менее 1 м и максимальной шириной 80 м, разделявшая два вышеупомянутых участка. Подчетырехугольный контур выдает ее искусственное происхождение. Раскоп 2013 г. захватил окраинную часть этого понижения. Оказалось, что это глинище, т.е. место, где бралась глина для гончарного производства. Характерный признак такой выработки – выявленный склон, сплошь покрытый переходящими друг в друга материковыми ямами с уплощенным дном и подбоями в стенках. Такая обширная «производственная зона» могла существовать только за пределами застроенной городской территории и, очевидно, ее наличие определяло в свое время западную границу Ростова.

Время функционирования глинища устанавливается благодаря следующим обстоятельствам. Среди находок, включая керамику, нет никаких артефактов эпохи догородского поселка. Вместе с тем в придонной части заполнения одной из ям найден германский денарий Оттона и Адельгейды (983–991 гг.), или подражание ему[1].

Таким образом можно полагать, что глинище использовалось по назначению в начальный период истории древнерусского Ростова в последней четверти X – начале XI в. В дальнейшем на протяжении около столетия выработка постепенно становилась более пологой: в раскопе зафиксирован нараставший культурный слой. К началу XII в. поверхность выровнялась. Поверх бывшего глинища встал первый бревенчатый сруб.

Коллекция находок из раскопок 2013 г. дает возможность полнее охарактеризовать некоторые стороны жизни Ростова. Археологические материалы отражают широкие внешние

1 Определение П.Г. Гайдукова.

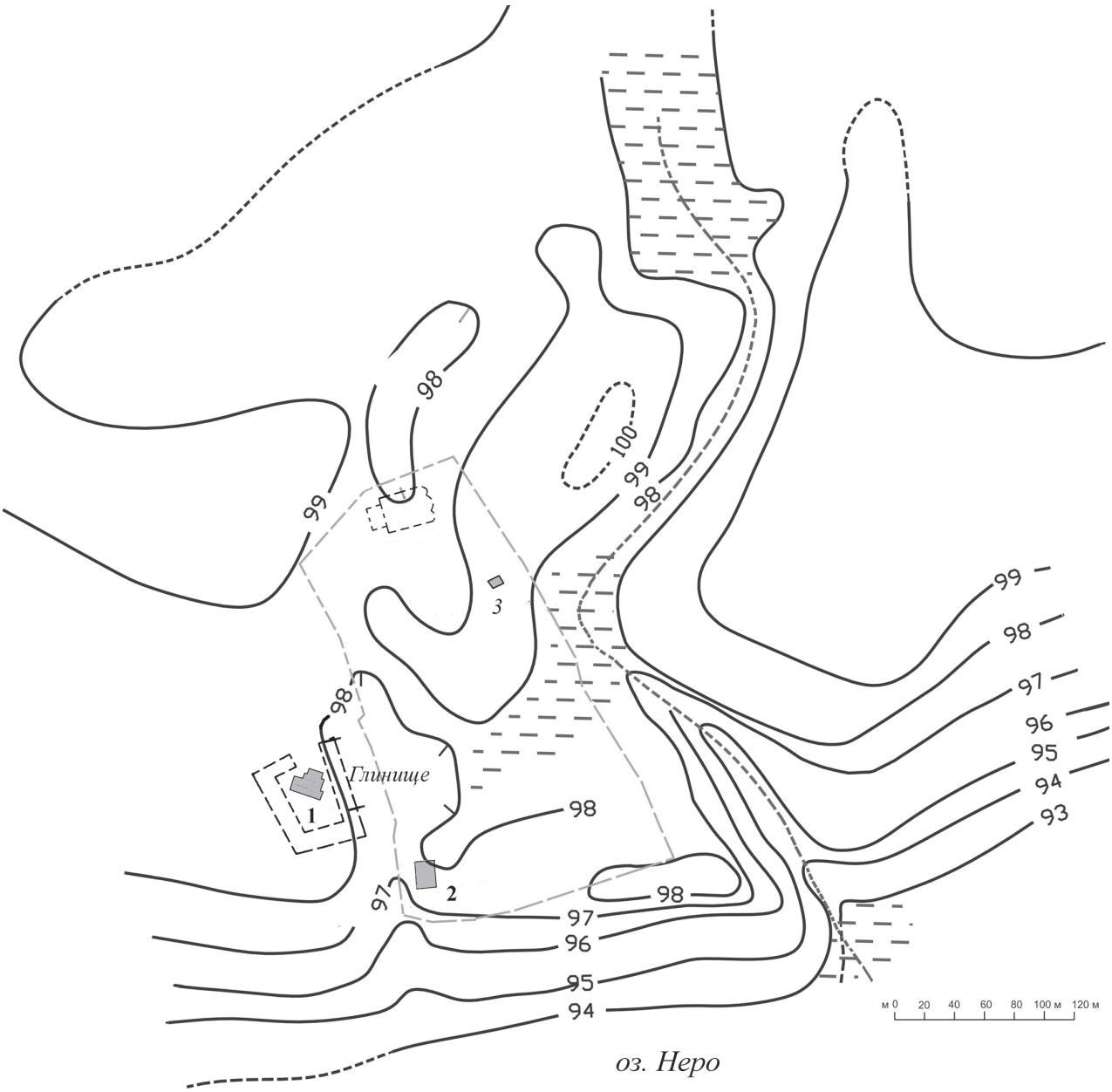


Рис. 1. Карта палеоповерхности центральной части Ростова. Пунктиром обозначены местоположения Конюшенного двора, Успенского собора, кремля и Соборной площади в периметре стен. *1–3* – местоположение упоминаемых в тексте раскопов.

связи города, его торговую деятельность. В слоях XI в. найдены весовые гирьки разных форм, монеты (два денария и медная европейская неясного чекана), товарные пломбы. Импорт представлен немногочисленными, но постоянно встречавшимися фрагментами характерной болгарской керамики, костными остатками крупных осетровых рыб, скорлупой грецких орехов и даже косточкой миндаля.

Уникальная находка, едва ли связанная с торговлей, – сасанидская, не позднее VII в., изготовленная из разновидности халцедона (сардера[2]) печать-гемма полусферической формы, обнаруженная в слое рубежа XI–XII вв. На корпусе просверлено сквозное отверстие для шнурка, на матрице резное изображение крылатого льва (барса?) в круге (рис. 2, *1*). Объяснить попадание в Ростов столь редкого предмета невозможно, но, исходя из формы и потертости основания, «в своей последней жизни» она могла использоваться как игральная шашка. На территории Древней Руси единственная аналогичная вещь известна в материалах гнездовского селища (Веш-

2 Определение А.В. Окулова.

Рис. 2. Ростов. Находки 2013 г. *1* – халцедоновая (сардер) печать; *2* – железное кольцо с «молоточками Тора»; *3* – железный наперсный (?) крест; *4* – нашивная фигурка ангела.

Количество и процент лепной керамики в раскопах

Местонахождение	Количество	%	Датировка (в скобках дендродаты построек)
РЧ -88 (рис. 1, *3*)			
Пласт 14	96 из 160	60	Рубеж X–XI вв. (1001 г.)
Пласт 13	38 из 278	13,7	1-я пол. XI в. (1051 г.)
Пласт 12	12 из 548	2,2	3-я четв. XI в. (1068 г.)
Пласт 11	2 из 567	0,35	4-я четв. XI в. (1088 г.)
РГ 92-96 (рис. 1, *2*)			
Пласт 11	1435 из 1498	95,8	90-е гг. X в. (995 г.)
Пласт 10	3387 из 3579	94,6	1 пол. XI в.
Пласт 9	3010 из 3825	78,7	3-я четв. XI в. (1079 г.)
Пласт 8	200 из 6010	3,33	4-я четв. XI в. (1093–1102)
Пласт 7	63 из 8365	0,75	1-я четв. XII в. (1116–1125 гг.)
РК-13 (рис. 1, *1*)			*Предварительная датировка*
Пласт 23-24, ямы	805 из 1439	55,6	Конец X – первая пол. XI в.
Пласт 22	334 из 672	49	3-я четв. XI в.
Пласт 21	183 из 967	18,9	4-я четв. XI в.
Пласт 20	103 из 921	11,2	Рубеж XI–XII вв.
Пласт 19	30 из 967	3,3	Начало XI в.

някова, 1995). Еще одним редким предметом, но с вполне объяснимой историей, является скандинавский амулет – железное кольцо с подвесками («молоточками Тора»), найденный в нижней части культурного слоя вместе с упомянутой выше монетой (рис. 2, *2*).

Различные по своему происхождению предметы быта и украшения и даже особенности бытовавшей керамики могут рассматриваться не только как свидетельство широкого распространения привозных изделий, но и как отражение разнообразия населения Ростова, в состав которого могли входить и выходцы из разных земель Руси и здешняя меря.

Возможно этим обстоятельством среди возможных прочих объясняется разная динамика смены лепной керамики гончарной в быту жителей разных участков городской территории.

Представленные в *таблице* данные показывают, что дольше всего лепная керамика преобладала в обиходе жителей древнейшей, наследовавшей мерянскому поселку приозерной территории, составляя большую часть посуды вплоть до третьей четверти XI в. В других исследованных местах (рис. 1, *1, 3,*) круговая керамика стала преобладающей на четверть века раньше, хотя лепные сосуды в пользовании сохранялись.

Находки 2013 г. позволили вновь обратиться к теме христианизации и становления ростовской епархии. Согласно возникшей не позднее начала XVI в. и отраженной в поздних летописных сводах церковной легенде, первый епископ появился в Ростове вскоре после крещения Руси. Исторические свидетельства при всех возможных вариантах развития событий позволяют отнести оформление епископии к периоду конца 40-х – первой половины 70-х гг. XI в. (Назаренко, 2010. С. 176–197), а по археологическим данным первая деревянная церковь, вопреки легендарной дате постройки 992 г., была поставлена, опять же, не ранее 50-х гг. XI в. (Леонтьев, 2011б. С. 42–43). Этот период отразили найденные в раскопе единственные в своем роде предметы христианской символики: самодельный, вырубленный из пластины, же-

лезный наперсный (?) крест (рис. 2, *3*) и нашивная, из листа медного сплава золотистого цвета, фигурка ангела (рис. 2, *4*) – видимо, аппликация, предназначенная для церковного облачения или убранства. С того же времени начинают встречаться нательные крестики, серия находок которых составила восемь экз. Некоторые из крестиков, в том числе наиболее ранние, представляли собой бракованные отливки. Начало изготовления предметов христианской символики в центре епархии можно считать доказательством начавшейся широкой христианизации, которая в источниках связывается с деятельностью первых ростовских епископов Леонтия и Исайи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вешнякова К.В. Сасанидская печать из Гнездова // Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга. СПб.: ИИМК РАН, СПБГУ, 1995. С. 64 –69.

Заботкина Л.В. Карта культурного слоя древнего ядра Ростова Великого. Отчет РГГРУ им. С. Орджоникидзе. Прил. 4. // Архив ГМЗ «Ростовский кремль». 2005.

Леонтьев А.Е. «Мерянское начало» Ростова // Тр. III (XIX) Всерос. археологического съезда. СПб; М.; Великий Новгород.: ИИМК РАН, 2011а. С. 64–65.

Леонтьев А.Е. О времени строительства в Ростове первого христианского храма // Археология древнерусского города XI–XV веков. Проблемы источниковедения, становления государственности и культурогенеза. Тез. докл. конф. М.: ИА РАН, 2011б. С. 42–44.

Леонтьев А.Е. На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда: ИА РАН, 2012. С. 162–177.

Назаренко В.А. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М.: ИВИ РАН, 2009. 515 с. (Древнейшие государства Восточной Европы: ежегодник; 2007 г.).

Самойлович Н.Г. Стратиграфия и хронология Григорьевского раскопа в Митрополичьем саду Ростовского кремля // Практика и теория археологических исследований. М.: ИА РАН, 2001. С. 226–242.

ВИЗАНТИЙСКИЕ ГОРОДА ТАВРИКИ X–XII ВЕКОВ: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧИЯ

© 2014 г. В.В. Майко

Крымский филиал Института археологии, Симферополь
(vadimmaiko@ukr.net)

Ключевые слова: средневековый Крым, провинциально-византийский город, городская инфраструктура, городская планировка.

Резюме. В работе проанализированы городские центры Таврики второй половины X – XII в., так называемого средневизантийского периода. Археологические исследования показывают, что в середине X в. в средневековом Крыму происходит своеобразный урбанистический бум, особенно ярко проявившийся в восточной части полуострова. Выделены общие составляющие средневековой городской инфраструктуры и основные факторы, способствовавшие формированию характерных отличий провинциально-византийских городов Таврики рассматриваемого хронологического периода.

Одно из важных направлений современной археологии – изучение средневекового города. Особое место занимают провинциально-византийские городские центры, известные на территории Крымского полуострова. В последние годы именно их археологическому изучению придается все большее значение. Анализируется планирование при строительстве городов, развитие городских кварталов, роль сакральной топографии в структурировании городской сети.

К сожалению, на имеющихся материалах полностью реконструировать облик города средневизантийского времени в Крыму пока невозможно. Тем не менее ясно, что он имел очень много сходных черт с планировкой провинциально-византийских городов Причерноморья и Средиземноморья.

Данный хронологический период выбран неслучайно. В настоящее время можно с уверенностью говорить если не про «урбанистическую революцию», то по крайней мере о значительных изменениях, произошедших в формировании городов полуострова начиная с середины X в. Именно во второй половине X в. наблюдается тенденция увеличения заселенности городских кварталов. Однако трудно согласиться с тем, что рост городов проходил только в рамках старых крепостных стен за счет увеличения скученности построек. Вероятно активно происходило освоение и незастроенных территорий. Эти перемены, менявшие облик Константинополя и центральных городов Византии постепенно, для провинциальных городов, особенно расположенных на границах Империи, имели гораздо большее значение. Они зафиксированы практически на всей территории полуострова, что дает возможность сделать вывод о наличии определенной тенденции, которая, однако, для разных частей Таврики имела свои особенности.

Несмотря на специфику провинциально-византийских городских археологических памятников Таврики, их средневековая инфраструктура в рассматриваемый хронологический период традиционно включает жилые и хозяйственные сооружения, фортификацию, городские зольники, культовые постройки и городские некрополи. Цель настоящей работы – попытка выделения особенностей перечисленных элементов городских памятников разных частей полуострова путем сравнения их с синхронными провинциально-византийскими объектами сопредельных территорий.

Помимо урбанистических в настоящее время можно выделить три основных фактора, оказавших решающее значение на формирование облика провинциально-византийских городов полуострова второй половины

X – XII в. Один из них – географические особенности рельефа местности. В отличие от строительства в Херсонесе (рис. 1, *1*) и на Боспоре (рис. 2, *2, 3*) домов на ровной поверхности, в Сугдее (рис. 2, *1*) и Партенитах (рис. 1, *3*) жилые дома возводились на искусственных террасах склонов гор. Вторым фактором, присутствующим в большинстве случаев, было наличие городских сооружений предшествующего времени. При этом характер использования ранних построек в каждом конкретном случае имел естественное своеобразие. Пока можно говорить о нескольких строительных приемах, примененных во второй половине X – XII в. Во-первых, использование домов предшествующего времени с достройкой существующих стен, не нарушавших конструктивные особенности сооружений. Во-вторых, частичная перестройка существовавших домов, ремонт и перепланирование стен, заклады дверных проемов, укрепление покосившихся стен помещений в пределах одной усадьбы, сооружение вторых этажей, которые в целом в большей или меньшей степени меняли первоначальный облик. В-третьих, строительство новых жилых и хозяйственных сооружений, часто с использованием элементов кладки «в елку».

Третьим фактором были выработанные к середине X в. в столице и крупнейших городах Византийской империи основные приемы, способствовавшие упорядочению внутригородской застройки. Это прежде всего попытки создания более или менее четких городских кварталов. Эти тенденции достаточно ярко проявились и в византийских провинциях, в том числе и в Таврике. В Херсонесе в середине X в. в качестве ядра застройки городских кварталов можно рассматривать жилые усадьбы с хозяйственными сооружениями и христианскими часовнями (рис. 1, *1*). Характер застройки внутригородской территории других городов полуострова можно пока восстановить только фрагментарно, в самых общих чертах. Например, на Боспоре большинство исследованных домов составляли городской квартал, разделенный перпендикулярными улицами, примыкающий к храму Иоанна Предтечи (рис. 2, *2*). В портовой части Сугдеи дома располагались на искусственных террасах южного склона Крепостной горы, спускавшихся к морю (рис. 2, *1*). Здесь в силу ограниченности пространства активно использовались сооружения, как фортификационные, так и жилые, более раннего времени. Активно практиковалось и сооружение домов на свободных террасах, таким образом, происходило расширение застройки портовой части. Между террасами существовали небольшие переулки, повторявшие рельеф горного склона. Здесь, несмотря на сложный рельеф, строители максимально полно пытались применить элементы квартальной планировки. На территории внутри крепостного пространства существовала практика пристройки домов к существующей крепостной стене, стены жилых построек более раннего времени использовались только в качестве фундаментов. Вероятнее всего здесь, как и на Боспоре, в полной мере использовалась квартальная застройка. В Партенитах, на южном берегу Крыма, исходя из рельефа местности наблюдается характер застройки склона горы, совершенно аналогичный Сугдее, и так же с попытками квартальной планировки (рис. 1, *3*). На городище Эски-Кермен при перепланировке территории и попытке создания городского квартала на месте предшествующих жилых и хозяйственных объектов возводят типичный для Херсонеса квартальный храм (рис. 1, *2*).

Аналогичные тенденции прослежены и при анализе городской планировки Тмутаракани последней трети X в. Отмечено, что новая городская квартальная планировка нарушила раннесредневековую планировку Таматархи, что характеризуется в первую очередь несовпадением ориентации жилых и хозяйственных помещений. Строения и здесь приближаются к домам провинциально-византийского типа.

Основным типом построек были сооружения, представлявшие собой двухкамерные дома с хозяйственным двором, чаще всего обнесенным каменной оградой. В северо-западном или северо-восточном углах одного из помещений располагалась печь-тандыр. В некоторых случаях прослежено последовательное возведение на одном и том же месте нескольких печей-тандыров. Иногда печь размещалась и на территории хозяйственного двора, примыкавшего к дому. Там же чаще

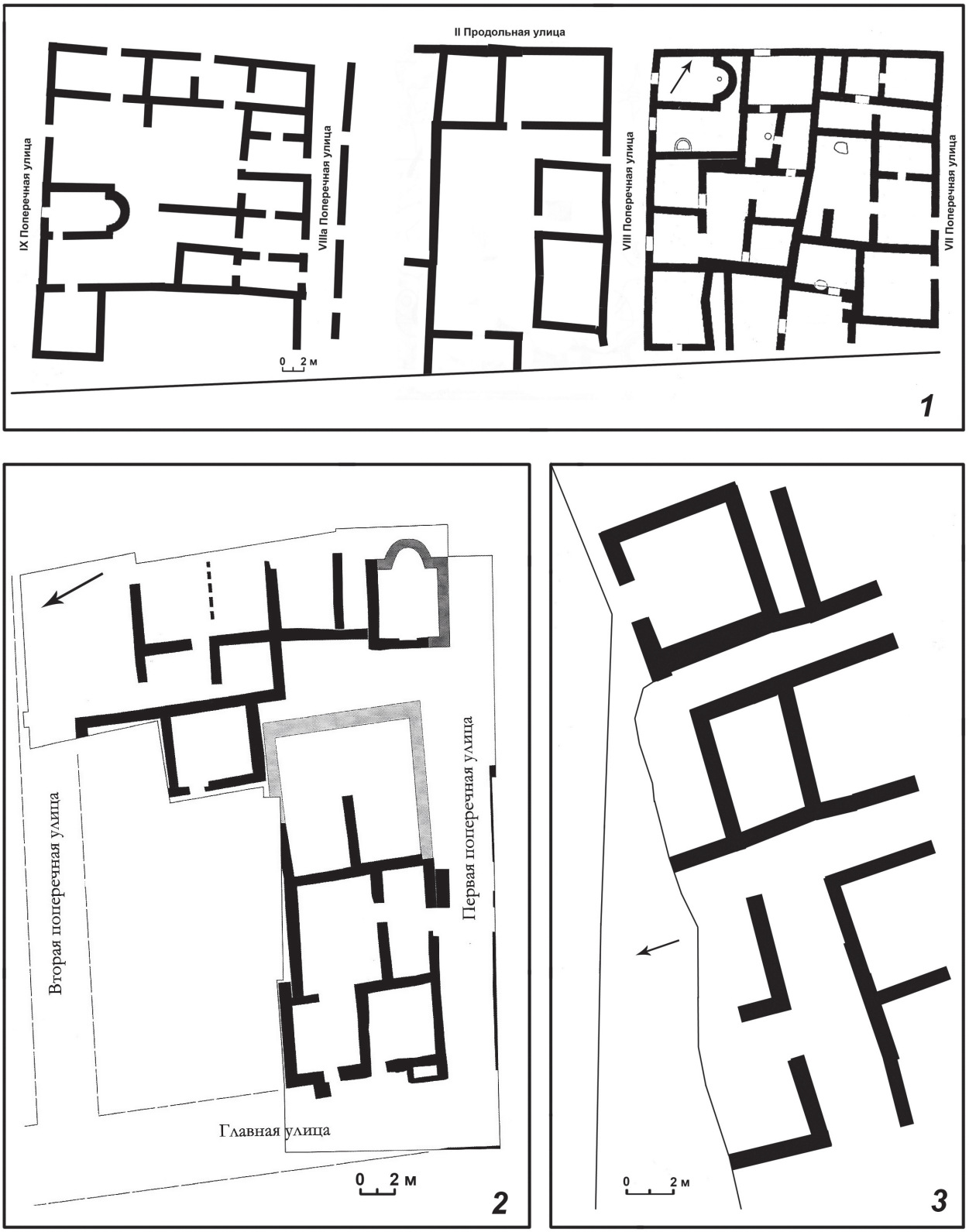


Рис. 1. Планы городских кварталов провинциально-византийских городов Таврики второй половины X – XII в. *1* – кварталы X, X-А, X-Б Херсонеса; *2* – кварталы Эски-Кермена; *3* – кварталы Партенит.

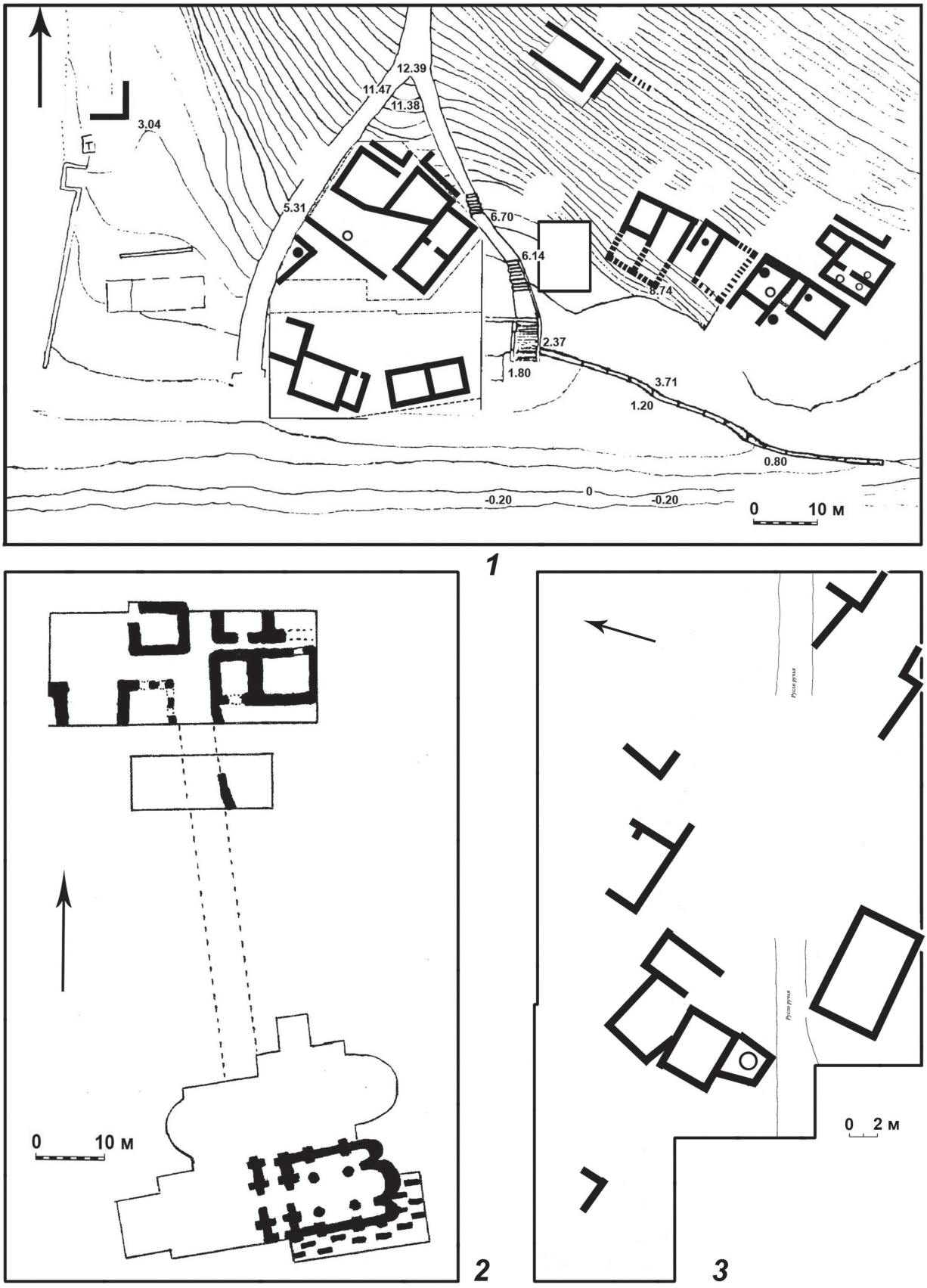


Рис. 2. Планы городских кварталов провинциально-византийских городов Таврики второй половины X – XII в. *1* – портовая часть Сугдеи; *2* – кварталы Боспора (Рыночная площадь); *3* – кварталы Боспора (Кооперативный переулок).

всего находились пифосы. Характерное отличие данного периода, связанное с урбанистическими процессами, – появление вторых этажей. При этом традиционно первый этаж использовался в качестве хозяйственного, а второй – жилого. Херсонесские кварталы разных частей города, изученные наиболее полно, отличались количеством двухэтажных сооружений.

На сегодняшний день, исходя из слабой археологической изученности и сохранности объектов провинциально-византийских городов, четко выделять жилые, хозяйственные и ремесленные постройки тяжело. При этом наверняка помещения, составлявшие одну усадьбу, были многофункциональными. Ряд простейших ремесленных операций, не требовавших специальных орудий и умений, выполнялся жителями самих усадеб. В рамках одной усадьбы повсеместно наблюдается совмещение мастерских с жилыми и подвально-кладовыми помещениями, что затрудняет определение приоритетного занятия жителей одного квартала.

Центрами городских кварталов были небольшие квартальные храмы, возле которых возникали некрополи. Последние воспринимаются как новый элемент исторической топографии. На примере Херсонеса можно утверждать, что в основном некрополи появляются на месте базилик более раннего времени, чему предшествует либо капитальная перестройка прежнего культового сооружения, либо строительство новой церкви, значительно меньшей по размерам. В это же время внутригородские кладбища, вписанные в городские кварталы, обносятся каменными оградами. Однако, например, в Восточном Крыму в Сугдее эти квартальные храмы известны пока только на территории крупных городских некрополей, вынесенных за пределы крепостных стен. Существовали ли они в пределах городских кварталов – неизвестно.

Другой важнейшей составляющей городов рассматриваемого периода были крестово-купольные храмы. Именно они в отличие от квартальных часовен образовывали не только доминанты городских кварталов, но и способствовали особенностям их планировки, включая направление улиц.

Именно с середины X в. в провинциально-византийских городах полуострова важной составляющей городской инфраструктуры становятся общегородские зольники. Все они, известные в Сугдее, Алустоне, Херсонесе, располагались с внешней стороны городских стен.

В портовых городах Таврики важнейшим городским элементом становится порт. Именно он в данный хронологический период был важнейшей градообразующей составляющей. Этому способствовала и политическая, и экономическая ситуация. Археологические исследования однозначно показывают, что портовые города Таврики не были центрами товарного аграрного производства. Они служили прежде всего в качестве центров транзитной торговли Южного и Северного Причерноморья. Раскопки городских кварталов Херсонеса показывают, что жители в основном занимались коммерческой и ремесленной деятельностью, а не сельским хозяйством. Вероятнее всего провинциально-византийские города Восточного, Южного и Юго-Западного Крыма выполняли те же функции.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО КОЗЕЛЬСКА В 2010–2013 ГОДАХ

© 2014 г. Г.А. Массалитина[1], И.В. Болдин[2]

[1] Национальный парк «Угра», Калуга
(macca90@mail.ru)
[2] Калужский областной краеведческий музей, Калуга
(boldin@kaluga.ru)

Ключевые слова: Козельск, локализация летописного Козельска, топография, раскопки 2010–2013 гг.

Резюме. Раскопки 1992 г. в Козельске показали полное отсутствие не только слоя, но и отдельных находок XI–XIII вв. на территории средневековой крепости города, что поставило перед археологами проблему местонахождения летописного Козельска. Археологические работы 2010–2013 гг. в центре современного Козельска у подножия мыса, обращенного в сторону бывшего русла р. Другусна, дали убедительное подтверждение существования на этом месте остатков древнерусского города.

Козельск – один из городов в землях Черниговского княжества, в летописи впервые упоминается под 1146 г. в связи с княжескими междоусобицами. События первой половины XIII в., связанные с походом на Русь хана Батыя, принесли городу мировую известность. Вплоть до недавнего времени вопрос о его местонахождении не обсуждался; априори предполагалась историческая преемственность древнейшего русского города, разоренного Батыем, и современного Козельска – районного центра Калужской обл.

Первые археологические раскопки в Козельске были проведены лишь в 1992 г. Их основная задача заключалась в выявлении и изучении остатков древнерусского Козельска. Выбор конкретного места для их проведения определялся традицией, прочно укоренившейся в краеведческой литературе еще с прошлого века. Согласно ей, упомянутые летописные события XIII в. разворачивались в той части города, где впоследствии располагалась средневековая крепость-острог.

Крупномасштабные исследования 1992 г., организованные Институтом археологии РАН, опирались на указанную выше традицию. Общая площадь раскопов составила 164 м^2. Кроме того, траншеей был прорезан один из сохранившихся участков вала. Результат показал полное отсутствие не только слоя, но и отдельных находок XI–XIII вв. Таким образом, результатом работ 1992 г. стало возникновение проблемы местонахождения летописного Козельска.

Однако еще с середины 80-х гг. детальное обследование топографии современного города, наблюдение за строительными земляными работами и сбор подъемного материала позволили выявить участок в пределах все того же исторического центра города, гораздо более подходящий для поисков следов городского поселения эпохи Древней Руси. Это небольшой холм на высоком мысу близ устья р. Другусна (устье было отведено в связи со строительством железной дороги). К пойме мыс резко обрывается и имеет очень крутой склон. Наряду с традиционной для древнерусских поселений топографией этот участок привлекателен еще и характером подъемного материала, происходящего с огородов местных жителей: фрагменты керамики XI–XIII вв., стеклянные браслеты, шиферные пряслица. Городская улица, плавно огибаю-

щая холм, имеет весьма характерное название – Земляной Вал.

В настоящее время мыс очень плотно застроен жилыми, хозяйственно-производственными и культовыми зданиями. Стремление продолжить археологический поиск следов летописного Козельска теперь уже на совершенно конкретном, но по объективным причинам труднодоступном для работ участке в 1997 г. привело к получению разрешения от властей города и администрации хлебопекарни на закладку раскопа непосредственно на территории последней. Для исследований был отведен крошечный участок, где и были заложены маленький раскоп (24 м^2), – у южного фасада церкви и шурф (4 м^2) – у ее апсиды. В связи с обилием подземных коммуникаций их площадь в ходе работ была сокращена соответственно до 16 и 2 м^2. Под мощными напластованиями строительного балласта и церковного некрополя XVII–XVIII вв., на глубине 3,5–4,2 м от современной поверхности был выявлен культурный слой средневекового города мощностью около 1 м. Материалы самой нижней, придонной части суммарно датировались XIII–XIV вв. Древнерусский слой стратиграфически не выявлялся. В то же время в культурном слое раскопа и шурфа, разрушенном перекопами разного времени, по всей толще и на разных уровнях зафиксировано небольшое количество находок, которые могут быть отнесены к эпохе Древней Руси в целом: фрагменты верхних частей круговых сосудов, стеклянных браслетов, каменный крест-«корсунчик». Совокупность археологических фактов на период 1997 г. не позволяла сделать определенного заключения о существовании в пределах современного Козельска *города* домонгольского периода; можно было говорить лишь о наличии на холме в устье Другусны какого-то поселения в предшествующий нашествию Батыя период. Неопределенность результатов работ 1997 г. никоим образом не отменяла актуальность проблемы локализации летописного Козельска. Главным итогом работ этого этапа следует признать выявление в пределах исторической части города участка, где следовало вести целенаправленный поиск его остатков.

В силу ряда причин к решению этой задачи калужские археологи вернулись лишь в 2010 г. Исследования проводились у подножия мыса, обращенного в сторону бывшего русла р. Другусна. На выбранных участках были заложены два шурфа. Все слои шурфа 1 содержали в основном современный материал, связанный с деятельностью хлебокомбината и строительством стадиона, близ которых он располагался.

Материал же шурфа 2 с точки зрения проблемы поиска местонахождения летописного Козельска дал интересный результат. Он был заложен на том участке подножия холма, выше которого расположен вожделенный частный сектор. В нем также найдены разновременные изделия и их фрагменты (по XX в. включительно), залегающие в переотложенном состоянии. Но среди них выделяется весьма представительная и выразительная группа находок XI–XIII вв.: фрагменты круговой керамики, стеклянных браслетов, шиферное пряслице. Особенно интересными оказались результаты анализа керамического материала. Значительная часть фрагментов (более 400) среди почти 3 тыс. ед. датирована XII–XIII вв. В целом, несмотря на неудавшуюся попытку провести исследования на самом холме в устье р. Другусна, результаты работ у его подножия в 2010 г. дали очень убедительное дополнительное подтверждение существования в центре современного Козельска остатков древнерусского города.

В 2011 г. в связи с планами нового владельца хлебокомбината восстановить церковь Вознесения удалось получить его согласие на археологическое обследование прилегающей к зданию храма территории. Раскоп площадью 32 м^2 был заложен близ его северного фасада. Общая максимальная мощность слоя достигала 3,2 м. Слой был стратифицирован, имел довольно сложный характер напластований. Многочисленные находки древнерусского времени встречены в пяти нижних пластах раскопа (1 м культурного слоя), включающих разные стратиграфические составляющие. Среди находок – фрагменты стеклянных браслетов (41 ед.), шиферные пряслица (7 ед.), костяной двусторонний гребень, золотостеклянные и сердоликовые бусы, калачевидное кресало, кусочки янтаря – отходы производства. Особенно показателен полученный набор круговой посуды: периодом XI в. датировано около 60 фрагментов; к XII–

XIII вв. отнесено около 2,5 тыс. фрагментов. Среди керамики XI в. выделяется очень архаичная часть образцов, отнесенная к этапу освоения гончарного круга (рубеж X–XI вв.).

Результаты исследований 2011 г., проводившихся в центральной части холма в устье р. Другусна, со всей очевидностью свидетельствовали о наличии здесь остатков города XI–XIII вв. Топографическая ситуация не позволяла сомневаться в том, что речь идет о его детинце. Необходимо отметить один важный момент. В толще напластований древнерусского времени выявлен горизонт, содержащий большое число стеклянных браслетов (38 из 41 найденных экз.). В нижележащем слое они отсутствовали, также как и щепа с древесной трухой, которыми был обильно насыщен «браслетоносный» горизонт. Зафиксированная граница, связанная с резкой сменой характера культурного слоя, дает основание для самых разных предположений о причинах последней.

Место для раскопа в 2012 г. было выбрано в пределах исторической части города, на той же улице Земляной Вал, к югу от холма, где велись работы прежних лет, за окружавшим его некогда оврагом. Раскоп (6 х 4 м) на этой площадке был заложен таким образом, что восточная его стенка находилась у начала крутого склона к р. Жиздра; южная – близ ул. Белевская Горка. Улица, круто спускающаяся к реке, проложена по древнему оврагу, ограничивающему с севера средневековую крепость Козельска.

Основную часть полученного в ходе раскопок материала составили находки эпохи Древней Руси (значительная часть средневекового слоя уничтожена при строительстве банного комплекса). К обычным уже для прежних раскопов стеклянным браслетам, шиферным пряслицам, характерным фрагментам круговой посуды добавились находки семилопастных височных колец (как самого раннего, так и наиболее позднего вариантов), более 10 бронзовых и серебряных перстней, фрагменты бронзовых пластинчатых браслетов, узелковая бусинная серьга, каменный крест-«корсунчик».

Результаты работ 2012 г. имеют важное значение для изучения древнерусского Козельска. Раскоп пришелся на территорию городского посада, одновременно находясь близ вала средневековой крепости, к северу от его подножия. Работами 1992 г. выявлено полное отсутствие древнерусских материалов на территории крепости, окруженной этим валом. Можно утверждать, что удалось зафиксировать южную границу древнерусского города – его посада. Граница имела естественный характер – древний овраг.

Археологическими раскопками 2013 г. продолжены исследования на холме близ устья р. Другусна. Раскоп 32 м^2 и шурф 12 м^2 были заложены на южной оконечности мыса. В ходе работ выявлены следы рва, расположенного на площадке, и подножие вала. Объемы работ позволяют пока только предположительно говорить о трех этапах сооружения вала (каждый завершался пожаром деревянных конструкций). Для шести образцов двух «нижних» пожаров были получены радиоуглеродные даты: 1048–1218, 1021–1155, 988–1152, 1160–1259, 1029–1165, 1035–1171.

Убедившись в результате археологических работ последних лет в существовании здесь остатков древнерусского города, свою дальнейшую задачу мы видим в выявлении и детальном изучении его структуры и топографии.

Вопросы – была ли семинедельная оборона, как могли защитники городка продержаться так долго, тот ли это Козельск – возникали и будут возникать. Не имея на сегодняшний день веских, не вызывающих сомнения доводов, что летописные события 1238 г. происходили где-то на Оке (Десне, Угре, Волге и т.д.), мы придерживаемся традиционной точки зрения, локализуя их в Козельске на Жиздре.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКЕ ВОЛЖСКИХ БУЛГАР X ВЕКА

© 2014 г. Д.Г. Мухаметшин

Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, Болгар (djamil78@list.ru)

Ключевые слова: монеты, тамга, имитация саманидских и волжско-булгарских дирхем, чеканка, волжские булгары, династия Джаффаридов, X в.

Резюме. В работе представлены различные типы монет-подражаний, которые наряду с подлинными имели хождение в Волжской Булгарии в X в. Рассмотрен вопрос о степени искажения надписей на таких монетах и их датировке.

В конце IX – начале X в. волжские булгары начали собственную чеканку монет, что показывает образование государственности у булгар и стремление правителя к политической независимости. Первые монеты Волжской Булгарии чеканил отец Алмуш хана Абдаллах ибн Текин (Шилки). Монеты Джафара ибн Абдаллаха (Алмуш) выделяются наличием родовой тамги Джафаридов. На ранних монетах Болгара были скопированы названия саманидских городов Аш–Шаша, Самарканда, Бухары, позднее вырезались названия булгарских городов Болгар и Сувар. Булгарские монеты чеканилась с рубежа IX–X до начала XI в. Известны монеты сына Алмуш хана Микаиля, внука Абдаллаха и Мумина бин ал–Хасана, чеканенные в Болгаре, Талиба ибн Ахмеда, его сына Мумина ибн Ахмеда, чеканенные в Суваре (Янина, 1962. С. 196). Абдурахман ибн Муэмин был последним правителем из династии Джафаридов, чеканившим монеты в Суваре (Молчанов, 1998). Наибольшее число монет было выпущено от имени Микаила ибн Джафара и Муэмина ибн Хасана.

1. Наряду с подлинными монетами булгары чеканили из серебра подражания с именем саманидского эмира Насра ибн Ахмеда (301/914–331/ 943), которые наравне с подлинными монетами участвовали в денежном обращении. Об этом упоминает Р.Р. Фасмер (1926. С. 40). Он же сообщает о находке штемпеля таких монет в XIX в. Другой подобный штемпель был обнаружен в пригороде Сувара, сегодня он выставлен в Музее булгарской цивилизации в г. Болгар. Одна монета – подражание Насра бин Ахмеда была обнаружена в Болгаре (раскоп 179; 2013 г.). Известен клад подражаний Насра бин Ахмеда из Кокрятского городища Старомайнского района Ульяновской области, обнаруженный в 2003 г. Он содержал монеты, чеканенные одним штемпелем. В дальнейшем монеты Насра бин Ахмеда стали эталоном для отливки монетовидных подвесок.

2. Односторонние серебряные имитации саманидских и волжско-булгарских дирхем встречаются в составе кладов X в. Это показывает, что они наравне с полноценными дирхемами использовались как средство платежа. Односторонние оттиски монет Волжской Болгарии с именем Мумина ибн ал–Хасана имеют прочную основу и высокий вес. Обратная сторона монеты – по типу Фасмер № 18, Янина № 6, но штемпель другой. На верхней части монеты расположена родовая тамга булгарской династии Джаффаридов. Оттиски монет эмира Мумин бин ал–Хасана происходят из Веселовского могильника и могильника Нижняя Стрелка. Оба экземпляра монет чеканены одним штемпелем. Еще одна монета обнаружена в Красногородском селище Чердаклинского р-на Ульяновской обл. (Лебедев, Трушин, Кожевин, 2012. С. 163. Рис. 5. № 11–3).

3. Монеты-подражания следующей группы изготовлены из пористого металла и пла-

кированы серебром. Они от подлинных монет отличаются только тем, что выполнены не из серебра. Толщина серебряного покрытия монет неодинаковая. В размерах монет значительной разницы нет: 22–27, 22–28, 24, 30 мм. По сравнению с подлинными монетами они имеют низкие весовые данные: 2,60; 2,43; 2,10; 1,74; 1,40 г.

По качеству чеканки они не уступают подлинным монетам. Не исключено, что это фальшивые монеты, которые участвовали в денежном обращении, а в дальнейшем использовались как украшения и в ритуальных целях. Публикация подобных подражаний в нумизматической литературе не встречается.

4. Нумизматический материал другой группы состоит из подражаний, изготовленных из серебряных пластин разной толщины и фольги. Подражания № 1–4 имеют относительно высокий вес: 2,47; 1,70; 1,44; 1,27 г. Не исключено, что эти подражания были в обращении вместе с подлинными монетами.

Подражания № 5–9 имеют небольшой вес: 1,12; 1.04; 0,73; 1,44; 0,36 г, хотя имеют приблизительно одинаковые размеры: 30, 26, 28 мм. В подлинных монетах такой разброс весовых данных исключен. Это показывает, что подражания изначально не были предназначены для денежного обращения.

5, 6. Кратко еще о двух литых подражаниях. На одном из них грамотно копирована лицевая сторона саманидского дирхема без имени халифа. На верхней части монетного поля тамга в виде перевернутой буквы «А». Подражания чеканены одним штемпелем, однако имеют разный вес – 1,99 и 2,05 г. Монета из белого металла и своему качеству отличается от других подражаний. Внутренняя и внешняя круговые легенды отпечатаны расплывчато. Надпись внутренней легенды монеты можно реконструировать как указание даты и место чекана – Болгар. Знак на монете представляет собой родовую тамгу династии Джаффаридов.

Близкая по типу литая подражательная монета происходит из могильника Нижняя Стрелка Юринского р-на Республики Марий Эл. Это монета с титулом «ал–амир Барсал». Известно несколько экземпляров подлинных подражательных монет этого типа. Р.Р. Фасмер и С.А. Янина в своих работах подробно рассматривали титул «ал–амир Барсал» и установили принадлежность монеты Алмуш хану. Дату на монетах из ГИМ С.А. Янина читала как 308 г.х., а вопрос о месте чекана оставила открытым.

Нет сомнения в том, что литые подражания из Русенихинского могильника и из могильника Нижняя Стрелка являются лицевыми и обратными сторонами подражательной монеты опубликованной Р.Р. Фасмером и С.А. Яниной (Янина, 1962. Рис. 1, *2*). Обратная сторона опубликованной С.А. Яниной монеты и литых подражаний идентичны. Лицевая сторона литых подражаний выделяется наличием тамги и более ранней датой – 293 г.х. (см. *рисунок*). Подлинные монеты подражаний подобного типа датируются правлением Алмуш хана до официального принятия ислама (922 г).

На булгарских подражаниях наблюдается различная степень искажения надписи:

а) круговая надпись одна, что значительно облегчает работу резчика и дает возможность более крупно подать вторую строку. Надпись читаема;

б) на поле обратной стороны монеты пропускается последняя строка, т.е. вырезается только имя халифа. В основном это имя халифа Ат–Таи биллаха (363–381 г.х.). Надпись читаема;

в) на поле обратной стороны врезаны имена двух халифов – Ал–Муттаки (329–333) и Ал–Мути (334–363). Надпись прекрасного исполнения;

г) надпись искажена, однако по стилю можно улавливать смысл части надписи;

д) надпись полностью искажена. Это в основном касается литых монетовидных подвесок.

Датировка и время бытования монет-подражаний. Верхняя дата этих подражаний соответствует дате подлинных монет. Для копирования изготовители подражаний использовали монеты, находящиеся под рукой. С учетом времени поступления монет в Среднее Поволжье, их использование как объекта копирования не может превышать 10–20 лет. На наших монетах наиболее поздняя дата – 976 г. Таким образом, поздняя дата изготовления монет-подражаний – 80–90 гг. X – рубеж X–XI вв. Возможно, изготовление их было

Подражание монете Алмуша до принятия ислама.

прекращено в связи с широким распространением литых монетовидных подвесок, выполняющих те же функции – использовавшихся для ритуальных целей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лебедев В.П., Трушин И.Д., Кожевин А.Е. Нумизматические находки на булгарских домонгольских памятниках в Ульяновской области // Исследования по средневековой археологии Евразии / Науч. ред. К.А. Руденко. Казань: РИЦ, 2012. С. 154–171.

Молчанов А.А. О монетном чекане Волжской Болгарии конца X в. (дирхам Абд ар–Рахмана ибн Мумина 387 г.х.) // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. С. 62–64.

Фасмер Р.Р. О монетах волжских булгар X века // ИОАИЭ. Т. XXXIII. Вып. 1. Казань: Казанский ун-т, 1926. С. 29–60.

Янина С.А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // Тр. Куйбышевской археологической экспедиции / Отв. ред. А.П. Смирнов. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 179–204. (МИА; № 111).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ АДЫМ-ЧОКРАКСКОЙ ДОЛИНЫ КРЫМСКИХ ПРЕДГОРИЙ

© 2014 г. В.Е. Науменко

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь (byzance@rambler.ru)

Ключевые слова: Адым-Чокракская долина, Магупское городище, урочище Суаткан, Илька-1, Илька-2, гончарный центр, гончарная печь, христианский храм.

Резюме. В результате археологических исследований 2010–2013 гг. составлена археологическая карта Адым-Чокракской долины в Крыму. Наиболее важный результат работ – локализация на местности некрополей раннесредневекового времени, а также новых археологических памятников производственного (гончарные комплексы) и культового (христианские храмы) характера.

На протяжении нескольких полевых сезонов (2010–2013 гг.) Горнокрымская экспедиция Бахчисарайского историко-культурного заповедника проводила комплексные геофизические и археологические исследования южной периферии Мангупского городища с целью составления подробной археологической карты на территории его пятикилометровой охранной зоны. Мангупское городище принадлежит к числу крупнейших крепостей средневекового Крыма. Расположено на отдельном скальном плато площадью около 90 га и высотой 584 м над уровнем моря, на границе Внешней и Внутренней (Главной) гряды Крымских гор. Его отличительная особенность – сосредоточение на сравнительно компактной территории разновременных (от VI до XVIII в.) и разноплановых археологических объектов фортификационного, культового, общественного и жилого характера, отражающих практически все основные периоды в истории Крымского п-ова позднеантичного и средневекового времени (об основных этапах изучения городища и современной периодизации см. Герцен, 1990. С. 89–102; 2003; 2008а. С. 305–321; 2008б. С. 228–246).

Район исследования представляет собой гористую местность в пределах Адым-Чокракской долины, ограниченной с севера склонами Мангуп-Кале, с юга идущей в направлении с северо-востока на юго-запад цепью горных вершин – Орта-Сырт, Илька, Кая-Баш (Два Татарина), Бабулган, с запада и востока – соответственно долинами Джандере и Урауз-дере (рис. 1).

Изучение данного района Крымских предгорий фактически было начато еще в начале 90-гг. XX в. сотрудниками Мангупской археологической экспедиции Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь) в рамках подготовки проектной документации по организации охранной зоны Мангупского городища (Памятники архитектуры и археологии …, 1994). Именно тогда впервые было сделано предположение о наличие на склонах горы Илька и в урочище Суаткан производственных центров по изготовлению средневековой керамики (черепицы), о чем свидетельствовали найденные на поверхности скопления фрагментов бракованных керамических изделий и кусков печины.

В 1994–2007 гг. основное внимание экспедиции при исследовании округи Мангупа было сосредоточено на охранных раскопках раннесредневековых могильников Адым-Чокракской долины, подвергаемых разграблениям, – некрополям в балке Алмалык-дере (Gercen et al., 2013), на южном склоне Мангупского плато (Южный I и II) и на северном

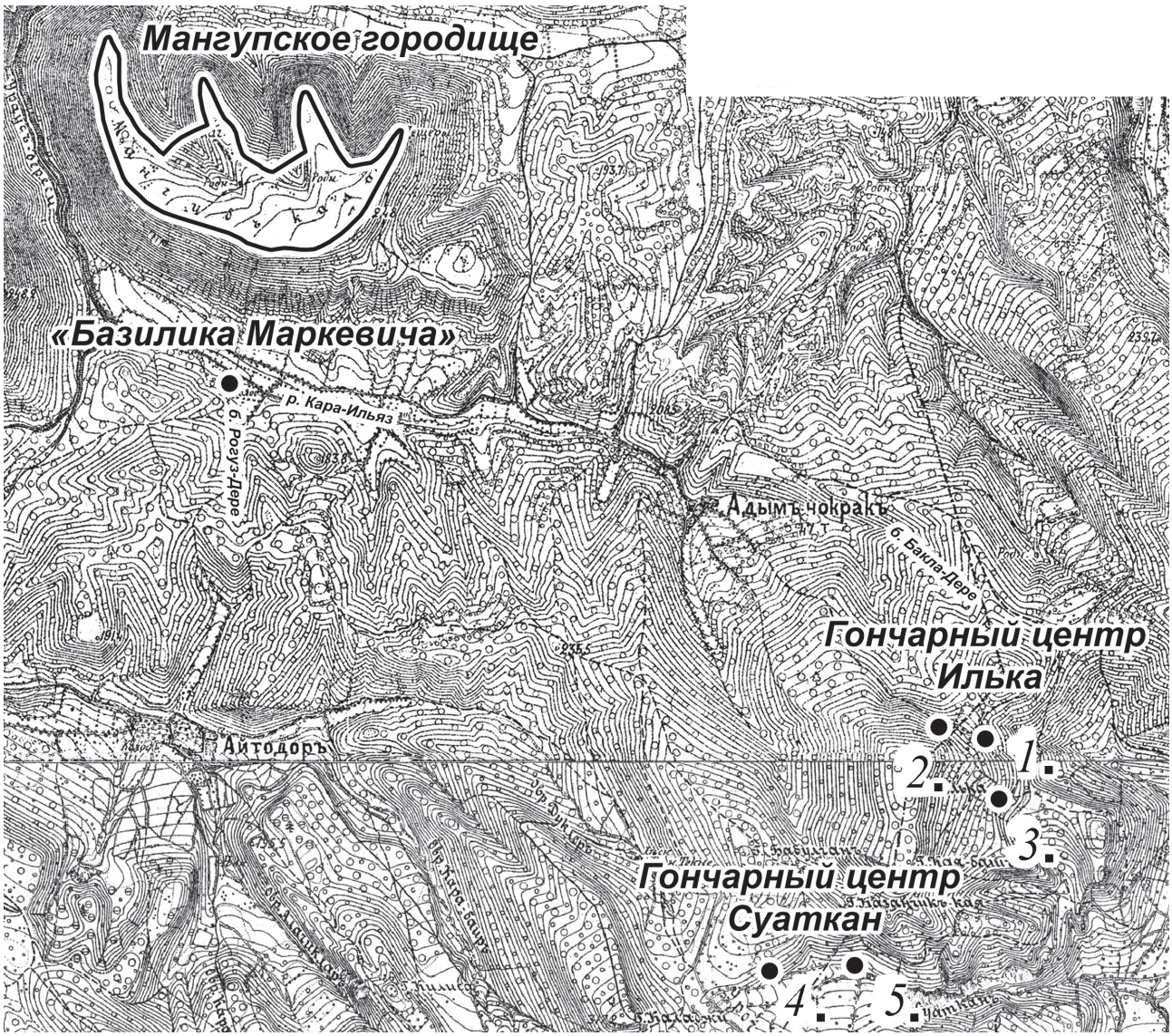


Рис. 1. Карта окрестностей южной округи Мангупского городища с указанием основных объектов исследования 2010–2013 гг. *1*– Илька-1; *2* – Илька-2; *3* – Илька-5; *4* – Верхний Суаткан; *5* – Нижний Суаткан.

склоне горы Белая (Адым-Чокракский могильник) (Bemmann et al., 2013). Лишь в 2003 г. небольшие по объему работы проводились на вершине горы Бабулган, где были открыты руины христианского храма XIV–XV вв. с прилегающим плитовым могильником и участок культурного слоя с материалами II–IV вв. н.э., которые связаны с функционировавшим здесь святилищем римского времени (Герцен, 2004).

В 2007–2008 гг. обследования на месте производственного комплекса в урочище Суаткан проводилось участниками международного украино-германского проекта по изучению наиболее крупных «пещерных городов» Крыма (Мангупа, Эски-Кермена). В кратких публикациях их результатов сообщается об археологических шурфовках в этом районе, благодаря чему было установлено местоположение одной из черепицеобжигательных печей (Шрег, 2009; Schreg, 2013. S. 424–425. Abb.12, 15–16).

Начиная с 2010 г. работы по изучению средневековых памятников Адым-Чокракской долины стали носить комплексный характер. В течение следующих четырех полевых сезонов район был подвергнут тотальной археологической разведке с целью определения на местности визуальных признаков различных категорий объектов, связанных

1.

2.

Рис. 2. Археологические памятники Адым-Чокракской долины. *1* – гончарные печи производственного центра Илька-1; *2* – однонефный христианский храм на площади поселения Илька-5.

не только с гончарным производством, но и с окружающей их инфраструктурой. Широко использовались данные геофизической разведки (руководители работ – Т.Н. Смекалова и А.В. Чудин). По мере необходимости для проверки результатов разведок проводились шурфовки либо раскопки отдельных памятников для установления их окончательной атрибуции и хронологии. Предварительные результаты этих работ были опубликованы (Науменко и др., 2011, 2012а, б; Моисеев, 2012, 2013).

На сегодняшний день этап составления археологической карты Адым-Чокракской долины в целом можно считать завершенным. Наиболее важный результат работ 2010–2013 гг. – локализация на местности помимо уже упомянутых некрополей раннесредневекового времени новых археологических памятников производственного и культового характера.

К числу археологических объектов производственного назначения следует отнести ряд центров по изготовлению строительной керамики в округе горы Илька (Илька-1–3) и в урочище Суаткан, где, по данным магнитометрии, подтвержденным археологическими шурфовками либо раскопками, сейчас всего известно не менее 30 гончарных печей, обжигавших на протяжении VI–XV вв. средневековую черепицу (рис. 1). Остатки двух печей на площади гончарных центров Илька-1 и Илька-2, производивших черепицу в XV в., изучены полностью.

Двухъярусная гончарная печь на территории центра Илька-1 (2013 г.) имеет в плане прямоугольную форму со скругленными углами (общие размеры 4 х 2,85 м), повторяя в целом контур котлована, вырытого при сооружении комплекса с поверхности материкового суглинка (рис. 2, *1*). Конструктивно печь состоит из обжигательной и топочной камер, разделенных «подом» – плитой толщиной 0,2 м из сырцовых кирпичей и слоя горизонтально уложенных крупных фрагментов черепицы на толстом глиняном растворе. Топочная камера с одним продольным (шириной и высотой до 0,75 м) и четырьмя поперечными каналами (шириной 0,2–0,25 м) сложена из сырцовых кирпичей прямоугольной формы (стандартные размеры 0,32 х 0,2 х 0,11 м). Продольный канал со стороны входа в печь оформлен арочным кирпичным сводом шириной 0,5 и высотой до 0,95 м. В центральной и восточной частях «пода» печи фиксируются квадратные в плане отверстия – продухи (0,2 х 0,2 м). Предположительно их было не менее 16, по 4 на каждый из поперечных каналов. Загрузочная камера печи также сложена из сырцовых кирпичей, но с укрепляющей внешней обкладкой из бутовых камней и крупных фрагментов керамики на слое глиняного раствора. Со стороны входа стены печи укреплены Г-образными пилонами из сырцового кирпича и крупных бутовых камней на глиняном растворе, в технике трехслойной двухпанцирной с забутовкой кладки, которые, как контрфорсы, предохраняли разрушение купола печи в восточном направлении.

Схожие размеры и конструкцию имела гончарная печь, раскопанная на площади центра Илька-2 в 2012 г. Ее особенность – наличие двух продольных каналов в топочной камере и трех выступов-пилонов со стороны входа, сложенных из известняковых блоков со следами подтески.

В непосредственной близости от обоих гончарных комплексов зачищены две малые печи округлой формы диаметром 1,8 м (Илька-1) и 1,2 м (Илька-2) с одним продольным и тремя поперечными каналами в топочной камере (рис. 2, *1*). Их предназначение связано, вероятно, с изготовлением бытовой керамики (Илька-2) либо предварительной сушкой полуфабрикатов изделий в процессе функционирования черепицеобжигательной печи (Илька-1).

Памятники культовой архитектуры Адым-Чокракской долины представлены рядом христианских храмов. Кроме уже упомянутого комплекса на вершине горы Бабулган нами в 2012 г. была полностью раскопана однонефная церковь конца XIV – середины XV в. на перекрестке грунтовых дорог, идущих от г. Илька к г. Кая-Баш и в с. Богатое Ущелье (поселение Илька-5) (рис. 1, *3*). Памятник представляет собой однонефный храм (общие размеры 5,9 х 3,9 м) с прямоугольным наосом и полукруглой выступающей с востока апсидой, внутри которой сохранилась *in situ* прямоугольная плита основания от алтарного престола (рис. 2, *2*). Боковой вход с дверным проемом шириной 1,15 м устроен в южной стене по-

стройки. Стены шириной 0,85–0,9 м сложены вперевязь в технике трехслойной двухпанцирной с забутовкой кладки, из бутового разнокалиберного камня с лицевой подтеской, на глиняном растворе.

Раскопки еще одного христианского храма, расположенного в районе пересечения долин Адым-Чокрак и Урауз-дере, были начаты нами в 2013 г. после проведенной здесь геофизической разведки и визуального осмотра местности. Участок исследования представляет собой овальный в плане холм площадью более 300 м^2, густо поросший кустарником и деревьями, на берегу высохшего русла р. Кара-Ильяз (рис. 1). Первое описание памятника, частично разрушенного в процессе земляных работ, оставил А.И. Маркевич в 1890 г., после чего за ним в литературе закрепилось условное обозначение «базилика Маркевича» (Маркевич, 1890. С. 101–105). Осмотрев объект и опросив местных жителей, он реконструировал комплекс как христианский храм базиликального типа первой половины XV в. с двумя рядами колонн и полом, вымощенным известняковыми плитами. В дальнейшем эта заметка лишь однажды привлекла к себе внимание исследователей. А.Л. Якобсон в 1970 г. при публикации археологической карты памятников Каралезской и Шульской долин указал на наличие в Урауз-дере трехнефной базилики, однако датировал ее временем не позднее VII–VIII вв. (Якобсон, 1970. С. 19).

Рекогносцировочные раскопки 2013 г. позволили открыть южную часть центрального нефа комплекса, где зафиксирована известковая субструкция под плитовую вымостку и остатки сохранившейся *in situ* колоннады, тем самым подтвердив наличие здесь христианского храма. Исследования сопровождались комплексом архитектурных деталей, строительной и бытовой керамики IX–XI вв. В то же время ограниченная площадь раскопок не позволяет пока уверенно определить тип культового сооружения (базилика или крестообразный храм) и его хронологию. Доследование «базилики Маркевича» выглядит совершенно необходимым для окончательной атрибуции и последующей консервации памятника.

В заключение нужно отметить еще два важных наблюдения, сделанные в ходе изучения южной периферии Мангупского городища. Во-первых, в районе исследования отсутствуют пока ясные указания на существование здесь в эпоху средневековья обширных стационарных поселений. Во-вторых, анализ полученного комплекса вещественных находок и строительных приемов, использованных при сооружении гончарных печей и христианских храмов, убедительно свидетельствует об этнокультурной близости населения, оставившего их, и жителей Мангупа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангуп // МАИЭТ. Вып. I / Ред.-сост. А.И. Айбабин. Симферополь: Таврия, 1990. С. 87–166.

Герцен А.Г. Дорос – Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // Античная древность и средние века. Вып. 34 / Отв. ред. В.П. Степаненко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 94–112.

Герцен А.Г. Позднеантичное святилище на горе Бабулган // Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Мат-лы конф. Вып. V / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2004. С. 92–95.

Герцен А.Г. Археологические исследования Мангупа в 1967–1977 гг. // Херсонесский колокол. Сб., посвящ. 70-летию со дня рожд. и 50-летию научн. деятельности В.Н. Даниленко / Ред.-сост. Э.Б. Петрова. Симферополь: СОНАТ, 2008а. С. 305–326.

Герцен А.Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX в.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 3 / Ред.-сост. Ю.М. Могаричев. Симферополь: АнтиквА, 2008б. С. 212–256.

Маркевич А.И. Экскурсия на Мангуп // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Вып. 9 / Ред. Ф. Лашков. Симферополь: Тип. газеты «Крым», 1890. С. 101–107.

Моисеев Д.А. Новые средневековые гончарные центры на южной периферии Мангупского городища (округа г. Илька): предварительные результаты // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна / Ред.-сост. В.Е. Науменко. Бахчисарай, 2012. С. 46–48.

Моисеев Д.В. Ранневизантийская строительная керамика Илькинского производственного центра // II Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна / Ред.-сост. В.Е. Науменко. Бахчисарай, 2013. С. 33–34.

Науменко В.Е., Моисеев Д.А., Смекалова Т.Н., Чудин А.В. Разведки на северо-восточном склоне г. Илька и в урочище Суаткан // Археологічні дослідження в Україні. 2010 р. Київ; Полтава, 2011. С. 241–243.

Науменко В.Е., Моисеев Д.А., Смекалова Т.Н., Чудин А.В. Комплексные археологические и геофизические исследования на склонах горы Илька // Археологічні дослідження в Україні. 2011 р. Київ, 2012а. С. 91–92.

Науменко В.Е., Моисеев Д.А., Смекалова Т.Н., Чудин А.В. Новые средневековые гончарные центры в округе Мангупского городища: предварительные результаты комплексных археологических и геофизических исследований // К 185-летию начала раскопок в Херсонесе. Междунар. конф. «Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы» / Ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь, 2012б. С. 52–54.

Памятники архитектуры и археологии. Бахчисарайский р-н. Научно-производственные работы по обследованию территорий и подготовке предложений по организации зон охраны памятников. Т.6. Научно-исследовательские работы по обследованию территорий и по организации зон охраны памятника архитектуры и археологии городища Мангуп и памятников его округи. Кн. 2. Альбом 2. Материалы предварительных и историко-архивных исследований. Памятники округи Мангупа (авторы проекта – Ю.С. Воронин, А.Г. Герцен). Симферополь, 1994.

Шрег Р. К вопросу изучения освоения округи Мангупа и Эски-Кермена в Эпоху Великого переселения народов и средние века с точки зрения археологии поселения и окружающей среды // МАИЭТ. Вып. XV / Ред.-сост. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько. Симферополь, 2009. С. 180.

Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. Л.: Наука, 1970. 224 с. (МИА; № 168).

Bemmann J., Schneider K., Gercen A.G., Černyš S., Mączyńska M., Urbaniak A., von Freden U. Die frűhmittelalterlichen Gräberfelder von Adym-Čokrak, Južnyj I und Južnyj II am Fuss des Mangup – Ein Vorbericht // Die Höhensiedlungen im bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches / Hrsg. S.Albrecht, F. Daim, M. Herdick. Mainz: Verlag des RGZM, 2013. P. 147–166.

Gercen A.G., Mączyńska M., Černyš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczuk I. Das frűhmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fuss des Mangup-plateaus // Die Höhensiedlungen im bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches / Hrsg. S.Albrecht, F. Daim, M. Herdick. Mainz: Verlag des RGZM, 2013. P. 125–146.

Schreg R. Forschungen zum umland der höhlenstädte Mangup und Eski Kermen – eine umwelthistorische perspective // Die Höhensiedlungen im bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches / Hrsg S.Albrecht, F. Daim, M. Herdick. Mainz: Verlag des RGZM, 2013. P. 403–446.

К ВОПРОСУ ОБ ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКЕ ЖИТЕЛЕЙ ЖЕТЫСУ (СЕМИРЕЧЬЯ) В VIII–IX ВЕКАХ

© 2014 г. А.А. Нуржанов, Г.А. Терновая

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан
(arnabai@mail.ru;galina-ternovaya@yandex.ru)

Ключевые слова: Жетысу, Кастек-1, городище, глиняный ступенчатый алтарь, рога жертвенников, Мировое дерево, воскурения, религиозные представления.

Резюме. В статье представлены результаты раскопок на средневековом городище Кастек-1, проведенных в 2011–2013 гг. Обнаружен двухступенчатый алтарь, предназначенный для воскурений. Найденные в непосредственной близости от него предметы помогают восстановить обряд и религиозные представления жителей Жетысу в VIII–IX вв.

Средневековое городище Кастек-1 находится в 2,5 км от с. Кастек на левобережье р. Кастек у подножья горы Суык-Тобе на территории Жетысу в Казахстане. Археологические исследования городища проводятся с 2011 г. В 2013 г. были продолжены работы на раскопе 1. Он заложен рядом с юго-западной башней и примыкает изнутри к восточной стене. Верхний строительный горизонт относится к периоду X–XI вв. После его вскрытия на глубине 0,5 м выявлены стены и пол нижнего строительного горизонта VIII–IX вв. Сохранившаяся высота стен – 0,4–0,5 м. Толщина внутренних стен – от 34 до 70 см, перегородок – 25 см. Они сделаны из прессованной глины. Разрез стены в помещении 2 с закладкой шурфа открыл глиняный стилобат, на котором была возведена постройка.

На данном этапе работ помещения выявлены не полностью. Размеры открытой части помещения 1 – 5 х 3 м (см. *рисунок, 1, 2*). У юго-восточной стены расположен глиняный алтарь с двумя полуовальными ступенями. На верхней плоскости алтаря – углубление в виде чаши из обожженной глины диаметром 40 см. Поверхность чаши украшена наклонными прочерченными линиями. С двух сторон от нее находятся два шишковидных выступа диаметром около 8 см. На полу вблизи алтаря – очаг диаметром 52 см. У входа в помещение стоял керамический сосуд с отбитым верхом. Вдоль северной стены расположена суфа шириной 80 см. Помещение 1 объединяется проходами с помещениями 2 и 3.

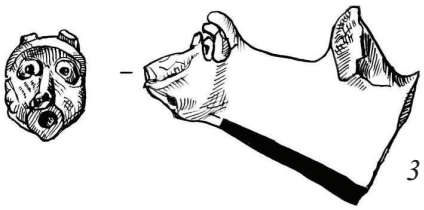
Глиняные двух- и трехступенчатые алтари известны на средневековых памятниках Средней Азии, Южного Казахстана и Юго-Западного Жетысу. Археологические исследования показали, что подобные алтари могли использоваться по-разному: на одних возжигался огонь, на других устанавливались скульптурные изображения, символы богов, возлагались дары, проводились воскурения. Форма жертвенников нишеобразных или арочных очертаний, подобная форме двухступенчатого алтаря из Кастек-1, объясняется единой с нишами символикой.

Рога жертвенников. К отличительным признакам оформления алтаря из архитектурного комплекса Кастек-1 относятся шишковидные выступы, расположенные с двух сторон от углубления-чаши. Выступы на разных жертвенниках имеют значение рогов, которые были одной из самых священных частей алтаря.

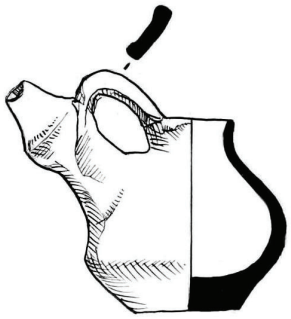
На памятниках джетыасарской культуры площадь одной из жилых секций служила культовым или общественным помещением. В середине таких помещений находились напольные очаги**.** К очагам овальной формы примыкали прямоугольные площадки с двумя шишковидными выступами. Очаги меньшего размера были встроены в центре полов джетыасарских склепов второго типа. Они име-

1

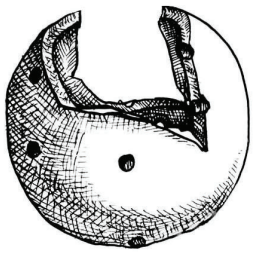
2



3



4



5

6

Городище Кастек-1, раскоп 1 (VIII–IX вв.). *1* – помещения 1–3; *2* – двухступенчатый алтарь; *3* – сосуд с головой волка (собаки?); *4* – сосуд с носиком; *5* – сосуд-цедилка; *6* –медный котелок.

ли прямоугольную, круглую или нишеобразную форму. Нередко в передней части очагов или перед ними помещали прямоугольные в плане плитки из обожженной глины с двумя трехступенчатыми пирамидками на концах. Перед плитками находились курильницы на высокой ножке, но нигде не зафиксирована непосредственная связь курильниц с «алтариками» (Левина, 1996. С. 27, 81, 249).

Парные выступы отмечены в оформлении алтаря из помещения культового комплекса, открытого на цитадели раннесредневекового городища Сидак в Южном Казахстане. Е.А. Смагулов сравнил выступы с плитками-«алтариками» из джетыасарских склепов и с «очажными подставками» или «шашлычницами», оформленными изображениями голов рогатых животных (Смагулов, 2005. С. 489). Появление «очажных подставок» относится к первому этапу культуры каунчи, т.е. к первым векам до н.э. Находки подобных вещей встречаются также на памятниках раннего средневековья. В жилых помещениях городища Куйрыктобе X–XI вв. на площадках в «верхней» части напольных очагов расположены пирамидальные шишечки, предположительно имеющие значение «рогов» жертвенника (Байпаков, Терновая, 2005, с. 150).

В жилом комплексе X в. городища Джанкент в помещении 6 к стенке прямоугольного очага была приставлена керамическая «очажная подставка» с изображением двухголового барана. В площадки очагов перед подставками были вкопаны керамические сосуды, заполненные спекшейся золой (Зиливинская, 2013. С. 103–105).

Функциональное назначение алтаря. В глиняном ступенчатом алтаре из Кастек-1 воплощены представления о трех ступенях мироздания. С «нижним миром» соотносится напольный очаг, со «средним» и «верхним» мирами – две ступени жертвенника. Исходя из устройства жертвенника-алтаря, можно предположить, что он использовался для воскурений. В соседнем помещении 2 был найден керамический сосуд с семенами конопли.

Об обрядах воскуреня конопли есть сведения в письменных источниках (Геродот, 1972. С. 205). Археологические подтверждения имеются в материалах Пазырыкских курганов (Руденко, 1952. С. 243). По мнению Н.В. Полосьмак, небольшой медный котелок из Пазырыка использовался как переносная курильница для воскурения конопли либо других галлюциногенов. Подобные медные котелки были обнаружены на Памире и в Индостане, встречаются также в Южной Сибири (Туве, Минусинской и Кузнецкой котловинах), в Семиречье (Полосьмак, 2006). К интересным находкам на городище Кастек-1 относится медный котелок, украшенный растительным орнаментом (см. *рисунок, 6*).

У Страбона (VII, 3, *3*) есть упоминание о мизийских капнобатай, что переведено как «те, кто ходит в облаках» или «те, кто ходит в дыму». М. Элиаде предположил, что речь идет о дыме от конопли, главном средстве экстаза, известном фракийцам и скифам. Капнобатай, вероятно, были танцорами и колдунами (Элиаде, 2014. С. 363–368). Массагеты, обитавшие на реке Аракс, по словам Геродота, имели обычай воскурения плодов каких-то деревьев. От запаха они приходили в состояние опьянения, вскакивали, пускались в пляс и начинали петь песни (Геродот, 1972. С. 75, 79).

Согласно положениям, изложенным в «Видевдате», к категории еретиков относятся представители неавестийских культов Средней Азии и Ирана, которые обвиняются в колдовстве и знахарстве. Одним из главных проступков было использование наркотических зелий. Из конопли приготовлялся наркотик – банга. Г. Виденгрен идентифицировал банга с индийской коноплей, отметив, что под этим названием в Иране и в Центральной Азии обозначались различные интоксиканты. В Центральной Азии магико-религиозное значение опьянения для получения экстаза имеет изначально иранское происхождение (Widengren, 1965. S. 71; Авеста…, 2008. С. 36). Некоторые исследователи считают, что в «Авесте» банга – это не обязательно конопля, но и белена. Позже слово «банг» в Иране, в том числе в зороастрийской традиции, означало именно белену и изготовляемые из нее наркотические средства (Чунакова, 2004. С. 47). Существует также предположение, что банг – это наркотик из конопляного семени и белены.

Некоторые ученые считают, что наркотические средства, получаемые из конопли, по своему воздействию больше всего соответствуют

эффекту, который приписывается в Ригведе соме. Изображение конопли (*cannabis*) отмечено на печати-амулете, найденном на памятнике древней Маргианы – Гонур-1 (Абдуллаев, 2009. С. 35–36. Рис. 13). По определению В.И. Сарианиди, из нескольких раскопанных храмов Маргианы четыре (Северный Гонур, раскоп 15 на юго-востоке комплекса, теменос южного Гонура, Тоголок-1 и Тоголок-21) использовались для приготовления культового напитка наподобие Сомы-Хаомы. Перед приготовлением напитка веточки алкалоидных растений (эфедры, конопли, мака) отмачивались в воде в чанах, «ванночках», больших конических корчагах, обмазанных изнутри слоем гипса. Благодаря повторным гипсовым обмазкам между слоями сохранились зерна растений, которые были определены, как конопля и эфедра. После отмачивания на давильных камнях из этих растений выдавливали сок. Для очищения его процеживали через цедилку со сквозными отверстиями на дне, прикрытыми куском овечьей шерсти. Процесс отмачивания происходил в специальных «белых комнатах». Там же были найдены керамические подставки, которые устанавливались над маленькими сосудиками, куда сцеживался сок (Сарианиди, 2010. С. 69–78).

Присутствие в архитектурном комплексе городища Кастек-1 двухступенчатого алтаря, найденные вблизи от него предметы: керамический сосуд с семенами конопли, сосуд-цедилка с отверстиями в тулове, сосуды с носиком, один из которых оформлен изображением головы волка (или собаки), медный котелок с растительным орнаментом (см. *рисунок, 3–6*) и др. помогают в какой-то степени восстановить обряд и религиозные представления жителей Жетысу в VIII–IX вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуллаев К. Культ хаомы в древней Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2009. 120 с.

Авеста. «Закон против дэвов» (Видевдат) / Перевод, исслед. и коммент. Э.В. Ртвеладзе, А.Х. Саидова, Е.В. Абдуллаева. СПб.: Изд-во политех. ун-та, 2008. 301 с.

Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе). Алматы: Баур, 2005. 236 с.

Геродот. История в девяти книгах / Перевод и примеч. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с.

Зиливинская Э.Д. Очаги жилого комплекса на городище Джанкент // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гуманит. наук. 2013. № 3 (289). С. 100–109.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья (в первом тысячелетии до н.э. – первом тысячелетии н.э.). М.: Вост. лит., 1996. 398 с.

Полосьмак Н.В. Жизнь и смерть пазырыкцев Укока: междисциплинарные исследования материалов из Пазырыкских курганов с «замерзшими» могилами на плато Укок, Горный Алтай (конец IV – III в. до н.э.) // Вестник истории, литературы, искусства. 2006. Т. 3. С. 7–18. *Руденко С.И.* Горноалтайские находки и скифы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 268 с.

Сарианиди В.И. Задолго до Заратуштры. (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). М.: Старый сад, 2010. 200 с.

Смагулов Е.А. Исследования доисламского храмового комплекса на городище Сидак // Культурное наследие Казахстана. Открытия, проблемы, перспективы. Алматы: Каз НПУ им. Абая, 2005. С. 486–491.

Чунакова О.М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М.: Вост. лит., 2004. 286 с.

Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза. М.: Академ. проект, 2014. 399 с.

Widengren G. Die Religionen Irans. XVI. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1965. 393 S. (Die Religion der Menschheit; V. 14).

ДРЕВНЕЙШИЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ НОВГОРОДСКОГО ДЕТИНЦА (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2013 ГОДА)

© 2014 г. О.М. Олейников

Институт археологии РАН, Москва
(olejnikov1960@yandex.ru)

Ключевые слова: Великий Новгород, детинец, вал, ров X–XV вв., Софийский холм, Большой Кремлевский овраг, Митрополичья башня.

Резюме. В 2013 г. Новгородской археологической экспедицией ИА РАН проведены исследования на западном склоне вала детинца Великого Новгорода между Воскресенской аркой и Митрополичьей башней. Было заложено две траншеи, которые подтвердили наличие под валом у Митрополичьей башни материкового холма, на котором в X в. уже существовал город. Прослежено пять этапов создания оборонительных сооружений новгородского детинца: X в., 1044 г., 1116 г., начало XIV в., конец XV в.

В 2013 г. хоздоговорным отрядом Новгородской археологической экспедиции ИА РАН проведены исследования на западном склоне вала детинца Великого Новгорода между Воскресенской аркой и Митрополичьей башней. Были заложены две траншеи шириной 2–4 м. По результатам археологических работ 2013 г. и материалам предыдущих исследований характеристика вала и рва на участке напольной стороны выглядит следующим образом: ширина вала составляет от 35 до 45 м; высота от линии материка до верха глиняного замка вала XV в. достигает 7 м (Алешковский, 1962. С. 9. Рис. 5); глубина рва от линии материка до прослеженных в траншеях отметок превышает 7 м.

Стратиграфия траншей 2013 г. подтвердила наличие под валом в районе Митрополичьей башни материкового холма, возвышавшегося в древности на 2 м над окружающей территорией (27 м в Балтийской системе высот). На этом холме (Софийском) в X в. уже существовал «город» в виде вала с деревянной стеной и рва, который был вырыт от оврага, проходящего по южной стороне холма («Большой Кремлевский овраг»), до оврага, существовавшего, вероятно, вдоль северной стороны холма (рис. 1). Этот ров имел ширину около 19 м, а глубину – 5 м (рис. 2, *1*). О существовании этого «города» есть косвенные упоминания в письменных источниках. Поселение в X в. существовало и, естественно, не могло быть беззащитным. Даже в самом названии «Новгород» заложено понятие города, т.е. крепости. Так что упоминания Новгорода в летописях могут служить свидетельствами существования этих укреплений и в более раннее время (Летописный сборник …, 2000б. С. 9, под 859 г.; Новгородская первая летопись …, 2000. С. 106–180, под 859–1044 г.). Новгородская летопись под 1016 г. говорит о городе, когда новгородцы, боясь мести за «исѣкоша Варягы в Поромонѣ дворѣ … бѣжаша изъ града» (Новгородская первая летопись…, 2000. С. 174).

При сооружении новой линии обороны в первой половине XI в. примерно в 3-4 м от внешнего края рва X в. на его западном склоне был вырыт новый ров глубиной более 8 м от дневной поверхности того времени, что ниже уровня воды в Волхове (рис. 2, *2*). По стратиграфии слоев заполнения этого рва можно говорить о периодическом очищении его от ила в средние века. Глиной из рва 1044 г. был заполнен ров X в. с армированием слоев глины дубовыми бревнами. Проведенный анализ датирования по ^{14}C восьми бревен (были отобраны внешние кольца дубовых бревен)

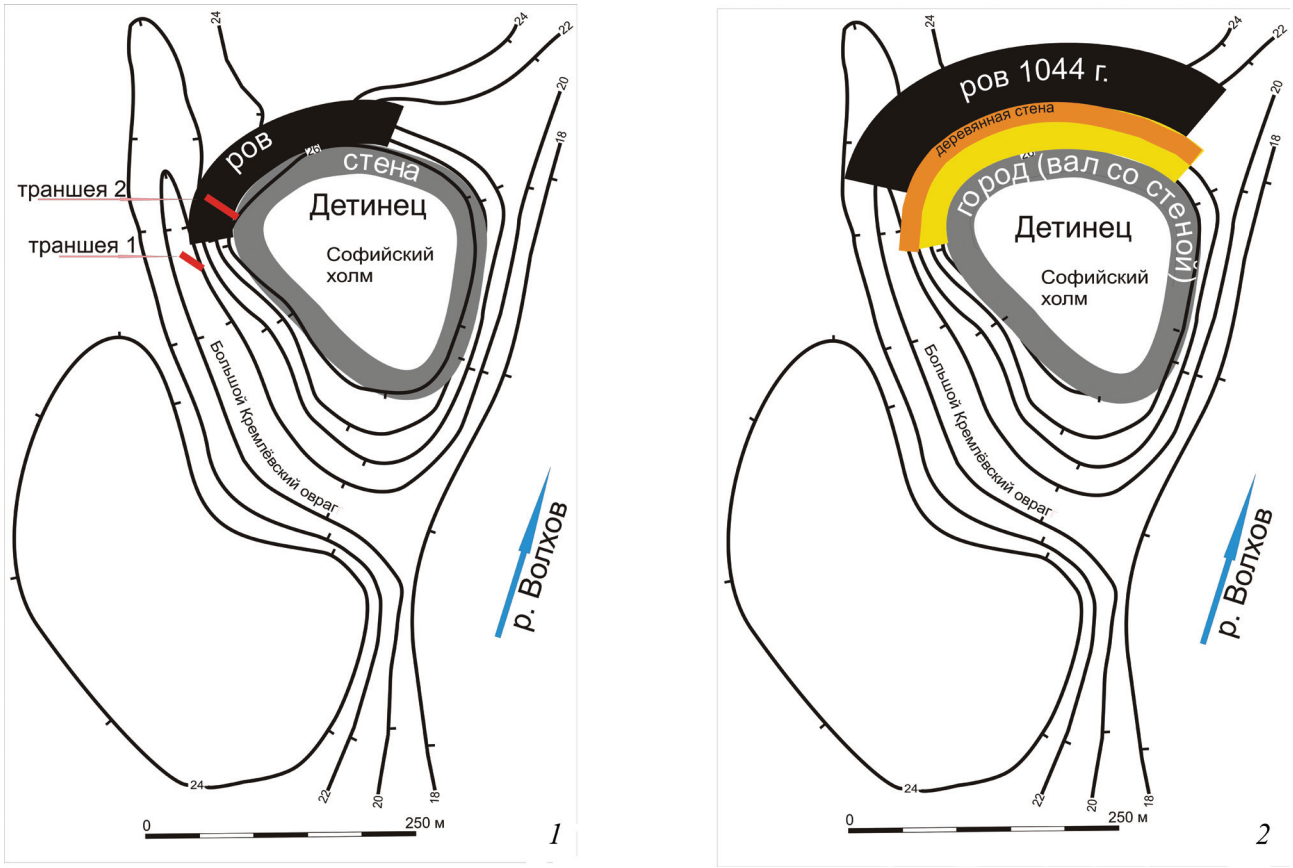


Рис. 1. План-схема формирования новгородского детинца. *1* – в X в.; *2* – в 1044 г.

дал следующий результат: Le-10320 – (1σ – 980AD (43,4%) 1050AD; 2σ – 890AD (2,8%) 920AD; 950AD (92,6%) 1170AD). Le-10322 – (1σ – 890AD (68,2%) 1010AD; 2σ – 810AD (95,4%) 1030AD). Le-10323 – (1σ – 1020AD (25,4%) 1050AD; 2σ – 1010AD (95,5%) 1160AD). Ki-18221 (1σ – 1040AD (68,2%) 1160AD; 2σ – 1023AD (95,4%) 1213AD). Ki-18222 – (1σ – 1031AD (16,1%) 1059AD; 1065AD (52,1%) 1155AD; 2σ – 1017AD (95,4%) 1211AD). Ki-18226 – (1σ – 1032AD (15,7%) 1056AD; 1076AD (52,5%) 1154AD; 2σ – 1019AD (95,4%) 1185AD). Из этих данных следует, что радиоуглеродная дата образцов в совокупности падает на середину XI в. На эту дату косвенно указывает и анализ по ^{14}C бревна из засыпки исследуемого рва (X в.) вторичного использования: Ki-18224 – (1σ – 784AD (1/0%) 787AD; 826AD (5/7%) 841AD; 863AD (61/5%) 978AD; 2σ – 774AD (94/5%) 997AD; 1005AD (0,9%) 1013AD). Le-10321 – (1σ – 770AD (68,2%) 990AD; 2σ – 670AD (95,4%) 1040AD). Этот образец датируется концом IX – первой половиной X в. Использование данного бревна в начале XII в. для армирования глиняной засыпки рва маловероятно. Поэтому мы склоняемся к датированию второго этапа возведения оборонительных сооружений детинца на исследуемом месте 1044 г.

В результате этих работ, которые предшествовали строительству каменного храма Св. Софии Владимиром Ярославичем в 1045–1050 гг. (Новгородская первая летопись…, 2000. С. 16, под 1045 г.), вокруг Софийского холма был вырыт глубокий и широкий ров, обводненный р. Волхов. Внутренняя граница этого рва была в 22 м к западу от вершины увеличенного в размерах вала. М.Х. Алешковский, исследуя вал детинца у Владимирской башни, определил примерные параметры и дубовые конструкции вала 1044 г. Современная высота вала 1044 г. – около 5 м, ширина – около 35 м (Алешковский, 1962. С. 9).

На восточном склоне рва в материковой глине обнаружены мощные корни деревьев (рис. 2), датируемые по ^{14}C XI–XIII вв.: Le-10319 – (1σ – 890AD (8,5%) 920AD; 940AD (54,3%) 1050AD; 1100AD (4,7%) 1120AD; 1140AD (0,8%) 1150AD); 2σ – 880AD (95,4%) 1160AD). Ki-18225 – (1σ – 1223AD (68,2%)

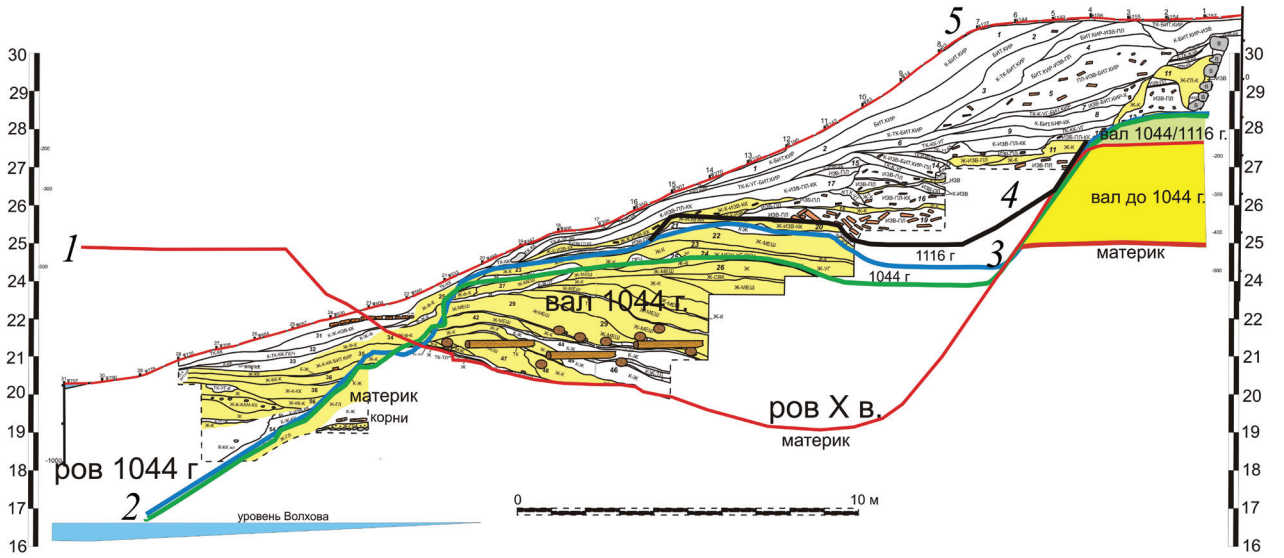


Рис. 2. Графическая реконструкция поперечного разреза западного склона вала Новгородского детинца в 43 м к югу от Митрополичьей башни. *1* – контур материковой поверхности и рва X в.; *2* – поверхность западного склона рва и предвальной площадки Новгородского детинца 1044 г.; *3* – поверхность западного склона рва и предвальной площадки Новгородского детинца 1116 г.; *4* – поверхность западного склона рва и предвальной площадки Новгородского детинца на начало XIV в.; *5* – поверхность западного склона рва и вала Новгородского детинца на начало XXI в.

1264AD; 2σ – 1188AD (2,2%) 1199AD; 1206AD (93,2%) 1280AD). Это также указывает на раннюю датировку исследуемого рва.

Площадка между внутренним краем рва 1044 г. и валом X в. (на месте засыпанного рва X в.) была в то время горизонтальной с небольшим понижением около вала. На внешней стороне этой площадки прослежены слои пожара из печины, угля и мешанной желтой глины с углем и печиной общей мощностью до 30 см (рис. 2, слой 24, 25). Слой пожара спускается по склону насыпи до 22 м траншеи. Уголь датируется по ^{14}C первой половиной XI в.: Ki-18223 – (1σ – 983AD (60,6%) 1043AD; 1105AD (6,6%) 1118AD; 1144AD (1,1%) 1146AD; 2σ – 900AD (2,7%) 918AD; 966AD (92,7%) 1155AD). Le-10324 – (2σ – 990AD (68,2%) 1025AD, 4%); 2σ – 970AD (92,7%) 1050AD; 1100AD (2,7%) 1120AD). По всей видимости, это остатки деревянной стены, обмазанной глиной, которая сгорела во второй половине XI в. Этот пожар произошел в 1065 г., когда Всеслав «взяше Новъгородъ, и пожьже до окрома Неревьскаго» (Летописный сборник…, 2000а. С. 42), или в 1097 г. – «Дѣтиньць съгорѣ городъ» (Новгородская первая летопись…, 2000. С. 19, под 1097 г.).

Деревянная стена стояла на краю небольшого уступа, прослеженного в 18 м траншеи. Уступ имел глубину около 50 см; на его поверхности прослежен слой погребенного дерна, мощностью до 15 см (рис. 2, слой 28).

Новый этап строительства укреплений детинца относится к началу XII в. Это происходит при князе Мстиславе Владимировиче, о чем сообщает Новгородская первая летопись под 1116 г.: «В то же лѣто Мьстиславъ заложи Новъгородъ болѣи перваго» (Новгородская первая летопись…, 2000. С. 204, под 1116 г.). Возведению новых оборонительных сооружений способствовал, вероятно, пожар 1097 г., когда сгорели все деревянные стены детинца (Новгородская первая летопись…, 2000. С. 19, под 1097 г.).

Для увеличения детинца было перекрыто глиняной насыпью русло Большого Кремлевского оврага. Сама насыпь состояла из глины, армированной дубовыми бревнами (Алешковский, 1962. С. 12). Возле Митрополичьей башни в это время сохранилась горизонтальная площадка перед валом с небольшим рвом у внешнего склона вала. Основной ров в это время имел современные размеры. Глубина его, вероятно, уже была выше уровня воды в Волхове (рис. 2, *3*).

По мнению большинства ученых, в 1116 г. детинец был увеличен в южную сторону и достиг размеров современного Кремля. Археологическими раскопками М.Х. Алешковского 1956–1957 гг., А.Н. Кирпичникова 1979 г. и Н.К. Стеценко 1992–1993 гг. выявлено, что строение вала южной части детинца отличается от вала XI в., обнаруженного в северной части. Основу его составляют не городни, а дерево-земляной массив с поперечными и продольными бревнами, не скрепленными друг с другом. Верхний слой вала состоит из глины. Сама насыпь была сооружена на культурном слое, датируемом керамикой концом X – XI в. В траншее 1, заложенной в 2013 г., под насыпью третьего этапа (1116 г.) обнаружена круговая керамика конца X – начала XI в. Это можно объяснить тем, что траншея 1 прошла посередине Большого Кремлевского оврага, на дне которого в XI в. никакой хозяйственной деятельности не было.

При исследовании вала 1116 г. М.Х. Алешковским было отмечено, что сама насыпь и внутривальные деревянные конструкции делятся на два уровня (Алешковский, 1962. С. 14). В отчете Н.К. Стеценко 1992–1993 гг. по исследованию вала под рухнувшим пряслом у Спасской башни мы наблюдаем такую же картину (Стеценко, 1992. Рис. 26; Стеценко, 1993. Рис. 40, 41). При этом два периода сооружения насыпи отделяются довольно мощным слоем погребенного дерна. Керамика и находки в погребенном слое под насыпью 1116 г. датируются X–XI вв., а в верхних слоях насыпи (во втором уровне деревянных конструкций вала) обнаружена керамика XIV в. Это может говорить об увеличении насыпи вала 1116 г. в XIV в. Для этого на вершину вала был насыпан слой глины мощностью более 1 м с армированием тонкими деревянными бревнами.

В начале XIV в. возле Митрополичьей башни началось строительство стены и башни детинца из местного плитняка. В течение 100 лет в этом месте осуществлялось каменное строительство (ремонт и пр.) стены. На месте траншеи 1 (в центре Большого Кремлевского оврага) каменная стена была построена на вершине вала в начале XV в. В конце XV в. она рухнула, и на месте ее развала в 1499 г. была поставлена каменная стена на валунном фундаменте, облицованная большемерным кирпичом.

Склоны вала конца XV – XVI в. были достаточно крутые и покрыты слоем глины. В нижней части насыпи был горизонтальный уступ – берма, который переходил в склон рва. Берма также прослежена при сооружении вала 1116 г. Подобие бермы создали на склоне вала в XIX в. в виде пешеходной дорожки, выложенной кирпичом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алешковский М.Х. Новгородский детинец 1044–1430 гг. (по материалам новых исследований) // Архитектурное наследство. Вып. 14. М.: ГСИ, 1962. С. 3–26.

Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. ПСРЛ. Т. XVI. М.: Языки русской культуры, 2000а. 240 с.

Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. ПСРЛ. Т. IX. М.: Языки русской культуры, 2000б. 256 с.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. ПСРЛ. Т. III. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.

Стеценко Н.К. Научный отчет и обмерные чертежи по археологическому раскопу вала в месте разрушения стены. Сезон 1992 г. // Архив ИА РАН. 1992. Р-1. № 17163.

Стеценко Н.К. Научный отчет и обмерные чертежи по археологическому раскопу вала в месте разрушения стены. Сезон 1993 г. // Архив ИА РАН. 1993. Р-1. № 17336.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КОЖЕВЕННО-САПОЖНОГО РЕМЕСЛА СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

© 2014 г. Д.О. Осипов

Государственный Исторический музей, Москва
(dmitriyosipov@mail.ru)

Ключевые слова: средневековая Русь, кожевенно-сапожное ремесло, тим, сафьян, марокен, кордуан, европейское влияние, периодизация А.В. Курбатова.

Резюме. В работе пересматривается периодизация кожевенно-сапожного ремесла, выдвинутая А.В. Курбатовым. Отмеченное им усиление влияния западной техники, технологии и моды на русское кожевенно-обувное производство прослежено лишь в приграничных городах и не распространяется на остальную территорию России. Эпизодическое проникновение западноевропейских черт в костюм XV–XVI вв. также затронуло лишь верхушку общества, никак не сказываясь на внешнем облике широких слоев населения.

На начальной стадии изучения кожевенно-сапожного ремесла говорилось о высоком технологическом уровне, достигнутом уже в древнерусское время, и о сложившейся уже тогда технология выделки кож. Однако по мере возрастания интенсивности обработки археологических коллекций и расширения географии и хронологических рамок вводимого в научный оборот материала, целый ряд положений был пересмотрен. В результате комплексного исследования археологического материала, письменных источников и этнографических данных А.В. Курбатовым (2010. С. 209–213) была разработана периодизация развития русского кожевенно-сапожного ремесла, состоящая из нескольких этапов.

Первый этап (VIII–X вв.) – раннесредневековый период. В это время происходит становление городского кожевенного ремесла, проходит отбор технологических принципов, складываются наиболее рациональные операции раскроя и пошива изделий.

Второй этап (XI–XIII вв.) – древнерусский период, когда в городах повсеместно появились мастерские профессиональных кожевников и сапожников, применявших универсальные технологические приемы; распространяются формы и виды кожаных изделий, сходные для большинства городов Руси.

Третий этап (XIV – первая половина XVI в.) – период развитого средневековья. Дальнейшее усовершенствование технологии выделки кожи, расширение сортамента кож разного качества и назначения. Появление техники киселевания, принесенной с Востока.

Четвертый этап начинается со второй половины XVI столетия, когда, по мнению А.В. Курбатова, происходит усиление влияния западной техники, технологии и моды на русское кожевенно-обувное производство. Появляются новые сорта кож (сафьян), изменяется техника раскроя и пошива обуви, распространяется европейская мода.

Если первые три этапа не вызывают возражений, то с характеристикой четвертого этапа трудно согласиться, поскольку одни положения нуждаются в пересмотре, а другие отражают специфику отдельных памятников, не характерную для всей остальной территории русского государства.

Выделка сафьяна. Одним из признаков нового этапа развития кожевенно-сапожного ремесла А.В. Курбатов называет появления сафьяна. Однако аналогичный товар, именуемый «тим» (тимо) изготавливался русскими кожевниками по крайней мере со второй половины XIV в. В новгородских берестяных грамотах XIV в. термин «тим» обозначает

тонкую мягкую кожу с гладкой лицевой поверхностью, окрашенную в яркие цвета. Новгородские писцовые книги в 80-е гг. XVI в. упоминают не менее восьми тимовников, а также мастеров, шивших тимовую обувь. Первым идентичность русского «тима» и персидского «сафьяна» отметил А.В. Арциховский, впоследствии об этом же писали В.Л. Янин (1975. С. 140–142) и А.А. Зализняк (1995. С. 510–511). Кроме тима в это же время бытовал аналогичный товар, именовавшийся «кордуан» (в древнерусской форме кондуван). Появление этого термина И. Вахрос относит к XV в. В XVIII в. тисненый сафьян в русском языке фигурирует как «Марокен... из Прованса» (Вахрос, 1959. С. 114).

Таким образом, на основании анализа письменных источников становится очевидным непрерывное бытование одного и того же кожевенного товара, известного на протяжении четырех столетий (XIV–XVIII вв.) под разными наименованиями, зависящими от места его производства. Благодаря длительному и обширному экспорту этого товара из Персии в русском языке окончательно закрепляется термин сафьян (*перс.* сахтийян). Нельзя исключать, что технология изготовления тима, сафьяна, марокена или кордуана имели незначительные отличия. Однако из этого никак не следует, что появление сафьяна в России можно датировать второй половиной XVI в.

Появление европейской обуви. Европейское влияние на русское кожевенно-сапожное ремесло было прослежено А.В. Курбатовым при подготовке кандидатской диссертации, где исследователь обобщил материалы ряда археологических памятников, расположенных на территории Северо-Запада России. Субъективность такого подхода обнаруживает перечень памятников, на которых А.В. Курбатовым было зафиксировано внедрение западных технических приемов и появление обуви европейских фасонов. В списке Ивангород, Орешек, Полоцк и Псков. Это крупные города и города-крепости, расположенные в приграничных территориях. Одни из них (Ивангород, Полоцк и Орешек) меняли свою политическую подчиненность, а другие (Псков), оставаясь на русской земле, испытывали сильное западноевропейское влияние, которое прослеживается во всех сферах материальной культуры.

Список городов, где вместе с изменением политической подчиненности происходит смена культурных традиций можно дополнить Смоленском. Именно этот процесс демонстрируют коллекции кожаной обуви, собранные экспедицией ИА РАН на территории Пятницкого конца в 2011–2012 гг. Если найденные там обувные модели XII–XIV вв. никак не отличаются от обуви аналогичного времени из Владимира, Великого Новгорода, Москвы или Ярославля, то в напластованиях первой половины XVII в. доминирует низкая обувь европейского типа (рис. 1). В этот же период появляются новые технические приемы, обусловленные влиянием Великого Княжества Литовского. Получение городом Магдебургского права по указу короля Сигизмунда III способствовало развитию цеховых организаций, деятельность которых маркирует обширная коллекция обувных клейм, появившихся в других русских городах на полстолетие позже (рис. 2).

На остальной территории России материалы археологических коллекций XVII в. демонстрируют продолжение развития традиционных русских моделей и технологий. Следы каких-либо массовых инноваций там не прослеживаются, а разнообразие обувных фасонов (форма носка, новые виды декора) можно относить к течениям моды, не затрагивающим основных принципов технологии раскроя и сборки.

Таким образом, в XVII в. на большей части российской территории какие-либо существенные изменения в технике раскроя и сборки обуви, вызванные появлением новых видов кожевенного товара, как это было на рубеже XIII–XIV вв., не происходят.

Изменения моды. Обувные коллекции, собранные при раскопках русских городов, наряду с данными письменных источников указывают на эпизодическое или опосредованное проникновение западноевропейских черт в костюм XV–XVI вв., затрагивавших лишь верхушку общества, никак не сказываясь на внешнем облике широких слоев населения.

В частности, обувь с заостренным и сильно вытянутым, так называемым копьевидным

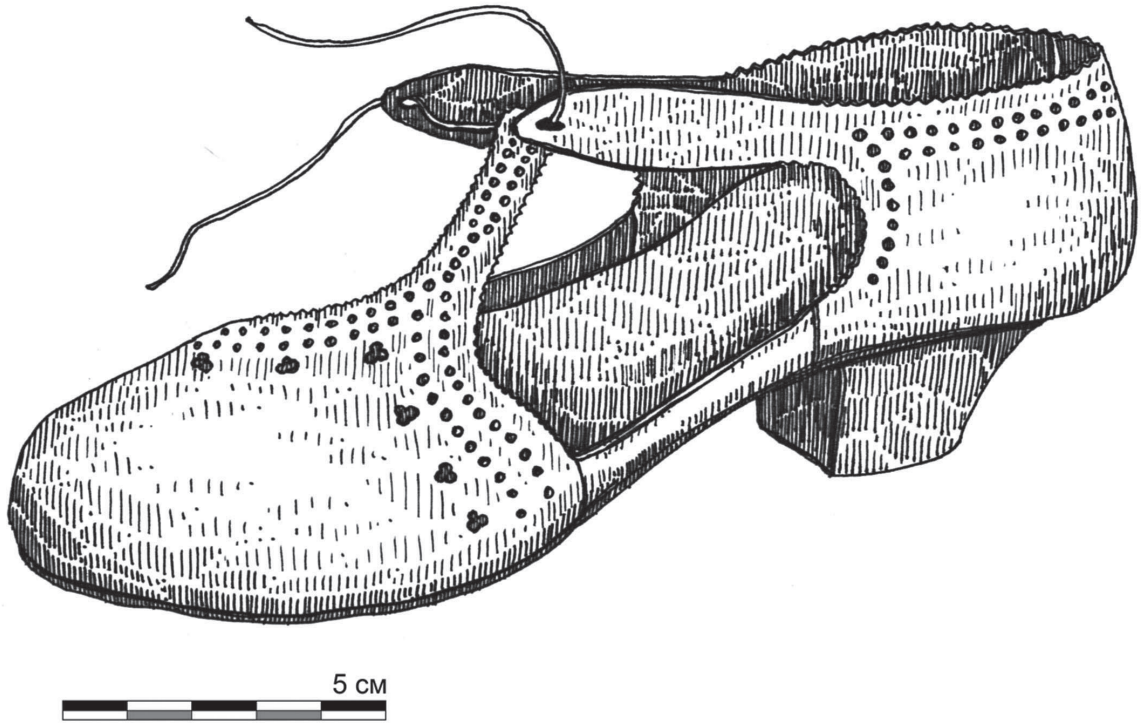


Рис. 1. Туфля из раскопок в Смоленске.

носком, репликой на французские *poulaine*, была зафиксирована лишь в коллекциях названных выше Пскова, Полоцка и Ивангорода. На остальной территории России сапожные головки имеют гораздо меньшую (в сравнении с *poulaine*) длину носка, не превышающую 2,5 см. Такая обувь, несомненно, появившаяся под влиянием французско-бургундской моды позднеготического времени, распространялась в среде небольшого количества состоятельных горожан. Подобные фасоны не получили широкого распространения в России. Просуществовав не более одного поколения, они окончательно исчезают к началу XVI в.

Если бы влияние европейской моды на формирование русского костюма в допетровскую эпоху было значительным, как это видится А.В. Курбатову, то в обувных коллекциях русских городов XVI–XVII вв. присутствовали бы образцы так называемой внешней или предохранительной обуви (*patterns, clogs, galoshes*) и обуви с тканевым верхом, широко распространенных в странах Западной и Северной Европы в XVI в. Однако о существовании в указанный период подобных моделей в русских городах нет никаких сведений.

Единственным необратимым изменением можно считать распространение наборного каблука. Но, во-первых, это явление нельзя назвать европейским влиянием, поскольку неизвестно откуда каблук приходит в Россию. Во-вторых, наборный каблук можно считать развитием каблука внутреннего, появившегося у сапог с XV в. В-третьих, наборный каблук широко распространяется лишь в первой четвери XVII в., когда его длина достигает 10 см и более. Это демонстрируют материалы археологических коллекций, а также свидетельство Адама Олеария (1906. С. 176).

Европейское влияние в изменении костюма постоянно испытывало мощное сопротивление даже среди верхушки русского общества. И хотя отдельные представители столичной знати при Борисе Годунове могли носить польский или венгерский костюм, их многочисленные противники видели в этом

Рис. 2. Клеймо на подошве туфли из Смоленска.

угрозу для независимости государства и православной веры.

Лишь после воцарения Романовых движение в сторону Запада становится более уверенным, но и тогда оно сдерживалось определенными ограничениями. Лихорадочный рывок на Запад, названный исследователями «революционной вестернизацией», окончательно узаконивший отказ от традиционных форм русской культуры, происходит лишь во время правления Петра Великого. Результаты этих реформ подтверждает массовый археологический материал, в котором широко представлены модели низкой обуви (башмаки, туфли), изготовленные по европейским технологиям, на затяжной колодке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вахрос И.С. Наименования обуви в русском языке. Хельсинки: Ин-т по изучению СССР в Финляндии, 1959. 271 с.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Языки русской культуры, 1995. 720 с.

Курбатов А.В. Кожевенное сырье, техническое обеспечение его выделки и сортамент кож средневековой Руси // Ремесло археолога. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест: Высшая антропологическая школа, 2010. С. 169–218. (Stratum plus; № 5/2010).

Олеарий. А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: А.С. Суворин, 1906. 528 с.

Янин В.Л. Я послал тебе бересту... 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. 328 с.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ СЛАВЕНСКОГО КОНЦА СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА ПО ДАННЫМ ПОЧВЕННО-ГЕОХИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2014 г. М.И. Петров[1], А.В. Долгих[2]

[1] *Новгородский музей-заповедник, Великий Новгород*
(m_i_petrov@mail.ru)
[2] *Институт географии РАН, Москва*
(an.dolgikh@gmail.com)

Ключевые слова: Новгород, средневековье, естественно-научные методы, геоархеология, культурный слой, исходные почвы, распашка.

Резюме. Работа посвящена применению почвенно-геохимических методов при археологическом изучении Славенского конца средневекового Новгорода. Исследования установили, что на большинстве участков возникновению городской застройки предшествовало сельскохозяйственное освоение. В пределах городских усадеб методы позволяют выявлять остатки ювелирно-плавильного ремесла.

Источниковая база для изучения Славенского конца средневекового Новгорода в последнее десятилетие значительно расширилась в результате проведения охранных археологических исследований (Петров, 2012). Небольшая (до 300 м^2) площадь работ и незначительная (не более 1,5 м) мощность культурного слоя компенсируется охватом работ: фактически вся восточная часть Славенского конца охвачена исследованными участками с шагом 150–200 метров (см. *рисунок*).

Характер работ предоставляет обширные возможности изучения хозяйственного освоения и дальнейшего использования территории Славенского конца с применением данных почвенно-геохимических исследований. Под культурными слоями городов погребены почвы, содержащие признаки ранних этапов эволюции исторического ландшафта. Важными диагностирующими элементами здесь выступают пахотные, пахотно-огородные горизонты, нехарактерные для типичных природных почв (Александровский, Кренке, 1993; Долгих, Александровский, 2010; Долгих, 2012; Engovatova, Golyeva, 2012; Александровский и др., 2013).

Анализ валового химического состава культурных слоев (высокие концентрации ряда тяжелых металлов, мышьяка, брома, селена и др.) позволяет выявлять некоторые виды хозяйственной деятельности, в том числе металлургию и металлообработку (Александровская, Александровский, 2003; Долгих, 2011).

Исследования показывают наличие следов пахотной и огородной деятельности на раскопах Посольский-2008, Ильменский-2009, Воскресенский-2012. На раскопах на Никольской улице (Никольский-2007 и Никольский-2012) пахотная деятельность либо не велась вообще, либо была кратковременной. На момент хозяйственного освоения жилой застройкой территория раскопа Посольский-2006 находилась, вероятно, в зоне подтопления (Петров, 2007. С. 30). Следует отметить, что археологически следы распашки прослежены только на раскопе Посольский-2008 (Петров, 2009. С. 83–85). На этом раскопе выделено два этапа (пахотный и пахотно-огородный), между которыми отмечается этап накопления культурных отложений.

Очевидно, что усадебную застройку часто предваряют этапы пахотно-огородной хозяйственной деятельности. Эти участки с первичной агрогенной активностью можно связывать с окраинами усадебной застройки.

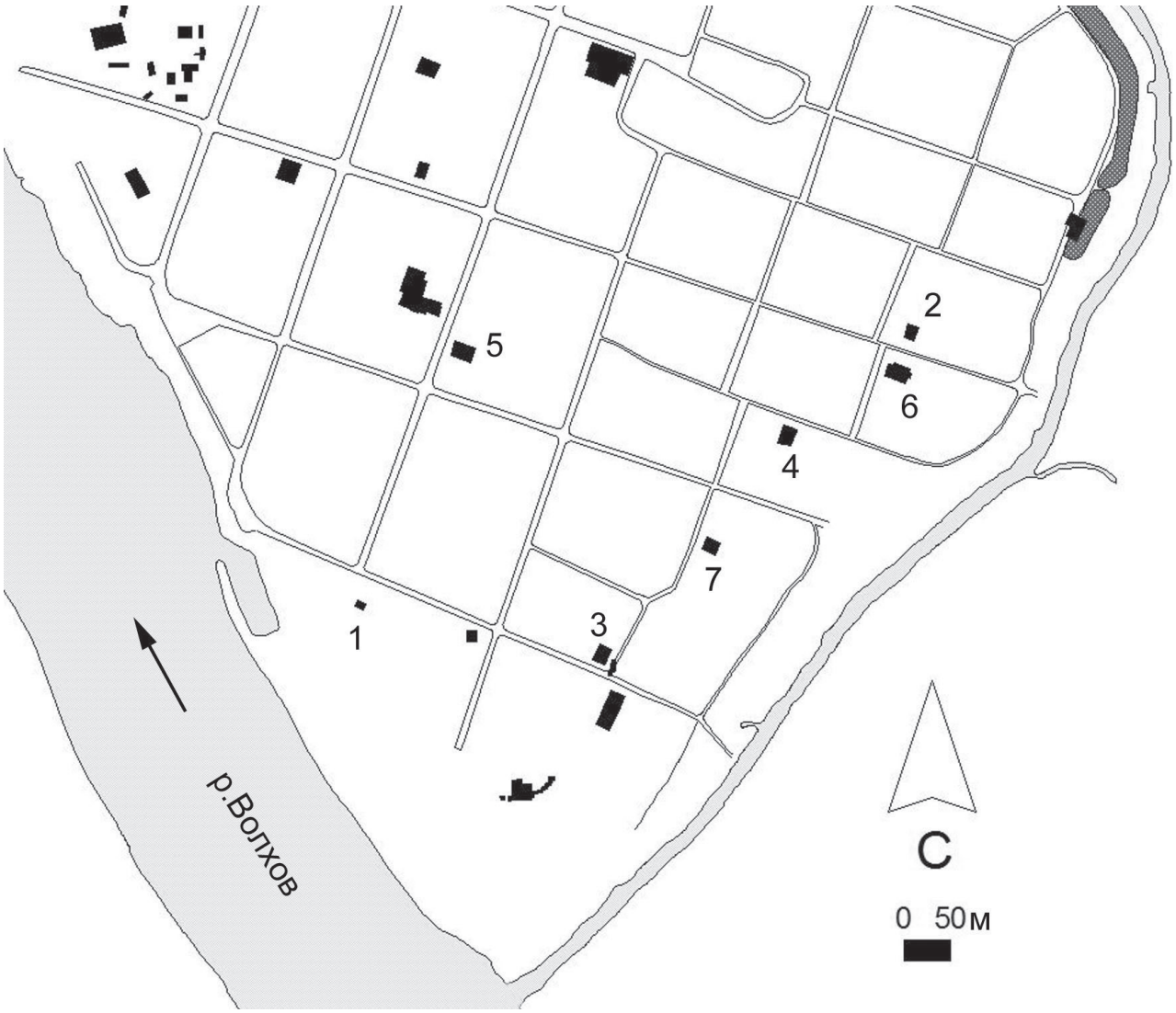


Схема расположения раскопов в Славенском конце средневекового Новгорода. *1* – Посольский-2006; *2* – Никольский-2007; *3* – Посольский-2008; *4* – Ильменский-2009; *5* – Нутный IV; *6* – Никольский-2012; *7* – Воскресенский-2012.

Можно предположить, что изначально распахивались места, неудобные для усадебной застройки.

Материалы исследований культурных слоев усадебной застройки предоставляют свидетельства наличия в усадебных комплексах ювелирного ремесла, связанного с плавкой металлов, на раскопах Нутный IV (в слоях XIV в.), Никольский-2007 (в отложениях рубежа XII–XIII вв.) и Ильменский-2009 (в пределах «слоя запустения», датируемого второй половиной XII – началом XIII в.) (Петров, 2010. С. 26–27). В усадебном комплексе раскопа Нутный IV также обнаружен инструментарий, изделия и полуфабрикаты ювелирного ремесла (Петров, 2012. С. 27). На усадьбе раскопа Никольский-2007 выявлены производственные сооружения, отходы литейного производства (шлаки), сырье/полуфабрикаты/брак изделий из свинцово-оловянистых и медных сплавов, но инструментарий литейщика практически отсутствует (Петров, 2008. С. 23–25; 2014). Инвентарь усадеб Ильменского раскопа довольно скуден для получения каких-либо выводов.

На начальном этапе освоения территории конкретный вид хозяйственной деятельности определялся локальными условиями, но для некоторых участков можно утверждать, что сельскохозяйственное освоение предшествовало городской застройке. Следует отметить, что следы сельскохозяйственной деятельности прослежены в неудобных для поселения

местах: склон поверхности или высокий уровень грунтовых вод.

Почвенно-геохимические исследования культурных слоев городской застройки расширяют систему доказательств наличия/отсутствия ювелирного ремесла в усадебном комплексе.

Таким образом, почвенно-геохимические исследования позволяют значительно расширить знания как о топографии и землепользовании средневекового Новгорода, так и о характере хозяйственной деятельности на его территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александровская Е.И., Александровский А.Л. Историко-географическая антропохимия. М.: НИА-Природа, 2003. 204 с.

Александровский А.Л., Кренке Н.А. Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмосковье // КСИА. 1993. Вып. 208. С. 20–31.

Александровский А.Л., Кренке Н.А., Александровская Е.И., Долгих А.В. Ранняя история почв и ландшафтов древнейших русских городов (к 1150-летию российской государственности) // Известия РАН. Серия географическая. 2013. № 2. С. 91–103.

Долгих А.В. Антропогенное накопление химических элементов в педолитоседиментах древних городов Европейской России // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия Естественные науки. 2011. Т. 16. № 15. С. 135–144.

Долгих А.В. Почвенно-геохимические исследования культурных отложений Великого Новгорода (Ильменский раскоп) // РА. 2012. № 3. С. 143–148.

Долгих А.В., Александровский А.Л. Почвы и культурный слой Великого Новгорода // Почвоведение. 2010. № 5. С. 515–526.

Петров М.И. Славенский конец средневекового Новгорода: раскоп Посольский-2006. Развитие застройки участка // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 21. Вел. Новгород: Новгород. музей-заповедник, 2007. С. 24–39.

Петров М.И. Никольский раскоп 2007 года: характеристика застройки // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 22. Вел. Новгород: Новгород. музей-заповедник, 2008. С. 14–28.

Петров М.И. Славенский конец средневекового Новгорода: раскоп Посольский-2008 // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 23. Вел. Новгород: Новгород. музей-заповедник, 2009. С. 80–90.

Петров М.И. Славенский конец средневекового Новгорода: Ильменский раскоп // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 24. Вел. Новгород: Новгород. музей-заповедник, 2010. С. 24–39.

Петров М.И. Славенский конец средневекового Новгорода: новые исследования // Тр. III (XIX) Археологического съезда. Т. 2. СПб.; М.; Вел. Новгород: ИА РАН, 2011. С. 175–176.

Петров М.И. Славенский конец средневекового Новгорода: раскоп Нутный-IV // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 26. Вел. Новгород: Новгород. музей-заповедник, 2012. С. 22–28.

Петров М.И. Славенский конец средневекового Новгорода: раскоп Никольский-2012. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 27. Вел. Новгород: Новгород. музей-заповедник, 2013. С. 31–34.

Петров М.И. Усадебный комплекс начала XIII века по материалам раскопа Никольский-2007 // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. акад. В.В. Седова: мат-лы 59-го заседания (2013 г.). Псков, 2014. (в печати).

Engovatova A., Golyeva A. Anthropogenic soils in Yaroslavl (Central Russia): history, development, and landscape reconstruction // Quaternary International. 2012. Т. 265. P. 54–62.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В ВЫБОРГЕ: ИССЛЕДОВАНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО МЕЖЕВОГО УЧАСТКА НА УЛИЦЕ ВЫБОРГСКАЯ, 8 («ДОМ КУПЕЧЕСКОЙ ГИЛЬДИИ» НАЧАЛА XVII ВЕКА)

© 2014 г. А.И. Сакса

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(saksa@mail.natm.ru)

Ключевые слова: Выборг, средневековый городской центр, городская застройка, культурный слой, постройки, находки.

Резюме. В 1998–2012 гг. Выборгской археологической экспедицией ИИМК РАН в старой части Выборга открыты культурные слои XV–XVIII вв. Особый интерес представляет проведенное в 2004–2012 гг. исследование средневекового межевого участка у сохранившегося дома начала XVII в. Изучены культурные напластования с хорошо сохранившимися горизонтами деревянной застройки и большим количеством предметов материальной культуры XV–XVIII вв. Строительство каменного дома «перевело» исследованный участок в разряд отдельной дворовой территории и раскопки позволили полностью изучить ее развитие на протяжении XVII – первой половины XVIII в. За годы раскопок на данном участке прослежены изменения в ее застройке и накоплена богатая коллекция предметов материальной культуры.

В результате проведенных Выборгской археологической экспедицией ИИМК РАН в 1998–2012 гг. археологических исследований в старой части Выборга открыты культурные слои XV–XVIII вв. мощностью до 3,5 м. Исследовано 630 м^2 площади на ограниченной каменной городской стеной 1740-х гг. территории города (Сакса, 2002, 2004, 2008, 2009а, б, 2010, 2011; Сакса и др., 2003; Сакса, Смирнов, 2013; Saksa et al., 2002; Saarnisto, Saksa, 2004; Saksa, 2004; 2009a, b; 2012; Saksa, Taavitsainen, 2008) (рис. 1).

Результаты раскопок ставят Выборг в один ряд с другими известными средневековыми городскими центрами Балтийского побережья. Обозначилось и преимущество Выборга, которое состоит в том, что в городе хорошо сохранились культурные слои XV–XVIII вв., уничтоженные в остальных городах побережья Балтики позднейшей застройкой. Выборг, следовательно, демонстрирует и развитие городской культуры региона во времени, которое не отражено в материалах археологических раскопок в других городах.

Особый интерес в этом плане представляет проведенное в 2004–2012 гг. исследование средневекового межевого участка у сохранившегося дома начала XVII в. по ул. Выборгская, д. 8. На площади в 309 м^2 были изучены культурные напластования мощностью до 3 м с хорошо сохранившимися горизонтами деревянной застройки и большим количеством предметов материальной культуры XV–XVIII вв. из металла, стекла, керамики, кожи, дерева и бересты. Ценность этого участка для изучения истории Выборга определяется его расположением в центральной части города в 120 м к югу от центральной городской церкви (с 1554 г. кафедральный собор) и исключительно хорошей сохранностью культурного слоя. В раскопе выявились все присущие сложению городской застройки особенности – от сложности первоначального рельефа, характеризующейся неровностями скальной поверхности, до изменений в домостроительстве от начала XV в., когда эта территория была освоена.

Первоначально до строительства на участке каменного дома в начале XVII в. эта терри-

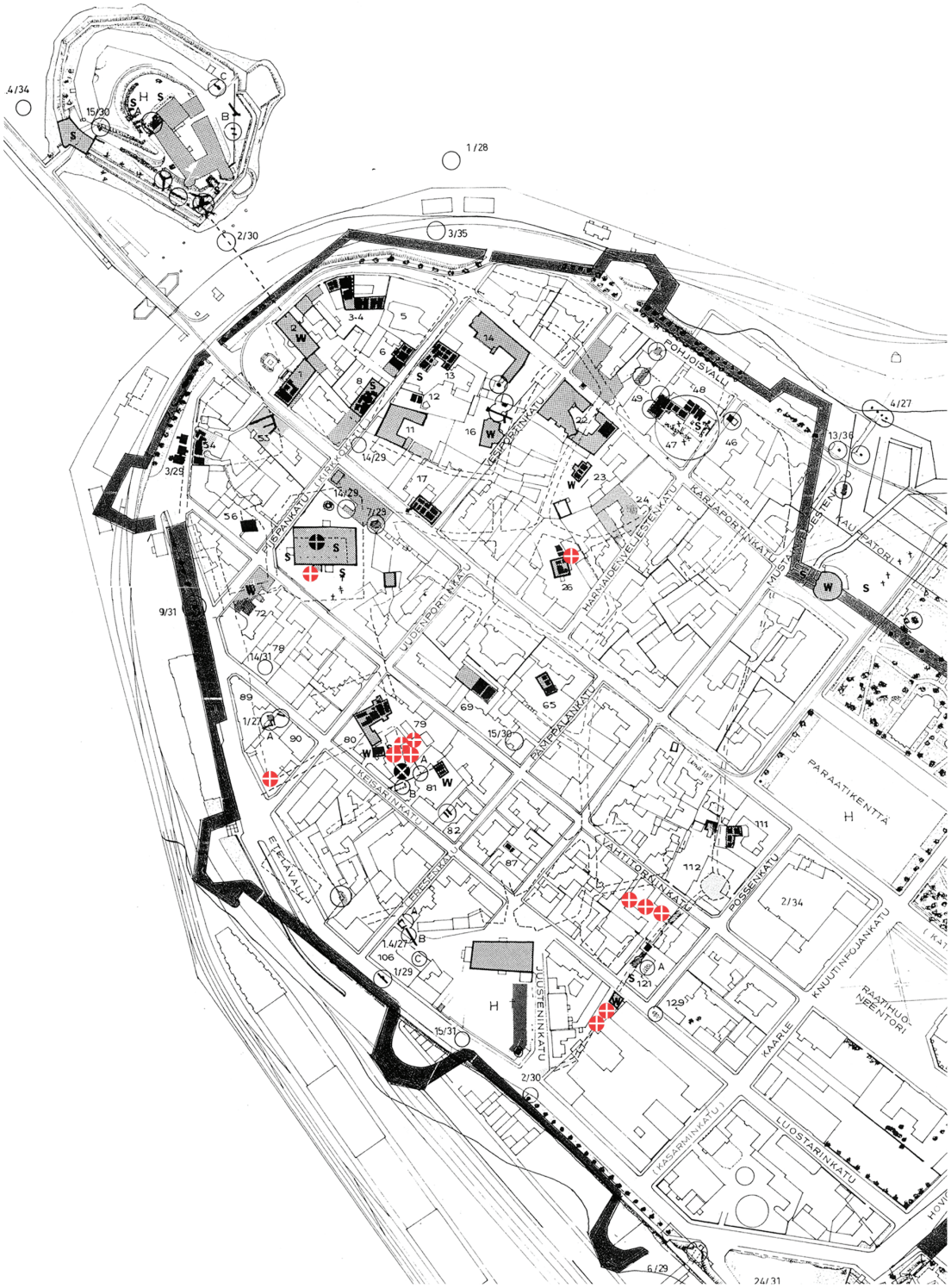


Рис. 1. Карта центральной части Выборга 1939 г. с нанесением средневековой планировки, построек и мест раскопок 1998–2012 гг.

Рис. 2. Раскоп 2011 г. Остатки хлева конца XVII – начала XVIII в. и вымостки у одновременного каменного дома.

Рис. 3. Раскоп 2011 г. Горизонт XVI в. до постройки на участке каменного дома.

тория была частью городской средневековой застройки с улицами и остатками жилых и хозяйственных построек. Найденные в этих нижних слоях предметы материальной культуры характеризуют происшедшие за первые два века городской истории изменения в хозяйстве, быте и внешних связях горожан.

Рассматриваемый участок был освоен достаточно поздно – в 1420-е гг. (Saarnisto, Saksa, 2004). Известно, что Выборг получил городские привилегии в 1403 г. и, стало быть, в это время уже существовал и развивался. По результатам предыдущих лет раскопок стало очевидным, что после похода новгородцев в 1411 г., когда они «охабен взем и пожьжгоша», город был отстроен фактически заново, чему свидетельством являются нижние слои во всех раскопах. Не составляет исключения и рассматриваемый нами участок городской территории. В последнем случае столь позднее его освоение объясняется еще и особенностями рельефа. Первоначальная территория до ее освоения представляла неровную скальную поверхность с перепадами в высотах до 1,2 м (рис. 2, 3). Эти неровности были заполнены культурным слоем с большим количеством щепы. На полученную таким образом ровную поверхность между скальными выступами на начальном этапе во второй четверти XV в. были буквально втиснуты небольшие по размерам постройки с дощатым полом без отопительных сооружений. Их площадь не превышала 7–8 м^2. Они были уничтожены губительным пожаром, предположительно 1477 г., в огне которого сгорела даже расположенная неподалеку городская церковь.

После пожара характер застройки на этом участке меняется. Вновь построенные дома по площади достигают 20 м^2 и более. Они двухкамерные и имеют отопительные сооружения, от которых сохранились лишь развалы камней. Новые изменения в планировке участка происходят в середине – второй половине XVI в. Через участок, в его западной и восточной части, проведены две мощеные тонкими бревнами улицы шириной соответственно 1,3 и 2 м. У восточного края участка устроена мощная дренажная система из двух обернутых берестой половинок бревен с отверстием посредине. Во второй половине этого столетия, сохранявшийся в северо-восточной части раскопа выход скалы перекрывается культурным слоем и вся площадь используется под застройку. На участке выкапывается колодец, у которого выкладывается мостовая из тонких бревен. Из улиц – бревенчатых мостовых остается лишь одна в восточной половине раскопа, ширина которой равнялась 6 м. Она, судя по направлению, вела от церкви доминиканского монастыря к кафедральному собору. В вещевом наборе помимо керамики, кожаной обуви и монет, появляются такие категории импортных вещей, как книжные застежки и так называемые фруктовые ножи, деревянные рукояти которых украшены изящными бронзовыми наконечниками.

Строительство каменного дома «перевело» исследованный участок в разряд отдельной дворовой территории и раскопки позволили полностью изучить ее развитие на протяжении XVII – первой половины XVIII в. За годы раскопок на данном участке прослежены изменения в ее застройке и накоплена богатая коллекция предметов материальной культуры.

Основными хозяйственными постройками мощеного камнем двора были колодец, конюшня, сгоревшая в тотальном городском пожаре 1627 г., и построенный на ее месте хлев, просуществовавший, как и остальные деревянные постройки участка, до взятия войсками Петра I Выборга в июне 1710 г. Тогда на исследованную раскопками площадь попали три мортирные бомбы. Этот момент одного дня решающей бомбардировки города 13 июня 1710 г. нашел отражение в культурном слое в виде следов пожара и воронок от взрывов ядер, одна из которых была перекрыта разбитой осколком одного из них входной дверью.

В последующий российский период истории города (1710–1811 гг.) жизнь на этом участке продолжалась с постройкой новых домов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Сакса А.И. Выборг – город четырех исторических традиций (итоги исследований 1998–2000 гг.) // Культурное наследие Российского государства. Вып. 3 / Ред., сост. А.Н. Кирпичников. СПб.: Вести, 2002. С. 150–164.

Сакса А.И. Новые данные по ранней истории средневекового Выборга (предварительные итоги археологических исследований 1998–2000 гг.) // Страницы выборгской истории. Выборг: Европейский дом, 2004. С. 569–584.

Сакса А.И. Древний Выборг. Становление средневекового города // Тр. II (XVIII) Всерос. археологического съезда в Суздале. Т. II / Ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 510–514.

Сакса А.И. Средневековый Выборг: начало городской истории (по итогам раскопок 1999–2006 гг.) // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье. Докл. российско-литовского семинара (Санкт-Петербург, 4–8 декабря 2006 г.). СПб.: Нестор-История, 2009. С. 139–146.

Сакса А.И. Раскоп на ул. Южный Вал в Выборге. Стратиграфия культурных напластований средневекового города // Хорошие дни: Памяти А.С. Хорошева / Ред.-сост. А.Е. Мусин. Вел. Новгород; СПб.; М.: ЛеопАрт, 2009. С. 473–484.

Сакса А.И. Новые данные по городской стене Выборга 1470-х гг. // Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: 80-летию со дня рожд. А.Н. Кирпичникова посвящ. Т. II / Под ред. Е.Н. Носова, С.В. Белецкого. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 238–252.

Сакса А.И. Современное состояние археологических исследований в Выборге: результаты и проблемы // Тр. III (XIX) Всерос. археологического съезда. Вел. Новгород – Старая Русса. Т. II / Ред.: Н.А. Макаров, Е.В. Носов. СПб; М.; Вел. Новгород: Изд-во «Новгородский технопарк», 2011. С. 257–258.

Сакса А.И., Бельский С.В., Курбатов А.В., Полякова Н.Ю. Выборг – первые века истории (некоторые итоги исследований 1998–2001 гг.) // Проблемы балтийской археологии. Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 2003. С. 129–140.

Сакса А.И., Смирнов А.М. Археологические исследования средневекового Выборга в 2011–2012 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. № 3. Охранная археология / Науч. ред. Н.Ф. Соловьева. СПб.: Периферия, 2013. С. 145–152.

Saarnisto M., Saksa A., Radiocarbon dates from archaeological excavations in Viipuri. The corner site of former Uudenportinkatu and Etelävalli // Fennoscandia archaeologica. XXI. Helsinki: Archaeological Society of Finland, 2004. P. 37–42.

Saksa A. I. Archaeological Cronology of Medieval Vyborg — preliminary results of the excavations of 1998–2000 // Fenno-ugri et slavi 2002. Dating and Chronology: papers presented by the participants in the archaeological symposium «Dating and Chronology» 13–14 May 2002 in the National Museum of Finland and 15–17 May 2002 on tour in eastern Finland. Helsinki: Museovirasto, 2004. P. 98–109.

Saksa A. Baugeschichte und kulturhistorische Stratigraphie des mittelalterlichen Wyborgs (nach Materialien der Ausgrabungen 1998–2008) // The Hansa town Riga as mediator between east and west. Riga: Proceedings of an international scientific conference dedicated to 70 years of archaeological research in Riga held in Riga, Latvia, on 23–25 September 2008. Riga: Institute of the History of Latvia Publishers, 2009. P. 152–162.

Saksa A. Kaupunkiarkeologia Viipurissa. Kaupungin alkuvaiheen ongelma // Maasta, kivestä ja hengestä. Markus Hiekkanen Festschrift. Saarijärvi: Turun yliopisto, kulttuurien tutkimuksen laitos. 2009. P. 226–239.

Saksa A. Vyborg: New Evidence of the city's Fortifications // Castella Maris Baltici (Finland 24–29.8. 2009). Turku, 2012. P. 161–172. (Archaeologia Medii Aevi Finlandiae; XVIII).

Saksa A, Belsky S., Kurbatov A., Polykova N., Suhonen M. New archaeological excavations in Viipuri. Results of field investigations of the 1998–2001 seasons and current research problems of urban history // Fennoscandia archaeologica. XIX. Helsinki: Archaeological Society of Finland, 2002. P. 37–64.

Saksa A., Taavitsainen J.-P. Viipuri (Sw. Viborg, Ru. Vyborg) // De første 200 årene – nytt blikk på 27 skandinaviske middelalderbyer. Bergen: Institutt for arkeologi, historie, kulturvitenskap og religion, Universitetet i Bergen, 2008. S. 393–400. (UBAS – Universitetet i Bergen Arkeologiske Skrifter. Nordisk; 5).

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТОРГОВЫХ ПЛОЩАДЕЙ РУССКОГО ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ НОВОГО ТОРГА ПСКОВА)[1]

© 2014 г. Е.В. Салмина, Р.Г. Подгорная, С.А. Салмин

Археологический центр Псковской области, Псков
(muntrik102@yandex.ru; roza_podgornaya@mail.ru; solvarg@rambler.ru)

Ключевые слова: Новый Торг Пскова, торговые ряды, «мясной ряд», лавки, клети.

Резюме. В настоящей публикации рассматриваются результаты первого этапа исследования Нового Торга Пскова на материалах археологии и письменных источников, высказываются варианты интерпретации обнаруженных при раскопках комплексов. Предлагается использовать псковский вариант реконструкции внутренней топографии Торга в качестве модели при работе с аналогичными материалами других городов.

Топография российского города периода позднего средневековья – Нового времени – немаловажный сюжет, связанный с проблематикой политической и экономической истории. Одним из основных узлов топографической структуры городов этого периода нередко являются торговые площади.

С 2011 г. коллективом археологов и историков (с привлечением специалистов иных профилей) ведется междисциплинарное исследование Нового Торга Пскова.

Псковские летописи сообщают дату создания Нового Торга – 1510 г., год окончательного присоединения Пскова к Москве. Торг был перенесен от стен Кремля в Окольный город, где великий князь Василий Иванович «…даша место где торг ставити новои, вон стены, противоу Лужьских ворот за рвом, на Юшкове огороде Носохина, да на Григорьеве посадникове садники Кротова…» (Полное собрание…, 2003. С. 96; Полное собрание…, 2000б. С. 258). На этом участке города Новый Торг просуществовал до 1778 г., когда, в связи с перепланировкой города, торговая площадь была возвращена на прежнее место.

Характеристику Нового Торга содержит «Подлинная писцовая книга № 355», составленная в 1585–1587 гг. (Писцовая книга…, 1913. С. 12–73). С описанием писцовой книги 1585–1587 гг. сопоставим исторический план Пскова 1740 г.

Раскопки Нового Торга Пскова были начаты еще в середине XX в., однако, в большинстве случаев завершить начатые работы не удавалось. Так, раскоп Г.П. Гроздилова в 1955 г. был остановлен из-за начавшегося строительства, неисследованными остались около метра культурных отложений. Вынужденно остановлены были работы на раскопе Т.Е. Ершовой в 1987 г. – причиной стала погодная катастрофа и последовавшее за ней прекращение финансирования. Работы на раскопе Е.А. Яковлевой и А.В. Михайлова в 2005 г. были буквально сорваны заказными экспертизами, декларирующими опасность продолжения раскопок для близлежащей застройки. Тем не менее на перечисленных раскопах (общей площадью 870 м^2) были зафиксированы участки мощеных трасс, остатки сооружений, интерпретируемых как лавки, амбары и клети Торга, собраны богатые вещевые коллекции (Гроздилов, 1962. С. 38–42; Ершова, 1988; Михайлов, Яковлева, 2007). При изучении периферийной части Нового Торга в 1967 г. при раскопках И.К. Лабутиной на площади 416 м^2 было зафиксировано не-

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-11-60005 а(р).

сколько построек торгово-ремесленного назначения (Лабутина, 1994).

Долгожданные раскопки на Новом Торгу, когда весь массив культурных отложений был исследован полностью на большой площади, состоялись в 2011–2013 гг. (Лужские II, III, IV раскопы, руководители работ – Р.Г. Подгорная, Е.В. Салмина, С.А. Салмин). Работы были проведены на площади более 1600 м^2 при мощности культурных отложений более 3 м.

В раскопе были зафиксированы остатки торгового ряда и замощения междурядного прохода (см. *рисунок, 1–3*). Блок сооружений образован массивными бревнами, уложенными на перпендикулярно ориентированные подкладки таким образом, что вся конструкция образует единую сетку, состоящую из прямоугольных почти «равноразмерных» ячеек. Вероятно, это остатки клетей и лавок. К северной границе массива остатков сооружений торгового ряда примыкает мостовая, зафиксирован также небольшой отрезок перпендикулярного замощенного проулка. Массивный дренажный канал, заглубленный в материковые отложения, отводил воды с участка Торга в направлении рва стены 1374/1375 г. (Подгорная, Салмина, 2013. С. 27–34). Единство планировки комплекса и «стандартизация размеров» сооружений Торга имеют аналогии в других городах (Полное собрание…, 2000а. С. 536, 612; Шокарев, 2012. С. 320–321).

С использованием данных писцовой книги XVI в. и исторического плана Пскова 1740 г. удалось интерпретировать комплекс как «Мясной Полонисский ряд» Торга. Мясной Полонисский ряд, согласно писцовой книге, начинался у Лужских (Луцких) ворот и вел к церкви св. Ксении (Писцовая книга…, 1913. С. 27). Лужские ворота – ближайший к раскопам 2011–2013 гг. исторический памятник, скрытый в толще культурных отложений. При совмещении плана 1740 г. с современной топоосновой местоположение ворот определяется возле западной границы Лужского II раскопа. Локализация ворот уточнена также при работах 2011–2013 гг. (Подгорная, Салмина, 2013. С. 36). Местоположение храма св. Ксении локализуется довольно условно (Окулич-Казарин, 2001. С. 142), однако, при сопоставлении с улицей с плана 1740 г. открытая в раскопе мостовая достаточно точно указывает вектор, ведущий к этому храму.

Коллекция находок, полученных при раскопках «мясных рядов», имеет специфические черты. «Коммунальное» пространство Торга, вероятно, содержалось в порядке – этим и объясняется малочисленность сравнительно крупных находок при насыщенности культурного слоя на участке торгового ряда мелкими артефактами (бусы, пуговицы, печати, монеты). Аналогии такому явлению известны и по раскопках торговых площадей в других городах (Курбатов, 2007. С. 93). Нетрадиционный комплекс находок мы можем связывать со спецификой «материальной культуры мясного ряда» – это железные ножи и их обломки (более 70 ед.), оселки со следами долгого активного использования (более 90 ед.) и своеобразные деревянные крючья, палочки-распорки и прутья, заостренные с двух концов и деревянные крючья (их найдено около 100).

Получение новых планиграфических данных позволяет вернуться к общим вопросам внутренней топографии Нового Торга. Так, следуя перечню рядов в писцовой книге, можно интерпретировать сооружения, открытые в раскопе Гроздилова в 1955 г. как «другой Мясной Запсковский ряд», что подтверждается также деталями, зафиксированными в результате раскопок 2012 г. Отметим, что Г.П. Гроздилов предлагал интерпретировать раскрытое им сооружение как «мясную лавку», хотя и опирался при этом на другие аргументы (Гроздилов, 1962. С. 39). При появлении новых ориентиров представляется также возможным попытаться интерпретировать комплекс сооружений, раскрытых на близлежащих раскопах. Новоторговские V–XI раскопы под руководством Т.Е. Ершовой, Р.Г. Подгорной и А.В. Яковлева в 2007–2013 гг. открыли на площади более 2600 м^2 остатки довольно плотной деревянной застройки XVI–XVIII вв. На сегодняшний момент материалы этих раскопок введены в научный оборот в очень малой степени, но, безусловно, содержат ценную информацию об уличной сети и об особенностях планировки нерегулярной части псковского Нового Торга.

Дальнейшие шаги по изучению торговых площадей русских городов периода позднего

Мостовые и конструкции торговых рядов в раскопах 1955 и 2011 гг. *1* – выявленные в раскопах мостовые и конструкции торговых рядов; *2* – объекты плана 1740 г.; *3* – современные здания.

средневековья – раннего Нового времени мы связываем не только с углубленным анализом именно псковских материалов, но и с привлечением широких аналогий, когда псковские данные в определенной степени могут служить моделью для изучения подобных объектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гроздилов Г.П. Раскопки древнего Пскова // АСГЭ. Вып. 4. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. С. 7–76.

Ершова Т.Е. Новоторговский-5 раскоп на Полонище // Археология и история Пскова и Псковской земли / Отв. ред. В.В. Седов. Псков: Псковский музей-заповедник, 1988. С. 148–149.

Курбатов А.В. Раскопки 2003–2004 гг. у Торговых рядов в г. Владимире // Археология Владимиро-Суздальской земли. Мат-лы семинара. Вып. 1 / Ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2007. С. 90–97.

Михайлов А.В., Яковлева Е.А. Археологические исследования на Ново-Торговском IV раскопе // Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар им. акад. В.В. Седова: мат-лы 52-го заседания, посвящ. памяти проф. А.Р. Артемьева. Псков: Псковский археол. центр; М.: ИА РАН, 2007. С. 29–44.

Лабутина И.К. Раскоп 1967 г. в Окольном городе Пскова // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2 / Отв. ред. В.В. Седов. Псков: Псковский археол. центр, 1994. С. 6–43.

Окулич-Казарин Н.Ф. Спутник по древнему Пскову (Любителям родной старины). 3-е изд. Псков: Светоносец, 2001. 368 с.

Подгорная Р.Г., Салмина Е.В. Исследования Нового Торга в Пскове в 2011 г. (предварительный обзор) // Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар им. акад. В.В. Седова: мат-лы 58-го заседания (17–19 апреля 2012 г.). М.: ИА РАН; Псков: Псковский археол. центр, 2013. С. 23–38.

Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. 1: Новгородская 4-я летопись. М.: Языки русской культуры, 2000а. 690 с.

Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1: Псковская 1-я летопись. М.: Языки русской культуры, 2003. 148 с.

Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. Псковская 3-я летопись. М.: Языки русской культуры, 2000б. 366 с.

Писцовая книга № 355 (1585–1587 гг.). М.: Мин-во юстиции, 1913. 502 с. (Сб. Московского архива министерства юстиции; Т. V).

Шокарев С.Ю. Повседневная жизнь средневековой Москвы. М.: Молодая гвардия, 2012. 480 с.

КОМПЛЕКС ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВООРУЖЕНИЯ С ТЕРРИТОРИИ ОКОЛЬНОГО ГОРОДА ПСКОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 1978–2013 ГОДОВ)

© 2014 г. С.А. Салмин

Псковский археологический центр, Псков
(solvarg@rambler.ru)

Ключевые слова: Псков, Окольный город, предметы вооружения.

Резюме. Публикация посвящена предметам вооружения из раскопок на территории Окольного города Пскова позднего средневековья – раннего Нового времени. На примере псковских археологических материалов делается попытка определить характерный для территории комплекс позднесредневекового вооружения и проследить особенности использования вооружения населением города.

Позднесредневековое вооружение русского Северо-Запада, происходящее из археологических раскопок, до сих пор слабо представлено научному сообществу – несмотря на обилие материалов. Первоначальной причиной этому было пренебрежительное отношение, с которым исследователи и учреждения охраны памятников относились к археологическим напластованиям периода позднего средневековья – раннего Нового времени. В последние же десятилетия, когда исследователи уделяют пристальное внимание всему массиву отложений, а не ограничиваются «средневековыми слоями», накопление информации идет настолько высокими темпами, что предварительные обзорные обобщения охватывают материалы только одного раскопа или в лучшем случае блока раскопов, а предметами публикаций чаще всего становятся наиболее яркие «нехарактерные» находки.

Результат этого – отсутствие хронологических вещевых индикаторов для целых категорий предметов, и оружейные комплексы не исключение. Второй негативный результат – невозможность учетов фондовых материалов при подготовке обобщающих работ, посвященных предметам вооружения рассматриваемого времени. Работы, посвященные военному делу сибирских русских, центральноазиатских кочевников в период Нового времени (Е.А. Багрин, Л.А. Бобров, А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков) значительно опередили труды этой тематики, выполненные на материалах Европейской части России. Эту лакуну во многом закрывает работа О.В. Двуреченского, однако из псковских находок в ней задействованы буквально единицы.

Период формирования псковского Окольного города, приходящийся на конец XV – XVII в., позволяет достаточно уверенно связать вещевые находки с эпохой реорганизации военной системы Московского государства и одновременно с периодом технической (пороховой) революции в Европе, приведшим к сложению комплексов вооружения армий нового типа. Факт позднего вхождения большей

части территории этого участка в городскую черту позволяет исключить массовое попадание в эти слои вещей, бытование которых традиционно считалось прекратившимся в более раннее время.

Хорошая сохранность древесины в антропогенных отложениях на территории Пскова и разработанная для позднего средневековья – раннего Нового времени дендрохронологическая шкала позволяют получать достаточно точную информацию о времени попадания предметов в культурный слой, что может послужить основанием для уточнения периода отдельных форм и типов предметов вооружения.

На сегодняшний день в псковском археологическом материале представлены как предметы, дающие широкие серии, так и единичные, буквально уникальные артефакты. В коллекции присутствуют:

– пластины доспехов. В основном они относятся к ряду пластин от пластинчато-нашивных доспехов (прямоугольные, с центральной заклепкой или парой заклепок). Особенный интерес представляет среди них пластина, имеющая явно выраженные следы производственного брака. Единичны пластина с закругленным краем (от нижней оторочки пластинчатого доспеха) и заготовка крупной трапециевидой панцирной пластины – вероятно, из набора зерцального доспеха или юшмана;

– боевые топоры (в том числе крупногабаритные, с широким лезвием и выраженным острием на верхнем углу) и бердыши;

– наконечники стрел;

– длиннодревковое оружие представлено наконечниками пик, дротиков (в том числе восточного образца), «совни», а также втоками;

– огнестрельное оружие и его детали (практически целая винтовальная пищаль, пистолетные стволы, фитильные, кремневые, колесцовые замки и их детали, набалдашники прикладов пистолетов, детали сошек западноевропейского типа – фуркет).

Единичными находками на настоящий момент остаются биметаллическое перекрестье сабли, навершие шестопера (и деревянная модель шестопера), детали самострела (фрагменты лука и спускового рычага).

Целесообразным представляется рассматривать наряду с предметами вооружения кожаные деталь колчана «турецкого» типа и украшенную тисненым орнаментом обтяжку ножен кинжала, однако эта категория находок пока не была предметом специального рассмотрения.

Отметим топографические различия в местоположении находок предметов вооружения рассматриваемого периода и более раннего времени. Во втором случае местонахождение комплекса часто оказывается связанным с конкретными событиями, интерпретируемыми по данным письменных источников. В рассматриваемый же нами период все предметы, связанные с военным делом, могли выпадать в культурный слой исключительно в процессе повседневной деятельности горожан. (Напомним – непосредственные военные действия в пределах крепости на территории Пскова не велись на протяжении всей его истории.)

Таким образом, псковские материалы позволяют не только вычленить характерный для территории комплекс позднесредневекового вооружения, но и проследить использование оружия населением города.

НОВЫЕ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ УФА II (МАТЕРИАЛЫ 2012 ГОДА)

© 2014 г. Р.М. Сатаев[1], В.В. Куфтерин[2]

[1] *Институт этнологии и антропологии РАН, Москва (rob-sataev@mail.ru)*
[2] *Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа* (*vladimirkufterin@mail.ru*)

Ключевые слова: археозоология, остеологический материал, морфометрия, охота, животноводство, средневековье, Уфа II.

Резюме. В работе представлены новые результаты археозоологических исследований на городище Уфа II (материалы 2012 г.). Обсуждаются особенности видового состава остатков животных и количественные соотношения между ними. Приводятся результаты морфометрических исследований костей лошади и крупного рогатого скота.

Городище Уфа II расположено в центре г. Уфа на мысу, ограниченном двумя оврагами. Предполагается, что городище Уфа II было центром большого средневекового города, который объединял целый ряд примыкавших к нему городищ, где жило родственное население. Время функционирования городища авторами последних раскопок определяется в широких пределах с IV по XV в. (Мажитов, Сунгатов, Султанова, 2008).

Основную информацию об особенностях охоты и животноводства населения городища несут костные остатки животных, обнаруженные на памятнике в массовом количестве. В результате археозоологических исследований, проведенных в 2012 г., было изучено 29480 костных остатков животных, из которых до вида и рода идентифицировано 20397 костей (69,2%). Основная масса костных остатков представлена кухонно-бытовыми отходами, маркирующими жилые участки. Кости принадлежат девяти видам домашних и восьми видам диких млекопитающих, а также птице и рыбе (см. *таблицу*). По сравнению с материалом прежних раскопок (Сатаев, Гимранов, Кильмухаметова, 2009) обращает на себя внимание относительно большой процент (2,3%) костей диких видов, а также птиц и рыб. Это может быть связано как с локальными тафономическими особенностями изучаемого участка, так и с более тщательным сбором костных остатков.

Изученный остеологический материал характеризуется сильной раздробленностью. Процент встречаемости единичных целых костей слабо изменяется с глубиной, однако общая раздробленность материала выше в 5–7 горизонтах. На единичных костях отмечаются погрызы собаками и грызунами. Зафиксированы случаи целенаправленного раскалывания костей, имевшие своей целью изъятие части кости для технических целей.

Видовой состав и количественные соотношения между доминирующими видами (крупный рогатый скот (КРС), мелкий рогатый скот (МРС), лошадь, свинья) по площади и глубине раскопа изменяется незначительно, различия касаются в основном редких находок костей диких видов или малочисленных домашних животных.

Оценка возраста забоя животных показывает, что у КРС на мясо забивались преимущественно особи младше трех лет (82%); у МРС среди забитых животных резко преобладают особи до одного года (65%), взрослые животные – старше 3,5 лет, составляют 1,5%; кости свиньи в основном принадлежат животным до 1,5 года (88%).

Видовой и количественный состав остатков животных из раскопок средневекового городища Уфа II

Виды	Количество остатков	Определимые остатки, %	Минимальное количество особей
Домашние млекопитающие			
КРС	6249	30,6	110
Овца	29	26,7	20
Коза	9		9
МРС	5411		150
Свинья	1148	5,6	35
Верблюд	31	0,15	4
Лошадь	6969	34,2	125
Осел	3		2
Собака	5		2
Кошка	4 (современная сохранность)		1
Дикие млекопитающие			
Заяц	1	2,3	1
Сурок	411		125
Суслик	1		1
Бобр	17		5
Лисица	10		3
Бурый медведь	15		3
Лось	13		2
Косуля	2		2
Всего:	20397		
Неопределимые фрагменты	9083		
Птица	167		
Рыба	130		
Моллюски	8		

Наличие в материале целых резцовых отделов верхней и нижней челюсти лошадей позволяет более точно представить возрастную структуру забиваемых животных. Среди лошадей преобладают животные старше 5 лет (56,6%). На животных до 1 года приходится 3,3%, от 1 до 5 лет – 40%. Можно говорить о том, что лошадей забивали в разном возрасте, но преимущественно животных, терявших свою хозяйственную ценность.

Резко выраженная мясная направленность использования КРС, МРС и свиньи может указывать на то, что эти животные регулярно поступали на поселение извне, поскольку такой забой не позволял поддерживать необходимое маточное поголовье. Вполне вероятно, что часть коров могла длительно содержаться для получения молока, на что косвенно указывает находка челюсти с сильно стертыми зубами. Лошадь использовалась комплексно и забивалась на мясо по мере необходимости.

Особое внимание привлекают костные остатки животных, нехарактерных для лесостепной зоны (верблюд и домашний осел). Малочисленность и мозаичность распределения их костей по площади и глубине раскопа указывает на то, что эти животные не были здесь объектами постоянного содержания. По всей видимости, верблюд и осел попадали на территорию поселения с торговыми караванами из южных областей (Прикаспийского региона или Средней Азии).

Среди костей домашних животных крайне малочисленны кости собаки, что связано с характером накопления основной массы костных остатков (пищевые отходы). Кости

домашней кошки приурочены к верхним горизонтам и имеют современную сохранность.

На дикие виды в совокупности приходится чуть более 2,3% остатков. При этом более 2% приходится на кости сурка (относительно других диких видов – 87,4%), которые зафиксированы во всех квадратах и горизонтах памятника. В обсуждаемом материале присутствуют кости семи охотничьих видов, двух основных промысловых групп – животные, добываемые преимущественно для получения мяса (заяц, лось, косуля), и добываемые в основном из-за меха (сурок, бобр, лисица, медведь).

Обращает на себя внимание, что кости диких видов различаются между собой по составу сохранившихся элементов скелета и степени раздробленности. От парнокопытных (лось, косуля) происходят лишь сильно фрагментированные кости черепа, нижних челюстей, конечностей. Остатки бурого медведя представлены преимущественно целыми костями дистальных отделов конечностей. От сурка, бобра, лисицы, зайца – в основном сохранились целые кости конечностей. Все это также указывает на определенную избирательность попадания тех или иных частей туш животных на городище при «экспедиционном» характере охоты.

Кости птиц представлены почти исключительно малоинформативными фрагментами диафизов костей конечностей. Среди них определены кости серой куропатки – 3, утки – 10, и гуся – 1. Кости рыб в большинстве случаев сильно фрагментированы. Для определения пригодны лишь 86 костей. Из них 35 принадлежат осетровым, 28 – щуке, 23 – сому. Створки раковин моллюсков, обнаруженные на памятнике, принадлежат обыкновенной перловице (см. *таблицу*).

Выборку, отобранную для морфометрического исследования, составили 455 скелетных элементов и их фрагментов. На изученном материале в общей сложности проведено 1437 измерений. Кроме того, все скелетные фрагменты подвергались обследованию на предмет наличия патологических изменений и травм.

Метрические параметры метаподий, пяточной и таранной костей лошади характеризуются в основном близким к нормальному распределением и небольшой вариабельностью. Вариационный ряд наибольшей длины пяточной кости при этом демонстрирует наличие незначительной левосторонней асимметрии, что может указывать на преобладание в выборке костей кобыл. Использование единичных промеров пястных и плюсневых костей, в соответствии с ранжированием по В.О. Витту (1952), позволяет отнести выявленные на памятнике формы к низкорослой («низкой») лошади, высота которой в холке находится в пределах 128–136 см.

Вариационные ряды морфометрических параметров пяточных и таранных костей КРС демонстрируют выраженную правостороннюю асимметрию и островершинность распределения. Величины показателей вариации признаков пяточной кости свидетельствуют о достаточной однородности совокупностей. Применение критерия Шапиро–Уилка позволило определить, что в двух случаях распределение метрических параметров астрагалов статистически достоверно отличается от нормального. Норма нарушена по варьированию наибольшей длины и сагиттального диаметра медиальной части. Это обстоятельство явилось несколько неожиданным, поскольку признаки таранной кости связаны между собой высокой морфологической корреляцией. В данном случае нарушение нормы распределений может объясняться несколькими обстоятельствами: 1) сложностью дифференциации ювенильных и взрослых особей по признакам таранной кости и возможным включением первых в вариационные ряды; 2) объединением разнополых особей при построении вариационных рядов; 3) относительной малочисленностью наблюдений. Последним обстоятельством на данный момент затрудняется также анализ изменчивости метаподий. На основании промеров таранной кости реконструирован средний рост в холке КРС, оказавшийся равным чуть более 110 см, для пересчета использовался коэффициент, предложенный В.И. Цалкиным (1970).

Подытоживая результаты статистической обработки промеров костей КРС и лошади, следует отметить, что хотя материал включает кости, происходящие из разных горизонтов, он достаточно единообразен. Это может свидетельствовать об однородности морфо-

логических характеристик экстерьера обозначенных видов.

Анализ распространенности патологических изменений осложняется тафономическими особенностями материала – значительной фрагментацией скелетных остатков и небольшим количеством целых костей. По этой причине все обнаруженные патологии рассматривались в индивидуальном контексте (конкресценция поясничных позвонков и вероятный случай диффузно-идиопатического скелетного гиперостоза у двух лошадей, посттравматический периостит плюсневой кости у одной особи КРС и артропатия в области проксимального эпифиза пястной кости лося).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. Вып. XVI. С. 163–205.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н. Сокровища древней Уфы. Уфа: Башкортостан, 2008. 112 с.

Сатаев Р.М., Гимранов Д.О., Кильмухаметова Э.Д. Роль охоты в жизни населения средневекового городища Уфа II // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во АГУ, 2009. С. 175–178.

Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.: Наука, 1970. 280 с.

СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ ЧАСТИ СМОЛЕНСКА: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ХРОНОЛОГИЯ

© 2014 г. Е.К. Столярова, В.В. Миненко

Институт археологии РАН, Москва
(kath.stoliarova@gmail.com; vvminenko@yandex.ru)

Ключевые слова: Смоленск, Заднепровский посад, домонгольский период, стеклянные браслеты, стеклянные украшения, древнерусское стеклоделие, киевская школа стеклоделия, свинцово-кремнеземное стекло, византийские браслеты, химический состав стекла.

Резюме. Работа посвящена стеклянным изделиям Заднепровского посада Смоленска. Основная масса стеклянных находок, обнаруженных в яме 5, по своей морфологии, составу стекла и сохранности наиболее близка к киевской школе стеклоделия. Небольшую часть находок составляют браслеты византийской школы. Особенности набора стеклянных предметов из ямы 5 позволяют оценивать эту выборку как единую партию товара, поступившего из одного торгового центра, возможно, из Киева, в последней четверти XII – первой четверти XIII в.

В 2005 г. экспедиция Отдела охранных раскопок ИА РАН под руководством В.В. Миненко проводила охранные археологические раскопки в правобережной (Заднепровской) части Смоленска на участке, расположенном между ул. Желябова и ул. Кашена (общая площадь 820 м^2). Исследования проводились в западной части так называемого Заднепровского посада, в 385 м к юго-востоку от церкви Петра и Павла (1146 г.), к югу от древней Петропавловской улицы. В ходе исследований были изучены культурный слой и археологические объекты XII–XIII и XVI–XVII вв. Особый интерес представляют участки усадебной застройки с жилыми и хозяйственными постройками XII – первой половины XIII в.

Среди всей коллекции археологических находок XII–XX вв. (собрано около 20 тыс. фрагментов круговой керамики, 1,8 тыс. индивидуальных находок) значительный про-

цент принадлежит украшениям из стекла, традиционно встречающимся в культурных слоях городов и поселений домонгольского времени на всей территории Древней Руси. Всего было найдено 169 фрагментов стеклянных браслетов, 5 бусин и фрагмент перстня. Кроме того, обнаружен фрагмент сосуда.

Небольшая часть этих находок (30 экз.; 17%) – среди них только браслеты – происходит из культурного слоя и распространена по исследованной площади достаточно равномерно – в среднем одна находка на 4 м^2. Большая же часть (146 экз.; 83%) обнаружена в 5 комплексах (ямах), из которых самая представительная по количеству находок из стекла яма 5 – в ней обнаружено три четверти всех изделий (135 экз.; 76,7%).

Яма 5 – остатки подполья (подклета) несохранившейся наземной постройки. Конструкция подклета представляла собой деревянный сруб размерами 2,3 х 3,9 м, поставленный в котлован (3,6 х 5,4 м), имеющий почти прямоугольные очертания в плане. Глубина от уровня верхнего края – 2–2,1 м. Заполнение состояло из суглинка с включениями фрагментов круговой керамики, древесного тлена, угольков и печины. Засыпка между деревянным срубом и стенками котлована представлена археологически стерильным грунтом.

Время существования постройки относится к XII – первой трети XIII в. После разрушения ее наземной части подклет в течение непродолжительного времени был засыпан, на что указывают практически вертикальные стенки сруба, сохранившиеся в виде тлена. В результате в его заполнение попали находки XII–XIII вв. Среди них – керамические светильники «киевского» типа, фрагменты амфорной тарной посуды, свинцовые товарные пломбы «дрогичинского» типа, детали церковных осветительных приборов (хоросов), мраморный нательный крест-корсунчик, глиняное поливное яйцо-писанка (игрушка-погремушка), шиферные пряслица, спиралеконечная фибула, фрагмент височного трехбусинного кольца и другие украшения.

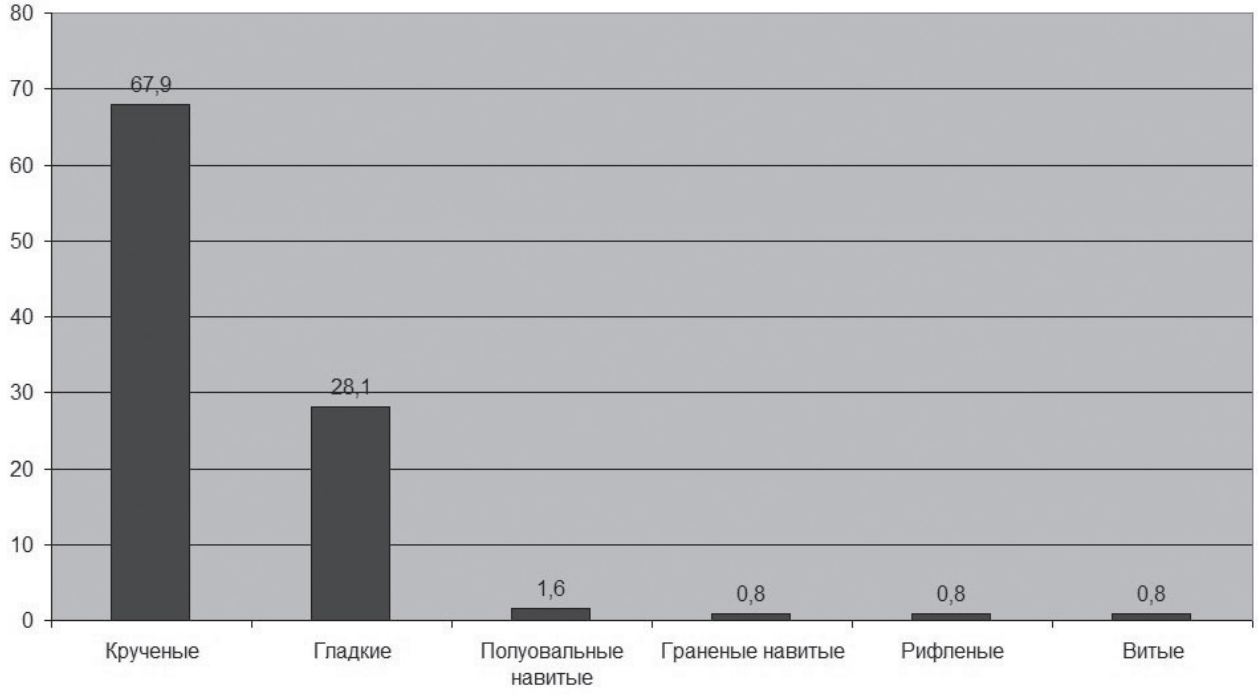
Среди стеклянных находок из ямы 5 – три четверти всех найденных браслетов (128 экз.; 75,7%), все бусы, единственный перстень и единственный фрагмент сосуда. Таким образом, выборка стеклянных предметов из этого комплекса не только многочисленна, но и разнообразна по представленным в ней категориям стеклянных находок.

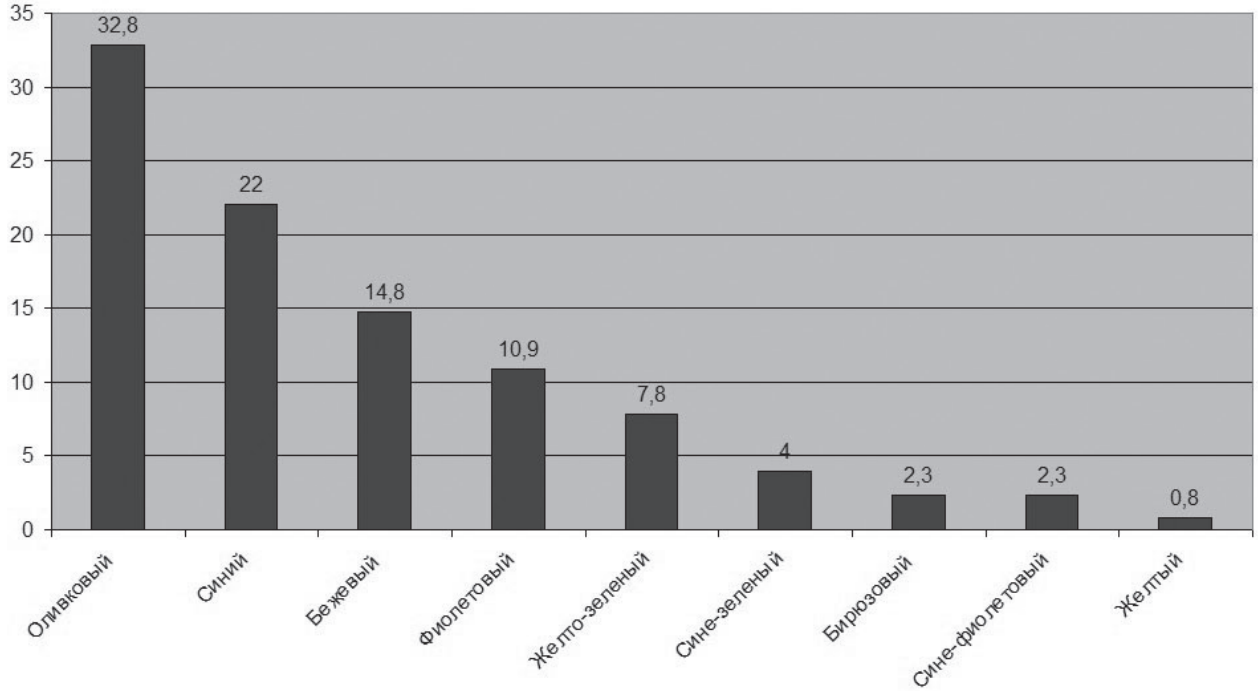
Детальный анализ стеклянных *браслетов* из ямы 5 показал, что наиболее многочисленны, как это обычно и бывает в древнерусских городах, браслеты двух групп: «крученые» и «гладкие». Как правило, эти группы количественно близки друг другу. В нашем же случае соотношение иное: «крученые» браслеты составляют две трети, а «гладкие» – примерно треть (рис. 1). Такое же соотношение характеризует браслеты Друцка и Волковыска (Щапова, 1972. С. 105. Табл. 10; Зверуго, 1975. С. 76, 77. Табл. 4, 5).

Цветовая гамма заднепровских браслетов имеет свои особенности – в ней совершенно отсутствуют браслеты из коричневого стекла, отмечено большое количество синих браслетов, небольшое желто-зеленых и незначительное желтых (рис. 2). Данное соотношение цветов среди браслетов других городов Древней Руси встречается крайне редко. Оно также совершенно не похоже на смоленские материалы, происходящие из левобережной части города, но находит параллели среди браслетов Минска, Новогрудка и Волковыска (Щапова, 1972. С. 136, 166. Табл. 22, 30; Зверуго, 1975. С. 76).

Размеры браслетов стандартны: преобладают обручи диаметром 5 и 6 см, что в целом совпадает с показателями из других древнерусских памятников. Правда, среди рассматриваемых браслетов отсутствуют украшения диаметром 3 см и несколько превышено количество браслетов диаметром 4 см (Щапова, 1972. С. 161–162; Столярова, 2002. С. 173; 2006. С. 310).

Небольшая часть браслетов декорирована (13,3%). Чаще всего они украшены перевитьем. Обращает на себя внимание, что у половины перевитых браслетов не сохранилась нить, от нее остался только след в виде вогнутой спирали. Два «гладких» браслета сине-фиолетового и бежевого цветов имеют декорированный «замок» – место крепления концов браслета – в виде двух узких вогнутых овалов, размещенных по бокам «замка». Подобные браслеты найдены в Тмутаракани в слоях XIII в., в Московском кремле и в Ростo-


80
70
60
50
40
30
20
10
0
67,9
28,1
1,6
0,8
0,8
0,8
Крученые
Гладкие
Полуовальные навитые
Граненые навитые
Рифленые
Витые


35
30
25
20
15
10
5
0
32,8
22
14,8
10,9
7,8
4
2,3
2,3
0,8
Оливковый
Синий
Бежевый
Фиолетовый
Желто-зеленый
Сине-зеленый
Бирюзовый
Сине-фиолетовый
Желтый

ве Великом (Щапова, 1963а. С. 106–107. Рис. 2, *8*; Столярова, в печати).

Изучен химический состав 34 браслетов (исследован с помощью оптико-эмиссионного спектрального анализа в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН аналитиком А.Н. Егорьковым). Большая их часть (28 экз.) изготовлена из стекла класса K-Pb-Si, который относят к древнерусскому, возможно, киевскому производству (Безбородов, 1956. С. 189, 264; 1969. С. 161; Щапова, 1972. С. 185). Остальные (6 экз.) сделаны из стекол классов Na-Ca-Si и Na-Si. Считается, что браслеты таких составов изготавливались в Византии. Среди вероятных византийских браслетов оказались и браслеты с декорированным «замком». Отметим, что исследование химического состава стеклянных находок показало полное отсутствие изделий, в том числе и браслетов, состава Pb-Si, изготовление которого для получения браслетов и глазурей предполагают в Смоленске (Щапова, 1972. С. 136–142).

Цвет, прозрачность и сохранность стекол (сплошная поверхностная, а иногда сквозная коррозия, сеть мелких трещинок) остальных браслетов, не подвергнутых анализу химического состава, позволяют считать их сделанными из стекла класса K-Pb-Si и отнести к киевскому изготовлению.

Для установления хронологии браслетов используем данные, полученные М.Д. Полубояриновой по результатам распределения браслетов по ярусам новгородской стратиграфии (Полубояринова, 1963а. С. 164–199. Табл. 2). Согласно им, начиная с 19 яруса (1134 г.) и вплоть до 15 яруса (1224 г.) «крученые» браслеты значительно преобладают над «гладкими». Причем в ярусах 19 (1134 г.) и 18 (1161 г.) отмечается преобладание мелкокрученых браслетов, тогда как в ярусах 17 (1177 г.), 16 (1197 г.) и 15 (1224 г.) их число уступает украшениям с крупным и средним кручением. В 14 (1238 г.) и 13 ярусах (1268 г.) отмечено практически равное соотношение браслетов этих двух видов. Начиная с 12 (1281 г.) и вплоть до 9 (1340 г.) яруса значительно преобладают браслеты «гладкие».

Среди браслетов из ямы 5 большая часть – «крученые», среди которых украшения с крупным и средним кручением (54 экз.) превалируют над мелкокрученными браслетами (29 экз.), что позволяет датировать этот комплекс браслетов последней четвертью XII – первой четвертью XIII в.

Из пяти *бусин* четыре «зонные» из черного непрозрачного стекла сделанные навивкой. Одна из них украшена беспорядочно расположенными пятнами желтого цвета. Еще одна бусина округлая яйцевидная усеченная дважды сделана индивидуальной навивкой из бледно-желтого прозрачного стекла, которое по состоянию сохранности (наличию кракелюра) может быть отнесено к классу K-Pb-Si, производившемуся в Киеве.

Перстень представлен фрагментом обруча желто-зеленого цвета, выполненного вытягиванием и имеющего в поперечном сечении круг с небольшим усечением. Изучение химического состава стекла перстня показало, что оно относится к классу Pb-Si с примесью K_2O (2,2%). Стекло такого состава можно уверенно относить к древнерусскому стекловарению. Обнаруженный перстень, вероятно, изготовлен в Киеве или в другом центре, производившем одновременно и бесщелочное свинцовое, и калиево-свинцовое стекло.

Фрагмент *сосуда* из желтоватого прозрачного стекла является частью кубка или бокала на коническом поддоне диаметром 4 см. Это одна из самых распространенных форм древнерусской посуды, особенно в южнорусских городах. Такие сосуды появляются с 30-х гг. XII в. и встречаются в слоях XIII в. (Полубояринова, 1963б. С. 234. Рис. 1, *2*; 1987; 1988. С. 204, 211; Щапова, 1963а. С. 122; 1963б. С. 123; 1972. С. 32, 36, 58). Проведенный анализ химического состава стекла сосуда показал, что оно относится к классу K-Pb-Si древнерусского киевского производства.

Таким образом, основная масса стеклянных находок, обнаруженных в яме 5, по своей морфологии, составу стекла и сохранности наиболее близка к киевской школе стеклоделия, изготавливавшей стекло класса K-Pb-Si. К другой древнерусской традиции, которая использовала бесщелочное свинцовое стекло, относится перстень. Однако входящая в состав его стекла небольшая примесь K_2O дает нам возможность предполагать его изготовление в Киеве. Небольшую часть находок составляют браслеты византийской школы.

Столь большое количество предметов из стекла, главным образом стеклянных браслетов, единовременно попавших в заполнение одного сооружения, является неординарным явлением. Они вряд ли могут быть связаны с периодом существования постройки, так как основная масса находок (95,6%) происходит из слоя засыпки. Особенности набора стеклянных предметов из ямы 5 позволяют оценивать эту выборку как единую партию товара, поступившего из одного торгового центра. Не противоречит этому и присутствие в ней изделий разных школ (древнерусской киевской, византийской и др.), тем более что цвета византийских браслетов – сине-фиолетовый и бежевый – были подобраны в соответствии с преобладающими цветами всей партии.

Найденные в правобережной (Заднепровской) части Смоленска стеклянные изделия, в основном браслеты, вероятно, были привезены в Смоленск из одного центра, возможно, из Киева в последней четверти XII – первой четверти XIII в. по Днепровскому торговому пути. Часть находок осела на территории города и использовалась местным населением. Другая, по-видимому, б*о*льшая была предназначена для дальнейшей транспортировки в другие города Древней Руси, в том числе и в западные земли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Безбородов М.А. Стеклоделие в Древней Руси. Минск: Изд-во АН БССР, 1956. 306 с.

Безбородов М.А. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск: Наука и техника, 1969. 276 с.

Зверуго Я.Г. Древний Волковыск (X–XIV вв.). Минск: Наука и техника, 1975. 144 с.

Полубояринова М.Д. Стеклянные браслеты древнего Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции Т. III: Новые методы в археологии / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1963а. С. 164–199. (МИА; № 117).

Полубояринова М.Д. Стеклянная посуда древнего Турова // СА. 1963б. № 4. С. 233–238.

Полубояринова М.Д. Изделия из стекла городища Слободка // Никольская Т.Н. Городище Слободка. М.: Наука, 1987. С. 162–167.

Полубояринова М.Д. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 151–219.

Столярова Е.К. Предварительные итоги изучения стеклянных предметов из раскопок в Дмитровском кремле // Археологическое изучение Подмосковья (Дмитров, Мытищи, Тарасовка). М.: ИА РАН, 2002. С. 173–202. (Тр. Подмосковной экспедиции ИА РАН; Т. 1).

Столярова Е.К. Стеклянные украшения средневековой Усть-Шексны // Археология: история и перспективы. Вторая межрегиональная конференция. / Ред. А.Е. Леонтьев. Ярославль: Ярославский музей-заповедник; Музей-заповедник «Ростовский Кремль», 2006. С. 306–331.

Столярова Е.К. Стекло Средневековой Москвы (XII–XIV вв.). М.: РГГУ. (в печати).

Щапова Ю.Л. Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.: Изд-во АН СССР, 1963а. С. 102–133.

Щапова Ю.Л. Стеклянные изделия древнего Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции Т. III: Новые методы в археологии / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1963б. С. 105–163. (МИА; № 117).

Щапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М.: МГУ, 1972. 215 с.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ НЕКРОПОЛЬ НА ТЕРРИТОРИИ БАЗИЛИКИ «КРУЗЕ» В ХЕРСОНЕСЕ

2014 г. С.В. Ушаков[1], С.А. Данилова[2]

[1] Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе (yshakovsv@list.ru)
[2] Национальный заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь (tekvowa@mail.ru)

Ключевые слова: Херсонес, базилика «Крузе», храм, некрополь, захоронение, могила.

Резюме. Херсонес Таврический – уникальный памятник античности и средневековья. Среди всего массива источников первостепенное значение имеет археология. В северо-восточном районе Херсонеса (квартал XCIX) находится так называемая базилика Крузе, которая пережила по меньшей мере три периода исследования. В ходе новейшего этапа археологических работ (с 2005 г.) были выяснены многие интересные особенности памятника, а также открыт и исследован средневековый некрополь.

Только один памятник в истории нашего Юга носит имя «Русские Помпеи» – Херсонес Таврический как уникальный памятник античности и средневековья. За долгое время своего существования он пережил периоды подъема и упадка, смены религии и культуры. Все это отразилось на его военной, гражданской и сакральной архитектуре, погребальных обычаях. Среди всего массива источников первостепенное значение имеет археология.

Археологические раскопки Херсонеса начались более 180 лет назад в 1827 г. по распоряжению главного командира Черноморских портов г. Севастополя вице-адмирала С.А. Грейга под непосредственным руководством плантера (садовода) Черноморского департамента корабельных инженеров подпорудчика Карла Крузе. Раскопщиком было открыто три храма, два из которых были достаточно полно описаны, а вот о третьем (№ 7 по нумерации Императорской археологической комиссии) он лишь скромно упоминает (Золотарев и др., 1998. С. 3–4).

Следующий период в истории исследования базилики 7 приходится на 1891 г. Раскопками руководил К.К. Косцюшко-Валюжинич. В ходе археологических работ был выяснен план храма (Золотарев и др., 1998. С. 5), открыто 19 погребений на его территории, 8 из которых были устроены в нартексе (Косцюшко-Валюжинич, 1891. С. 17). В отчете за 1891 г. К.К. Косцюшко-Валюжинич высказал мнение об их принадлежности к раннему периоду существования храма (1891. С. 17).

Современный этап исследования памятника начался в 1998 г. в рамках научного сотрудничества с австрийскими коллегами (Золотарев и др., 1998. С. 2). В этом полевом сезоне были проведены небольшие археологические работы, в ходе которых в южном нефе храма была исследована могила, не замеченная в свое время К.К. Косцюшко-Валюжиничем. Регулярные раскопки возобновились в 2005 г. и продолжаются до настоящего времени.

Базилика «Крузе» расположена в северо-восточном районе Херсонеса (XCIX квартал) и по своей архитектурной схеме не отличается от других раннесредневековых базилик: нартекс, три нефа и алтарная часть. В храм можно было войти с улицы, ведущей из портового района города. Однако у храма есть свои особенности: 1) ширина его практически равна длине; 2) форма алтарной части – триконхиальная, укрепленная внешним поясом кладки; 3) относительно узкие боковые нефы (левый или северный неф – 2,9 х 10,5 м, правый или южный – 2,7 х 10,5, ширина центрально нефа – 8 м) (Золотарев и др., 1998. С. 8–10); 4) отсутствие правого бокового входа.

Время постройки базилики определяется многочисленными и разнообразными археологическими материалами и монетами из-под пола южного и центрального нефов и из засыпей цистерн, открытых при раскопках – это время правления императора Юстиниана Великого (527–565 гг.), что связано с активным укреплением христианства по всей Византийской империи.

В ходе наших археологических работ удалось выяснить основные этапы строительства на этой территории города. Первоначально здесь находилась жилая застройка позднеклассического – элинистического времени. В римское время на этом месте появляется рыбозасолочный комплекс. Об этом свидетельствует цистерна, найденная под полом базилики и многочисленные пифосные ямы с остатками тары. В юстиниановскую эпоху рыбозасолочный комплекс прекратил свое существование, территория была снивелирована, и на этом месте возведена базилика. Просуществовал храм примерно до рубежа X–XI вв., позднее здесь появился некрополь, который действовал до конца существования города.

Как уже отмечалось выше, раскопками К.К. Косцюшко-Валюжинича были вскрыты 19 могил, а работами, проводимыми в 1998, 2005–2013 гг. было открыто еще 19 погребений (№ 1–19).

Захоронения, исследованные нашей экспедицией, можно условно разделить на три типа: одиночные грунтовые погребения (№ 2, 3, 5, 8, 10, 12, 13, 17, 18); погребения с двумя костяками (№ 6, 11, 14); многоярусные (более семи ярусов) (№ 1, 4, 7). В некоторых могилах наряду с останками взрослых индивидов зафиксированы и останки детей (№ 3, 12, 13а, 14). Условно названные «могилами», так называемые захоронения 15 и 16 являются выбросами костных останков, осуществленными раскопщиками в XIX в.

Ориентация костяков преимущественно западная, но имеются погребения, ориентированные на север (№ 13, 6) и юг (№ 11). В тех захоронениях, где анатомическое строение костяков сохранилось, погребенные лежали на спине со сложенными на поясе или согнутыми в локтях костями рук.

Погребения в преобладающем большинстве безынвентарны. Лишь в некоторых отмечены следующие находки: пуговицы-бубенчики (могилы № 1, 4, 6, 7), проволочные кольца (№ 10, 14), пряжка (№ 11) и три монеты (№ 4 и 6), бронзовая ажурная подвеска (№ 4), бронзовое кольцо (№ 7). В захоронении 8 у покойного под головой находился большой фрагмент черепицы, использованный в качестве своеобразной «подушки», а в могиле 17 обнаружены остатки гроба и скреплявшие его железные гвозди.

Базилики имели важное значение для жителей города и его округи не только во время их функционирования, но также и после их разрушения. Средневековые некрополи, устроенные на территории бывших базилик, для Херсонеса обычное дело. Такие места использовались для погребения местных жителей вне зависимости от половой принадлежности и возраста.

Традиция погребения умерших на территории храма получила широкое распространение начиная с IX в., что повлекло за собой перестройку базиликальных комплексов (Иванов, 2012. С. 212). На территории базилики «Крузе» такие перестройки при археологических исследованиях нами не зафиксированы. В конце X – начале XI в. базилики в Херсонесе разрушаются (возможно, из-за природных катаклизмов, например землетрясения), и на их месте сооружаются некрополи с маленькими часовенками (Иванов, 2012). В пределах бывшей базилики «Крузе» остатки часовни можно предполагать только гипотетически, в отличие от средневекового кладбища, которое нами и было исследовано.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Золотарев М., Коробков Д., Ушаков С., Пюльц А. Отчет о раскопках Базилики № 7 (т.н. «Базилики Крузе») в Херсонесе в 1998 году // Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». 1998. Д. 3888.

Иванов А.В. Внутригородские некрополи конца X – XIV в. как элемент исторической топографии византийского Херсонеса // Древности 2012. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 11. Харьков: Харьковское историко-археологическое общество, 2012. С. 211–222.

Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет за 1891 год // Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». 1891. Д. 2.

РАЗВИТИЕ ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЫ ЛЮДИНА КОНЦА СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ УСАДЕБ ТРОИЦКОГО РАСКОПА)[1]

© 2014 г. Н.Н. Фараджева[1], П.Г. Гайдуков[1], О.А. Тарабардина[2], Г.Е. Дубровин[1]

[1] Институт археологии РАН, Москва
(fnn1@yandex.ru; russianchange@yandex.ru; gendub@yandex.ru)
[2] Новгородский музей-заповедник, Великий Новгород
(o.tarabardina@mail.ru)

Ключевые слова: Новгород, археологические исследования, усадебные комплексы, развитие застройки, планировочная структура, хронология.

Резюме. Комплексное изучение застройки, планировки и хронологии северо-западных усадеб Троицкого раскопа позволило получить уникальную информацию об освоении территории и развитии планировочной структуры одного из кварталов Людина конца средневекового Новгорода. Исследование охватывает длительный исторический период: эволюция застройки и изменение границ усадебных владений прослежены на протяжении пяти столетий, с 930 до 1440-х гг. Анализ планировки и застройки усадеб Черницыной и Ярышевой улиц продемонстрировал индивидуальный характер развития исследованных усадебных комплексов в рамках единой городской строительной культуры.

В результате многолетних работ Новгородской археологической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, ИА РАН и Новгородского музея-заповедника изучен один из важнейших участков Людина конца средневекового Новгорода, датирующийся X – началом XV в. Исследования на Троицком раскопе, начатые в 1973 г., ведутся непрерывно вплоть до настоящего времени. В результате на обширной территории (более 7 тыс. м^2) раскрыты остатки 18 усадеб и мостовые 3 средневековых улиц. Квартал, ограниченный с севера и юга Ярышевой и Черницыной улицами, а с востока – пересекающей их Пробойной улицей, идущей параллельно берегу р. Волхов, исследовался в 1978–1998 гг. на 6 раскопах (Троицкий V, VII–XI). Здесь изучено восемь усадебных комплексов, объединенных в северо-западную группу усадеб (см. *рисунок*). Шесть из них (усадьбы О, П, И, Р Ярышевой и З и Г Черницыной улиц) составили источниковедческую основу данного исследования.

Представленное исследование базируется на сводной ярусологии, выполненной после стыковки разных раскопов и корректировки полевых строительных ярусов. Полученные результаты опираются на фундаментальную базу дендрохронологических датировок, анализ стратиграфии участка и планиграфии большого количества разновременных построек. На основании всего комплекса полученных данных выполнены сводные чертежи 39 строительных горизонтов, отображающих изменение застройки северо-западной группы усадеб Троицкого раскопа на протяжении пяти столетий.

В основе хронологии горизонтов этих усадеб лежат датировки 210 сооружений: 90 построек усадеб Ярышевой улицы, 50 сооружений усадеб Черницыной улицы и мостовых 3 средневековых улиц: Ярышевой, Пробойной и Черницыной. По усадьбам Ярышевой улицы датированные постройки распределяются следующим образом: на усадьбе Р их 24, на усадьбе И – 27, на усадьбе П – 28, на усадьбе О – 11. Получены дендродаты для 18 ярусов мостовой Ярышевой улицы. На усадьбах Черницыной улицы 40 датированных сооруже-

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, № 11-01-00347 и №14-01-00334.

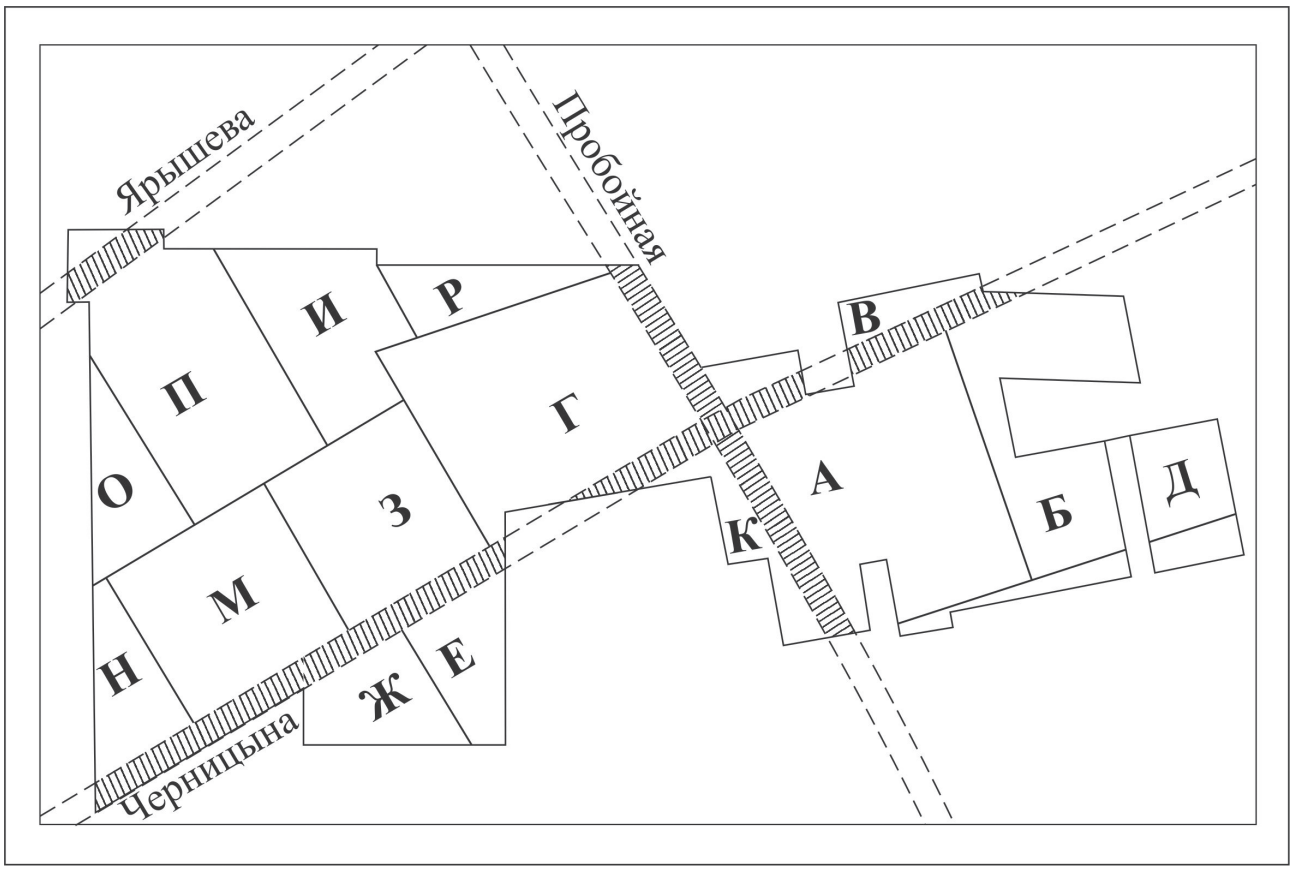


Схема расположения усадеб Троицкого раскопа.

ний относятся к усадьбе Г и 10 – к усадьбе З. Получены дендродаты для 25 ярусов мостовой Черницыной улицы и 27 ярусов мостовой Пробойной улицы. Проведенные дендрохронологические исследования дают возможность достаточно точно определить время формирования 38 из 40 горизонтов застройки северо-западных усадеб Троицкого раскопа.

Комплексное исследование усадеб Черницыной и Ярышевой улиц Людина конца средневекового Новгорода позволило получить подробную картину развития планировки и застройки дворов и говорить об их изменении на протяжении продолжительного времени, охватывающего период с 930 до 1440-х гг.

Ранний период связан с возникновением первоначальной городской застройки: к этому времени относятся древнейшие постройки, открытые на площади усадеб П, И, Р Ярышевой улицы и Г, З Черницыной улицы, а также первое мощение трасс всех улиц. Судя по дендрохронологическим датировкам древнейших построек, освоение данной территории относится к 30-м гг. X в. Изначально застройка формируется в качестве усадебной: территории дворов разделены оградами, постройки дифференцированы. Жилые и хозяйственные строения отличаются по конструкции, размерам и планировке, в пределах дворов выделяются хозяйственная и жилая зоны. Разметка, планировка и заселение этого участка города проведены единовременно.

При разметке дворов, принадлежащих разным улицам, пространство между Ярышевой и Черницыной улицами разделено приблизительно пополам. Первоначальная площадь усадеб Р и Г, расположенных на перекрестках, составляет около 560 и 500 м^2 соответственно. Вторые по счету (от перекрестка с Пробойной улицей) усадьбы И и З имели чуть меньшие размеры – 520 и 460 м^2.

Иную конфигурацию и размеры имела усадьба П, располагавшаяся по Ярышевой улице к западу от усадьбы И. Глубина ее была увеличена за счет территории усадьбы М, относящейся к Черницыной улице, а площадь значительно превышала размеры других дворов, достигая более 950 м^2. Несмотря на то что для реконструкции западной границы усадьбы П данных недостаточно, можно

предположить, что в момент освоения территории она была последней и дальше к западу застройка еще не существовала. Вероятно, усадьба П была заселена несколько раньше, чем примыкавшая к ней с юга усадьба М Черницыной улицы.

Распространение усадебной застройки от Пробойной улицы и постепенное разрастание городской территории к западу подтверждается характером и последовательностью прокладки уличных мостовых. Судя по стратиграфическим и дендрохронологическим данным, мощение трасс Ярышевой и Черницыной улиц по всей длине осуществлялось не одновременно. На раннем этапе, в 930-е гг., замащивали лишь участки вдоль ближайших к Пробойной улице усадеб. В западной части исследованного участка обе улицы начинают мостить лишь с середины X в. Прослеживается последовательное освоение территории этого городского квартала: от берега Волхова застройка постепенно продвигается на запад, вверх по склону холма.

На протяжении X в. застройка всех усадеб обновляется довольно интенсивно, особенно активно перестраивается комплекс усадьбы П. В это время зарождается система формирования единой городской строительной культуры.

В начале XI в. застройка всех рассматриваемых усадеб была уничтожена крупным пожаром. При возобновлении застройки границы усадебных участков восстанавливаются с некоторой сдвижкой по отношению к трассам первоначальных частоколов, что привело к незначительному сокращению размеров всех усадеб Ярышевой улицы, а также усадьбы З Черницыной улицы. Лишь усадьба Г Черницыной улицы увеличила свои размеры до 640 м^2. В целом планировочная структура квартала изменилась мало.

В начале XII в. на всех усадьбах, особенно на дворах Ярышевой улицы, ведется активное строительство. К этому времени относится общая перепланировка усадеб Черницыной и Ярышевой улиц. Впервые фиксируется граница, разделяющая усадьбы О и П. Усадьба И расширяется к югу и объединяется с усадьбой П в составе общего владения размерами около 1000 м^2. Застройка и вещевые комплексы усадеб Ярышевой улицы свидетельствуют о высоком социальном статусе владельцев. Во дворах воздвигаются пятистенные срубы больших и выдающихся размеров, прослежены остатки ремесленного производства. Произошедшие перемены заметно сказались на усадьбе З Черницыной улицы, площадь которой в это время сократилась до 280 м^2. Изменение границы дворов между усадьбами З и И, разделяющих владения на разных улицах, позволяет предположить существование родственных или собственнических отношений между владельцами усадеб И–П Ярышевой и З Черницыной улиц.

Очередная общая перепланировка рассматриваемого участка городской территории проведена в конце 50 – начале 60-х гг. XII в. Перемены, коснувшиеся дворов Ярышевой улицы, привели к незначительной подвижке боковых границ усадеб. С этого момента усадьбы И и П вновь начинают существовать самостоятельно. Гораздо более масштабный характер носила в середине XII в. перепланировка дворов Черницыной улицы, в результате которой границы всех владений оказались перекроенными: усадьба З оказалась сильно сдвинутой к западу, а усадьба Г, хотя и увеличилась в размерах, была разделена на два участка. При этом перепланировка не затронула межуличанской границы усадеб. Можно думать, что она была проведена в рамках общих изменений владений всего этого квартала Людина конца.

Разгром в 1207 г. боярского клана Мирошкиничей, владения которых распространялись на усадьбы Людина конца, повлек за собой ряд пожаров, уничтоживших застройку изучаемого участка. Новое строительство здесь возобновляется крайне медленно, при этом отмечается возвращение к «архаическим» формам застройки. Несмотря на это, конфигурация дворов, относящихся к Ярышевой улице, остается неизменной. Были передвинуты лишь боковые границы усадеб Черницыной улицы, что привело, в частности, к некоторому увеличению размеров усадьбы З (до 490 м^2).

Усадебное строительство заметно активизируется на рубеже XIII–XIV вв. В это время дворы застраиваются в соответствии с новыми строительными традициями, кардинально изменившими облик усадебных комплексов.

В 20-х гг. XIV в. границы дворов Черницыной улицы вновь меняются: усадьба Г объединяется, а усадьба З сокращается до 420 м^2. Чуть позднее боковые границы усадеб И и П Ярышевой улицы передвигаются к западу, но их размеры при этом остались прежними.

Застройка XV в. на рассматриваемых усадьбах сохранилась крайне фрагментарно. Можно говорить лишь о кардинальной перепланировке усадебных владений, произошедшей в первой четверти XV в. и сопровождавшейся изменением не только границ владений, но и состава усадебной застройки.

Проведенное комплексное исследование застройки и планировки усадеб Черницыной и Ярышевой улиц позволило получить важную информацию о развитии планировочной структуры одного из кварталов Людина конца средневекового Новгорода. На протяжении всего рассматриваемого периода границы усадебных владений подвергались значительным изменениям. Зафиксированы как незначительные подвижки границ дворов, так и глобальные перепланировки участков, связанные с централизованными планомерными мероприятиями. Анализ планировки и застройки усадеб Черницыной и Ярышевой улиц продемонстрировал индивидуальный характер развития исследованных усадебных комплексов в рамках единой городской строительной культуры.

АНТРОПОГЕННЫЙ ФАКТОР В ДИНАМИКЕ ЛЕСНОГО ФОНДА ВОЛГО-КАМЬЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

© 2014 г. Ф.Ш. Хузин, З.Г. Шакиров

Институт археологии АН Республики Татарстан, Казань
(*khuzinfayaz@mail.ru; zufar_alchi@mail.ru*)

***Ключевые слова*:** средневековье, лесной фонд, Волго-Камье, Волжская Булгария.

Резюме. Авторы ставят ряд проблем, показывающих роль антропогенного фактора в динамике лесного фонда на территории Западного Закамья – центральных земель Волжской Булгарии и одной из значительных земледельческих областей Улуса Джучи. По мнению исследователей, значительное сокращение лесных массивов в X–XV вв. связано с урбанизацией региона и расширением площадей земледельческих угодий.

Леса являются самой большой и самой продуктивной экосистемой на планете. Лес и его продукты играли огромную роль в жизни человека. Ранние этапы истории человечества связаны с лесом, где он получал пищу – растения и животных, строительный материал для возведения жилищ, фортификационных сооружений и пр. Овладев огнем, человек стал использовать дерево как топливо и для изготовления орудий. Постепенно люди начали освобождать земли под сельское хозяйство и развивать сети поселений. В последние несколько тысяч лет растущие потребности человечества в разы сократили первобытный лесной покров планеты. Физическая география Волго-Камского региона эпохи средневековья (рельеф, реки, климат, растительность и т.д.) принципиально не отличалась от современных условий. Естественно, каждая историческая эпоха накладывала свой отпечаток на характер и особенности экосистемы региона.

Интересующий нас период связан с существованием двух средневековых государств – Волжской Булгарии и Улуса Джучи, занимавших, в частности, и территорию Закамской

лесостепи. Современный облик растительного покрова является следствием длительного хозяйственного освоения. По мнению специалистов, при полном отсутствии антропогенного воздействия рассматриваемые участки должны были бы быть полностью покрыты лесом, несмотря на неоднородность ландшафтно-экологических условий и колебания климата на протяжении среднего и позднего голоцена. Периодичность освоения региона определили неустойчивость лесного покрова и возвратно-поступательный характер его многовековой динамики (Аськеев и др., 2010).

По некоторым данным, в начале эпохи средневековья лесные массивы в сотни тысяч га занимали не менее ¾ всей площади Западной Европы (Самаркин, 1976. С. 37–38). Подобная ситуация была характерна и для Волго-Камского региона, о чем свидетельствуют, в частности, арабоязычные источники первой четверти X в. Так, по данным Ибн Русте, земли, занимаемые булгарами, это в основном «леса и густые лесистые заросли» (Арабские географы…, 2006. С. 702). Ибн Фадлан видел в Булгарии такие леса, что каждый из них «имел сорок фарсахов в длину при такой же ширине» (Арабские географы…, 2006. С. 734). Аналогичные сведения приводятся и в трудах Йакута ал-Хамави (Арабские географы…, 2006. С. 809).

В период расцвета Волжской Булгарии XI – начала XIII в. повышенная влажность климата создавала благоприятные условия для дальнейшего роста лесов, однако именно в это время начинается процесс сокращения их площади (Аськеев И.В., Аськеев О.В., Галимова, 2009). Основной причиной этого является хозяйственная деятельность людей.

Седентаризация полукочевых булгар в VIII–X вв. привела к увеличению спроса на основной строительный материал – лес. Возникают сельские поселения и укрепленные города и крепости. О массовом строительстве из дерева жилых, хозяйственных, общественных и культовых построек, фортификационных сооружений, требовавших огромного количества леса, ярко свидетельствуют не только сообщения восточных писателей (Арабские географы…, 2006. С. 751, 768, 806), но и материалы археологических исследований поселений X–XV вв. (Баранов, 2001; Губайдуллин, 2002. С. 52–111; Руденко, Казаков, 2006. С. 231–234; Хузин, 2006).

Однако главный удар средневековым лесам был нанесен земледелием. Процесс внутренней колонизации, развернувшийся в ту эпоху практически во всех странах, означал рост посевных площадей в значительной части за счет корчевки, рубки, выжига и других видов сведения леса. Только по далеко не полным материалам археологической карты Татарстана мы видим, что в X–XV вв. насчитывалось около 1,4 тыс. поселений (Свод…, 2007). Этот пример тем более показателен, так как возможности внутренней колонизации в Волжской Булгарии до известной степени ограничивались речными долинами. Наступление на лес приобретало массовый характер и из-за постепенного истощения земель. Ярким показателем этих процессов является динамика поселенческой структуры ближайшей округи Биляра – Великого города (Шакиров, 2012).

Люди и леса имели достаточно сложные отношения, не всегда мирные. Лесной фонд – это совокупность всех лесов. Остановимся на ряде аспектов, позволяющих несколько глубже понять проблему использования лесного фонда.

1. В чьей собственности находились леса? Основываясь на косвенных свидетельствах Ибн Фадлана (Арабские географы…, 2006. С. 734), с относительной долей достоверности можно сказать, что леса находились, особенно на начальной стадии существования Волжской Булгарии, в общественном пользовании. Возможно, лесные ресурсы закреплялись за общинами или населенными пунктами.

2. Имеющиеся обширные естественные массивы скорее всего позволяли обеспечивать потребности в лесе без дополнительной высадки искусственных лесов. Но расширение сельхозугодий и другие потребности приводили к значительному сокращению и ограничению естественной базы.

3. Существовали ли заповедные леса? В отличие от Западной Европы, где имелись территориальные ограничения в использовании лесных массивов, возможности Волго-Камского региона позволяли экстенсивно использовать естественные фаунистические ресурсы. Мы предполагаем, что на расходование ценной деловой древесины, необходимой для

строительства оборонительных сооружений, могли накладываться ограничения. Часть лесов, являвшихся естественной преградой от внезапных нападений врага, а также использовавшихся для организации засек, скорее всего, сведéнию не подвергалась.

4. Состав лесообразующих пород реконструируется на основе письменных источников и данных спорово-пыльцевого анализа. В «Рисала» Ибн Фадлана сообщается о большем количестве деревьев орешника, березы, осины (Арабские географы…, 2006. С. 734, 737). Ал-Гарнати говорит: «А Булгар тоже огромный город, весь построенный из сосны, а городская стена – из дуба» (Арабские географы…, 2006. С. 781). В спорово-пыльцевых спектрах выделялись все упоминаемые в письменных источниках породы растений. По материалам В.Т. Шаландиной, в Закамье, где располагались центральные районы Волжской Булгарии, были распространены сосновые и широколиственные леса. Коренной лесообразующей породой был дуб, формировавший липово-дубовые леса с участием ильмовых и клена (Шаландина, 1976).

5. Помимо делового леса, который был основным строительным материалом, в быту и различных отраслях хозяйственной жизни широко использовался перестойный и неликвидный лес: для освещения и отопления жилищ; изготовления орудий труда, предметов ремесла и обихода; в качестве сырьевой базы промыслов (дубление кож, упряжь скота, обувь, одежда и др.); дрова и древесный уголь в большом объеме использовали в металлургии и кузнечном деле, гончарном производстве, стеклоделии, где требовались высокотемпературные режимы.

Продукты леса составляли значительную часть рациона стола средневекового жителя, как крестьянина, так и горожанина. Остеологические остатки говорят об использовании мяса диких животных. В цитированных выше арабоязычных источниках имеются сведения о добыче и широком использовании меда диких пчел. В археологических материалах с поселений встречается скорлупа орехов, семена яблок, ягод и множества других даров леса.

Нельзя забывать и о значительной роли лесов как природных пастбищ домашнего скота. Листья и молодые побеги деревьев, кустарники составляли значительную долю рациона мелкого и крупного рогатого скота, лошадей. Потрава подлесков наносила непоправимый ущерб естественной регенерации лесов.

С конца X в. на территории Волго-Камья, особенно в закамских районах, происходило агрессивное сведение лесов. Оно на время приостановилось после событий 1236 г., но уже к середине XIII в. процесс возобновился с расцветом таких центров, как Болгар и Джукетау. В результате всех антропогенных процессов лесной покров, особенно в центральных закамских районах Волжской Булгарии, сократился в несколько раз.

В конце XIV – XV в. из-за ослабления стабильности политической власти активно осваиваются предкамские земли, где начинается новый этап так называемой лесной колонизации. По мнению В.Т. Шаландиной, в Предволжье и Закамье складываются условия для восстановления былого растительного покрова (Шаландина, 1981). Карты генерального межевания XVIII в. (РГАДА. Ф. 134. Оп. 143–148) свидетельствуют о практически полном облесении бывших центральных районов Волжской Булгарии (X в. – 1236 г.) и Булгарского вилаята Улуса Джучи (XIII–XV вв.).

Интересен для дальнейшей разработки вопрос о возможности рассчитать общий запас древесины в лесах, а также его региональную динамику. Относительно точный объем древесины на гектар леса можно рассчитать, лишь зная средний диаметр, высоту и плотность насаждений (Тишин, 2011. С. 6–14). Основываясь на современных данных Министерства экологии и природных ресурсов РТ по Раифскому заповеднику, можно определить примерный объем древесины в 240 (±10) $м^3$ на га. При реконструкции границ леса в дальнейшем планируется рассчитать примерный объем древесины в лесном фонде.

Нет точных сведений о размерах потерь леса в период средневековья, однако анализ некоторых данных позволит приблизительно представить их масштаб. Булгаро-татарские усадьбы из жилого дома и прочих надворных построек в виде срубных или каркасных конструкций – довольно распространенное явление для Волго-Камского региона (Хузин, 2006. С. 205–213). Выяснив средние размеры и сечение древесных материалов для

различных типов построек, можно рассчитать примерное количество древесины, необходимой для строительства усадьбы. Зная же объем жилого помещения и продолжительность холодного времени года, можно предположить расход дров для его обогрева.

Далее, локализовав ремесленные производства, можно получить примерное количество горнов для изготовления той или иной продукции, а вместе с этим и возможный расход топлива в них.

Наконец, исходя из эволюции военного зодчества, можно примерно рассчитать объем делового леса, расходовавшегося на постройку укреплений. Рассмотренная А.М. Губайдуллиным для Волжской Булгарии смена строительных технологий позволяет нам предполагать, что для X в. наиболее характерно применение частокола. В XI–XII вв. распространение получают стены столбовой конструкции, гиппы и городни. К XIII в. городни становятся основой систем укреплений, а в золотоордынское время появляются тарасы (Губайдуллин, 2002. С. 52–108).

Таким образом, намечен ряд проблем и направлений их решения, касающихся динамики лесного фонда в средневековье. Имеющиеся письменные и археологические источники по Волжской Булгарии и Булгарскому вилаяту Улуса Джучи, а также привлечение в дальнейшем этнографических данных позволит расширить возможности исторических реконструкций как для Волго-Камского, так и для других регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арабские географы и путешественники о Волжской Булгарии // История татар с древнейших времен. В 7 тт. Т. II: Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: Рухият, 2006. С. 676–818.

Аськеев И.В., Аськеев О.В., Галимова Д.Н. Природная среда и человек в Волго-Камье и Предуралье (поздний палеолит – средневековье) // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фэн, 2009. С. 32–112.

Аськеев И.В., Валиуллина С.И., Галимова Д.Н., Ермолаев О.П., Мельников Л.В., Рогова Т.В., Ситдиков А.Г., Шайхутдинова Г.А., Шакиров З.Г. Центральное Закамье: природно-культурный ландшафт Билярской моноцентрической агломерации // Ученые записки Казанского гос. ун-та. Серия Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. Кн. 3. Ч. 1. С. 53–63.

Баранов В.С. Вопросы благоустройства города Болгара и их археологическое изучение // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М.: Наука, 2001. С. 311–353.

Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. 232 с.

Руденко К.А., Казаков Е.П. Булгарское село // История татар с древнейших времен. В 7 тт. Т. II: Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: Рухият, 2006. С. 227–234.

Самаркин В.В. Историческая география Западной Европы в средние века. М.: Высшая школа, 1976. 248 с.

Свод памятников археологии Республики Татарстан / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдиков. Т. 3. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 528 с.

Тишин Д.В. Оценка продуктивности древостоев. Казань: Казан. ун-т, 2011. 31 с.

Хузин Ф.Ш. Городская застройка: жилые дома, хозяйственные постройки и общественные здания // История татар с древнейших времен. В 7 тт. Т. II: Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: Рухият, 2006. С. 205–226.

Шакиров З.Г. Округа Биляра в X–XV вв. (поселенческая структура, ресурсный потенциал): Дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. 267 с.

Шаландина В.Т. История растительности бассейна реки Малый Черемшан в голоцене // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 252–259.

Шаландина В.Т. Основные этапы истории растительного покрова в Закамской лесостепи Татарии в голоцене // Ботанический журнал. 1981. Т. 66. № 1. С. 52–63.

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ МЕТОДЫ В РЕКОНСТРУКЦИИ СИСТЕМЫ ПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЕВРОПЕЙСКОГО ГОРОДА

© 2014 г. А.В. Энговатова, М.В. Добровольская, Л.В. Яворская

Институт археологии РАН, Москва
(1-engov@mail.ru; mk_pa@mail.ru; lilechkayavorska@list.ru)

Ключевые слова: естественно-научные методы, археология, антропология, археозоология, изотопный анализ, система питания, древнерусский город, средневековый город, исторический источник.

Резюме. Многие фундаментальные проблемы изучения систем жизнеобеспечения средневекового общества традиционно решались на основе данных письменных источников, хотя специалисты всегда отмечали их недостаточность и определенную тенденциозность. Естественно-научные методы дают возможность получить независимые и достоверные данные, касающиеся разных аспектов жизни средневекового общества, в том числе структуры питания как базовой составляющей системы жизнеобеспечения. Комплексное изучение антропологических и остеологических материалов средневекового периода, полученных в ходе археологических исследований Ярославля, позволило авторам реконструировать систему питания жителей города XIII и XVI–XVIII вв., а также проанализировать данные для обсуждения кормового рациона домашних животных в средневековом городе. Материалы по Ярославлю сравниваются с данными по другим средневековым городам.

Изучение структуры питания средневекового населения представляет особый интерес, так как открывает возможности исследования социальной неоднородности общества, локальных особенностей пищевых традиций и хозяйствования, проявляющихся в каждодневной жизни. Для русского средневековья эта тема рассматривалась, как правило, на основе письменных источников и данных археологии. Между тем активно обсуждаемые в последние десятилетия в археологической литературе исследования рационов питания древнего населения на базе изотопного анализа скелетных останков (DeNiro, 1985; Thompson et al., 2005; Bocherens et al., 2006, 2009; Shishlina et al., 2009; van Strydonck et al., 2009) представляют новые независимые данные. Особенно важно, что эта информация позволяет судить о диете населения на индивидуальном уровне (Tykot, 2006. P.131).

Изотопный анализ как наиболее распространенный сегодня метод палеодиетологических реконструкций ориентирован на определения соотношений тяжелых и обычных стабильных изотопов, прежде всего, углерода и азота (^{13}C / ^{12}C и ^{14}N / ^{15}N) в коллагене костной ткани человека и животных.

Базовые палеодиетологические реконструкции, т.е. выявление главных источников пищи в каждодневном рационе человека, основаны на экологических закономерностях, обуславливающих различия в изотопном составе тканей растений и животных при смене трофических уровней. В качестве основного показателя используются величины $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$. Подобные реконструкции стали появляться еще в 70–80-е гг. прошлого века (DeNiro, Epstein, 1978; 1981; Minagava, Wada, 1984; DeNiro, 1987; Ambrose, 1991). Метод чаще используется применительно к задачам изучения каменного века, эпохи бронзы и раннего железного века, однако ряд исследований посвящен и средневековой проблематике (Bocherens et al., 1991; Herrscher et al., 2001; Műlder, Richards, 2005; Richards, Fuller, Molleson, 2006; Yonder 2006).

В настоящее время наиболее полные данные по изотопному составу костей человека и животных получены авторами для Ярославля, что позволило реконструировать систему пи-

тания населения этого средневекового города в разные периоды.

Для исследования были привлечены прежде всего материалы начала XIII в., полученные при спасательных археологических раскопках на территории средневекового кремля г. Ярославль. Это девять массовых захоронений защитников и жителей города, погибших во время его разорения татаро-монголами в 1238 г. (Энговатова и др., 2009, 2012, 2013; Археология древнего Ярославля, 2012). Во всех захоронениях найдены также кости животных (как кухонные остатки, так и скелеты животных, погибших в ходе разорения) (Археология древнего Ярославля, 2012).

Были определены показатели изотопного содержания $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$, которые обычно используются с целью определения доли растительной и животной пищи в усредненном рационе питания людей на протяжении последних лет их жизни. Дельта по углероду ($\delta^{13}C$) для всей исследованной выборки оказалась стабильной и соответствует величине около –20,03 ±0,1‰, что указывает на смешанный рацион с участием растений умеренного пояса с малой долей зерновых культур, а также присутствием мяса местных наземных травоядных животных.

Данные о накоплении изотопа $\delta^{15}N$, позволяющие судить о мере обогащения рациона питания белками, показали, что основой белкового питания ярославцев в XIII в. было мясо наземных млекопитающих. Редкие индивиды со значениями $\delta^{15}N$, превышающими 13 ‰, вероятно, регулярно употребляли в пищу речную рыбу.

Различия в структуре питания мужчин и женщин этого древнерусского города отсутствуют.

Величина, показателя $\delta^{15}N$ для детей в возрасте до двух–трех лет XIII в. составляет около 12,7 ‰. Это несколько выше, чем для взрослого населения, что неудивительно для возраста грудного вскармливания. При этом различия находятся в пределах единого трофического уровня, что позволяет предполагать достаточно высокую удельную долю мясной пищи в рационе всех средневековых жителей города.

Были также проведены определения соотношения изотопов углерода $^{13/12}C$ и азота $^{15/14}N$ в костной ткани индивидуумов из погребений XVI–XVIII вв. кладбища при церкви Иоанна Златоуста. Полученные данные указывают на сбалансированное соотношение углеводов и белков местного происхождения в рационе взрослого населения Ярославля XVII в., а в рационе детей выявлена явная витаминная недостаточность. Таким образом, взрослое население центральной части города в XVII в. получало несколько меньше белковой пищи, чем в XIII в. При анализе самой антропологической коллекции были выявлены различия в структуре населения, динамике смертности, состоянии здоровья жителей в XVI, XVII и XVIII вв. (Медникова и др., 2013; Энговатова и др., 2014).

Сопряженные рентгенологические и изотопные исследования скелетных останков людей в ходе изучения эпидемии цинги в Ярославле XVI–XVII вв., проведенные впервые, выявили понижение значений $\delta^{15}N$ в коллагене детей с признаками болезни Меллера-Барлоу, свидетельствующие о системных нарушениях обмена веществ. Таким образом, впервые выявлены изотопные маркеры нарушения полноценного усвоения белковой пищи (Медникова и др., 2013; Энговатова и др., 2014).

Для материалов, происходящих как из средневековых санитарных захоронений 1238 г., так и из погребений позднего городского кладбища XVI–XVIII вв., были получены данные о соотношении в костях людей и некоторых животных изотопов стронция $^{87/86}Sr$. Данные по разновременным выборкам позволили сопоставить географию формирования населения Ярославля в XIII в. и более позднее время.

Полученные данные свидетельствуют о том, что Ярославль XIII в. объединял в себе выходцев с различных территорий, находившихся в непосредственной близости от города. Об этом свидетельствует как значительная индивидуальная вариабельность, так и отсутствие групп индивидов с резко отличающимися показателями. Исключение составляют два образца из сооружения 110.

Достаточно четко выделяется группа индивидов с относительно низкими значениями стронциевого соотношения. Это преимущественно мужчины, а также женщина и ребе-

нок около 6 лет. Таким образом, можно сделать предположение, что часть защитников средневекового Ярославля последние годы своей жизни находилась на отдаленной от самого города территории. Вопрос о степени ее отдаленности и локализации пока остается открытым. Также интересным представляется тот факт, что низкие величины стронциевого показателя практически не фиксируются у индивидов из поздних захоронений кладбища у церкви Иоанна Златоуста. Эти сведения впервые открывают для нас перспективу изучения территорий, принимавших участие в формировании населения средневекового города, временной динамики участия тех или иных областей городской округи.

Были также проведены исследования археозоологических коллекций из раскопок последних лет для средневековых городов Ростова Великого, Ярославля, Болгара, которые стали основой для выяснения мясной диеты горожан.

Сравнение между собой наиболее полно изученных на данный момент археозоологических коллекций Ростова Великого и Ярославля обнаружило несколько ярких аспектов. Изучение кухонных костных остатков показало, что мясная диета жителей обоих городов уже в XI в. базировалась на потреблении мяса исключительно четырех видов домашних копытных (92–95%). Основу этой диеты составляла говядина (72–90%), а вторым по значимости мясным ресурсом в указанных городах была свинина (5–16%). Конина и баранина занимали третью и четвертую позиции.

Мясо домашних копытных в этих городах представлено в сходной иерархии, но отличались показатели его потребления по видам в разные периоды функционирования городов. В Ярославле потребление мяса разных видов домашних животных полностью повторило мясную диету XI–XII вв. более древнего Ростова лишь к концу XII – первой трети XIII в.

Сопоставление спектров мясного потребления булгарских городов (на примере Болгара) с древнерусскими показало, что мясная диета столь разных городов Восточной Европы одинаково базируется на говядине. Однако в отличие от древнерусских городов вторым мясным ресурсом выступает баранина, лошадь занимает третью позицию, а свинья заметной роли в мясном потреблении не играет.

Предварительные результаты содержания тяжелых изотопов углерода и азота в костях домашних копытных животных из Ярославля, Ростова Великого и Болгара уже показали достоверные различия между этими сериями. В настоящий момент можно лишь указать на общий сдвиг значений образцов из Ростова в сторону уменьшения по отношению к аналогичным показателям по Ярославлю. Разница в значениях тяжелого изотопа азота в костях крупного рогатого скота (КРС), вероятно, отражает дополнительное обогащение растительных кормов для ярославских животных белковыми добавками в виде бобовых культур (клевер), грибов и т.п. В Ростове же кормовое обеспечение КРС могло быть близким к рациону диких копытных. Сходную картину демонстрируют тяжелые изотопы азота в костях лошади. Достаточно высокие значения тяжелого изотопа азота в костях ярославских лошадей, скорее всего, свидетельствуют о добавке зерна в их пищевой рацион. Это неудивительно, поскольку образцы для анализов взяты от лошадей, погибших при монгольском разгроме, часть из которых были войсковыми, т.е. специально докармливались зерновыми культурами.

Использование естественно-научных методов в исследовании материалов, полученных из археологических раскопок, открывает новые возможности в изучении локальных особенностей пищевых традиций и хозяйствования, социальной неоднородности общества, различий в системе жизнеобеспечения разных частей средневековых городов, а также сравнения образа жизни городского и сельского населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия (по материалам Ярославской экспедиции ИА РАН). 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИА РАН, 2012. 295 с.

Медникова М.Б., Энговатова А.В., Шведчикова Т.Ю., Решетова И.К., Васильева Е.Е. «Дети Смутного времени»: новые данные о качестве жизни в г. Ярославле XVI–XVII вв. по антропологическим материалам из раскопок детских погребений // КСИА. 2013. Вып. 228. С. 115–126.

Энговатова А.В., Добровольская М.В., Антипина Е.Е., Зайцева Г.И. Коллективные захоронения в Ярославле. Реконструкция системы питания на основе результатов изотопного анализа // КСИА. 2013. Вып. 228. С. 96–115.

Энговатова А.В., Антипина Е.Е., Власов Д.В., Добровольская М.В., Карпухин А.А., Осипов Д.О. Девятое коллективное захоронение 1238 г. на территории Рубленого города в Ярославле (Результаты комплексного исследования) // Археология: история и перспективы. Пятая межрегион. конф. / Отв. ред. А.Е. Леонтьев. Ярославль: Ярославский музей-заповедник, 2012. С. 185–208.

Энговатова А.В., Медникова М.Б., Добровольская М.В., Шведчикова Т.Ю., Решетова И.К., Васильева Е.Е. Исследования кладбища при церкви Иоанна Златоуста в Ярославле (к вопросу о качестве жизни и питании средневекового городского населения) // Археология Подмосковья. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2014. С. 362–369.

Энговатова А.В., Осипов Д.О., Фараджева Н.Н., Бужилова А.П., Гончарова Н.Н. Массовые средневековые захоронения в Ярославле: анализ археологических и антропологических материалов // РА. 2009. № 2. С. 68–78.

Ambrose S.H. Effects of diet, climate and physiology on nitrogen isotope abundances in terrestrial foodwebs // J. of Archaeological Science. 1991. 18. P. 293–317.

Bocherens H., Fizet M., Mariotti A., Olive C., Bellon G., Billou D. Application de la Biochemie Isotopique (13C, 15N) à la Détermination du Régime Alimentaire des Populations Humaines et Animales Durant les Périodes Antique et Médiévale // Archives des Sciences de Genève. 1991. 44. P. 329–340.

Bocherens H., Mashkour M., Drucker D.G., Moussa I., Billiou D. Stable isotope evidence for palaeodiets in southern Turkmenistan during Historical period and Iron Age // J. of Archaeological Science. 2006. 33 (2). P. 253–264.

DeNiro M.J. Stable isotopy and archaeology // American Scientist. 1987. 75. P. 182–191.

DeNiro M.J., Epstein S. Influence of diet on distribution of carbon isotopes in animal // Geochemia et Cosmochimia Acta. 1978. 42. P. 495–506.

DeNiro M.J., Epstein S. Influence of diet on distribution of nitrogen isotopes in animal // Geochemia et Cosmochimia Acta. 1981. 45. P. 341–351.

DeNiro M.J. Postmortem preservation and alteration of in vivo bone collagen isotope ratios in relation to palaeodietary reconstruction // Nature. 1985. 317 (6040). P. 806–809.

Herrscher E., Bocherens H., Valentin F., Colardelle R. Comportements alimentaire au Moyen Âge à Grenoble: application de la biogéochemie isotopique à la nécropole Saint-Laurent (XIIIe-XVe siècles, Iserère, France) // Comptes Rendus de l'Académie des Sciences. Série III – Sciences de la Vie. 2001. 324. P. 479–487.

Minagava M., Wada E. Stepwise enrichment of 15N along food chains: further evidence and relation between $^{\delta}$15N and animal age // Geochemical et Cosmochimica. 1984. 48 (5). P. 1135–1140.

Műlder G., Richards M.P. Fast or feast: reconstructing diet in later medieval England by stable isotope analysis // J. of Archaeological Sciences. 2005. 32. P. 39–48.

Richards M.P., Fuller B.T., Molleson T.I. Stable isotope palaeodietary study of humans and fauna from the multi-period (Iron Age, Viking and Late Medieval) site of Newark Bay, Orkney // J. of Archaeological Science. 2006. 33. P. 122–131.

Shishlina N.I., Zazovskaya E.P., van der Plicht J., Hedges R.E., Sevastyanov V.S., Chichagova O.A. Paleoecology, subsistence, and 14C chronology of the Eurasian Caspian steppe bronze age // Radiocarbon. 2009. 51 (2). P. 481–499.

Strydonck M. van, Ervynck A., Vandenbruaene M., Boudain M. Anthropology and 14C Analysis of Skeletal Remains from Relic Shrines: An Unexpected Source of Information for Medieval Archaeology // Radiocarbon. 2009. 51 (2). P. 569–577.

Thompson A.H., Richards M.P., Shortland A., Zakrzewski S.R. Isotopic palaeodiet studies of ancient Egyptian fauna and humans. Journal of Archaeologcal // Science. 2005. 32 (3). P. 451–463.

Tykot R.H. Isotope Analyses and the Histories of Maize // Histories of maize. Burlington: Academic Press, 2006. P. 131–142.

Yonder C.J. The Late Medieval agrarian crisis and Black Death plague epidemic in Medieval Denmark: a paleopathological and paleodietary perspective: PhD Thesis. College Station: Texas A&M University, 2006. 245 p.

СЕКЦИЯ 12

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

ЭЛЕМЕНТЫ ГОРОДСКОЙ ПЛАНИРОВКИ БОЛГАРА В ПОЗДНЕЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД (ПО МАТРЕРИАЛАМ РАСКОПОВ К ЮГО-ЗАПАДУ ОТ СОБОРНОЙ МЕЧЕТИ)

© 2014 г. Д.Ю. Бадеев

Институт археологии РАН, Москва
(denisbadeev@mail.ru)

Ключевые слова: город Болгара, городская планировка, позднезолотоордынский период, дувал, монументальное сооружение, городской базар.

Резюме. В статье рассмотрена, сформировавшаяся в первой половине XIV в. уличная сеть к юго-западу от Соборной мечети города Болгара.

С момента систематических археологических исследований Болгарского городища в 1938 г. накоплен значительный материал по благоустройству и городской планировки Болгара позднезолотоордынского периода (30-40-е гг. XIV – конец XIV вв.) – периода наибольшего расцвета города. Однако, до сих пор «получено не слишком много сведений об уличной сети средневекового Болгара» (Баранов, 2001. С. 317).

Новым элементом центральной части городской планировки Болгара в позднезолотоордынский период выступает монументальное здание, выявленное в ходе археологических исследований 1989-1993, 2000 и 2011-2013 гг. (на момент публикации площадь исследований составила 1300 м^2) в 100-150 м к юго-западу от Соборной мечети (рис. 1). Здание было представлено фундаментными рвами стен, стенами-перегородками из сырцовых кирпичей и деревянными конструкциями пола которые относились ко внутренней планировки. Монументальное сооружение было интерпретировано его исследователями как здание городского базара, существовавшее в 50-70 гг. XIV в. (Баранов и др., 2012. С. 158–171). Во внутреннем объеме здания удалось зафиксировать 4 прямоугольные конструкции из сырцового кирпича, которые располагались симметрично в центральной части сооружения, еще одна «стенка» из сырцового кирпича протянулась по внутреннему периметру постройки. Данные сырцовые конструкции могут выступать в качестве цоколей под деревянные конструкции торговых мест, с которых велась торговля. Подобные конструктивные элементы хорошо прослеживаются на этнографических материалах из Средней Азии. Благодаря установленным размерам внутренних конструкций и полностью выявленной северо-восточной стены (34 м) можно реконструировать общий размер сооружения, которое было ориентировано по оси СВ-ЮЗ и имело в плане прямоугольную форму (37х34 м). Учитывая внутреннюю планировку базара, мы можем предполагать, что

Рис. 1. Место расположения раскопов, схема монументального сооружения и трассировка улиц 50-70 гг. XIV в. на аэрофотоснимке (*А* – Соборная мечеть; *Б* – монументальное сооружение «Городской Базар»; *В* – раскопы 1989-1993, 2000 и 2011-2013 гг.; *Г* – трассировка улиц середины XIV в.).

само здание рынка имело два проходных коридора (шириной по 4 м), которые пересекались в центральной части постройки. Таким образом, исследованное в ходе раскопок здание городского базара располагалось на перекрестке двух улиц. Подобное расположение зданий базаров было характерно для средневековых городов исламского Востока: таковы «торговые купала» («ток-и») Бухары, крытые рынки («чор-су») Шахрисабза, Кашана и Стамбула.

Наиболее исследованной за границами монументального сооружения оказывается улица, которая подходила к его северо-восточной стене. Выявленные здесь две кирпичные кладки[1], примыкали к фундаменту монументальной постройки под прямым углом и располагались на расстоянии 10 м от внешних углов северо-восточной стены (Илл. 2). Расстояние между кирпичными кладками достигало 12 м., ширина самих кирпичных кладок составляла 1 м. Кладки в некоторых местах сохранилась на высоту до 5-6 кирпичей, использовались как целые, так и битые кирпичи. В основании кладок располагались доски

1 Две кирпичные кладки, располагавшиеся параллельно друг другу были зафиксированы в раскопах CVIII, CIX (1990 г.), CXIII (1991 г.), CXV (1992 г.), CXVIII (2000 г.) (см. соответствующие отчеты).

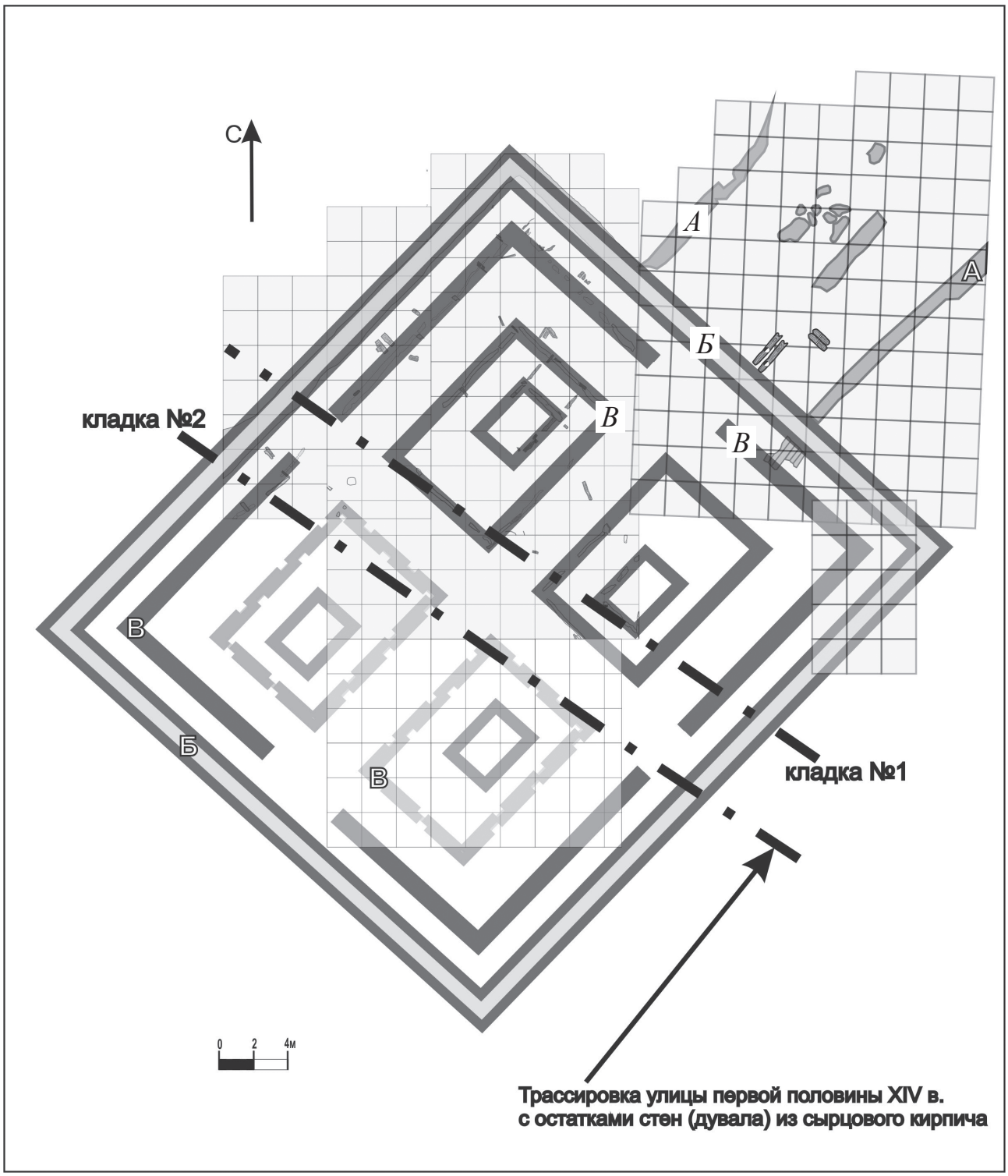


Рис. 2. Трассировка улицы первой половины XIV в. совмещенная со схемой монументального сооружения «Городской базар» (*А* – кирпичные кладки; *Б* – стена монументального сооружения; *В* – внутренние конструкции монументального сооружения из сырцовых кирпичей).

(шириной 12-20 см.), скреплялась кирпичи песчано-глинистым раствором. Зафиксированная протяженность кладки с юго-запада на северо-восток достигала 15 м., при этом северо-восточные края кладки выявлены не были, так как уходил за границы раскопов. Кирпичные кладки имели с фундаментом базара одинаковое стратиграфическое расположение – верхний горизонт IV позднего золотоордынского слоя (Шарифуллин, Полубояринова, 1990; Полякова, 1991). Кроме того, между двумя зафиксированными кирпичными кладками располагались остатки деревянного настила. Ширина улицы (до 12 м!), может объясняться

тем, что на ней могли располагаться торговые ряды. На наличие «уличной» торговли указывает и характер находок – это фрагменты весов, гирек и значительное количество монет.

На существование улицы ориентированной по оси северо-запад – юго-восток указывает находка еще одного элемента городской планировки – дувала, который располагался в горизонте, предшествовавшем возведению монументального здания базара. В ходе работ 2012, 2013 гг. (раскопы CLXXIX, CLXXVI) в нижнем горизонте IV позднего слоя были выявлены два сооружения, которые представляли собой параллельные друг другу кладки из сырцового кирпича (поскольку в зазорах между кирпичами находился темный культурный слой, кирпичи могли быть уложены либо вовсе без раствора, либо на грязевом растворе), расстояние между кладками 580 см. Сооружения были ориентированы по оси северо-запад – юго-восток. Зафиксированная в раскопе CLXXIX (уч. А-В) протяженность кладки (кладка №1) составила 16 м, однако далее к северо-западу эта кладка была прослежена в раскопе CLXXVI (2012 г.). Общая протяженность кладки в двух соседних раскопах составляла 29 м, причем концы ее уходили в борта раскопов. Ширина кладки №1 в 3 кирпича составляла до 80 см. Кладка сохранилась на высоту до двух кирпичей (до 14 см). По монетному материалу, происходящему из слоя разрушения сооружения, оно может быть датировано первой половиной XIV в. Дувал проходил почти параллельно монументальным стенам позднейшего здания базара и совпадал с одним из коридоров базара (рис. 2). Важно подчеркнуть, что если к северо-востоку от кладки №1 еще встречаются ямы позднеордынской эпохи, то к юго-западу от нее таких ям уже нет. Большинство из этих ям датируются 30-40 гг. XIV в. и связаны с существовавшей здесь стеклообрабатывающей мастерской (Полубояринова, 2006).

Таким образом, уличная сеть к юго-западу от Соборной мечети города Болгара сформировалась в первой половине XIV в., а монументальное здание городского базара было вписано в уже имевшуюся структуру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов В.С. Вопросы благоустройства города Болгара и их археологическое изучение // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001. С. 311–353.

Баранов В.С., Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Исследования остатков монументальной постройки к юго-западу от соборной мечети в Болгаре // Поволжская археология. №1. Казань, 2012. С. 158–171.

Полубояринова М.Д. Стеклоделательная мастерская XIV в. в Болгаре // РА. 2006. № 4. С. 152–159.

Полякова Г.Ф. Отчет о работе в Болгарах в 1991 г. (раскоп CXIII) // Архив БГИАМЗ. 1991. №628-1-102.

Шарифуллин Р.Ф., Полубояринова М.Д. Отчет о работах на Болгарском городище в 1989 г. (по раскопам XCIV, XCVI, CIV) // Архив БГИАМЗ. 1990. №551-1-93.

ПАМЯТНИКИ КОЧЕВНИКОВ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

© 2014 г. А.А. Бисембаев

Актюбинский областной историко-краеведческий музей, Актобе (abissembaev@mail.ru)

Ключевые слова: Западный Казахстан, Золотая Орда, сагана, бокка, кыпчаки, монголы, исламизация.

Резюме. В обзорной форме проанализирована ситуация в Западном Казахстане в период XI–XIV вв. Основой сделанных выводов являются собственные исследования автора, по результатам раскопок могильников развитого средневековья на левобережье Урала. Выявлены признаки языческих захоронений и черты, присущие раннемусульманским памятникам Золотой Орды.

Территория Республики Казахстан, между Тургайским прогибом и Волго-Уральским междуречьем, включающая современные Актюбинскую, Западно-Казахстанскую, Атыраускую и Мангистаускую области, севернее Аральского и Каспийского морей, является районом срединной части Евразии, с вытекающими из природно-географических аспектов особенностями памятников различных эпох.

Массовое переселение племен в 30-х гг. XI в. положило начало новому периоду в истории средневековых кочевников восточной половины степного пояса Евразии (Ахинжанов, 1980. С. 46–53.). Выход на широкую политическую арену и в зону активных контактов с оседло-земледельческими центрами кыпчаков-половцев, привел к тому, что в нарративных источниках начала второго тысячелетия – русских летописях, европейских хрониках, сочинениях арабских, персидских авторов, китайских хронистов все чаще начинают мелькать сообщения о кочевых группах, населяющих Великий пояс степей.

Миграционные процессы и изменения в территориальном расселении племен степной полосы повлекли за собой перестановки в составе племенных группировок, локализовавшихся в Западном Казахстане, что в свою очередь привело к ощутимым изменениям в оставленных средневековым населением памятниках.

В первую очередь, это выразилось в том, что в данный период появляются крупные курганные группы, содержащие однотипные или близкие по чертам обряда погребения. Значительно снижается количество потревоженных ограбленных захоронений, а также число захоронений, впущенных в насыпи курганов более ранних эпох, что было присуще огузо-печенежскому периоду.

Для территории рассматриваемого региона, имеющиеся памятники оптимально анализировать в рамках крупных периодов – огузо-печенежского VIII – начало XI в., и кыпчакского, начало XI – XIV в., соответственно. Кроме того, отчетливо прослеживается разница в памятниках предмонгольского – XI– XII вв. и золотоордынского XIII–XIV вв. времени.

Если, анализируя письменные данные, мы можем установить различные стороны жизни кочевников, в первую очередь, общественно-политическую, то данные археологических раскопок позволяют во многом дополнить эти сведения и подкорректировать. Период со второй половины XI по XIV вв. наиболее разработан в археологической литературе (Плетнева, 1958; Федоров-Давыдов, 1966; Иванов, Кригер, 1988). Данное явление объясняется массовостью материала этого периода, наличием значительного количества ярких памятников с широким кругом аналогий, появлением больших серий однотипных

памятников в крупных могильниках. Гораздо меньше ограбленных погребений. Все это говорит о некоторой стабилизации обстановки в степи в рассматриваемый период. Общее число известных погребений этого большого периода в Западном Казахстане составляет порядка 110 комплексов, объединенных как в могильники – Мокринский, Жаман-Каргала, Целинный, Шалкар, Лебедевка, так и изученных в одиночных археологических объектах (Бисембаев, 2010. С. 71).

Выход кыпчаков на широкую историческую арену и занятие ими доминирующего положения в степной полосе Евразии, повлекли за собой активные контакты с оседло-земледельческими государствами, логическим следствием которых, стали многочисленные письменные свидетельства. На рубеже XI–XII вв. в среде кыпчакского объединения преобладали западное направление миграций, к границам Киевской Руси, что отразилось на численном превосходстве памятников этого времени Восточной Европы над синхронными Казахстана и Южного Урала. Размещение по соседству с Киевом крупных половецких объединений имеет как письменное, так и археологическое подтверждение, на чем не имеет смысла останавливаться, так как тема подробно разработана. Но, вполне вероятно, был еще южный вектор миграционного потока, направленный к границам государства Хорезмшахов, где кыпчаки прочно обосновались как соседи и наемники в шахской гвардии (Ахинжанов, 1995). Именно эти аспекты отражают определенное «запустение» в предмонольское время в Западном Казахстане, известные на данный момент памятники крайне немногочисленны.

Походы монголов стали причиной деструктивных явлений в первой половине XIII в., отразившихся на процессе этнообразования. Завоевания повлекли за собой перемещения значительных людских масс. Естественно, что эти явления не могли найти своего отражения в археологическом материале. После монгольского нашествия среди памятников степной зоны резко увеличивается число погребений с северной ориентировкой. Кроме того, наблюдаются инновации в обрядах, связанных с культом коня у кочевых народов – исчезает обычай помещения в могилу костей коня или полного остова. Вместо этого, как символизация, в могиле находятся сложенные в кучу предметы сбруи на перекрытии или в ногах покойного. Вместе с тем, в степной зоне широкое распространение получают определенные категории вещей, такие как берестяная трубочка – «бокка» или бронзовые фигурки человечков – онгоны. Берестяные трубки, использовавшиеся как жесткий каркас женских головных уборов, вкупе с серьгами в виде знака вопроса становятся маркирующим хронологическим признаком. Иллюстрируют ситуацию погребения XIII века могильника Жаман-Каргала I (рис. 1), с северной ориентировкой и соответствующим комплектом инвентаря.

В период после монгольского завоевания в снабжении покойных различными категориями инвентаря наблюдается нечто вроде стандартизации, т.е. комплект и типы вещей, помещаемых в могилу, довольно однообразны. Погребения этого периода хорошо датируются, благодаря наличию монет различного чекана. Проводимая монголами переселенческая политика, получила свое выражение в появлении в Западном Казахстане памятников по чертам и облику, близким южно-сибирским и восточно-европейским. В довершение всего, монгольское завоевание прервало существовавшую до этого момента традицию постановки каменных изваяний.

Усилиями ханов Золотой Орды Узбека и Джанибека, и при их непосредственной поддержке, в первой половине XIV века среди кочевого населения начинает распространяться новое идеологическое направление – ислам, до этого завоевавший прочные позиции в среднеазиатских оседло-земледельческих центрах и части Южного Казахстана. Проникновение новой идеологии не замедлило сказаться на чертах погребального обряда, выраженных в унификации западного сектора ориентировки (кыбла) и позы погребенных, а также в появлении различного рода конструкций, возводимых из сырцового кирпича. Однако, долгое время черты двух идеологических систем – язычества и ислама продолжали сосуществовать. Ярким примером могут служить погребения могильника Целиный I (рис. 2). Так в погребениях, оконтуренных на уровне погребенной почвы сырцовыми оградами, рядом со

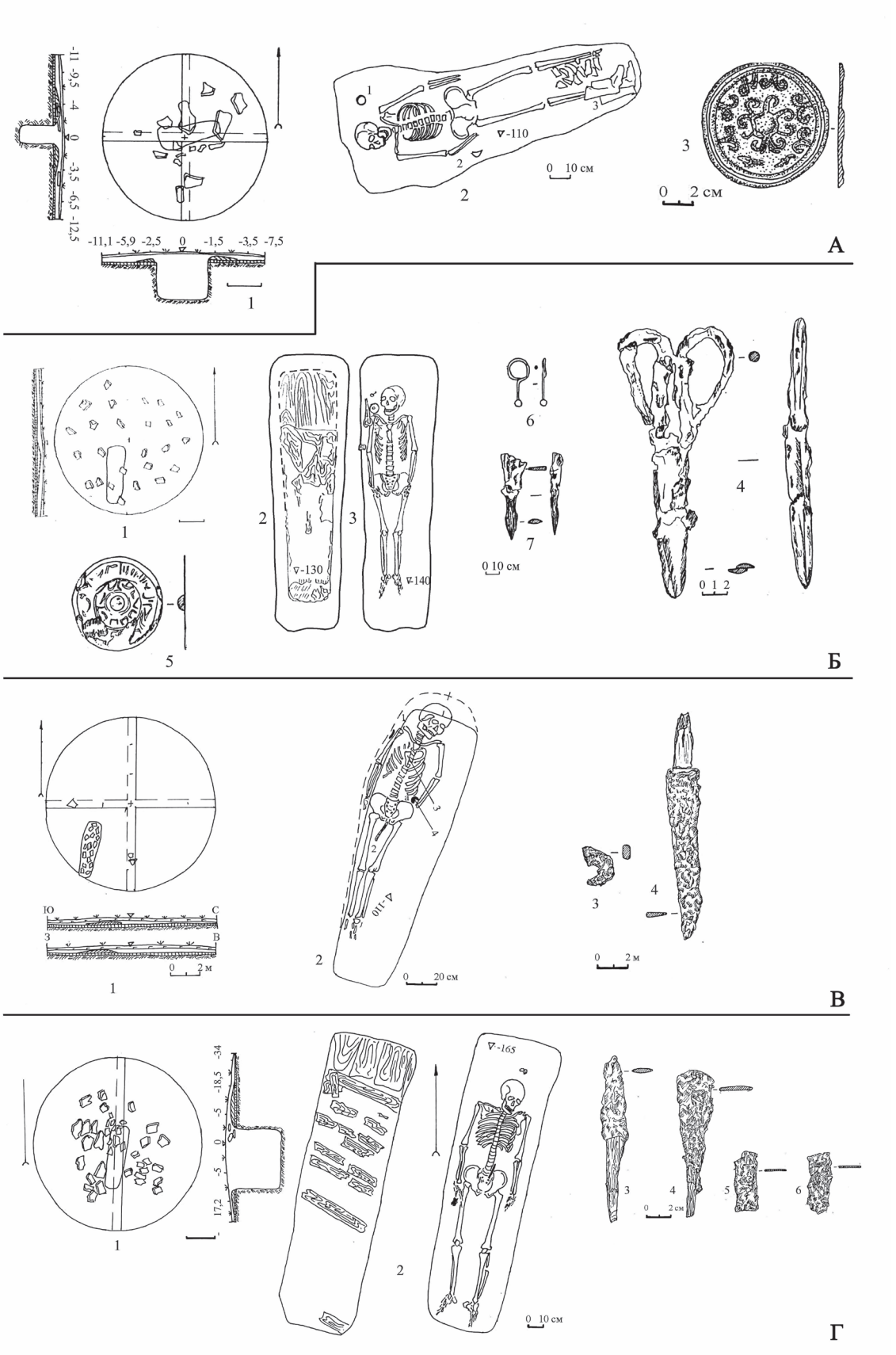


Рис. 1. А: Могильник Жаман-Каргала I. 1-2 – план погребения и кургана № 12; 3 – зеркало; Б: Могильник Жаман-Каргала I. 1-3 – план погребения и кургана № 13; 4 – ножницы; 5 – зеркало; 6 – серьга; 7 – наконечники стрелы. В: Могильник Жаман-Каргала I. 1, 2 – план погребения и кургана № 15; 3 – железный крючок; 4 – железный нож; Г: Могильник Жаман-Каргала I. 1, 2 – план погребения и кургана № 16; 3-4 – наконечники стрел; 5-6 – железные платины.

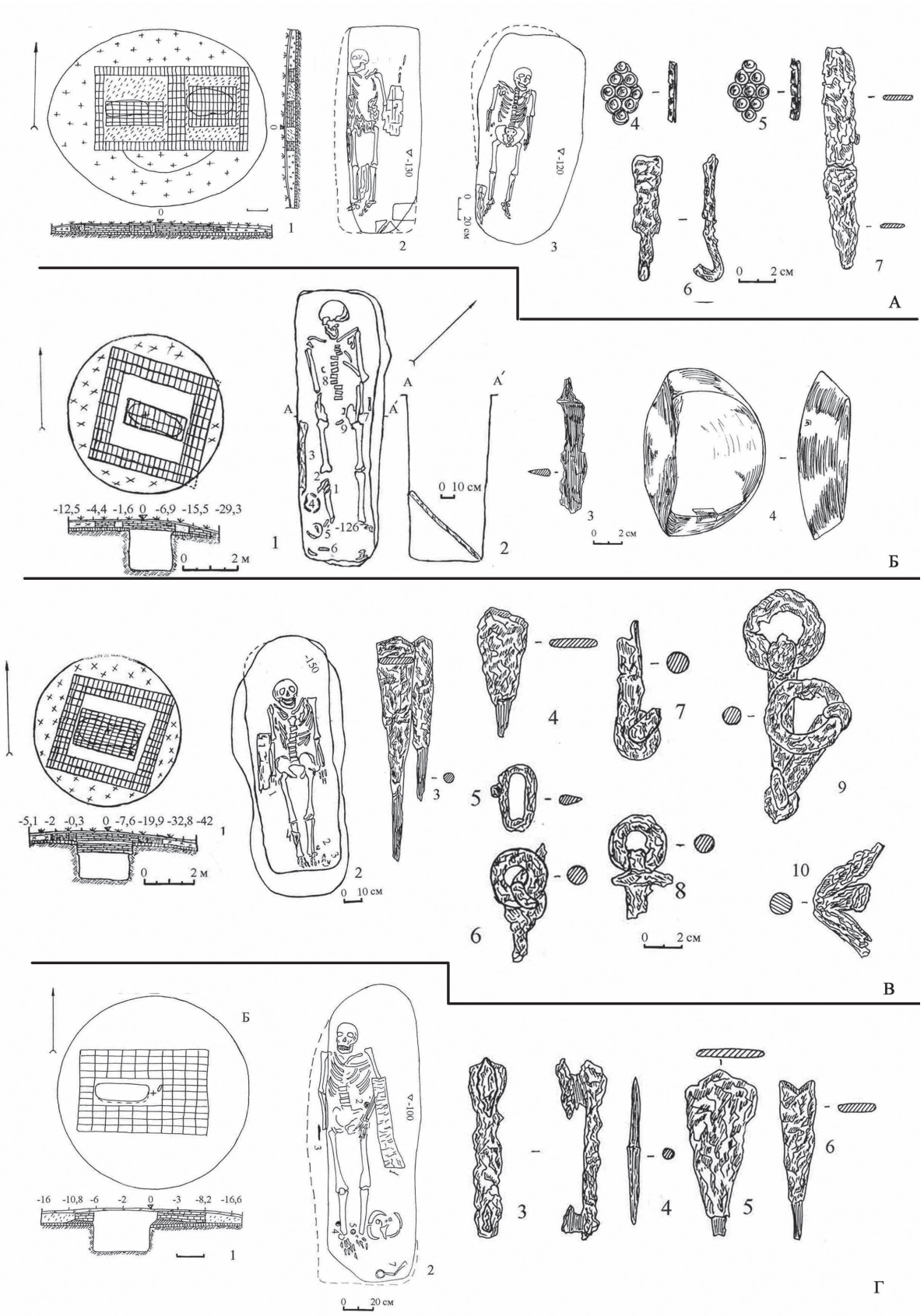


Рис. 2. А: Могильник Целинный I, курган № 63. 1-3 – планы кургана и погребений; 4-5 – украшения одежды; 6 – колчанный крючок; 7 – нож; Б: Могильник Целинный I, курган № 65. 1-2 – планы кургана, погребения и разрез могильной ямы; 3 – нож; 4 – бронзовая чашка. В: Могильник Целинный I, курган № 66. 1-2 – планы кургана и погребения; 3-4 – наконечники стрел; 5-8 – железные предметы сбруи; 9-10 – остатки узды и удила; Г: Могильник Целинный I, курган № 73. 1-2 – планы кургана и погребения; 3 – колчанный крючок; 4-6 – железные наконечники стрел.

скелетами помещены предметы вооружения, труда, украшения.

Исследования, проводившиеся в мавзолее Абат-Байтак в 2004-2005 гг., выявили несколько захоронений в деревянных рамах-гробовищах, сбитых крупными кованными гвоздями. В основном погребении было обнаружено железное навершие суфийского посоха (Бекназаров, 2005. С. 151–154). Покойные были помещены в повседневной одежде, с мелкими украшениями. В этом плане казахстанский мавзолей еще больше сближается в сходных чертах с мавзолеем Кесене (РФ).

Перспективы дальнейшего углубленного исследования памятников Западно-Казахстанского региона, очевидны. Имеются широкие возможности для комплексного изучения памятников в различных регионах Российской Федерации и Республики Казахстан, для получения общей исторической картины средневекового периода, рассмотрения вопросов, касающихся материальной и духовной культуры яркого периода средневековой истории – эпохи Золотой Орды, и последующих государственных образований, унаследовавших ее принципы, население и памятники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахинжанов С.М. Из истории движения кочевых племен Евразийских степей в первой половине XI века // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 46–53.

Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Гылым, 1995. 296 с.

Бекназаров Р.А. Посохи, как предмет историко-этнографического исследования (на примере навершия из мавзолея Абат-Байтак XIV–XVвв.) // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып.2 / Отв. ред. С.Ю. Гуцалов. Актобе: Изд. АГУ им. К.Жубанова, 2005. С.151–155.

Бисембаев А.А. Кочевники средневековья Западного Казахстана. Актобе, 2010. 248 с.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 103 с.

Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 185 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966. 274 с.

К ВОПРОСУ О ЗОЛОТООРДЫНСКОМ ВЛИЯНИИ НА ОРУЖЕЙНЫЕ КОМПЛЕКСЫ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ [1]

© 2014 г. Л.А. Бобров

Новосибирский государственный университет, Новосибирск
(spsml@mail.ru)

Ключевые слова: Золотая Орда, Центральная Азия, Восточная Азия, вооружение, военно-культурное влияние.

Резюме. В статье рассмотрены находки предметов вооружения золотоордынского производства (или выполненного по золотоордынским образцам) с территории Сибири, Казахстана, Монголии, Тибета и Китая. Выделено две основных формы влияния «золотоордынского» оружейного комплекса на военное дело народов Центральной и Восточной Азии XIII–XV вв.: экспорт вооружения и экспорт оружейных технологий. Установлено, что военно-культурное влияние оружейного комплекса западной части Улуса Джучи на военное дело азиатских народов XIII–XV вв. носило ограниченный и фрагментарный характер, что было обусловлено, как спецификой социально-экономических и военно-политических контактов Золотой Орды с государственными образованиями Центральной и Восточной Азии, так и особенностями развития военного дела народов данных регионов.

Великие Монгольские завоевания стимулировали процесс взаимодействия военно-культурных традиций народов различных регионов Евразии. Вещественные, изобразительные и письменные источники фиксируют многочисленные примеры влияния центрально- и восточноазиатского доспеха, оружия дистанционного и ближнего боя на комплексы вооружения воинов Восточной Европы и Западной Азии. Этот феномен давно и плодотворно изучается отечественными исследователями. В тоже время необходимо отметить, что военно-культурное влияние не было односторонним. Оригинальные образцы вооружения, изготовленные мастерами Поволжья и Северного Кавказа, находили своих почитателей не только среди кочевников Восточной Европы, но и у их соседей к востоку от Волги и Уральских гор.

Целью настоящей статьи является выявление основных направлений «золотоордынского» военно-культурного влияния на оружейные комплексы народов Центральной и Восточной Азии XIII–XV вв.

Анализ вещественных материалов происходящих с территории Центральной и Восточной Азии позволяет выделить предметы вооружения, выполненные мастерами западной части Улуса Джучи, или местными оружейниками по золотоордынским образцам. К сожалению, размер статьи не позволяет дать подробное описание всех находок, поэтому ограничимся их краткой характеристикой.

Наиболее представительную серию составляют образцы длинноклинкового оружия[2]. Нами зафиксировано 12 экз. золотоордынских сабель и их фрагментов, обнаруженных на территории Сибири, Монголии и Казахстана (рис. 1, *1, 2, 6, 8, 10*). В большинстве случаев, речь идет о так называемых «черкесских» саблях с длинным (около метра и более) клинком и характерной крестообразной гардой (концы крестовины отогнуты в сторону клинка и раскованы в виде плоских «капель» или ромбов). Подобные сабли типичны для северокавказского оружейного комплекса XIV–XV вв. (Горелик, 2008. С. 161–163, 176, 177. Рис. 3, *8*–10. С. 179). Можно предпола-

1 Исследование проведено в рамках Задания № 2718 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России.

2 Оружие дистанционного боя будет рассмотрено в специальной работе.

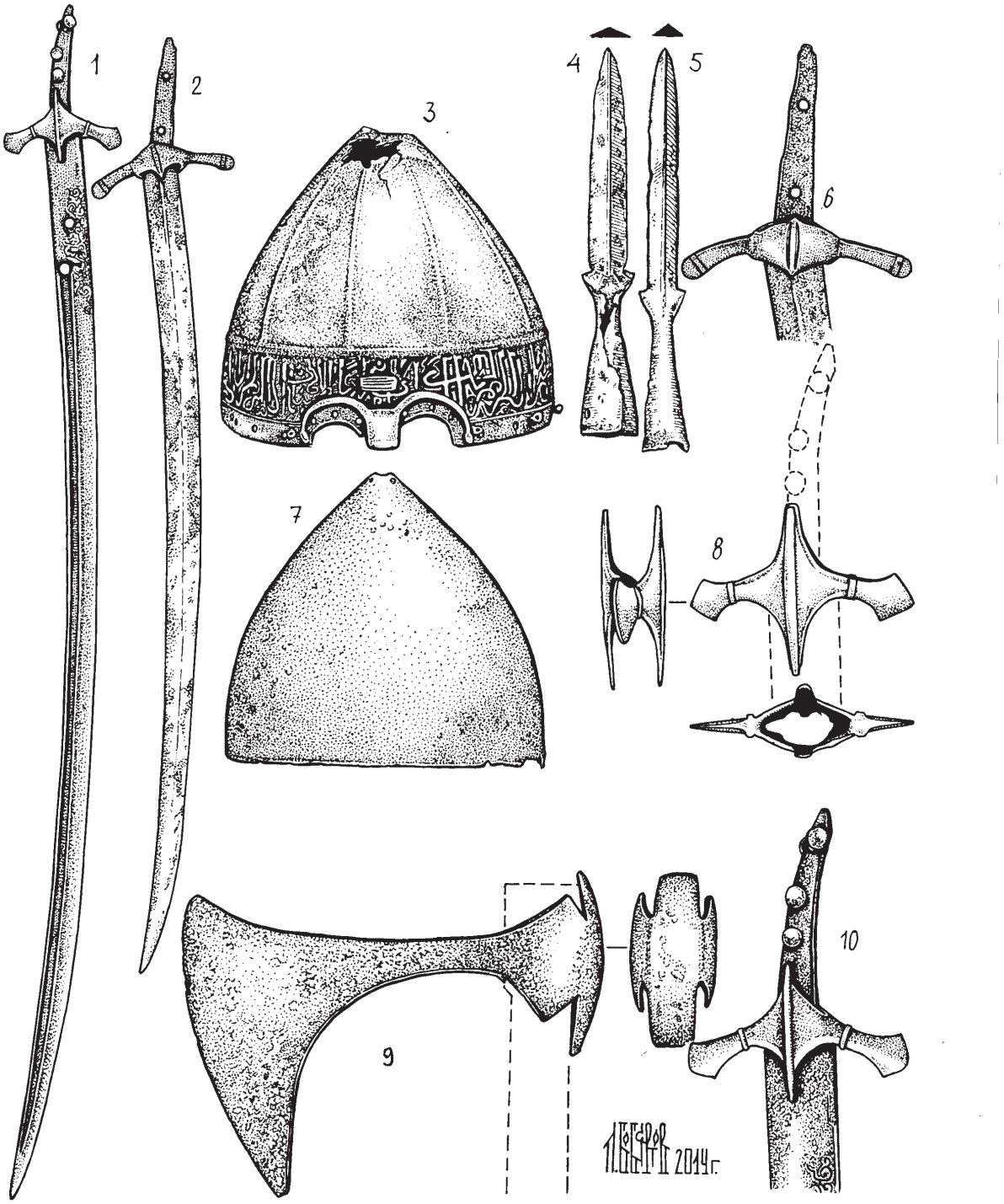


Рис. 1. Предметы вооружения с территории Сибири (*1, 2, 6, 8, 10*), Тибета (*3*), Казахстана (*4,5*), Монголии (*7*). *1, 10* – МКРК; *2, 6* – МАЭС ТГУ; *3* – Музей искусств Метрополитен (г. Нью-Йорк, США); *4* – ЦГМРК; *5, 8* – из частных коллекций; *7* – ВММ; *9* – АОИКМ.

гать, что некоторые сабли из Зауралья и Восточного Дашт-и Кипчак были изготовлены позднесредневековыми сибирскими и среднеазиатскими оружейниками в подражание черкесским прототипам. К числу изделий мастеров западной части Улуса Джучи, или их оседлых соседей, относится ряд ножей и кинжалов, обнаруженных на территории Сибири и Казахстана. С большой долей вероятности западное происхождение имеет и знаменитый кинжал с крестообразной гардой с горы Кызыл-Тас в Восточном Казахстане (Плотников, 1990).

Длиннодревковое золотоордынское оружие с территории Казахстана представлено копейными наконечниками с треугольным в сечении пером удлиненно-треугольной формы и крыловидным упором (рис. 1, *4, 5*). В настоящее время данные наконечники хранятся в фондах ЦГМРК и в частной казахстанской коллекции. Наиболее ярким элементом их оформления являются характерные выступы («крылья») между пером и втулкой выполнявшие роль ограничителя, не позволявшего наконечнику погружаться в тело противника слишком глубоко. К.С. Ахметжан отнес наконечник из ЦГМРК к комплексу вооружения казахских воинов (Ахметжан, 2007. С. 115. Рис. 15). Не оспаривая данное предположение, отметим, что этот тип наконечников характерен для черкесского оружейного комплекса золотоордынского периода (Горелик, 2008. С. 168. С. 180. Рис. 11–14). Это дает основание полагать, что наконечники из ЦГМРК и частной коллекции являются импортом с территории Черкессии, или выполнены местными мастерами по северокавказским образцам. Высокое качество металла обусловило длительный период использования данных наконечников воинами Дашт-и Кипчак.

С территории Казахстана, Сибири и Монголии происходят бойки боевых топоров, конструкция и система оформления которых нехарактерны для изделий местных оружейников, но весьма близки к булгарским и русским аналогам периода развитого Средневековья. К данной категории относятся топоры с ассиметричным Г-образным клинком и вырезным обухом (рис. 1, *9*) и некоторые другие разновидности рабочих и боевых топоров.[3]

Золотоордынское влияние на восточноазиатское защитное вооружение проявилось, прежде всего, в распространении кольчато-пластинчатого доспеха. Судя по археологическим материалам, родиной классической кольчато-пластинчатой брони, является территория Золотой Орды. Наиболее ранняя находка кольчато-пластинчатого панцирного элемента, происходит из Бартымского I селища в Березовском районе Пермского края. Она датируется верхней границей существования поселения- второй половиной XIII – первой половиной XIV вв. (Пастушенко, 2010). Обрывки кольчато-пластинчатой брони были так же обнаружены в археологических памятниках Прикубанья (у с. Праздничное) и Южного Приуралья (Ново-Кумакский могильник) датированных серединой XIV – началом XV в. Не позднее второй половины XIV в. она появилась в Западной Азии (Горелик, 2002. С. 74, 79. Рис. 12; Горелик, 2008. С. 170, 185). В течение следующего столетия новая структура бронирования распространилась на огромных пространствах Евразии от Северной Африки до Кореи и от Московии до Мавераннахра. На Дальнем Востоке она вызвала значительный интерес со стороны китайских и, особенно, корейских мастеров (Бобров, 2011. С. 39, 44). Не позднее середины XV в. в Корее было развернуто собственное производство кольчато-пластинчатых доспехов, что было зафиксировано в тексте «Седжон чаньхонг Тэван силок» (1454) и регламенте «О ре ый» (1474).

Не исключено, что на Дальний Восток первые образцы кольчато-пластинчатой брони могли попасть не только в ходе торгового обмена, но и вместе с воинами из Восточной Европы отобранными в состав гвардии юаньских императоров. Через посредничество корейцев идея доспеха из пластин и кольчужного полотна попала в Японию, где местные мастера (видоизменив конструкцию брони) превратили ее в массовый вид защитного вооружения («карута-ганэ-до-мару» и др.). Воины из Золотой Орды и Дашт-и Кипчак

3 Пользуясь случаем, автор хотел бы поблагодарить д.и.н. И.Л. Измайлова за ценные сведения по ударно-рубящему булгарскому оружию периода развитого Средневековья.

включенные в состав гвардейских корпусов и войск «танма» Юаньской империи, несомненно, способствовали росту популярности на Дальнем Востоке кольчатой брони, которая продолжала применяться латниками минской лейб-гвардии вплоть до начала XVII в. (Бобров, Худяков, 2008. С. 409. Рис. 142, *5*).

С территории Центральной и Восточной Азии происходят шлемы, конструкция и система оформления которых, резко отличает их от типичной продукции местных оружейников. Наиболее ярким образцом серии является шлем приобретенный европейскими коллекционерами в Тибете и хранящийся в настоящее время в Музее искусств Метрополитен (№86, 2007, г. Нью-Йорк, США). Лицевая сторона цельнокованой сфероконической тульи шлема (высота- 20,3 см) снабжена надбровными вырезами и скобой для наносника-стрелки (рис. 1, *3*).[4] Вдоль нижнего края купола пробиты отверстия для крепления бармицы (в некоторых из них сохранились металлические петли). Методом серебряной насечки на поверхность шлема нанесены надписи на арабском языке, среди которых имеется посвящение «Победоносный султан Махмуд Джанибек Хан». Американские ученые соотнесли данное имя с ханом Золотой Орды Джанибеком (1342-1357). Сочетание цельнокованой тульи, надбровных вырезов, наносника-стрелки и кольчатой бармицы действительно характерно для боевых наголовий Золотой Орды и Западной Азии XIV в. (Горелик, 2002. С. 75). На территории Сибири и Монголии обнаружены цельнокованые сфероконические шлемы имеющие аналоги среди изделий мастеров западной части улуса Джучи. Так, например, к их числу относится шлем найденный в 1991 г. в местности Тогсуул Монгонмонтского сомона Центрального аймака МНР (рис. 1, *7*).

Также хотелось бы обратить внимание еще на один интересный момент, связанный с золотоордынскими боевыми наголовьями. С территории Западной Сибири происходит серия изображений воинов в сфероконических и полусферических шлемах снабженных полумасками с наносниками (Соловьев, 2003. С. 184. Рис. 12, 13. С. 198. Рис. 42, 46). Достаточно часто данные изображения трактуются, как художественная условность. Однако вполне вероятно, что перед нами ничто иное, как стилизованные изображения шлемов с полумасками, которые достаточно широко представлены в золотоордынских памятниках с территории Восточной Европы (Горелик, 2002. С. 77. Рис. 1, *4*; Негин, 2013. С. 21–27, 38, 44, 54, 55, 58).

Подводя итог необходимо отметить, что среди собранных материалов представлены практически все основные разновидности оружия ближнего боя: сабли, копья, топоры, ножи, кинжалы, а также шлемы. Условия попадания вооружения произведенного на Северном Кавказе, Руси и Поволжье на территорию Сибири, Казахстана, Монголии и Китая могли быть самыми различными (от торгового обмена и дипломатических подарков до военных трофеев). Представляется возможным выделить две основных формы влияния «золотоордынского» оружейного комплекса на военное дело народов Центральной и Восточной Азии рассматриваемого исторического периода: экспорт вооружения и экспорт оружейных технологий. Судя по количественным показателям наибольший интерес азиатских воинов, вызывали сабли северокавказского производства. Важнейшим заимствованием в сфере защитного вооружения стала кольчато-пластинчатая броня. В то же время необходимо подчеркнуть, что военно-культурное влияние оружейного комплекса западной части Улуса Джучи на военное дело народов Зауралья в XIII–XV вв. носило ограниченный и фрагментарный характер, что было обусловлено, как спецификой социально-экономических и военно-политических контактов Золотой Орды с государственными образованиями Центральной и Восточной Азии, так и особенностями развития военного дела народов данных регионов. Резкий всплеск популярности оружия и доспехов «мусульманского» образца в Западной Монголии и Южной Сибири пришелся на вторую половину XVII – первую половину XVIII в. и был связан с трансформацией традиционного оружейного комплекса монголоязычных ойратов (Бобров, 2011).

4 Судя по отверстиям поверх надбровных вырезов первоначальный вариант накладных пластинчатых «бровей» был удален и заменен на новый.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахметжан К.С. Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы : Алматыкитап, 2007. 216 с.

Бобров Л.А. Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV – XIX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Барнаул, 2011. 54 с.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: ООО «Восточный горизонт», 2002. 84 с.

Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 2008. Вып. 15. С. 158–189.

Негин А. Е. Шлем из Городца. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2013. 95 с.

Пастушенко И.Ю. Доспех-бехтерец из Бартымского I селища // Вестник Удмуртского университета. 2010. Вып. 3. С. 150–152.

Плотников Ю.А. Средневековый меч из Восточного Казахстана // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. / Отв. ред. Ю.С. Худяков, Ю. А. Плотников. Новосибирск: Кооператив «Полиграф», 1990. С. 150–154.

Соловьев А.И. Оружие и доспехи: Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск: «ИНФОЛИО-пресс», 2003. 224 с.

ВРЕМЯ ПОЯВЛЕНИЯ ИСЛАМА В ТОМСКОМ ПРИОБЬЕ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ[1]

© 2014 г. Е.В. Водясов, О.В. Зайцева

Национально-исследовательский Томский государственный университет,Томск (vodiasov_ev@mail.ru, snori76@mail.ru)

Ключевые слова: мусульманский погребальный обряд, Томское Приобье, развитое средневековье.

Резюме. Статья посвящена актуальной проблеме времени появления ислама в Томском Приобье, северо-восточной периферии исламского мира. При отсутствии достоверных письменных свидетельств решение указанной проблемы видится в привлечении археологических источников. Важнейшим индикатором появления ислама в различных регионах для археологии является мусульманский обряд погребения.

В качестве устойчивых признаков «канонического» мусульманского захоронения признаются всего два: безынвентарность погребения и соблюдение киблы.

При анализе погребального обряда могильников развитого средневековья в Томском Приобье авторами выявлено два памятника с мусульманским погребениями: Астраханцевский курганный могильник и могильник Шайтан II, находящиеся в правобережье р. Обь на юге Томской области.

Археологический контекст и радиоуглеродные анализы позволяют датировать мусульманские погребения в пределах XIII–XV вв. и назвать их самыми ранними на отдаленной северо-восточной периферии исламской ойкумены. Все это актуализирует проблему определения восточных границ и зон влияния Золотой Орды, а затем и Сибирского ханства.

Все дискуссии, связанные с проблемой времени появления ислама в Западной Сибири, ведутся сегодня на основе анализа весьма скудных, отрывочных и противоречивых письменных свидетельств. Информационный потенциал археологических источников остается пока практически не востребованным. Перспективность исследования изменений погребального обряда, как важнейшего индикатора распространения новой религии, доказана на материалах Волжской Булгарии и Золотой Орды (Халикова, 1986; Васильев, 2007).

В качестве устойчивых признаков «канонического» мусульманского захоронения признаются всего два: безынвентарность погребения и соблюдение киблы – обращение лица покойного в сторону Мекки. Все остальные признаки – оформление надмогильных и внутримогильных сооружений (например, наличие подбоев) имеют весьма широкую вариабельность в разных региональных традициях (Халикова, 1986; Васильев, 2007; Petersen, 2013. P. 241–242).

Томское Приобье сегодня является крайней северо-восточной периферией исламского мира, и вопрос о времени появления ислама на этой территории имеет особое значение. Для решения указанной проблемы нами был проанализирован погребальный обряд всех известных могильников развитого средневековья в Томском Приобье. Погребения с признаками мусульманской обрядности выявлены на двух некрополях в правобережье Оби на юге Томской области.

Первый из них, *Астраханцевский могильник*, насчитывает 127 курганных насыпей. Из них Л.М. Плетневой было исследовано 66 курганов, содержащих 97 погребений. Могильник был датирован «XIII–XIV вв., а возможно и XVв.» (Плетнева, 1997. С. 116). Признаки мусульманских погребений (отсут-

1 Статья написана при поддержке гранта РГНФ 14-11-70005 а/р и гранта Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009.

ствие инвентаря в могиле и соблюдение киблы) в разных сочетаниях выявлены нами в 44 погребениях, что составляет 44,8% от всех исследованных.Соблюдение киблы на Астраханцевском могильнике выполнялось при ориентации умершего головой на юго-восточный сектор с поворотом головы на левую сторону.

Подробный анализ каждой из выделенных обрядовых групп на этом некрополе уже был опубликован (Зайцева, Водясов, 2013). В настоящей работе рассматривается проблема датировки этих комплексов. Общеизвестна сложность хронологической атрибуции мусульманских погребений в виду их безынвентарности.

То, что мусульманские погребения Астраханцевского могильника синхронны погребениям, датированным по инвентарю XIII–XV вв., подтверждается следующими фактами. Погребения, совершенные по исламскому обряду, равномерно распространены по всей территории некрополя и не составляют отдельную планиграфически обособленную группу. Еще более важно то, что есть случаи нахождения под одной насыпью и на одном уровне безынвентарных погребений, совершенных по мусульманскому канону, и погребений, содержащих сопроводительный инвентарь XIII–XV вв. (предметы конской амуниции, украшения, наконечники стрел и т.д.). Например, в кургане 3 находилось два погребения. Погребение 1 инвентаря не содержало, и поза умершего соответствовала мусульманскому канону. Дата погребения 2 может быть установлена в пределах XII–XIV вв. судя по типу стремян, удил, а также серебряным серьгам (Плетнева, 1997. С. 115. Рис. 187).

Второй могильник, на котором зафиксированы погребения с признаками мусульманской обрядности – *Шайтан II*, расположенный также в правобережье Оби в 18 км выше по течению от Астраханцевского. Могильник насчитывает 22 курганные насыпи, 9 из которых были исследованы и датированы XIII–XVвв. одним из авторов данной статьи (Зайцева, 2009). На могильнике очень четко выделяются две обрядовые группы.

Первая – грунтовые подкурганные погребения с северной ориентировкой, сопровождающиеся многочисленным и разнообразным погребальным инвентарем (предметы конской амуниции, украшения, сосуды, железные ножи, тесла и т.д.). Вторая – подкурганные или впускные погребения, полностью безынвентарные или содержащие только по одному предмету (чаще всего железному ножу), где умершие сориентированы с соблюдением киблы. В отличие от Астраханцевского могильника, на могильнике Шайтан II не зафиксированы случаи нахождения под одной курганной насыпью грунтовых погребений с соблюдением исламского канона и погребений, содержащих инвентарь. Здесь зафиксирован случай, когда в курган, где основным было грунтовое погребение с северной ориентировкой и инвентарем, были впущены безынвентарные погребения с соблюдением киблы (курган 17).

В пользу одновременного сосуществования двух погребальных традиций на могильнике Шайтан II свидетельствуют радиоуглеродные даты. Одна дата получена для кургана 11, в котором находилось погребение с северной ориентировкой и разнообразным инвентарем, включающим железные обкладки седла, султан и другие украшения конской амуниции, сосуд, пастовые бусы и т.д. (Le-8739: 540±60BP). Вторая дата получена для кургана 11, в котором находилось безынвентарное погребение с соблюдением киблы (Le-8737: 520±40BP). С учетом калибровки обе даты укладываются в рамки конца XIV – начала XV в.

Все вышеизложенные факты позволяют датировать безынвентарные погребения могильников Астраханцевский и Шайтан II, совершенные по мусульманскому обряду, в том же хронологическом диапазоне, что и погребения, содержащие инвентарь, то есть XIII–XVвв.

Таким образом, мы можем достаточно уверенно говорить о распространении ислама на территории Томского Приобья в XIV–XVвв. и назвать рассмотренные мусульманские погребения самыми ранними на отдаленной северо-восточной периферии исламской ойкумены в Западной Сибири. Все это актуализирует проблему определения восточных границ и зон влияния Золотой Орды, а затем и Сибирского ханства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев В.Д. Мусульманский погребальный обряд в Золотой Орде. Астрахань: Астраханский гос. университет, 2007. 201 с.

Зайцева О.В. Отчет о научно-исследовательской работе Шайтанской археологической экспедиции Томского государственного университета на территории Кожевниковского района Томской области в 2006 г.: исследования могильника Шайтан II // Архив МАЭС ТГУ. № 1257.

Зайцева О.В., Водясов Е.В. Признаки мусульманской погребальной обрядности в Обь-Томском междуречье // Вестник Томского государственного университета. История. № 3 (23). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 134–137.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том.ун-та, 1997. 350 с.

Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань: Изд-во КГУ, 1986. 159 с.

Petersen A. The Archaeology of Death and Burial in the Islamic World // The Oxford Handbook of the Archaeology of Death and Burial (Oxford Handbooks in Archaeology). Oxford University Press, USA. Kindle Edition. 2013. P. 241–257.

О НАХОЖДЕНИИ КОМПЛЕКСА МЕДНЫХ МОНЕТ НИЖЕГОРОДСКОГО ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА НА СЕВЕРЕ УЛЬЯНОВСКОГО ПРАВОБЕРЕЖЬЯ

© 2014 г. В.В. Ефимов

Ундоровский палеонтологический музей, Ульяновск
(vladislav@undoriya.ru)

***Ключевые слова*:** Ульяновск, Ундоры, пуло, комплекс, Нижегородское княжество.

Резюме. Найден комплекс медных монет Нижегородского княжества далеко за его пределами на севере Ульяновского правобережья. Приводится предварительная систематика и атрибуция монет с весовыми данными.

Осенью 2009 г. на окраине пашни в 4 км южнее с. Ундоры Ульяновского района Ульяновской области был обнаружен комплекс медных монет в количестве 31 шт. Большая их часть (25 шт.) были рассеяны на площади 3х3 м, остальные находились в радиусе 5-6 м от предполагаемого центра концентрации россыпи. Место находки представляет собой окраину старой распашки недалеко от склона оврага, заросшего смешанным лесом и не соответствует каким либо известным выявленным археологическим селищам. Сопутствующим подъемным материалом в радиусе 50-ти метров были фрагменты керамики, обожженные куски глины и камней, фрагменты железных изделий и большое количество железного шлака, несколько медных колец и перстней, несколько золотоордынских дангов. Никаких следов тары обнаружено не было, либо она не сохранилась. Вероятнее всего это был кошелек. Сканография всех монет с обеих сторон представлена на рис. 1.

Систематизация монет.

Весь собранный комплекс автор условно разделил на 4 группы монет:

1. нижегородские пула конца XIV – начала XV в. – 24 шт;
2. монеты с изображениями животных – 2 шт;
3. односторонние монеты с изображением человека – 3 шт;
4. золотоордынские пула – 2 шт;

Нижегородские пула №1-24 соответствуют типу 4 каталога П.Г Гайдукова «Медные русские монеты конца XIV – XVI в.» под номером №399 (Гайдуков, 1993).

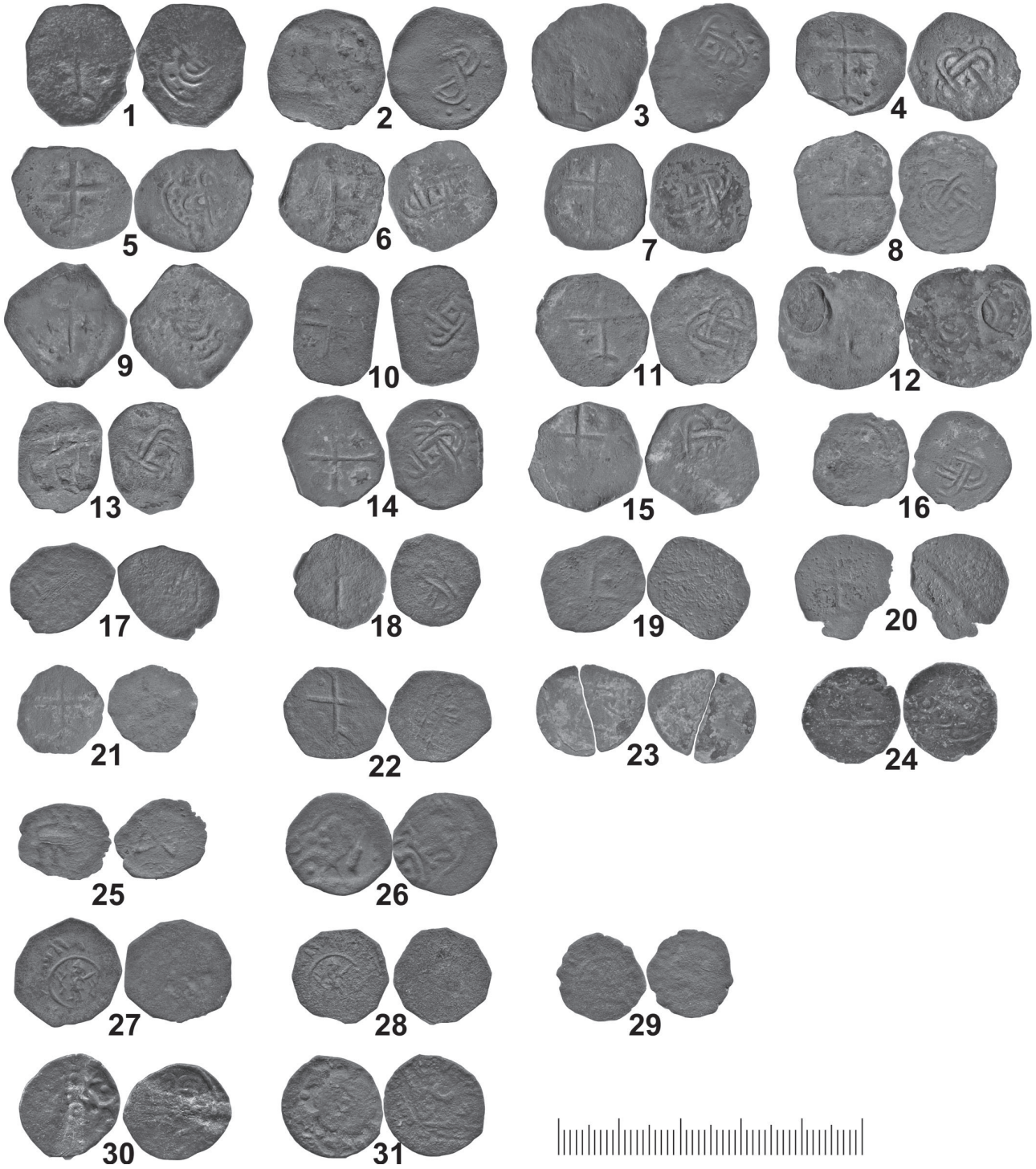


Рис. 1. Сканография монет с обеих сторон.

Л.с. Равноконечный крест на подножии; в углах помещено по семи – или восьмиконечной звездочке; вокруг линейный ободок. *О.с.* Орнамент в виде двух переплетенных овалов с четырехконечной звездочкой внутри; вокруг точечный ободок, а за ним линейный с узелками в виде трилистника в четырех местах.

На некоторых экземплярах наблюдаются вариации в прорисовке креста на лицевой стороне. Коме того, монета №16 с обеих сторон прочеканена штемпелем обратной стороны, а на образце №24 просматривается совершенно иной рисунок, вероятно относящийся к другому типу штемпельной пары. Экземпляр №23 был сломан пополам уже в момент попадания монеты в грунт, судя по идентичной пленке окислов на месте излома и на поверхности самой монеты. Средний вес монет в этой группе

– 1,26 г. (24 экз.). Самая тяжелая монета № 14 весит 2,08 г, а самая легкая № 21 – 0,34 г.

Монеты с изображением животных представлены двумя экземплярами: № 25 – пуло с четверогим на л.с. и 6-конечной звездой на о.с, предположительно относят к Москве (Зайцев, 2009), вес 0,54 г; №26 – пуло с птицей на л.с. и с подражанием на о.с. с неопределенным местом чеканки, вес 1,38 г.

Односторонние монеты представлены 3-мя экземплярами и предположительно относятся к Нижегородскому княжеству: №27 – одна из наиболее красивых и хорошо сохранившихся монет с человеком в полный рост в линейном ободке с круговой надписью, вес 1,78 г; №28 – то же самое, но худшей сохранности, вес 1,40 г; №29 – практически не читаемая л.с., вес 0,74 г.

Пулы Золотой Орды в количестве 2-х экземпляров предварительно атрибутированы только как «Сарай ал-Джадид». Монета №30 изначально была сильно погнута, вес 1,16 г; №31 весит 1,60 г.

Денежное обращение в XIV–XV вв. на территории современной Ульяновской области в доступных археологических материалах представлено крайне скудно, либо отсутствует полностью, в связи с чем есть основания предполагать, что обнаружение данного монетного комплекса является одним из самых восточных доказательств обращения медной монеты Нижегородского княжества за его пределами.

Автор обращает внимание на предварительность своих заключений и выводов и выражает благодарность П.Г. Гайдукову за консультирование по некоторым вопросам в подготовке работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гайдуков П.Г. Медные русские монеты конца XIV – XVI в. М.: Наука, 1993. 63 с.

Зайцев В.В. Редкие и неизданные медные русские монеты XIV–XV вв. // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 3. М.: «Древлехранилище», 2009. 212 с.

РУССКИЕ И ОРДЫНЦЫ: КУЛЬТУРНОЕ ВОСПРИЯТИЕ И НЕПРИЯТИЕ (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И ПИСЬМЕННЫМ МАТЕРИАЛАМ)

© 2014 г. Н.В. Жилина

Институт археологии РАН, Москва
(nvzhilina@yandex.ru)

Ключевые слова: монголы, русские, восприятие, различие, прикладное искусство, костюм, украшения.

Резюме. Цель и новизна работы: концентрированное сопоставление письменных и археологических материалов, показывающих основы восприятия и неприятия культурных явлений между Русью и Золотой Ордой. Анализируется материал по костюму и убору из украшений и прикладному искусству.

Неприятие проявляется в начальный период и связано с реакцией на жестокость завоевания и осознанием различий в культуре. Факты восприятия относятся к XIV–XV вв. При различии в конструкции костюмов наблюдается использование в русском деталей золотоордынского. При аналогиях с золотоордынскими произведениями в орнаментике, может быть выделена русская стилистическая линия развития орнаментации.

Цель и новизна работы: сопоставление письменных и археологических материалов, показывающих основы восприятия и непри-

ятия культурных явлений между Русью и Золотой Ордой.

I. Неприятие сильнее проявляется на начальном этапе (XIII в.) и связано с двумя основными факторами.

1. Реакция на жестокость завоевания.

Летописец Ибнельасир начала 1220-х гг. хотел бы отрицать произошедшее: «Несколько лет я противился сообщению этого события, … чувствуя отвращение к изложению его…» (Тизенгаузен, 1884. С. 1).

2. Осознание очевидных различий в культуре: мир монголов – другой (Путешествия, 1957. С. 91).

2а) религиозные различия

В религиозной культуре христиан и язычников-монголов нет общих элементов для диалога. Переводчик не может перевести слова христианина Рубрука, убедившегося в бесполезности миссии (Путешествия, 1957. С. 134, 194). Плано Карпини не понимает религию монголов: «почитание Бога сводится у них ни к чему» (Путешествия, 1957. С. 60). При общей веротерпимости, нередки случаи осмеяния монголами христианства и ислама (Путешествия, 1957. С. 117, 120; Тизенгаузен, 1884. С. 41).Русским и европейцам трудно проходить меж двух огней, князь Михаил Черниговский не смог поклониться идолу (Путешествия, 1957. С. 29).

2б) различия в моральных принципах

Европейцы поражены, что грехом у монголов не считается убийство людей (Путешествия, 1957. С. 30).

2в) различия в костюме

В костюме русских и европейцев отмечаются сходства, разница европейского и монгольского костюмов значительна. Рубрук берет подаренные ему рубашки, но он «не носит таких одежд» (Путешествия, 1957. С. 110, 184). Монгольский костюм сохраняет архаичность: выделение знаковых частей величиной, драпированность и объемность: мужские рубашки, похожие на неразрезанную ткань; широкое женское платье с длинным шлейфом; высокий (до метра) головной убор (Путешествия, 1957. С. 27, 100; Тизенгаузен, 1884. С. 288; Крамаровский, 2012. С. 109).

Одежда и атрибуты знатных монгольских женщин и мужчин имели статусный характер (Горелик, 1991; Крамаровский, 2001. С. 50; Крамаровский. 2012. С. 106–114; Юрченко, 2006. С. 181). Заимствовать бокку или пояс невозможно, такие атрибуты жаловали за службу.

Среди монгольских украшений к костюму, имеющих изысканную криволинейно-растительную форму, преобладают крупные филигранные нашивные пластины, подвескии цепи. Драгоценные пластины серег развернуты перпендикулярно крепежной детали. Есть серьги с отходящим вниз стержнем («знак вопроса»).Популярно монисто.

Для сравнения использован изобразительный материал по русскому костюму и вещевой материал русских украшений второй половины XIII–XVII в.

Женская и мужская туникообразная одежда соответствовала размеру человеческого тела. Русский костюм в XIII–XV вв. сближается с европейским, становясь более удобным и рациональным.

В XIV–XVI вв. на Руси утверждается составной (кичкообразный) головной убор, фиксируемый Домостроем. Его части: мягкая шапка-волосник и жесткая расширяющаяся кика соответствуют размеру головы. Возрождаются традиционные формы рясен-подвесок (тип кубических продолжает развитие домонгольских вариантов) (Жилина, 2013).

Для формирования серег с отходящим вниз стержнем важна форма перстнеобразных височных колец сославяно-русским S-овидным завершением: к ним прикрепляется вертикальная подвеска. Формы русских серег возникают на базе предшествующих украшений и до XVI в. сохраняют многое от височных колец: орнаментальная частьнаходится в одной плоскости с крепежным кольцом (Жилина, 2012).

В XIV–XVвв. распространена распашная одежда со стыкующимися полами, с застежкой на пуговицы и воздушные петли, на петлю и крючок, с петлицами. Распространены грушевидные, овальноконические и шаровидные пуговицы. Встречаются трапециевидные, дисковидные (с христианскими изображениями) и кринообразные подвески.

В первой трети XIII–XV в. известны пластинчатые литые и филигранные браслеты на шарнирах. Браслеты с изображением морды льва считаются импортом из Булгарии или Зо-

лотой Орды (Седова, 1981. С. 119). Дата распространения позволяет не исключать их преемственность от более крупных и объемных шарнирных браслетов Древней Руси.

В XIV–XV вв. орнаментация нашивными бляшками используется в одежде священников и лицевом шитье (саккос митрополита Алексея 1364 г., пелена «Богоматерь Смоленская» 1460-е гг.). Формы бляшек продолжают традиции домонгольских (Жилина 2010).

II. Восприятие.

1. Одежда и убор из украшений.

Несмотря на общую разницу монгольского и русского костюмов, возможно использование сходных деталей, независимых от их конструкции: нашивных бляшек, пуговиц, бусин, серег, браслетов, перстней, ременных деталей (бляшка в форме цветка, найденная под Можайском; ряд бляшек саккоса митрополита Алексея) (Крамаровский, 2001. С. 206, 207; Жилина, 2004). На Шапке Мономаха использовано навершие монгольского головного убора.

2. Восприятие чужой культуры и потеря своей происходит при длительном проживании людей на чужой территории.

Первоначально формы собственного быта и разрозненные навыки ремесла сохраняются и выделяются среди других вещей (Полубояринова, 1978; Коваль, 2010). Украшения, сделанные русскими мастерами, есть в материале Чимкентского и Симферопольского кладов (Жилина Н.В., 2003).

7.Прикладное искусство.

Сокровищница монголов обогащается лучшими произведениями прикладного искусства мира, захваченными в процессе завоевания и получаемыми в виде даров (богатства, что «поддадутся угону» и «придут.. на своих ногах»). Это были: венецианские материи и стекла, левантские и александрийские одежды, франкские шлемы, хорезмские седла, дамасские луки, арабские наконечники копий и плащи, китайская посуда и др. (Тизенгаузен, 1884. С. 60, 189, 459).

Типичные подарки монгольских ханов: невольники, соколы, шкурки зверей; реже: оружие, ткани, византийское золото (Тизенгазен, 1884. С. 194, 198, 264, 324, 442, 526).

Для второй половины XIV–XV в. М.Г. Крамаровским выделен ряд традиций золотоордынского искусства, характеризующихся чертами искусства различных мировых регионов (Крамаровский, 2001. С. 109–156).

Это соответствует письменным данным о работе мастеров разных стран в отдельных кварталах золотоордынских городов и длительному сохранению локальных традиций (Тизенгаузен, 1884. С. 302, 305, 306; Путешествия, 1957. С. 126, 165).

На целом ряде русских произведений в металле и резной кости XIV–XV вв. отмечены аналогии с золотоордынскими (Орлова, 1997; Крамаровский, 2001. С. 204–206).Тем не менее, линия стилистического развития русского натуралистического орнамента идет от домоногольских образцов (большой сион и кратир Братилы, Новгород, XII в.; двери Рождественского собора в Суздале, 1230-1233гг.). Она продолжена на произведениях XIV–XV вв. (оклады икон «Богоматерь Умиление» и Кашинского чина).

От домонгольских образцов отталкивается и возрождающееся искусство русской скани: на потире Моисея (первая треть XIV в.) – бордюр из спиральных S-овидных завитков, на ковчеге Дионисия (1383 г.) – крупные завитки и спирали с мелкими завитками; оклад Евангелия Кошки на рубеже XIV–XV вв. со сложившимся спиральным стилем филиграни (Жилина, 2003).

В культуре русских и монголов во второй половине XIII – XV в. происходили противоположные процессы.

На Руси после паузы возрождается ремесло и прикладное искусство с опорой на домонгольские образцы и с реализацией новых художественных тенденций (натуралистический растительный орнамент, спиральный стиль филиграни). В Золотой Орде происходит интенсивное изменение культуры за счет достижений множества регионов и стран, в том числе – и Руси.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горелик М.В. Монгольский костюм XIII–XIV веков как имперское интегрирующее явление // IV Всесоюзная конференция востоковедов «Восток: Прошлое и будущее народов». Тезисы докладов и сообщений. Махачкала. М.: Наука, 1991. Т.II. Политология, история, литературоведение. С. 97, 98.

Жилина Н.В. Русская филигрань до и после татаро-монгольского нашествия // Русь в XIII в. Древности темного времени. М.: Наука. 2003. С. 278–289.

Жилина Н.В. Золотое филигранное украшение из Тушкова городка // Археология Подмосковья. М.: ИА РАН, 2004. С. 222–225.

Жилина Н.В. Тисненый убор по древнерусским кладам X–XIII вв. (от орнаментального рифления до эмблемы княжеской власти) // Stratumplus. № 5. 2010. Кишинев; СПб. Монография в журнале. С. 3–121.

Жилина Н.В. Типология русского городского убора из украшений второй половины XIII – XVII в. на материале Северо-Восточной Руси // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. Вып. 4. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2012. С. 215–235.

Жилина Н.В. Русский женский головной убор XV–XVII вв. Этнографическое обозрение. 2014. № 4. С. 154–174.

Коваль В.Ю. Ордынцы на Руси // Русь и Восток в IX–XVI веках. М.: Наука, 2010. С. 76–85.

Крамаровский М.Г. Золото чингисидов: Культурное наследие Золотой Орды. СПб.: АО «Славия», 2001. 364 с.

Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.: Евразия, 2012. 496 с.

Орлова М.А. О группе произведений древнерусского серебряного дела конца XIV – начала XV века (к проблеме генезиса стиля оргнамента) // Древнерусское Искусство. Исследования и атрибуции. СПБ.: «Дмитрий Буланин», 1997. С. 164–169.

Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 135 с.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. 287 с.

Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб.: типография Императорской академии наук, 1884. Т. I. 370 с.

Юрченко А.Г. Власть и женская мода в Монгольской империи // IXМеждународный конгресс монголоведов. Улан Батор, 8-12 августа 2006 г. Доклады российских ученых. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. С. 173–184.

ХРИСТИАНСКИЕ ХРАМЫ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

© 2014 г. Э.Д. Зиливинская

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва
(eziliv@mail.ru)

Ключевые слова: Золотая Орда, христианство, православие, католицизм, архитектура, храмы, Крым, Кавказ, синтетическая культура.

Резюме. *В статье рассмотрена* архитектура церквей Верхнего Джулата, которые являются ярким воплощением синтетической культуры Золотой Орды. В их архитектурных формах и строительной технике прослеживается влияние Византии, Абхазии, Грузии, Азербайджана и местные аланские традиции.

Золотую Орду принято воспринимать как мусульманское государство, в то же время современники всегда отмечали веротерпимость монголов. Будучи изначально язычниками или, скорее шаманистами, монголы не отдавали предпочтения ни одной из мировых религий. Такая же ситуация наблюдалась и в Улусе Джучи в ранний период, где сосуществовали буддизм, различные ветви христианства (несторианство, православие, католицизм) и ислам. В 1261 г., при мусульманине Берке, была учреждена православная епископия, причем духовенство было полностью освобождено от всех видов дани. После провозглашения ислама государственной религией при Узбеке, христианская церковь не утратила своих привилегий.

Достаточно активными были и попытки распространения католичества в Золотой Орде. В 1315 г. в Сарае было учреждено католическое епископство. Как следствие распространения христианства в Золотой Орде в ее городах должны были строиться христианские храмы, но в золотоордынских городах центральной части государства (Дешт-и-Кипчак) пока они почти не исследованы. Тем не менее, на территории Золотой Орды, в регионах с традиционно оседлым населением, имеются христианские храмы золотоордынского периода. В настоящее время можно сделать некоторые выводы о генезисе и традициях церковного зодчества только для двух регионов – Крыма и Северного Кавказа

В Крыму в золотоордынское время существовало огромное количество храмов, возведенных для адептов различных ветвей христианской религии. Архитектура этих церквей является отражением полиэтничного состава населения Крыма. Среди греческих храмов есть небольшие крестово-купольные постройки (Херсонес, Лаки, Каффа). Но большинство церквей представлено зальными постройками или так называемыми «однонефными базиликами». Крестово-купольные и зальные храмы Крыма построены под влиянием не столько Византии, сколько Малой Азии и Балкан (Якобсон, 1964). Зальные одноапсидные церкви вообще не характерны для столичной византийской архитектуры, и строились преимущественно в провинции (Ионесян, 2013. С. 71).

Довольно интересным типом культовых построек являются двухапсидные храмы, представленные в золотоордынский период «храмом на консолях» в Судаке и двухапсидной церковью Фуны. Появление построек этого типа некоторые исследователи склонны связывать с армянскими переселенцами (Мордвинцев, Кисиль, 2002. С. 189). Однако, здания этого типа встречаются на огромной территории, причем наибольшее их количество известно в Армении, Малой Азии, островной Греции и Италии (Кирилко, 2012. С. 221). Ряд исследователей связывают различные части храмов с определенными функциями. Так большая часть могла слу-

жить для литургии евхаристии, а меньшая использоваться для крещения или поминания. О.М. Ионесян считает наиболее вероятным предположение П. Хезеринга о том, что возникновение таких храмов связано с особенностями общественного развития островных поселений, жители которых принадлежали к двум конгрегациям христианства – православной и римско-католической. По его мнению, такие храмы возникают в условиях ограниченных возможностей небольших замкнутых общин. (Ионесян, 2012. С. 98).

Среди сохранившихся зданий Крыма большой процент составляют армянские церкви, также представленные крестово-купольными композициями и простыми зальными церквями. Следует отметить, что многие армянские церкви Крыма имеют выступающую апсиду, в чем, вероятно, сказалось греческое влияние. В церквях Армении апсида снаружи обычно не выделена. Католические церкви до нашего времени не сохранились, однако, в архитектуре некоторых армянских церквей (Михаила и Гавриила, св. Сергия в Каффе, св. Ильи у с. Богатое) отчетливо прослеживается влияние латинского Запада.

Анализ архитектурного декора, который представлен в Крыму почти исключительно резным камнем, показывает, что наряду с западной и армянской традициями достаточно явно прослеживается и малоазийская (Айбабина, 2001). Так же, как и в мусульманских постройках, элементы малоазийского сельджукского стиля присутствуют почти во всех христианских храмах Крыма.

Золотоордынский центр слабо влиял на внутреннюю жизнь городов Крыма. Тем не менее, приток населения из Армении и Малой Азии, а с ним и новых строительных традиций, во многом явился результатом монгольских завоеваний. Что касается тенденций в строительстве культовых христианских сооружений, то они были совершенно идентичны, как на территориях подвластных Генуе, так и на собственно золотоордынских землях.

На Кавказе исследованы четыре церкви на городище Верхний Джулат. По архитектурным формам их можно разделить на две группы. Первую группу представляют зальные храмы с полукруглой апсидой, выраженной снаружи. К нему относятся церкви № 2 (в первом периоде), 3 и 4. Церковь № 1 представляет собой пример простейшего крестообразного храма. Такую же планировку имеет притвор храма № 2, пристроенный во втором периоде.

Происхождение архитектурных форм храмов Верхнего Джулата рассматривалось различными исследователями, но наиболее подробный и аргументированный анализ приведен в книге В.А. Кузнецова. В.А. Кузнецов рассматривает различные элементы строительной техники и планировки верхнеджулатских храмов и приходит к выводу, что они были возведены азербайджанскими строителями. (Кузнецов, 2003. С.147–148, 157–159). В то же время, наличие черепицы с грузинскими надписями не исключает участие в строительстве мастеров из Грузии.

Большое внимание исследователь уделяет анализу склепов в апсидах церквей № 1 и 2. Он отмечает, что традиция сооружения крипт под зданием храма присуща не православной, а католической архитектуре и связывает их возникновение с итальянской экспансией и влиянием католической религии. Что касается формы то, как отмечает автор, «в деталях крипты повторяют обычные золотоордынские кирпичные склепы XIV–XV вв». (Кузнецов, 2003. С. 150–157). Парадокс заключается в то, что такие склепы не так и обычны в Золотой Орде. В настоящее время они известны только на небольшой территории Нижнего Поволжья (в Сарае и его окрестностях) и в Сарайчике. Происхождение этих погребальных сооружений не ясно и относятся они к позднему периоду, то есть к самому концу XIV в. и началу XV в. В то время как практически идентичные им склепы в Верхнем Джулате датируются началом XIV в., то есть почти на сто лет раньше. Следовательно, можно предположить, что в Нижнее Поволжье и Западный Казахстан подобные склепы попали с Северного Кавказа.

«Католическую» версию происхождения склепов Нижнего Джулата отвергают Д.В. Белецкий и А.Ю. Виноградов (Белецкий, Виноградов, 2011. С. 264–268). Они отмечают, что сводчатые пространства, предназначенные для погребений, были достаточно распространены в средневековье, как в католической, так и византийской церковной архитектуре, а

склепы под апсидами известны в различных храмах Грузии, Абхазии и Северного Кавказа. Однако склепы Верхнего Джулата возводили мастера, принадлежащие к одной из восточных строительных школ и повторившие привычные им формы, обычные для мусульманского зодчества. При этом сказалось местное происхождение заказчиков, чем можно объяснить существование в этих погребальных сооружениях черт, присущих аланским катакомбам и более поздним горским склепам» (Белецкий, Виноградов, 2011. С. 267).

Важным вопросом остается определение генезиса собственно архитектурных форм церквей Верхнего Джулата. В.А. Кузнецов связывает их с обширным кругом памятников провинциально-византийской архитектуры. Подобные небольшие приходские церкви встречаются в Крыму, на Балканах, Руси, а также в Армении и провинциальных городах Византии, (Кузнецов, 2003. С. 149; Ионесян, 2013). Д.В. Белецкий и А.Ю. Виноградов указывают на то, что план церкви № 1 в виде вписанного креста характерен для византийской архитектуры XII–XIII вв. (Белецкий, Виноградов, 2011. С. 287, 260). Зальные храмы с выступающей апсидой достаточно стандартной планировки (№ 2 в первом периоде, № 3 и № 4) Д.В. Белецкий и А.Ю. Виноградов связывают с византийско-абхазской строительной традицией (Белецкий, Виноградов, 2011. С. 287, 260).

Таким образом, архитектура церквей Верхнего Джулата является ярким воплощением синтетической культуры Золотой Орды. В их архитектурных формах и строительной технике прослеживается влияние Византии, Абхазии, Грузии, Азербайджана и местные аланские традиции.

Рассматривая христианскую архитектуру различных частей Золотой Орды в целом, следует отметить, что все известные нам храмы – это небольшие, довольно скромные постройки простого плана. Особенности планировки и оформления их связаны, прежде всего, с населением тех общин, для которых они были предназначены. Здесь нет такого единообразия плана, как в золотоордынских Джума мечетях, строительство которых, вероятно, велось в русле государственной политики. В остальном, так же как и другие категории зданий, они несут на себе печать смешения различных архитектурных и строительных традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабина Е.А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь: «Сонат», 2001. 280 с.

Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. М.: «Индрик», 2011. 392 с.

Иоанесян О.М. Однонефные храмы в архитектуре Армении и Византии // Византия в контексте мировой культуры. Труды Государственного Эрмитажа LXIX. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2013. С. 64–117.

Кирилко В.П. Двухапсидные храмы Таврики // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах № 28. Сборник статей, посвященный 1800-летию Судака. Донецк: «Донбасс», 2012. С. 189–225.

Кузнецов В.А. Эльхотовские ворота. Владикавказ, 2003. 192 с.

Мордвинцев В.Л., Кисиль И.А. Двухапсидные храмы Крыма // Сурож, Сугдея, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы научной конференции. Киев-Судак: «Академпериодика», 2002. С. 187–191.

Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.-Л.: Наука, 1964. 232 с.

ФЕРМЕНТАТИВНАЯ АКТИВНОСТЬ ПОЧВ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ ГОРОДИЩА БОЛГАР КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ИНТЕНСИВНОСТИ И ХАРАКТЕРА АНТРОПОГЕННОЙ НАГРУЗКИ В ПРОШЛОМ

© 2014 г. Н.Н. Каширская[1], Е.В. Чернышева[1], А.Э. Федотов[2], М.Л. Агафонова[3], Н.О. Крамарева[3], Д.В. Пригородова[3]

[1]Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино (Kashirskaya81@rambler.ru)
[2]Институт археологии АН Татарстана им. А.Халикова, Казань
[3]Воронежский государственный университет, Воронеж

Ключевые слова: Болгарское городище, культурные слои, антропогенная нагрузка, ферментативная активность почв.

Резюме. Ферментативная активность в различных участках культурного слоя обусловлена поступлением в слой органических субстратов в период функционирования памятника и позволяет реконструировать интенсивность и формы антропогенного воздействия на почвы в различных участках памятника.

В прошлом в культурные слои археологических памятников и прилегающие к ним почвы в значительных количествах поступали органические субстраты, связанные с жизнедеятельностью человека. Оказавшись в почве они полностью разлагались почвенными микроорганизмами и в настоящий момент идентификация этих субстратов невозможна. Однако, при их разложении в почве резко возрастало количество микроорганизмов, участвующих в этом процессе. А так как разложение органических материалов происходит с участием внеклеточных ферментов, выделяемых микроорганизмами, то в почве резко изменяется ферментативная активность и увеличивается содержание ферментов, ответственных за разложение субстрата. Избыток фермента, оставшийся после того как весь субстрат оказывался утилизирован микроорганизмами, способен сохраняться в почве в результате адсорбции глинистыми минералами, гумусовыми кислотами и частицами органического вещества (Burns et. al., 2013. P. 216). Таким образом повышенные значения активности того или иного фермента в почве и культурном слое археологического памятника могут указывать на исходное поступление в культурный слой определенного органического субстрата, который не может быть идентифицирован никаким другим методом.

Внеклеточные ферменты, поступая в почву, адсорбируются глинистыми минералами и почвенным органическим веществом, образуют связи с минеральными и органическими компонентами почвы и приобретают устойчивость к инактивации и протеолизу (Щербакова, 1983). В стабилизированном состоянии они длительное время могут сохранять свою активность. Наибольшее значение имеют два класса почвенных ферментов – гидролазы и оксидоредуктазы (Звягинцев, 1987; Щербакова, 1983). С гидролитическим разложением органического вещества почвы связана динамика и мобилизация тех форм элементов питания, которые могут быть усвоены почвенной биотой (Михайловская, Миканова, 2008). Оксидоредуктазы являются основными агентами гумификации лигнинов (Александрова, 1980; Кононова, 1963), а соотношение активности различных оксидоредуктаз может быть использовано для оценки наличия и направ-

ленности процессов гумификации (Чундерова, 1970).

Целью настоящей работы было провести сравнительную оценку ферментативной активности культурных слоев Болгарского городища. Объектами исследования служили почвенные профили на различных участках Болгарского городища. В качестве контроля использовался верхний слой современной фоновой почвы (0-10 см), сформированной без участия культурного слоя. Разрез Б-373 был заложен у южного борта квадрата 80, участок Ж, раскоп 179 на участке с максимальной сохранностью культурного слоя и наиболее выраженной стратиграфией, разрез Б-380 на участке культурного слоя с хорошо сохранившейся погребенной почвой и четко дифференцированным профилем в западной стенке раскопа 191, разрез Б-381 располагался в зоне наименее выраженного антропогенного воздействия в раскопе 194.

Уреазная активность (рис. 1 (*А*)) определялась модифицированным индофенольным методом (Kandeler, Gerber, 1988). Наибольшие значения уреазной активности были приурочены к верхним горизонтам. Здесь они были в 13-35 раз больше, чем в верхнем горизонте почвы, сформированной без участия культурного слоя. Максимальная уреазная активность была выявлена в слое 0-18 см разреза Б-380, который представляет собой огородный слой деревни новейшего времени. В нижележащих слоях ее значения были существенно ниже. Однако на глубине 53-63 см выделялся культурный слой с повышенными значениями уреазной активности, что, очевидно, связано с высокими объемами поступления в почву мочевины при функционировании памятника.

В разрезе Б-373 в верхнем, пахотном горизонте уреазная активность была незначительно ниже, чем в вышеописанном разрезе, но по всей толще изученного разреза наблюдалось несколько максимумов и минимумов ее активности. Первый максимум наблюдался на глубине 40-46 см, в слое, сформировавшемся во время функционирования базара, второй значительный максимум был приурочен к слою органического тлена, который, возможно, представлял собой мощный слой навоза.

В зоне с наименее выраженным антропогенным прессингом (разрез Б-381) были выявлены минимальные значения уреазной активности, здесь они были почти в три раза ниже, чем в разрезах Б-373 и Б-380.

Фосфатазная активность (рис. 1 (*Б*)) определялась методом Галстяна – Арутюнян (Хазиев, 2005). Наибольшие значения фосфатазной активности были приурочены к верхним горизонтам исследуемых разрезов. Максимальной величиной фосфатазной активности характеризовался пахотный горизонт новейшего времени 0-25 см (разрез Б-373).

В верхнем слое разреза Б-380 фосфатазная активность была лишь в 1,5 раза больше, чем в современной почве. В остальных слоях разреза Б-380 фосфатазная активность была в 3-10 раз меньше, чем в верхнем слое, и ее максимумы совпадали с максимумами уреазной активности. При этом значения содержания фосфатов на порядок превышали фоновй уровень

Таким образом, фосфатазная активность четко указывает на периоды увеличения поступления фосфатов в почвы поселений, но в количественном плане является менее надежным индикатором древнего антропогенного воздействия на почвы, чем уреазная активность, так как фермент фосфатаза инактивируется избытком минерального фосфора в культурном слое.

Оксидоредуктазная (полифенолоксидазная и пероксидазная) активность (рис. 2 (*А*)) определялась методом Михайловой – Карягиной (Хазиев, 2005). Пероксидазная активность преимущественно связана с процессами разложения гумуса, а полифенолоксидазная – с процессами его образования (Чундерова, 1970). Показано, что наибольшими величинами оксидоредуктазной активности характеризовался разрез Б-373. Здесь величины полифенолоксидазной и пероксидазной активности в верхнем слое практически не отличались от таковых в современной почве, а в глубь профиля они увеличивались в 2,5 раза. Наименьшими величинами оксидоредуктазной активности характеризовался разрез Б-380, где в верхнем его слое полифенолоксидазная активность была в 2 раза, а пероксидазная активность в 1,5 раза меньше,

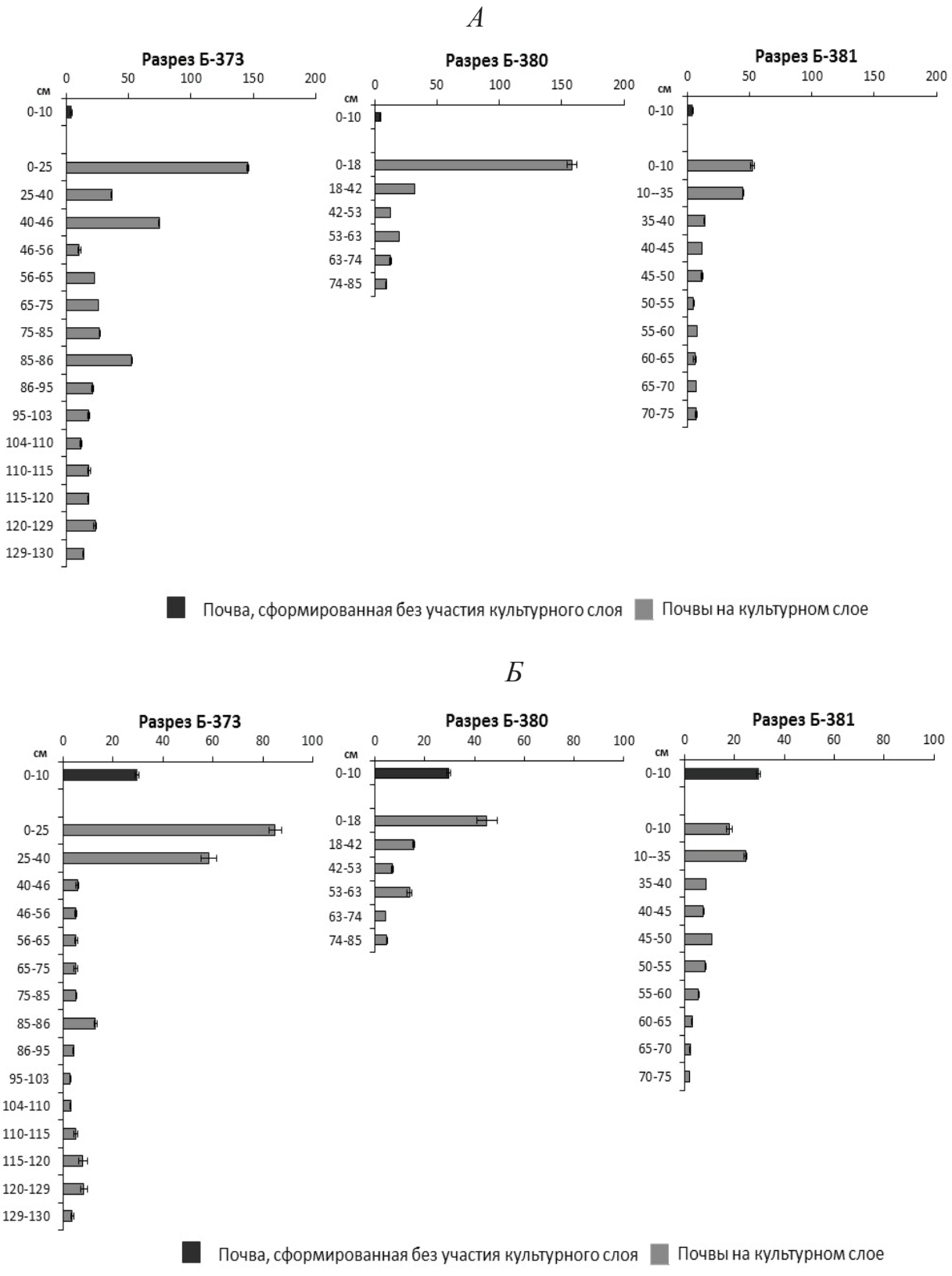


Рис. 1. Уреазная активность (*А*) (мкг NH_4^+/г почвы в час), и фосфатазная активность (*Б*) (мкг P_2O_5/г почвы в час) в культурных слоях городища Болгар.

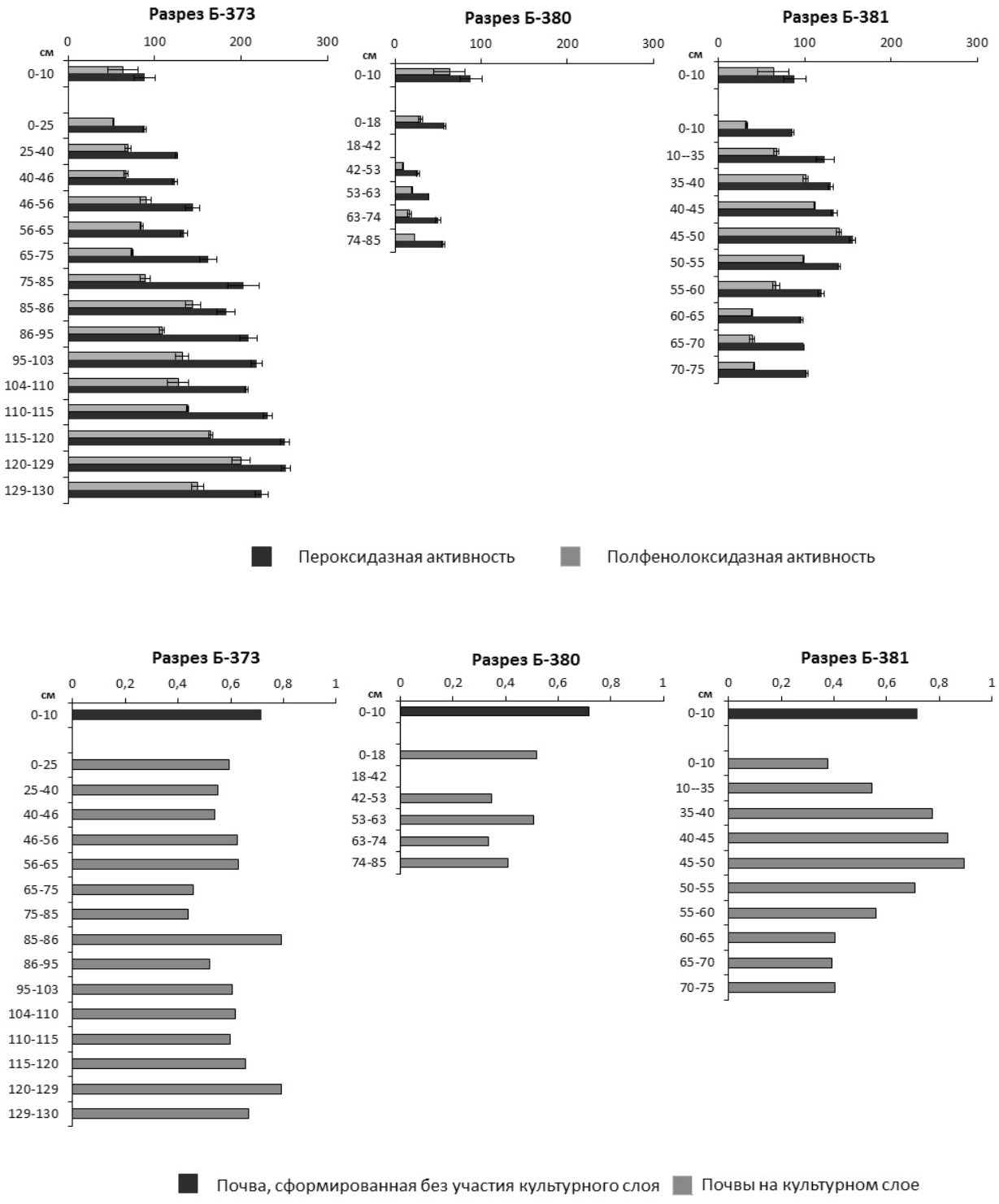


Рис. 2. Полифенолоксидазная и пероксидазная активность (*А)* (мкг бензохинона /г почвы в час) и коэффициент гумусообразования в культурных слоях городища Болгар.

чем в современной почве. В верхнем слое разреза Б-381 пероксидазная активность практически не отличалась от таковой в современной почве, а полифенолоксидазная активность была в 2 раза меньше, что связано с особенностями минерализации органического углерода и определяется формами, в которых он поступает в почву и условиями его последующей ассимиляцией микробным сообществом почвы.

На основании соотношения полифенолоксидазной и пероксидазной активности был рассчитан коэффициент гумусообразования (рис. 2 (*Б*)). Во всех исследуемых почвах коэффициент гумусообразования был меньше 1, что свидетельствует о преобладании процессов разложения гумуса над процессами его образования. В верхних слоях исследуемых разрезов коэффициент гумусообразования был меньше, чем в современной почве.

Таким образом, ферментативная активность в различных участках культурного слоя обусловлена поступлением в слой органических субстратов в период функционирования памятника и позволяет реконструировать интенсивность и формы антропогенного воздействия на почвы в различных участках памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александрова Л.Н. Органическое вещество почвы и процессы его трансформации. Л.: Наука, 1980. С. 122–133.

Звягинцев Д.Г. Почва и микроорганизмы. М.: МГУ, 1987. 256 с.

Кононова М.М. Органическое вещество почвы. М.: АН СССР, 1963. 315 с.

Михайловская Н.А., Миканова О. 2008. Взаимосвязь ферментативной активности с содержанием гумуса в дерново-подзолистой супесчаной почве // Весци нацыянальнай акадэміі навук Беларуси. Серыя аграрных навук. № 4. С. 49–53.

Хазиев Ф.Х. Методы почвенной энзимологии. М.: Наука, 2005. 252 с.

Чундерова А.И. Активность полифенолоксидазы и пероксидазы в дерново-подзолистых почвах // Почвоведение. № 7. 1970. С. 22–29.

Щербакова Т.А. Ферментативная активность почв и трансформация органического вещества. Минск: Наука и техника, 1983. 221 с.

Burns R.G., DeForest J.L., Marxsen J., Sinsabaugh R.L., Stromberger M.E., Wallenstein M.D., Weintraub M.N., Zoppini A. Soil enzymes in a changing environment: current knowledge and future directions. Soil Biology & Biochemistry 58, 2013. P. 216–234.

Kandeler E, Gerber H. Short-term assay of urease activity using colorimetric determination of ammonium. Biology and fertility of soils. 1988. V. 6. P. 68–72.

КРЕПОСТНЫЕ СТЕНЫ СОЛХАТА-КРЫМА (ОПЫТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

© 2014 г. М.Г. Крамаровский[1], Э.И. Сейдалиев[2]

[1]Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
(solkhat@hermitage.ru)
[2] Бахчисарайский историко-культурный заповедник, Симферополь
(codexcummanicus@gmail.com)

Ключевые слова: Золотая Орда, Солхат, Старый Крым, Мамай, крепостные стены.

Резюме. В тезисах, на основании анализа источников и литературы, а так же проведенных археологических исследований, приводятся сведения об оборонительном комплексе Солхата-Крыма – столицы Крымского Юрта Золотой Орды.

В условиях растущего интереса к истории и археологии Золотой Орды, особенно в Крыму, одним из ключевых вопросов является статус Солхата-Крыма (Старого Крыма) в политических условиях сложившихся в Восточной Европе в XIV в. В данном контексте особое внимание следует уделить проблемам строительства оборонительных сооружений этого золотоордынского города. В 1362-1365 гг. Кутлуг Буга, тогдашний правитель Солхата возводит вокруг города первый оборонительный пояс - вал и ров. На втором этапе город обзаводится крепостными стенами, сооруженными Мамаем, после изгнания им Кутлуг Буги. Данное исследование посвящено именно крепостным стенам Старого Крыма.

О начале сооружения первых фортификационных сооружений Солхата-Крыма в виде рвов и валов сообщает армянский источник под 1363 г. Эта запись сделана очевидцем, проживавшем в армянском квартале Солхата «*Чхбнис*» (*Верхний*). Им оказался один из сыновей известного в Крыму миниатюриста и каллиграфа Натера из Баберда[1] – писец Степанос из скриптория храма св. Саргиса. Здесь приведем перевод извлечения текста 1363 г. по «Каталогу армянских рукописей Британского музея»: *«… И в сие же время великое смятение царит от правителей земных, ибо нет царя во главе, чтобы сотворил мир, по словам Господа: «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет», и вот роет глава города ров вокруг города. И многие дома разрушает до основания, и разрушения бесчисленны, и все в страхе»* (A Catalogue, 1913. P. 248). Русские переводы приводились В. Хечумяном (в извлечениях) (Хечумян, 1984. С. 142), Ф.Бабаян и Э. Корхмазян (с купюрами) (Бабаян, 2000. С. 60); наиболее полно – Саргсян (Саргсян, 2004. С. 152). В строках Степаноса не названо имя главы города, отдавшего приказ начать строительство рва, не обозначен противник или причина события, серьезно напугавшего жителей Солхата. На этот раз тревога оказалась если и не ложной (мы еще вернемся к этому эпизоду), то, все-таки, не вполне реальной. Беда пришла спустя несколько лет. Из записей на полях Лекционария 1365 г., хранящегося в Матенадаране (Памятные записи, 1950. С. 467, 468; Бабаян, 2000. С. 60; Саргсян, 2004. С. 153) мы узнаем, что 23 августа 1365 г. в одном дневном переходе от Солхата в Карасу (Карасу-Базаре) находится темник[2] Мамай вместе с «бесчисленными татарами». Горожан и всех людей,

1 Историческая Армения, область Хахтик (Хахтеац гавар).

2 Отметим вслед за В.В. Трепавловым, историческую эволюцию этого термина, когда наряду с рангом воинского начальствования над 10 000 ополченцев (XIII в.), темник (*тюмен беги*) во 2-я пол. XIV в. является главой крупного территориального держания, в данном случае речь идет Крыме как полуострове.

прибывших под защиту Солхата из разных мест Крыма «…вся страна с *Кеча* [Керчи] до *Сарукармана* [Херсонеса] здесь собралась – люди и скот» привела в ужас нависшая над городом угроза расправы. Писец Аветис, которому принадлежит сообщение, отметил в частности, что «начальник (города), князь его, не смог противостоять [Мамаю и], будучи слабым, сбежал…». Далее идет часть фразы с непонятным топонимом: «… [нападавшие], присоединив к войску [Мамая] 2 000 мужчин [из солхатского ополчения] и забрав [их] имущество вместе с вооружением, увезли [пополнение] в *Мол*» (Саргсян, 2004. С. 153). Важно отметить, что памятная запись 1365 г. дошла не в оригинале, а в копии 1560 г. (Саргсян, 2004. Примеч. 43). Можно думать, что переписчик – им оказался дьякон-переплетчик Еолпей Нагаш не вполне справился с заглавной буквицей в слове «*Сол*» (сокращение «Солхат») и вместо топонима «*Сол*(хат)» возник загадочный «*Мол*». Причастие «нападавшие» – реконструкция переводчика, излишне уверенного в состоявшейся осаде и штурме города. Мне кажется, что фраза писца не исказила бы смысла в более выдержанной редакции: «…и [татары Мамая], присоединив к войску 2 000 мужчин…(и далее по тексту).

Наконец, уже знакомый нам писец Степанос под 1368 г. (Матенадаран, рукопись 2705) сообщает о бедах, постигших город Казария = Солхат после овладения им Мамаем в 1365 г. – голоде и бесчисленных человеческих потерях (Памятные надписи, 1950. С. 485-487; Саргсян, 2004. С. 156).

В исторических свидетельствах стены Солхата-Крыма впервые упомянуты лишь в середине XV в. венецианцем Иосафато Барбаро, справедливо называющим Солхат не крепостью, а поселением, обнесенным стеной (Барбаро, 1971. С.15). Косвенное упоминание стен за десятилетие до Барбаро, принадлежит Перо Тафуру, посетившему Каффу в 1438 г. (Pero Tafur, 1874. P. 163). В середине XVII в. турецкий путешественник Эвлия Челеби, в легенде о крепости «*Карым-кермен*», построенной якобы под покровительством «короля Судака» на средства некогда ограбленных купцов,[3] видел остатки стен Солхата. Он даже обмерил их шагами по периметру. «Обмер» составил 17 000 шагов; стены по свидетельству путешественника, были сложены из гладко отесанных каменных блоков (Evliya Çelebi, 1928. С. 659). Вероятно, под этим следует понимать, что обработке подверглись камни лицевого панциря, как это можно видеть и сейчас на примере кладок фасада медресе Солхата (нач.2-ой трети XIV в.), выполненных, впрочем, из податливого известняка. Работы в сезоне 2009 г. показали правоту наблюдения турецкого путешественника. Сейчас от городских стен не осталось первоначальных кладок, но их следы все же сохранились.

Некоторые объективные данные о каменном оборонительном поясе города дошли до нас в виде топосъемки XVIII в. и аэрофотосъемки 70-х гг. XX в. На плане города, составленном около 1783 г. квартирмейстером И. Лютовым (ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 22608), периметр стен достигает 6 734 м. Эта величина сопоставима с данными Эвлии Челеби, при условии, что шаг информатора составлял около 0,4 м. Стены усилены 28 башнями (видимо, картограф учитывал лишь хорошо сохранившиеся следы башенных руин). Величина куртин зависит от рельефа местности, но расстояние между башнями на гребне юго-восточного отрога Малого Агармыша, отделяющего долину от степи, достигает 90 м. На аэрофотосъемке 1973 г. (Архив ИА РАН, Ар. №2201 – 51033) по гребню отрога Малого Агармыша прослеживается четкая линия стены и основания пяти прямоугольных башен со стороной около 10 м. Междубашенное расстояние составляет от 75 до 100 м., что принципиально не расходится с данными плана военного топографа последней четверти XVIII в.

3 В ответ на обращение купцов генуэзский «король Судака» якобы сказал: «…Стройте в избранном вами месте крепость и город и поселяйтесь там!» Получив разрешение, они приступили к сооружению крепости на месте своего ограбления, дав ей название *Карым-кермен*. Это название - «Зловредная крепость» - они дали ей в отместку своим злым врагам, похитивших здесь у них товары. Позднее, вследствие распространенной ошибки в произношении, слово «*карым*» превратилось в «*кырым*» <…> его [города] строительство было завершено за сорок лет» (Evliya Çelebi, 1928. С. 658).

Трудно допустить, что защитный пояс Солхата-Крыма с фортификационной точки зрения мог быть сопоставим с оборонительной системой Каффы, заложенной еще при консуле Петрано дель Орто с разрешения хана Узбека (1313-1342). Крепость генуэзцев возводилась на протяжении двенадцати лет с 1340 по 1352 гг. Периметр ее стен составил 1440 м. при средней высоте в 13 м.; высота башен достигала 20 м.; площадь крепостной территории за стенами – 11,3 га (Бочаров, 1998. С. 86). Иначе – в Солхате, площадь которого ко времени создания оборонительного пояса составила примерно 220 га.

Поражает масштаб строительного замысла: только расчетное число башен достигает 65 единиц; к этому следует добавить конструкции не менее двух городских ворот (в направлении к Судаку и Каффе). О воплощении судить трудно – теперь уже нет возможности реконструировать облик всего оборонительного комплекса. И все-таки, силуэт башни с мерлонами на консолях на акварели Жака Бальтазара де Траверса из собрания галереи Кайо в Париже (1780-е гг.) позволяет предположить, что для Солхата не был тайной опыт итальянцев. Скорее всего, художник изобразил башню генуэзского подворья, которую историк XVIII в. Одорико называет «Castello Kirma».

В.Д. Смирнов (1886) в своих отчетах о поездках в Крым упоминает о крепостных стенах Солхата (Смирнов, 2008. С. 504), а в результате разведок в 1926 г была открыта часть стены комиссией под руководством Б.Н. Засыпкина (Охрана и изучение, 2008. С. 135). При этом следует отметить, что наиболее масштабные и систематические исследования оборонительного пояса Старого Крыма были предприняты в настоящее время (Айбабин, 2009-2012).

С 2009 по 2012 гг. работы по исследованию крепостных стен Солхата проводились совместной экспедицией Государственного Эрмитажа, Крымского отделения института востоковедения НАНУ, Крымского инженерно-педагогического университета и КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник». Основанием для исследований стал снимок аэрофотосъемки 70-х гг. XX в., данные Googlemaps и результаты геомагнитной разведки. На аэрофотосъемке начала 1970-х гг. (Архив ИА РАН) прослеживается четкая линия стены и контуры пяти прямоугольных башен со стороной около 10 м. (Айбабин, 2009. Приложение VII. Рис. 4). Межбашенное расстояние составляет от 75 до 100 м., что принципиально не расходится с данными плана, датируемого около 1783 г. (ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 22608). Периметр стен по данным плана русского военного топографа достигает 6734 м. Ныне оборонительный пояс Солхата, зафиксированный на плане XVIII в., на местности не прослеживается.

Работы велись на юго-восточном отроге горы Малый Агармыш. В результате исследований на пяти участках были обнаружены остатки крепостной стены шириной около 2-2,5 метров. От стены на некоторых участках сохранилась траншея шириной 1-1,5 вырытая в материке. Панцири стены были сложены из местного крупного камня, с забутовкой между ними на растворе. Кроме того стены облицовывались хорошо отесанными плитами, что прослеживается в строительных традициях Старого Крыма. На трех участках раскопов были локализованы следы трех оборонительных башен, примыкающих с севера к крепостной стене. Под защитой одной из башен, на участке стены было обнаружено размыкание – вероятно калитка. Археологический материал на раскопанных участках представлен так же монетами времени Золотой Орды и Крымского ханства, фрагментами керамических сосудов и строительной керамики, большим количеством железных гвоздей, предметами вооружения (шипы против конницы, наконечники стрел) и т. д. (Айбабин, 2009-2012).

На основании проведенных работ можно сделать следующие выводы:

1. Оборонительный комплекс Солхата возникает в короткое время между 1362 и 1380 гг. Он состоял из двух разномасштабных этапов, первый из которых - ров и земляной вал – был задуман Кутлугбугой и его строительство относится к 1362-1365 гг., второй – каменные стены – к периоду 1375-1380 гг. и был спланирован и осуществлен Мамаем;

2. Судя по планиметрии, инженерной связи между комплексами нет. Каждый из них был вызван к жизни своими причинами, це-

леполаганием и техническими параметрами. Первый предназначен для обороны города от литовской угрозы; второй – генуэзской;

3. Если наши расчеты объемов строительных работ верны, есть все основания полагать, что строительство стен подорвало экономику города. Настолько, что после поражения в сентябре 1380 г. средств на отпор войскам Тохтамыша уже не хватило. Сказалась и пятилетняя трудовая повинность, переломившая настроение горожан в пользу противников Мамая. По самым грубым подсчетам в строительстве стен приняло участие около двух тысяч трудоспособных мужчин, что составило 28,5% горожан (вспомним о 2000-х ополченцев Могулбуга в эпизоде 1365 г.). К ним, вероятно, следовало бы добавить какое-то количество сельчан из окружающих деревень;

4. Решающая угроза – тимуровская, в лице тукайтимурида[4] Тохтамыша (уб.1406), хана Синей Орды (1379-1381), после - объединенной Золотой Орды (1381-1395, 1398), не могла подкрасться совсем уж неожиданно. Скорее всего, мамаевское поражение было связано не только с тактическими или воинскими просчетами всесильного, казалось, беклярбека, но и общей усталостью населения Солхата от его непомерной активности. К осени 1381 г. Мамаем в Крыму был исчерпан человеческий ресурс. Городские стены здесь уже помочь не могли. После 1395 г. они – колыбель Крымского ханства.

Обнаруженные участки оборонительной стены Солхата дают важные сведения о северной границе средневекового города, о фортификации и материальной культуре золотоордынского Крыма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А.И., Крамаровский М.Г. Отчет об археологических исследованиях на городище средневекового Солхата в 2009 г. // Научный архив ИА НАНУ. 2010.

Айбабин А.И., Крамаровский М.Г. Отчет об археологических исследованиях на городище средневекового Солхата в 2010 г. // Научный архив ИА НАНУ. 2011.

Айбабин А.И., Крамаровский М.Г. Отчет об археологических исследованиях на городище средневекового Солхата в 2011 г. // Научный архив ИА НАНУ. 2012.

Бабаян Ф.С., Корхмазян Э.М. Армянские монастыри Сурб Хач и св. Степаноса близ города Старый Крым. Ереван, 2000.

Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей XV в. Вступительная статья, подготовка текста, перевод и комментарий Е.Ч. Скржинской. Л., 1971.

Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: исследования и документы. Автор-составитель А.В.Хливнюк / Под ред. А.А. Непомнящего. Симферополь, 2008.

Саргсян Т.Э. Армянские памятные записи XIV века о политической жизни в Крыму и строительной деятельности армян // Историческое наследие Крыма. №8. Симферополь, 2004.

Смирнов В.Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения. Т. 2. TAURICA ORIENTALIA. Симферополь, 2008.

Хечумян В. Книга книг. М., 1984.

A Catalogue of the Armenian Manuscrits in the British Museum, by Frederick C. Conybeare/ London, 1913.

Evliya Çelebi. Seyahatnamesi. Istanbul, 1928.

4 Тукайтимуриды – династия, восходящая к тринадцатому сыну Джучи Тука-Тимуру (1-я пол. XIII в.). Краткую, но выразительную характеристику династии – см.: Султанов, 2006. С. 426–427. Крымские Гиреи (1427-1793) принадлежали к ветви этого же рода.

ХРИСТИАНСКИЙ КВАРТАЛ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА УКЕК ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2010-2013 ГГ[1]

© 2014 г. Д.А. Кубанкин

Саратовский областной музей краеведения, Саратов
(kubankin2008@yandex.ru)

Ключевые слова: храм, фрески, черепица, каменный декор, древнерусская керамика, нумизматика.

Резюме. В работе представлены основные результаты исследований христианского квартала, в котором проживало преимущественно древнерусское население. Обнаружены фундаменты двух христианских храмов, в подвале одного из которых найдены многочисленные запасы импортной парадной посуды, деревянных изделий, украшений, зерна, хлеба и пр. По материалам раскопок восстановлены основные этапы развития изученной территории.

В 2010-2013 гг. археологической экспедицией Саратовского областного музея краеведения проводились исследования в центральной части Увекского городища (средневековый город Укек). Обнаружен христианский квартал и фрагменты фундаментов двух разновременных храмов. Было заложено два раскопа общей площадью 195 кв. м. Глубина 3,0-3,5 м, при средней мощности культурных слоев золотоордынского времени 2 м Расстояние между раскопами составило 22 м.

Городище застроено частным сектором, поэтому раскопки широкими площадями невозможны. Приходится ограничиваться территорией отдельного участка, даже если объекты выходят за его пределы, поэтому храмы были исследованы лишь частично.

Картину развития этой территории в золотоордынское время приблизительно можно реконструировать следующим образом. В 1270-е гг. на юго-западной окраине города Укека были построены металлургические горны. Один из таких объектов был обнаружен в раскопе IV. Датировка слоя основывается на стратиграфических данных и находке медного пула Менгу-Тимура крымского чекана. Не исключено удревнение периода заселения этого участка до 1260-х гг.

Позднее образуются усадьбы, от которых сохранились в материке хозяйственные ямы и канавка от забора. К 1280-м гг. это был уже относительно зажиточный район, в слое которого отложились элитарные и редкие находки. Китайская шпилька из непрозрачного стекла серо-лазурного цвета со шляпкой в виде стилизованного разрезанного плода граната (рис. 2.1). Аналогичное украшение было обнаружено при раскопках гробницы семейства Ши в провинции Хэбэй (*Watt,* 2010. P. 14. Fig. 22). Оно относится к династии Юань. В каталоге китайского стекла представлена серия таких изделий (Хан Хан, 1999. С. 82). Фрагмент нижней части схожего стеклянного изделия, найденный в Каракоруме, хранится в Государственном Эрмитаже (Юрченко, 2012. С. 388–389). Половина костяной накладки с детализированным изображением дракона (рис. 2, *2*). Подобные изделия М.В. Горелик относит к обкладкам парадного седла (Горелик, 2008. С. 120).

В 1280-е гг. строится храм 1, который был частично раскопан нами в 2010-2011 гг. (рис. 1, *1*). На момент строительства здесь уже образовался мощный культурный слой толщиной около 140 см. От постройки частично сохранился лишь вкопанный в землю фундамент. Остальное было разобрано после гибели здания. Раскопками вскрыт только южный край храма и практически вся его южная пристройка. Остальная территория пока остается недоступной для исследования. Удалось установить, что здание ориентировано апси-

1 Работа выполнена при поддержке РГНФ: Проект 12-31-01246. Тип а2.

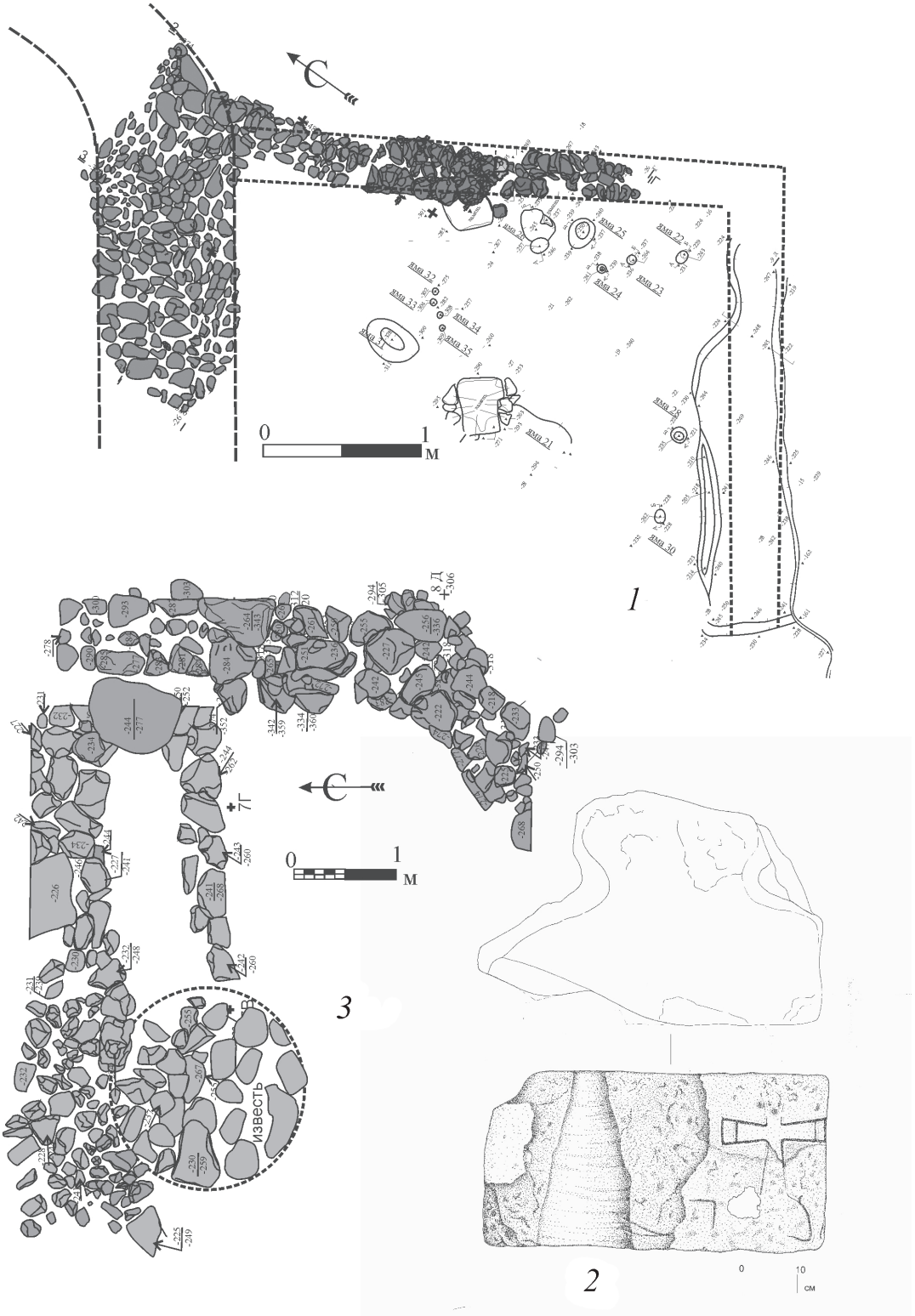


Рис. 1. Планы раскопанных участков храмов Увекского городища. *1* – храм 1; *2* – каменный блок с изображением креста из храма 1; *3* – храм 2.

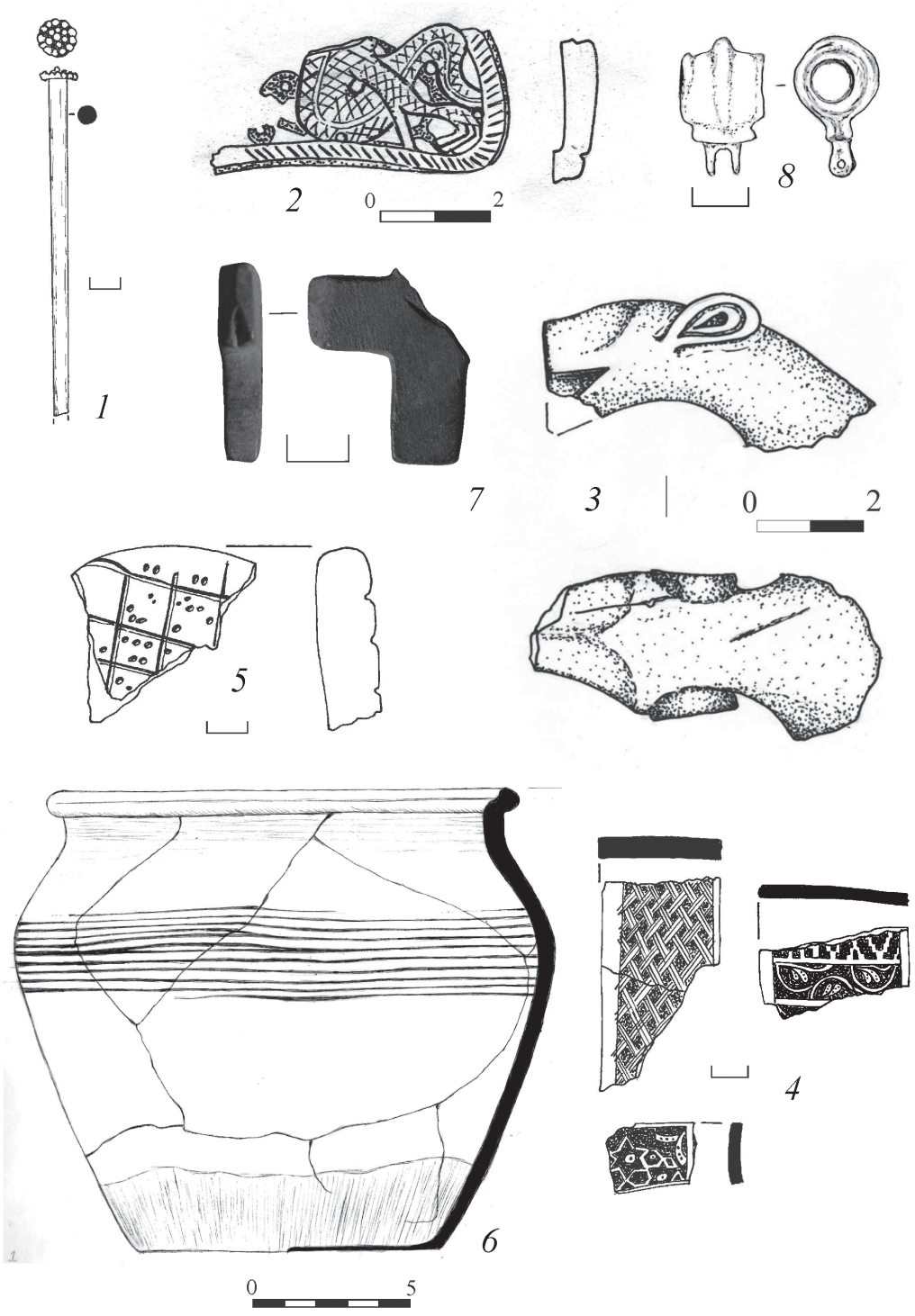


Рис. 2. Находки из слоя христианского квартала. *1* – стеклянная китайская шпилька; *2* – фрагмент костяной накладки; *3* – резная ручка деревянного ковша с изображением протомы барса; *4* – фрагменты резных деревянных пластин; *5* – фрагмент лепешки; *6* – глиняный древнерусский горшок; *7* – фрагмент каменного тельного креста; *8* – бронзовое ушко энколпиона или иконки.

дой на северо-восток. Ленточный фундамент сооружен на «грязевом» растворе из местного практически необработанного песчаника. Фундамент храма массивнее пристройки. Его высота 140-160 см, ширина в верхней части 60 см, у подошвы 70 см. Стена прослежена от поворота апсиды на запад на расстоянии 4,8 м, остальная часть уходила за линию раскопа.

Фундамент пристройки тоже возведен из дикого песчаника на «земляном» растворе в прокопанных траншеях. Его глубина – 140-160 см, толщина – 40 см. Восточная часть фундамента длиной 7,0 м, южная часть была разобрана в средневековье. Ее удалось проследить по траншее на расстоянии 5,8 м. Площадь пристройки составляла не менее 40 кв. м. Здесь имелся крупный подвал. Его деревянные стены крепились к вкопанным в землю столбам, от которых частично сохранились столбовые ямы. Внутри помещения располагались различные припасы, которые сгорели в разрушительном пожаре.

Обнаруженные находки указывают на существование здесь крупного хранилища. Деревянные обуглившиеся изделия сохранились частично. Среди них ручка ковша из липы с протомой барса (рис. 2, *3*), кленовые резные пластины шкатулки (рис. 2, *4*), многочисленные кубки, чаши и прочие сосуды из ясеня, березы и липы. Парадный сервиз представлен импортными изделиями: не менее чем 15 кашинных сосудов из Передней Азии (Кубанкин, 2012. С. 180–181. Рис. 4–7), 4 поливные чаши из Византии (Кубанкин, 2012. С. 182. Рис. 8), 1 светлоглиняный кувшин с бирюзовой глазурью по черепку из неизвестного центра (Кубанкин, 2012. С. 182. Рис. 9), фрагменты стеклянного сосуда с позолотой и эмалью. Из пищевых припасов следует отметить многочисленное скопление пшеницы и проса, ржи и овса, нута. Обнаружены два обуглившихся орнаментированных фрагмента хлебных лепешек диаметром 8-9 см при толщине 1,5 см (рис. 2, *5*). На некоторых из трапезундских амфор и амфор клейма «SSS» сохранились горелые маслянистые потеки; вероятно, в них хранилось вино. Здесь же найдены хорезмийский тарный кувшин и «критский» пифос. Встречались фрагменты обуглившейся губчатой массы, похожей на кашу, и фрагменты древнерусских горшков, куски обгоревшей ткани и меха, стеклянные и кашинные бусы, сердоликовая вставка. Эти богатства могли принадлежать не только храму. Известно, что купцы сдавали свои товары на хранение в подвалы церкви (Карпов, 1997. С. 12).

Храм 1 датируется двумя серебряными однотипными монетами – сарайскими дирхемами 68(1-3) гг. х., обнаруженными в кладке фундамента и в верхних слоях заполнения подвального помещения храма. Их хождение в денежном обороте следует датировать 1280-ми – 1310-ми гг. В соседнем раскопе в яме 10, перекрытой все тем же слоем пожара, был обнаружен медный пул Исакчи Ногая или его сына Чаки, датируемый 1290-ми – первыми годами XIII в. Итак, время строительства храма датируется не ранее 1280-х гг., время гибели – не позднее 1310-х гг. Возможно сокращение верхней границы до конца 1290-х – начала 1300-х гг. Видимо, церковь была украшена каменными блоками с резьбой и фресками (Кубанкин, 2012. С. 179. Рис. 3), а ее кровля была черепичной. Фундамент построенного позднее на месте храма здания 2 возводился из каменных блоков, предположительно, стен той же церкви. Среди них есть камень с изображением креста и следами штукатурки (рис. 1, *2*).

Временем пожара датируется яма 10 раскопа IV. В ней, помимо медной монеты Исакчи, обнаружены развал древнерусского горшка (рис. 2, *6*), маломерной плоскодонной трапезундской амфоры, красноглиняного кувшина местного производства, янтарной бусины и стеклянных сосудов.

После пожара рубежа XIII–XIV вв. территория выравнивается и вновь застраивается. Спустя некоторое время, когда над слоем пожара образовался культурный слой мощностью до 40 см, было построено еще одно здание, предположительно храм 2 (рис. 1, *3*). Частично раскопана северо-восточная часть фундамента из песчаника на «грязевом» растворе, шириной 80-100, мощность залегания 70 см. Фундамент апсиды меньше. Он залегает на глубину 50-60 см. К стене с юга прилегает фундамент колонны на извести диаметром 80 см и глубиной 90 см. Стена прослежена на расстоянии 6,3 м. Апсида ориентирована

на восток, с незначительным отклонением к северу. Не исключено, что это фрагмент трехапсидного купольного храма, однако для подобных утверждений раскопанной площади недостаточно. Стены возводились из кирпича, лекальный полукруглый кирпич использовался для апсиды или колонны, кровля черепичная. Наиболее массовый монетный материал датируется 1330-1350-ми гг., к которым вероятно следует отнести время существования храма 2. Видимо, запустение этой территории связано с эпидемий чумы, а окончательная гибель – с «великой замятней». Самая поздняя монета на раскопе III датируется 1360-1361 гг.

Изученный участок Увекского городища является местом компактного проживания христианского населения. Помимо двух разновременных храмов, в слое были обнаружены фрагмент каменного тельного крестика (рис. 2, 4), бронзовое ушко энколпиона (рис. 2, 3), а на окрестных территориях в подъемном материале встречались многочисленные предметы христианского благочестия и культа (Кубанкин, 2011. С. 155; Кубанкин, 2012. С. 176–177). Слой христианского квартала Укека отличается высоким процентом древнерусской керамики. В нижних горизонтах она достигает 26%, уменьшаясь в слоях XIV в. Подобное соотношение для золотоордынских городов следует считать высоким. На Водянском городище в раннем русском поселке начала XIV в. доля древнерусской керамики составляет 29%, а в русском квартале 1330-1360-х гг. – 15% (Лапшин, Мыськов, 2013. С. 100, 109. Табл. 1, 7). По имеющимся у нас данным, древнерусская керамика на Царевском городище составляет десятые доли процента от общего числа глиняной посуды, а на Селитренном городище равна нулю. Вместе с древнерусской керамикой и типичной золотоордынской, без выделения этнической составляющей, в слое христианского квартала Укека встречается лепная керамика, преимущественно древнемордовского облика, которая составляет около 1% от общей массы глиняных сосудов. Подобный процент для золотоордынского города следует признать высоким. Это заставляет задуматься о присутствии в квартале финно-угорского компонента. Не исключено присутствие здесь и других этносов. Исследованный участок следует считать христианским кварталом, датируемым 1270-1350-ми гг. Здесь проживало преимущественно древнерусское население, но были и представители других этносов. Находки из слоя указывают на относительно высокий материальный достаток проживавшего здесь населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горелик М.В. Золотоордынские предметы и их местные подражания в материалах древнерусских городов // КСИА. 222. М.: Наука, 2008. С. 117–125.

Карпов С.С. Когда и как возникла Тана? // ВВ. 1997. Т. 57. С. 7–22.

Кубанкин Д.А. Древнерусское население золотоордынского города Укека // Труды III (XIX) археологического съезда. Т. II. СПб. – М. – Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. С. 155–157.

Кубанкин Д.А. Русская община золотоордынского города Укека // Поволжская археология. 2012. №1. С. 172–189.

Лапшин А.С., Мыськов Е.П. Исследования на Водянском городище в 2011-2012 гг. М.: Изд-во «Перо», 2013. 216 с.

Хан Хан (Ло Юань Юань). Древнее китайское стекло (на китайском языке). Тайбей, 1999.

Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2012. 432 с.

Watt James C. Y. The World of Khubilai Khan. Chinese Art in the Yuan Dinasty. New York: Metropolitan Museum of Art, 2010. 407 p.

КЕРАМИКА ГОРОДА САРАЙ АЛ-МАХРУСА (СЕЛИТРЕННОЕ ГОРОДИЩЕ) (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ)

© 2014 г. С.А. Курочкина

Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, Йошкар-Ола (kurochkina-sveta@bk.ru)

Ключевые слова: керамическое производство, красноглиняная неполивная и поливная керамика, классификационная схема, виды изделий.

Резюме. В классификационной схеме керамики Сарай ал-Махрусы (Селитренного городища) выделяется пять уровней деления материала: Группа – Отдел – Подотдел – Вид – Вариант. В керамическом комплексе присутствуют две местные группы мастерских, изделия которых обладают определенным набором технологических и морфологических признаков. Видовой ассортимент каждой группы стандартен и однообразен. Мастерские первой группы имеют низкий производственный уровень; делают неполивную керамику; по дополнительным способам обработки поверхности изделий выделяется три подотдела. Мастерские второй группы делают неполивную и поливную керамику; в неполивной керамике по способу дополнительной обработке поверхности выделяется 4 подотдела, в поливной – 7 подотделов.

Одним из важных вопросов, связанных с изучением истории Сарай ал-Махруса, является изучение его керамического производства. Работы таких специалистов, как Ф.В. Баллод, А.Ю. Якубовский, Г.А. Федоров-Давыдов, Н.М. Булатов, С.Е. Михальченко, И.В. Волков, освещали данный вопрос. Отдельной классификационной схемы керамики Селитренного городища пока не существует, т.к. она всегда рассматривалась в комплексе с материалами других золотоордынских городищ.

В основу классификационной схемы керамики Селитренного городища положена схема классификации керамического материала, предложенная И.В. Волковым для керамики Азова XIV–XVIII вв. Также он наметил пути для выделения местной керамической школы в Сарай ал-Махруса (Волков, 1992. С. 5–20).

В целом, классификационная схема керамики Сарай ал-Махруса строится по археологически целым формам сосудов. При ее разработке были использованы технико-технологический и формально-морфологический подходы к изучению керамики.

Уровень первый: группы. Здесь керамика местного производства делится на две большие группы. В группу объединяется продукция мастерской или родственных мастерских на основании четко фиксируемых особенностей технологии. Внутри группы не всегда бывает единым весь набор технологических особенностей. В первую группу объединяется керамика, изготовленная на уровне РФК-3-4 (не выше 5). Во вторую группу объединяется керамика, изготовленная на уровне РФК 6-7 (Бобринский, 1978. С. 27).

Уровень второй: отделы. Здесь материал группируется на основании видов технологий: неполивная и поливная керамика. Внутри одной мастерской могут использоваться разные технологии.

Уровень третий: подотделы. Практически всегда внешняя поверхность керамических изделий подвергается дополнительной обработке: ангобирование, лощение, заглаживание; в поливной керамике используются различные способы нанесения росписи и разные цвета поливы.

Уровень четвертый: в его основу положены виды изделий, т.е. совокупность сосудов,

обладающих определенным набором морфологических признаков, связанных с функциональным назначением сосудов. Вид характеризует общие представления об ассортименте сосудов. Один и тот же вид изделия может быть одновременно представлен в разных отделах.

Уровень пятый: варианты. Изделия одного вида могут различаться размерами, деталями профилировки, декором. Вариант - это устойчивые разновидности технологических, морфологических признаков и размеров сосудов.

Получается следующая схема: Группа – Отдел – Подотдел – Вид – Вариант (Зеленев, Курочкина, 2009. С. 97–98).

В керамическом комплексе Сарай ал-Махруса присутствуют две группы мастерских.

Мастерские первой группы имеют низкий производственный уровень; делают неполивную керамику. В качестве исходного сырья использовались ожелезненные глины, в которые вводились органические и неорганические добавки (навоз животных, песок). Керамика изготовлена при помощи спирально-жгутового налепа (этап РФК-3-4, реже РФК-5). В материалах зафиксирован донно-емкостный начин. Программа конструирования полого тела – донно-емкостная. В придонной части излишки глины обстругивались деревянным ножом. На доньях присутствуют следы подсыпки сухой глины, следы от оси диска, невыразительный бортик. Внешняя поверхность покрыта ангобом, залощена, заглажена рукой. Обжиг изделий неравномерный, но сквозной. Цвет черепка колеблется от кирпично-красного до малинового, коричневого цветов. Орнамент представлен рифлением, налепными валиками, врезными горизонтальными и волнистыми линиями, фестонами, арками.

Первая группа представлена одним отделом: неполивная керамика. Дополнительные способы обработки поверхности (ДОП) позволяют выделить *3 подотдела*.

Подотдел 1 – неполивная керамика без ангоба, без лощения, представлен 11 видами: хумы (по морфологическим особенностям, размерам тулова, форме горла с венчиком выделяется 5 вариантов), хумчи (по особенностям формы тулова выделяется 4 варианта), тарные кувшины (по особенностям тулова, форме горла с венчиком, по месту прилепа ручек выделяется 5 вариантов), кувшины (по размерам, особенностям формы тулова и венчика выделяется 5 вариантов), амфоровидные кувшины (по особенностям формы тулова выделяется 3 варианта), горшки (по особенностям формы и размерам тулова, форме горла с венчиком, по количеству и месту прилепа ручек выделяется 10 вариантов), котлы (по особенностям формы тулова, форме горла с венчиком, по месту прилепа ручек выделяется 5 вариантов), тазы (по особенностям формы венчика выделяется 3 варианта), тагора (ямы) (по особенностям формы венчика выделяется 2 варианта), крышки (по форме внутренней поверхности диска крышки, оформлению его закраины и ручке выделяются 2 варианта), трубы (по особенностям формы и размерам выделяется 3 варианта).

Подотдел 2 – неполивная керамика с ангобом, представлен 1 видом: тазы (по форме тулова, размерам не отличаются от сосудов 1 подотдела).

Подотдел 3 – неполивная керамика с лощением, представлен 1 видом: тагора (по форме тулова и размерам не отличаются от сосудов 1 подотдела).

Мастерские второй группы делают неполивную и поливную керамику. В качестве исходного сырья использовалась ожелезненная глина, в которую в качестве примеси вводили песок мелкой фракции. Небольшие сосуды вытягивались из одного куска глины (уровень РФК-7 (6-7)), большие изготавливались при помощи спирально-жгутового налепа (уровень РФК-5-6). В материалах фиксируется донно-емкостная программа конструирования полого тела. По характеру ДОП неполивных изделий выделяется 4 подотдела, поливных изделий 7. Большую часть ассортимента поливной красноглиняной керамики составляют чашеобразные сосуды на кольцевых поддонах, которые по способу изготовления бывают вырезанными или налепленными. На доньях сосудов видны следы среза нитью с круга. Обжиг изделий сплошной, равномерный. Цвет черепка кирпично-красный.

Вторая группа представлена двумя отделами: неполивная и поливная керамика.

Отдел 1 – неполивная керамика, в нем по способу ДОП выделяется *4 подотдела*.

Подотдел 1 – неполивная керамика без ангоба, без лощения, представлен 12 видами: кувшины (по размерам, особенностям формы тулова и венчика, месту прилепа верхнего конца ручки выделяется 10 вариантов), афтоба (по размерам, особенностям формы горла и венчика выделяется 6 вариантов), кувшинчики (по особенностям и размерам выделяется 11 вариантов), горшки (по размерам и особенностям формы тулова выделяется 2 варианта), дигири (по форме венчика и ножки выделяется 2 варианта), миски (по объему, размерам, форме венчика выделяется 6 вариантов), чаши (1 вариант), туваки (по особенностям формы тулова и венчика выделяется 4 варианта), лампы-светильники (по размерам и особенностям формы тулова выделяется 2 варианта), лампы-подсвечники (выделяется 2 варианта), копилки (по особенностям формы тулова выделяется 5 вариантов), крышки (по особенностям формы выделяется 7 вариантов).

Подотдел 2 – неполивная керамика с ангобом, представлен 5 видами: афтоба (не отличаются от изделий 1 подотдела 2 группы), чаши (1 вариант), тазы и тагора (не отличаются от изделий 1 группы), крышки (выделяется 2 варианта).

Подотдел 3 – неполивная керамика с лощением, представлен 2 видами: афтоба (от изделий 1 подотдела отличаются размерами), тагора (не отличаются от изделий 1 группы).

Подотдел 4 – неполивная керамика с ангобом и лощением, представлен 1 видом: афтоба (изделия не отличаются от сосудов 1 подотдела 2 группы).

Отдел II – поливная керамика, в нем по способу ДОП выделяется 7 подотделов.

Подотдел 1 – с зеленой поливой по ангобной подгрунтовке, представлен 7 видами: кувшины (по особенностям формы тулова выделяется 2 варианта), афтоба (по форме тулова и размерам выделяется 2 варианта), альбарелло (по морфологическим особенностям и размерам выделяется 4 варианта), туваки (1 вариант), чаши (по форме и размерам тулова, способу изготовления поддона выделяется 5 вариантов), чаши-пиалы (по способу изготовления поддона выделяется 2 варианта), крышки (1 вариант).

Подотдел 2 – с зеленой поливой с гравировкой и резервом (сграффито), представлен 3 видами: чаши (3 варианта), чаши-кубки (1 вариант), миски (1 вариант).

Подотдел 3 – с зеленой поливой с росписью ангобом, представлен 1 видом: чаши (2 варианта).

Подотдел 4 – с желтой поливой по ангобной подгрунтовке, представлен 2 видами: чаши (1 вариант), чаши-пиалы (1 вариант).

Подотдел 5 – с желтой поливой с гравировкой и резервом (сграффито), представлен 1 видом изделий: чаши (1 вариант).

Подотдел 6 – с желтой поливой с росписью ангобом, представлен 1 видом: чаши (1 вариант).

Подотдел 7 – с бирюзовой поливой с росписью ангобом, представлен 1 видом: чаши (1 вариант).

Таким образом, в керамическом комплексе Сарай ал-Махруса присутствуют две группы мастерских, изделия которых обладают определенным набором технологических и морфологических признаков. Видовой ассортимент каждой группы стандартен и однообразен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 278 с.

Волков И.В. Керамика Азова XIV–XVIII вв. (классификация и датировка). Автореферат дисс…канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1992. 24 с.

Зеленев Ю.А., Курочкина С.А. Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (результаты археологических исследований на Царевском городище в 1994-2000 гг.). Йошкар-Ола, 2009. 264 с.

СТРАТИФИЦИРОВАННЫЙ КОМПЛЕКС НАЧАЛА 30-Х ГГ. XIV В. НА ВОДЯНСКОМ ГОРОДИЩЕ (К ВОПРОСУ О НАЧАЛЬНОЙ ДАТЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА)

© 2014 г. А.С. Лапшин

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград (alapsh@mail.ru)

Ключевые слова: Золотая Орда, Водянского городище, стратиграфия, датировка, русский поселок, керамика, медные монеты, стеклянная бусина, землянка.

Резюме. В 2013 г. на Водянском городище обнаружен комплекс, фиксирующий прямую стратиграфию русских и золотоордынских объектов. Котлован землянки 4 и хозяйственная яма 121, связанные с русским населением поселка первой четверти XIV в. перекрывались более поздней золотоордынской землянкой 3. Этот объект представляет собой, жилище первых переселенцев-мусульман на Водянском городище. В основании цоколя землянки обнаружены стеклянная полихромная бусина и поливной сосуд, которые являлись закладными вещами и выполняли функцию оберегов сооружения. Землянка 3 надежно датируется медными монетами 1330-31 гг., что указывает на начальную дату появления на Водянском городище собственно золотоордынских (мусульманских) жилых и хозяйственных комплексов. С начала 30-х гг. XIV в. можно предполагать и первый период строительства золотоордынского города на месте Водянского городища. Более ранние нумизматические материалы на Водянском городище (медные пулы 20-х гг. XIV в.) связываются исключительно с жилыми и хозяйственными комплексами русского населения.

В 2013 г. Волго-Ахтубинская археологическая экспедиция ВГСПУ и ВООО «ВДАО» продолжила планомерные исследования разрушающихся участков Водянского городища, расположенного у г. Дубовки Волгоградской области. В результате проведенных работ в раскопе I 2013 г. был исследован стратифицированный комплекс из котлованов двух землянок и хозяйственных ям. За предыдущие годы исследований установлено, что на месте Водянского городища в первой четверти XIV в. был основан так называемый русский поселок, который существовал здесь до начала активного строительства золотоордынского города (Мыськов, 2001. С. 252; Мыськов, 2010. С. 320; Лапшин, Мыськов, 2011. С. 80). В 30-40-х гг. XIV в. площадь городища была занята кварталами, застроенными жилыми домами с традиционной золотоордынской планировкой, общественными и производственными сооружениями. Такие датировки хорошо подтверждаются материалами, обнаруженными в раскопе 2013 г. Котлован землянки 4 и хозяйственная яма 121, связанные с русским населением поселка 20-х гг. XIV в. перекрывались землянкой 3, строительство которой датируется 1330-31 гг.

В южной части раскопа выявлено и исследовано сооружение (землянка 3), состоящее из заглубленного в материк котлована и четырехстенного сруба на каменном цоколе, установленного на его дне. Объект исследован частично, так как южная часть котлована уходила за пределы раскопа. Сооружение представляло собой глубокий котлован подпрямоугольной формы с сильно скругленными углами на дне которого сохранились остатки бревенчатого сруба прямоугольной формы на каменном цоколе (рис. 1). Судя по исследованной части, котлован был ориентирован по линии С-Ю. Длина его исследованной части по линии З-В – 5,6 м, ширина по линии С-Ю – 1,5 м. Его западная и восточная стенки были слегка закошены и сужались ко дну, а северная стенка была отвесной. На дне котлована выявлен сруб из бревен, уложенных на

каменный цоколь (рис. 1). Сруб ограничивал, по-видимому, жилое помещение землянки 3 и, судя по исследованной северной части, был четырехстенным и имел прямоугольную форму ориентированную почти точно по сторонам света. От северной и западной стенки сруба сохранился лишь 1 нижний ряд бревен, а от восточной – 3 ряда бревен. Диаметр бревен сруба от 10 до 18 см. Бревна были уложены друг на друга, а угловые соединения были выполнены с остатком «в обло» или «в чашу». Это удалось проследить в относительно неплохо сохранившемся северо-западном углу сруба. В верхней части бревна северной стенки был вырублен односторонний паз в виде округлой чаши, куда укладывалось бревно восточной стенки. Бревна сруба были уложены на каменный цоколь, который повторял периметр сруба и состоял из плоских бутовых камней различного размера уложенных в один ряд вплотную друг к другу без связующего раствора. Ширина кладки составляла до 0,5 метра. Между камней цоколя с наружной стороны северо-западного угла сруба была положена крупная стеклянная полихромная бусина (рис. 2, *4*). Основанием заполнения котлована землянки 3, на котором залегали камни цоколя и стены сруба, являлся слой достаточно плотной, слежавшейся или плотно утрамбованной, темно-коричневой супеси. Этот слой был насыпан для выравнивания дна котлована, не содержал находок и являлся полом жилого помещения землянки. В этом нивелировочном слое, под цоколем, было найдено целое тулово поливного красноглиняного штампованного сосуда, уложенного на бок (рис. 2, *1*).

Пространство между материковыми стенками котлована и срубом, сооруженным внутри, в целях гидроизоляции и утепления жилища, было заполнено многослойной забутовкой, состоящей из рыхлой золистой супеси с большим количеством мелких углей и фрагментов внутренней глиняной обмазки тандыра. Впоследствии после завершения функционирования землянки, бревна сруба, очевидно, были разобраны. Но в профиле южной стенки раскопа было хорошо видно, что забутовка между восточной стенкой котлована и срубом имела четкую границу, проходящую по вертикальному уровню расположения нижнего венца сруба (рис. 1). Такая четкая граница забутовки, которая упиралась в стенку сруба, прослеживалась в высоту на 1 м, что указывает на высоту бревенчатых стен землянки.

Сверху землянка 3 была перекрыта более поздними культурными напластованиями, а восточная стенка ее котлована была нарушена ямой 116. Заполнение котлована землянки 3 состояло из многочисленных слоев и прослоек различной мощности, что хорошо фиксировалось в южной стенке раскопа. В заполнении котлована найдено большое количество фрагментов красноглиняной гончарной керамики. Судя по тому, что большинство слоев заполнения залегали наклонно и между ними имелись тонкие почти стерильные прослойки можно говорить о том, что после окончания функционирования землянки ее котлован оставался открытым и заполнялся постепенно. Эта постройка, по всей видимости, полуземляночного типа, сооружена и функционировала в самом начале 30-х гг. XIV в., что надежно подтверждается шестью медными монетами чекана Сарая 731 г.х. (определения Е.Ю. Гончарова). Следует отметить, что три из них обнаружены не просто в заполнении, а между камней цоколя и в забутовке между стенами сруба и стенками котлована, то есть достоверно связаны с самим объектом.

В профиле южной стенки раскопа было хорошо видно, что котлован землянки 3 перекрывал более ранний котлован, условно названный землянкой 4. Очевидно, что при сооружении землянки 3 был использован уже существующий котлован более ранней землянки. Об этом четко свидетельствует тот факт, что большая часть срубной конструкции и каменного цоколя землянки 3 просела в заполнение более раннего котлована.

Заполнение котлована землянки 4 состояло из слоев песка и наклонно залегавших прослоек серо-коричневой супеси. Судя по однородности заполнения и залегавшим наклонно ко дну прослойкам песка, котлован землянки 4 был заполнен в короткий промежуток времени, возможно, даже единовременно. Заполнение котлована землянки 4 было прорезано ямой 121. Монеты и фрагменты керамики, найденные в заполнении ямы 121 и котлована землянки 4, указывают на то, что эти объекты

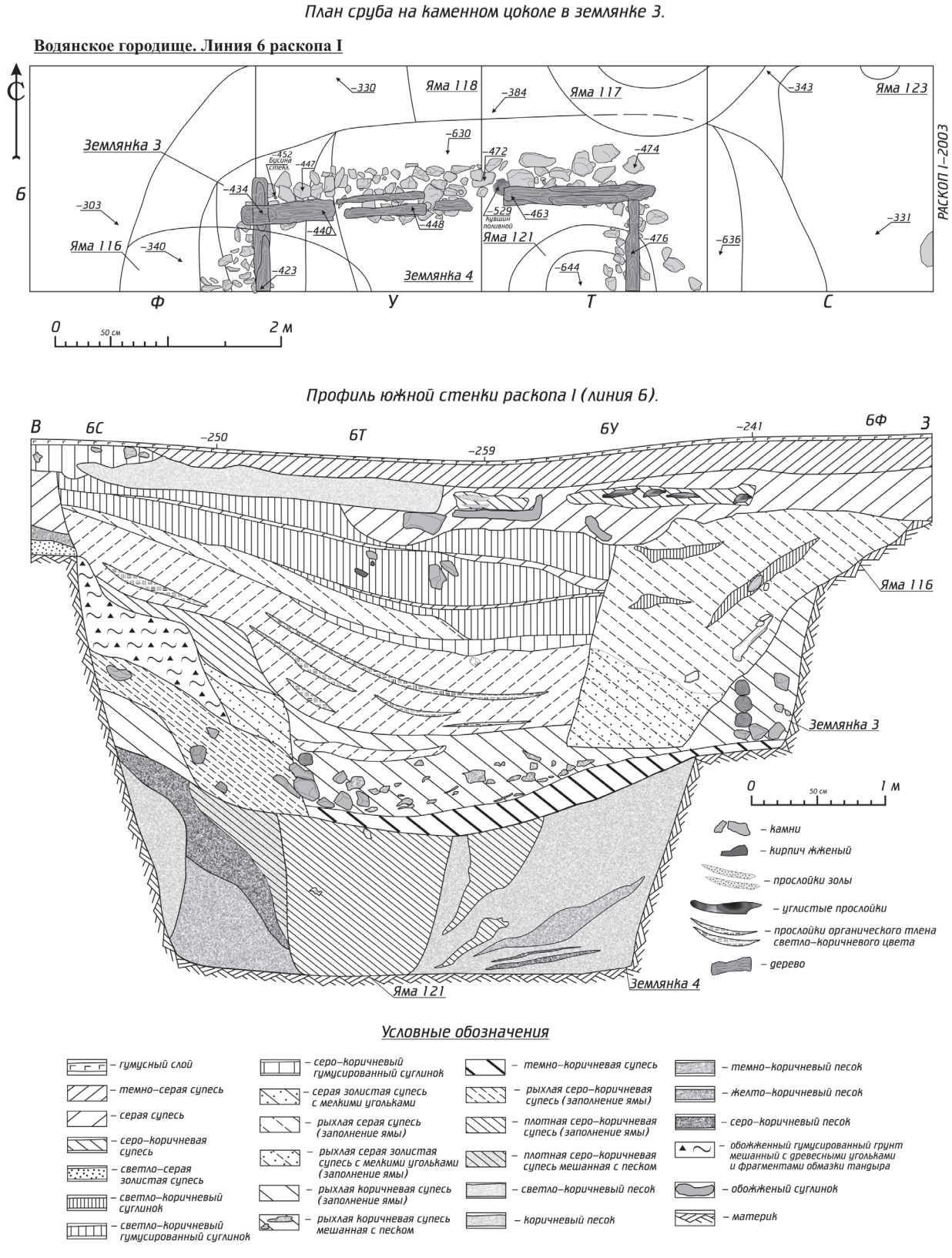


Рис. 1. Водянское городище. Раскоп I-2013. П лан сруба на каменном цоколе в землянке 3 и профиль южной стенки раскопа.

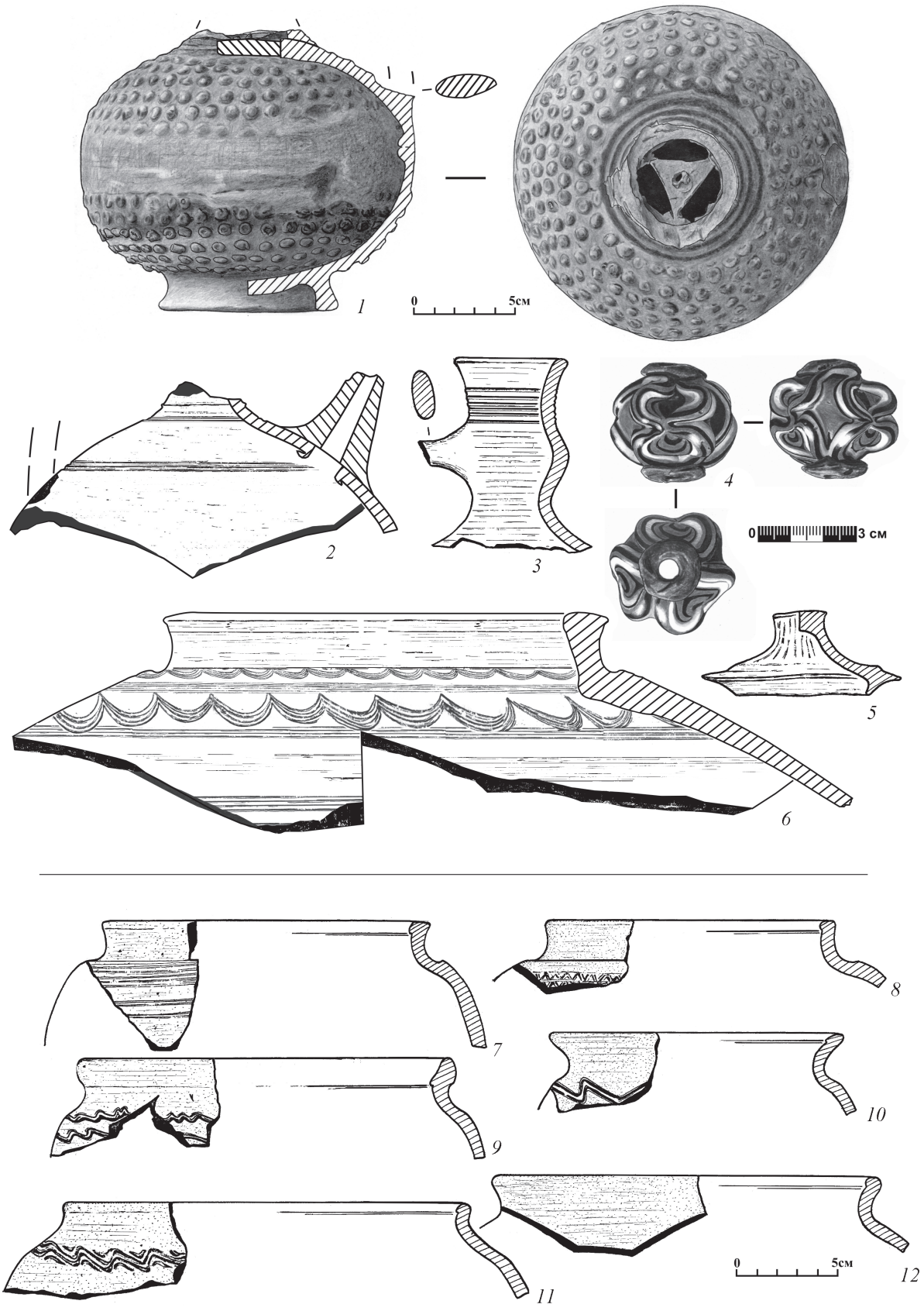


Рис. 2. Водянское городище. Раскоп I-2013. *1–3, 5–6* – красноглиняная керамика; *4* – стеклянная бусина из заполнения землянки 3; 7–10 – русская керамика из заполнения землянки 4; *11, 12* – ямы 121.

хронологически близки между собой и, безусловно, связаны с деятельностью русского населения (рис. 2, *7–12*). Яма 121 датируется двумя медными монетами чекана Сарая 726 г.х. с изображением сокола, идущего влево. Это комплексы так называемого русского поселка начала XIV в., возникшего на месте Водянского городища до строительства золотоордынского города. Интересно отметить, что в 2004 г. в 4 м от раскопа I 2013 г. была исследована русская землянка 20-х гг. XIV в., которая состояла из прямоугольного жилого помещения с глинобитной печью в северо-восточном углу и входа-тамбура в южной части котлована (Мыськов, 2004. С. 27-29. Рис. 11, 37, 38).

Таким образом, в 2013 г. на Водянском городище обнаружен комплекс, фиксирующий прямую стратиграфию русских и собственно золотоордынских объектов. Землянка 3 относится ко времени начального периода строительства золотоордынского города на месте Водянского городища. В заполнении ее котлована найдено большое количество красноглиняной гончарной керамики, в том числе и целые формы (рис. 2, *2, 3, 5, 6*). Под каменным цоколем постройки обнаружено тулово красноглиняного поливного штампованного сосуда с рельефным орнаментом (рис. 2, *1*). Судя по форме, зеленому цвету поливы и характерной структуре глиняного теста, он произведен в гончарной мастерской одного из городов юго-восточного Крыма. Сосуд был снабжен оригинальным дозатором (?) жидкости в виде керамического треугольника, вставленного в основании горла. На камни цоколя, при его сооружении, была положена крупная стеклянная полихромная бусина оригинальной формы, изготовленная в сложной технике навивки жгутов из чередующихся нитей глухого стекла черного, вишнево-красного, белого и желтого цветов (рис. 2, *4*). Бусина и сосуд являлись закладными вещами и, очевидно, выполняли функцию оберегов сооружения. Подобная бусина, также помещенная среди камней фундамента одного из зданий, найдена в Азаке (Масловский, 2002. С. 217. Рис. 4). Наиболее вероятно, что, землянка 3, выявленная в раскопе I 2013 г., представляет собой, жилище первых переселенцев-мусульман на Водянском городище. Жилища такой конструкции можно достаточно быстро построить на новом месте, чтобы обеспечить самые необходимые бытовые условия. Поэтому, не исключено, что это сооружение предназначалось для временного проживания его хозяев, и функционировало в период строительства жилых домов и общественных зданий наземного типа традиционной золотоордынской архитектуры. Датировка этого объекта 1330-31 гг. важна тем, что указывает на начальную дату появления на Водянском городище собственно золотоордынских (мусульманских) жилых и хозяйственных комплексов. Очевидно, что не ранее этой даты, было начато строительство золотоордынского города на месте Водянского городища. Аналогичную датировку и археологическую культурную принадлежность имеет и небольшой обжигательный горн, сложенный из сырцовых кирпичей, который был исследован в 2011 г. (Лапшин, Мыськов, 2013. С. 89–90). До этого времени более ранние нумизматические материалы (медные пулы 20-х гг. XIV в.) связываются исключительно с жилыми и хозяйственными комплексами русского населения. Русский поселок, который существовал здесь в первой четверти XIV в. и представлял собой отдельно стоящие подворья без какой-либо планировки, в самом начале 30-х гг. XIV в. был ликвидирован, в связи с началом масштабного городского строительства. Русское население было переселено на ограниченную территорию городища в его юго-восточной части, которая получила в литературе название русского квартала, который датируется 30-60-ми гг. XIV в. (Мыськов, 2001. С. 255; Мыськов, 2010. С. 320–321; Лапшин, Мыськов, 2011. С. 80).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лапшин А.С., Мыськов Е.П. Исследования на Водянском городище в 2009-2010 гг. Волгоград: ООО «Царицынская полиграфическая компания», 2011. 174 с.

Лапшин А.С., Мыськов Е.П. Исследования на Водянском городище в 2011-2012 гг. М.: Издательство «Перо», 2013. 216 с.

Масловский А.Н. Раскопки в Азове // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 году. Вып. 18 / Отв. ред. В.Я. Ки-